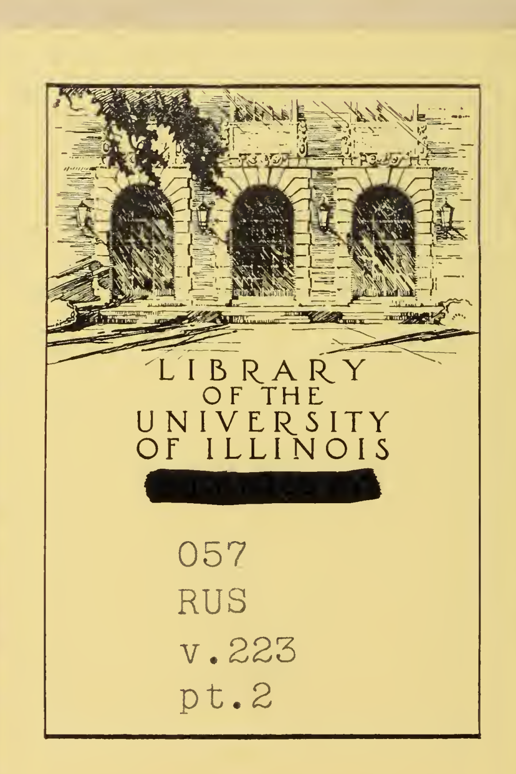



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
[redacted]
057
RUS
v.223
pt.2

Вышелъ 8-го декабря.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1892.

ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДЕБЮТАНТКА.

Новелла Е. П. Базанъ.

(Съ испанскаго).

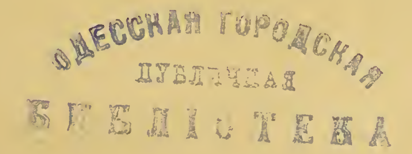


РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1892.

Декабрь.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1892.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Русскій Вѣстникъ въ 1893 году.

Послѣ пяти лѣтъ изданія мы находимъ излишними какія-либо объясненія съ нашими читателями относительно плана, направленія и т. п., ибо послѣдовательность и твердость проведенія програмы и интересъ состава книгъ — все это не можетъ теперь, полагаемъ, оставлять мѣсто какимъ-либо недоразумѣніямъ. Изъ многочисленныхъ писемъ къ намъ нашихъ подписчиковъ мы видимъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія, что нравственная связь ихъ съ журналомъ установилась вполнѣ. Нечего и говорить, что и впредь, какъ было доселѣ, личный элементъ и личная полемика нами безусловно исключаются, ибо своими счетами мы не почитаемъ себя вправѣ занимать читателей.

Въ январьской и слѣдующихъ книгахъ «Русскаго Вѣстника» 1893 года появятся, между прочими, слѣдующія произведенія:

Стихотворенія: **А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, графа А. А. Голенищева-Кутузова, Н. П—о, К. К. Случевскаго, М. К., Вс. С. Соловьева, С. А. Сафонова** и друг.

Романъ **Вс. Вл. Крестовскаго**. Статьи **С. С. Татищева** Романъ **Дм. Ив. Стахѣева**. Повѣсть **Н. А. Щербина**. Повѣсть **Д. М. Позняка**. Повѣсти **П. П. Гнѣдича**. Статьи **Н. А. Любимова**. Повѣсти **В. В. Романова**. Разсказы **И. Ѳ. Горбунова**. Романъ **Н. И. Павловой**. Разсказы **С. К. Литвина**. „Наше среднее образованіе", статьи **В. В. Розанова**. „Феодализмъ и закрѣпощеніе въ Закавказьи", статьи **Н. М. Кучаева**. „Изъ прошлаго нашей литературы", статьи **М. Г. Ю—аго**. Литературно-критическія статьи **Ю. Н. Елагина**. „Письма объ искусствѣ" **П. П. Гнѣдича, Д. К—ва** и друг.

Литературные портреты: А. Ѳ. Писемскій, К. К. Случевскій Вс. В. Крестовскій, Л. А. Мей и друг. Статьи **С. А. С—ва**.

*

„Въ Русскомъ Вѣстникѣ" принимаютъ участіе:

Л. И. Асташевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, П. Е. Астафьевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. П. Барсуковъ, А. П. Барсуковъ, И. А. Бычковъ, А. Г. Брикнеръ, И. Н. Божеряновъ, Н. Е. Боратынскій, Г. И. Бобриковъ, Л. Б. Борисовичъ, К. А. Бороздинъ, А. К. Бороздинъ, А. С. Бѣломоръ, П. А. Висковатовъ, А. И. Воейковъ, А. А. Велицынъ, М. А. Веневитиновъ, кн. М. Н. Волконскій, Д. В. Григоровичъ, П. П. Гнѣдичъ, А. И. Георгіевскій, К. Ѳ. Головинъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, И. Ѳ. Горбуновъ, А. Д. Галаховъ, Н. А. Горбовъ, Я. К. Гротъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Ю. Н. Елагинъ, Ѳ. П. Еленевъ, А. В. Елисѣевъ, Е. Е. Замысловскій, А. И. Забѣлинъ, А. В. Захаровъ, М. Г. Зельмановъ, И. И. Зарубинъ, Д. И. Иловайскій, А. С. Іонинъ, Вс. Вл. Крестовскій, П. А. Козловъ, А. Ѳ. Копыловъ, А. А. Катенинъ, И. П. Корниловъ, Ю. А. Кулаковскій, В. С. Кривенко, М. Н. Кучаевъ, Н. А. Любимовъ, Г. А. Ларошъ, К. Е. Линдеманъ, С. К. Литвинъ, А. П. Милюковъ, П. А. Матвѣевъ, А. Н. Майковъ, Л. Н. Майковъ, А. Я. Максимовъ, Ев. Л. Марковъ, Н. И. Мердеръ, А. П. Мальшинскій, С. В. Назаревскій, Е. Н. Опочининъ, К. П. Побѣдоносцевъ, С. В. Петровъ-Батуричъ, Я. П. Полонскій, Д. М. Познякъ, Н. П. Покровскій, А. Д. Погодинъ, С. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, С. А. Сафоновъ, Н. Н. Страховъ, Н. П. Семеновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. С. Солмоновъ, Вс. Серг. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, К. К. Случевскій, М. И. Сухомлиновъ, С. С. Татищевъ, В. А. Тепловъ, В. К. Трутовскій, К. В. Тхоржевскій, С. С. Трубачевъ, кн. Э. Э. Ухтомскій, А. А. Фетъ, И. П. Филевичъ, И. П. Хрущевъ, И. В. Цвѣтаевъ, М. Г. Черняевъ, И. С. Чехъ, Н. К. Шильдеръ, А. С. Шишковъ, Н. В. Щербань, Н. А. Щербинъ, А. Н. Энгельгартъ, К. Н. Ярошъ и друг.

Платная подписка въ 1892 году выразилась слѣдующими точными по мѣстностямъ цифрами: въ С.-Петербургѣ и Спб. уѣздѣ—1026 экз., изъ нихъ въ Императорскихъ дворцахъ 38 экз. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ, ВЪ ПОКОИ АВГУСТѢЙШИХЪ ДѢТЕЙ, Е. И. ВЫСОЧ. ВЕЛ. КН. ВЛАДИМІРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и другимъ членамъ Августѣйшей фамиліи.

Въ Москвѣ всего 518, изъ нихъ 50 экз. въ уѣздахъ.

По губерніямъ:	Губ. гор.	Уѣзды.	Всего.
Архангельская	11	7	**18**
Астраханская	23	17	**40**
Бессарабская	21	12	**33**
Виленская	39	21	**60**
Владимірская	17	16	**33**
Вологодская	18	16	**34**
Волынская	12	27	**39**
Воронежская	23	30	**53**
Вятская	14	27	**41**
Гродненская	15	17	**32**
Обл. Войска Донск.	20	30	**50**
Екатеринославск.	28	39	**67**
Казанская	61	27	**88**
Калужская	25	26	**51**
Кіевская	84	45	**129**
Ковенская	18	22	**40**
Костромская	13	19	**32**
Курляндская	5	9	**14**
Курская	24	32	**56**
Лифляндская	24	8	**32**
Минская	12	18	**30**
Могилевская	10	23	**33**
Нижегородская	30	38	**68**
Новгородская	14	33	**47**
Олонецкая	12	5	**17**
Оренбургская	23	19	**42**
Орловская	27	30	**57**
Пензенская	22	37	**59**
Пермская	13	25	**38**
Подольская	10	29	**39**
Полтавская	14	23	**37**
Псковская	17	26	**43**
Рязанская	14	32	**46**
Самарская	14	21	**35**

По губерніямъ:	Губ. гор.	Уѣзды.	Всего.
Саратовская	22	19	**41**
Симбирская	15	24	**39**
Смоленская	19	27	**46**
Тамбовская	30	21	**51**
Таврическая	14	39	**53**
Тверская	18	37	**55**
Тульская	20	28	**48**
Уфимская	15	23	**38**
Харьковская	60	52	**112**
Херсонская (Одесса)	42	54	**99**
Черниговская	20	37	**57**
Эстляндская	6	8	**14**
Ярославская	20	23	**43**
			3765

Губ. Привисл. края (Варш. 88)	352
Кавказъ. (Тифлисъ 44)	196
Финляндія	29
Сред. Азія (Ташкентъ 35)	102
Сибирь (Иркутск. 23 Томск. 17)	312
За границу	69
	1060
Принадлеж. сотрудникамъ	112
	4937
Безъ доставки въ конторѣ	63
	5000

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкою **шестнадцать рублей**, съ пересылкою во всѣ города Россіи **семнадцать рублей**.

Допускается взносъ въ два срока, а именно: при подпискѣ **девять рублей**, а остальная сумма къ 1-му іюня.

За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черно-

горію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, **18 руб.** Въ прочія мѣста за границей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ С.-Петербургѣ: для городскихъ — въ конторѣ журнала „Русскій Вѣстникъ“, Большая Морская 30, въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Товар. „Общ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Моск. Вѣдомостей“—на Страст. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

Иногородныхъ просятъ непремѣнно адресоваться прямо въ Спб., Большая Морская, 30.

Королева Виртембергская Ольга Николаевна.

Кончина вдовствующей королевы Виртембергской повергла всю страну ту въ глубокую скорбь.

Въ проповѣдяхъ и газетныхъ статьяхъ слышался голосъ народа. Рядомъ съ оцѣнкою благотворительности и достоинствъ покойной королевы появились подробныя свѣдѣнія о ея послѣднихъ дняхъ и воспоминанія о прежнихъ годахъ. Къ этому присоединились самыя точныя описанія отданія послѣдняго долга и почестей останкамъ почившей. Все это дошло до насъ, русскихъ, въ очень небольшихъ размѣрахъ.

Считаемъ своевременнымъ, собравъ факты изъ виртембергскихъ органовъ печати и изъ писемъ близкихъ къ королевѣ лицъ къ русскимъ друзьямъ, представить общую картину разставанья виртембергскаго народа съ любимою королевою, начиная со скорбной лѣтописи послѣднихъ дней ея жизни.

Дополнить очеркъ свойствъ и достоинствъ покойной королевы Ольги Николаевны воспоминаніями изъ русской жизни представлялось намъ долгомъ душевной привязанности и личной благодарности. Не имѣя достаточно данныхъ для полной біографіи, для которой еще и время не настало, мы имѣемъ намѣреніе подѣлиться съ читателемъ и тѣмъ, что̀ намъ извѣстно отъ живыхъ и умершихъ свидѣтелей, что̀ вынесено нами изъ собственныхъ воспоминаній. Это нашъ вѣнокъ на еще свѣжую могилу.

I.

Послѣдніе дни жизни; кончина.—Рѣчь представителя столицы.—Погребеніе: въ Фридрихсгафенѣ, на желѣзной дорогѣ, въ русской церкви, въ мраморномъ залѣ—рѣчь надгробная.—На улицѣ, въ капеллѣ—два надгробныхъ слова.—Газеты о королевѣ.—Муза Уланда.

Боденское озеро (Boden-See, lac de Constance) пріѣзжающаго въ первый разъ къ его берегамъ поражаетъ чуднымъ зеленымъ цвѣтомъ своей воды. Оно не окружено горами, но горы гля-

дятъ на него издали. Отлогіе берега озера оживлены городами и мѣстечками. На сѣверномъ берегу начинается земля Виртембергскаго королевства, и здѣсь стоитъ городъ Фридрихсгафенъ и близъ него королевскій дворецъ съ садомъ—съ широкимъ видомъ на озеро и на противуположный швейцарскій берегъ, гдѣ тянутся Альгейскія предгорья, а за ними цѣпь Апенцельскихъ альповъ со снѣжной вершиной Сентиса. Въ хорошую погоду съ башни, выстроенной въ саду королевскаго замка, видны еще и другія покрытыя снѣгомъ вершины. Фридрихсгафенскій замокъ былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ короля Карла I-го и королевы Ольги Николаевны. Ихъ Величества обыкновенно проводили весну и первый мѣсяцъ лѣта въ своей виллѣ—близъ Канштадта и Берга (въ окрестностяхъ Штутгарта), а потомъ переѣзжали въ Фридрихсгафенъ. Фридрихсгафенъ видѣлъ не разъ гостями королевской четы вѣнценосцевъ, начиная съ покойнаго Государя Александра Николаевича и всѣхъ близкихъ родственниковъ Ольги Николаевны.

Нынѣшнее лѣто (первое ея вдовства) королева провела въ Фридрихсгафенѣ всецѣло. Въ іюнѣ она предполагала поѣхать на родину, въ Петербургъ, но болѣзнь, развившаяся въ теченіе нынѣшняго года, помѣшала ей исполнить свое пламенное желаніе. Въ августѣ болѣзнь настолько обострилась, что стала говорить объ опасности, но близкой кончины еще не предвидѣли. 26 сентября (нашего стиля) у королевы оказалось острое воспаленіе легкихъ. Это состояніе здоровья обнаружилось въ то самое время, какъ королева собиралась въ Штутгартъ помолиться въ годовой день на могилѣ супруга. Врачи противились этой поѣздкѣ, въ особенности же посѣщенію склепа, а при новыхъ угрожающихъ симптомахъ и сама больная поняла, что ей не до поѣздокъ.

При королевѣ находились великая княгиня Вѣра Константиновна съ двумя принцессами-дочерьми и духовникъ, протоіерей Иванъ Ивановичъ Базаровъ. Врачи и духовникъ, согласно заранѣе данному обѣщанію, объяснили королевѣ опасность ея положенія. Покорно, безропотно приняла она это извѣстіе, какъ волю Божію, и уже 27-го сентября приступила къ исповѣди и причащенію Св. Таинъ. Слабѣвшая день ото дня, но въ полной памяти, Ольга Николаевна призывала къ себѣ всѣхъ близкихъ, со всѣми прощалась и каждому сказала нѣсколько утѣшительныхъ словъ—какъ только умѣла говорить она—озаряя собесѣдника ласкою и поразительнымъ вниманіемъ.

Она знала не только горе, но заботу, тревогу каждаго изъ приближенныхъ къ ней. Въ эти дни вспоминала она и о русскихъ друзьяхъ своихъ письменно, черезъ приближенныхъ, освѣдомлялась о томъ, кто нездоровъ. Пересылала поклоны, сочувствіе... Въ эти же дни королева вспомнила о своемъ дорогомъ Царскосельскомъ Училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія.

26-го числа, т. е. наканунѣ причащенія Св. Таинъ, прибыла въ Фридрихсгафенъ королева Шарлота, супруга царствующаго короля, а 27-го прибыла принцесса Баденская Марія Максиміліановна. Ея высочество была связана тѣсною дружбою съ царственною теткой и въ это послѣднее лѣто подолгу проживала въ Фридрихсгафенѣ. 29 числа прибыла изъ Петербурга великая княгиня Александра Іосифовна.

4-го октября критическій періодъ воспаленія легкихъ миновалъ; послѣдовало улучшеніе. Тогда королева Шарлота уѣхала обратно въ Штутгартъ. Слѣдующія двѣ недѣли перемѣнъ въ ходѣ болѣзни не было. 13-го октября пріѣхала навѣстить августѣйшую больную изъ Зигмарингена великая княгиня Марія Александровна. 14-го было прекращено печатаніе бюллетеней; тогда и принцесса Марія Максиміліановна отбыла въ Карлсруэ. Между тѣмъ силы королевы слабѣли: она съ трудомъ стала говорить, но все же находилась въ полной памяти.

18-го октября больная была уже въ забытьи, но скоро состояніе это перешло въ сонъ, какъ гласилъ бюллетень. „Послѣ трехъ-часоваго сна опять началось забытье, а потомъ усиленное дыханіе и мгновенное ослабленіе пульса". 18-го октября, въ седьмомъ часу вечера, у больной замѣчено было хриплое дыханіе. Отецъ Іоаннъ, духовникъ Ея Величества, успѣлъ прочесть отходную.

Въ 7 часовъ и 5 минутъ наступила тихая, какъ сонъ, кончина. Придворные врачи Штигеле и Зикъ признали кончину отъ „Lungen und Herzlähmung", т. е. отъ паралича легкихъ и сердца. У постели умирающей находились великія княгини Александра Іосифовна и Вѣра Константиновна и юныя принцессы Виртембергскія Эльза и Ольга.

На слѣдующее утро послѣдовало оффиціальное извѣщеніе о кончинѣ „Ея Величества вдовствующей королевы Ольги". Она скончалась,—сказано въ немъ,—послѣ страданій, перенесенныхъ ею съ христіанскимъ терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей. „Кончина эта повергла въ глубокую печаль всю коро-

левскую фамилію, въ особенности же короля и королеву, которые были искренно дружны съ покойной и высоко чтили ее, а также и ея императорское высочество герцогиню Вѣру съ ея дочерьми, герцогинями Эльзой и Ольгой, которыя связаны были съ отшедшей въ иной міръ чувствами любви и нѣжности, какъ съ матерью. Самое сердечное участіе въ этой скорби принимаетъ вся страна, всенародно почитавшая почившую королеву—за ея высокій духъ стремленія ко всему чистому и прекрасному, за неустанныя попеченія о всеобщемъ благѣ, за ея великодушную благотворительность".

Въ тотъ же день было очередное собраніе въ палатѣ городскихъ общинъ. Предсѣдательствующій д-ръ Шаль открылъ собраніе слѣдующею рѣчью:

Почтенные Господа.

„Прежде чѣмъ приступить къ очереднымъ дѣламъ, я долженъ раздѣлить съ вами наше общее горе, о которомъ съ утра оповѣстилъ всѣхъ печальный звонъ колоколовъ. Ея Величество, нами такъ много любимая королева Ольга, вчера вечеромъ тихо скончалась. Она избавилась отъ тяжкаго недуга и обрѣла вѣчное успокоеніе.

Печаль нашего королевскаго дома раздѣляется всѣмъ, глубоко потрясеннымъ этою кончиною, населеніемъ столицы. Прибывшая къ намъ, 46 лѣтъ тому назадъ, изъ далекой чужой стороны, принцесса,—супруга тогдашняго наслѣдника престола,—была по истинѣ царственная жена и, какъ таковая, она въ сердцахъ всѣхъ нашихъ согражданъ покорила себѣ свое новое отечество.

О ея неограниченной дѣятельности на почвѣ попеченія о бѣдныхъ и въ школьномъ мірѣ твердятъ оставшіеся у насъ на всегда памятники: цѣлый рядъ учрежденій, которыя *ея* почином, *ея* стараніемъ и покровительствомъ вызваны къ жизни. Я назову только: Ясли Ольги—пріютъ для маленькихъ и грудныхъ дѣтей, Лѣчебницу Ольги для больныхъ дѣтей и учениковъ, Королевскій Институтъ Ольги, и напомню вамъ о великомъ числѣ благотворительныхъ кружковъ и благотворительныхъ учрежденій, которые находились подъ покровительствомъ королевы и пользовались отъ нея богатыми вспомоществованіями. Изъ нихъ назову лишь—Общество спасанія младенцевъ, Женское общество попеченія о дѣтяхъ, остававшихся безъ надзора, Николаевское попечительство о слѣпыхъ дѣтяхъ, Глазную лѣчебницу для бѣдныхъ, Школу для маленькихъ дѣтей и

Профессіональную школу въ Бергѣ, Штутгартскій женскій кружокъ. Лучшимъ же памятникомъ все-таки будетъ то, что чувства теплой, искренней любви и уваженія къ почившей высокой женѣ перейдутъ за границы ея могилы, а память о ней удержится и послѣ погребенія ея останковъ.

Я предлагаю Коллегіи изготовить сочувственные адреса его величеству королю, ея королевскому высочеству принцессѣ Екатеринѣ [1]), ея императорскому высочеству герцогинѣ Вѣрѣ Виртембергской, ея королевскому высочеству принцессѣ Августѣ и его высочеству принцу Герману Саксенъ-Веймарскимъ [2]) и озаботиться облеченіемъ въ трауръ городскихъ зданій".

Предложеніе это было единогласно принято, и засѣданіе пріостановлено на полчаса.

Въ тотъ же день въ Ульмѣ съ 9 часовъ утра неумолкаемо гудѣлъ такъ называемый „колоколъ-присяги" на высотѣ башни славнаго мюнстера. Съ 11-ти же часовъ начался общій звонъ колоколовъ всѣхъ церквей стараго имперскаго города. Въ Эслингенѣ, Тюбингенѣ, Биберахѣ, Эрлангенѣ и всѣхъ прочихъ значительныхъ городахъ королевства, по полученіи печальной вѣсти, раздался также печальный звонъ и вывѣшены были траурные флаги.

На другой день кончины тѣло покойной королевы стояло въ комнатѣ, гдѣ она скончалась. Прекрасныя черты не измѣнились, на лицѣ было выраженіе сладкаго покоя. Только складки около глазъ и на лбу напоминали о перенесенныхъ страданіяхъ.

Къ одру королевы можно было подойти со всѣхъ сторонъ. Четыре серебряныхъ подсвѣчника, панихидный столикъ съ Распятіемъ да аналой для чтенія псалтыри — вотъ все, что было около покойницы.

Чудныя розы были разбросаны любящею рукой. На груди лежалъ образъ Св. Іоанна Крестителя. Въ обычные часы совершались панихиды, и во весь этотъ день и въ слѣдующую ночь не умолкало чтеніе священниками Евангелія и свѣтскими — псалмовъ Давида. Въ числѣ читавшихъ каѳизмы былъ и гене-

---

[1]) Сестра покойнаго короля и мать нынѣ царствующаго. Король Вильгельмъ по матери родной племянникъ короля Карла, а по отцу двоюродный. Отецъ его былъ родной братъ нашей великой княгини Елены Павловны.

[2]) Вторая золовка покойной королевы, всегда жительствующая въ Штутгартѣ съ мужемъ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ.

ралъ А. А. Кирѣевъ, состоящій при великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ.

Погода въ этотъ день была вполнѣ осенняя; вихрь обнажалъ деревья отъ послѣднихъ листьевъ и посыпалъ ими дорогу, какъ бы уготовляя путь къ завтрашнему печальному шествію. Только горы вдали были озарены волшебнымъ свѣтомъ и словно глядѣли на замокъ. Озеро было темное; на судахъ были до половины спущены флаги.

Глубокое впечатлѣніе—говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ изъ Фридрихсгафена—производитъ обыкновенно веселый, свѣтлый, а теперь печально убранный здѣшній молитвенный домъ. Алтарь, каѳедра, хоры, всѣ окна, всѣ двери—большія входныя и малыя внутреннія, задрапированы чернымъ сукномъ. На возвышеніи передъ алтаремъ уже стоитъ пустой гробъ, обитый пурпуровымъ бархатомъ съ золотыми бортами на шести золотыхъ львиныхъ лапахъ. Гробъ этотъ—точное подобіе тому гробу, въ который, въ прошломъ году, было положено тѣло короля Карла. Группа экзотическихъ растеній въ возглавіи гроба и по обѣимъ сторонамъ хоръ придаетъ величавую законченность убранству. Впечатлѣніе довершается электрическимъ освѣщеніемъ.

Насталъ третій день (22 октября, 3 ноября). Почетный караулъ, должностныя лица изъ Штутгарта, придворные чины, русское посольство наполняютъ замокъ. Утромъ было бальзамированіе. Къ 3-мъ часамъ по полудни августѣйшіе родственники собрались въ комнатѣ усопшей, и русское духовенство начало панихиду. Около 4-хъ часовъ 12 вице-фельдфебелей пѣхотнаго императора Вильгельма полка понесли, уже лежавшее въ закрытомъ цинковомъ гробѣ, тѣло въ низъ, на главное крыльцо замка, въ предшествіи русскихъ пѣвчихъ и духовенства.

На дворѣ, передъ крыльцомъ, стояло мѣстное католическое и евангелическое духовенство въ облаченіи. Оно послѣдовало за колесницей. За духовенствомъ послѣдовали августѣйшіе родственники, мѣстныя власти, русское посольство, придворные и прислуга королевы. Пѣніе русскими пѣвчими: „Святый Боже“ не умолкало до самой церкви. Толпы народа—женщины въ черномъ—образовали шпалеры; разставленное рядами войско отдавало честь.

Церковь наполнилась до предѣловъ возможнаго. Когда свинцовый гробъ былъ поставленъ въ парадный—съ него снята

была крышка оберъ-гофмаршаломъ и тремя камергерами. Въ это время органъ заигралъ прелюдію, а хоръ католическаго духовенства исполнилъ потрясающее произведеніе Ромберга на слова изъ „Колокола“ Шиллера (Dem dunkeln Schooss der heil'gen Erde vertrauen wir der Hände That...) Послѣ краткой проповѣди и заключительной молитвы всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ дежурства при гробѣ, оставили церковь— и начался впускъ народа; нѣсколько тысячъ человѣкъ было пропущено по-одиночкѣ къ открытому гробу королевы. Старцы, женщины, юноши и дѣти благоговѣйно глядѣли на черты „матушки-королевы“ (Landes-Mutter), слышались искренніе вздохи и тихія рыданія.

Въ 6 часовъ гробъ былъ закрытъ, въ присутствіи августѣйшихъ родственниковъ, которые вслѣдъ за тѣмъ отправились на станцію желѣзной дороги. Къ семи часамъ туда же подъѣхала погребальная колесница, украшенная балдахиномъ и короной—съ тѣломъ почившей. Гробъ былъ внесенъ въ большую пассажирскую залу, гдѣ подъ балдахиномъ совершена была панихида отцомъ протоіереемъ Базаровымъ. Съ пѣніемъ и молитвами гробъ былъ перенесенъ въ траурный вагонъ— обитый чернымъ бархатомъ, съ надписью серебромъ: „Have, pia anima!“ (Привѣтъ тебѣ, благочестивая душа).

Въ 9 ч. 5 минутъ экстренный поѣздъ съ тѣломъ королевы остановился въ Ульмѣ. Для встрѣчи собрался генералитетъ и всѣ офицеры стоящихъ тамъ частей. Ветераны ферейна, носящаго имя королевы Ольги, съ распущеннымъ знаменемъ и факелами въ рукахъ, стояли длинной вереницей вдоль рельсовъ. Знамя преклонилось передъ траурнымъ вагономъ.

Около полуночи въ Штутгартъ, на станцію желѣзной дороги, прибылъ король Вильгельмъ съ принцами. Онъ прежде всего встрѣтилъ поѣздъ, на которомъ прибыли великія княгини. Король пошелъ на рельсы, подалъ руку великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ и довелъ ея высочество до экипажа; затѣмъ вернулся обратно для встрѣчи тѣла покойной королевы. На гробъ передъ постановкой его на колесницу возложенъ былъ золотой покровъ, подбитый и отороченный горностаемъ. Въ церемоніалѣ шествія упоминается карета съ лицами, приближенными къ королевѣ, и ея духовникомъ (Beichvater probst von-Bazaroff).

Тѣло было встрѣчено у главнаго подъѣзда большаго королевскаго дворца пятью православными священниками съ клиромъ.

То были: о. Морозовъ, второй священникъ Штутгартской посольской церкви, о. Измайловъ, изъ Карлсруэ, о. Протопоповъ, изъ Висбадена, о. Кардасевичъ, изъ Ирёма (близъ Пешта), бывшій прежде священникомъ въ Штутгартѣ, и о. Любимовъ, изъ Ораніембаума, случайно находившійся заграницей. Оба послѣдніе по собственному побужденію прибыли ко дню погребенія королевы. Всѣхъ священниковъ съ отцомъ Базаровымъ было при погребеніи шесть, и сверхъ того, два діакона, два псаломщика и 14 человѣкъ пѣвчихъ.

Тѣло было прямо внесено въ русскую церковь, окна которой были декорированы русскими и виртембергскими гербами. Церковь (т. е. стѣны и колонны) была изящно убрана зеленью и цвѣтами. Находящаяся передъ нею зала была драпирована трауромъ. Въ возглавіи гроба на высокомъ консолѣ была положена золотая подушка и на ней королевская корона. Въ ногахъ черная скамейка съ золотой же подушкой со всѣми орденами, какіе имѣла въ Бозѣ почившая.

Послѣ литіи—всеношное бдѣніе, а утромъ другаго дня (23-го окт.) въ 10 ч. началась заупокойная обѣдня и отпѣваніе. На отпѣваніи кромѣ упомянутыхъ выше высочайшихъ особъ нашего царскаго дома присутствовали великіе князья Владиміръ Александровичъ, Михаилъ и Александръ Михаиловичи и великая княгиня Марія Павловна и принцесса Марія Максиміліановна. Изъ иностранцевъ присутствовали король Виртембергскій, королева и нѣсколько принцевъ и принцессъ.

Непосредственно послѣ православнаго богослуженія гробъ былъ перенесенъ въ большую мраморную (краснаго мрамора) залу дворца. Среди великолѣпной четырехъ-угольной—въ стилѣ итальянскаго renaissance—залы воздвигнутъ былъ катафалкъ и на немъ балдахинъ — все чернаго бархата съ украшеніями изъ серебра. Куполъ балдахина былъ осѣненъ бѣлыми и черными страусовыми перьями. По угламъ были разставлены деревья—различныхъ видовъ пальмы, на плафонѣ зажженныя канделябры, по угламъ подсвѣчники со множествомъ свѣчей. Въ залѣ лишь двери и печи завѣшаны были чернымъ; темно-красный мраморъ въ полусвѣтѣ гармонировалъ съ трауромъ балдахина.

По старому обычаю рабочіе дворцовые внесли въ залу гробъ въ предшествіи духовенства и пѣвчихъ. Ожидавшіе въ залѣ издали слышали стройное пѣніе православныхъ пѣвчихъ. От-

служена была литія (ein kurzer gottesdienstlicher Akt), во время которой была снята крышка и тѣло покрыто горностаевымъ покровомъ. На груди королевы былъ образъ Спасителя—и на покровъ былъ возложенъ еще и образъ Іоанна Крестителя. Въ возглавіи—корона, у ногъ—ордена, какъ и въ русской церкви. Лицо усопшей покрыто было легкою вуалью; рукъ, державшихъ разрѣшительную молитву, уже не было видно. Сквозь вуаль благородныя черты лица были видны вблизи. Началось украшеніе подножія гроба и катафалка множествомъ вѣнковъ, пальмовыхъ вѣтвей и цвѣтовъ, съ лентами всевозможныхъ цвѣтовъ. Вѣнки эти подробно описаны въ мѣстныхъ газетахъ. Они отличались величиной и великолѣпіемъ лентъ, которыя нѣмцы называютъ въ этомъ случаѣ, по размѣру—„шлейфами". Гигантскій вѣнокъ, имѣвшій цѣлый метръ въ діаметрѣ—изъ лавра, орхидеевъ и гіацинтовъ, украшался „шлейфомъ" изъ бѣлаго атласа съ золотыми бортами; на лентахъ, повязанныхъ сверху шлейфа, красовались *W* и *A* подъ императорскою короною: то было приношеніе германскаго императора и его супруги. Такой же величины былъ вѣнокъ отъ эрцгерцога Альбрехта съ надписью „за вѣрную дружбу". Былъ вѣнокъ отъ королевы Датской, присланный чрезъ шефа двора; вѣнокъ отъ великаго князя Константина Константиновича. До 20 вѣнковъ отъ высочайшихъ особъ описано во всѣхъ подробностяхъ. За вѣнками августѣйшихъ особъ были описаны въ отчетахъ о погребеніи и вѣнки полка королевы, разныхъ благотворительныхъ учрежденій, обществъ, сословій и пр.

Отъ часу до пяти по полудни въ залъ стали впускать публику. Церемоніалъ указывалъ простолюдинамъ быть въ воскресной одеждѣ, господамъ же непремѣнно въ черныхъ перчаткахъ. Гробъ былъ окруженъ дежурствомъ, передъ залой теперь, какъ и передъ русской церковью, стоялъ почетный караулъ.

Вечеромъ того дня прибылъ въ Штутгартъ императоръ германскій. Всѣхъ высочайшихъ и высокихъ особъ при погребеніи было 23 персоны мужскаго пола: одинъ король, одинъ императоръ, три великихъ князя, одинъ эрцгерцогъ, наслѣдные принцы Баденскій, Саксенъ-Веймарскій, Шаумбургъ-Липпе и затѣмъ принцы, по преимуществу Веймарскіе и герцогъ Эдинбургскій.

4 ноября (24 окт.) — обстановка залы приняла еще болѣе мрачный видъ. Гробъ былъ еще съ вечера запертъ; вмѣсто

горностая на немъ лежалъ черный покровъ съ серебромъ по протестантскому обычаю. Только столикъ съ иконою и тарелка съ кутьею напоминали о русскихъ обычаяхъ. Однако же русское духовенство прибыло въ залъ съ пѣніемъ и съ свѣчами въ рукахъ. Наше духовенство стало между катафалкомъ и императоромъ съ одной стороны и королевской четой съ другой. Императоръ вошелъ въ залъ подъ руку съ королевой, за нимъ многочисленною толпою слѣдовали принцы и принцессы.

Оберъ-гофъ-предигеръ прелатъ Шмидтъ выступилъ впередъ и произнесъ слѣдующее слово:

„Богу, вѣчному царю, не преходящему и непостижимому и единому премудрому, отцу милосердому и Богу-утѣшителю, да будетъ честь и слава—во вѣки. Да наполнитъ Онъ скорбныя сердца наши миромъ своимъ небеснымъ. Аминь.

Прежде всего да внемлемъ мы Божьему слову, какъ написано въ первомъ Посланіи къ Коринѳяномъ—(15) „Сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ. Когда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово, написанное: поглощена смерть побѣдою. Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда? Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Аминь. Господу помолимся.

Боже вѣчный, Господь господствующихъ и царь царствующихъ, отецъ Господа нашего Іисуса Христа и чрезъ Него и нашъ Отецъ! Изъ сѣни смертной, окрестъ насъ обстоящей, возносимъ Тебѣ сокрушенныя скорбью и печалью сердца наши и молимъ Тебя, отецъ нашъ, послать намъ сіяніе изъ того свѣта небеснаго, въ полный блескъ котораго нынѣ вступила нами любимая королева Ольга. Воззри, Господи: мы приготовились совершить тяжкое шествіе; мы грядемъ перенести то, что̀ осталось отъ дорогой покойницы—прахъ и пепелъ—изъ мѣстъ, гдѣ она была высокимъ и дивовиннымъ украшеніемъ, въ ту безмолвную могилу, гдѣ покоится ея царственный супругъ, дабы она, по желанію ея сердца, почила около него до всеобщаго воскресенія. Мы вопіемъ къ Тебѣ: намъ трудно будетъ совершить этотъ путь! Уже мы не будемъ встрѣчать въ этихъ мѣстахъ ея исполненный величія и сановитости образъ; уже не обогрѣетъ насъ ея исполненный любви проницательный и оживляющій взоръ; уста ея, всегда правдивыя и вѣрныя, уже не изрекутъ мудраго совѣта и благаго одобренія; уже мы не

будемъ свидѣтелями величавыхъ дѣлъ ея животворной любви, наполнявшей душу ея блаженствомъ и бывшей лучшимъ украшеніемъ ея короны.

Скорбя надъ жертвою, которую мы приносимъ, мы однако же утѣшаемся тѣмъ, что видимъ ее теперь безболѣзненною въ свѣтлостяхъ небесныхъ и молимъ Тебя: о, Отче неба и земли! Ты исполняешь благословенія Твоего и объемлешь отеческою любовью горнее и дольнее отечество наше: не лиши насъ благословенія, которое Ты ниспослалъ намъ такъ обильно, когда даровалъ намъ нынѣ преставившуюся. Да пребываетъ на насъ благословеніе ея царственнаго духа, ея вѣрнаго служенія. Да благословится все то, что она вѣрою и любовію насадила и возрастила. Да почіетъ благословеніе на королѣ и королевѣ, которые усладили дружбой и нѣжной любовью печальный годъ ея вдовства и трудныя недѣли предсмертной болѣзни. Утверди благословеніе на всѣхъ членахъ королевскаго дома, для которыхъ она имѣла такое большое значеніе, особенно же ниспосли его на глубоко сокрушенную Жену съ двумя дочерьми. Для нихъ, по Твоему предопредѣленію, она была матерью и праматерью въ лучшемъ значеніи этого слова. Да почіетъ благословеніе сіе на ея Братѣ и на императорскомъ отечествѣ ея, на которое ей пламенно хотѣлось взглянуть еще разъ—и чего уже не случилось. Ниспосли благословеніе Твое и на нашъ императорскій домъ, съ которымъ она была связана сердцемъ и кровнымъ родствомъ настолько тѣсно, что глава императорскаго дома не допустилъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы прибыть сюда и здѣсь раздѣлить горе нашего королевскаго дома и народа. Благослови, Господи, всѣхъ тѣхъ, которые сегодня совершатъ съ нею сіе послѣднее шествіе любви, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кто служилъ ей, кто ходилъ за нею во время болѣзни и трудъ свой почиталъ за счастье. Благослови и весь народъ нашъ, который ея не забудетъ. Такъ какъ она по благодати Спасителя, къ которому она прибѣгала съ такою полнотою вѣры, жива передъ престоломъ Твоимъ, то дай, Господи, чтобы она жила еще и здѣсь въ плодахъ ея благой дѣятельности и жила бы въ сердцахъ благодарнаго ей народа.

Ей же самой, носившей земную корону съ такимъ царственнымъ величіемъ и съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ, ниспосли, Господи, по Твоему обѣщанію, которое Ты далъ тѣмъ,

кто пребылъ вѣрнымъ даже до смерти, вѣнецъ вѣчной жизни о Христѣ Іисусѣ. Аминь".

Послѣ рѣчи духовнаго проповѣдника русское духовенство отслужило литію, причемъ отецъ протоіерей Базаровъ произнесъ молитву „Боже духовъ и всякія плоти" по-нѣмецки.

Погребальное шествіе изъ Новаго дворца въ церковь „Стараго замка" сдѣлало большой кругъ, захвативъ частью и главную улицу—Königstrasse. Дома были убраны траурными флагами и декораціями, растеніями, бюстами и портретами покойной королевы, подъ балдахинами и занавѣсами. Впереди ѣхали конные жандармы; за ними эскадронъ драгунскаго королевы Ольги полка съ музыкой; королевскій берейторъ, два рейткнехта, гофъ-фурьеръ и прислуга королевы представляли низшій персоналъ двора. За ними слѣдовалъ оберъ-гофмейстеръ покойной и другіе состоявшіе при Ея Величествѣ особы. Два штабъ-офицера несли—одинъ королевскую корону, другой подушку съ орденами; имъ по обѣимъ сторонамъ сопутствовали по два субалтернъ-офицера. Потомъ слѣдовалъ верхомъ королевскій шталмейстеръ и за нимъ два зательмейстера.

Далѣе безмолвно шло русское духовенство въ полномъ облаченіи—съ иконою, и за нимъ непосредственно печальная колесница—въ шесть лошадей; у каждой лошади по придворному конюшему. По сторонамъ: по два камергера и по два штабъ-офицера упомянутаго выше полка. Четыре угла покрова держали четыре сановника, имѣющіе королевскіе знаки Большаго Креста. За гробомъ слѣдовало протестантское духовенство, а потомъ король, рядомъ съ императоромъ. За ними эрцгерцогъ, великіе князья и всѣ принцы. Вслѣдъ за особами, уполномоченными для присутствованія при погребеніи и посланниками, шли лица, состоящія при августѣйшихъ особахъ. Потомъ слѣдовали представители высшаго сословія королевства, члены дипломатическаго корпуса, министры и члены тайнаго совѣта, представители сословій, генералитетъ, выборные изъ духовенства разныхъ исповѣданій, городской голова (Stadtdirector) и представители бюргеровъ. Затѣмъ начинался рядъ предсѣдателей и депутатовъ обществъ и благотворительныхъ учрежденій, состоявшихъ подъ покровительствомъ королевы. Послѣдними шествовали гости, приглашенные въ Мраморную залу по особымъ билетамъ и всѣ остальные, не названные выше придворные чиновники. Королевскій зательмейстеръ съ

двумя рейткнехтами и эскадронъ драгунскаго полка имени королевы замыкали шествіе.

Эскадронъ остался у воротъ Стараго замка, гдѣ во дворѣ ожидали депутаціи женскихъ благотворительныхъ учрежденій.

Въ самой церкви находилась королева Шарлота и всѣ августѣйшія дамы.

Рабочіе сняли гробъ съ колесницы и, предшествуемые гофъ-фурьеромъ съ траурнымъ жезломъ и духовенствомъ (протестантскимъ), внесли его въ соборъ и поставили передъ алтаремъ. Тутъ гробъ покрыли опять чернымъ покровомъ съ серебрянымъ крестомъ. Когда всѣ заняли предназначенныя мѣста, раздалось пѣніе королевскаго хора, и затѣмъ прелатъ Шмидтъ сказалъ новую рѣчь на текстъ изъ пророка Исаіи (60, 14. 20). „Не будетъ уже солнце сіять тебѣ свѣтомъ дневнымъ и мѣсяцъ свѣтить тебѣ, но Господь будетъ тебѣ вѣчнымъ свѣтомъ—и Богъ твой славою твоею. Не зайдетъ уже солнце твое и мѣсяцъ твой не скроется: ибо Господь будетъ для тебя вѣчнымъ свѣтомъ—и окончатся дни сѣтованія твоего".

„Возлюбленное о Господѣ Іисусѣ Христѣ печальное собраніе! Едва исполнился годъ, какъ замкнулась эта могила, принявъ въ свои нѣдра останки короля Карла—и вотъ уже вновь отверзается она, чтобы принять прахъ его царственной супруги. Случилось ли это вслѣдствіе тоски, сокрушившей оболочку нѣжнаго тѣла, недугомъ потрясеннаго, надъ которымъ однако же долго господствовала поистинѣ удивительная сила духа? Быть можетъ она неудержимо стремилась перейти въ небесное отечество, гдѣ ожидалъ ее сонмъ дорогихъ существъ, ею любимыхъ? Если такъ, то какъ сильна была эта тоска, когда передъ ней не устояла преданная и горячая любовь къ живущимъ, любовь, не остывшая въ ней до послѣдняго воздыханія! Или можетъ быть колосъ, долженствовавшій созрѣть подъ зноемъ печали, уже созрѣлъ ко времени, и Господь призналъ его готовымъ для жатвы и перенесъ къ Себѣ, для радостной жатвы небесной? Мы сего не вѣдаемъ. Но вотъ что̀ мы знаемъ хорошо: со смертью вдовствующей королевы мы теряемъ сокровище, обладая которымъ мы были чрезвычайно богаты! Все, что можетъ возбудить печаль любви и благодарности, возбуждено въ сердцахъ нашихъ. Однако же, печаль наша не имѣетъ остраго жала, горе наше, какъ ни глубоко оно, не доставляетъ намъ страданія, и мы получили миръ свыше, тотъ Божій миръ, который почіетъ надъ этимъ пра-

хомъ и вѣяніе котораго мы теперь ощущаемъ вмѣстѣ съ нашимъ горемъ.

Это мирное привѣтствіе свыше мы чувствуемъ уже и потому, что слово Божіе исполнилось надъ почившей: *окончатся дни сѣтованія твоего.* Мы должны радоваться за нее, мужественно страдавшую христіанку, радоваться тому, что страданіе, омрачавшее въ послѣдніе годы ея счастье, въ послѣднія недѣли достигло той степени, что облегчать его могла только вѣра въ Бога, надежда на Его милосердіе и способность воспринимать любовь искреннихъ и съ ними дѣлиться любовью.

Страданіе ея навсегда окончилось. Должны мы радоваться еще и тому, что она тихо почила и тѣмъ какъ бы побѣдила ужасъ смерти. Тотъ миръ небесный, которымъ озарена наша печаль, имѣетъ и еще болѣе глубокое основаніе. Мы чувствуемъ, что насталъ великій часъ: передъ созрѣвшей о Христѣ душою той, которая до конца пребыла вѣрною, отверзается небо, и она получаетъ право приступить къ вѣчному свѣту. Чрезъ отверстыя врата небесныя свѣтъ сей падаетъ и на насъ, странствующихъ въ странѣ, гдѣ свѣтъ смѣняется мракомъ. Всѣ земные свѣточи—будь то царская корона, сіяніе солнца или свѣтъ луны—блѣднѣютъ передъ этимъ свѣтомъ. Всѣ сумраки—зовите ихъ тѣнями смерти или горемъ разлуки—исчезаютъ передъ нимъ. *Не зайдетъ солнце твое*; *Господь будетъ вѣчнымъ свѣтомъ твоимъ и Богъ славою твоею.* Это обѣщаніе исполнено по отношенію къ королевѣ Ольгѣ, и тѣмъ отнято жало отъ нашей печали и, что еще болѣе: печаль наша превращается въ тихую хвалу и въ стремленіе шествовать къ тому свѣту по ея стопамъ, подражая ея вѣрѣ, ея самоотреченію и ея преданной любви къ Богу. Свѣтъ Господень просвѣщалъ ее здѣсь, почему она и пріобщена небесному свѣту“.

Коснувшись происхожденія королевы отъ приснопамятной и добродѣтельной прусской королевы Луизы, ея родной бабки и прабабки присутствовавшаго императора, и близкаго родства покойной королевы съ виртембергской благодѣтельницей Екатериной (Павловной), проповѣдникъ указалъ на то, какъ дивно перенеслись, 46 лѣтъ тому назадъ, на королеву Ольгу надежды народа и какъ блистательно эти надежды сбылись на ней. „Особый часъ времени потребовался бы на исчисленіе того, что́ почившая королева сдѣлала для края. Но къ богатымъ учрежденіямъ и щедрой помощи мы присоединимъ еще и то, о чемъ никто не зналъ, кромѣ Бога, кромѣ ея самой и

лицъ, получавшихъ помощь: тайная благотворительность королевы утирала слезы тысячамъ и тысячамъ людей. Плоды эти она пожнетъ передъ престоломъ Божіимъ. Исполненная царственнаго величія, она была въ то же время смиренною христіанкою".

Послѣ того проповѣдникъ указалъ на семейныя добродѣтели, на то, что почившая имѣла въ любви къ себѣ близкихъ награду и на землѣ—на ея вѣрную преданность прежнему отечеству и на любовь къ новому. „И вотъ потому-то",—заключилъ онъ, —„мы сегодня такъ глубоко скорбимъ и съ нами скорбитъ вся страна наша и широкій кругъ свѣтлѣйшихъ друзей. О скорби этой безмолвно, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво, свидѣтельствуетъ настоящее печальное собраніе. Но мы скорбимъ съ надеждою, вѣрою и любовью. Мы знаемъ, что праведники просвѣтятся, яко солнце въ царствіи Отца ихъ. Мы знаемъ, что Господь посаженное и возращенное имъ здѣсь на землѣ оросить небесною влагой, и оно дастъ цвѣтъ и плодъ свой. Любовь, отъ Бога исходящая, научаетъ насъ сказать: мы свидимся! И еще: память праведныхъ благословенна. Аминь".

Послѣ этой рѣчи настало время опусканія гроба въ склепъ.

При особомъ механическомъ приспособленіи гробъ спустился медленно и безъ шума въ подземелье. Въ это время королевскіе пѣвцы исполнили хоралъ, подхваченный всѣми присутствующими: „Совершилось! Тѣло пребудетъ прахомъ и тлѣніемъ. Я вѣдаю, что я и прахъ, и пепелъ, но Іисусъ со мною; Онъ сладко успокоитъ меня во гробѣ и пробудитъ меня къ свѣтлой жизни. Свершилось!"

Въ это же время раздавались и пушечные выстрѣлы. Послѣ пѣнія хорала король, императоръ и всѣ высокіе родственники ихъ, въ предшествіи оберъ-гофъ-предигера, спустились по лѣстницѣ въ склепъ, гдѣ русское духовенство совершило литію и обрядъ преданія землѣ. Во время литіи въ склепѣ, въ самой церкви пѣвцы исполнили „Отче нашъ" Львова. То было желаніе покойной королевы. Когда ихъ величества и ихъ высочества возвратились изъ склепа, другой придворный проповѣдникъ, д-ръ Браунъ, произнесъ заключительную молитву. Въ ней онъ возблагодарилъ Бога за все то благо, которое Онъ даровалъ въ королевѣ Ольгѣ ея супругу, роднымъ и всей странѣ. Благодарилъ онъ Бога и за то, что ей открыта была истина, что она дѣтски, смиренно вѣровала въ Іисуса Хри-

ста, видѣла въ немъ путь и истину, и жизнь, что она вѣровала въ искупленіе чрезъ Его крестъ и воскресеніе: что всегда была расположена къ покаянію, что Господь питалъ ее своимъ Божественнымъ словомъ и Святыми Тайнами—и тѣмъ услаждалъ страдающую и обремененную—и соблюлъ ее до конца, какъ вѣрную послѣдовательницу Свою во исполненіе словъ: „кто хочетъ душу свою спасти—да отвергнется себя, возьметъ крестъ свой и за Мной да послѣдуетъ".

„Ниспосли миръ твой на могилу уснувшей и въ сердца насъ, скорбящихъ, и изреки ко отшедшей во-свояси слово сладчайшее: „Прійди ко Мнѣ, благословенная отца Моего Небеснаго, наслѣдуй царство, уготованное тебѣ отъ начала міра".

Молитва заключалась прошеніями о томъ, чтобы добрыя дѣла королевы оставались въ достойныхъ рукахъ, чтобы печаль сего дня была бы на пользу душамъ. Въ заключеніе испрашивалось благословеніе Пресвятой Нераздѣльной Троицы и дарованіе вѣчнаго блаженства намъ живущимъ. Благословивъ присутствующихъ, пасторъ прочелъ: „Отче нашъ" и удалился. Тогда императоръ германскій, а за нимъ и король виртембергскій тихимъ голосомъ стали читать молитвы—и печальное торжество окончилось. Императоръ повелъ подъ руку королеву къ ея каретѣ, поцѣловавъ ея руку на прощанье. Съ королевой сѣла ея падчерица, принцесса Паулина, единственная дочь короля. Принцы и принцессы поѣхали въ каретахъ, большая часть сановниковъ и генераловъ разошлись по домамъ пѣшкомъ—отмѣчаетъ газета.

Во время похоронъ всякое движеніе было пріостановлено въ цѣломъ городѣ, даже почта заперла ящики и остановила свою никогда не прерывающуюся дѣятельность. Мѣстныя газеты наполнились статьями о покойной королевѣ. Въ нихъ горячо, хотя и общими чертами, описывалась широкая благотворительность королевы. Въ добавокъ къ перечисленію основанныхъ ею учрежденій, о которыхъ упомянуто было въ рѣчи предсѣдательствующаго въ городскомъ управленіи (см. выше), прибавлена была характеристика дѣятельности Ольги Николаевны во время войны 1870 года. Королева сумѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ все движеніе на пользу раненыхъ. Дворецъ сталъ тогда мастерскою, куда сходились добровольныя работницы, дамы всѣхъ сословій. Сама королева являлась на станцію желѣзной дороги встрѣчать поѣзды раненыхъ, наблюдала

за всѣмъ, распоряжалась размѣщеніемъ и потомъ, въ тотъ же день, навѣщала вновь прибывшихъ въ госпиталяхъ и въ организованныхъ ею же временныхъ помѣщеніяхъ. Тамъ склонялась она надъ изголовьемъ трудно больныхъ и своимъ чуднымъ взоромъ, привѣтливою улыбкою и словомъ умиленія, производила цѣлебное и поднимавшее духъ дѣйствіе. Сверхъ того, она принимала сердечное участіе въ горѣ семействъ, постигнутыхъ утратою мужей, сыновей и братьевъ. Денежныя пожертвованія тысячей мужчинъ и женщинъ направлялись къ ней, какъ къ живому центру дѣятельной помощи. Король Карлъ справедливо почтилъ царственную добродѣтель и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность всѣхъ женщинъ королевства, когда учредилъ (27 іюня 1871 г.) особый *орденъ Ольги*, „какъ признаніе заслугъ на почвѣ доброхотной помощи ближнему во время войны и мира и въ воспоминаніе подвига добровольныхъ жертвователей и тружениковъ во имя любви къ ближнему, которые дѣйствовали въ 1870 — 71 году, по примѣру королевы Ольги“.

Одинъ изъ авторовъ передовой статьи называетъ покойную королеву „великимъ мастеромъ, виртуозомъ благотворительности“. Въ листкѣ благотворительности „Blätter für das Armenwesen“ говорится, что „она была, по Божіей милости, королевой въ царствѣ любви“. Нѣсколько листковъ останавливаются на томъ, какъ королева любила дѣло воспитанія и какъ искусно умѣла вести его. Она доказала это заботами объ воспитательныхъ учрежденіяхъ Штутгарта, „въ особенности же это видно на ея племянницѣ, герцогинѣ Вѣрѣ, которая привезена была къ ней въ десятилѣтнемъ возрастѣ“.

Здѣсь кстати добавить то, чего нѣтъ въ нѣмецкихъ газетахъ. Ольга Николаевна ежедневно посѣщала созданное ею женское воспитательное заведеніе съ интернатомъ и экстернатомъ (Olga-Stift) и каждую пятницу приглашала къ себѣ обѣдать преподавателей, разумѣется, поочередно. Такимъ образомъ она судила о любимомъ ей заведеніи не съ чужихъ словъ.

Газетныя статьи очерчиваютъ наружность покойной, ея царственную осанку. Онѣ признаютъ, что она получила дома прекрасное воспитаніе, была съ дѣтства научена любить все изящное и возвышенное; владѣла карандашемъ, рѣзцомъ и кистью, искусно вязала и шила для бѣдныхъ. Касаясь біографіи королевы, газетныя статьи ставятъ на видъ ея происхожденіе отъ принцессы Виртембергской—императрицы Маріи Ѳеодоровны, и близкое родство ея съ ангеломъ кротости и добродѣтели, ко-

ролевой Екатериной Павловной, первой супругой ея царственнаго свекра. Довольно живыми чертами вспомянутъ пріѣздъ новобрачной Ольги Николаевны въ королевство. Она поразила тогда всѣхъ красотою и царственнымъ видомъ.

Чрезъ дѣтей-сиротъ, слѣпыхъ и бѣдныхъ кронъ-принцесса стала скоро близка народу. Голодный 1847-й годъ показалъ въ ней прямую преемницу Екатерины Павловны, которую въ чудномъ надгробномъ стихотвореніи либеральный поэтъ назвалъ „кормилицею народа". Насколько щедрая рука ея облегчала горе и смягчала нужду, настолько домъ ея въ Штутгартѣ и лѣтомъ вилла близъ Канштадта и Берга — были кровомъ музъ и дружбы. Юные таланты здѣсь поощрялись, художники и ученые были здѣсь желанными гостями, здѣсь читались выдающіяся литературныя произведенія, разыгрывались драматическія сцены, исполнялись квартеты и пѣли солисты.

До послѣднихъ лѣтъ жизни, королева была неутомима въ изобрѣтеніи добра на пользу общую. Такъ, незадолго до смерти учредила она почетный знакъ — крестъ для женщинъ-служанокъ, которыя пробыли въ одномъ и томъ же семействѣ 25 лѣтъ. Насколько это поощреніе важнаго для благополучія семействъ постоянства соотвѣтствуетъ условіямъ тамошней жизни, видно изъ того, что, при первой раздачѣ знака, оказалось въ одномъ Штутгартѣ 406 женщинъ, достойныхъ знака отличія и получившихъ его на средства положеннаго королевою фонда. Въ послѣднее время королева озабочена была постройкою дворца для великой княгини Вѣры Константиновны, жившей доселѣ въ пристройкѣ большаго королевскаго дворца. Проектируемый дворецъ этотъ заранѣе радовалъ штутгартскихъ гражданъ, какъ будущее украшеніе столицы и главной площади — на мѣстѣ довольно плохихъ и старыхъ зданій. Въ усадьбѣ предположеннаго дворца, на пріобрѣтенной королевой землѣ, находится старинная церковь, повидимому безъ прихода, такъ какъ владѣлецъ мѣста получилъ право снести ее. Но святыня имѣетъ своихъ приверженцевъ, и королева, по собственному почину, озаботилась о томъ, чтобы оберечь церковь отъ ломки, и даже поступилась мѣстомъ. Этотъ поступокъ отмѣченъ печатью съ сердечною признательностью [1]).

---

[1]) При этомъ не могу не привести другаго случая, своимъ противоположеніемъ оттѣняющаго чуткость души Ольги Николаевны. Въ бытность мою въ Римѣ, въ 1886 году, ломали на холмѣ самаго Капитолія церковь Ara-Coeli для предполагавшейся къ постановкѣ конной

Здѣсь мы пріостановимся. Поминки Ольги Николаевны въ странѣ, гдѣ она провела 46 лѣтъ, достаточно и правдиво вырисовываютъ образъ царственной женщины нашего истекающаго столѣтія. Въ первой четверти вѣка, муза романтика-поэта, тогда твердо ступившаго на почву новыхъ политическихъ и національныхъ вѣяній—съ нѣкоторою робостью и осмотрительностью подошла ко гробу, въ которомъ лежала молодая женщина въ пурпуровомъ одѣяніи и въ королевской коронѣ. Цѣлый рядъ королевъ многихъ столѣтій прошелъ передъ музой Уланда, какъ сонныя видѣнія, какъ тѣни, ничѣмъ не вдохновившія пѣвцовъ—„тогда какъ имена доблестныхъ гражданокъ еще живутъ въ народной памяти".

И наконецъ строгая муза рѣшилась вопросить:

Достойно ли она вѣнецъ златой носила,
Сіялъ ли онъ добра и правды блескомъ?
И билось ли подъ пурпурною тканью
Возвышенное, царственное сердце,
Наклонное къ святому возбужденью?
И билось ли оно живою силой
Стремясь къ добру на царственномъ просторѣ?
. . . .
Такъ вопрошаетъ муза, но заранѣ
Ей ужь извѣстенъ точный смыслъ отвѣта.
И вдругъ смутилась и умолкла муза.
Умолкнувъ, горе въ сердцѣ затаила
И на тяжелую корону королевы
Вѣнокъ колосьевъ зрѣлыхъ возложила.
Ты, просвѣтленная, прими мое даянье;
Оно не жемчугомъ, не золотомъ повито,
То не цвѣтовъ пахучихъ приношенье;
Я изъ плодовъ земныхъ вѣнокъ соткала,
Тамъ зерна тѣ, что ты, въ годину глада,
Подобная Церерѣ, разсыпала.
. . . .
Прославься жь тѣмъ, кормилица народа.

Уландъ написалъ свое стихотвореніе „Katharina" въ 1819 году, и въ томъ же году Пушкинъ написалъ отвѣтъ на просьбу написать стихи въ честь императрицы Елисаветы Алексѣ-

---

статуи Виктора Эммануила. Церковь эта—вѣковая святыня; она примкнута къ монастырю францисканowъ, гдѣ хранится чудотворное изображеніе младенца Іисуса (Santo Bambino). Я былъ свидѣтелемъ негодованія, горькихъ сѣтованій, выражавшихся и на словахъ и на страницахъ особыхъ брошюръ.

*

евны [1]). Было ли нашему поэту извѣстно стихотвореніе Уланда, или оба сошлись во вдохновеніи, но только въ обѣихъ пьесахъ много общаго [2]).

14 мая 1869 года, въ залѣ королевскаго дворца въ Штутгартѣ, мнѣ пришлось, во время чтенія о лирическихъ произведеніяхъ Пушкина (перваго періода) прочесть и стихотвореніе императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Читалъ я передъ внимательно слушавшей меня королевой Ольгой Николаевной—и живо помню, какъ чувство и мысли перенеслись на нее, на мою царственную слушательницу, при произнесеніи строкъ:

Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.

Мы теперь уже на русской почвѣ, и мнѣ остается сказать искреннее слово личнаго воспоминанія о почившей въ Бозѣ королевѣ, о ея отношеніи къ русскимъ людямъ и прибавить нѣсколько біографическихъ чертъ о ней, какъ о великой княжнѣ.

И. ХРУЩОВЪ.

---

[1]) На лирѣ скромной благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ...

[2]) 21 января 1869 года—познакомилъ меня въ Тюбингенѣ профессоръ Келлеръ со вдовою Уланда. Въ домикѣ средней руки, въ простенькой гостиной, любезно встрѣтила насъ старушка, довольно нарядно одѣтая и весьма любезная. Посидѣли мы у нея не долго. Она говорила о Штутгартѣ, гдѣ она долго жила съ Уландомъ, когда онъ былъ политическимъ дѣятелемъ и ссорился съ депутатами „Zanckte sich mit den abgeordneten“—прибавила она съ улыбкой. Она говорила, что не думала, что онъ такъ скоро умретъ: онъ былъ свѣжъ и здоровъ и вдругъ простудился—на похоронахъ одного пріятеля. Я только-что передъ тѣмъ купилъ стихотворенія Уланда и былъ восхищенъ стихотвореніемъ на гробъ королевы Екатерины Павловны. Немудрено, что я заговорилъ объ этомъ. Старушка сказала, что мужъ ея не зналъ королевы и не былъ ей представленъ; что онъ далекъ былъ отъ величія и отъ двора, но королеву всѣ уважали. Уландъ зналъ о ея добродѣтеляхъ вотъ какимъ путемъ: отчимъ г-жи Уландъ былъ воспитателемъ кронъ-принца, мужа Екатерины Павловны и отца короля Карла, и потому бывалъ при дворѣ. Къ тому же другой родственникъ ея былъ воспитателемъ принца Петра Ольденбургскаго, сына королевы отъ перваго брака. Поэтому Уландъ, какъ и нашъ Пушкинъ Елисавету—„Екатерину втайнѣ пѣлъ“, хорошо зная о ея добродѣтеляхъ.

Христіанская проповѣдь въ Китаѣ и Японіи.

Вниманіе христіанъ (особенно западныхъ) въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ Китай своими гоненіями на христіанъ, избіеніями миссіонеровъ и пр. Оттуда получаются самыя удручающія извѣстія. Гоненія и народныя возмущенія возможны всюду. Но печально то, что китайская народная масса, несмотря на всѣ благодѣянія, расточаемыя на нее изъ миссій, несмотря на опытъ долгихъ лѣтъ, который могъ бы убѣдить ее въ честности миссіонерскихъ намѣреній,—несмотря на все это, народная масса остается по-прежнему непримиримо враждебной къ христіанству и его проповѣдникамъ. До сихъ поръ она рѣшительно ни на линію не подвинулась къ христіанству, и даже, повидимому, нѣтъ основанія и надѣяться, чтобы она когда-нибудь подвинулась. Японія — другая страна дальняго Востока — наоборотъ еще недавно возбуждала самыя смѣлыя надежды: ея ничѣмъ неудержимое стремленіе къ просвѣщенію, ея быстрый ростъ въ европеизмѣ, ея живой интересъ къ христіанству и масса обращающихся—давали поводъ думать, что недалеко то время, когда Японія будетъ страной христіанской. Являлись даже сочиненія, напримѣръ: „О немедленной христіанизаціи Японіи“. Но прошло лѣтъ 20, и разговоры приняли совсѣмъ другой характеръ. Заговорили объ оскудѣніи въ японцахъ интереса къ христіанству, о неудовлетворительности и ненадежности японскихъ проповѣдниковъ, о перемѣнчивости японцевъ, о томъ, что многіе изъ нихъ оставляютъ христіанство также легко, какъ раньше легко приняли его, указывали фактъ замѣчательнаго индифферентизма въ готовящихся къ проповѣди (напр. студенты христіанскихъ семинарій и разныхъ богословскихъ школъ не считаютъ для себя особенно труднымъ вдругъ

перейти въ буддійскую школу и наоборотъ). Все сильнѣе заявляется о неискренности японской христіанизаціи и, кромѣ того, о прямой реакціи противъ христіанства и пробужденіи языческаго націонализма въ его старой китайской формѣ. Такимъ образомъ, и въ Японіи, несмотря на видимую противоположность, положеніе христіанства совершенно одинаково съ китайскимъ: масса народная по-прежнему глуха къ христіанству, и все различіе только въ томъ, что японцы сначала было увлеклись новымъ и бросали старое, а потомъ снова къ послѣднему возвратились, — Китай же солидно оставался при своемъ древнемъ убѣжденіи. Потрачено много трудовъ и средствъ и даже жизней на христіанизацію Востока, а не достигнуто, повидимому, ничего,—даже и почва не подготовлена для дальнѣйшаго дѣйствія. Послѣ столькихъ трудовъ, снова приходится начинать съ самаго начала, какъ будто въ новооткрытой странѣ. Такое положеніе вещей способно пробудить самыя тревожныя думы. Можетъ ли, вообще, Востокъ принять христіанство, подобно народамъ Запада? не представляетъ ли онъ изъ себя, въ силу своего народнаго склада и исторіи, области совершенно закрытой для христіанства, если не на всегда, то по крайней мѣрѣ на долгіе годы, впредь до особенно благопріятнаго оборота? Успѣхъ здѣсь (въ частности въ Японіи) христіанства не былъ ли только дѣланнымъ, внѣшнимъ, и ему грозитъ и теперь такое же мгновенное истребленіе, какое испытало 200 лѣтъ назадъ католичество именно здѣсь, въ Японіи? А если положеніе вещей не такъ отчаянно безнадежно, если миссія и миссіонеры нужны здѣсь, на Востокѣ, то какая миссія и какіе миссіонеры? Что̀ должны они имѣть въ виду, какую поставить себѣ задачу, чтобы ихъ дѣятельность имѣла какой-нибудь результатъ?—Вопросы, важные для всякаго, кому дороги вообще интересы своей вѣры. Думаемъ не лишне попытаться отвѣтить на нихъ по мѣрѣ возможности,—тѣмъ болѣе, что это не можетъ пройти безслѣдно для миссіи. Открывая наши надежды и наши силы этимъ интересующимся людямъ, мы, можетъ быть, укрѣпимъ ихъ вѣру въ Бога и православіе, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ заронимъ мысль и самимъ придти потрудиться здѣсь. Повѣдая имъ наши немощи и наши болѣзни, мы хотимъ побудить ихъ молиться за миссію, а желающимъ идти сюда думаемъ хоть нѣсколько живѣе представить будущія трудности и печали ихъ дѣятельности, чтобы они могли имѣть это въ виду заранѣе и не смущаться при встрѣчѣ.

I.

Причина возмущеній и реакціи противъ христіанства — совсѣмъ не случайна. Нельзя объяснить этихъ возмущеній, напр., тѣмъ, что католическіе миссіонеры вмѣшиваются въ политику. Кромѣ того, что это анахронизмъ, подобное объясненіе оставляетъ въ сторонѣ протестантскія миссія, которыя одинаково преслѣдуются. Нельзя объяснять это личнымъ составомъ теперешнимъ миссій и поведеніемъ ихъ членовъ, — ибо и протестантскіе, и католическіе миссіонеры, кромѣ удивленія и глубокаго уваженія за свой безкорыстный и самоотверженный трудъ, ничего не заслуживаютъ.

Правда, въ послѣднее время невѣры и др. сильно нападаютъ на матеріально обезпеченную и комфортно устроенную жизнь протестантскихъ миссіонеровъ и обвиняютъ, поэтому, ихъ въ лицемѣріи, въ томъ, что, проповѣдуя христіанство—религію самоотреченія, они ни одной іотой своего комфорта не хотятъ поступиться въ пользу ближняго и своего дѣла.

„То, что миссіонеры среднихъ вѣковъ дѣлали одною силой своей вѣры и ревностію, не требуя ни отъ кого помощи, —этого вашъ новѣйшій миссіонеръ старается достигнутъ лицемѣріемъ и пожертвованіями отъ постороннихъ людей, не дѣлая ни малѣйшаго ущерба дорогому для нею комфорту и еще болѣе дорогому толстому кошельку, боясь запылить свои блестяще вычищенные сапоги или замарать безукоризненную грудь свой рубашки“ [1]). Это, можетъ быть, правда относительно нѣкоторыхъ (ибо въ числѣ многихъ сотенъ человѣкъ всегда найдется уродъ), правда, можетъ быть, относительно семейныхъ, жизнь которыхъ уже, само собой, смотритъ гораздо устроеннѣе, чѣмъ холостая, — но вообще говоря, никто не имѣетъ права обвинять въ этомъ протестантскихъ миссіонеровъ (о католическихъ мы не говоримъ,—они живутъ въ крайней, даже бьющей въ глаза, простотѣ) и многое, что писалось противъ нихъ, должно быть отнесено только къ желчности писавшихъ, а не къ правдѣ. Не можетъ эта причина объяснить и охлажденіе язычниковъ, ибо послѣдніе кромѣ добра отъ миссіонеровъ ничего не видали.

Причина этихъ возмущеній и охлажденія лежитъ въ самомъ

---

[1]) Писалъ одинъ изъ невѣровъ въ здѣшней „Iapan Mail“.

психическомъ складѣ восточнаго человѣка, который необходимо долженъ сторониться отъ христіанства и не понимать его, хотя бы никакихъ другихъ отрицательныхъ обстоятельствъ на него и не дѣйствовало. Причина эта въ двухъ основныхъ чертахъ восточной души: ея крайней матеріализаціи, почти атрофіи по отношенію къ духовнымъ предметамъ и интересамъ, и потомъ въ національной самозаключенности восточныхъ людей, рѣшительно не позволяющей имъ сливаться съ другими народами въ нравственный союзъ, какъ не могутъ слиться масло и вода. Эти главныя, въ связи съ случайными и посторонними обстоятельствами, и дѣйствуютъ въ антихристіанскомъ настроеніи дальняго Востока.

1. Обращаясь къ душевной жизни здѣшнихъ людей, спросимъ прежде всего, въ чемъ заключаются ихъ идеалы, гдѣ тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ и осмысливаетъ ихъ здѣшнюю жизнь и руководитъ въ ея перипетіяхъ?

„Свѣтомъ Востока“ названъ буддизмъ,—повидимому, въ буддизмѣ и долженъ быть самый яркій оттискъ китайско-японскихъ идеаловъ. Но это далеко не такъ: буддизмъ отнюдь не выражаетъ народной души этихъ странъ и не опредѣляетъ ея идеаловъ. Не говоря уже о томъ, что онъ въ Китаѣ—религія только терпимая, не говоря о томъ, что китайскіе буддисты бываютъ таковыми только въ извѣстную пору своей жизни, въ иныхъ же случаяхъ столь же усердно прибѣгаютъ къ таоистическимъ идоламъ (руководясь, стало быть, не вѣрой, а суевѣрнымъ желаніемъ заговора противъ непонятной судьбы и не разбирая, кто даетъ этотъ заговоръ),—даже здѣсь въ Японіи, при видимомъ торжествѣ своемъ, не онъ носитъ въ себѣ японскіе идеалы и не онъ выражаетъ японскую психологію. Зная, что̀ такое буддизмъ самъ по себѣ, мы глубоко ошибемся, если по нему будемъ судить о здѣшнихъ людяхъ; потому что не буддизмъ опредѣлилъ народную жизнь, а наоборотъ эта народная жизнь совершенно переродила буддизмъ по-своему, преобразовала его даже съ противорѣчіемъ его существу. Буддизмъ Будды и буддизмъ—религія народовъ дальняго Востока,—это двѣ вещи такъ же различныя между собою, какъ различны, напр., христіанство и какое-нибудь манихейство или гностицизмъ. Противорѣчіе—въ самомъ корнѣ, и только внѣшнее подобіе и сходство именъ могутъ ввести въ заблужденіе. Буддизмъ, какъ религія, компилятивенъ по существу. Онъ собираетъ на свой пустой алтарь всѣхъ боговъ, съ которыми бы онъ ни встрѣтился,—

онъ освящаетъ всякое ученіе, всякое вѣрованіе, всякіе идеалы, какъ бы различны и даже противоположны между собой они ни были, — онъ усвояетъ себѣ всякую форму, всякій обрядъ, всякое устройство, лишь бы только это отвѣчало времени и народу той страны, въ которую онъ пришелъ. Возможенъ ли, напр., бракъ для бонзъ съ буддійской точки зрѣнія? Возможно ли общеніе съ умершими, навсегда стертыми изъ книги бытія? Однако, буддизмъ допустилъ и это. Много ли пробыло здѣсь протестантство? всего 20—25 лѣтъ. Однако и у него буддизмъ успѣлъ уже позаимствовать наиболѣе подходящее для него: надняхъ отмѣчали фактъ, что буддійскія свадьбы начинаютъ совершаться совершенно по-протестантски, даже содержаніе проповѣди (о совершеніи обѣтовъ предъ лицомъ Бога, о ненарушимости этого союза и проч.) заимствовано [1])! Такъ буддизмъ расположенъ компилировать! Онъ, какъ воскъ, принимаетъ въ себя всякое впечатлѣніе и моментально мѣняетъ себя, моментально приспособляется къ потребностямъ и духу времени, жертвуя всѣмъ своимъ, до самаго существеннаго. Можно ли, поэтому, въ буддизмѣ искать идеаловъ и психологіи Китая и Японіи, если не Японія или Китай слѣдовали буддизму, а наоборотъ этотъ послѣдній поспѣшилъ приспособиться къ китайско-японской психологіи?

„Свѣтъ" дальняго Востока скорѣе есть конфуціанство, если не въ смыслѣ законодателя народной жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ самаго лучшаго, самаго яркаго выразителя ея; такъ что, не видя Китая и Японіи, но зная конфуціанство, мы уже знаемъ китайскую душу, знаемъ способъ ея міровоззрѣнія, ея идеалы, стремленія. Конфуціанскій (т. е. или происходящій отъ Конфуція или вполнѣ ему отвѣчающій) складъ жизни и способъ міровоззрѣнія и есть именно та черта, которая такъ рѣзко обособляетъ и отличаетъ жителя дальняго Востока, къ какой бы странѣ или религіи онъ ни принадлежалъ. Каковъ же этотъ свѣтъ?

Прежде всякаго разсужденія можно согласиться, что не можетъ быть ничтожной мораль, такъ рѣшительно и могущественно опредѣлившая собою жизнь 450 милл. людей и въ продолженіе

[1]) Пройдетъ какихъ-нибудь сто лѣтъ, и либералъ-ученый будетъ съ апломбомъ доказывать, что протестантство заимствовало свой обрядъ у буддизма. Это нужно было бы помнить очень многимъ,—тогда, можетъ быть, поменьше говорили бы объ обрядовыхъ заимствованіяхъ христіанства у буддизма—компилятора по существу.

тысячелѣтій. Хотятъ это объяснить тѣмъ, что Конфуцій не выдумалъ свое ученіе, а только систематизировалъ прежнее народно-китайское. Достоинство его ученія отъ этого отнюдь не уменьшается. Много являлось учителей, много было и религій національныхъ,—всѣ они, какъ достояніе страны и народа, безъ сомнѣнія, стремились и могли выразить не иное что-нибудь, какъ народное же міровоззрѣніе. Однако сколько народовъ, ученій, религій унесено временемъ и пропало безъ слѣда для настоящаго, а Конфуцій и Китай все стоятъ и все не теряютъ своей китайской физіономіи! Могло ли бы это быть, если бы конфуціанскій строй жизни не носилъ въ себѣ залога долговѣчности?

Одинъ русскій писатель особенно восхвалялъ Конфуція за то, что онъ воскресилъ и оживилъ народную мораль, указавъ ей вполнѣ естественный и потому вѣчный, никогда не умирающій въ человѣчествѣ мотивъ дѣятельности,—именно, мотивъ личнаго благополучія. Между тѣмъ какъ остальные моралисты усиливались обосновать мораль на вѣрѣ въ загробное мздовоздаяніе,—вѣрѣ, постоянно слабѣющей подъ напоромъ болѣе интенсивныхъ впечатлѣній міра,—Конфуцій разъ навсегда бросилъ эту вѣру и эту загробную область и указалъ человѣку, въ качествѣ мотива для добродѣланія, простой разсчетъ: „если ты будешь соблюдать законы приличнаго (т. е. не свѣтскихъ приличій, а отношеній, свойственныхъ и должныхъ каждому человѣку по его общественному положенію,—таковы отношенія подданныхъ и государя, родителей и дѣтей, мужа и жены и проч.),—то государство будетъ прочно, отчего будетъ благоденствовать народъ, а съ нимъ и ты“. Вотъ сущность и сила Конфуціевой морали! Въ этомъ разгадка ея долговѣчности и дѣйственность: она, по мнѣнію этого ученаго,—мораль нормальная, естественная, покоящаяся на реальныхъ (матеріальныхъ) потребностяхъ, а не на идеальныхъ мечтаніяхъ о загробной жизни. Мы съ своей стороны прибавимъ, что въ конфуціанствѣ нашло себѣ самое полное выраженіе благоразуміе, которымъ, по слову Спасителя, „сыны вѣка превосходятъ сыновъ царствія“,—въ немъ собрано все, что было въ распоряженіи ветхаго человѣка, чтобы придать его жизни благоустройство и достоинство гражданской порядочности. Оттого и выводы конфуціанства, какъ увидимъ, въ сущности общи у него со всякимъ „ветхимъ“ міровоззрѣніемъ, присущи всякому, живущему по принципамъ ветхаго человѣка во всѣхъ странахъ

и народахъ. Вотъ почему Китай и живетъ хорошо и дорожитъ этимъ міровоззрѣніемъ.

О пригодности такого мотивированія гражданской добродѣтели спорить не будемъ. Гражданская, т. е. земная добродѣтель, конечно, можетъ стоять на началахъ земныхъ. Законъ Божій, освящая собою основы соціальной жизни („Чти отца твоего и матерь"), указалъ на естественное послѣдствіе этого, какъ на мотивъ, въ земномъ благополучіи: „Да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли". И намъ кажется, не будетъ слишкомъ смѣлымъ признать конфуціанство развитіемъ именно пятой заповѣди Закона Божія и въ этомъ видѣть его соприкосновеніе съ нимъ. Но, вѣдь, человѣкъ не только членъ государства, или общества, или семейства, кромѣ того и главнымъ образомъ онъ есть *личность*, которая ни государствомъ, ни семействомъ, ничѣмъ другимъ не покрывается. Кромѣ соціальной жизни, у человѣка есть жизнь индивидуальная, личная, которая и есть собственно его настоящая жизнь, прочее же только условія или своеобразная комбинація отдѣльныхъ жизней. Конфуцій, увлекшись комбинаціей, позабылъ о томъ, что̀ комбинируется. Кончается ли человѣкъ тамъ, гдѣ кончается государство? На этотъ вопросъ Конфуцій закрылъ глаза. Въ этомъ—зло конфуціанской морали. Въ этомъ берутъ свое начало два вывода конфуціанскіе, имѣющіе роковое значеніе для христіанизаціи дальняго Востока.

2. У человѣка много силъ и много способовъ раскрывать эти силы и достигать такой или другой степени земнаго благополучія. У человѣка, слѣдовательно, много и причинъ считать себя независимымъ ни отъ кого и гордиться предъ собой и прочей тварью. Но это не все. Кромѣ этого міра человѣкъ имѣетъ отношеніе къ міру небесному, кромѣ себя и твари имѣетъ надъ собой еще Судію, которому необходимо придется отвѣчать, какъ бы ни казалось прочнымъ настоящее благополучіе человѣка, и предъ нелицепріятнымъ судомъ котораго— пустой звукъ всѣ государственныя заслуги и отличія, все поклоненіе общества и слава, если самъ человѣкъ нечистъ въ душѣ. Ветхій человѣкъ знаетъ или чувствуетъ присутствіе этого Судіи,—но, съ другой стороны, онъ также знаетъ и чувствуетъ, что у него нѣтъ ничего, чѣмъ бы умилостивить Его,— онъ на опытѣ дозналъ, что какъ бы ни были велики его усилія, онъ все равно будетъ подъ гнѣвомъ Божіимъ. Отсюда постоянный диссонансъ въ жизни, способный отравить и обез-

цвѣтить всякое земное благополучіе. „Что пользы пріобрѣсти весь міръ и погубить душу свою?“ Эту истину ветхій человѣкъ, если только онъ думаетъ, понимаетъ очень хорошо и очень ясно. Отсюда его томленія, его жертвы, его безнадежное исканіе, кто бы избавилъ его „отъ тѣла смерти“. Всѣ эти исканія не приводили ни къ чему, а только розовый колоритъ жизни портили. Конфуцій и нашелъ средство утолить эту тоску. „Тебя страшитъ отвѣтъ предъ Богомъ и томитъ удаленіе отъ Него? Тебя привлекаютъ эти утраченныя тобою далекія блага?“ спрашиваетъ онъ. „Хорошо. Не смотри на нихъ. Ты вѣдь, все равно, возвратить ихъ себѣ не можешь. Зачѣмъ же стараться достигнуть недостижимаго и, такимъ образомъ, раздвоять свои силы? Удобнѣе и благоразумнѣе лучше бросить мысль объ этомъ и заняться здѣшней жизнью, такъ, по крайней мѣрѣ, не лишишь себя того, что́ есть въ рукахъ. Не можешь быть праведникомъ и блаженнымъ вѣчно? Ну, будь хоть благополученъ временно. Не можешь примириться съ Богомъ, не можешь выйти изъ-подъ Его гнѣва? Ну, и не думай о Богѣ, не ищи Его прощенія: это дастъ тебѣ спокойствіе души и освободитъ отъ безполезныхъ томленій. Для этой жизни силъ у тебя хватитъ, а будущая все равно недостижима“. Недостижимо небо,—такъ забудемъ его и займемся землей,—вотъ трагическій смыслъ конфуціанства. Чтобы не развлекаться недостижимымъ, человѣкъ разъ навсегда порвалъ свои отношенія къ Богу, почти искоренилъ въ себѣ идеи божества и всѣ идеальнѣйшія стремленія и порывы, и весь отдался землѣ, погрязъ въ матеріи. Въ результатѣ, послѣ долгихъ вѣковъ житейскаго опыта, получилась удивительнѣйшая приспособленность человѣка къ земной жизни,—но за то почти полная атрофія всѣхъ высшихъ, истинно человѣческихъ силъ и стремленій. Но, вѣдь, у конфуціанца есть же религія? Есть, конечно; но смыслъ ея уже не тотъ. „Не религія дѣлаетъ людей великими, а люди религію“, говоритъ Конфуцій, т. е. не въ самой религіи—ея значеніе и достоинство, не въ ея той или другой объективной истинности (объ этомъ даже и мысли не является),—а въ ея носителяхъ. Будь она хоть самая нелѣпѣйшая, но если ея послѣдователи хорошіе граждане, стало быть, она хороша. Если гдѣ-либо, то—въ конфуціанствѣ религія сознательно и послѣдовательно обращена въ силу государственную и только, какъ такая, имѣетъ значеніе. И въ религіи, слѣдовательно, чело-

вѣкъ сумѣлъ позабыть о Богѣ и ограничиться одной только землей и выгодой.

Какъ же Китай могъ послѣ этого встрѣтить христіанство? Одинъ образованный китаецъ за прошлый годъ напечаталъ въ англійской газетѣ свое „Defensio populi ad populos“ (какъ онъ назвалъ свою статью). Здѣсь онъ излагаетъ китайскую оцѣнку христіанства, въ частности миссіонерство. Цѣли миссіонерскаго дѣла (равно плоды христіанства), по мнѣнію китайца, сводятся къ тремъ: нравственное улучшеніе людей, умственное просвѣщеніе и благотворительность. Но ни одна изъ этихъ цѣлей не достигается христіанствомъ. Нравственно оно людей не улучшаетъ, т. е. не дѣлаетъ ихъ лучшими гражданами. Иначе „почему образованные и развитые классы такъ мало увлекаются христіанствомъ и такъ мало обращаются? Не одни ли только невѣжды и бѣдняки принимаютъ новую вѣру? Да и эти самые обращенные дѣлаются ли нравственно выше или даже становятся ли они хоть такими же добрыми и полезными гражданами, какъ тѣ, которые остались при своей прадѣдовской вѣрѣ?“ Умственнаго просвѣщенія христіанство и брать на себя не можетъ: „представители христіанства лишь очень немного вѣковъ тому назадъ жгли и преслѣдовали за неправославіе и научныя занятія“. Да, кромѣ того, какъ можетъ христіанство говорить о просвѣщеніи, когда оно, сообщая научныя данныя о природѣ, тутъ же говоритъ о чудесахъ? (Замѣчательно неуловима для него идея Бога!) Благотворительность же миссій для Китая не особенно много приноситъ пользы: многое идетъ на миссіи и миссіонеровъ, на почтовые расходы и пр., а главное: китайцы, по милости миссіонеровъ, должны были заплатить огромныя суммы (это за разрушенныя китайцами же миссіонерскія зданія!!). Китаецъ, такимъ образомъ, говоритъ о всемъ и не въ состояніи замѣтить главнаго, почему дорого христіанство, — и по необходимости, конечно, приходитъ къ выводамъ отрицательнымъ. Для Китая христіанство не религія, не союзъ человѣка съ Богомъ,—а только земная, культурная, государственная сила. Онъ, потому, и хочетъ цѣнить и принимать его только въ виду государственной или народной пользы. Приноситъ оно такую пользу,—оно имѣетъ право на существованіе: „пусть миссіонеры тогда пользуются покровительствомъ до послѣдней возможности, говоритъ авторъ „Defensio“. Приноситъ оно пользы болѣе, чѣмъ прежняя религія, его нужно принять взамѣнъ

этой. Если же нѣтъ, то зачѣмъ его принимать? Какой смыслъ этого принятія? Наклонный къ подражательности, пожалуй, приметъ его и въ этомъ случаѣ,—но, вѣдь, посѣдѣлый въ своихъ опытахъ Китай не будетъ безъ нужды мѣнять испытанное свое на неиспытанное чужое. Если же христіанство, кромѣ такой безполезности, приноситъ прямой вредъ Китаю,—то принимать уже не только неблагоразумно, но и преступно для истиннаго китайца. Христіанство же, по мнѣнію китайцевъ, и приноситъ именно вредъ Китаю, и этотъ вредъ (не говоря о второстепенномъ)—въ томъ, что оно объявляетъ несостоятельными всѣ тѣ основы жизни, на которыхъ покоился Китай тысячелѣтія,—что оно объявляетъ ложными ихъ „святыхъ" съ Конфуціемъ во главѣ,—что оно учитъ не соблюдать почтенія къ предкамъ,—что оно, разрушая все это, съ своей стороны не приноситъ началъ, столь же приспособленныхъ къ китайскому благополучію, какъ разрушенныя. Вотъ, напр., жалоба 8 дворянъ изъ провинціи Хунанъ (центръ антихристіанскихъ возбужденій), поданная въ 1890 г. китайскому министерству иностранныхъ дѣлъ. По ихъ словамъ, когда допускали христіанство въ Китай, не понимали всей его опасности, теперь же она стала слишкомъ очевидна. „Прежде всѣ въ Хунанѣ почитали своихъ прадѣдовъ и дѣдовъ и были благодарны за ихъ благодѣянія; всѣ изучали „Четверокнижіе" и классиковъ и пр.; всѣ читали священныя наставленія Юнь-Чень, гдѣ сказано, что христіанская религія не согласна съ классиками... Но вотъ проносится слухъ, что варвары пришли въ Хунанъ учить своей религіи. Наши ученые, погруженные въ свои занятія, на первыхъ порахъ не имѣли времени изслѣдовать этого дѣла... Но зловѣщая молва съ каждымъ годомъ распространялась шире и шире, и народъ волновался... Говорили, что христіанскія книги проповѣдуютъ противное „*приличному*" (китайск.),—проникнуты анархизмомъ (и государственнымъ, и семейнымъ), лишены основныхъ принциповъ жизни и исполнены заблужденія,—что ихъ ученіе нарушаетъ „*пять отношеній*" (въ которыхъ выражается „приличіе"), — что они дерзостно лаютъ на небо, на землю, на три свѣтила и называютъ все это твореніемъ Іисуса. Они лаютъ на дѣдовъ и прадѣдовъ, на мать и отца, говорятъ, будто послѣдніе послѣ своей смерти суть просто сосуды, вышедшіе изъ употребленія. Они злословятъ всѣхъ безъ исключенія древнихъ мудрецовъ, святыхъ, боговъ и духовъ... Мы ученые виноваты, что не приняли предосторожности еще много

лѣтъ назадъ и не придумали защиты противъ этихъ дьявольскихъ муравьевъ,—что мы допустили людямъ страны нашихъ праотцевъ быть развращенными этой злокачественной вонью и оставить многотысячелѣтнюю добродѣтель Яо, Сюнь, Конфуція и Менція, допустили ихъ нерадѣть о поклоненіи дѣдамъ и прадѣдамъ и быть неблагодарными за милости, ниспосылаемыя многосотлѣтними генераціями императоровъ и императрицъ". Такимъ образомъ, судить объ истинности или пригодности христіанства китайцу совсѣмъ не приходится,—у него есть уже готовый критерій—„тысячелѣтняя добродѣтель Яо, Сюнь" и пр., которая испытана Китаемъ. Разъ христіанство несогласно съ ними и даже грозитъ стать на ихъ мѣсто, не только принимать, но и терпѣть его въ Китаѣ не слѣдуетъ,—миссіонеры должны быть удалены, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если же, несмотря на это нежеланіе, христіанство все-таки усиливается проникнуть въ Китай; если въ это дѣло вмѣшиваются европейскія государства, которыя насильно принуждаютъ китайское правительство дозволять миссіонерство и за каждое народное возмущеніе противъ христіанства вооруженною силою вымогаютъ у Китая удовлетворенія и денегъ,—то китаецъ не только проклинаетъ христіанство, какъ нечестіе, онъ начинаетъ ненавидѣть его, какъ только можетъ человѣкъ матеріализированный ненавидѣть своего врага-побѣдителя, безнаказанно наносящаго кровное оскорбленіе его національной гордости и великій ущербъ его матеріальному благосостоянію. „Какъ они (миссіонеры),—восклицаетъ авторъ „Defensio",—могутъ приходить сюда съ проповѣдью милосердія и кротости, и въ то же время стращаютъ народъ картечью (съ европейскихъ канонерокъ) за то, что можно назвать ничѣмъ инымъ, какъ только простительнымъ невѣжествомъ"... Когда христіанство (расходящееся съ данными новѣйшей науки) „навязывается людямъ съ высокомѣріемъ и нахальствомъ изувѣровъ, присвоившихъ себѣ монополію спасенія,—а сзади поддерживается угрозами канонерокъ,—то это заставляетъ китайцевъ ненавидѣть иностранцевъ, какъ только могутъ ненавидѣть тѣ, кто видитъ свою цивилизацію, свое развитіе, все, дороже чего и святѣе для нихъ нѣтъ ничего,—въ опасности совершеннаго уничтоженія". Поэтому-то при видѣ христіанъ поднимается, по словамъ хунанцевъ, скрежетъ зубовный и желаніе собственными зубами растерзать ихъ ненавистное тѣло. „Какъ укротится наша ярость, чѣмъ утолится наша не-

нависть, если мы не съѣдимъ ихъ тѣло? [1]) Если мы не съѣдимъ ихъ, они съѣдятъ насъ милліонъ разъ! Намъ нельзя жить вмѣстѣ: или мы, или они, но кто-нибудь долженъ умереть!"

Итакъ, если христіанство приноситъ осязаемую, матеріальную пользу государству и народу, оно допустимо,—если нѣтъ, его не нужно. Если оно вредно, необходимо его изгнать,—а, если оно входитъ вопреки нежеланію имѣть его и входитъ насиліемъ, оно—смертельный врагъ Китая. Вотъ логика китайскихъ отношеній къ христіанству.

Такова же въ сущности логика и японская; ибо міровоззрѣніе японцевъ заимствовано изъ Китая же. Несмотря на видимое уклоненіе отъ Китая теперь, японцы не могутъ еще бросить китайскаго способа мышленія и китайскаго расположенія: наслѣдственное не скоро искореняется. Также, какъ и китаецъ, японецъ по-прежнему не поднимается съ земли и думаетъ только о землѣ и выгодѣ. Онъ можетъ воодушевляться, окрыляться, но не высокъ его полетъ и, куда бы онъ ни залетѣлъ, непремѣнно опять спустится на землю. Подъ часъ онъ удивитъ васъ своей быстрой сообразительностью въ вѣрѣ и готовностью принять ее. Онъ будетъ чуть не со слезами на глазахъ проповѣдовать Христа, и именно Христа, а не пользу Его ученія. „Вѣровать во Христа нужно потому, что Онъ—Богъ, потому, что Онъ единственно есть путь, истина и жизнь,—потому, что только въ Немъ—смыслъ человѣческой жизни, всѣ же остальные идеалы—или недомысліе, или недоразумѣніе". Но въ концѣ концовъ вы открываете, что идти этимъ путемъ, исповѣдывать эту истину, стремиться къ жизни и проч. необходимо потому, что отъ этого будетъ процвѣтать японское государство! Какъ высоко вы поднялись сначала, такъ низко спускаетесь при этомъ концѣ концовъ. Сначала вы восхищались понятливостью вашего слушателя, — а потомъ приходите въ отчаяніе отъ его глухоты, отъ его неспособности искать и любить Христа ради Его самого, а не ради того, что „ѣли хлѣбъ и насытились" (Іоан. 6) [2]). Какъ будто бы Христосъ

---

[1]) Китайскій идіотизмъ, для выраженія ненависти и желанія мщенія. Употребляется и въ японской литературѣ.

[2]) Читатели, конечно, понимаютъ, что мы нарочно выбираемъ примѣры наиболѣе яркіе, и что говоримъ о китайскомъ и японскомъ міровоззрѣніи и народѣ *вообще* (преимущественно о руководящей и мыслящей части народа), не имѣя въ виду отдѣльныхъ личностей, которыя, конечно, становятся христіанами, можетъ быть лучшими насъ самихъ,

для того только и приходилъ на землю, чтобы упрочить государство и сдѣлать людей полезными членами общества!

Характеренъ также слѣдующій случай. Одинъ молодой язычникъ поступилъ въ катихизаторскую школу, выслушалъ ученіе, повѣровалъ, крестился и готовился въ проповѣдники. Вдругъ онъ приходитъ съ заявленіемъ, что христіаниномъ быть не можетъ,—ибо, по христіанскому ученію, „Богъ оказывается выше японскаго императора!!“ Человѣкъ принялъ крещеніе искренно (въ противномъ случаѣ не пришелъ бы онъ откровенно отрекаться), — онъ, очевидно, къ Кому-то обратился въ душѣ, Кого-то ощутилъ изъ-за своей языческой тьмы, — но прежнее взяло верхъ, и онъ, видя уже Бога, до того омрачился, что и Его хотѣлъ подчинить своему японскому императору. Трудно японцамъ бросить привычную стихію ихъ китайскаго патріотизма и подняться до признанія въ христіанствѣ жизни и свѣта, дорогихъ сами по себѣ, безъ всякаго отношенія къ міру. Глядя на нихъ, невольно думается, что, и повѣривъ во Христа, они не тронутся съ мѣста, не рѣшивъ предварительно: „позволительно ли это съ точки зрѣнія патріотизма? Не противорѣчитъ ли это моимъ обязанностямъ, какъ подданнаго японскаго императора?“ Если нѣтъ,—онъ крестится, а если—да, то, пожалуй, и замедлитъ. Невольно думается, что слѣдуютъ они Христу не потому, что въ Немъ одномъ — спасеніе, а потому, что слѣдовать Ему можно не нарушая вѣрности японскому императору, который, а не Христосъ, продолжаетъ быть для нихъ владыкою неба и земли, рѣшителемъ здѣшней и будущей судьбы его вѣрноподданныхъ. Какъ можно *вѣровать въ Бога*, въ нашу будущую жизнь, для которой мы и созданы, — и въ

такъ какъ Христова истина не приспособлена къ пониманію какого-нибудь одного народа, а есть всеобщее достояніе. О китайцахъ въ миссійскихъ отчетахъ есть свидѣтельства, что китаецъ, разъ искренно принялъ христіанство, становится хорошимъ и твердымъ христіаниномъ, хотя поддается медленно убѣжденію. Японцы, особенно простой народъ, которому не особенно заманчивы и понятны всѣ эти культуры и который не хочетъ блистать во главѣ народныхъ массъ, — могутъ хорошо, сердечно вѣровать и представляютъ примѣры истинно-христіанскаго благочестія. Мы говоримъ о японцахъ и китайцахъ въ томъ же смыслѣ, какъ, напр., часто говорятъ о православіи русскаго народа, о его смиреніи, Христоношеніи и т. п., разумѣя не всѣхъ отдѣльныхъ личностей (которыя могутъ имѣть качества прямо противоположныя), а міровоззрѣніе и характеръ народа вообще, какъ онъ (характеръ) выражается въ лучшей части, носительницѣ народныхъ идеаловъ.

то же время *подчинять* все это патріотизму, какъ чему-то высшему для человѣка?! Трудно и вообразить себѣ такое ослѣпленіе души! Можно, конечно, отречься отъ Бога и Христа ради грѣха, ради страсти, корысти или страха, вообще по слабости воли,—но сознательно подчинять Бога императору—это рѣшительно нѣчто непостижимое!

Фактъ этой духовной невоспріимчивости японцевъ замѣченъ всѣми, кто только имѣлъ случай наблюдать и размышлять объ ихъ душевномъ складѣ. Не ходя далеко и опуская свидѣтельство свѣтскихъ наблюдателей [1]), мы возьмемъ свидѣтельство миссіонерское. Предъ нами только-что полученный отчетъ лондонскаго „Society for the propagation of the Gospel" за 1891 г., и въ немъ, въ отдѣлѣ „Asia. Japan" читаемъ: „Въ поражающей противоположности Китаю, сообразительный и стремительный японскій народъ, послѣ своего долгаго заключенія и дреманія, — теперь, кажется, уже слишкомъ старательно слушаетъ одно только новое и усвояетъ себѣ все, что̀ бы ни приходило къ нему отъ прогрессивнаго Запада. Нужно опасаться, что христіанство принимается имъ только, какъ элементъ западной цивилизаціи, а не какъ та соль, которая оздоровляетъ эту цивилизацію и предохраняетъ ее отъ матеріализма и себялюбія" (стр. 67—68).

Такимъ образомъ, японцы, хотя бросили Китай, но китайское „покрывало" все еще „лежитъ на ихъ глазахъ при слышаніи и чтеніи закона", не могутъ и они „открытымъ лицомъ взирать на славу Божію". „Душевный"—погруженный въ матерію, человѣкъ не воспринимаетъ того, что — „отъ Духа Божія",—оно „кажется ему безуміемъ".

3. Другой выводъ конфуціанства—отчужденность отъ всего остальнаго человѣчества. Китаецъ знаетъ пять отношеній: 1) правителей и подданныхъ; 2) родителей и дѣтей; 3) мужа и жены; 4) старшаго и младшаго брата и 5) друзей. *Личности* онъ не знаетъ и не имѣетъ въ виду, а знаетъ только государя, родителя, мужа и проч., вообще извѣстный рангъ, извѣстное положеніе въ семьѣ, обществѣ или государствѣ. Само собою понятно, что всѣ эти отношенія только въ предѣлахъ извѣстной семьи, извѣстнаго общества или государства и имѣютъ значеніе. Я не могу считать своимъ родителемъ чужаго отца, своимъ

---

[1]) Поучительно въ этомъ отношеніи прочитать, напр., Percival Lowell's „The soul of the far East".

братомъ чужаго брата. За предѣлами *нашей* семьи прекращаются семейныя отношенія. Какъ же послѣ этого китайцу смотрѣть на иностранцевъ? Для членовъ чужой, но китайской, семьи онъ находитъ критерій отношеній въ обществѣ или своемъ государствѣ, возглавляемомъ „Сыномъ Неба". Но, вѣдь, не будетъ же онъ считать „Сыномъ Неба" и своимъ государемъ чужаго государя, — не будетъ, слѣдовательно, и подданныхъ этого послѣдняго считать своими соподданными. Гдѣ же критерій отношеній къ иностранцамъ? Съ китайской точки зрѣнія, бытіе иностранцевъ рѣшительно недопустимо и непонятно. „Поднебесную" для китайца и японца составляетъ только его государство, — вселенной, въ нашемъ смыслѣ слова, для него не существуетъ. Все, что внѣ имперіи, для него почти — небытіе, или только съ большими натяжками можетъ похитить себѣ право на бытіе. Что же такое представляютъ изъ себя европейцы? Что они за существа такія, люди ли они или животныя, — китаецъ окончательно затрудняется сказать. Поэтому, китаетъ креститъ насъ „варварами съ какихъ-то несчастныхъ островишекъ", — очевидно, не достойныхъ и упоминанія рядомъ съ „Поднебесной". Японецъ же величаетъ насъ, „цикусёо (т. е. звѣрье [1]). Очевидно, европейцы для нихъ не болѣе, какъ млекопитающія, понять же ихъ, какъ людей, и относиться къ нимъ, слѣдовательно, какъ къ людямъ, человѣкъ съ китайскимъ умомъ рѣшительно не въ состояніи: все человѣчество раздѣлено у него на 5 разрядовъ, а всѣ эти разряды внутри его государства, куда же дѣвать ему иностранцевъ? На долю послѣднихъ въ распоряженіи китайца остается только одно отношеніе, именно отношеніе къ животнымъ и неодушевленной природѣ, т. е. не нравственный союзъ, а тольно эксплоатація (понимаемъ это слово въ самомъ обширномъ и благородномъ смыслѣ).

„Но, вѣдь, это дико, жестоко, безсердечно", скажетъ кто-нибудь: „трактовать человѣка, какъ животное, можетъ только тотъ, кто самъ утратилъ человѣческое достоинство!" Съ нашей точки зрѣнія, — да, но съ здѣшней — нѣсколько иначе. Китайцевъ или японцевъ нельзя назвать народомъ жестокимъ или безсердечнымъ, — говоря вообще, они очень гуманный и человѣколюбивый народъ. Посмотрите на нихъ во время народныхъ

---

[1]) „Цикусёо" — собирательное слово для звѣрей, птицъ и даже насѣкомыхъ.

несчастій, напр., землетрясенія, бывшаго прошлый годъ въ Японіи. Какой общій подъемъ духа! какая готовность помочь нуждающимся!—Или возьмемъ сельскую жизнь. Задумаетъ крестьянинъ строить домъ, его сосѣди нравственно обязаны помогать ему въ постройкѣ безвозмездно,—захворалъ онъ, его полоса не остается невоздѣланной и неубранной, — опять сосѣдъ его замѣняетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ старой Японіи, при японскомъ распорядкѣ жизни, что̀ особенно и важно для насъ: въ этомъ видно свойство истинно народное, а не навѣянное совнѣ. Бросимъ взглядъ на *народную* литературу. Намъ случайно попалась одна ходячая японская повѣсть, герои которой или терпятъ всю свою жизнь разныя обиды, не мстя врагамъ, или же только и дѣлаютъ, что спасаютъ погибающихъ и помогаютъ бѣдствующимъ. Если уличный разсказщикъ предлагаетъ народу такую повѣсть, — онъ, очевидно, надѣется быть понятымъ и интереснымъ,—указанныя идеи, стало быть, находятъ себѣ дорогу къ японскому сердцу. Обратимся на минуту къ исторіи. Во время проѣзда сёгуна никто не имѣлъ права появляться на улицѣ,—за это слѣдовала смертная казнь. Но вотъ правительствомъ дѣлается какая-нибудь несправедливость, издается указъ неудачный и т. п.,—какъ апеллировать сёгуну? Находились люди, которые для пользы народа рѣшались подавать сёгуну просьбу при его проѣздѣ. Прошеніе обыкновенно исполнялось, а челобитчику рубили голову во исполненіе закона. Здѣсь мы видимъ не удаль, которая бросается безъ разсужденія на опасность (удальцовъ много въ японской исторіи,—но для удали не нужно великой души, достаточно пустоты и безшабашности, — не въ удали величіе народа), а прямо геройскій подвигъ самопожертвованія ради своихъ ближнихъ. Въ виду всего этого, говорить объ особенной, изъ ряду выходящей безсердечности и жестокости обитателей Востока, мы не имѣемъ основаній: они столь же человѣколюбивы, какъ и прочіе народы.

Но, вѣдь, *человѣколюбіе* и относится только къ *человѣку*,—не людей мы и принимаемъ, какъ не людей. Мы можемъ любить животныхъ, но какъ животныхъ. Мы можемъ ихъ холить, быть сострадательными къ нимъ и прочее,—но эта любовь никогда не достигнетъ характера нравственной связи, никогда не будетъ любовію самоограниченія и самопожертвованія. Точь въ точь такое отношеніе долженъ имѣть и китаецъ къ иностранцамъ. Послѣдніе для него животныя: можетъ ли онъ

относиться къ нимъ, какъ къ людямъ? Это рѣшительно невозможно, немыслимо, даже, пожалуй, смѣшно съ его точки зрѣнія. „Совершенный человѣкъ дѣлаетъ всегда то, что прилично данному его положенію, и никогда не желаетъ выходить изъ этихъ рамокъ... Находясь среди варваровъ, онъ поступаетъ такъ же, какъ слѣдуетъ поступать среди варваровъ“, гласитъ сама мудрость въ „Цюу-ёо“ (вторая книга въ „Четверокнижіи“). Китаецъ и поступаетъ такъ, какъ находитъ приличнымъ поступать съ варварами, т. е. эксплоатируя ихъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всегда будетъ трудиться и добывать только для себя и для Китая, рѣшительно отказываясь отъ какихъ бы то ни было пожертвованій въ пользу пріютившаго его народа и страны. За это ихъ зовутъ паразитами; но не такъ ли бы назвали европейцевъ и холимыя ими коровы, которыхъ они держатъ не для ихъ благополучія, а просто для молока? Столь же странной представляется въ глазахъ Востока и возможность подобныхъ притязаній на нравственный союзъ со стороны иностранцевъ: ихъ тоже держатъ для эксплоатаціи. Иностранцы оказали, напр., Японіи невознаградимыя услуги, разработавъ ея литературу до грамматики включительно, устроивъ ея управленіе, законы, промышленность, торговлю, войско, флотъ,—однимъ словомъ, все. Нѣкоторые посвятили ей лучшіе свои годы и лучшія свои силы. Но вотъ проходитъ лѣтъ 10 или болѣе, честно работающій префессоръ или кто другой успѣваетъ за это время приготовить себѣ преемника,—кончается контрактъ, и японское правительство холодно объявляетъ иностранцу, что служба его кончена. Ему выдаютъ (если условлено) деньги на обратный проѣздъ и болѣе ничего. Одному очень извѣстному профессору, несомнѣнно полезному для Японіи,—какъ было слышно,—не дозволили при отставкѣ (такой же немедленной) даже продать вещи съ аукціона въ его казенной профессорской квартирѣ, на томъ основаніи, что эта квартира находится внѣ условленнаго мѣста для поселенія европейцевъ, т. е. не хотѣли ему оказать простой любезности, не говоря уже о благодарности. Разсуждая вообще, мы не можемъ ограничиться уплатой по контракту: если человѣкъ дѣйствительно добросовѣстно намъ послужилъ, онъ становится не наймитомъ уже, а вполнѣ нашимъ, нравственно принадлежитъ намъ. Также думаютъ и японцы съ китайцами, но... по отношенію тоже къ японцамъ или китайцамъ,—иностранецъ же

для нихъ только необходимая, но доходная статья расхода,— при первой возможности эта статья зачеркивается.

Поэтому-то и замѣчается здѣсь, что иностранецъ и японецъ не могутъ сойтись между собою до степени искренней дружбы. Извѣстны люди, прожившіе среди японцевъ десятки лѣтъ, постоянно и непосредственно съ ними обращавшіеся,—кромѣ добра имъ ничего не желавшіе и не дѣлавшіе,—и все-таки эти люди сознаются, что они жили среди японцевъ рѣшительно *одни*, не имѣя нравственной близости ни съ кѣмъ,—хотя съ своей стороны и желали бы этого. Нѣтъ связи болѣе тѣсной и болѣе нравственной, какъ связь духовнаго отца съ рожденными имъ во Христѣ дѣтьми. Но и это блаженство почти недоступно для иностранца на дальнемъ востокѣ,—по крайней мѣрѣ, очень ненадежно и непостоянно. Напримѣръ, пріѣзжаетъ сюда миссіонеръ при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ для миссіи. Проходятъ 10 лѣтъ среди трудовъ, надеждъ, мечтаній,— наконецъ, обращается, послѣ долгихъ убѣжденій, ко Христу одинъ японецъ. Какъ первенецъ, онъ конечно всѣхъ лучше могъ сойтись съ миссіонеромъ. Но вотъ еще лѣтъ чрезъ 10 этотъ первенецъ, будучи уже служителемъ церкви, посылается обойти христіанъ въ одну трудную минуту. Онъ идетъ, но со страшно-злобнымъ лицомъ. Предъ уходомъ, однако, миссіонеру удалось заговорить съ нимъ и смягчить. „Плохо было бы, если бы я пошелъ по церквамъ съ такимъ настроеніемъ,—много бы зла я надѣлалъ“, сказалъ онъ прощаясь. Оказалось, онъ никакъ не могъ примириться, что ему „*японцу*“, и при томъ въ его же Японіи, можетъ приказывать „*иностранецъ*“ и онъ долженъ его слушать?! — Христіанинъ онъ былъ далеко не рядовой: крестившись онъ долженъ былъ изъ-за этого долго сидѣть безъ куска хлѣба съ огромной семьей — былъ онъ и въ тюрьмѣ за христіанство (это было еще на первыхъ порахъ открытія Японіи). И все-таки, несмотря на свою искренность въ христіанствѣ и на близость къ миссіонеру-иностранцу,—даже онъ не могъ подняться до мысли, что въ церкви Божіей нѣтъ ни японцевъ, ни русскихъ, а есть только христіане,—есть только пастыри и пасомые. Такимъ образомъ, даже пастырство здѣсь получаетъ особый колоритъ, крайне объективный: пастырь, подобно курицѣ, высидѣвшей утятъ, можетъ только со стороны любоваться на жизнь и духовный ростъ своихъ дѣтей, самъ не имѣя возможности войти лично въ эту жизнь. Его слушать будутъ и уважать его, какъ пастыря или проповѣдника будутъ,—

многіе изъ его дѣтей сдѣлаются христіанами, можетъ быть, лучшими, чѣмъ онъ самъ, но онъ—пастырь, все-таки останется для нихъ иностранцемъ, почти врагомъ,—все-таки въ сердце свое они его не примутъ. Такъ, благодаря своей китайской культурѣ и міровоззрѣнію, японцы отчуждены отъ не-японцевъ! Если же таковы японцы, расположенные въ настоящее время подражать европейцамъ и стыдящіеся Китая,—то каковъ долженъ быть самъ Китай, произведшій это своеобразное міровоззрѣніе изъ себя и ни на іоту не желающій имъ поступиться?

Понятно, послѣ этого, какъ долженъ относиться Китай къ христіанству—религіи варваровъ, которыхъ онъ можетъ только эксплоатировать и которыхъ онъ въ душѣ считаетъ безконечно ниже себя. Прежде чѣмъ слушать Христово ученіе, а тѣмъ болѣе слушать со вниманіемъ, онъ долженъ побѣдить въ себѣ, вошедшее въ плоть и кровь его съ молокомъ матери, отвращеніе къ иностранцу-проповѣднику, долженъ позабыть наслѣдственную привычку видѣть въ иностранцѣ и во всемъ, что̀ отъ него исходитъ, только предметъ эксплоатаціи, а не нравственную личность и предметы нравственной значимости для него самого.

4. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы иностранцы не усиливали этого отвращенія китайца къ нимъ и къ исповѣдываемому ими христіанству. Это тоже имѣетъ очень важное значеніе для христіанизаціи Востока.

Кромѣ миссіонеровъ на Востокъ въ гораздо большемъ количествѣ пріѣзжаютъ простые иностранцы, фактическіе представители тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя проповѣдуютъ миссіонеры. Естественно ожидать, что язычники обратятъ свое вниманіе на этихъ христіанъ, чтобы узнать, дѣйствительно ли христіанство таково, какимъ его проповѣдуютъ миссіонеры,—дѣйствительно ли оно заповѣдуетъ это всеобщее братство во имя единаго Отца, совершенную нравственную чистоту, не допускающую даже нечистыхъ мыслей и разговоровъ. Что же они видятъ? Съѣзжаетъ на берегъ христіанинъ съ хлыстомъ въ рукѣ,—ему на дорогѣ попадается толпа язычниковъ, и вотъ христіанинъ, чтобы проложить себѣ путь, начинаетъ хлыстать направо и налѣво. Смотрятъ язычники далѣе. Оказывается,—вѣрующіе во Христа предаются такому же, если еще не худшему разврату и пьянству, какъ и плохіе изъ нихъ, язычниковъ. Европейцы съ особеннымъ удовольствіемъ обвиняютъ японцевъ въ нравственной нечистоплотности. Многое, конечно,

правда (хотя достаточно вспомнить только содержаніе нѣкоторыхъ нашихъ свѣтскихъ разговоровъ,—вспомнить, что̀ служитъ ихъ солью, скрытой подъ двусмысленной фразой,—чтобы погодить кидать грязью въ японцевъ). Отношеніе половъ здѣсь свободнѣе (пожалуй, открытѣе), чѣмъ въ Европѣ. Но также точно правда и то, что европейцы первые поспѣшили воспользоваться этой свободой самымъ неограниченнымъ образомъ,—что они дошли и доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ въ этомъ отношеніи, что японецъ, котораго они называютъ развратникомъ, съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворачивается отъ скотскаго поведенія цивилизованныхъ европейцевъ. При томъ, это не какіе-нибудь носильщики или кочегары, а люди интеллигентные, представители „лучшей" части европейскаго общества. Если эти таковы, то каковы же должны быть „худшіе"?! Извѣстна также истина, что всякій человѣкъ, разъ его личность незамѣтна въ данной мѣстности, а замѣтна только національность или религія,—хорошо помнитъ, что худая слава ложится не на него, а на націю или религію, которую онъ представляетъ, и поэтому всякій, болѣе или менѣе мыслящій и совѣстливый, старается не допускать слишкомъ плохихъ поступковъ. Слѣдовательно, и язычники склонны думать, что и европейцы здѣсь во всякомъ случаѣ совѣстливѣе, чѣмъ у себя дома. Если же здѣсь ведутъ себя такъ, то дома каковы же они? Получается выводъ по отношенію къ христіанству самый печальный. Христіанство, оказывается, не такъ вѣско, какъ его проповѣдуютъ,—совсѣмъ оно ни любви не учитъ, ни нравственной чистоты не проповѣдуетъ,—все это слова и слова.

Тогда и проповѣдь миссіонера язычникъ начинаетъ слушать съ улыбкой и святыя слова Господни будетъ читать съ насмѣшкой; ибо онъ воочію убѣдился, какой дѣйствительный смыслъ этихъ словъ: „любовь", „чистота" и пр. Не можетъ же онъ не смѣяться, слыша, съ одной стороны, что христіане должны распинаться со Христомъ, а, съ другой, видя, какъ эти христіане въ Великую Пятницу непотребствуютъ, а въ Свѣтлую ночь, напившись, опять отправляются туда же. Если уже въ эту единственную въ году пору, которая даже маловѣрующаго воодушевляетъ и поднимаетъ надъ его обычнымъ будничнымъ настроеніемъ, — нашъ христіанинъ не можетъ сдержать своихъ инстинктовъ, то что о немъ можно думать? Поэтому-то въ Китаѣ вполнѣ основательно циркулируетъ молва, что „иностранцы свирѣпы, кровожадны и до послѣдней сте-

пени нравственно нечисты, что они похотливы, какъ козлы, алчны, какъ волки, лживы, какъ обезьяны, безсердечны, какъ дикіе коты" (прошеніе хунанцевъ). Поэтому и свинья,—этотъ символъ нравственной грязи и непотребства, — стала для китайцевъ символомъ христіанства! Если гдѣ-либо, то здѣсь со скорбію приходятъ на память слова, что „имя Божіе хулится ради насъ среди язычниковъ"! Можетъ ли, послѣ всего этого, китаецъ отнестись къ христіанству съ открытыми глазами, можетъ ли онъ и сравнивать его со своимъ ученіемъ, которое, можетъ быть, не говоритъ о такихъ высокихъ и святыхъ истинахъ, но и не опровергается такъ радикально его поведеніемъ? Нужно имѣть очень хорошую душу и нужно особое воздѣйствіе благодати Божіей, чтобы и въ этой грязи язычникъ могъ отыскать и взять золото.

Но это еще не все. Хунанцы пишутъ, что „государи, государственные мужи и ученые Европы не принадлежатъ къ свиной религіи и не почитаютъ свинаго отродья", т. е. миссіонеровъ и христіанъ. Здѣсь говорится, очевидно, не про безнравственность, а про общее отчужденіе отъ христіанства, какъ нормы житейской,—какое замѣчается въ европейцахъ. „Китайцы видятъ", пишетъ авторъ „Defensio", „что образованные иностранцы, представляющіе собою государства, которыя присылаютъ сюда канонерки, сами не вѣрятъ въ посланничество именно этихъ миссіонеровъ, которыхъ канонерки защищаютъ. Самый послѣдній рабочій, нанятый (иностранцами), знаетъ, что его хозяева не смотрятъ на миссіонеровъ, какъ на своихъ нравственныхъ учителей". Еще. Съ полгода тому назадъ редакторъ здѣшней англійской газеты подчеркнулъ: „Весьма замѣчательный фактъ, касающійся иностранныхъ поселеній на Востокѣ,—есть то, что они (т. е. поселенія) всѣ безъ исключенія заключаютъ въ себѣ элементъ, также безрезонно враждебный къ миссіонерамъ, какъ и Чоу-хань и его помощники по составленію извѣстныхъ пасквилей (на христіанство)". Это несомнѣнный фактъ. Нужно признать, что иностранцы относятся къ распространенію здѣсь христіанства въ большинствѣ случаевъ отрицательно, даже враждебно, и притомъ единовѣрцы, повидимому, нетерпимѣе даже чужевѣрцевъ. Всякая клевета, какую только успѣютъ пустить въ ходъ враги христіанской вѣры или извѣстнаго ея исповѣданія, охотнѣе воспринимается и съ услажденіемъ распространяется именно единовѣрцами. Причинъ этому много. Можетъ быть, тутъ дѣйствуетъ просто чув-

ство самосохраненія: не совсѣмъ удобное положеніе займетъ христіанинъ, если язычникъ, узнавши отъ миссіонера его (христіанина) вѣру, вдругъ спроситъ его: „какъ же это вы дѣлаете? Вѣдь, по вашей вѣрѣ этого не полагается“?—Многіе отрицательно относятся къ миссіи просто потому, что потеряли всякій интересъ къ христіанству. Они держатся одной его внѣшней стороны и главнымъ образомъ потому, что это они дѣлали обыкновенно у себя дома въ Европѣ,—потому, что это напоминаетъ имъ родину. Эти люди не могутъ понять, къ чему нужно христіанство для японцевъ, — развѣ не все равно имъ прозябать и съ буддизмомъ.

Много значенія имѣетъ и коренное различіе въ цѣляхъ миссіи и не-миссіи. Могутъ ли сойтись два учрежденія, изъ которыхъ одно пріѣхало эксплоатировать туземцевъ и съ крайнимъ презрѣніемъ трактуетъ ихъ, какъ дикарей, вознося себя надъ ними до несравнимости, — а другое — (миссія) напротивъ, прямо и рѣзко выставляетъ имъ, что эти дикари такіе же люди, какъ и европейцы,—даже допускаетъ, что дикарь, презираемый европейцемъ, можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ нравственно выше послѣдняго? Какъ бы то ни было, а отчужденіе иностранцевъ отъ христіанства—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Мы указали элементъ только пассивный,—кромѣ него есть активный антихристіанскій элементъ въ здѣшнемъ европейскомъ обществѣ,— это разные агностики, свободомыслящіе и пр. сознательные ренегаты христіанства. Они ставятъ своей цѣлью вредить послѣднему, въ особенности въ глазахъ язычниковъ, чтобы, такимъ образомъ, воспрепятствовать ихъ христіанизаціи. Этотъ элементъ особенно ясно выразился въ полемикѣ по поводу выше приведенной замѣтки англійскаго редактора. Антихристіане начали нападать на христіанство, а протестантскіе миссіонеры (которыхъ непосредственно и касались нападки) стали защищаться,—при этомъ обнаружилось, какъ ожесточены враги христіанства и какой бѣшеной ненавистью они проникнуты къ нему. Начавши съ безполезности и паразитности миссіонерства, какъ профессіи, бросивши по адресу миссіонеровъ нѣсколько гнусныхъ клеветъ (напр.: „Сдѣлайтесь христіаниномъ, — я васъ буду учить по-англійски“ или обѣщаніе помощи пострадавшему во время народнаго бѣдствія),—антихристіане возстали на христіанство и съ развязностью старались внушить язычникамъ, что Европа и Америка христіанства и церкви болѣе не признаютъ, а только терпятъ ихъ, какъ зло меньшее, во из-

бѣжаніе соціальныхъ нестроеній, что христіанство отжило свой вѣкъ, что наука краснорѣчиво доказала его полную несостоятельность. Вспоминались крестовые походы, преслѣдованія ученыхъ, колдуній, — инквизиція. Злонамѣренно выхватывались изъ библіи нѣкоторые тексты, чтобы доказать, что христіанство отнюдь не—религія любви, прогресса и свѣта, а, наоборотъ, религія изувѣрства, мрака и умственной косности. Восхвалялся буддизмъ и въ особенности за то, что онъ—тысячелѣтній мертвецъ—оказывался живѣе христіанства. Въ конфуціанствѣ и даже синтоизмѣ находили болѣе раціональности и болѣе любви, чѣмъ въ Христовомъ ученіи. Все въ глазахъ антихристіанъ было хорошо, лишь бы только не христіанство. Не останавливаясь на этомъ, они наигрывали на самыхъ нехорошихъ, но, къ сожалѣнію, самыхъ живыхъ струнахъ здѣшняго народа: говорили, что японцамъ нечего учиться у европейцевъ религіи, что этимъ они только унижаютъ себя, признавая европейцевъ учителями. Адресовались къ ложному патріотизму, описывая христіанство врагомъ японской цивилизаціи и благополучія,—измѣной предкамъ и т. п.,—адресовались (въ газетныхъ статьяхъ) даже къ правительству, упрекая его въ слѣпотѣ за то, что оно дозволяетъ христіанству распространяться среди его подданныхъ. Употреблялось и употребляется все возможное, чтобы очернить, озлословить, оклеветать христіанство и чѣмъ-нибудь остановить христіанизацію японскаго народа. „Фанатизмъ, писалъ по этому поводу одинъ не ренегатъ (но и не миссіонеръ), очень худая вещь, ибо онъ приводитъ людей къ неспособности понимать взгляды ихъ оппонентовъ,—даже хуже, онъ вводитъ ихъ въ искушеніе приписывать нечестность всѣмъ несогласнымъ съ ними. Многіе изъ христіанъ, безъ сомнѣнія фанатики, но они отнюдь не пользуются монополіей на этотъ порокъ. Я не колеблюсь сказать, что фанатизмъ многихъ атеистовъ, свободомыслящихъ и агностиковъ, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени (не говоря о бо́льшемъ) яростенъ и злобенъ, какъ и фанатизмъ нѣкоторыхъ кальвинистовъ, ромакатоликовъ или англиканъ. Есть люди, которые ненавидятъ христіанство такой же смертельной ненавистью, какая въ старину воодушевляла испанскихъ инквизиторовъ противъ „ереси“ ихъ дней. Эти люди (т. е. атеисты) не могутъ оставить христіанство въ покоѣ; они не могутъ не нападать на него, не могутъ не оскорблять его, не могутъ не чернить его и не искажать“. Для нихъ это какъ бы органическая

потребность. Этотъ отрицательный элементъ не можетъ не тормозить дѣло христіанизаціи китайцевъ и японцевъ. Первые, презирая и ненавидя европейцевъ, какъ варваровъ, имѣютъ въ этомъ еще лишнее основаніе ненавидѣть ихъ и презирать, потому что эти осмѣливаются учить Китай тому, во что̀ сами не вѣруютъ. Японцы же, усвояя христіанство среди элементовъ европейской культуры, по дорогѣ захватываютъ и невѣріе.

Итакъ, вотъ причины, почему дальній Востокъ не идетъ къ христіанству и даже встрѣчаетъ его съ враждой. Причины эти не представляютъ чего-нибудь специфически свойственнаго Востоку, онѣ дѣйствовали всюду, гдѣ только ни встрѣчались между собою царство Божіе и міръ,—теперь же онѣ получили особенную яркость, можетъ быть, потому, что нашли свое частное практическое приложеніе, а, можетъ быть, и потому, что, благодаря психическимъ особенностямъ Востока, приняли наиболѣе законченную форму. Въ существѣ дѣла, эти причины сводятся къ двумъ. Первая—духовность христіанства, съ одной стороны, и крайняя матеріализація здѣшняго человѣчества съ другой; христіанство есть религія духа и неба, а здѣшній человѣкъ почти безвозвратно отрекся отъ духа и неба и положилъ смыслъ своего бытія въ землѣ и матеріи. Вторая — отчужденіе отъ христіанства, какъ вѣры иностранцевъ, съ которыми человѣкъ конфуціанскаго склада физически не можетъ имѣть нравственнаго общенія. Эта причина находитъ себѣ сильную поддержку въ отношеніяхъ къ христіанству иностранцевъ, изъ которыхъ одни своимъ поведеніемъ, а другіе словомъ и перомъ открыто отрицаются отъ христіанства и всячески вредятъ ему.

Въ силу этихъ-то причинъ положеніе христіанства на Востокѣ тревожно. Китай почти безнадеженъ: несмотря на все, по-прежнему только ненавидитъ христіанство и упорно отвергаетъ его. Не должно увлекаться и первоначально быстрыми успѣхами христіанства въ Японіи. Быстрые успѣхи были слѣдствіемъ увлеченія новизной,—теперь начинается реакція въ пользу старины, начинается возстановленіе брошенныхъ было и осмѣянныхъ старыхъ обычаевъ и учрежденій. Стараются расшевелить буддизмъ, давно здѣсь одряхлѣвшій и истощившійся, по признанію самихъ его радѣтелей. Въ самыхъ буддійскихъ журналахъ проповѣдуется, что буддизму необходимо перемѣнить себя и внутри и снаружи, чтобы отвѣчать новымъ потребностямъ жизни. Берется, слѣдовательно, только имя буддизма, какъ

учрежденія стариннаго. Даже синтоизму хотятъ придать смыслъ и сообщить жизненность. Его довольно немудреные миѳы начинаютъ получать искусственное, какъ бы философское, толкованіе, т. е. повторяется то же самое, что̀ было при разложеніи греко-римскаго міра. Видна реакція всюду, и кто знаетъ, не станутъ ли японцы, увлекшись этой реакціей, бросать христіанство, какъ прежде съ увлеченіемъ принимали его. Слѣдовательно, и здѣсь христіанство еще только въ ожиданіи борьбы, а не послѣ побѣды,—оно только еще начинаетъ различать издали рисующіяся ему трудности и искушенія, а не миновало ихъ.

С.

* * *

Какъ вы мертвы, образы и звуки,
Какъ вы блѣдны, немощныя рѣчи!
Передать ли вами боль разлуки,
Трепетъ грезъ, очарованье встрѣчи?

Дай мнѣ ты, о, ночь, свой мракъ суровый,
Дай мнѣ, смерть, свой поцѣлуй холодный,
Буря ночи—голосъ свой громовый,
Буйный вѣтеръ—свой полетъ свободный!

И еще у сердца слезъ свинцовыхъ
Взялъ бы я,—тяжелыхъ слезъ, горючихъ...
Много пѣсенъ я сложилъ бы новыхъ,
Пѣсенъ страстныхъ, сумрачныхъ и жгучихъ!..

СЕРГѢЙ САФОНОВЪ.



САНТЪ-ЯГО, СТОЛИЦА ЧИЛИ.

За часъ до станціи *Сантъ-Яго* поѣздъ идетъ уже совершенно плоскою долиною. Снова поля, загороженные сады, домики помѣщиковъ, — все это разбросано на широкое пространство. Просторно, свѣтло и какъ-то уютно, особенно послѣ Магеланова пролива и Чилійскаго архипелага. Горы разступаются амфитеатромъ, позволяя себя созерцать уже съ ногъ до головы. Особенно впереди насъ на востокъ, безконечная картина этихъ горъ великолѣпна. Это могучій хребетъ Кордильеръ. Сначала пологіе, но могучіе холмы, тяжелые, серьезные, переходятъ тамъ и сямъ въ крупные обрывистые конусы, мрачные, но все-таки тамъ и сямъ покрытые зеленью или блестящіе золотистыми пастбищами; за ними, подернутые легкою пеленою мглы, прозрачной — точно свѣтящейся, подымаются новые, болѣе изломанные кряжи и скалы, сизо-синіе, точно покрытые стеклянною эмалью, которою ихъ обливаютъ горячіе лучи солнца, склоняющагося уже къ горизонту; все это подымается выше и выше; за синими силуэтами подымаются блѣдно-фіолетовые, за ними розовые и наконецъ сверкаютъ снѣжные гиганты золотистыми отливами вечерняго освѣщенія. Все залито какимъ-то непонятнымъ, незнакомымъ для насъ, европейцевъ, свѣтомъ. Это какой-то разгулъ свѣта; воздухъ такъ прозраченъ, что вся эта огромная масса Кордильеръ, нагроможденная до самаго потолка голубаго неба, которое кажется еще выше, чѣмъ мы привыкли видѣть, точно виситъ надъ вами, но вамъ не тяжело, вы точно видите сквозь эту гигантскую стѣну горъ,—точно это не тяжелая масса гранита, порфира и льда, повисла надъ вами, не горы, а только ихъ привидѣнія, точно снѣгъ надъ ними и тяжелые льды сотканы изъ свѣта. Все это будто играетъ, смѣется, танцуетъ.

При другихъ условіяхъ свѣта и воздуха эти громады производили бы удручающее впечатлѣніе тѣсноты и тяжести, что-то мрачное, холодное и унылое давило бы душу человѣка, какъ напримѣръ, въ Швейцаріи, а здѣсь все это кажется свѣтло, просторно, размашисто, а вмѣстѣ такъ близко, ибо воздухъ такъ прозраченъ, что почти не представляетъ осязаемой преграды между глазомъ и предметомъ, какъ нѣкій неосязаемый эфиръ. Это немного напоминаетъ китайскую живопись—рѣзкіе силуэты безъ полутѣней.

Да и что такое Швейцарія въ сравненіи съ этимъ подъемомъ земли, съ которымъ путникъ встрѣчается, вступивъ въ долину рѣки Мапочо, у ногъ котораго пріютился Сантъ-Яго. Долина эта возвышается надъ уровнемъ моря только на 555 метровъ, а передъ вами стѣна горъ, въ которыхъ самый низкій перевалъ лежитъ выше 13.000 футовъ, а вершины переходятъ далеко за 20.000. И все это видно сразу, освѣщенное прямо въ упоръ самыми яркими лучами солнца, какія можно себѣ представить, особенно когда это солнце склоняется къ западу, какъ напримѣръ въ то время, когда я въ первый разъ подъѣзжалъ къ Сантъ-Яго—вся эта стѣна обращена прямо къ заходящему солнцу. Въ Швейцаріи нужно взобраться высоко, чтобы созерцать снѣжныя и гранитныя волны ея вершинъ.—Въ долинѣ Ломбардіи, между Миланомъ и Варезе, съ Невшательскаго озера, правда, открываются виды на цѣлые хребты горъ—изъ Ломбардіи Монте-Роза съ ея спутниками, изъ Невшателя—Юнгфрау и весь Бернъ-Оберъ-Ландъ,—но это видно очень далеко, какъ масса бѣлыхъ облаковъ, склоняющихся за горизонтъ, все это затушевано массою водяныхъ паровъ, насыщающихъ воздухъ, — а тутъ, отъ долины Сантъ-Яго до самыхъ вершинъ хребта, по прямому направленію, едва-ли насчитается 50 верстъ, а воздухъ высушенъ какъ въ печкѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжо и дышется полною грудью съ какою-то особенною веселою поспѣшностью. Да и врядъ-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ можно видѣть сразу, съ ногъ до головы, массы такихъ огромныхъ горъ и такъ близко, какъ въ долинѣ Сантъ-Яго. Въ самой Южной Америкѣ, дальше на сѣверъ, эти картины встрѣчаются, но уже рѣдко, и потому пейзажъ вокругъ столицы Чили представляетъ можетъ быть единственную въ своемъ родѣ широкую, размашистую картину. Мы встрѣтимъ дальше, читатель, картины можетъ быть еще болѣе изумительныя, поразительныя и дѣйствующія на воображеніе подавляющимъ образомъ, но

нигдѣ такого свѣтлаго простора, такого веселаго впечатлѣнія, производимаго здѣсь не только солнцемъ, которое заставляетъ какъ бы улыбаться эти суровыя каменистыя и безплодныя громады Кордильеръ, но и контрастомъ, какой производитъ съ безплодными горами веселая, зеленая, тоже блестящая разными цвѣтами, подъ заходящимъ солнцемъ, долина, оживленная еще и человѣческимъ трудомъ.

Притомъ и самыя горы здѣсь не имѣютъ уже тѣхъ исковерканныхъ формъ, не дѣлаютъ такихъ злыхъ гримасъ, точно одержимыя вѣчными внутренними судорогами, съ которыми мы встрѣтились въ каналахъ Чилійскаго Архипелага, гдѣ ледъ и гранитъ точно лѣзутъ другъ на друга въ безконечной борьбѣ. Старыя, вполнѣ сформированныя Кордильеры вокругъ Сантъ-Яго достигли послѣдняго слова своей формаціи, успокоились, немного разнѣжились и расплылись. Перпендикулярныя скалы только тамъ и сямъ рѣдко подымаютъ свои рѣзкіе профили, какъ будто для того, чтобы еще рельефнѣе выставить мягкость общей картины, оттѣняя ее штрихами черныхъ полосъ, эти скалы рѣзко выходятъ впередъ, ибо тѣни необыкновенно черны при здѣшнемъ сухомъ и прозрачномъ воздухѣ, при силѣ здѣшнихъ солнечныхъ лучей, и полной тѣни почти не предшествуетъ полутѣнь; но это не хмуритъ картины, ибо главная масса горъ представляетъ округленныя формы, волнистыя линіи, которыя какъ бы примиряютъ человѣка съ ихъ безплодною громадою. Съ низу кажется, что взобраться на нихъ можно понемногу и незамѣтно. Правда, это только оптическій обманъ, но такъ это кажется изъ долины Сантъ-Яго.

Въ такой-то прелестной рамѣ помѣстилась эта счастливая столица, и мнѣ кажется, что и въ другомъ родѣ она можетъ соперничать по красотамъ окружающей ее природы съ видомъ порта Ріо-Жанейро. Природа здѣсь все-таки, въ массѣ, безплодна и сурова, она оживлена растительностью почти только тамъ, гдѣ къ землѣ могъ приложить свой трудъ человѣкъ, а это такъ мало сравнительно съ тѣмъ огромнымъ пространствомъ, которое можетъ здѣсь охватить взоръ человѣка, но за то тѣ краски, та жизнь, которую въ Ріо-Жанейро даетъ разгульная органическая природа, здѣсь замѣняются лучами солнца. Тамъ пальмы и тяжелыя манги, здѣсь свѣтъ—не знаю, что̀ больше оживляетъ бездушные скалы и камни?..

Впечатлѣніе, которое путникъ ощущаетъ, подъѣзжая къ Сантъ-Яго, не измѣняется и тогда, когда онъ очутился среди

этого города. Я не помню, чтобы какой-нибудь большой городъ производилъ на меня такое веселое, смѣющееся впечатлѣніе, какъ эта столица Чили. Впечатлѣнію этому можетъ быть способствуетъ и то обстоятельство, что поѣздъ желѣзной дороги, обогнувъ городъ въ продолженіи минутъ двадцати по улицамъ и между домовъ его предмѣстій, остановился подъ высокимъ стеклянным навѣсомъ станціи, помѣщенной прямо можетъ быть въ одной изъ самыхъ привлекательныхъ и лучшихъ частей столицы, прямо на Аламедѣ. Аламеда—это очень широкая и необыкновенно длинная улица-бульваръ, которая служитъ мѣстомъ прогулки и обставлена домами-виллами, принадлежащими фешенебельной части населенія. Все свѣтло, блеститъ, ново, точно съ иголочки, а длинный рядъ густыхъ аллей Аламеды, изъ очень высокихъ и развѣсистыхъ деревьевъ, представляетъ пріятные контрасты тѣни, свѣта и зелени, между двумя рядами бѣлыхъ, розовыхъ, блестящихъ подъ яркимъ солнцемъ мраморныхъ домовъ. Дома съ затѣйливыми украшеніями, съ позолотою на балкончикахъ, сверкаютъ множествомъ оконъ, составленныхъ, для блеска снаружи, часто изъ выпуклыхъ стеколъ,—не велики, не высоки, но веселы и разнообразны.

Это пріятное впечатлѣніе не нарушается и обычными непріятностями, сопряженными съ прибытіемъ по желѣзной дорогѣ въ большой городъ. Ни толкотни, ни суеты, ни этого специфическаго запаха большихъ городовъ. Пріѣзжаешь точно на дачу, а не въ одну изъ этихъ фабрикъ человѣческой жадности, какія представляютъ собою большіе торговые города, вездѣ какъ и здѣсь, въ Америкѣ, Ріо-Жанейро, Буэносъ-Айресъ, Монтевидео и т. д. Только Монтевидео можетъ быть похоже въ отношеніи миловидности на Сантъ-Яго, но Сантъ-Яго гораздо красивѣе, выглядитъ, такъ сказать, больше аристократомъ. Извощичьи кареты только ужасны, а еще ужаснѣе мостовыя, но эта подробность для перваго знакомства. Подробность эта, долженъ признаться, впослѣдствіи очень отравляла мое житье въ этомъ пріятномъ городѣ—впрочемъ въ этомъ отношеніи всѣ южно-американскіе города не лучше, если еще не хуже.

Впрочемъ въ Сантъ-Яго надобно пожить нѣкоторое время, чтобы убѣдиться въ томъ, что это тоже испано-американскій городъ. На первый взглядъ кажется, что онъ въ Европѣ, гдѣ-нибудь подъ вѣчно почти яснымъ небомъ Сициліи, еслибъ Сицилія была болѣе опрятна, да кромѣ того городъ этотъ построенъ совсѣмъ заново. Вся главная центральная часть города не стар-

ше начала 50-хъ годовъ, когда, золото вдругъ хлынуло въ Чили, благодаря открытію его въ Калифорніи. Это золото Калифорніи преобразовало вдругъ общественную жизнь Чилійской республики и ея традиціи — разбогатѣвшіе помѣщики, жившіе до тѣхъ поръ скромно въ своихъ гасіендахъ замкахъ, вдругъ развернулись и устремились на житье въ столицу, начавъ взапуски обстраивать ее роскошными домами, стараясь перещеголять другъ друга. До тѣхъ поръ, Сантъ-Яго былъ, главнымъ образомъ, городомъ чиновниковъ и монастырей и отличался въ Южной Америкѣ своею скромностью--большой торговли здѣсь не было, и иностранцевъ было сравнительно очень мало. Въ этой столицѣ насчитывали тогда едва больше 60.000 жителей, но съ тѣхъ поръ все измѣнилось, и Сантъ-Яго сдѣлался почти блестящею столицею съ болѣе чѣмъ 250.000 народа.

Но это все-таки совсѣмъ другая роскошь, чѣмъ въ Буэносъ-Айресѣ, напримѣръ, который тоже выросъ какъ грибъ. Это не нахальный блескъ города, который разбогатѣлъ спекуляціею — вся выставка этихъ эфемерныхъ милліоновъ, которые спѣшатъ показать себя, похвастаться, удивить, какъ-будто чувствуя свою недолговѣчность. Сантъ-Яго скромнѣе, но за то изящнѣе, plus comme-il-faut, если можно такъ выразиться.

Городъ тоже состоитъ изъ квадратовъ, то-есть параллельныхъ улицъ, перекрещивающихъ другъ друга съ надоѣдливою американскою правильностью, но это только новая, хотя теперь уже самая обширная и главная его часть. Дальше онъ допускаетъ уже нѣкоторую живописную неправильность въ бѣдныхъ кварталахъ: косыя улицы, пересѣкающіяся уже подъ острыми или тупыми углами, неправильные заборы, огороды и пустыри, полуразвалившіяся постройки нарушаютъ монотонность. Вдоль улицъ Сантъ-Яго текутъ часто ирригаціонные каналы, которые всюду разведены по городу и которые, придавая ему нѣкоторую оригинальность, дѣлаютъ то, что изъ-за сплошныхъ строеній, выходящихъ на улицу непрерывнымъ рядомъ, выглядываютъ верхушки деревьевъ, а дальше, отъ центра города, и самые дома отдѣляются другъ отъ друга часто обширными садами, очень освѣжающими видъ улицъ. Каналы эти, текущіе вдоль троттуаровъ, иногда загибаютъ внутрь жилыхъ пространствъ, дома удаляются отъ линіи улицъ и даютъ мѣсто полисадникамъ, наполненнымъ множествомъ цвѣтовъ.

Дома въ богатой части города большею частью построены

солидно, изъ камня, добываемаго у подножія Кордильеръ, отдѣланы мраморомъ, очень чисто содержатся, блестятъ и лоснятся на солнцѣ иногда очень затѣйливыми фасадами, украшенными балкончиками, колонками, скульптурною работою, съ плоскими крышами, служащими террасами для прогулки и почти всегда снабженными мирадорами, т. е. башенками, съ которыхъ можно любоваться прелестнымъ видомъ окрестностей столицы и освѣжать себя вѣтеркомъ въ жаркій январскій день. Впрочемъ, мирадоры эти искрятся на солнцѣ своими стеклами, часто разноцвѣтными, и служатъ главнымъ образомъ для увеселенія глазъ прохожихъ, а не для той цѣли, для которой строились. Должно быть очень рѣдко они посѣщаются обитателями дома, которые, какъ я замѣтилъ, не особенно чувствительны къ прелестямъ природы. Женская половина этихъ обитателей скорѣй любитъ сидѣть въ закрытыхъ стеклами балкончикахъ-фонарикахъ и смотрѣть ближе, на улицу, чѣмъ на Кордильеры.

Дома рѣдко очень высоки. Они состоятъ большею частью изъ высокаго res-de-chaussée, но въ центрѣ города надъ этимъ res-de-chaussée возвышается, въ очень богатыхъ домахъ, одинъ этажъ, очень рѣдко два, уже въ самомъ центрѣ, гдѣ сосредоточена торговля. Это придаетъ городу уютный видъ. Улицы, такимъ образомъ, не похожи на эти скучныя, глубокія ущелья, которыя въ Европѣ и въ Америкѣ, въ большихъ городахъ, называютъ улицами, — притомъ онѣ здѣсь довольно широки и солнце постоянно обливаетъ ихъ свѣтомъ, даже слишкомъ обливаетъ, потому что дома большею частью бѣлые, или иногда окрашенные только свѣтлыми, нѣжными красками: розовою, голубою; такъ сильно отражаютъ эти неистовые лучи чилійскаго солнца, что нужно закрывать глаза, проходя между ними среди дня—невыносимо рѣжетъ ихъ этотъ свѣтъ и съ верху, и съ низу. Притомъ улицы такъ расположены (еслибы основатели города подумали объ этомъ, они воздержались бы отъ такой астрономической затѣи), что однѣ, и это главныя и самыя длинныя изъ нихъ, идутъ прямо отъ востока къ западу, а другія пересѣкаютъ ихъ, идя отъ сѣвера къ югу. Ходить по послѣднимъ для глазъ не такъ опасно, но по первымъ составляетъ часто истинное мученіе. Солнце, подъ этой широтою, путешествуя по небу съ одного конца до другаго, почти въ зенитѣ, идетъ какъ разъ вдоль улицъ и ни на томъ, ни на другомъ троттуарѣ нѣтъ тѣни въ продолженіе почти цѣлаго дня. Мнѣ приходилось ходить въ полдень завтракать въ Casino, помѣщающееся въ той же

улицѣ, гдѣ я жилъ, но довольно далеко, Huerfanos, и всякій разъ это было истиннымъ предпріятіемъ и не отъ жары, которая здѣсь весьма сносна, а отъ свѣта. Здѣшнихъ жителей это мало безпокоитъ, потому что они очень мало выходятъ на улицу среди дня. Это придаетъ Сантъ-Яго днемъ видъ полумертваго или соннаго города, даже въ центрѣ его, въ торговой части,— ни малѣйшей суеты, которая обуреваетъ, напримѣръ, Буэносъ-Айресъ и даже Вальпарайзо. Здѣсь и торговля не спѣшитъ, не толкается, болѣе солидная, тоже осѣдлая, какъ и все Чили, она не зависитъ отъ спекуляціи или биржевой игры, а разсчитана на разъ навсегда опредѣленныхъ потребностяхъ страны, что̀, конечно, дѣлаетъ ее болѣе однообразною, а духъ торговцевъ болѣе спокойнымъ.

Я говорилъ, что улицы Сантъ-Яго носятъ совсѣмъ европейскій характеръ, но это можно сказать только о фасадахъ домовъ. Разъ вы переступили чрезъ порогъ входной двери, обыкновенно очень изящной, вы находите, что здѣшнія постройки, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Америкѣ, сохранили южно-испанскія традиціи... Всѣ дома и маленькіе, и большіе образуютъ внутренніе дворики, patio, обыкновенно обращенные въ цвѣтники, окруженные колоннадами или галлереями, часто въ два этажа, и на этихъ patio сосредоточиваются главныя заботы хозяевъ, большая часть ихъ изящнаго вкуса. Ирригаціонный каналъ большею частью проходитъ чрезъ это patio, и среди него устраивается фонтанчикъ. Главнымъ образомъ городъ обстраивали мѣстные коренные чилійскіе помѣщики и принесли съ собою изъ старыхъ провинцій свои вкусы и свои понятія о комфортѣ, которые и навязали остальному населенію прежнихъ bourgeois и даже иностранцамъ, которыхъ, впрочемъ, сравнительно мало. Мало хорошихъ домовъ принадлежитъ иностранцамъ, т. е. торговому пришлому населенію, а это тоже отличаетъ Сантъ-Яго отъ сосѣднихъ столицъ.

Часто дома эти, разсчитанные на широкое и привольное помѣщеніе одной или двухъ семей — принимаютъ формы настоящихъ маленькихъ дворцовъ, особенно въ самой новой части города, вдоль или вокругъ Аламеды, Alameda de la Canada (Canada — тополь). Тутъ часто дворцы эти окружены прекрасными парками, а солиднымъ и роскошнымъ фасадамъ ихъ могли бы позавидовать лучшіе hôtels бывшей Avenue de l'Imperatrice въ Парижѣ. Иногда, правда, встрѣчается также и американское „mauvais gout“— невоздержность въ позолотѣ и крас-

кахъ, какъ напр. мнѣ вспоминается одна затѣйливая и пестрая вилла въ псевдо-мавританскомъ стилѣ, столь не подходящемъ здѣсь ко всему окружающему, но это рѣдко. Вообще воздержаніе въ наружномъ щегольствѣ богатствомъ отличаетъ чилійцевъ и въ архитектурѣ ихъ домовъ, и въ ихъ жизни.

Мы прогулялись по парку и видѣли дворецъ-замокъ г-жи Кусиньо въ мѣстечкѣ Лота, на пустынномъ берегу океана и среди паровъ мѣдно-плавильнаго завода — эта же самая г-жа Кусиньо значительно способствовала украшенію столицы. Тутъ есть у нея великолѣпный дворецъ, такая же вилла среди затѣйливаго парка, равнаго по пространству цѣлому имѣнію, и наконецъ большой загородный еще болѣе обширный паркъ съ рѣками, озерами, островами и т. д. паркъ, который она недавно подарила городу. Только счастливая обладательница всѣхъ этихъ прелестей живетъ почти постоянно въ Парижѣ, а молодые сыновья ея, тронутые нѣкоторыми идеями fin de siècle, пріѣзжая домой, останавливаются въ гостинницѣ, а одинъ изъ нихъ пишетъ статьи въ газетахъ противъ капитала.

Но кромѣ пріятнаго характера частныхъ построекъ, Сантъ-Яго украшенъ и еще нѣсколько капитальными общественными зданіями, и отличается этотъ городъ отъ другихъ столицъ Южной Америки еще тѣмъ, что лучшія и самыя просторныя изъ этихъ зданій принадлежатъ наукѣ—она завладѣла почти всѣмъ большимъ пространствомъ въ центрѣ города между Аламедою и площадью „della Compania“. Все, что касается науки и народнаго просвѣщенія, какъ и вездѣ въ испанской Америкѣ и въ Сантъ-Яго, тоже ведетъ свое начало отъ іезуитовъ. Ихъ коллегіямъ обязаны дѣти первыхъ грубыхъ авантюристовъ тѣмъ, что они не заглохли въ нравственной грубости, не потерялись нравственно среди горъ, лѣсовъ и степей этого огромнаго и почти пустыннаго континента, но нигдѣ въ этой части свѣта образованіе такъ не привилось, какъ среди испанцевъ Чили, сдѣлавшихся, волею природы и судебъ, очень скоро осѣдлымъ и земледѣльческимъ населеніемъ. Іезуитская коллегія въ Сантъ-Яго сдѣлалась лучшею въ старой Америкѣ и привлекала въ свои стѣны учениковъ изъ Перу и даже изъ Аргентины. Тутъ было всегда спокойно и уютно, съ краю отъ общей суеты и броженія новаго населенія Америки, сдѣлавшагося и въ горахъ и въ степяхъ почти одинаково полукочевымъ. Іезуитовъ изгнали, какъ мы знаемъ, уже въ концѣ прошлаго столѣтія, и съ ихъ изгнаніемъ культъ науки исчезъ. Для парада и порядка вездѣ

существуютъ съ тѣхъ поръ университеты „et ce qui s'en suit“, но мы уже видѣли, какъ они существуютъ. Вездѣ говорятъ громкія рѣчи о просвѣщеніи, но, кажется, только въ Чили закваска, положенная іезуитами, осталась и до сей поры остается. И здѣсь конечно формальный либерализмъ замѣнилъ въ нравственномъ мірѣ теократію, но все-таки не изгладивъ еще совершенно традицій послѣдней.

Послѣ іезуитовъ дѣло просвѣщенія здѣсь взяли въ руки доминиканцы и старую коллегію изгнаннаго ордена передѣлали въ 1783 году въ университетъ San Felipe, сдѣлавшійся тотчасъ же знаменитымъ. Наконецъ революція, измѣнивъ политическіе старые порядки, измѣнила и нравственную жизнь народа — l'instruction laique подъ вліяніемъ идей французской революціи тотчасъ же должно было одержать верхъ и здѣсь—университетъ перешелъ въ руки правительства, но новое правительство въ Сантъ-Яго не сформировалось на первыхъ же порахъ изъ sans-culottes, а изъ людей уже воспитанныхъ въ уваженіи къ наукѣ. Среди самаго смутнаго времени, революціонная юнта Сантъ-Яго, просуществовавшая сначала только нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1813 году уже обращаетъ, и очень серьезно, первую свою заботу на огражденіе правъ науки и дѣлаетъ это такъ основательно, что сдѣланное ею не только остается до сихъ поръ, но и разростается и крѣпнетъ.

Справедливо разсудивъ, что университетъ, какъ высшая школа, не можетъ существовать (развѣ только напоказъ), будучи изолированнымъ среди общаго невѣжества, революціонная юнта, съ директоромъ ея, образованнымъ въ Англіи O'Higgins, учреждаетъ „Instituto Nacional de Chili“, т. е. то, что называлось университетомъ во времена Сорбоны и Саламанки, соединяя въ одно общее цѣлое все образованіе народа, и среднее, и высшее, и духовное, и гражданское, со всѣми его подраздѣленіями, даже не исключая рисованія и музыки, а то, что мы теперь называемъ университетомъ, было только частью общаго. Это устройство принесло свои плоды и гармонію въ дѣлѣ образованія Чилійской республики, но и духъ здѣшняго высшаго класса весьма способствовалъ успѣху и тому, что все это современемъ не разрушилось, какъ всѣ благія намѣренія, которыми если и умощаютъ адъ, по французской поговоркѣ, то еще лучше умощаютъ Южную Америку. И до сихъ поръ это учрежденіе, „Instituto Nacional“ не поколебалось, а напротивъ усиливается. Профессора и администрація, соединенные въ одно цѣлое, по-

чти автономно управляютъ дѣломъ образованія страны и ея университетомъ, и ея гимназіями (Collegio), а теперь и всѣми народными школами. Эти заведенія совершенно изъяты изъ-подъ ферулы общей администраціи. Совѣтъ университета управляетъ ими, надзираетъ за ихъ направленіемъ, назначаетъ учителей и т. д., и, странно, не приходя въ столкновеніе ни съ свѣтскою, ни даже съ духовною властью. Президентъ республики вмѣстѣ съ тѣмъ и протекторъ университета, духовная же власть имѣетъ въ немъ свой факультетъ, а слѣдовательно и участіе въ управленіи.

Сдѣлавъ это отступленіе, обратимся опять къ внѣшнему виду столицы. Теперь старой іезуитской коллегіи, а затѣмъ и самаго университета San Felipe, извѣстнаго въ прошломъ столѣтіи, не существуетъ. Все это потонуло въ новыхъ, обширныхъ зданіяхъ, заключающихъ въ себѣ весь арсеналъ науки: и самый университетъ съ его 5-ю факультетами, и гимназіи, великолѣпное зданіе библіотеки, не считая того, что причисляется къ этому „Instituto Nacional“ въ другихъ частяхъ города. Все это содержится примѣрно и богато, а въ самомъ университетѣ находится теперь болѣе 30 профессоровъ, изъ которыхъ иностранцевъ относительно немного — всего 5 или 6 человѣкъ. Между иностранцами очень былъ знаменитъ и оказалъ большія услуги не только Америкѣ, но и Европѣ, нашъ соотечественникъ, впрочемъ полякъ изъ Вильно, Домейко, умершій въ то время, когда я жилъ въ Чили, и котораго нужно считать чуть-ли не лучшимъ и всестороннимъ изслѣдователемъ Америки; тоже очень знаменитый въ этомъ отношеніи Pis-sis, затѣмъ французъ Gay были также членами „Instituto Nacional“ Сантъ-Яго и профессорами.

Я удивлялся такой заботѣ о правахъ науки на этой южно-американской почвѣ, но вотъ что еще болѣе удивительно. Такъ тщательно и великолѣпно обстраивая храмы науки, чилійцы до самаго послѣдняго времени не собрались прилично обставить храмъ свободы, т. е. подданные этой богини и ея жрецы до сихъ поръ не позаботились о своемъ собственномъ комфортѣ, а что бы, кажется, было болѣе естественно для американской республики! Сенатъ и до сихъ поръ засѣдаетъ во время сессій въ одной изъ залъ университета, а камера депутатовъ обыкновенно кочевала изъ одного мѣста въ другое и вотъ уже 80 лѣтъ прожила на бивакахъ. Только теперь построили рядомъ съ библіотекой, на площади, образовавшейся вслѣдствіе разруше-

нія іезуитской огромной церкви „La Compania“, великолѣпное зданіе съ колоннами для депутатовъ,—но когда я былъ въ Чили, зданіе это еще не было окончено. Только послѣ меня депутаты перебрались въ него и кажется напрасно,—новыя и роскошныя стѣны имъ не принесли счастья, можетъ быть, вскружили имъ головы, и они произвели первую изъ значительныхъ революцій, которая и до сихъ поръ свирѣпствуетъ въ этой до сей поры мирной и серьезной республикѣ.

Кромѣ зданій университета и его принадлежностей обращаютъ на себя вниманіе изъ новыхъ, какъ и вездѣ въ Америкѣ, разныя больницы и страннопріимные дома. Благотворительныхъ учрежденій и здѣсь много, но они уже носятъ другой характеръ, чѣмъ въ Ріо-Жанейро или Буэносъ-Айресѣ. Собственно, общественная благотворительность едва участвуетъ въ созиданіи и поддержаніи этихъ учрежденій, по крайней мѣрѣ въ Сантъ-Яго. Сильное централистическое правительство забрало здѣсь все въ руки въ такой степени, что частная инициатива должна была отчасти заглохнуть. Можетъ быть и то, что баре-помѣщики не такъ тароваты или не такъ тщеславны, какъ разбогатѣвшіе на фу-фу, въ спекуляціяхъ или банкахъ, милліонеры, qui tiennent la corde въ общественной жизни приатлантическихъ столицъ и городовъ, любящіе жертвовать часто только для того, чтобы показать себя.

Такъ или иначе, но дѣло въ томъ, что всѣ здѣшнія благотворительныя учрежденія существуетъ на доходы отъ земель, отобранныхъ отъ монастырей. Все это существуетъ при значительной помощи правительства, часто просто на иждивеніе монастырей, которые еще уцѣлѣли во многихъ мѣстахъ Чили, какъ и въ самомъ Сантъ-Яго въ довольно благополучномъ видѣ, но при условіи, что они заведутъ у себя или школы, или больницы. Вслѣдствіе этого и казенныя, такъ сказать, больницы устроены большею частью въ бывшихъ монастыряхъ, и монастырскія ихъ стѣны способствуютъ удержанію нѣкоторыхъ традицій, которыя въ другихъ мѣстахъ, въ новыхъ стѣнахъ, постепенно исчезаютъ. Монахи и монахини допускаются къ управленію этими благотворительными учрежденіями и тѣмъ поддерживаютъ свою нравственную роль въ Чили. Главную роль при этомъ и здѣсь играютъ французскія soeurs de charité (гдѣ ихъ нѣтъ?), но здѣсь эти soeurs de charité уже не однѣ—онѣ образовали уже изъ мѣстныхъ женщинъ довольно обширную организацію, съ которою и дѣйствуютъ за-одно и въ Сантъ-Яго, и въ провинціи.

Дѣйствительно, стараго въ городѣ осталось мало. Нѣкоторые монастыри напоминаютъ еще о старомъ испанскомъ времени, какъ, напримѣръ, монументальныя стѣны Августинскаго монастыря, около котораго я жилъ, но онѣ всѣ передѣланы за-ново и приспособлены къ новымъ потребностямъ жизни — въ нихъ помѣщаются или школы, или больницы. Но и то, что осталось отъ прежнихъ временъ, не отличается тѣмъ артистическимъ вкусомъ, который господствовалъ вездѣ въ эти старыя времена, а особенно въ области испанскаго вліянія. И самые авантюристы Испаніи несли съ собою эту въѣвшуюся въ плоть и кровь стараго испанца любовь къ красотѣ, къ величественности и вообще къ монументальнымъ постройкамъ. Сантъ-Яго былъ центромъ почти заброшенной испанской колоніи; существовалъ онъ своими средствами, а средства его, во время испанскаго владычества, были не богаты. Чили развивалось и разбогатѣло впослѣдствіи, а прежде здѣсь не было особенной торговли, а главное — не было золота и серебра, которое обогащало Перу, привлекая въ него все болѣе и болѣе новыхъ выходцевъ изъ высшихъ классовъ Испаніи. Поэтому все, что здѣсь строили, удовлетворяло только насущнымъ потребностямъ и не бросалось въ глаза. Объ удовлетвореніи артистическаго вкуса, повидимому, мало заботились прежніе землевладѣльцы, прикованные къ землѣ и мало посѣщавшіе столицу, оставленную на произволъ буржуазіи и мелкаго люда. Многія изъ старыхъ зданій очень велики, построены тяжело, солидно, какъ впрочемъ и все, что строятъ здѣсь и теперь, ибо землетрясенія не позволяютъ стоять тонкимъ и эфемернымъ стѣнамъ,—но не отличаются изяществомъ, ни даже внушительностью. Изъ старыхъ зданій соборъ и „La Moneda“ сохранились во всей неприкосновенности, но и то и другое зданіе не очень стары— имъ съ небольшимъ по сту лѣтъ.

Средина города, какъ и вездѣ, занята главною площадью, которая конечно называется „della Independencia“. Площадь эта въ Сантъ-Яго очень красива и монументальна, благодаря новымъ постройкамъ, которыя окружаютъ ее съ трехъ сторонъ: великолѣпная на видъ гостинница съ рядомъ магазиновъ подъ крытою широкою галлереею въ низу; procuratia по другой сторонѣ—тоже очень обширный пассажъ, состоящій изъ нѣсколькихъ галлерей, въ которыхъ помѣщается оптовая торговля; съ третьей красивое зданіе почты, ратуши и т. д., но четвертая сторона, самая некрасивая—занята сплошь высокою

стѣною безъ украшеній, которая соединяетъ въ себѣ и фасадъ собора, и внѣшнюю сторону пристроекъ къ нему, то-есть „Cloitre“. Cloitre составляетъ необходимую принадлежность не только монастыря, но и собора, ибо въ немъ живутъ архіепископъ, каноники и всѣ служащіе при храмѣ. Эта непомѣрно длинная и высокая стѣна грубо нарушаетъ гармонію вида всего остальнаго, очень новаго. Зеленовато-коричневая стѣна эта выстроена изъ мѣстнаго трахита, очень скоро вывѣтривающагося, и потому покрыта дырьями, точно изъѣдена червями— ни башни, ни колокольни, ничего, что бы нарушало ея монотонность.

Но за то внутренность собора воспроизводитъ впечатлѣніе старой суровой мистической религіозной концепсіи испанцевъ, выразившейся въ ихъ храмахъ. Это огромное зданіе, крыша котораго покоится на двухъ рядахъ тяжелыхъ колоннъ, недостаточно высокихъ для пространства, такъ что зданіе какъ бы придавлено и очень мрачно. Едва нѣсколько узкихъ оконъ освѣщаютъ его съ одной стороны, но, несмотря на то, этотъ полусвѣтъ, едва касающійся множества закоулковъ, образуемыхъ многочисленными алтарями вдоль стѣнъ и тяжелой черной массой скульптуры изъ дерева, помѣщеннаго въ срединѣ большаго хора, съ его высокими, тяжелыми, желѣзными рѣшетками, — навѣваетъ какой-то мистическій страхъ, какое-то невольное содроганіе предъ таинственностью, на входящаго въ этотъ оригинальный храмъ.

На чилійскихъ женщинъ, съ безпокойнымъ воображеніемъ и расположенныхъ обыкновенно къ религіозной боязни, соборъ Сантъ-Яго производитъ, должно быть, большое впечатлѣніе и влечетъ неотразимо въ свой таинственный мракъ эти хрупкія созданія, вѣчно живущія среди такого необузданнаго свѣта. Этотъ контрастъ мрака, господствующаго рядомъ съ площадью, залитою ослѣпительнымъ блескомъ солнечныхъ лучей, еще болѣе чувствуется вслѣдствіе физическаго ощущенія холода, который, какъ въ погребѣ, охватываетъ васъ, какъ только вы переступили порогъ огромной двери собора, вѣчно закрытой наглухо и предоставляющей въ пользованіе толпы только маленькую калитку. Понятно, что здѣшняя женщина, какъ только переступаетъ порогъ этой калитки, такъ сейчасъ же становится на колѣни. Можетъ быть, и даже вѣроятно, прежніе строители храмовъ въ Америкѣ, въ тѣ времена, когда еще іезуитовъ не выгоняли и религія тяготѣла надъ всѣми нравственными

отправленіями жизни, разсчитывали на эти эффекты мрака среди свѣта, ибо только болѣе новые храмы не носятъ здѣсь этого характера, преобладающаго во всѣхъ старыхъ церквахъ, расположенныхъ у подножія или по верхамъ Кордильеръ—за исключеніемъ развѣ только веселой и беззаботной Лимы.

Я былъ въ Сантъ-Яго во время страстной недѣли и самъ проводилъ часы въ его соборѣ, во время ночныхъ службъ. Это тяжелое, приземистое и огромное зданіе ночью, при тускломъ сверканіи свѣчей, наполняемое густыми звуками большаго органа, сквозь которые точно морской прибой въ тихую ночь журчитъ монотонное бормотаніе литаній монаховъ, едва выглядывающихъ изъ глубокихъ креселъ, окаймляющихъ черный, закопченный хоръ, точно лѣсные колдуны, засѣвшіе въ дуплахъ дряхлыхъ дубовъ, когда весь полъ, сплошь, въ средней абсидѣ, покрытъ черными женщинами, колѣнопреклоненными или даже лежащими ничкомъ, а мужчины, какъ тѣни, неслышными и робкими шагами, двигаются въ боковыхъ нефахъ, куда украдкой только достигаютъ мерцающіе лучи лампадъ, зданіе это въ самомъ дѣлѣ внушаетъ какой-то смиренный трепетъ предъ безконечностью, въ которой ничего не разбираетъ умственный глазъ человѣка, какъ и въ этомъ тяжеломъ полумракѣ его физическое зрѣніе.

И въ самомъ дѣлѣ, эти пассивныя созданія нашей цивилизаціи, которая, не въ примѣръ бывшихъ, заставила особенно мечтать слабую половину человѣчества, женщины вѣчно наполняютъ этотъ соборъ. Ихъ больше здѣсь, чѣмъ въ другихъ церквахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя носятъ уже отпечатокъ банальныхъ вкусовъ нашего столѣтія. Но, не въ примѣръ другимъ городамъ Америки, предавшимся фанфаронству свободомыслія, въ Сантъ-Яго я находилъ всегда, даже въ будни, множество мужчинъ, даже изъ высшаго класса, на широкихъ, истоптанныхъ уже плитахъ мрачнаго собора. Очень часто цѣлыми рядами стоятъ они цѣлые часы на камняхъ, выпрямившись въ струнку, не шевелясь, впереди абсиды, усѣянной свернувшимися въ клубочекъ женщинами, передъ высокою бронзовою рѣшеткою, отдѣляющею, когда нѣтъ службы, грузный и пустой хоръ отъ остальнаго пространства церкви, предоставленнаго профанамъ. Громадная стѣна Кордильеръ, заслоняющая Чили отъ Европы, какъ бы еще предохраняетъ его отъ окончательнаго затопленія волнами новыхъ ученій и сохраняетъ еще

старую привычку къ мистицизму на этой, видѣвшей столько чудесъ, землѣ, вѣчно дрожащей еще подъ ногами человѣка.

Самый старый храмъ Сантъ-Яго и самый обширный стоялъ какъ разъ за соборомъ, но теперь, вмѣсто этого храма, распространяется только большая и грустная площадь безъ всякихъ украшеній—съ 8 декабря 1863-го года даже слѣда этого храма больше не существуетъ. Это была главная церковь и конвентъ чилійскихъ іезуитовъ, называвшаяся „la Compania“, перешедшая къ доминиканцамъ послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Америки. Здѣсь недавно еще церковныя празднества отправлялись съ особенною пышностью, и главною приманкою ихъ были ночныя иллюминаціи, которыя теперь запрещены именно вслѣдствіе катастрофы, происшедшей въ церкви „la Compania“. Доминиканцы вздумали удивить христіанъ своимъ праздникомъ и, не довольствуясь иллюминаціею, вздумали пускать еще фейерверкъ внутри храма, — произошелъ какъ-то взрывъ и деревянныя балки потолка вдругъ вспыхнули. Въ этомъ климатѣ старое дерево сохнетъ до такой степени, что горитъ, какъ солома, и вотъ произошла неописуемая паника въ толпѣ, биткомъ наполнявшей храмъ и запертой въ немъ почти наглухо, ибо большой входной двери не растворяютъ здѣсь обыкновенно даже и въ дни большихъ праздниковъ. Произошла безпримѣрная катастрофа, которая въ свое время произвела большое впечатлѣніе во всемъ мірѣ—болѣе 500 человѣкъ, большею частью женщинъ, было задавлено и сожжено въ этомъ храмѣ, а въ республикѣ по этому поводу чуть не произошла революція. Либералы закричали, что монахи произвели эту катастрофу нарочно, ибо именно въ это время отъ нѣкоторыхъ монастырей правительство отбирало землю, и, очумѣлая отъ несчастья, толпа, чернь, повѣрила, бросилась на другіе монастыри города, грабила, рѣзала. Толпа Сантъ-Яго, какъ я сказалъ выше, вовсе не подвержена неврозу атеизма, напротивъ — она любитъ церковь, а слѣдовательно, никакой ненависти къ монахамъ не чувствуетъ, но на этотъ разъ она вдругъ повѣрила либераламъ, которые ловко эксплоатировали психологическій моментъ. Опьянѣвшіе отъ злости люди, пораженные неожиданнымъ несчастьемъ, ищутъ обыкновенно козла отпущенія, и первый, кто назоветъ этого козла, обыкновенно бываетъ правъ передъ толпою, хотя бы это былъ и самый осязательный абсурдъ.—Vox populi — vox dei, особенно если этотъ „populus“ взбѣленится—тогда, нечего дѣлать—и разсудительные, но практическіе люди

слѣдуютъ за нимъ, и абсурдъ дѣлается истиною, а часто и точкою отправленія для цѣлой эпохи общественной жизни. И здѣсь, смущенное правительство приняло видъ, что раздѣляетъ чувство толпы, и толпа успокоились, но за то произошла цѣлая перемѣна въ политикѣ республики. Чтобы удовлетворить чернь, поджигаемую либералами и жаждою какой-нибудь мести, народное собраніе декретировало, что не только обгорѣвшій монастырь будетъ отобранъ отъ доминиканцевъ, но что его даже сроютъ съ лица земли до послѣдняго камня, а на мѣстѣ его, какъ памятникъ народной мести, оставятъ пустынную площадь.

Я упоминаю объ этомъ событіи, какъ о происшествіи, имѣвшемъ значительное вліяніе на послѣдующую политическую жизнь Чили. Это драконическое рѣшеніе по отношенію къ доминиканцамъ было первымъ поводомъ къ ссорѣ съ римскою куріею, которая хотѣла было заступиться за права монаховъ и особенно возстала противъ взведеннаго на нихъ обвиненія, правда, озлившеюся толпою, но санкціонированнаго поступками правительства. Правительство же, обыкновенно въ Чили консервативное, можетъ быть было того же мнѣнія, какъ и римская курія, но оффиціальное вмѣшательство послѣдней заставило его заупрямиться. Чтобы показать свою независимость, оно начало, въ отвѣтъ на это вмѣшательство, производить новыя непріятности для Рима, такъ что мало-по-малу незамѣтно для самого себя, когда толпа уже давно забыла и про бѣду свою и про месть, оно пошло по тому же антиклерикальному направленію, какъ и ея сосѣдки республики, вѣчно ищущія „midi à quatorze heures“. Религіозность народа еще осталась, но учрежденія съ тѣхъ поръ передѣланы, — много монаховъ выгнано и, подобно Аргентинѣ, Чили находится теперь въ оффиціальной ссорѣ съ Римомъ. Папскій интернунцій давно покинулъ Сантъ-Яго, а между тѣмъ тѣ монахи и монастыри, которые остались, имѣютъ здѣсь и до сихъ поръ болѣе вліянія, чѣмъ гдѣ-либо въ Америкѣ, и гораздо больше образованы.

Какъ часто въ судьбахъ человѣчества повторяется эта исторія съ церковью „la Compania“, только въ другихъ мѣстахъ, въ нашемъ сложномъ старомъ мірѣ, исторіи эти такъ сложны и запутанны, что общественному сознанію бываетъ очень трудно, выбравшись изъ лабиринта страстей и истины, опредѣлить эту послѣднюю; но Южная Америка, какъ я говорилъ, уже тѣмъ интересна для наблюдателя за жизнью человѣчества, что здѣсь все происходитъ какъ-то просто, наглядно, гру-

бо даже: ложь и абераціи видны тотчасъ же, сейчасъ можно разобрать бѣлыя нитки, которыми сшиваются эти мантіи, драпирующія всякія, такъ называемыя, политическія и соціальныя убѣжденія людей. Люди вездѣ одни и тѣ же, только на однихъ эти бѣлыя нитки не такъ видны, а на другихъ онѣ бросаются сразу въ глаза. Только поэтому мы думаемъ иногда, что и люди другіе. Намъ, обитателямъ Стараго Свѣта, не мѣшаетъ иногда поискать на самихъ себѣ этихъ бѣлыхъ нитокъ Новаго Свѣта, и тогда онѣ, пожалуй, не будутъ намъ казаться ни такими смѣшными, ни такими пошлыми—онѣ здѣсь только болѣе наивны.

Кстати о ссорѣ римской куріи съ чилійскимъ правительствомъ. Она, пожалуй, не дошла бы здѣсь до прекращенія дипломатическихъ сношеній, но тутъ, повидимому, повредило дѣлу совсѣмъ особое обстоятельство. Папа Пій IX, терпѣливо дипломатствуя съ другими республиками, особенно горячо принялъ къ сердцу дѣла именно чилійскаго духовенства. Духовенство это было очень близко его сердцу по воспоминаніямъ его молодости. Аббатъ Мастаи, впослѣдствіи Пій IX, началъ свою политическую карьеру въ Сантъ-Яго – онъ былъ въ 30-хъ годахъ секретаремъ здѣшней папской интернунціатуры и, какъ говорятъ, своимъ умѣньемъ и умомъ способствовалъ тому, что конституція 1833 года, въ главныхъ чертахъ оставшаяся безъ измѣненія и до сей поры (это, пожалуй, одна изъ самыхъ старыхъ конституцій, которыя вездѣ, кромѣ Англіи, съ тѣхъ поръ измѣнились), отличается, не въ примѣръ другимъ американскимъ, особеннымъ клерикальнымъ характеромъ. Католическая вѣра, какъ и въ Бразиліи до изгнанія императора, признается и до сихъ поръ по закону господствующею религіею, и требуется, чтобъ президентъ непремѣнно былъ католикомъ. Пій IX особенно, говорятъ, раздражался тѣмъ, что и Чили посягаетъ на добрыя старыя традиціи. Какъ подумаешь, что фантазія пускать фейерверкъ въ зданіи церкви могла надѣлать всю эту кутерьму, безъ которой ничего бы, можетъ быть, не случилось.

Кромѣ стараго собора, въ Сантъ Яго сохранилось еще старое зданіе „la Moneda" — массивный, огромный квадратъ въ одинъ этажъ надъ res-de-chaussée, съ большими окнами, защищенными выпуклыми наружу желѣзными рѣшетками, внутри раздѣленный на множество patio, двориковъ, окруженныхъ тоже массивными колоннадами, среди которыхъ помѣщаются даже довольно обширные садики съ большими деревьями, словомъ,

солидное зданіе, какія умѣли строить испанцы до конца прошлаго столѣтія. Эта „la Moneda", какъ показываетъ ея названіе, была прежде монетнымъ дворомъ, въ которомъ главнымъ образомъ чеканилась испанская монета изъ серебра Новаго Свѣта.

„La Moneda" была построена въ срединѣ прошлаго столѣтія знаменитымъ вице-королемъ Перувіанскимъ, ирландскимъ выходцемъ Ambrosio O'Higgins, который изъ простаго матроса, бѣглецъ изъ разгромленной тогда Ирландіи, дошелъ на службѣ Испаніи въ Новомъ Свѣтѣ до высшей степени іерархіи. Это имя O'Higgins встрѣчается въ Чили на каждомъ шагу тѣмъ болѣе, что сынъ его, воспитывавшійся однако опять въ Англіи, сдѣлался либераломъ и главнымъ руководителемъ революціи противъ Испаніи. Отецъ былъ благодѣтелемъ Перу и Чили, самымъ умнымъ и гуманнымъ правителемъ. Мрачная исторія этихъ испанскихъ колоній точно подъ конецъ хотѣла было проясниться, но уже было поздно—революція разомъ порѣшила съ этою исторіею и, по странному капризу судьбы, революція, почти осуществленная сыномъ того человѣка, который помирилъ было сентиментальное человѣчество прошлаго столѣтія, съ этою исторіею.

Но обратимся опять къ „la Moneda". Новая маленькая республика не имѣла надобности сохранять такой огромный монетный дворъ и обратила его въ средоточіе правительства. Все, что управляетъ теперь судьбами республики, живетъ въ этомъ зданіи: и президентъ, и всѣ министерства и даже два батальона солдатъ, а за тѣмъ осталось все-таки достаточно мѣста для чеканки монеты потребной для республики. Какъ старые испанцы широко дѣлали свои дѣла! Зданіе это тѣмъ болѣе оказалось удобнымъ для правительства особенно въ первыя времена республики, бурныя, какъ и въ остальной Америкѣ, что оно могло защищаться, какъ крѣпость отъ бунтовавшей черни, тѣмъ болѣе, что солдаты могли жить тутъ же вмѣстѣ съ президентомъ. Впослѣдствіи республика разбогатѣла, настроила много великолѣпныхъ новыхъ зданій, но правительство ея до сихъ поръ жмется въ этой полукрѣпости „la Moneda", хотя ему должно быть тамъ теперь довольно уже тѣсно. И въ этомъ тоже виденъ консервативный духъ этой республики, которая не соблазняется примѣромъ болѣе легкомысленныхъ своихъ сосѣдей.

Затѣмъ существовалъ еще въ Сантъ-Яго старый, тоже массивный и монуметальный старый мостъ чрезъ рѣчку Майпочо,

которая отдѣляетъ городъ отъ большаго его форштадта „La Cimba", но при мнѣ какъ нарочно мостъ этотъ рухнулъ, благодаря искусству чилійскихъ инженеровъ. Чрезъ эту рѣчку Майпочо нужно было строить другой мостъ, и его начали строить слишкомъ близко къ старому. Рѣчка Майпочо, ничтожная лѣтомъ и широкая, бурная зимою, какъ и всѣ почти рѣки этой части Америки, ужасно капризна. Почва Америки и до сихъ поръ еще не установилась,—она все еще формируется; камни и песокъ Кордильеръ все еще измѣняютъ ее постоянно, а особенно измѣняютъ русла рѣкъ, дѣлая изъ нихъ весьма рыхлый и глубокій конгломератъ нанесенныхъ ингредіентовъ разлагающихся горныхъ формацій. Инженеры, ища въ рѣкѣ Майпочо прочнаго фундамента для новаго моста, такъ изрыли и растревожили этотъ наносный матеріалъ ея русла, что, вслѣдствіе одного даже небольшаго дождя, матеріалъ этотъ вдругъ сорвался съ мѣста и неудержимой массой бросился на старый мостъ съ такою силою, что мостъ этотъ, несмотря на частыя здѣсь землетрясенія, устоявшій на мѣстѣ цѣлыхъ три столѣтія, въ одну ночь превратился въ груду камней. Мнѣ очень было жаль этого моста—онъ былъ весьма живописенъ, среди крутыхъ и каменистыхъ береговъ игривой рѣчки, обставленной здѣсь неуклюжими, тамъ и сямъ почернѣвшими или покосившимися на-бокъ, но тоже живописными старыми домиками съ ихъ балкончиками и чуланчиками, домиками, принадлежащими уже бѣдному люду столицы, который тутъ тѣсно и безпорядочно суетится и копошится то въ пыли, то въ грязи; все это было очень живописно, и новый мостъ нарушилъ характерный видъ этого пейзажа, напоминавшаго прошлое.

Кромѣ того, что Сантъ-Яго весьма мило обстроенъ, т. е. богатая его часть, городъ этотъ снабженъ прекрасными гуляньями и парками, которымъ могла бы позавидовать любая столица. Я говорилъ уже про Аламеду и паркъ, подаренные городу г-жею Куссиньо, но есть еще лучшій паркъ, такъ называемый Quinta Nacional (т. е. національная дача), гдѣ пріятное соединено съ полезнымъ. Этотъ паркъ принадлежитъ естественному факультету университета, а вмѣстѣ и публикѣ, какъ нашъ ботаническій садъ. Такое вниманіе къ наукѣ рѣдко можно встрѣтить въ Южной Америкѣ, тѣмъ болѣе, что вниманіе это не на словахъ, а на дѣлѣ. Quinta National представляетъ теперь одинъ изъ лучшихъ на свѣтѣ практически-образовательныхъ садовъ. Кромѣ прекраснаго парка для публики, соста-

вленнаго умно и красиво изъ деревьевъ и растеній Стараго и Новаго Свѣта, которыя могутъ существовать въ этомъ климатѣ,—а таковыхъ очень много—тутъ находится обширный звѣринецъ, гдѣ исключительно можно видѣть образчики чилійской фауны. Большія теплицы и цѣлыя поля, гдѣ практически учатся обработывать землю и сажать сады; наконецъ, тутъ же построено большое зданіе, съ квартирами для профессоровъ и аудиторіями для лекцій, пополняющее этотъ садъ-учрежденіе. Музыка нѣсколько разъ въ недѣлю собираетъ сюда столичное общество, но, увы, въ очень небольшомъ количествѣ. Чилійцы обыкновенно не любятъ гулять и почти не пользуются прелестными окрестностями своей столицы, въ которыхъ, главнымъ образомъ, встрѣчаешь только здѣшнихъ иностранцевъ,—торговый классъ города. Еще въ Qninta National, на музыкѣ встрѣчается сотня-другая монотонно скучающихъ посѣтителей, но бѣдный паркъ Куссиньо обыкновенно совершенно пустъ,—и я любилъ туда ходить гулять, потому что чувствовалъ себя тамъ совершенно какъ въ лѣсу. Даже нѣтъ порядочныхъ ресторановъ въ этихъ общественныхъ гуляньяхъ, а только примитивныя харчевни, въ которыхъ настоящіе повара, изъ породы рото, могли бы отравить неосторожно проголодавшагося любителя природы изъ иностранцевъ.

Какъ и жители Буэносъ-Айреса, и граждане Сантъ-Яго, какъ только стали богатѣть, принялись создавать себѣ историческія воспоминанія, ставить монументы своимъ болѣе или менѣе славнымъ людямъ, не въ такомъ, правда, количествѣ еще, какъ аргентинцы, которые въ послѣднее время ужь черезъчуръ бросали деньги на улицу, но тоже все-таки въ изрядномъ. И въ Сантъ-Яго монументовъ великимъ людямъ тоже вѣроятно больше, чѣмъ въ Парижѣ, такъ что незнакомый съ американскою исторіею иностранецъ можетъ не повѣрить, что республика живетъ только maximum 65 лѣтъ. Видно, человѣку, какъ онъ ни либеральничай, въ самомъ дѣлѣ очень скучно жить безъ исторіи и безъ прошедшаго—и здѣсь республика, богатѣя, спѣшитъ себѣ написать родословную. И здѣсь, какъ и въ Буэносъ-Айресѣ, монументы великимъ людямъ имѣютъ тоже очень удалой видъ, точно они побѣдили когда-то цѣлый свѣтъ. Лошади ихъ неистово поднялись на дыбы, шпаги тыкаютъ въ небо, плащи развѣваются и т. д., все, какъ слѣдуетъ. Исторія Чили все-таки отличается гораздо болѣе мирнымъ характеромъ отъ исторіи другихъ республикъ, и потому

бронзовыхъ генераловъ въ Сантъ-Яго сравнительно немного, но за то этотъ недостатокъ восполняется героями гражданскаго характера—ими наполнено гулянье Аламеды „la Canada“, но они, конечно, уже держатъ себя болѣе скромно на своихъ пьедесталахъ — развертывая передъ проходящими разныя хартіи или просто имѣя около ногъ или въ рукахъ эмблемы ученаго свойства—я уже говорилъ выше, что чилійцы имѣютъ слабость къ наукѣ.

Исторія стараго Чили, т. е. его открытія и покоренія испанцами, представляетъ въ самомъ дѣлѣ эпическую и великолѣпную страницу въ жизни человѣчества. Альмагра, Вальдивія, Мендоса, Эрсилья —все это такія имена, которыми могъ бы похвастаться любой народъ на свѣтѣ, но, увы, новые южно-американцы признаютъ только исторію своихъ республикъ и стараются этой, часто тщедушной и смѣшной, исторіи придать какъ можно болѣе театральнаго величія, donner le charge, какъ говорятъ французы, самимъ себѣ бросить пыль въ глаза; старую исторію испанскихъ временъ они какъ будто умышленно игнорируютъ—всѣ эти Вальдивіи и Мендосы забыты.

Не стану перечислять именъ великихъ людей въ ихъ мраморныхъ или бронзовыхъ изображеніяхъ; сами чилійцы становятся втупикъ, когда ихъ спрашиваютъ о значеніи той или другой статуи, исключая конечно конныхъ, но не могу не замѣтить нѣсколько курьезовъ, характерно рисующихъ Америку, этотъ humbug, безъ котораго и одна изъ самыхъ практическихъ республикъ ея, какъ Чилійская, не можетъ обойтись. Вотъ примѣръ:

Первую статую во всякомъ американскомъ городѣ, какъ только онъ чувствуетъ себя въ состояніи приняться за свое собственное украшеніе, ставятъ, конечно, „Свободѣ“, какъ въ старыхъ католическихъ городахъ Стараго Свѣта ставили прежде всего Марію Иммакулиту. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ изображена эта „Свобода“ въ Сантъ-Яго. На главной ея площади, прямо противъ собора, среди порфироваго бассейна, въ который вода льется изъ пасти четырехъ крокодиловъ, на пьедесталѣ, съ очень красивыми барельефами изъ новѣйшей исторіи республики—стоитъ монументальная прекрасно сложенная, индіанка, съ перьями въ волосахъ, и рветъ цѣпи. Ужь если кому въ Америкѣ менѣе всего прилично изображать свободу въ видѣ именно индіанки, рвущей цѣпи, такъ именно чилійцамъ—ибо никто не сковалъ этихъ самыхъ индійцевъ та-

кими жестокими цѣпями, которыя и до сихъ поръ крѣпки,— какъ чилійцы. Волосы становятся дыбомъ, читая хроники покоренія Чили испанцами — даже жестокости мамалюковъ въ Бразиліи отодвигаются на второй планъ. Въ концѣ концовъ вездѣ эти индіанки все-таки, такъ или иначе, уцѣлѣли, но только не въ Чили; а тѣ, которые здѣсь уцѣлѣли во время владычества Испаніи, какъ арауканцы, напримѣръ, покорены и почти уничтожены именно республикою. Эта статуя „Свободы", болѣе чѣмъ humbug—это насмѣшка, но американцы, старающіеся на всякомъ шагу, на дешевый манеръ, дать щелчка Старому Свѣту, этого не замѣчаютъ, тѣмъ болѣе, что Парижъ имъ прислалъ въ самомъ дѣлѣ прекрасную статую, сдѣлавшуюся каррикатурой только на площади Сантъ-Яго.

Но вотъ еще лучшій humbug: на Аламедѣ „La Conada", она называется и „Las delicias", почетное мѣсто средней площадки отведено конечно самому знаменитому герою войны за независимость, генералу Санъ-Мартину, хотя онъ былъ не чиліецъ, а аргентинецъ, но онъ разбилъ испанцевъ не далеко отъ Сантъ-Яго, на рѣкѣ Майпу, и выгналъ ихъ отсюда. Это понятно, но, поставивъ конную статую Санъ-Мартину—чилійцы вдругъ расчищаютъ другую площадку на Аламедѣ, прямо напротивъ этого монумента, и ставятъ для симметріи на нее другую, тоже конную статую, еще болѣе пожалуй удалую, генералу Каррера, самому безсовѣстному и глупому бунтовщику, анархисту, измѣннику, дезертиру изъ испанскихъ войскъ, котораго этотъ же самый Санъ-Мартинъ изловилъ и разстрѣлялъ. Эти двѣ статуи, стоящія другъ противъ друга, кажутся чилійцамъ самымъ нагляднымъ и остроумнымъ выраженіемъ свободы, и это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что это дѣлается въ Сантъ-Яго, который на дѣлѣ отличался именно болѣе практическимъ пониманіемъ свободы, чѣмъ его сосѣди. Но что дѣлать— дѣло одно, а blague, humbug—другое, и одно съ другимъ можетъ очень удобно уживаться. Это пожалуй вездѣ такъ, но не вездѣ имѣется американская смѣлость вылить изъ бронзы эту ерунду человѣческаго умничанья и поставить ее на-показъ на площадь. Да и то сказать—гдѣ же въ самомъ дѣлѣ найти этимъ республикамъ достаточно генераловъ, чтобъ обставить ими свои Аламеды, да притомъ такъ, чтобы это были такіе генералы, которые при своей жизни другъ съ другомъ не дрались.

Какъ видитъ читатель, городъ красивъ и пріятенъ, но это еще не все. Его гордость и красу составляетъ темная большая

гранитная скала, въ 55 метровъ вышины и около версты въ длину, которая вдругъ круто и обрывисто возвышается почти въ центрѣ самаго города, расположеннаго совершенно на ровной поверхности, и нарушаетъ самымъ оригинальнымъ образомъ монотонность вида вообще всѣхъ городовъ, расположенныхъ въ равнинахъ. Скала эта и была причиною основанія города Сантъ-Яго. Первый завоеватель Чили, Вальдивія воспользовался ею, чтобъ устроить на ней свой первый укрѣпленный лагерь, который сдѣлался впослѣдствіи средоточіемъ, опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ набѣговъ его на югъ и для эксплоатаціи Кордильеръ. Съ этой скалы легко было обстрѣливать окружающую ее равнину и защищать первое испанское поселеніе отъ набѣговъ индѣйцевъ, которые здѣсь оказались гораздо менѣе покладистыми, чѣмъ гдѣ-либо въ Америкѣ, и дѣйствительно скала эта устояла въ то время, когда индѣйцы, сначала озадаченные и покорившіеся было, очнулись отъ перваго набѣга испанцевъ, поднялись массами и чуть было не выгнали окончательно завоевателей. Они уничтожили было почти все устроенное испанцами въ Чили, исключая городка Сантъ-Яго. Кто знаетъ, можетъ быть Чили и до нашего столѣтія, до открытія силы пара, оставалось бы на степени развитія сосѣдней Патагоніи, еслибъ не эта скала S-ta Lucia, еслибъ не умный военный глазъ Вальдивіи, который понялъ стратегическое ея значеніе. Впослѣдствіи, когда дикари или индѣйцы были кругомъ усмирены и порабощены, городъ спустился въ долину, облѣпивъ скалу домиками со всѣхъ сторонъ, а самая скала была забыта, заброшена, прежнія укрѣпленія разрушились, и наверху ея оставалась только маленькая церковь во имя Святой Лючіи, пока и эта послѣдняя не была сброшена внизъ во время одного изъ землетрясеній.

А. Юнинъ.



ВРАЖЬЯ СИЛА[1].

Повѣсть.

(*Окончаніе*).

VI.

Чутко прислушиваясь къ голосу своего впервые заговорившаго сердца, Вѣра Дмитріевна вовсе не подозрѣвала всей сумятицы и тревогъ, волновавшихъ ее окружающихъ. Если вѣрно, что въ первое время страсти женщина любитъ болѣе всего самое чувство, то графиня прошла сквозь этотъ фазисъ, сама не примѣчая новаго теченія, относившаго ее отъ знакомаго берега. Правда, это теченіе было настолько мягко, что она спокойно могла отдаться ему безъ видимаго ущерба для тѣхъ основъ, на которыхъ такъ уютно покоилась до сихъ поръ ея жизнь. Князь Кейстутъ самъ не подозрѣвалъ всей силы измышленнаго имъ подхода. Дима дѣйствительно являлся какъ бы неуязвимою бронею, защищавшей сердце молодой женщины отъ естественной потребности забиться хотя бы разъ тѣмъ полнымъ, несдержаннымъ боемъ, какого оно не знало среди выпавшей ей на долю искусственной жизни. Выступи князь смѣло, открыто, хотя во всеоружіи неподдѣльной страсти, конечный результатъ явился бы несомнѣнно отрицательнымъ. Вѣра Дмитріевна, можетъ быть, могла бы увлечься, могла пожалуй даже искренно полюбить, но самое напряженіе чувства вызвало бы въ ней скорѣе самопожертвованіе, чѣмъ уступку. Еще менѣе способны были снискать успѣхъ избитые пріемы зауряднаго волокитства. Князь все это отлично сообразилъ и не сдѣлалъ гру-

---

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“ XI кн. 1892 г.

бой ошибки пойти по избитой тропѣ. Съ первыхъ же шаговъ онъ, какъ опытный стратегъ, сумѣлъ распознать ключъ позиціи. Мальчикъ былъ главной твердыней, охранявшей гордое, недовѣрчивое, но готовое полюбить сердце, и онъ, не помышляя о штурмѣ, направилъ всѣ усилія къ тѣсному союзу съ непобѣдимымъ соперникомъ. Каждый новый успѣхъ въ этомъ направленіи приближалъ его къ желанной побѣдѣ. Вѣра Дмитріевна незамѣтно пріучалась сливать представленіе о сынѣ съ образомъ князя. Одинъ сталъ невольно дополнять другаго въ естественномъ теченіи ея мысли, подобно тому какъ оно ежедневно случалось въ дѣйствительной жизни. Не успѣетъ появиться Кейстутъ, и ужъ несется Богъ вѣсть откуда его „маленькій другъ", радостно привѣтствующій своего неутомимаго баловника; за искрящимся отъ счастія взоромъ ребенка неизмѣнно выступаетъ спокойная, изящная фигура князя, виновника какой-нибудь новой радости. Настало наконецъ время, когда эти два дорогія существа до того слились и сплотились во-едино въ ея сердцѣ, что раздѣлить ихъ безъ чувства тяжелой утраты казалось уже невозможнымъ.

А Дима словно задался задачею всечасно отстаивать передъ матерью интересы своего „лучшаго друга", какъ онъ важно величалъ князя, во время его случайныхъ отсутствій. Что дѣлаетъ князь, почему не былъ три дня, не боленъ ли онъ, зачѣмъ выглядѣлъ грустно при послѣднемъ посѣщеніи, всѣ эти вопросы, повторяемые Димой съ настойчивостью, свойственной нервному ребенку, поминутно вызывали передъ Вѣрой Дмитріевной образъ любимаго человѣка, перенося ея мысли къ тому, кто нежданно и негаданно, повидимому даже безъ всякихъ стараній, захватилъ теперь широкое мѣсто въ ея сердцѣ.

Что собственно влекло еще молодую, но уже пресыщенную поклоненіями женщину, безсознательно искавшую всей полноты неиспытаннаго его сердечнаго счастія къ пожилому, видимо помятому бурями жизни мужчинѣ—рѣшить не беремся. Можетъ быть, за хорошо знакомою обстановкою условленныхъ формъ и приличій ей обрисовалась твердая, цѣльная воля, способная дать нѣчто лучшее, живое, болѣе человѣчественное, чѣмъ салонное фразерство и кружковыя сплетни тѣхъ свѣтскихъ поклонниковъ, отъ которыхъ она съ наслажденіемъ хоронилась ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ деревенской глуши, или просто князь, подкупивъ ея материнскую нѣжность, удачно попалъ на почву, подготовленную для воспріятія чувства, какъ

знать! Изъ всѣхъ своеволій человѣческаго духа эта чудная способность не подчиняться тяжелымъ тормазамъ холоднаго разсудка, можетъ быть, самое свѣтлое. Графинѣ сразу понравилась та изящная простота и откровенность, которыя князь съ перваго же знакомства внесъ въ ихъ взаимныя отношенія. Всегда неизмѣнно почтительный, до щепетильности деликатный, несмотря на установившуюся интимность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ слащавой угодливости и притворной уступчивости, когда рѣчь заходила о предметахъ, соприкасавшихся съ его завѣтными вѣрованіями и убѣжденіями. Онъ не рисовался ими, не выставлялъ напоказъ, избѣгая по возможности всего того, что̀ могло вызывать разногласіе, но если поставленъ былъ въ необходимость высказаться, то никогда не стѣснялся выказывать себя тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Дѣлалъ онъ это всегда просто, безъ громкихъ словъ и трескучихъ фразъ, съ безстрастіемъ и ровностью благовоспитаннаго джентльмена, но за этимъ наружнымъ спокойствіемъ чувствовалось присутствіе нравственной силы, способной постоять за себя.

Онъ ни разу не заговорилъ съ ней о любви, словно боясь оскорбить ея слухъ этимъ словомъ, когда же случайно, вслѣдствіе установившагося обмѣна книгъ, разговоръ нападалъ на чувства, ихъ значеніе и разнообразныя отраженія въ жизни людей, князь тонко отстаивалъ божественное начало непреодолимаго влеченія двухъ сочувственныхъ душъ. Однажды, по поводу горячаго спора о какой-то модной героинѣ, обставленной авторомъ, по условіямъ существованія, довольно схоже съ графинею, отстаивавшей идею отреченія отъ личнаго счастія во имя материнской нѣжности, князь позволилъ себѣ поставить вопросъ: послѣдовала ли бы Вѣра Дмитріевна ея примѣру — удаленію отъ любимаго человѣка—даже въ томъ случаѣ, когда сознаніе убѣдило ее, что этому святому чувству не только не угрожаетъ никакой опасности, но, напротивъ того, предстоитъ встрѣтить полнѣйшее созвучіе. Она задумалась, понимая, сколько таилось личнаго въ его вопросѣ, но по свойственному всѣмъ женщинамъ инстинкту самозащиты, отдѣлалась шуткою. Съ тонкимъ чувствомъ знатока, смакующаго художественное произведеніе она не желала торопить предчувствуемаго счастія, увѣренная, что оно своевременно придетъ безъ искусственныхъ подогрѣваній и романическихъ эффектовъ, какъ созрѣвшій плодъ безъ усилій отдѣляется отъ вѣтки. Ей, неизбалованной трезвымъ, сдержаннымъ проявленіемъ глубокаго и сильнаго чувства, ка-

кимъ она несомнѣнно считала привязанность князя, доставляло особое наслажденіе ежедневно слѣдить за его ростомъ, и она неторопливо, камень за камнемъ созидала зданіе своего будущаго счастія, убѣжденная, что оно нисколько не потерпитъ отъ излишней прочности. Пока, Вѣра Дмитріевна считала какъ бы нравственною обязанностью отплачивать, чѣмъ только могла, за все вниманіе князя къ Димочкѣ, не помышляя даже о возможности нарушенія такимъ обмѣномъ любезностей какого-либо гражданскаго или патріотическаго долга. Пѣніе кантаты въ костелѣ, сближеніе съ нѣсколькими польскими домами—все это съ ея европейско-общественной, петербургско-свѣтской точки зрѣнія, являлось такими безразличными мелочами, о которыхъ не стоило даже и говорить. Богъ единъ для всѣхъ, костелъ такой же христіанскій храмъ, какъ и церковь, а порядочные люди всѣхъ національностей усвоили общій кодексъ вѣрованій и приличій, сближающій ихъ, какъ ей казалось, несравненно легче и прочнѣй, чѣмъ разнородные слои соотечественниковъ. Кромѣ обязанностей относительно сына, никакихъ иныхъ помѣхъ для союза съ Кейстутомъ она не только не усматривала, но даже очень бы удивилась, еслибы кто вздумалъ ихъ отыскивать. При многолѣтнихъ странствованіяхъ заграницей, ей доводилось встрѣчаться и даже быть близкой со многими русскими повѣнчанными съ иностранцами: итальянцами, французами, англичанами, и всѣ эти дамы никогда не упоминали о какихъ-либо замѣшательствахъ или усложненіяхъ, возникшихъ изъ разницы вѣроисповѣданій. Каждый изъ супруговъ вѣровалъ и молился по-своему, и это обстоятельство повидимому нисколько не отражалось на прочности семейныхъ узъ. Къ тому же, какъ утверждалъ князь, католицизмъ почти то же, что и православіе, только съ папой во главѣ и латынью вмѣсто церковно-славянскаго языка.

Одно темное пятнышко набѣгало порою на свѣтлый небосклонъ Вѣры Дмитріевны, но оно было въ сущности такъ мало, такъ незначительно, что тревожиться имъ казалось какъ бы излишнею душевною щепетильностью. Графиня не разъ себѣ это повторяла, но все же не могла отдѣлаться отъ нѣкотораго внутренняго упрека. Удрученное настроеніе Роллина, отразившееся за послѣднее время даже на самой наружности молодаго человѣка, было ею замѣчено, и она не обманывалась въ настоящихъ причинахъ этого, несмотря на старанія Ильи Николаевича скрывать его отъ постороннихъ. Онъ пробовалъ, подъ пред-

логомъ нездоровья и сознанія своего безсилія, принести желанную пользу Димочкѣ, отставшему понемногу отъ занятій, затронуть вопросъ о своемъ увольненіи, но графиня и слышать не хотѣла о подобномъ намѣреніи и сумѣла найти достаточно убѣдительные доводы, чтобы заставить его отложить отъѣздъ до конца августа, когда предполагалось возвратиться въ Петербургъ. Ее тяготило даже предположеніе, что „ребяческое“ увлеченіе Роллина, какимъ она считала его чувство къ себѣ, способно выступить за предѣлы поэтическихъ грёзъ, въ чемъ-либо неблагопріятно отозваться на его судьбѣ, и ей хотѣлось во что бы ни стало его отрезвить, вылѣчить. Положимъ, она никогда не поощряла этого непрошеннаго чувства, но, можетъ быть, невольно содѣйствовала его нарожденію, выказывая слишкомъ откровенно свои симпатіи молодому человѣку и допуская его первое время слишкомъ близко съ свое общество, но вѣдь позволила она это себѣ единственно по добродушію, безъ всякой задней мысли, и совѣсть ея могла оставаться спокойной отъ упрековъ.

Несравненно менѣе заботило ее „будированіе“ Скальскаго. Она давно изучила нравственную физіономію этого „вѣчнаго страдальца чувства“ и знала, что по первому призыву онъ появится вновь, покорный и влюбленный, исполненный новыхъ надеждъ и восторговъ. Въ сущности онъ успѣлъ порядочно ей пріѣсться за три года знакомства, и она при всемъ своемъ добросердечіи не могла относиться безъ насмѣшки къ его смѣлой претензіи. Пока она была очень рада избавиться отъ его нескромныхъ допытываній и вовсе не торопилась сказать то, чего онъ тревожно и долго ожидалъ, убаюкивая себя призрачными утѣшеніями. Въ разговорѣ съ княземъ имя Виктора Петровича произносилось развѣ только случайно, причемъ, всегда осторожный и сдержанный, когда рѣчь заходила о русскихъ, Кейстутъ уклонялся высказывать опредѣленное мнѣніе, хотя въ самой сдержанности и недомолвкахъ слышался какъ бы отголосокъ пренебрежительнаго снисхожденія къ человѣку, опустившемуся ниже уровня среды и понятій, свойственныхъ ему по рожденію.

Разроставшееся рядомъ съ сердечною привязанностью глубокое довѣріе къ князю отражалось постепенно на взглядахъ и оцѣнкѣ Вѣры Дмитріевны въ отношеніи къ хозяйственнымъ распорядкамъ по управленію ея обширнымъ имѣніемъ, всецѣло сосредоточеннымъ до того въ рукахъ Креденскаго. Рекомендо-

ванный покойному графу еще года за два до его смерти однимъ очень ученымъ профессоромъ, успѣвшимъ весьма удачно, вопреки общему правилу, обратить свои знанія въ наличные капиталы, молодой агрономъ въ теченіе уже слишкомъ пяти лѣтъ хозяйничалъ и распоряжался въ „Давгелишкахъ“ почти на правахъ вотчинника, не зная въ сущности иного контроля, кромѣ ежемѣсячныхъ отчетныхъ вѣдомостей, гдѣ все было расписано и разъяснено въ подлежащихъ графахъ съ такою тщательностью и аккуратностью, что оставалось лишь изумляться добросовѣстности и познаніямъ руководителя всей этой сложной машины. Вѣра Дмитріевна унаслѣдовала отъ мужа непоколебимую вѣру въ обширныя знанія, практическій опытъ и безупречную добросовѣстность своего главнаго управляющаго и, хотя Креденскій, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, далеко не вызвалъ ея симпатій, тѣмъ не менѣе она осуждала себя за такое поверхностное чувство, основанное чисто на внѣшнемъ впечатлѣніи, и даже не подумала довѣрить свои дѣла кому-либо другому. Первое время своего пребыванія въ деревнѣ, еще года три тому назадъ, побуждаемая своимъ обычнымъ добросердечіемъ въ отношеніи къ низшимъ и желаніемъ отличить человѣка, столь усердно радѣвшаго о ея благосостояніи, она даже попробовала поставить Креденскаго въ отношенія болѣе полноправныя, нежели это принято для людей въ его положеніи, увѣренная, что природный умъ и порядочность укажутъ ему сами надлежащія границы дозволенной свободы, но скоро убѣдилась въ своей ошибкѣ. Случилось это такъ: ободренный ласковымъ обращеніемъ и простотою Вѣры Дмитріевны, молодой агрономъ, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ ежедневнаго свободнаго доступа къ своей повелительницѣ, возмнилъ въ силу присущей ему самонадѣянности и „свободнаго“ взгляда на женщину, почерпнутаго въ твореніяхъ беллетристовъ „натуральной школы“, что настало время сорвать назрѣвшій плодъ, и, объясняя посвоему расположеніе графини, вздумалъ разразиться пламеннымъ признаніемъ. Глубоко оскорбленная въ своемъ женскомъ достоинствѣ, Вѣра Дмитріевна съумѣла, однако, воздержаться отъ всякихъ рѣзкихъ выходокъ и, какъ умная женщина, предпочла обратить все дѣло въ шутку. Поставленный ею вновь въ рамки прежнихъ, чисто дѣловыхъ отношеній, Креденскій, повидимому, покорно подчинился новому распорядку, но, неспособный подняться до сознанія своей глупой ошибки, затаилъ противъ Вѣры Дмитріевны одну изъ тѣхъ безсмысленныхъ, темныхъ

ненавистей, на которыя способны только мелкія, себялюбивыя, тщеславныя натуры. Ненависть эта еще болѣе обострилась, тогда съ пріѣздомъ Роллина явился предлогъ для вымещенія на комъ-либо своихъ недочетовъ. Свѣтлый идеализмъ этого юноши рѣзалъ ему глаза своею непонятною чистотой, и онъ несказанно былъ обрадованъ, подмѣтивъ признаки тревоги, закрадывавшейся въ его сердце. Онъ не прощалъ ему такъ скоро и просто завоеваннаго дружественнаго расположенія графини, въ которомъ первоначально заподозрѣвалъ затаенное сердечное влеченіе, когда же убѣдился въ нелѣпости подобныхъ предположеній, то задумалъ воспользоваться Роллинымъ, какъ орудіемъ для противодѣйствія замысламъ Кейстута, раздувая для этой цѣли робкую, но могучую страсть, прокравшуюся въ душу юноши.

Заботы Креденскаго о предупрежденіи во что бы ни стало обрисовавшейся возможности замужества графини съ польскимъ вельможей вызывались не только его личными чувствами къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ, которую онъ продолжалъ любить какою-то плотоядною, грубою страстью, но и тревогами за сохраненіе своего весьма выгодно обставленнаго матеріальнаго положенія. Исповѣдуемый либерализмъ и гуманитарныя идеи не мѣшали до сихъ поръ почтенному управителю, радѣя объ интересахъ графини, не забывать и своихъ собственныхъ, насколько это являлось возможнымъ безъ явнаго изобличенія въ злоупотребленіи довѣріемъ. Результаты такой предусмотрительности выражались уже, несмотря на сравнительно короткое управленіе „Давгелишками", въ весьма изрядномъ капитальцѣ, тысячъ въ сорокъ, осторожно размѣщенномъ подъ солидныя обезпеченія. Главнымъ источникомъ такой благостыни служили обширные лѣса имѣнія, гдѣ, за отсутствіемъ правильной таксаціи и оборотовъ рубки, было весьма не трудно, при помощи еврейской услужливости, зашибать шито и крыто изрядныя суммы, не опасаясь явныхъ уликъ. Съ появленіемъ князя и съ его частыми снованіями по Давгелишскимъ владѣніямъ, примыкавшимъ къ его собственнымъ имѣніямъ, подобные обороты становились опасными. Кейстутъ выросъ среди этихъ мѣстъ, выходилъ чуть ли не каждую пядь земли и, несмотря на весь свой дендизмъ и барство, обладалъ отличною хозяйственною сметкою и практическими познаніями, способными, въ случаѣ надобности, раскрыть глаза графинѣ на упущенія и злоупотребленія.

Такъ дѣйствительно и случилось. При всемъ своемъ благо-

сердечии Вѣра Дмитріевна не могла отвергать очевидности. Ея безграничное довѣріе къ ученому управителю, благополучно пережившее даже личную обиду, не устояло противъ ясныхъ и точныхъ выкладокъ князя, доказавшаго ей, что хозяйство идетъ вовсе не такъ благополучно, какъ она полагала. Въ одинъ прекрасный день графиня совершенно неожиданно объявила Креденскому, что, признавъ соотвѣтственнымъ выдѣлить завѣдываніе лѣсами въ особую, самостоятельную отрасль хозяйственнаго управленія, она озаботилась пріисканіемъ опытнаго техника, въ вѣдѣніе котораго ему предстоитъ немедленно передать всю эту часть, сохраняя во всемъ остальномъ прежнюю самостоятельность. Незримая рука князя проявлялась слишкомъ ощутительно въ этомъ внезапномъ рѣшеніи, чтобы не подать повода Порфирію Павловичу опасаться въ недалекомъ будущемъ своего полнаго устраненія отъ насиженнаго мѣста. Равнодушіе, которымъ онъ рисовался нѣсколько времени спустя послѣ этой непріятной для него перемѣны, было только разсчитаннымъ маневромъ для удобнѣйшаго огражденія себя отъ всякаго участія въ затѣянной интригѣ въ случаѣ ея неудачи. Инцидентъ съ кантатой представился ему удобнымъ поводомъ для открытія враждебныхъ дѣйствій. При извѣстной окраскѣ и дополненіяхъ неосторожная уступчивость графини могла быть раздута въ сенсаціонное событіе, способное возбудить цѣлую бурю мѣстныхъ страстей и страстишекъ, среди которой, подъ страхомъ общественнаго скандала, могло, пожалуй, исчезнуть еще не окрѣпшее чувство Вѣры Дмитріевны къ Кейстуту. Скальскій, лично заинтересованный въ неудачѣ происковъ князя, являлся естественнымъ союзникомъ и надежнымъ пособникомъ, но любовное увлеченіе могло натолкнуть его на опасный и ложный путь упрековъ и чувствительныхъ объясненій, почему Креденскій, вопреки усвоенной осторожности, почелъ не лишнимъ, какъ бы невзначай, подсказать ему болѣе внушительный и цѣлесообразный, по его мнѣнію, порядокъ оффиціозныхъ воздѣйствій.

Роллинъ, хотя и не оправдывалъ возлагаемыхъ на него надеждъ въ смыслѣ усерднаго соглядатая, былъ нуженъ Порфирію Павловичу для иныхъ, болѣе сложныхъ соображеній, которыя пока онъ еще самъ себѣ не успѣлъ окончательно выяснить, отлагая ихъ на крайній случай при неуспѣхѣ попытокъ Скальскаго. Завладѣвъ постепенно, съ помощью своего напускнаго, умышленно грубоватаго добродушія, довѣріемъ молодаго чело-

вѣка, увѣровавшаго въ его непочатость и душевное сочувствіе, Креденскій старался всемѣрно поддерживать и раздувать въ немъ и безъ того глубоко засѣвшее несчастное чувство къ графинѣ, обольщая съ помощью ловкихъ софизмовъ несбыточною надеждою на возможность взаимности. Вѣра Дмитріевна-де, насколько онъ успѣлъ ее изучить, стояла превыше всякихъ кастовыхъ и иныхъ предразсудковъ. Натура цѣльная, независимая, тяготящаяся тѣсными рамками великосвѣтской условленности, она способна была, при извѣстномъ подъемѣ, выступить открыто на встрѣчу честному чувству и надѣлить счастіемъ избранника своего сердца. Князь Кейстутъ весьма искусно успѣлъ овладѣть ея помыслами, спекулируя на ея материнскую нѣжность, но она, очевидно, обманывается, какъ относительно безкорыстія его побужденій, такъ и испытываемаго ею самою чувства. Любовь къ этому поношенному, чужеядному жуиру не болѣе, какъ марево, которое разсѣется предъ сильнымъ, молодымъ чувствомъ, лишь бы только оно сумѣло, преодолѣвъ всѣ преграды, пробиться до ея сердца. Разногласія всѣхъ настоящихъ выводовъ съ своими прежними отзывами и заключеніями о „патроншѣ“ Креденскій не стѣснялся объяснить дружественнымъ желаніемъ предохранить „честнаго труженика“ отъ опаснаго увлеченія, которому-де и онъ самъ способенъ былъ нѣкогда поддаться, но тутъ условія совсѣмъ иныя, такъ какъ Илья Николаевичъ родовой дворянинъ, а не разночинецъ, какъ онъ, вся разница въ одномъ состояніи!

Не увлекаясь этими доводами, шаткость которыхъ всплывала при серьезномъ обдумываніи, Роллинъ тѣмъ не менѣе находилъ въ нихъ какъ бы нѣкоторую отраду своимъ страданіямъ. Онъ ранѣе другихъ подмѣтилъ нравственный поворотъ, воспослѣдовавшій въ душевномъ строѣ Вѣры Дмитріевны вслѣдъ за появленіемъ князя Кейстута. Ежедневное общеніе съ графиней предоставляло ему возможность шагъ за шагомъ слѣдить за развитіемъ въ ея душѣ, сперва безсознательнаго, а затѣмъ постепенно выяснявшагося чувства. Всякій новый, осязательный приростъ его являлся словно терніемъ, вонзавшимся въ чуткое сердце Роллина. Словно на зло ему, въ силу какого-то таинственнаго созвучія, привязанность Вѣры Дмитріевны къ Кейстуту возростала и шла рука объ руку съ ребяческимъ увлеченіемъ его воспитанника своимъ „лучшимъ другомъ“. Дима, своевольною натурою коего ему удалось было послѣ многихъ трудовъ овладѣть, измѣнялъ ему со свирѣпымъ эгоизмомъ, свой-

ственнымъ дѣтямъ подъ приманкою неистощимыхъ соблазновъ, разсыпаемыхъ княземъ. Въ охраненіе своего вліяніе на ребенка Илья Николаевичъ попробовалъ было на первыхъ порахъ предостерегать его отъ чрезмѣрнаго увлеченія забавами и всякаго рода спортами, въ ущербъ учебнымъ занятіямъ, но, потерпѣвъ полное пораженіе, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи материнскаго авторитета. Доводы, представленные имъ съ этою цѣлью Вѣрѣ Дмитріевнѣ, встрѣтили съ ея стороны хотя и мягкій, но тѣмъ не менѣе чувствительный для него отпоръ, мотивированный, главнымъ образомъ, благотворнымъ вліяніемъ движенія и развлеченій на физическое развитіе ребенка. Затаивъ горечь этого неожиданнаго недочета, Илья Николаевичъ попробовалъ было приспособиться къ новымъ порядкамъ, чтобы не упускать изъ-подъ надзора своего воспитанника. Съ этою цѣлью онъ не только выучился ѣздить верхомъ, но, при помощи Креденскаго, опытнаго охотника, попробовалъ пріучиться къ этому, совершенно несвойственному его наклонностямъ, спорту. Всѣ эти старанія не привели, однако, къ желанному результату. Дима и князь, видимо, тяготились его обществомъ, и самъ Илья Николаевичъ не замедлилъ почувствовать своего какъ бы насильственнаго вторженія въ ихъ забавы, особенно послѣ сдѣланнаго однажды графинею замѣчанія, что она вполнѣ спокойна, когда ея сынъ подъ надзоромъ Кейстута. Отброшенный такимъ образомъ въ сферу исключительно классныхъ занятій съ ребенкомъ, совершенно охладѣвшимъ къ ученію, Роллинъ созналъ свое отчужденіе и, не находя достаточно душевныхъ силъ, чтобы сразу порвать дорогія отношенія, сталъ отыскивать опасное утѣшеніе въ растравленіи разроставшейся страсти. Нравственная порядочность предостерегала его отъ соблазна поддаться наущеніямъ Креденскаго, указывавшаго на возможность отдѣлаться отъ князя посредствомъ какой-либо рѣзкой выходки, поводомъ къ которой всегда можетъ явиться ловко возбужденный политическій или религіозный споръ. Задѣтый за-живо, онъ можетъ невзначай высказать мысли и чувства, способныя раскрыть глаза Вѣрѣ Дмитріевнѣ, убѣдить ее въ призрачности его искренности. Правда, однажды, безъ всякой предумышленности, подчиняясь исключительно задѣтому чувству народной гордости, Илья Николаевичъ позволилъ себѣ довольно безцеремонно осадить надменнаго барина, но выдержанность и тактъ графини безслѣдно загладили грозившую вспышку. Какъ-то за обѣдомъ, въ присутствіи нѣсколькихъ

приглашенныхъ пановъ, Дима, подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго разсказа, завелъ рѣчь о Московскомъ царствѣ, причемъ князь, восторгаясь познаніями мальчика, замѣтилъ какъ бы въ шутку, что и онъ-де сродни нашимъ древнимъ владыкамъ, такъ какъ одна изъ его прямыхъ предковъ была московской царицей. На вопросъ ребенка — какъ звали эту царицу и съ кѣмъ именно изъ государей была она въ супружествѣ, Кейстутъ пояснилъ, что онъ говоритъ о княжнѣ Мнишекъ, супругѣ царя Димитрія Іоанновича.

— Это должно быть „Донскаго", спросилъ Дима, весьма еще смутно знакомый съ отечественной исторіей.

— Нѣтъ, добавилъ Кейстутъ, —Димитрія Іоанновича, сына Іоанна Грознаго.

Разговоръ происходилъ по-французски, но Илья Николаевичъ отлично понималъ каждое слово. Оставлять своего воспитанника въ ложномъ убѣжденіи относительно одного изъ выдающихся событій народной исторіи, представлялось ему совсѣмъ нечестнымъ, и притомъ наглая самоувѣренность князя, вызвавшая словно благоговѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, вывела его изъ себя.

— То былъ не царь, а бѣглый бродяга, подставленный нашими врагами и обманомъ захватившій царскій престолъ, обратился онъ громко къ Димочкѣ, —когда объ этомъ узнали, народъ его растерзалъ и, зарядивъ пушку, разсѣялъ самый прахъ самозванца по воздуху. Настоящій царевичъ Димитрій, сынъ царя „Грознаго", былъ убитъ еще малымъ ребенкомъ, и нетлѣнныя мощи его по сіе время почиваютъ въ Москвѣ. Завтра я васъ ознакомлю подробно съ этими печальными событіями нашей исторіи, хотя они пока и не входятъ въ программу нашихъ занятій.

Князь слегка поблѣднѣлъ и медленно въ свой монокль окинулъ учителя черезъ столъ высокомѣрнымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Эта „версія", кажется, уже давно устарѣла, проговорилъ онъ, по-французски, съ легкою, снисходительною усмѣшкою, обращаясь къ присутствовавшимъ, — и новѣйшія историческія изслѣдованія, насколько мнѣ извѣстно, сильно поколебали ея основательность.

Роллинъ собирался-было возражать, но Вѣра Дмитріевна остановила его однимъ изъ тѣхъ женскихъ взглядовъ, смыслъ которыхъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Предоставимъ ученымъ доискиваться истины въ пыли архивовъ, улыбнулась она примирительно,—и будемъ пока спокойно ожидать ихъ рѣшенія. Я по принципу не люблю споровъ, даже „научныхъ". Съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, никто, конечно, никого и ни въ чемъ не убѣдилъ.

Послѣ этой стычки Роллинъ ожидалъ серьезной грозы и даже, отчасти, былъ радъ придраться къ случаю, чтобы высказать все, что у него налегло за это время на сердцѣ, но, къ великому его изумленію, дѣло закончилось какъ нельзя болѣе мирно. На слѣдующее же утро, Вѣра Дмитріевна, словно ни въ чемъ не бывало, такъ же дружественно протянула ему руку.

— Вы, надѣюсь, не сердитесь на меня за вчерашнее, замѣтила она примирительно,—я, конечно, вполнѣ сознавала, что вы не могли оставить Диму въ заблужденіи относительно важнаго историческаго факта, но вѣдь „этимъ господамъ" нужно многое прощать: „они" столько выстрадали, что имѣютъ право проявлять иногда излишнюю щепетильность... мы должны быть снисходительными, не затрогивать ихъ больныхъ мѣстъ, и притомъ князь такъ намъ преданъ...

— Графиня, повѣрьте... проговорилъ онъ почти безсознательно, смущенный, уничтоженный ея чарующею улыбкой, ея почти заискивающимъ тономъ, чувствуя, какъ подступающій наплывъ умиленія и безпредѣльной преданности смиряетъ бушевавшее передъ тѣмъ раздраженіе,—я вовсе не желалъ оскорбить князя, не думалъ возбуждать непріятнаго для васъ спора...

— Вѣрю, вѣрю, перебила она, примѣчая его волненіе и опасаясь, чтобы оно не выступило неосторожнымъ словомъ,—и надѣюсь, что ваша испытанная преданность придастъ вамъ силы побороть и впередъ всякое личное, непріязненное чувство противъ „моихъ друзей".

Онъ понялъ, что она требуетъ отъ него самоотреченія, и, какъ ни тяжело казалось подчиняться такому велѣнію, Илья Николаевичъ мысленно далъ обѣтъ обречь себя на эту жертву—единственную, которую онъ могъ ей принести.

VII.

Вдохновленный совѣтомъ Креденскаго, Викторъ Петровичъ, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу.

Въ губернскомъ городѣ, куда онъ устремился, инцидентъ съ кантатою успѣлъ уже огласиться и служилъ предметомъ толковъ въ русскихъ чиновничьихъ кружкахъ. Одни относились къ нему безразлично, не придавая особаго значенія выходкѣ знатной барыни, не признававшей нужнымъ стѣсняться соображеніями мѣстнаго политиканства, и даже усматривали въ поступкѣ графини своего рода вызовъ, другіе—выводили изъ этого событія чуть-ли не опасность для цѣлаго края.

— Хороши же у васъ русскіе землевладѣльцы, встрѣтилъ Скальскаго губернаторъ, еще не старый человѣкъ, къ которому онъ явился по пріѣздѣ.

Оказалось, какъ предполагалъ Креденскій, что всѣ обстоятельства дѣла были уже извѣстны представителю власти.

— Вотъ вамъ и русскія начала, продолжалъ онъ,—когда свои же, соль земли, такъ-сказать, наперекоръ всякому здравому смыслу, подносятъ такіе сюрпризы. Какъ жалки и безсильны должны мы казаться всѣмъ этимъ господамъ, которыхъ стремимся подчинить нашему воздѣйствію, когда сами такъ легко превращаемся въ послушныя орудія ихъ же интриги.

Скальскій призналъ удобнымъ распространиться о козняхъ князя Кейстута и ошибкѣ графини подъ воздѣйствіемъ сердечнаго увлеченія.

— Все это очень можетъ быть, возразилъ губернаторъ,—но повѣрьте, что основныя причины кроются нѣсколько глубже. Графиня Шафирова, слава Богу, не дѣвочка, я съ нею знакомъ уже не первый годъ и всегда зналъ ее за женщину разумную, не способную на безцѣльныя глупости, тутъ помимо чувства кроется нѣчто иное, объяснимое нашимъ злосчастнымъ космополитизмомъ и неустойчивостью основныхъ убѣжденій. Ищите ксендза, скажу я, вмѣсто обычнаго cherchez la femme, но здѣсь одно съ другимъ неразрывно связано. Католическая интрига успѣла, повидимому, сдѣлать свое дѣло и захватила Вѣру Дмитріевну въ свои тонкія, но могучія сѣти, изъ которыхъ ни вы, ни я теперь ее не выпутаемъ, а князь Кейстутъ, если и въ самомъ дѣлѣ, какъ вы утверждаете, упрочилъ за собою благорасположеніе графини, во всемъ этомъ дѣлѣ только „послѣдствіе“, а никакъ не „причина“, и винить его не въ чемъ—на то и хорошенькія женщины, чтобы въ нихъ влюблялись!

Видимо довольный своею проницательностью, генералъ съ добродушною улыбкой оглянулъ своего собесѣдника.

— При настоящихъ условіяхъ воздѣйствіе вашего превосходительства явилось бы, кажется, вполнѣ своевременнымъ и могло бы принести несомнѣнную пользу, замѣтилъ Скальскій, имѣвшій нѣкоторыя основанія не раздѣлять взгляда генерала.

— Воздѣйствіе, улыбнулся губернаторъ,—вотъ еще излюбленное у насъ громкое слово, безъ всякой практической подкладки. Оно красиво укладывается на бумагѣ, но очень туго прикладывается къ дѣйствительной жизни, когда не подкрѣплено соотвѣтственною властью. Какимъ способомъ, скажите на милость, могу я „воздѣйствовать" на графиню Шафирову? Написать ей письмо съ просьбою не распѣвать кантатъ по костеламъ—она можетъ мнѣ на это отвѣтить, что музыкальныя упражненія не возбраняются закономъ, а скорѣе вовсе ничего не отвѣтитъ и только при случаѣ вышутитъ въ Петербургѣ; возбудить дѣло о ея политической неблагонадежности, отклоненіи отъ православія, но вѣдь для этого необходимы болѣе вѣскіе факты, чѣмъ пѣніе кантаты, а безъ нихъ я только рискую прослыть за пустаго алармиста. Въ моемъ административномъ арсеналѣ, какъ видите, нѣтъ никакихъ пригодныхъ орудій для этого рода борьбы, и единственно, что̀ я могу предпринять, это просить васъ же, какъ мѣстнаго предводителя дворянства, принять на себя деликатное порученіе—убѣдить графиню воздерживаться на будущее время отъ явнаго проявленія такихъ своихъ симпатій.

Викторъ Петровичъ, не ожидавшій такого исхода, нѣсколько растерялся передъ перспективою подобнаго порученія.

— Я бы попросилъ ваше превосходительство уволить меня отъ этой тяжелой обязанности въ уваженіе къ нѣкоторымъ личнымъ отношеніямъ, крайне усложняющимъ успѣшное исполненіе.

— Вотъ, видите, по первому слову вы уже и отказываетесь, находите неудобства, а отъ меня требуете еще болѣе сложной задачи—прямаго вмѣшательства въ частную жизнь женщины, занимающей весьма видное положеніе въ обществѣ. Не въ упрекъ будь сказано, у насъ всѣ и каждый, чуть дѣло дойдетъ до положеній, не предусмотрѣнныхъ циркулярами, боятся принять починъ хотя бы несомнѣнно разумной мѣры, предпочитаютъ укрыться за начальство на случай возможной отвѣтственности, въ ущербъ пользѣ службы и дѣла. Воздѣйствовать на графиню путемъ канцелярскихъ сношеній я при-

знаю неудобнымъ; это не можетъ привести ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ, а до безцѣльной травли я не охотникъ; при предстоящемъ, вскорѣ, объѣздѣ губерніи, я разсчитываю побывать и въ вашемъ уѣздѣ и тогда постараюсь при личномъ свиданіи убѣдить графиню избѣгать въ будущемъ повторенія подобныхъ демонстрацій. Пока я совѣтовалъ бы и вамъ не раздувать этого, въ сущности, довольно пустаго инцидента, и безъ того слишкомъ занимающаго праздныхъ людей. Исправнику я уже далъ секретное предложеніе слѣдить за Викульскимъ и, если что̀ обнаружится, потребую его перевода въ другой приходъ, а въ случаѣ чего—и болѣе строгаго взысканія. Князь Кейстутъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, никогда ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ и принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны, къ числу вполнѣ благонадежныхъ. Да, кстати, вы, кажется, немного погорячились, признавъ за Борткунскими крестьянами право пастбищнаго сервитута по его лѣсамъ, не утвержденное за ними по выкупнымъ актамъ. Право пастьбы на четырехъ тысячахъ десятинъ, да вѣдь это равносильно полному упраздненію господскаго хозяйства! И на основаніи голословныхъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей изъ тѣхъ же крестьянъ? Губернское Присутствіе должно было отмѣнить ваше постановленіе и признать дѣйствительное владѣніе ничѣмъ не доказаннымъ.

Скальскій нѣсколько смѣшался и сталъ доказывать свое мнѣніе.

— Я нисколько не оспариваю послѣдовательности вашихъ выводовъ и не навязываю вамъ никакой программы, замѣтилъ губернаторъ, освѣдомленный стороною о нравственной подкладкѣ дѣла,—но только вообще полагаю, что въ дѣлахъ, касающихся собственности, необходимы крайняя осмотрительность и осторожность; проводить на этой почвѣ, внѣ точныхъ положеній закона, какія-либо политическія идеи и милыя симпатіи даже и съ благими намѣреніями, мнѣ казалось всегда опаснымъ, и я убѣжденъ, что вы не вдадитесь въ ошибку нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей — это тоже своего рода погоня за дешевою популярностью на счетъ ближняго, до которой у насъ очень падки.

Викторъ Петровичъ уѣхалъ недовольный губернаторомъ, успѣвшимъ преподать ему, въ самой мягкой формѣ, чувствительный урокъ административнаго такта. Онъ сердился въ силу

общаго правила потому, что былъ не правъ и старался найти призрачное утѣшеніе въ отвлеченныхъ разглагольствованіяхъ о непризнаніи истинныхъ заслугъ и оскудѣніи русскаго начала въ нѣкоторыхъ видныхъ дѣятеляхъ. Дома ожидала его новая непріятность. Завернувшій Креденскій сообщилъ извѣстіе о большомъ праздникѣ, устроенномъ графинею по случаю дня рожденія Димы, съ участіемъ всего именитѣйшаго дворянства уѣзда, на который онъ, Скальскій, не былъ приглашенъ. Вѣра Дмитріевна, повидимому, открыто перешла во враждебный лагерь и считала его какъ бы выбывшимъ изъ числа своихъ знакомыхъ. Правда, онъ самъ почти полтора мѣсяца не заглядывалъ въ „Давгелишки", куда прежде навѣдывался чуть-ли не каждую недѣлю. Но что до того—его оффиціальное положеніе обязывало его, какъ ему казалось, вспомнить при этомъ случаѣ если не о старомъ другѣ, то, во всякомъ случаѣ, о представителѣ мѣстнаго дворянства.

Въ польскихъ кружкахъ шло тоже не мало разговоровъ по поводу „кантаты". „Окропное панство" съ восторгомъ привѣтствовало въ этомъ актѣ простой любезности сознательное стремленіе „московской" графини къ католической вѣрѣ. Усердствованія князя Кейстута перестали быть тайною и, зная его патріотическіе принципы, всѣ были увѣрены въ скоромъ пріобрѣтеніи новой, убѣжденной дочери для польской „ойчизны".—Москали обращали въ свою вѣру наше „быдло" (скотъ), шутили паны, а мы беремъ у нихъ графовъ да князей, это лучше, и дѣлаемъ изъ нихъ добрыхъ католиковъ. Болѣе мелкія сошки съ благоговѣніемъ взирали на князя, отважившагося, по ихъ разумѣнію, на опасную игру, грозившую, въ случаѣ промаха, чуть-ли не ссылкою въ рудники, какъ увѣряли всегда многочисленные глашатаи „русскихъ изувѣрствъ". Въ общемъ всѣ и каждый стремились, словно по сговору, окружать при случаѣ Вѣру Дмитріевну самымъ изысканнымъ вниманіемъ и предупредительностью, стараясь дать ей всемѣрно восчувствовать все превосходство польской культуры и радушіе передъ русскимъ варварствомъ и необщительностью.

Подчиняясь ли невольно удовольствію такого общаго обожанія, или просто въ силу душевной отзывчивости на всякое вниманіе и ласку, Вѣра Дмитріевна постепенно расширяла кругъ своихъ отношеній, помимо постороннихъ побужденій, прибѣгая къ совѣтамъ князя лишь въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ случаяхъ для соразмѣренія степени вниманія къ той или

другой личности. Присущая русской натурѣ уступчивость побудила ее въ желаніи не остаться въ долгу передъ всѣми „добрыми людьми“, льнувшими къ ней такъ охотно, далеко выступить за предѣлы заурядной любезности. Съ помощью выписаннаго самоучителя и грамматики она, послѣ двухъ, трехъ недѣль усердныхъ занятій, успѣла настолько овладѣть польскою рѣчью, что стала понемногу отваживаться обмѣниваться незначительными, обыденными фразами съ нѣкоторыми мѣстными паннами, не разумѣвшими по-французски и почитавшими крайне дурнымъ тономъ, въ качествѣ родовитыхъ шляхтянокъ, обмолвиться хотя бы однимъ русскимъ словомъ. Это „заигрываніе“ имѣло необычайный успѣхъ, и популярность графини возросла до такихъ предѣловъ, что все, сколько нибудь видное въ уѣздѣ, стало искать ея знакомства. Каждый хотѣлъ чествовать, знатную, богатую русскую барыню, проявлявшую столь смѣло и откровенно свои симпатіи къ дорогимъ для шляхетскаго сердца началамъ. Ее приводили какъ исключительный примѣръ не только всѣхъ добродѣтелей и совершенствъ, свойственныхъ женщинѣ, но и какъ „насадительницу“ новаго, просвѣщеннаго отношенія къ „угнетеннымъ“, способную привораживать всѣ сердца, и стоустая молва доносила до нея отголоски этихъ хвалебныхъ гимновъ, пріятно щекотавшіе женское самолюбіе. — Вы заставили бы насъ полюбить Россію; кабы десятая часть русскихъ была хотя нѣсколько на васъ похожа, то „польскаго вопроса“ вовсе бы не существовало, вы своимъ вліяніемъ способны сдѣлать болѣе, чѣмъ вся администрація края—такія фразы и имъ подобныя пристегивались и повторялись при всякомъ удобномъ случаѣ и, несмотря на врожденную скромность Вѣры Дмитріевны, не могли не отразиться на ея воззрѣніяхъ на окружающую среду. Сложившееся подъ вліяніемъ Скальскаго понятіе о мѣстномъ обществѣ, вовсе ей до того незнакомомъ, его нравахъ и вѣрованіяхъ, представлялось ей теперь крайне предвзятымъ и одностороннимъ. Могла ли она, въ самомъ дѣлѣ, въ противорѣчіе дѣйствительности, видѣть только ненависть, коварство и двоедушіе во всѣхъ этихъ людяхъ, встрѣчавшихъ ее съ распростертыми объятіями, только, казалось, и помышлявшихъ, какъ бы ей угодить, и поневолѣ относила мрачный пессимизмъ Виктора Петровича и ему подобныхъ къ личнымъ впечатлѣніямъ, опредѣлявшимся собственною неуживчивостью и крайностью воззрѣній, выдаваемыхъ за исполненіе служебнаго долга. Тенденціозное рѣшеніе по

дѣлу „о пастбищахъ“ при случаѣ, разумѣется, не было забыто и приводилось, какъ наглядный примѣръ чуть-ли не соціалистическихъ воззрѣній „маршалка“, котораго мѣстная интеллигенція стремилась изобразить какъ человѣка, не только не сочувствующаго дворянству, но даже прямо ему враждебнаго. При такомъ общемъ настроеніи приглашать Скальскаго являлось неудобнымъ, и Вѣра Дмитріевна не способна была сдѣлать подобную безтактность. Помимо всѣхъ этихъ соображеній, она имѣла нѣкоторыя основанія оставаться недовольной страннымъ образомъ дѣйствій Виктора Петровича относительно ея самой. Послѣ трехъ лѣтъ усердныхъ увѣреній въ пламенной преданности и безкорыстнѣйшей дружбѣ, онъ, безъ всякихъ видимыхъ поводовъ, не только прекратилъ свои посѣщенія, но, какъ случайно до нея дошло, позволялъ себѣ разглашать нелѣпые слухи о ея, будто бы, предстоящемъ бракѣ съ княземъ Кейстутомъ.

Дѣйствительно, за послѣднее время молва о близости подобнаго событія разнеслась по уѣзду и перетолковывалась на всевозможные лады, но Скальскій являлся нисколько не причастнымъ къ этому дѣлу. Первоначальные слухи, какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, пошли изъ среды неизбѣжныхъ домашнихъ соглядатаевъ — прислуги и служащихъ въ экономіи, обмѣнивавшихся своими догадками и заключеніями по поводу добрыхъ отношеній господъ, пока, наконецъ, эти случайныя предположенія, переходя отъ одного къ другому, не облеклись въ форму какъ бы уже неопровержимыхъ фактовъ. Князь Кейстутъ былъ весьма недоволенъ нескромными намеками нѣкоторыхъ знакомыхъ на его всѣми ожидаемый бракъ съ графинею. Преждевременное разглашеніе его сокровенныхъ намѣреній вовсе не входило въ его разсчеты и могло повредить успѣху дѣла, надъ которымъ онъ такъ рачительно и неутомимо трудился уже третій мѣсяцъ. Слѣдя шагъ за шагомъ за нравственнымъ настроеніемъ графини, онъ, какъ опытный врачъ, наблюдающій за дорогимъ паціентомъ, выжидалъ того рѣшительнаго момента, когда благотворный кризисъ увѣнчаетъ его старанія. Ему, искавшему въ женитьбѣ не пестрыхъ цвѣтковъ обманчиваго чувства, а болѣе прочныхъ благъ спокойнаго и приличнаго завершенія жизненныхъ треволненій, необходимо было подготовить свою будущую подругу по зрѣло обдуманной программѣ, соотвѣтствовавшей его представленію о супружескомъ счастьи. Сибаритъ по натурѣ, но непреклонный въ томъ, что̀ не касалось тѣснаго круга его

завѣтныхъ вѣрованій, онъ не примирялся съ мыслью о необходимости осложнять будущія супружескія отношенія розвью и пререканіями, всегда возможными при существованіи основныхъ поводовъ къ разномыслію, а потому, прежде всего, стремился уничтожить ихъ теперь же, пользуясь благопріятными условіями разроставшагося со дня на день сердечнаго влеченія Вѣры Дмитріевны. Обратить ее сразу въ католицизмъ и сдѣлать польскою патріоткою онъ, конечно, не смѣлъ помышлять. Цѣль его стремленій, болѣе скромная, ограничивалась пока постепеннымъ и, насколько возможно, естественнымъ посвященіемъ графини въ кругъ идей и понятій, которыя онъ желалъ, чтобы она усвоила, сдѣлавшись его женою. Съ этой стороны всякія нескромныя розсказни и преждевременное оглашеніе его намѣреній могли поставить Вѣру Дмитріевну на стражу не только противъ него, но и противъ самой себя, задержать спокойное развитіе назрѣвавшаго въ душѣ ея чувства. Инцидентъ „кантаты“ совершенно неожиданно получилъ значеніе и огласку, способныя внушить осторожному князю нѣкоторыя опасенія. „Вѣрные друзья“ изъ губернскаго города освѣдомляли его въ подробностяхъ какъ о донесеніи исправника, такъ и о пріѣздѣ Скальскаго, придавая всему этому преувеличенное значеніе. Упоминалось также о скоромъ прибытіи въ уѣздъ губернатора, будто бы для свиданія съ графиней Шафировой. Всѣ эти непріятныя неожиданности побуждали князя, вопреки разумно намѣченному плану, ускорять событія и выступить откровенно искателемъ „руки и сердца“ Вѣры Дмитріевны. Прежде, однако, чѣмъ предпринять этотъ рѣшительный шагъ, онъ завернулъ на совѣтъ къ пани Свионтецкой, жизненный опытъ которой цѣнился имъ весьма высоко.

Выслушавъ краткій разсказъ объ интригѣ, возбуждаемой противъ него москалями со Скальскимъ во главѣ, и необходимости торопить развязку, старая „маршалкова“ недовѣрчиво покачала головой и, устремивъ на князя свои ястребиные, свѣтившіеся еще энергіей и непреклонною волею, глаза, строго спросила:—Ты потерялъ разсудокъ и готовъ идти на уступки, жениться на еретичкѣ, одумайся, Юзефе, пока еще не ушло время; не ты ли увѣрялъ насъ, не долѣе, какъ мѣсяцъ тому назадъ, что будущая княгиня Кейстутъ можетъ быть только доброю католичкою и патріоткою.

— И нисколько не отступаюсь отъ своихъ словъ, спокойно

возразилъ князь,—но для этого, какъ вы понимаете, необходимо время, котораго, къ несчастію, у меня нѣтъ въ запасѣ, всѣ эти глупые толки и сплетни способны встревожить, запугать графиню, наконецъ, ожидаемый пріѣздъ губернатора... словомъ, нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, и при настоящихъ условіяхъ предъявлять какія-либо условія было бы равносильно полной погибели дѣла.

— Такъ что ты предпочелъ, чтобы будущія дѣти твои родились москалями, и славный родъ Кейстутовъ навсегда съ позоромъ былъ вычеркнутъ изъ отечественной исторіи.

— Этого никогда не будетъ, я твердо помню свои обязанности предъ отечествомъ и знаю, какую отвѣтственность беру на душу. Пока все уладится какъ слѣдуетъ, всегда возможно, даже оставаясь на мѣстѣ, обойти законъ.

— Опасно, ясновельможный князь, по теперешнимъ временамъ даже очень опасно, вмѣшался присутствовавшій пробощъ Викульскій,—я не отважусь, при всемъ моемъ уваженіи къ вашей особѣ, совершить обрядъ святаго крещенія надъ поколѣніемъ, рожденнымъ отъ русской матери, рискуя на старости лѣтъ закончить свои дни въ монастырѣ, если не подальше.

— Въ такомъ случаѣ, мы вовсе ихъ не будемъ крестить, пока обстоятельства не позволятъ сдѣлать это открыто.

— Кромѣ того, подумай, ты долженъ будешь вѣнчаться и въ русской церкви, иначе вѣдь, кажется, по ихъ законамъ бракъ не можетъ быть признанъ.

— La comtesse vaut bien une messe, скажу я на это, какъ Генрихъ IV о Парижѣ, усмѣхнулся князь,—и что же въ томъ, если я самъ не перестану быть добрымъ католикомъ.

— Долженъ сознаться, что, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ его особѣ, я, при подобныхъ условіяхъ, какъ духовный отецъ, не рѣшусь преподать ясновельможному князю необходимое разрѣшеніе и призывать благословеніе нашей святой церкви на его союзъ, съ нѣкоторою торжественностью произнесъ Викульскій.

— Я полагаю, что прежде всего вы, какъ самый почтительный сынъ той же самой церкви, будете руководствоваться въ данномъ дѣлѣ указаніями своего епископа, который, когда настанетъ время, преподастъ ихъ вамъ въ должной мѣрѣ, рѣзко замѣтилъ князь, окидывая ксендза высокомѣрнымъ взглядомъ.

— Епископа, повторилъ озадаченный Викульскій.

— Конечно, или вы полагали, что, приступая къ столь

важному дѣлу, я не озаботился предварительно, какъ добрый католикъ, оградить свою совѣсть отъ всякихъ нареканій—ошибаетесь! Чрезъ посредство моего дяди, кардинала Гогенштауфена, я повергалъ свои сомнѣнія на усмотрѣніе того, кому дана власть единымъ словомъ смывать людскія прегрѣшенія, и получилъ благопріятный отвѣтъ.

Свіонтецкая набожно перекрестилась, а Викульскій, на подобіе жены Лота, такъ и застылъ на мѣстѣ съ сложенными на груди руками и наклоненной головой, словно вѣяніе какой-то таинственной, подавляющей силы пронеслось по комнатѣ.

— Стало быть, внѣшняя сторона дѣла не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій, снисходительно продолжалъ Кейстутъ, довольный произведеннымъ эффектомъ,—но не въ этомъ сила. Меня по истинѣ изумляетъ, что такіе разумные и товкіе люди, какъ вы, пани маршалкова, и вы, панъ пробощъ, не хотите выдти изъ тѣсныхъ рамокъ условности и взглянуть на готовящееся „событіе“ нѣсколько шире, чѣмъ на бракъ какого-нибудь заурядная шляхтича. Я, правда, женюсь пока на русской, на совершенно равной мнѣ по происхожденію и общественному положенію, но втрое или четверо богаче меня. Вы сами согласны, что она мила, симпатична, превосходно воспитана, а главное, совершенно чужда фанатизма и заносчивости, отличающихъ большую часть ея соплеменниковъ. Въ какіе-нибудь два съ небольшимъ мѣсяца вы успѣли убѣдиться, что подъ моимъ вліяніемъ, безъ всякихъ постороннихъ тяготѣній, я съумѣлъ расположить ее ко всему, что намъ дорого и свято, вы сами же сочувствовали моему намѣренію возвратить славному роду Кейстутовъ его древнее, историческое достояніе, и вотъ теперь, когда дѣло подходитъ къ развязкѣ, вы готовы отступиться отъ меня, словно я самъ собрался передаваться въ москали. Скажите, по крайней мѣрѣ, на милость, чѣмъ я могъ вызвать съ вашей стороны подобное недовѣріе къ своему разсудку и нравственнымъ силамъ, и не проще ли будетъ предположить, что я „съумѣю“ и „смогу“ достойно завершить начатое и сдѣлать безъ всякихъ насилій и неумѣстныхъ формальныхъ требованій изъ своей будущей жены то, чѣмъ „должна быть“ княгиня Кейстутъ. А вы, какъ добрые патріоты и добрые друзья, первые мнѣ не откажете въ своей помощи.

Свіонтецкая и пробощъ покорно заявили о своемъ горячемъ участіи.

— Враговъ у меня много, пояснилъ князь, но я вижу ихъ

козни, и онѣ мнѣ не страшны. Скальскій, нашъ самозванный „маршалокъ", пустой, прогорѣвшій „панславистъ", самаго опаснаго направленія, не можетъ примириться съ мыслью, что я отбилъ у него невѣсту, хотя графиня никогда и не помышляла объ этомъ авантюристѣ. Онъ сталъ во главѣ этой шайки. Сторону его, разумѣется, тянутъ всѣ Давгелишскіе москали, а въ первыхъ рядахъ—главный управитель Креденскій, на плутни котораго я уже успѣлъ раскрыть глаза графинѣ, такъ что не сегодня, завтра она его прогонитъ, и учитель Роллинъ, молодой нигилистъ, весьма недовольный, что я вырвалъ изъ-подъ его вліянія молодаго графчика. Какъ видите, публика не важная. Но, припомнивъ старую басню про льва и крысу, нужно все-таки быть осмотрительнымъ.

— Ну, а что скажутъ „въ губерніи", спросила Свіонтецкая, подразумѣвая подъ этимъ названіемъ губернскій городъ и власти.

— Что̀ же, въ сущности, могутъ сказать, возразилъ князь, презрительно поводя плечами,—прошлое мое не представляетъ основаній ни къ малѣйшей придиркѣ. Смѣшанные браки дозволены закономъ, а графиня не малолѣтняя и можетъ свободно располагать своею рукою. Имѣніе принадлежитъ лично ей и не состоитъ въ опекѣ, у мальчика свое состояніе. На первое время, во избѣжаніе безполезныхъ толковъ, я думаю увезти ее въ Римъ, гдѣ, въ обществѣ моихъ испытанныхъ друзей, она не замедлитъ усвоить значеніе своего новаго призванія. Господь довершитъ остальное.

— Amen, проговорилъ пробощъ съ вдохновеннымъ видомъ.

— Да благословитъ тебя Богъ, заключила Свіонтецкая,— когда же заручины?

— Нужно обождать еще съ пару недѣль, теперь слишкомъ много заботъ по хозяйству—голова не свободна.

Всѣ разстались довольные, или дѣлая видъ, что довольны другъ другомъ.

VIII.

Въ первыхъ числахъ наступившаго августа поля были убраны, и обширныя пожни переливали яркимъ золотомъ, вторившимъ мирной лазури безоблачнаго неба. Вся окружающая природа вѣяла миромъ и тишиною, въ которыхъ словно слы-

шался откликъ благодатнаго отдыха послѣ ряда тяжелыхъ усилій и трудовъ. Это время года едва-ли не лучшее въ нашихъ западныхъ окраинахъ и способно заставить забыть слишкомъ торжественныя прелести юга. Здѣсь, правда, нѣтъ пестраго разнообразія красокъ, но мягкая гамма тоновъ убаюкиваетъ душу, какъ художественная варіація на незатѣйливую народную тему. Хвойные лѣса не переливаютъ пурпуромъ и золотомъ наступающей осени, не нашептываютъ таинственныхъ сказокъ о жгучихъ утѣхахъ молодой страсти; стройные и неподвижные въ своихъ вѣчно зеленыхъ покровахъ, они словно задумались о какомъ-то тихомъ, убаюкивающемъ счастіи. Только придорожныя березы и орѣшники, какъ вѣтренные юнцы, спѣшатъ блеснуть пестрыми нарядами, словно чтобы не отстать отъ красавицъ-рябинъ, разукрашенныхъ коралловыми гроздами, да въ фруктовыхъ садахъ позднія яблоки подрумяниваются въ лучахъ ласкающаго солнца.

Въ одинъ изъ такихъ тихихъ, благодатныхъ дней, Вѣра Дмитріевна, въ сопровожденіи князя, пробиралась проселкомъ къ своей усадьбѣ изъ „Борткунъ", гдѣ Кейстутомъ былъ предложенъ интимный завтракъ, среди парка. Дима бѣжалъ впередъ, стараясь захватить сѣткой встрѣчныхъ мотыльковъ, весело кружившихся въ прозрачной синевѣ. Несмотря на оживленный разговоръ, князь казался озабоченнымъ, и Вѣра Дмитріевна, успѣвшая до тонкости изучить игру его физіономіи, старалась отгадать причину тревожившихъ его думъ.

— У васъ что-то лежитъ на сердцѣ, спросила она его, наконецъ, осиливая свои колебанія.

— Почему вы такъ думаете?

— Я успѣла васъ немножко изучить, и я вообще отзывчива ко всякому горю близкихъ.

— Если бы вы знали, какъ дороги мнѣ эти слова, и какъ бы я былъ счастливъ сохранить на нихъ право...

— Я никогда не говорю того, чего не думаю...

— Вы отгадали, продолжалъ князь, я дѣйствительно встревоженъ и имѣю къ тому серьезныя основанія: гнустная интрига, смыслъ и значеніе которой я пока еще не могу себѣ объяснить, пытается отбросить меня отъ васъ. Скажите, остановился онъ, видимо взволнованный, имѣю я нѣкоторое право разсчитывать и на вашу откровенность?

— Полнѣйшее, но что же такое случилось?

— Одинъ вопросъ—вы не получали этими днями какихъ-либо анонимныхъ писемъ?

— Нѣтъ, изумилась Вѣра Дмитріевна, неужели въ нашемъ мирномъ уголкѣ находятся любители такихъ мерзостей?

— Тѣмъ лучше, проговорилъ Кейстутъ, ничего не отвѣчая на вторую часть вопроса, словно желая замять разговоръ.

Но затронутое женское любопытство не примирилось съ такою развязкой.—Теперь моя очередь требовать отъ васъ той же откровенности:—что̀ вамъ пишутъ въ этой пасквили, спросила графиня, если только это можно передать.

Вмѣсто отвѣта онъ досталъ изъ кармана жакетки листикъ бумаги, на которомъ прямолинейнымъ, искусно поддѣланнымъ почеркомъ значилось слѣдующее: „Добрый совѣтъ ясновельможному князю прекратить свой любовный походъ противъ сердца графини Шафировой, такъ какъ сердце это давно отдано другому, который не постѣснится въ случаѣ крайности всадить ему пулю въ лобъ, во всякомъ же случаѣ, даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣло не обойдется безъ крупнаго скандала, въ который неминуемо, въ силу „нѣкоторыхъ прецедентовъ“, должны будутъ вмѣшаться мѣстныя власти—выгодно ли это для князя?!“

— Какая низость,—замѣтила Вѣра Дмитріевна съ презрительною гримаскою,—какимъ образомъ вы это получили?

— По почтѣ, въ числѣ другихъ писемъ, конвертъ помѣченъ штемпелемъ нашего уѣзднаго города, можно заключить, что авторъ этого милаго посланія не за горами.

— Вы подозрѣваете Скальскаго, невольно вырвалось у графини, нѣтъ, онъ не способенъ на подобную низость.

— Я никого не называю, сдержанно отозвался Кейстутъ, и во всей этой пасквили, конечно, не обѣщанная пуля меня пугаетъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Бросить этотъ лоскутокъ въ ту же грязь, изъ которой онъ вышелъ, и воспользоваться полученнымъ урокомъ, чтобы высказать вамъ все то, что совѣсть и честь вмѣняютъ мнѣ въ обязанность не таить долѣе.

Сердце Вѣры Дмитріевны сжалось отъ сладостнаго предчувствія чего-то необычайно-свѣтлаго, радостнаго, еще не испытаннаго въ жизни. Избытокъ подступавшаго счастія былъ настолько силенъ и внезапенъ, что переходилъ почти въ острую боль. Она только понимала, что настала наконецъ рѣшающая

минута, и, сознавая свое безсиліе сразу побороть остатки блуждавшихъ сомнѣній, попробовала еще защититься тѣмъ слабымъ оружіемъ, которое женщина инстинктивно сохраняетъ даже въ минуты, когда первый поцѣлуй страсти уже жжетъ ея губы.—Что мы останемся по-старому добрыми друзьями, договорила она, и что никакія интриги и пасквили не измѣнятъ нашихъ теперешнихъ отношеній.

— Нѣтъ, нѣчто болѣе важное для моего счастья и, конечно, не составляющее для васъ тайны, остановился онъ, тихо сжимая ея руки, которыя она не сопротивляясь ему безсознательно протянула, а именно то, что я васъ глубоко, безконечно люблю и желалъ бы отдать вамъ всю остальную мою жизнь, если только вамъ угодно будетъ ее принять.

— Но Дима, проговорила она.

— Мы, кажется, уже давно слились въ общей нѣжности къ этому дорогому ребенку и если можемъ въ чемъ разойтись, то развѣ лишь изъ чувства ревности къ его ласкамъ, но я заранѣе обѣщаю быть благоразумнымъ и признавать ваше неоспоримое первенство... въ этомъ, конечно, вы мнѣ вѣрите.

— Какъ и во всемъ остальномъ, отвѣтила она, тихонько отымая свои руки, но дайте мнѣ немного времени освоиться съ мыслью о новой жизни. Подумайте, пока и сами вы еще ничѣмъ не связаны: я можетъ быть окажусь не въ силахъ дать вамъ тотъ идеалъ счастія, о которомъ вы помышляете, я вѣдь не молода, мнѣ скоро тридцать.

— Графиня, серьезно замѣтилъ онъ, я на двѣнадцать слишкомъ лѣтъ старше васъ и не опасался, начиная этотъ разговоръ, услышать отъ васъ напоминанія о старости, за что же вы хотите мнѣ такъ безжалостно подчеркнуть эту разницу; что касается остальныхъ возраженій, то смѣю васъ просить принять въ соображеніе лишь ваши личныя чувства. Кейстуты, несмотря на горячія сердца, всегда обладали здравымъ смысломъ и протягивали руки къ счастію, лишь когда вѣрили въ его прочность.

Они вышли на большой шлякъ, Давгелишская усадьба была въ сотнѣ шаговъ. Обоимъ было неловко, обмѣненныя слова положили конецъ прежнимъ мирнымъ отношеніямъ, не создавъ еще новыхъ. Князь понялъ, что его дальнѣйшее присутствіе ее стѣсняетъ, и откланиваясь почтительно наклонился къ ея рукѣ. По русскому обычаю она впервые поцѣловала его лобъ и стала нагонять Диму, забѣжавшаго далеко впередъ. Вся

поглощенная новымъ міромъ роившихся мыслей, она лишь по глубокому поклону узнала словно изъ земли выросшаго Креденскаго, возвращавшагося на бѣговыхъ дрожкахъ съ хозяйственнаго объѣзда.—Ужь не онъ ли, мелькнуло почему-то у нея въ головѣ, въ связи съ воспоминаніемъ объ анонимномъ письмѣ, но нѣтъ, съ какой стати, скорѣе Роллинъ—тотъ послѣднее время выглядѣлъ дѣйствительно такъ странно, такъ откровенно ненавидѣть князя; безумное чувство могло довести его до отчаянія, до утраты разсудка, побудить на низкій поступокъ, недостойный порядочнаго человѣка... бѣдный, несчастный юноша. Но опасенія за любимаго, дорогаго человѣка болѣе чѣмъ сознаніе личной обиды заставили ее тотчасъ же упрекнуть себя въ малодушной снисходительности по отношенію къ проходимцу, отплачивающему такою черной неблагодарностью за сдѣланное ему добро, и она сожалѣла, что не имѣетъ подъ рукою этого презрѣннаго лоскутка бумаги, способнаго, какъ ей казалось, немедленно уличить виновника, вырвать у него сознаніе въ его отвратительномъ замыслѣ.

Съ возвращеніемъ домой надуманное предположеніе разрослось до размѣровъ несомнѣнной дѣйствительности, и желая тотчасъ же убѣдиться въ основательности своихъ предположеній, она отправила князю лаконическую записку съ просьбою немедленно прислать ей анонимный пасквиль для нѣкоторыхъ домашнихъ разслѣдованій.

Задуманный Вѣрою Дмитріевной проектъ разоблаченія былъ въ сущности весьма простъ, хотя и лишенъ нѣкоторой находчивости. Адресуя свое писательство князю Кейстуту, анонимный авторъ по всей вѣроятности не могъ предполагать, что оно попадетъ къ ней на глаза, а потому пренебрегъ мелочными предосторожностями, какъ, напримѣръ, перемѣною обыкновенно-употребляемой бумаги или чернилъ, по которымъ можно было наглядно добраться до истины, въ случаѣ если онъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу домашнихъ. Черезъ полчаса, когда посланный вернулся обратно съ желаннымъ отвѣтомъ, графиня съ удовольствіемъ убѣдилась въ нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ бумаги, на которой написана была анонимная записка. Она была сѣровато-синяго цвѣта съ водянымъ штемпелемъ англійской фабрики. Подъ предлогомъ недостатка почтовыхъ принадлежностей, она послала камердинера попросить у Роллина нѣсколько листковъ бумаги и конвертовъ для нетерпящей отлагательства корреспонденціи.

Пять минутъ спустя, принесенная тетрадка наглядно убѣдила ее въ основательности возникшихъ подозрѣній: присланная Роллинымъ бумага по формату и цвѣту точь-въ-точь подходила къ употребленной авторомъ злосчастной записки, носила тотъ же фабричный штемпель, такъ что видимо ничего не подозрѣвавшій юноша сразу попался въ протянутую ему несложную ловушку. Очевидно, никто иной, какъ онъ, былъ авторомъ безыменнаго пасквиля.

Отдавъ невольную дань своей дальновидности и находчивости, Вѣра Дмитріевна, послѣ зрѣлаго размышленія, пришла къ великодушному рѣшенію, что ей слѣдуетъ пощадить молодое самолюбіе учителя, оказавшаго все-таки не мало пользы ея Димочкѣ, избавивъ себя и Роллина отъ унизительныхъ объясненій, и на-просто ограничиться удаленіемъ его изъ дому, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, подыскать который не составитъ особаго труда. Прежде однако чѣмъ предпринять что-либо въ этомъ направленіи, она пожелала провѣрить невозможность случайнаго совпаденія, жертвою коего могъ невольно явиться Роллинъ. Присланная бумага могла быть получена имъ изъ ея же домовой конторы, отъ Креденскаго, или кого-либо изъ служащихъ, и тогда вопросъ о настоящемъ виновникѣ становился сомнительнымъ, требующимъ болѣе обстоятельнаго разслѣдованія. Воспользовавшись первымъ же свиданіемъ съ управляющимъ, она поручила ему при поѣздкѣ въ уѣздный городъ пріобрѣсти для нея почтовой бумаги, подобной принесенной отъ Роллина, ссылаясь на неаккуратность петербургскаго поставщика, замедлившаго высылкою ей письменныхъ принадлежностей.

— Сомнѣваюсь, чтобы мнѣ удалось розыскать такого именно цвѣта, такъ какъ въ нашемъ убогомъ городкѣ, кромѣ бѣлой, я иной почтовой бумаги не встрѣчалъ, замѣтилъ Креденскій.— Но вѣдь мнѣ эту кажется принесли изъ конторы или отъ васъ, замѣтила небрежно графиня, я думала, что вы здѣсь ее достаете. Но управляющій возразилъ, что ни въ конторѣ, ни у него лично, подобнаго сорта бумаги, къ сожалѣнію, не имѣется, и что, по всей вѣроятности, переданный на образецъ листокъ позаимствованъ у Роллина, такъ какъ Илья Николаевичъ постоянно присылаетъ въ контору для отправки на почту письма въ конвертахъ подобнаго цвѣта.—Вы въ этомъ увѣрены, спросила графиня, останавливая на немъ пытливый взглядъ.—Совершенно, спокойно отвѣчалъ управляющій, такъ какъ са-

мому не разъ доводилось отвозить ихъ въ городъ. Настаивать долѣе представлялось неосторожнымъ и могло возбудить подозрѣніе Креденскаго, притомъ теперь графиня считала вопросъ достаточно выясненнымъ.

Роллинъ былъ нѣсколько озадаченъ, когда, дня два спустя послѣ того, Вѣра Дмитріевна удержала его послѣ завтрака, выразивъ желаніе переговорить.

— Очень можетъ быть, начала она, когда они остались вдвоемъ, что наше пребываніе здѣсь вслѣдствіе прекрасной погоды и благотворнаго вліянія деревенской жизни на здоровіе Димочки, затянется гораздо долѣе, нежели я предполагала. Я опасаюсь нарушить ваши планы и рѣшилась не противиться болѣе вашему возвращенію въ Петербургъ, Илья Николаевичъ. Какъ ни грустно будетъ Димѣ разставаться съ вами, но нельзя увлекаться эгоистическимъ чувствомъ, и я хотѣла предупредить васъ, что вы совершенно свободны располагать собою, когда заблагоразсудите.

Илья Николаевичъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Не далѣе двухъ недѣль тому назадъ эта самая графиня, отсылавшая его теперь такъ холодно и безучастно, какъ заурядного, излишняго наемника, сама взывала къ его дружбѣ и преданности, чтобы убѣдить не покидать ея сына. Что же могло вызвать такую рѣзкую перемѣну, чѣмъ опредѣлялась такая жестокость безотлагательнаго „вышвыриванія“ его изъ дому—онъ не могъ понять. При всемъ желаніи видѣть въ случившемся вліяніе князя Кейстута, онъ затруднялся поставить исключительно на его счетъ подобную выходку. Вліяніе это, какъ онъ зналъ, началось не со вчерашняго дня, да и чѣмъ въ сущности могъ онъ являться помѣхою для знатнаго барина, чтобы вызвать въ немъ желаніе настаивать предъ графиней о немедленномъ его удаленіи. Нѣтъ, тутъ примѣшались какія-то постороннія, невѣдомыя ему обстоятельства, быть можетъ, грязные навѣты или сплетни тайныхъ недоброжелателей. Оставлять ихъ не разъясненными, оставлять по себѣ опороченный слѣдъ въ этомъ дорогомъ ему домѣ показалось ему предѣломъ униженія—онъ долженъ былъ объясниться.

— Мнѣ было бы весьма тяжело, оставляя вашъ домъ, унести сознаніе, что ваше сіятельство сохранили противъ меня какое-либо невысказанное неудовольствіе. Я не знаю за собою поступковъ, способныхъ вызвать неудовольствіе — но все же былъ

бы счастливъ услышать отъ васъ подтвержденіе своей увѣренности.

Краска волненія выступила на лицѣ Вѣры Дмитріевны, но, овладѣвъ подступавшимъ порывомъ негодованія, она удовольствовалась холодною фразою:—ваша собственная совѣсть лучше всякихъ словъ должна убѣдить васъ въ степени основательности подобныхъ предположеній.

— Моя совѣсть совершенно чиста, по крайней мѣрѣ передъ вами и всѣми вамъ близкими, подтвердилъ Роллинъ.

— Въ такомъ случаѣ мое увѣреніе вамъ ничего не прибавитъ, усмѣхнулась графиня.

Онъ понялъ, что она не желаетъ снисходить до объясненій, и сдѣлавъ глубокій поклонъ молча удалился. Никогда еще людская несправедливость не ложилась такимъ тяжелымъ гнетомъ на душу Роллина, никогда его лучшія, чистѣйшія вѣрованія не были попраны такъ немилосердно и жестоко. Страданія глубоко-затаеннаго, безнадежнаго чувства, перенесенныя за послѣдніе два мѣсяца, казались ничтожными сравнительно съ презрѣніемъ, звучавшимъ въ словахъ Вѣры Дмитріевны. Никогда даже отдаленнымъ намекомъ онъ не позволилъ себѣ выказать ей жившее въ немъ чувство. Если какими-либо судьбами она о немъ догадалась, то неужели ничего не могла найти въ отплату кромѣ неумолимой, холодной злобы. За что,—спрашивалъ онъ себя, шагая безсознательно по парку, — куда направился по выходѣ отъ графини, не чувствуя силъ вернуться тотчасъ къ Димѣ,—за что, въ чемъ моя вина, въ чемъ преступленіе... или въ самомъ дѣлѣ эти знатныя барыни, какъ увѣряетъ Креденскій, только и могутъ, что презирать и осмѣивать всякое честное, неподдѣльное чувство.

— Что такъ задумчивы, сэръ, раздался позади его чей-то насмѣшливый голосъ.

Онъ вздрогнулъ и пришелъ въ себя, увидѣвъ нагонявшаго его Креденскаго.

— Куда вы стремитесь? я добрыхъ десять минутъ гоняюсь за вами, инда уморился, что такое случилось?

— Да... ничего.

— Ну полноте, словно я не вижу, что на васъ лица нѣтъ. Со мной бы казалось вамъ стыдно секретничать, я изъ оконъ конторы замѣтилъ, какъ вы вышли безъ шляпы, взволнованный, и погнался за вами, опасаясь, чтобы вамъ не забрела въ голову

оригинальная мысль украсить своею особою одну изъ этихъ старыхъ липъ.

— Успокойтесь, горько усмѣхнулся Роллинъ, если мнѣ придетъ такая фантазія, я постараюсь избрать другое мѣсто, тѣмъ болѣе, что завтра меня здѣсь болѣе не будетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что же такое случилось, участливо спросилъ Креденскій.

— Да то, что я повидимому кому-то и въ чемъ-то здѣсь мѣшаю и не сумѣлъ самъ во-время этого смекнуть, принявъ наивно за чистую монету просьбы графини, убѣждавшей меня не далѣе двухъ недѣль тому назадъ не оставлять ея дома.

— Это несомнѣнно все продѣлки „ясновельможнаго", замѣтилъ управляющій, теперь, значитъ, очередь и за мною, но я съумѣю вывести его на свѣжую воду.

— Едва-ли, устало возразилъ Роллинъ, чѣмъ я могъ въ сущности ему мѣшать! За все это время я не обмолвился ни единымъ словомъ противъ него и вообще стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ всего творившагося, повинуясь волѣ графини въ направленіи воспитанія и занятій ея сына, нѣтъ, тутъ кроется какая-то темная, совершенно неуловимая для меня интрига. Въ тонѣ графини, я не ошибся, звучало совершенно несвойственное ей раздраженіе, и я дорого бы далъ, чтобы разгадать въ чемъ дѣло.

Креденскій остановился и, крѣпко стиснувъ локоть своего собесѣдника, таинственно оглянулся кругомъ, словно желая убѣдиться въ окружавшемъ ихъ одиночествѣ. Въ старомъ паркѣ царила полная тишина благодатнаго августовскаго утра, только старыя липы слегка шелестѣли въ выси своими верхушками.

— Послушайте, Роллинъ, началъ онъ послѣ небольшой паузы съ нѣкоторою торжественностью, вы несомнѣнно порядочный человѣкъ и, не взирая на коренную, такъ сказать, разницу въ нашихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ на міръ и людей, я конечно могу безъ опасенія вамъ довѣриться?...

— Полагаю.

— Я знаю настоящую причину, вызвавшую противъ васъ негодованіе Вѣры Дмитріевны, и если только вы дадите мнѣ честное слово, что это навсегда останется между нами и вы ничего не предпримете безъ моего совѣта, я готовъ вамъ ее открыть.

— За первое готовъ поручиться, что же касается втораго, то едва-ли это выполнимо, такъ какъ это было бы безусловное отреченіе отъ свободы дѣйствій.

— Я вовсе этого не требую, а только желаю, въ вашихъ же интересахъ, чтобы вы не поддавались воздѣйствію перваго порыва негодованія и хладнокровно отнеслись къ фактамъ, какъ бы возмутительны они вамъ ни показались, не скрывая отъ меня и принятаго рѣшенія.

— Согласенъ.

— Слушайте же. Дня три тому назадъ, возвращаясь изъ Мочекишекъ, я наткнулся совершенно случайно на нашихъ голубковъ—рѣчь, разумѣется, объ ихъ сіятельствахъ —и явился незримымъ свидѣтелемъ нѣжнаго прощанья на проѣзжемъ пути, у поворота въ „Давгелишки", при чемъ самолично видѣлъ, какъ Кейстутъ вручилъ графинѣ какой-то небольшой конвертикъ синеватаго цвѣта. Я по правдѣ говоря не придалъ особаго значенія этому обстоятельству—мало ли какими сообщеніями могутъ обмѣниваться близкіе люди—какъ вдругъ вчера Вѣра Дмитріевна, подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій требуетъ меня къ себѣ и въ числѣ другихъ порученій проситъ достать въ городѣ писчей бумаги и конвертовъ какого-то синевато-сѣраго цвѣта по образцу тутъ же переданнаго полулистика.

— Вы имѣете его при себѣ, спросилъ озадаченный Роллинъ, начинавшій смутно улавливать какую-то таинственную связь между этимъ разсказомъ и волновавшею его тревогою.

— Кажется, такъ какъ собирался проѣхать въ городъ послѣ обѣда. Онъ порылся въ объемистомъ, дѣловомъ бумажникѣ и, доставъ изъ него сложенную четвертушку, протянулъ ее Роллину.

— Да, это моя бумага, замѣтилъ онъ простодушно, внимательно разсмотрѣвъ листокъ, графиня третьяго дня присылала Сергѣя взять у меня тетрадку, такъ какъ-де запасъ ея письменныхъ принадлежностей случайно истощился.

— Это мнѣ было совершенно неизвѣстно, возразилъ Креденскій, но во всякомъ случаѣ только еще болѣе подтверждаетъ основательность моихъ предположеній. А этотъ полулистикъ, — могу вамъ честью поручиться, — оторванъ отъ переданнаго ей Кейстутомъ анонимнаго письма. Не подозрѣвая, что я вижу, графиня не почла нужнымъ стѣсняться излишними предосторожностями и оторвала листокъ въ моемъ присутствіи и спрятала исписанную половинку въ карманъ.

— Все это весьма можетъ быть, но что же въ нихъ общаго съ моею внезапною отставкою, спросилъ Роллинъ.

— Вы очень недогадливы, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ замѣтилъ управляющій, прошу выслушайте до конца. Прежде нежели меня отпустить, графиня вздумала пройти осмотрѣть новую пристройку, съ западнаго фасада, и пока мы пробирались среди мусора и щебня—разсѣянность или простая случайность, опредѣлить не берусь — но таинственная цидулка выпала изъ ея кармана въ то время, какъ она подбирала платье, чтобы его не перепачкать, и я получилъ неожиданную возможность ознакомиться съ этимъ любопытнымъ документомъ.

— Какъ вы рѣшились прочесть чужое письмо?..

— Каюсь, на этотъ разъ въ видѣ исключенія не постѣснился, словно заранѣе предчувствовалъ, что отъ этого клока бумаги зависитъ участь и даже имя порядочнаго человѣка. Письмо оказалось анонимнымъ доносомъ, адресованнымъ князю Кейстуту. Невѣдомый доброжелатель приглашаетъ его не увлекаться прелестями Вѣры Дмитріевны и не спѣшить вести ее къ алтарю, не провѣривъ предварительно степени интимности графини съ нѣкимъ „молодымъ красавцемъ“, проживающимъ въ ея домѣ, которому-де давно отдано ея сердце и все прочее...

— Какая низость, съ негодованіемъ проговорилъ Роллинъ, какой мерзавецъ осмѣлился сочинить эту подлую клевету и что-за безсмыслица — Вѣра Дмитріевна за все это лѣто, какъ вамъ извѣстно, не принимала никакихъ пріѣзжихъ гостей; кромѣ насъ съ вами—иныхъ мужчинъ въ домѣ не проживаетъ.

— Прошу прощенья, я живу не въ домѣ ея сіятельства, а въ конторѣ и при всемъ желаніи не могу претендовать на честь быть обладателемъ ея сердца, да и самый эпитетъ „молодаго красавца“ едва-ли примѣнимъ къ моей неуклюжей фигурѣ. Изъ двухъ, названныхъ вами, остаетесь въ наличности одни вы, на котораго и указываетъ неизвѣстный пасквилянтъ.

— Въ умѣ ли вы... да вѣдь это самая низкая, самая подлая клевета, вырвалось у Роллина.

— Совершенно согласенъ, но въ томъ-то и суть, что нужно было мѣткимъ ударомъ удалить отъ графини преданнаго ей истинно русскаго человѣка. Послѣ такого извѣта ей, конечно, ничего не осталось, какъ немедленно разстаться съ вами, чтобы наглядно опровергнуть гнусную выдумку и оградить свою честь.

— Но кто же могъ отважиться на подобную низость!..

— О, святая невинность, ядовито усмѣхнулся Креденскій, да, разумѣется, никто иной, какъ самъ ясновельможный или его

клевреты, въ полной увѣренности, что обвиненіе падетъ на васъ же самихъ. Для этого и письмо написано не только по-русски, но даже, какъ теперь обнаружилось, на вашей же собственной бумагѣ, которой, бьюсь объ закладъ, не найдется въ продажѣ не только въ уѣздныхъ лавченкахъ, но и въ губернскомъ городѣ.

— Да эта бумага привезена мнѣ въ подарокъ изъ Лондона молодымъ княземъ Барятинцевымъ, котораго я подготовлялъ въ пажескій корпусъ. Но какимъ образомъ могла попасть она въ постороннія руки—князь, разумѣется, никогда не заглядывалъ въ мою комнату, и вообще, кромѣ васъ, у меня рѣшительно никто не бывалъ.

— Развѣ такъ трудно подкупить кого-либо изъ прислуги, рабочаго, полотера, мало ли кто бываетъ въ домѣ во время вашихъ прогулокъ, вѣдь вы не постоянно же носите при себѣ ключъ отъ вашей комнаты.

— Даже никогда.

— Слѣдовательно, вопросъ отпадаетъ самъ собою.

— Но все же какъ-то не вѣрится. Благородный человѣкъ, знатный баринъ, пошелъ на такой низкій, недостойный поступокъ. Наконецъ для какой цѣли...

— „Эти господа“ способны еще и не на такія вещи, убѣдительно подтвердилъ управляющій, я, слава Богу, ихъ достаточно знаю.

— Какъ хотите, но тутъ что-то не такъ, возразилъ Роллинъ, я отъ души не люблю этого князя, но все-таки не рѣшаюсь обвинять его въ такомъ низкомъ дѣлѣ. Подумайте, вѣдь это хуже подлога, хуже предательства... это послѣднее слово безчестія и подлости.

— Да бросьте наконецъ свои миндальничанья, съ досадой замѣтилъ Креденскій, и отнеситесь хоть разъ откровенно и трезво къ фактамъ; они рѣжутъ глаза своею очевидностью. Вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, ни въ существованіи анонимнаго пасквиля, ни въ томъ, что онъ былъ написанъ на другомъ полулистѣ вашей бумаги?

— Ничуть, но все же былъ бы вамъ весьма обязанъ за возможность взглянуть на самое письмо; кто знаетъ, можетъ быть, намъ бы удалось общими усиліями уловить по почерку автора пасквиля.

— Съ особымъ удовольствіемъ исполнилъ бы ваше желаніе, но вы понимаете, что я не отважился удерживать у себя

этотъ документъ, подъ опасеніемъ возбудить тревоги и потозрѣнія графини, и на обратномъ же пути вручилъ его Вѣрѣ Дмитріевнѣ вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ, какъ бы обороненные на мѣстѣ. Что касается содержанія, то, несмотря на кратковременность, я успѣлъ достаточно удержать его въ памяти и передалъ вамъ почти дословно. Почеркъ ровно ничего не могъ бы вамъ разъяснить, такъ какъ, разумѣется, тщательно поддѣланъ, нѣчто въ родѣ дѣтскихъ каракуль.

— Боже мой, что же дѣлать, какъ выяснить истину, чтобы смыть съ себя это позорное пятно, въ припадкѣ безнадежнаго отчаянія проговорилъ Роллинъ.

Креденскій промолчалъ, словно поджидая болѣе прямаго обращенія къ его помощи.

— Не объясниться ли прямо съ графинею, продолжалъ Илья Николаевичъ, она добра и правдива, пойметъ, что я не способенъ на подобную низость...

— Иначе говоря, попытаться убѣдить ее, что эту низость совершилъ „избранникъ ея сердца". Сомнѣваюсь, чтобы, при всемъ своемъ добросердечіи, она повѣрила вамъ на слово. Какія доказательства кромѣ нравственнаго убѣжденія можете вы ей представить въ подкрѣпленіе своихъ увѣреній. Не говоря уже о томъ, что вамъ неминуемо придется измѣнить своему обѣщанію и впутать меня во все это дѣло—такая безцѣльная попытка способна лишь усилить ея убѣжденіе въ вашей виновности. Если это входитъ въ ваши разсчеты, то пожалуйста, не стѣсняйтесь, я не дорожу, какъ вы знаете, своимъ мѣстомъ и не въ первый разъ разочаруюсь въ человѣческой порядочности.

— Но что же дѣлать, я не придумаю, посовѣтуйте... помогите, мысли мои совершенно путаются, безсильно проговорилъ Роллинъ.

— Прежде всего ни слова графинѣ. Вамъ не въ чемъ передъ нею оправдываться, и всякое объясненіе будетъ неминуемо принято за сознаніе. Во всемъ виновенъ несомнѣнно князь—онъ одинъ и долженъ нести всю тяжесть отвѣтственности за свой гнусный поступокъ. Относительно этого господина, вы, кажется, имѣете основанія не стѣсняться!..

— Конечно, но что же я могу подѣлать противъ этого вельможи, чѣмъ могу отплатить за нанесенную изъ-за угла позорную обиду.

— Разумѣется, не привлеченіемъ къ отвѣтственности у ми-

роваго, презрительно усмѣхнулся Креденскій, для этакихъ дѣлъ практическіе янки придумали судъ Линча, а наше феодальное общество—поединки. Выбирайте!

— Легко сказать, онъ можетъ, во-первыхъ, наотрѣзъ отказаться отъ всякаго участія въ дѣлѣ письма и увернуться отъ обязанности давать удовлетвореніе.

-- Ну, положимъ, есть средство заставить самаго отъявленнаго негодяя и труса отвѣчать за свои поступки, замѣтилъ управляющій съ выразительнымъ жестомъ, наглядно дополнившимъ его мысль.

— Что вы, я ни при какихъ условіяхъ не рѣшусь на дикое насиліе.

— Ручки побоитесь замарать, осклабился Креденскій, что жъ, вкусы вкусамъ розь: если нравится быть оплеваннымъ, затоптаннымъ въ грязь—это ваше дѣло.

Роллинъ весь вспыхнулъ подъ хлесткимъ ударомъ его словъ.—Я вовсе не такъ добродушенъ, какъ вы себѣ представляете, возразилъ онъ, но когда рѣчь идетъ о добромъ имени человѣка, о возстановленіи неизвѣстно кѣмъ поруганныхъ достоинствъ и чести, то весьма естественно дѣйствовать осмотрительно, а не на удачу.

— Что жъ, займитесь собираніемъ справокъ, разъясненій, если имѣете къ тому время и возможность, я охотно готовъ въ чемъ могу вамъ помогать. Но заранѣе знаю, что ничего не добьетесь.

— Дѣло не въ справкахъ; все сообщенное вами настолько несомнѣнно, что не требуетъ дополненій. Меня озабочиваетъ только, чтобы подлый виновникъ всей этой гнусной интриги не увернулся отъ достойнаго возмездія. Могу ли я до конца разсчитывать на вашу помощь?

— Въ какомъ смыслѣ, спросилъ Креденскій.

— Я выскажу этому низкому человѣку, что мнѣ все извѣстно, не поясняя, разумѣется, изъ какого источника, и потребую, чтобы онъ немедленно раскрылъ всю истину Вѣрѣ Дмитріевнѣ.

— И вы думаете, что онъ такъ и согласится.

— Если нѣтъ, я вызову его на дуэль. Я такой же дворянинъ, какъ и онъ, и онъ не можетъ отказать мнѣ въ этомъ удовлетвореніи.

— Ну, а если откажетъ?

— Тогда увидимъ, проговорилъ Роллинъ, и выраженіе какой-то загадочной рѣшимости сверкнуло въ его глазахъ.

— Все это превосходно, замѣтилъ Креденскій, но я позволю себѣ еще одно возраженіе: удобно ли вамъ самимъ объясняться съ княземъ. Вся сила въ томъ, чтобы припереть его, такъ сказать, къ стѣнѣ, не дать вывернуться посредствомъ лживыхъ изворотовъ и отнѣкиваній. Необходимы прежде всего полнѣйшее самообладаніе и спокойствіе. Способны ли вы сохранить ихъ при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ? При первомъ вашемъ вопросѣ онъ прикроется полнымъ невѣдѣніемъ. Вамъ неминуемо придется прибѣгнуть къ насилію, которое вамъ такъ претитъ, либо уйти ни съ чѣмъ, осмѣяннымъ и униженнымъ.

— Но какъ же быть?

— Поручите мнѣ это дѣло, и я, повѣрьте, съумѣю охранить ваши интересы и достоинство, а въ случаѣ нужды не постѣснюсь высказать и все то, что мнѣ лично извѣстно. Какъ ни мало я свѣдущъ въ рыцарскихъ затѣяхъ, все же знаю, что обыкновенно принято прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ посредничеству третьяго лица.

— Вы мой благодѣтель, съ чувствомъ проговорилъ Роллинъ, горячо пожимая руку предателя, прошу только не откладывать благаго намѣренія. Если возможно, сегодня же переговорите съ княземъ, такъ какъ завтра меня здѣсь болѣе не будетъ — я обязанъ возможно скорѣе избавить графиню отъ своего присутствія.

— Напрасно, по-моему вамъ нечего торопиться, особенно теперь, наканунѣ, такъ сказать, событія, способнаго можетъ быть измѣнить весь ходъ вещей и вернуть нашу графиню на путь истинный.

— Какъ такъ, не понимаю.

— Дѣло въ томъ, отвѣчалъ управляющій, сворачивая на дорожку, приближавшую ихъ къ усадьбѣ, что чрезъ нѣсколько дней въ городѣ ожидаютъ пріѣзда губернатора. Скальскій прислалъ мнѣ нарочнаго, съ просьбою передать графинѣ, что нашъ правитель намѣревается посѣтить ея сіятельство и вмѣстѣ проситъ разузнать и сообщить ему довѣрительно: какого рода пріемъ будетъ по этому случаю въ „Давгелишкахъ“ и кто будетъ въ числѣ приглашенныхъ.

— Что же во всемъ этомъ особеннаго, замѣтилъ Роллинъ, губернаторъ, кажется, ежегодно посѣщаетъ графиню, она отзывалась о немъ съ большимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ весьма дѣятельномъ и съ тактомъ.

— Знаю-съ, вотъ потому-то именно я и разсчитываю на это

посѣщеніе. Если только нашъ предводитель съумѣлъ передать въ должномъ свѣтѣ всю лѣтопись послѣднихъ событій. Вѣдь какъ хотите, а распѣваніе всенародно кантатъ по костеламъ и якшаніе съ мѣстною „справою" едва-ли могутъ заслуживать одобреніе власти.

— Это для меня посторонній вопросъ; противъ Вѣры Дмитріевны лично я ровно ничего не имѣю: ее ввели въ заблужденіе ловкою подтасовкою. Моя цѣль—только очистить себя передъ нею, хотя бы цѣною крови. Пока я этого не достигну, я не оставлю этихъ мѣстъ. Вы найдете меня въ уѣздномъ городѣ въ заѣзжемъ домѣ Шимелевича. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣщенія о результатахъ вашихъ переговоровъ съ Кейстутомъ. Здѣсь долѣе завтрашняго утра считаю себя оставаться не въ правѣ. Принимайте какія угодно условія, лишь бы они не были унизительны для чести, если князю придетъ фантазія стрѣляться чрезъ платокъ, то я и на это согласенъ. Миролюбивое разрѣшеніе дѣла, помните, мыслимо лишь при его письменномъ или передъ свидѣтелями сознаніи въ его низости. Заручившись такимъ документомъ, я только предъявлю его графинѣ и мирно удалюсь во-свояси.

— Ого, да вы повидимому шутить не намѣрены, усмѣхнулся видимо просіявшій Креденскій, а стрѣлять-то вы умѣете ли, не промахнетесь?

— Стрѣлять, какъ стрѣлять? спросилъ словно недоумѣвающій Роллинъ.

— Да, разумѣется изъ пистолета, вѣдь не на рапирахъ же вы будете съ нимъ фехтовать, если дѣло разрѣшится поединкомъ.

— Да... конечно, я не учился, но „въ него" я навѣрное попаду, если только онъ не уложитъ меня на мѣстѣ.

— Жаль, что вы уѣзжаете, а то бы я васъ подучилъ, набилъ бы хотя немного руку, впрочемъ есть примѣта, что новымъ игрокамъ всегда везетъ, а вѣдь это тоже своего рода игра—ставка жизнь.

— Я вѣрю въ правосудіе Господа, спокойно возразилъ Роллинъ.

— Дуракъ, пробурчалъ ему во слѣдъ управляющій, когда они разошлись, туда же въ рыцарскія затѣи пускается, вмѣсто того чтобы по-просту въ сумеркахъ изъ-за угла пристрѣлить какъ собаку, ничего путнаго изъ всего этого не выйдетъ... ужь не самому ли приняться за работу, докончилъ онъ мысленно,

да нѣтъ, опасно... уликъ наберется много, сцапаютъ, какъ мышь, и вся обѣдня „пропала“, лучше положиться на русское „авось“, тѣмъ болѣе что пока еще въ шею не гонятъ, а тамъ можетъ и къ Кейстуту найдется подходецъ.

IX.

Роллинъ уѣхалъ изъ „Давгелишекъ“ нравственно-надорваннымъ. Графиня подъ предлогомъ нездоровья, отказалась принять его прощальный привѣтъ и ограничилась передачею чрезъ дворецкаго щедраго вознагражденія за весь текущій мѣсяцъ, съ добавкою на путевые расходы. Эти деньги Илья Николаевичъ отослалъ ей обратно при почтительной запискѣ, удержавъ изъ нихъ лишь нѣсколько рублей, причитавшихся ему по условленному разсчету за истекшіе дни. Дима подъ воздѣйствіемъ своей нервной, измѣнчивой натуры, восчувствовалъ внезапный возвратъ нѣжности къ своему заброшенному наставнику. Глядя на приготовленія Ильи Николаевича и освѣдомившись объ ихъ причинѣ, онъ разсердился, раскапризничался и не хотѣлъ слышать объ отъѣздѣ, пока Роллинъ не успокоилъ его надеждою на скорое свиданіе въ Петербургѣ, куда онъ-де ѣдетъ нѣсколько ранѣе подготовиться для ихъ дальнѣйшихъ занятій.

Пятый день уже миновалъ со времени выѣзда изъ „Давгелишекъ“, а исходъ переговоровъ съ княземъ Кейстутомъ продолжалъ оставаться совершенно неизвѣстнымъ Роллину. Креденскій, правда, увѣдомилъ его нѣсколькими строками о невольной проволочкѣ въ исполненіи „обѣщаннаго“, оправдываясь разносторонними хлопотами по случаю пріѣзда губернатора и обнадеживая скорымъ свиданіемъ. Но время уходило, а управляющій все не появлялся въ городѣ.

Невыносимо тяжело тянулись эти дни для Ильи Николаевича въ удручающей обстановкѣ убогаго номера неопрятнаго заѣзжаго дома. Одинъ, лицомъ къ лицу съ своими неотвязчивыми, разъѣдающими думами, онъ бродилъ изъ угла въ уголъ, словно заключенный звѣрь, сознавая свое безсиліе уйти въ какое-либо занятіе, оторвать мысль отъ гнетущаго сознанія незаслуженно-понесеннаго, несмытаго позора передъ тою, за которую онъ бы охотно отдалъ самую жизнь. Тщетно пытался онъ стряхнуть съ себя надвинувшееся чувство непонятной, захватывающей тревоги, подавить движеніемъ, усталостью непосильное напряже-

ніе нервовъ,—переутомленные мускулы вмѣсто чаемаго успокоенія приносили только одно болѣзненное возбужденіе. Три безсонныя ночи обезсилили его сознаніе, растравивъ еще болѣе душевную рану. Мысли одна другой мрачнѣе подымались и наростали словно вечернія тѣни изъ невѣдомыхъ дотолѣ темныхъ угловъ внутренняго міра. То представлялось ему, что злобный, неизбѣжный рокъ намѣтилъ его искупительною жертвою какого-то таинственнаго, далекаго прегрѣшенія, содѣяннаго его предками, то безумный притокъ долго подавляемой страсти развертывалъ дикія картины неземныхъ восторговъ въ кровавыхъ развязкахъ, вычитанныхъ когда-то въ уголовныхъ хроникахъ. Любовь среди ужасовъ смерти, вѣчный, неразрывный союзъ двухъ человѣческихъ существъ въ иномъ, незнающемъ предразсудковъ и тревогъ загробномъ мірѣ, единый, торжественный поцѣлуй въ судоргахъ послѣдней агоніи рисовались ему съ неотразимою навязчивостью. Измученный и надломленный, онъ силился отогнать прочь эти нечистые образы, приписывая ихъ непрошенное появленіе бреду утомленнаго тревогою ожиданія воображенія и бездѣйствію, но скоро они снова безсознательно овладѣвали имъ въ силу непонятной ассоціаціи мыслей.

Между немногочисленными пожитками, захваченными имъ изъ Петербурга, находился небольшой американскій револьверъ изящной работы, съ которымъ онъ никогда не разставался, хотя тщательно скрывалъ отъ посторонняго глаза, держа обыкновенно въ укромномъ уголкѣ дорожнаго сундука. Нерѣдко, даже въ свѣтлыя минуты жизни, онъ задумывался надъ этой печальной реликвіей,—единственнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ ему несчастнымъ отцомъ. До сихъ поръ она вызывала въ немъ не малодушныя мысли о легкомъ разсчетѣ съ жизнію, а бодрящее сознаніе святости и непреложности налагаемаго ею долга. Илья Николаевичъ вспомнилъ и теперь объ этомъ старомъ другѣ и, полагаясь на его благотворное воздѣйствіе, досталъ оружіе изъ дорожнаго сундука и сталъ внимательно его разсматривать. Пять камеръ сохраняли еще заряды, вложенные болѣе восьми лѣтъ тому назадъ. Роллину пришло на мысль, что время по всей вѣроятности покрыло ржавчиною внутреннія стѣнки барабана и ослабило его механизмъ. Желая убѣдиться въ основательности своихъ предположеній, онъ попробовалъ вынуть одинъ изъ зарядовъ. Патронъ вышелъ свободно, безъ всякихъ усилій. Та же исправность оказалась и въ движеніи барабана, свободно вращавшагося на своей оси при легкомъ

поворотѣ рукою. — Странно, подумалъ Илья Николаевичъ, вѣдь я ни разу „съ тѣхъ поръ“ не отдавалъ его въ чистку, отчего бы ему не заржавѣть, видно сталь особенно высокаго достоинства, покойный отецъ всегда любилъ цѣнныя вещи и выбралъ, пріобрѣтая эту игрушку, что̀ только было лучшаго, не подозрѣвая, конечно, что она пригодится для личнаго потребленія. Легкій стукъ въ двери прервалъ его размышленія.

— Войдите, отозвался Роллинъ, поспѣшно засовывая револьверъ подъ подушку.

Неожиданный посѣтитель оказался никто иной, какъ Креденскій. Онъ привезъ неутѣшительныя вѣсти. Князь Кейстутъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, наотрѣзъ отказался отъ дачи какого-либо удовлетворенія, отвергая не только свое причастіе въ обвиненіи Ильи Николаевича передъ графинею, но даже и самый фактъ полученія, а тѣмъ болѣе, передачи подметнаго письма. Онъ-де въ первый разъ слышитъ о всемъ этомъ дѣлѣ и не можетъ понять, какъ могла возникнуть мысль примѣшивать его имя къ какой-то грязной интригѣ. Винить въ томъ г. Роллина онъ не считаетъ себя въ правѣ, полагая, что такія странныя догадки и подозрѣнія съ его стороны вызваны однимъ недоразумѣніемъ, которое-де нынѣ достаточно разъяснено откровеннымъ объясненіемъ.

— Подлецъ! проговорилъ Илья Николаевичъ, выслушавъ сообщенія своего мнимаго доброжелателя,—такъ и слѣдовало ожидать, что увернется.

Креденскій не спускалъ съ него глазъ, стараясь разгадать въ измученныхъ, осунувшихся чертахъ молодаго человѣка степень обуревавшаго его душевнаго волненія.

— Какъ же теперь быть, продолжалъ размышлять вслухъ Роллинъ, забывая о присутствіи собесѣдника, — удалиться съ печатью этого несмытаго позора, покориться безропотно подлой интригѣ...

— Предоставляя князю Кейстуту мирно наслаждаться въ ея объятіяхъ купленнымъ клеветою и подлогами блаженствомъ, насмѣшливо договорилъ Креденскій.

Илья Николаевичъ вздрогнулъ и уставился на него мутнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ. — Такъ стало быть „это“ ужь окончательно рѣшено, спросилъ онъ такъ тихо, словно боялся услышать звукъ собственнаго голоса.

— Повидимому, что такъ, подтвердилъ управляющій.—Графиня, вопреки общему ожиданію, воздержалась отъ всякихъ

постороннихъ приглашеній по случаю пріѣзда губернатора и провела съ нимъ послѣ завтрака около двухъ часовъ въ интимной бесѣдѣ. Что̀ было между ними говорено, разумѣется, осталось тайною, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно заключить, что „патронша", поставленная въ необходимость выбирать между своимъ чувствомъ и владѣніемъ „Давгелишками", рѣшилась принести въ жертву страсти всѣ прочіе разсчеты. На слѣдующее же утро я былъ потребованъ къ графинѣ и получилъ предложеніе немедленно отправиться въ губернскій городъ и поручить одному изъ опытнѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ составить проектъ всеподданнѣйшаго прошенія объ обращеніи Давгелишскихъ имѣній въ маіоратъ, съ немедленнымъ переходомъ въ полную собственность малолѣтняго графа, подъ опекою матери. Не сочувствуя такой устарѣлой, ретроградной формѣ владѣнія, я позволилъ себѣ нѣкоторыя замѣчанія, но графиня осталась непреклонна въ своемъ намѣреніи, объясняя его желаніемъ на-вѣки упрочить благосостояніе сына и его потомства. Она добавила, что считаетъ себя нравственно-обязанною возвратить ему то, что должно ему принадлежать по праву, такъ какъ „Давгелишки", хотя и числятся по документамъ за нею, но пріобрѣтены на деньги покойнаго графа. Все это приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что, или губернаторъ внушилъ ей о неудобствахъ сохранять за собою, принимая польское имя, такую крупную поземельную собственность въ краѣ, или самъ князь надумался сжечь корабли и предложилъ эту мѣру, какъ явный залогъ своего безкорыстія, чтобы со временемъ удобнѣе наложить руку на остальное. Какъ бы тамъ ни было, но я сегодня же вечеромъ долженъ возвратиться въ N—къ для дальнѣйшихъ сношеній по этой нелѣпой затѣѣ.

— Стало быть я не могу болѣе разсчитывать на вашу помощь? спросилъ Роллинъ.

— Въ чемъ же я могу вамъ еще служить? Принудить Кейстута драться противъ воли не въ моей власти.

— Правда... теперь остается самому сводить счеты...

— Прошу только не забывать, что во всемъ этомъ постороннемъ для меня дѣлѣ я руководствовался единственно желаніемъ вашей пользы. Неумѣстная откровенность легко можетъ поставить меня въ неловкое положеніе передъ Вѣрой Дмитріевной. Хотя, какъ вамъ извѣстно, я ничуть не дорожу мѣстомъ, но пока...

— О, не бойтесь, усмѣхнулся Илья Николаевичъ, — ни въ какія дальнѣйшія объясненія съ княземъ я входить не намѣренъ.

— Вы совершенно правы, такъ какъ изъ этого ровно ничего не можетъ выдти, онъ станетъ отзываться полнымъ невѣдѣніемъ, станетъ отнѣкиваться, подтвердилъ управляющій.

— Остается, значитъ, прибѣгнуть къ болѣе убѣдительнымъ доводамъ, замѣтилъ Илья Николаевичъ.

— Конечно, если только у васъ достанетъ мужества, одобрилъ Креденскій, понявшій по-своему значеніе произнесенныхъ словъ,—онъ теперь, пользуясь полнолуніемъ, почти ежедневно послѣ вечерняго чая, то-есть часовъ около девяти, возвращается пѣшкомъ изъ „Давгелишекъ" ближайшимъ путемъ, по межамъ; у выхода къ Борткунскому шляку есть, коли припомните, небольшая лощинка, поросшая густымъ кустарникомъ, мѣсто уединенное, даже выстрѣла никто не услышитъ, а затѣмъ—аграрное преступленіе, никому и въ голову не придетъ заподозрѣвать ваше участіе.

Илья Николаевичъ, внимательно слѣдившій за его рѣчью, внезапно разразился истерическимъ смѣхомъ.

— Что съ вами, спросилъ недоумѣвающій и нѣсколько встревоженный управитель.

— Развѣ я похожъ на убійцу, спросилъ Роллинъ, подвигая къ нему въ упоръ свое блѣдное, измученное лицо.

— Вы походите болѣе всего на труса, которому очень хочется, чтобы его приняли за храбреца, раздраженно замѣтилъ Креденскій, убѣждаясь въ своей оплошности, — я предлагалъ вамъ не убійство, а простую американскую дуэль на узелки, гдѣ одинъ изъ соперниковъ остается на мѣстѣ. Въ вашемъ теперешнемъ положеніи инаго исхода быть не можетъ, развѣ спокойно проглотить обиду, но для этого не стоило ждать цѣлую недѣлю. Слуга покорный, развѣдывайтесь, какъ знаете, только прошу не навязывать мнѣ несвойственныхъ мнѣ мыслей, иначе, я не князь и не задумаюсь потребовать отвѣта.

При этой угрозѣ онъ вышелъ изъ номера, крѣпко хлопнувъ дверью передъ озадаченнымъ его дерзкою выходкою Роллинымъ.

Гнаться за нимъ не приходило и въ помыселъ Ильи Николаевича. Ему было не до того. Всѣ душевныя силы сосредоточивались въ немъ теперь около одного роковаго вопроса, подымавшагося вновь изъ глубины его сознанія съ неотступною

навязчивостью послѣ того, какъ сообщенія Креденскаго отняли послѣднюю надежду на единственный способъ возстановить въ глазахъ графини свою поруганную честь. Дикое, безцѣльное мщеніе, на которое такъ неудачно попробовалъ навести его управитель, возмутило невольно его инстинкты, не оставивъ въ немъ инаго слѣда. Низкая клевета могла оставаться на душѣ прибѣгнувшаго къ ней человѣка. Не мщеніе ему было нужно, а несомнѣнное убѣжденіе любимой женщины въ его виновности передъ нею и, конечно, не предательскій ударъ, нанесенный князю, способенъ былъ убѣдить ее. Безъ твердой увѣренности въ этомъ, самое существованіе утрачивало всякій смыслъ, опошливалось, превращаясь, казалось ему, въ непосильно тяжелую ношу. Онъ сознавалъ, что отъѣздъ въ Петербургъ для него немыслимъ, пока онъ не достигнетъ цѣли какими бы то ни было путями.

Этихъ именно путей напряженно искалъ теперь его измученный разсудокъ. Быть не можетъ, чтобы всѣ они были закрыты съ отказомъ князя отъ поединка—во всякомъ положеніи долженъ быть исходъ, подсказывала ему логика опыта, но какой именно! Послѣ долгихъ колебаній рѣшимость его окончательно назрѣла.—„Кромѣ этого, ничего“, порѣшилъ онъ съ печальною усмѣшкою безвыходной покорности передъ неизбѣжнымъ и озабоченно взглянулъ на часы. Было около половины пятаго. Отъ уѣзднаго города до „Давгелишекъ“ насчитывалось не болѣе двадцати пяти верстъ. При хорошей ходьбѣ, разстояніе это могло быть имъ пройдено въ четыре съ половиною, много въ пять часовъ. По теченію рѣчки, онъ безпрепятственно, никѣмъ не замѣченный, подойдетъ къ усадьбѣ въ то время, когда, уложивъ Димочку спать и распростившись съ княземъ, Вѣра Дмитріевна, по обыкновенію, прогуливается въ отдаленной, прилегающей къ рѣкѣ части сада или дышетъ ночною прохладою на открытой ротондѣ, устроенной надъ обрывистымъ, крутымъ берегомъ. Пробраться наверхъ сквозь густую поросль, покрывающую скаты, не составитъ особаго затрудненія, иныхъ преградъ съ этой стороны не было. Въ случаѣ отсутствія графини въ саду, представлялась еще возможность пробраться незамѣченнымъ до нижней веранды, гдѣ она неизмѣнно проводила вечерніе часы за книгой, либо за работой до самаго отхода ко сну. Наконецъ, при нечаянностяхъ посторонней встрѣчи можно весьма правдоподобно объяснить свое присутствіе намѣреніемъ провѣдать Креденскаго. Все это ясно представилось Ильѣ Ни-

колаевичу, надумавшему испытать послѣднее, рѣшающее средство—личное объясненіе съ графиней. Никакія письменныя просьбы и мольбы не смогутъ доставить ему желаннаго свиданія, онъ долженъ былъ его купить, хотя бы цѣною жизни. Безумная надежда, нерѣдко являющаяся рядомъ съ безвыходнымъ отчаяніемъ, внезапно загорѣлась передъ нимъ въ непроглядной тьмѣ его горя. Какъ выздоравливающій отъ тяжелаго недуга, онъ невольно спрашивалъ себя, не призрачны ли были всѣ пережитыя тревоги и мученія? Впереди можетъ еще предстоять столько свѣта и радостей. Кто знаетъ, можетъ статься, сила правды, сила бившагося въ его душѣ высокаго, беззавѣтнаго чувства поможетъ ему подыскать въ эти рѣшительныя минуты послѣдняго свиданія слова, неотразимые доводы, они могутъ проникнуть въ честное женское сердце, разрушить заброшенныя въ него нечистыя сомнѣнія, снискать сочувственный откликъ тѣмъ нравственнымъ терзаніямъ—подъ тяжестью ихъ вѣдь и самая жизнь немыслима. Достигнетъ онъ этого и спокойно удалится. Онъ конечно съумѣетъ найти въ себѣ силы навсегда отогнать прочь несбыточныя мечты и спокойно продолжать тяжелый долгъ жизненной борьбы, если же нѣтъ...

Роллинъ невольно вздрогнулъ и словно очнулся передъ этимъ неизбѣжнымъ предположеніемъ,—оно сразу пахнуло могильнымъ голодомъ на его радужный сонъ. Да, если нѣтъ, повторило ему еще разъ безжалостное сознаніе, и томительное чувство сухости словно сжало дыханіе въ горлѣ. Онъ вспомнилъ о револьверѣ, торопливо запрятанномъ при появленіи Креденскаго, и вложилъ его въ карманъ.

X.

Вѣра Дмитріевна, уложивъ спать Диму, направилась въ отдаленную болѣе уединенную часть сада, мѣсто своей обычной прогулки. „Баянъ“ — великолѣпный сенъ-бернаръ, неизмѣнный и надежный хранитель, слѣдовалъ по пятамъ своей госпожи тихимъ, мѣрнымъ шагомъ. Противъ обыкновенія графиня не обращалась къ нему съ ласковыми словами; мысли ея перебирали событія послѣднихъ дней, цѣлый рядъ новыхъ, совершенно чуждыхъ дотолѣ представленій и вопросовъ! Сомнѣнія, не прикасавшіяся еще къ захватившему ее чувству, стали незамѣтно прокрадываться ей въ душу. Правда, ранка пока

была еще незначительна и могла оказаться ничтожною царапиною, но и этого было достаточно, чтобы отравить благодатное, чуждое всякихъ желаній, спокойствіе, въ которое она окунулась послѣдніе два мѣсяца. Люди не подозрѣваютъ, что оно-то и называется счастіемъ! Какъ это случилось, она сама не могла дать себѣ отчета. Полтора, два часа разговора съ человѣкомъ, съумѣвшимъ пробудить въ ней сознаніе какого-то забытаго, или точнѣе недосмотрѣннаго долга,—сразу измѣнили ея міровоззрѣніе и поставили на стражу противъ себя самой. Еще за нѣсколько дней до своего пріѣзда губернаторъ просилъ ее очень милымъ письмомъ не лишить его возможности отдыха на перепутьи, который онъ разсчитывалъ найти въ „Давгелишкахъ" исключительно въ обществѣ такой хозяйки, намекая на нежеланіе какихъ-либо парадныхъ пріемовъ. До Вѣры Дмитріевны успѣли уже донестись нѣкоторые намѣренно преувеличенные слухи о готовящемся будто бы со стороны представителя власти энергическомъ противодѣйствіи ея брачнымъ намѣреніямъ. Но она исполнила желаніе своего гостя и не пригласила даже и князя, у котораго впрочемъ губернаторъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ же день послѣ ревизіи волостнаго правленія и становой квартиры. Она однако приготовилась къ рѣзкому отпору при первой попыткѣ непрошеннаго вмѣшательства въ ея интимную жизнь. Ея воинственное настроеніе уступило мѣсто нѣкоторому смущенію, когда послѣ веселаго завтрака, за которымъ и помина не было о какихъ-либо дѣлахъ, губернаторъ, отославшій впередъ свою свиту, искусно перейдя въ задушевный тонъ, замѣтилъ какъ бы въ видѣ шутки, что онъ почиталъ бы себя вполнѣ счастливымъ имѣть когда-либо возможность поздравить ее съ окончаніемъ вдовства. — Если вѣрить молвѣ, то это уже не за горами, добавилъ онъ полу-вопросительно.—Nous y voilà, подумала графиня и, почувствовавъ подступающій притокъ воинственности, смѣло выступила на встрѣчу надвигающемуся врагу, съ твердымъ намѣреніемъ сбить его съ первой же позиціи.

— Все возможно, отозвалась она, придерживаясь того же интимно-шутливаго тона, а что̀ бы вы сказали, еслибы я вздумала выйти замужъ за поляка?

— Сказалъ бы, что всякій воленъ брать свое счастіе тамъ, гдѣ его находитъ, или думаетъ найти, улыбнулся губернаторъ.

— Что вы думаете о князѣ Кейстутѣ?

— Насколько могу судить по личному впечатлѣнію и об-

щей молвѣ, онъ въ высшей степени симпатичный человѣкъ и совершенный джентльменъ, онъ способенъ составить счастіе женщины, которая довѣритъ ему свою судьбу.

Вѣра Дмитріевна, сразу побѣжденная, протянула ему свою красивую руку, которую генералъ и поцѣловалъ.

Послѣ такого неожиданнаго вступленія, разговоръ сразу перешелъ въ дружескую, задушевную бесѣду. Пользуясь правами стараго знакомства, губернаторъ откровенно коснулся мелкихъ ходячихъ сплетенъ и пересудъ, неизбѣжныхъ, по его мнѣнію, при столь выдающемся мѣстномъ событіи, какъ союзъ двухъ лицъ, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ, но разныхъ по національности и религіи. Онъ упомянулъ и объ исторіи съ кантатой. Остроумно вышутилъ онъ нѣкоторыхъ неразумныхъ усердниковъ, желавшихъ во что бы ни стало раздуть эту espiéglerie, какъ онъ выразился, въ политическое событіе, какъ знаменіе перехода ея, графини Шафировой, въ католицизмъ подъ вліяніемъ ксендза Викульскаго.

— И представьте себѣ, бѣдный старикъ тутъ былъ ровно не причемъ, онъ даже до того не переступалъ моего порога, пояснила Вѣра Дмитріевна, — я просто сама вызвалась выручить изъ затрудненія, случайно узнавъ отъ князя о внезапномъ отъѣздѣ mademoiselle Годлицкой, которая должна была исполнить это solo.

Губернаторъ не пропустилъ безъ вниманія эти слова, разъяснившія ему, точнѣе всякаго рапорта, обстоятельства дѣла, и съумѣлъ окончательно завоевать довѣріе графини. Она видѣла въ немъ теперь лишь опытнаго, благорасположеннаго человѣка, готоваго сочувственно отнестись ко всѣмъ ея заботамъ, служить совѣтомъ и помощью въ затрудненіи. Она откровенно призналась ему, что готова принять уже послѣдовавшее нѣсколько дней тому назадъ предложеніе князя, но еще колеблется между своимъ чувствомъ къ этому достойнѣйшему и любезному ей человѣку и своими обязанностями по отношенію къ сыну, составлявшими доселѣ всю цѣль ея существованія.

— Вамъ, кажется, нечего опасаться съ этой стороны, замѣтилъ губернаторъ, — развѣ что князь, какъ вы говорили, такъ искренно привязался къ ребенку и съумѣлъ завоевать его расположеніе, но для огражденія его будущности отъ всякихъ случайностей, а самого себя отъ соблазна бороться между равносильными привязанностями — если Богъ благословитъ васъ новымъ потомствомъ — было бы самымъ лучшимъ закрѣпить за

нимъ все то, что должно принадлежать ему, какъ единственному наслѣднику покойнаго графа, начиная съ „Давгелишекъ“.

Вѣра Дмитріевна вполнѣ согласилась съ правильностью такого заключенія. Она-де и сама никогда не помышляла оспаривать права сына на „Давгелишки“, пріобрѣтенныя хотя и на ея имя, но на средства покойнаго мужа. Она считаетъ себя какъ бы только временною хранительницею этого имущества до совершеннолѣтія сына. Никакія соображенія и привязанности не могутъ ее заставить забыть свои обязанности по отношенію къ Димѣ. Она раньше вступленія въ бракъ намѣрена озаботиться составленіемъ формальнаго духовнаго завѣщанія въ его пользу.

Губернаторъ откровенно замѣтилъ, что такой документъ, какъ духовное завѣщаніе, не связываетъ при жизни воли завѣщателя и можетъ быть многократно измѣняемъ, смотря по обстоятельствамъ. Не лучше ли,—если она дѣйствительно порѣшила отказаться отъ своихъ законныхъ правъ на это чудесное помѣстье,—закрѣпить его нынѣ же за сыномъ, испросивъ Высочайшее разрѣшеніе на обращеніе въ маіоратъ. Подобный исходъ, по мнѣнію его, казался умѣстенъ. Одновременно онъ устранилъ бы самую возможность одинаково непріятныхъ какъ для нея, такъ и для князя, толковъ и пересудъ, да и дрязги, неизбѣжныя при сохраненіи за собою—по принятіи новой польской фамиліи — крупной поземельной собственности. Эта собственность отобрана отъ одного изъ близкихъ родичей князя за государственную измѣну и пріобрѣтена покойнымъ графомъ на льготныхъ правахъ въ качествѣ русскаго землевладѣльца.

Вѣра Дмитріевна не могла не видѣть справедливости доводовъ. Мысль о созданіи маіората привела ее въ восторгъ, и она не успокоилась, пока губернаторъ не сообщилъ ей подробныхъ указаній о порядкѣ испрошенія подлежащаго разрѣшенія и не далъ ей обѣщанія поддержать всѣми зависящими отъ него средствами ея ходатайство. Какъ уже видно было выше изъ разсказа Креденскаго, осуществленіе этого плана настолько ее озабочивало, что она рѣшилась не откладывать его въ долгій ящикъ. Сообщенія губернатора раскрыли ей цѣлый міръ совершенно невѣдомыхъ дотолѣ практическихъ вопросовъ, важность которыхъ ей только теперь стала понятна. Спокойное и даже сочувственное отношеніе представителя власти къ ея сердечнымъ интересамъ еще болѣе способствовало усиленію ея

довѣрія къ его совѣтамъ. Помимо тѣхъ вѣскихъ политическихъ приличій, на которыя онъ указалъ, она не имѣла нравственнаго права, становясь княгиней Кейстутъ, удерживать за собою даже номинально владѣніе имуществомъ, составлявшимъ достояніе графовъ Шафировыхъ. Она обязана была вернуть его, какъ ей порученный залогъ, законному наслѣднику правъ покойнаго мужа—своему сыну. Каждый рубль, израсходованный изъ этого источника не на его потребности, явится словно краденымъ и будетъ жечь ей руки. Сына она очень любила. Но все-таки не могла не сознавать, что предстоящій бракъ словно ослабитъ ту незримую, исключительную нить, которая связывала ее съ нимъ. Новая семья, новыя обязанности, конечно, не могутъ нанести ущерба ея преданности Димѣ, но не слѣдуетъ оставлять за нимъ даже въ отдаленномъ будущемъ повода къ какому-либо упреку. Обращеніе „давгелишскихъ“ имѣній въ маіоратныя обезпечитъ ему прочное, независимое отъ всякихъ случайностей благосостояніе. За десять слишкомъ лѣтъ, остающихся до его совершеннолѣтія, одни доходы съ имѣнія составятъ значительный капиталъ, ей же самой будетъ вполнѣ достаточно тѣхъ пятнадцати, двадцати тысячъ, которыя останутся съ остальныхъ имѣній покойнаго графа, завѣщанныхъ въ ея пожизненное пользованіе съ присоединеніемъ около шести тысячъ, получаемыхъ съ части ея личнаго родоваго имѣнія въ одной изъ хлѣбородныхъ губерній. Совѣщаться предварительно съ Кейстутомъ ей показалось неудобнымъ. Князь, по присущей ему деликатности, по всей вѣроятности, уклонится отъ всякаго вмѣшательства въ ея имущественныя распоряженія. Кромѣ того, политическая сторона вопроса, впервые выясненная ей губернаторомъ, была неудобна для откровенныхъ объясненій. Въ силу этихъ соображеній, Вѣра Дмитріевна предпочла дѣйствовать на собственный страхъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сообщить своему жениху о принятыхъ мѣрахъ. Въ полномъ одобреніи его она не имѣла никакихъ основаній сомнѣваться. Предлагая ей свою руку, князь, какъ истинный джентльменъ, вовсе не касался вопроса объ ея имущественныхъ средствахъ, которыя, насколько она была освѣдомлена, значительно превышали его собственныя. Она никогда не скрывала передъ нимъ, что „Давгелишки“ хотя и составляютъ номинально ея частную собственность, но, какъ купленныя на деньги покойнаго мужа, должны перейти въ будущемъ къ ея сыну. Притомъ князь успѣлъ представить уже

столько явныхъ доказательствъ своей нѣжности къ Димѣ, что усомниться въ его сердечномъ сочувствіи ко всему, что̀ послужитъ къ упроченію благосостоянія ребенка,—было бы даже грѣшно. Самая мысль о матеріальныхъ разсчетахъ въ ихъ будущемъ союзѣ казалась ей недостойною той высоты чувства, на которой она парила, увѣренная въ сочувствіи любимаго человѣка.

Покончивъ съ дѣлами, Вѣра Дмитріевна увѣдомила князя о своемъ желаніи принять его на слѣдующее утро, въ обычное время завтрака.

„Пріѣзжайте, я жду васъ къ двѣнадцати", гласило ея краткое, но знаменательное посланіе, подписанное „ваша Вѣра".

Эти два слова лучше всякихъ многорѣчивыхъ увѣреній должны были, какъ ей казалось, передать ему ожидаемый отвѣтъ на его предложеніе. Онъ-де томится въ неизвѣстности почти цѣлую недѣлю, лишенный возможности навѣдаться въ „Давгелишки" впредь до ея призыва, отъ котораго зависитъ все дальнѣйшее. Князь явился аккуратно въ назначенное время съ той же привѣтливо-сдержанной улыбкой, которая, казалось, не измѣняла ему даже въ торжественнѣйшія минуты жизни.

„Какое удивительное самообладаніе", невольно подумала графиня, смущенная и взволнованная при одномъ его появленіи, протягивая ему обѣ руки.

Онъ покрылъ ихъ поцѣлуями, понимая, что у нея не хватитъ силъ вымолвить это „да", обозначавшее его побѣду, но что оно уже давно было въ ея сознаніи. Послѣ долгихъ разговоровъ о будущемъ счастіи, Вѣра Дмитріевна, въ порывѣ откровенности, сообщила ему о своемъ рѣшеніи обратить „Давгелишки" въ маіоратное имѣніе, съ передачею немедленно Димѣ. Князь былъ однако, повидимому, озадаченъ этимъ сообщеніемъ, и Вѣра Дмитріевна успѣла подмѣтить, какая нервная судорога передернула его черты. То было, правда, одно мгновеніе, но чуткое сердце любящей женщины забилось въ непонятной тревогѣ.

Князь отнесся весьма сочувственно къ идеѣ о маіоратѣ, способствующей упроченію значенія и блеска дворянства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ тутъ же нѣсколько возраженій противъ немедленнаго ея осуществленія по отношенію къ Димѣ. Подобная мѣра, по его мнѣнію, должна быть отложена до его совершеннолѣтія, когда настанетъ время самостоятель-

ной его жизни, и притомъ съ непремѣннымъ обусловленіемъ вступленія его въ бракъ. Обращеніе имѣнія въ маіоратное, безъ твердаго убѣжденія въ продленіи прямаго потомства, было бы совершенно безцѣльно, стѣснительно, а при несчастныхъ случайностяхъ, которыя всегда нужно предвидѣть, можетъ, пожалуй, способствовать вовсе нежелательному обогащенію боковыхъ родственниковъ въ ущербъ интересовъ близкихъ. Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей по этому вопросу, князь, не успѣвшій убѣдить свою собесѣдницу, заключилъ разговоръ колкостью, еще болѣе смутившею Вѣру Дмитріевну.

— Признайтесь, замѣтилъ онъ, какъ бы въ шутку,—мѣра эта внушена вамъ извнѣ,—это гарантія противъ моихъ будущихъ посягательствъ на собственность вашего сына? Какъ ни обидно такое предположеніе, особенно съ вашей стороны, я долженъ съ нимъ мириться. Я вижу во всемъ этомъ только одну изъ преградъ, которыя злые люди стремятся воздвигнуть противъ нашего союза.

Во всякомъ случаѣ, онъ просилъ графиню отложить осуществленіе своихъ предположеній хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы. Въ противномъ случаѣ для всѣхъ станетъ очевиднымъ, противъ „кого“ эти мѣры направлены. Это, конечно, не можетъ не затронуть его личнаго достоинства и самолюбія.

Вѣра Дмитріевна должна была сознаться, что исполненіе такого желанія является затруднительнымъ. Всеподданнѣйшее прошеніе уже отправлено въ Петербургъ.

Кейстутъ не сталъ настаивать и съ холоднымъ достоинствомъ рѣзко перевелъ разговоръ на другіе предметы.

— Дальнѣйшее продолженіе разговора въ томъ же направленіи, сказалъ онъ,—крайне непріятно.

Старанія графини загладить искренностью и задушевностью пробѣжавшее облако не имѣли успѣха. Она чувствовала, что оно оставило между ними словно холодную, разъѣдающую струю.

Князь продолжалъ неизмѣнно появляться и въ послѣдующіе дни, какъ бы подтверждая своимъ присутствіемъ неизмѣнность даннаго слова. Однако, мучительное сознаніе его внезапнаго какъ бы отдаленія отъ нея наполняло невѣдомою дотолѣ тревогою сердце любящей женщины. Подъ покровомъ внѣшнихъ приличій и предупредительности ей слышалась не-

сносная фальшь, и она сто разъ предпочла бы, еслибы у него вырвались откровенныя и жесткія слова. Она понимала, что онъ не смогъ ей простить самостоятельнаго рѣшенія вопроса о маіоратѣ. Это задѣло, какъ она полагала, его національное самолюбіе. Связанная настоятельнымъ требованіемъ князя не возвращаться болѣе къ этому предмету, она не могла даже высказать ему откровенно свои доводы и побужденія, которые, она не сомнѣвалась, могли загладить ея кажущуюся вину передъ нимъ, вновь возстановить прежнее созвучіе и взаимное довѣріе,—утрата ихъ ее такъ угнетала.

Какъ этого достигнуть, не отступая отъ рѣшенія, справедливость котораго, независимо всѣхъ вѣскихъ соображеній, указанныхъ губернаторомъ, ей подтверждало и сознаніе материнскаго долга—эта забота поглощала теперь всѣ мысли Вѣры Дмитріевны во время ея уединенной прогулки по старому саду, распланированному болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ Ле-Нотромъ, по затѣѣ одного изъ предковъ князя. Къ такимъ думамъ примѣшивалось неопредѣленное чувство страха. Предстояла неожиданная разлука съ любимымъ человѣкомъ.

Вмѣстѣ съ утренней почтой ей подали коротенькую записку отъ Кейстута, извѣщавшаго ее о своемъ внезапномъ отъѣздѣ въ Галицію, вслѣдствіе полученной въ ночь телеграммы о серьезной болѣзни его сестры, княгини Вишневецкой. Между любезными увѣреніями въ тяжести такой отлучки, вызываемой прискорбными обстоятельствами семейнаго долга, сквозила, какъ ей почудилось, преднамѣренная уклончивость и неопредѣленность относительно времени будущаго свиданія.

„Ужь любитъ ли онъ меня, не сонъ ли все это недавнее прошлое, которому я отдалась безъ оглядки“, мучительно думала она.

Усталая, она опустилась на одну изъ скамей обширной дерновой ротонды, обставленной столѣтними, широколиственными алоями. „Баянъ“ растянулся у ея ногъ.

„Да, любитъ ли? Въ этомъ „все““, мысленно переспросила она, и одна возможность отрицательнаго отвѣта вызвала невольную дрожь. „Нѣтъ!“ тутъ же успокоила она себя, „я не могла, не должна была ошибиться—это свидѣтельство моего сердца“.

Такое обстоятельство не способно ослабить соединившее ихъ чувство. Что̀ могъ значить ничтожный уколъ самолюбія

передъ тою преданностью и самопожертвованіемъ, которыя она была готова ему отдать по первому его слову.

Онъ вернется, пустые призраки заслоняютъ отъ нея прочное счастье, оно не уйдетъ именно потому, что не она его искала. Потребность вѣровать дѣлала ее суевѣрной.

Легкій трескъ нарушилъ торжественное спокойствіе ночи и перенесъ ее въ дѣйствительность. Кусты, покрывавшіе крутой спускъ къ рѣкѣ, словно обламывались чьей-то незримой рукой. Баянъ насторожилъ уши и глухо зарычалъ. Вѣра Дмитріевна была не трусиха и успокоила его лаской. Кто же въ самомъ дѣлѣ и для какой цѣли могъ пробираться въ усадьбу съ этой неудобной стороны, думала она, отдаваясь прежнему теченію мыслей.

Подъ обаяніемъ этой дивной августовской ночи передъ нею мелькнули картины далекаго юга, того юга, гдѣ еще не такъ давно ей приходилось влачить свою цвѣтущую молодость среди леденящей обстановки неизлѣчимаго страданія, удручающаго соглядатайства упрямой борьбы отжившаго существа, цѣпляющагося за призракъ ускользающей жизни. Какъ заманчиво манили ее теперь бирюзовая лазурь моря, благоуханіе апельсинныхъ рощъ, неисчерпаемый блескъ и свѣтъ вѣчно ликующей природы, все, казавшееся тогда рѣзкою фальшью, горькою проніей судьбы рядомъ со стклянками лѣкарствъ и испитымъ лицомъ жалкаго страдальца. Теперь это получило всю полноту своей прелести, какъ драгоцѣнная оправа рѣдкаго художественнаго произведенія. Мы проведемъ позднюю осень на итальянскихъ озерахъ, порѣшила она, Дима еще болѣе окрѣпнетъ въ этомъ чудномъ климатѣ.

Злобный лай Баяна, бросившагося въ густые кусты, начинавшіеся у самаго подножія чугунной рѣшетки террасы, заставилъ ее невольно вздрогнуть.

— Это вы, Креденскій? обратилась она, не оставляя мѣста, къ словно выросшему изъ земли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея человѣку, тѣнь котораго выступала неясно въ рѣзкой полосѣ свѣта среди пирамидальныхъ тополей, окаймлявшихъ спускъ, — вы перепугали Баяна, что-за фантазія ходить по такой кручѣ?

Баянъ, весело поводя пушистымъ хвостомъ, не отходилъ отъ незнакомца и ласково лизалъ его руку, какъ бы извиняясь въ невольной ошибкѣ.

— Вѣрно съ охоты, продолжала графиня, вполнѣ убѣжденная, что имѣетъ дѣло съ управляющимъ.

— Это я, графиня, переводя дыханіе, отозвался Роллинъ, вступая въ яркій кругъ свѣта залитой луною ротонды.

— Вы? зачѣмъ? рѣзко спросила она и послѣ небольшой паузы болѣе мягко добавила: что съ вами?

— Я къ вамъ.

— Ко мнѣ, изумилась Вѣра Дмитріевна, я была увѣрена, что наши счеты вполнѣ закончены, и что вы давно въ Петербургѣ.

— Я не могъ уѣхать, не повидавшись съ вами, не попытавшись высказать всего, что такъ тяжело гнететъ душу, я долженъ смыть позорное пятно... ненависть и злоба низкаго человѣка...

— Господинъ Роллинъ, остановила она его, подымаясь со скамьи, послѣ вашего своеобразнаго способа проникать въ чужой домъ, я не должна и не могу выслушивать ваши объясненія, какъ бы интересны они ни были, поэтому предлагаю вамъ удалиться отсюда тѣмъ же путемъ, какъ и прибыли...

Онъ не далъ ей договорить. Наросшее страданіе, неодержимый порывъ долго подавляемой, безнадежной страсти затемнили его разсудокъ. Упавъ на колѣни, онъ старался заградить ей дорогу, цѣпляясь за край ея одежды въ безумной потребности задержать хотя бы на мгновеніе удалявшееся вмѣстѣ съ нею сознаніе самой необходимости жизни.

— Ради Бога выслушайте меня терпѣливо, Вѣра Дмитріевна, молилъ онъ, я не задержу васъ и не позволю себѣ ни одного слова неправды. Я ни въ чемъ не виновенъ передъ вами, клянусь всѣмъ, что имѣю святаго, меня оклеветали: это гнусное подметное письмо составлено самимъ княземъ, воспользовавшимся подкупомъ, чтобы добыть мою бумагу. Я вызывалъ его на поединокъ, онъ отказался, отрекаясь отъ всего. Онъ подлецъ, онъ недостоинъ вашего расположенія.

Этого было слишкомъ. Всѣ струны ея любящаго сердца задрожали подъ дерзкой обидой, нанесенной дорогому человѣку. Словно ужаленная, не помня себя, она оттолкнула его ногой, какъ ядовитую гадину, одно прикосновеніе которой вселяетъ невольное отвращеніе.

— Если не вѣрите моимъ клятвамъ, то я готовъ хотя бы цѣною жизни подтвердить передъ вами свою правоту. Я не въ силахъ перенести незаслуженнаго позора — одно слово, одно слово, что вы не вѣрите подлой выдумкѣ, признаете меня неспособнымъ совершить такой низкій поступокъ, и я уѣду завтра

же утромъ, благословляя во вѣки вашу память... вѣдь я люблю васъ, люблю давно... теперь мнѣ все равно.

И, завладѣвъ ея рукою, онъ судорожно сжималъ ее въ своей похолодѣвшей рукѣ, между тѣмъ какъ приставленное къ подбородку дуло револьвера сверкнуло при яркомъ свѣтѣ мѣсяца.

— Вы недостойный лгунъ, вырвалось у Вѣры Дмитріевны, возмущенной его дерзостью и тою, какъ ей казалось, пошлою мелодрамою, которую онъ намѣревался разыгрывать, чтобы ее устрашить,—князь Кейстутъ не могъ унизить себя до поединка съ вами, съ такими, какъ вы, порядочные люди не дерутся, а...

Она не докончила, и только глухой стонъ вырвался изъ ея груди, когда Роллинъ съ пробитымъ черепомъ корчился въ послѣднихъ судорогахъ на тонкомъ пескѣ дорожки. Глухой выстрѣлъ встревожилъ мирный сонъ стараго сада, далеко разнесся надъ рѣкою и растаялъ въ тишинѣ сосѣднихъ пущъ. Одинъ Баянъ жалобно завылъ около трупа, словно призывая на помощь...

Д. ПОЗНЯКЪ.

ПОЭТУ.

Волшебникъ ты! Ты побѣдилъ весну!
Въ твоихъ стихахъ она не увядаетъ.
Захочешь—и зимой ручья волну
Изъ-подъ снѣговъ она освобождаетъ,

Цвѣтетъ сирень, рокочутъ соловьи,
Лазурь небесъ струитъ потоки свѣта...
О, вѣчный праздникъ Музы и Любви,
О, вѣчная весна въ душѣ поэта!..

К. М.



Неизвѣданныя страны Средней Азіи [1].

Турфанъ.

(Отрывки изъ записокъ).

Въ Турфанѣ шелководство до самаго послѣдняго времени было вполнѣ неизвѣстно. Какъ это ни странно, но это такъ. Заботясь о благоустройствѣ ввѣреннаго ему края, Лю-цзиньтань рѣшился завести въ Турфанѣ отрасль промышленности, которая могла бы въ значительной степени поднять платежныя силы страны. Но всѣ благія начинанія китайцевъ обыкновенно кончаются только новымъ отягощеніемъ населенія Восточнаго Туркестана, и, разумѣется, данный случай не представилъ исключенія изъ этого общаго правила.

Изъ провинцій Внутренняго Китая была прислана въ Лукчинъ лучшая грена. Ее роздали населенію, разбивъ послѣднее на десятки, которые и подчинены были особымъ десятскимъ. Какъ только гусеницы завились въ коконы, послѣдніе отобраны были китайцами съ платою 3 тенегъ (30 коп.) за джинъ. Опытъ этотъ показался амбаню до такой степени прибыльнымъ, что на слѣдующій же годъ къ этой новой повинности привлечены были оазисы Ханъ-ду, Янъ-булакъ и Лемчжинъ, причемъ на воспитателей личинокъ возложены были и расходы по покупкѣ тутовыхъ листьевъ. Насильно привитое, занятіе это возбудило въ населеніи ропотъ, не перешедшій въ открытое возмущеніе только благодаря тому обстоятельству, что зачинщики своевременно были схвачены и посажены въ тюрьмы. Та же участь постигла и тѣхъ изъ турфанцевъ, которые вздумали

---

[1]) См. „Р В.“, кн. 11-я, 1892 г.

сами заняться не только размоткой коконовъ, но и выдѣлкой шелковыхъ тканей.

Я думаю, что въ виду вышеприведенныхъ фактовъ, которые выбраны изъ массы другихъ, не менѣе того возмутительныхъ, слѣдуетъ призадуматься тѣмъ, кто съ легкимъ сердцемъ пишетъ о либерализмѣ китайскаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ не либерализмъ? Вотъ передъ вами группа лемчжинскихъ дунганъ. Кромѣ „янь-тяня" они даже ничего китайцамъ не платятъ... Спросите однако этихъ счастливцевъ, вполнѣ ли довольны они своимъ положеніемъ?

„Всѣ мы только и мечтаемъ о томъ, какъ бы поскорѣе перебраться къ вамъ, въ Альматы [1]). Вѣдь здѣсь мы батраки... житья нѣтъ никакого. Китайцы изъ земледѣльцевъ превратили насъ чуть не въ извощиковъ... а на какія же деньги содержать намъ тутъ лошадей, если не хватаетъ времени даже на обработку полей?".

И куда здѣсь ни взгляни, кого ни спроси—всѣ одинаково ропщутъ, всѣ проклинаютъ китайцевъ и всѣ обращаютъ взоръ свой на Западъ, туда, къ этому всесильному Акъ-пашѣ, освободителю уже столькихъ сотенъ тысячъ безправныхъ рабовъ! И они вѣрятъ, что настанетъ чередъ и за ними, что и на ихъ горизонтѣ наконецъ появится солнце!.. Не хотятъ этого солнца и страшатся его только ванъ и его прихлебатели, во всѣхъ отношеніяхъ достойные сателлиты своихъ презрѣнныхъ учителей...

Кромѣ вышеупомянутаго посемейнаго налога деньгами и „аша" турфанцы выплачиваютъ не мало и другихъ, какъ экстренныхъ, такъ и постоянныхъ налоговъ. Такъ, напримѣръ, въ пользу сборщиковъ податей, которые за свой трудъ жалованья не получаютъ, идетъ значительный „перемѣръ" зерна; насколько же значителенъ такой перемѣръ, видно хотя бы изъ того, что въ качествѣ такого сборщика хлѣба посылается обыкновенно лицо, которое было бы желательно какъ-нибудь наградить; если же такого лица въ виду не имѣется, то временная должность эта сдается съ торговъ...

Здѣсь не знаютъ, что такое отсрочка; и какъ „газначи", такъ и сборщики „аша" поступаютъ во всѣхъ случаяхъ совершенно одинаково неумолимо и безпощадно. Собственно говоря, они и не могутъ дѣйствовать иначе, такъ какъ подать, выпла-

[1]) Т. е. Вѣрненскій уѣздъ.

чиваемая населеніемъ, не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ урожаю. Вотъ почему въ годину какихъ-нибудь бѣдствій [1]) турфанскому землеДѣльцу остается одинъ только выходъ—заемъ у ростовщика. Меня увѣряли, что въ Турфанѣ семья, которая никому ничего не должна, рѣдкое исключеніе, и что въ кабалѣ у ростовщиковъ находятся не только частныя лица, но и цѣлыя волости (дорга); такъ, напримѣръ, три восточныя волости въ общей сложности должны ростовщикамъ Лукчина и Пичана около 120 ямбъ серебра! [2]).

Затѣмъ на обязанности турфанца лежитъ еще даровой ремонтъ карысей, содержаніе ближайшей туземной администраціи и, наконецъ, цѣлый рядъ весьма разнообразныхъ, самыхъ тяжелыхъ и всегда безпокойныхъ натуральныхъ повинностей, къ которымъ относятся: перевозка казенныхъ траспортовъ отъ Турфана до Хами, Гучена, Урумчи и Карашара, нарядъ рабочихъ на казенныя постройки [3]) и казенные мѣдные рудники [4]) и т. д.

Но какъ ни тяжело само-по-себѣ положеніе населенія въ такихъ даже богатѣйшихъ округахъ, какъ Лукчинъ, Турфанъ,

---

[1]) Наиболѣе вредное вліяніе оказываютъ здѣсь лѣтніе дожди: „дожди здѣсь совершенно не нужны; хотя ихъ здѣсь мало бываетъ, но если въ то время, какъ цвѣты и листья раскидываются, небольшой дождь покраплетъ на лепестки цвѣточные, то вянутъ и засыхаютъ; если же пройдетъ полосою, то деревья какъ будто масломъ обварены бываютъ и ни одного большаго плода не останется“. Іакинфъ. „Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана“, стр. 195—196.

Тотъ же фактъ, въ бытность мою въ 1886 г. въ Кашгарѣ, подтвердилъ мнѣ и консулъ Петровскій.

[2]) Ямбой называется всякій вообще слитокъ серебра опредѣленной формы, но не вѣса. Если же ведется разсчетъ на ямбы, то понимаются ямбы исключительно вѣса въ 50—53 лана, т. е. ямбы наивысшаго вѣса. Долгъ этотъ сложился въ періодъ постройки Утынъ-аузы'скаго канала.

[3]) Существуетъ, какъ кажется, у китайцевъ обычай разрушать тотчасъ всякое зданіе, если оно болѣе не нужно для тѣхъ цѣлей, для которыхъ построено; дѣлается это съ тѣмъ, чтобы доставить послѣднимъ жильцамъ небольшія деньги, вырученныя отъ продажи матерьяловъ. Казенныя зданія никогда не передаются изъ одного вѣдомства въ другое. Этотъ образъ дѣйствій сильно раздражаетъ тюрковъ, доставляющихъ строевой лѣсъ и кладущихъ массу труда и работы на возведеніе этихъ зданій“. Кэри (Carey) „Сборникъ матерьяловъ по Азіи“. XXX, стр. 84.

[4]) Находятся на южныхъ склонахъ Богдо-ола. Отъ казны полагается каждому рабочему въ мѣсяцъ нѣсколько ценовъ, но денегъ этихъ никто обыкновенно не видитъ.

Пичанъ и Ханъ-ду [1]), но есть уголки, гдѣ положеніе земледѣльца еще того безотраднѣе. Къ такимъ уголкамъ принадлежитъ, напримѣръ, Ауатъ, запроданный чуть не съ публичныхъ торговъ въ частную собственность четырехъ лицъ, трехъ китайцевъ и одного туркестанца.

Ауатъ, судя по словамъ одной пѣсни, долженъ былъ когда-то играть нѣкоторую роль въ исторіи края [2]), да и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ представлялъ еще крупное родовое помѣстье нѣкоего Абдулла-бека-ходжи, который былъ даже настолько смѣлъ и богатъ, что въ періодъ смутъ успѣлъ овладѣть не только Мултукомъ, Лемчжиномъ и Сынгимомъ, но и всей страной къ сѣверу отъ Богдо-ола до селенія Моро-хо. Видя затѣмъ старанія, прилагавшіяся Якубъ-бекомъ для того, чтобы навсегда утвердиться въ Турфанѣ, онъ рѣшился по мѣрѣ силъ противодѣйствовать этому, сталъ во главѣ недовольныхъ, но ничѣмъ не успѣлъ проявить своей дѣятельности, такъ какъ былъ своевременно схваченъ, преданъ суду и, наконецъ, по приказанію Якубъ-бека, отправленъ въ Кашгаръ. Одновременно всѣ имѣнія его были конфискованы, сданы въ аренду, а вскорѣ затѣмъ и проданы выходцамъ Кара-ходжи и Лукчина. Съ обратнымъ занятіемъ Турфана китайцами, послѣдніе въ свою очередь конфисковали имущество Якубъ-бека, а такъ

---

[1]) Благодаря громадной урожайности Ханъ-ду'скихъ земель (джугара—самъ 30), населеніе здѣсь лучше обставлено, чѣмъ гдѣ бы то ни было, не исключая даже Лукчина.

[2]) Вотъ эта пѣсня:

Ауаттыке джангляда...
По-зембрекъ тангбулды...
Джангыръ-гожамъ гахтыда!
Хошма арляй хумбалды
Аширъ-бекъ этынъ калды...
Данзыда хетынъ калды,
Темгене талашибъ,
Беасъ балакъ іетымъ калды...

Колышатся Ауатскіе большіе камыши...
Ужь поровнялись съ ними и пушки и тайфуры..
Спѣшитъ сюда Джангиръ-ходжа!
Избито и уничтожено лучшее войско,
И померкла Аширъ-бекова слава!
И остались по немъ въ канцеляріи письмена только одни,
Да печать, изъ-за которой оба поссорились,
Да пятеро малыхъ ребятъ сиротинушекъ...

какъ въ дѣлахъ послѣдняго не нашлось, будто-бы, запродажной записи Ауата, то и сочли этотъ клочекъ земли государственной собственностью. Протесты ауатцевъ не повели ни къ чему. Земли ихъ продали, а вмѣстѣ съ ними и всѣ постройки селенія. Тогда ауатцы рѣшились на массовое переселеніе, но и это имъ воспретили, дабы не вводить въ убытокъ купившихъ имѣніе. Оселъ, нагруженный деньгами, какъ это въ свое время сказалъ еще Филиппъ Македонскій, съумѣетъ пробиться и въ самую недоступную крѣпость; ну, а въ Китаѣ ему и пробиваться вовсе не нужно: его всюду встрѣтятъ съ радостью и почетомъ. Дѣйствительно, владѣтели Ауата съумѣли выхлопотать приказъ, прикрѣпившій на вѣки вѣчные бѣдныхъ ауатцевъ къ имъ уже не принадлежащей землѣ! Установивъ подати съ семьи и съ карыся, китайцы вовсе не заботятся о томъ, чѣмъ засѣяны поля турфанцевъ; это логично во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ только благодаря этому обстоятельству населенію этой области и является кое-какая возможность сводить съ концами концы. Спеціальному обложенію подлежатъ только виноградники; но обложеніе это по сравненію съ ихъ доходностью должно быть признано совершенно ничтожнымъ [1]).

Почва оазисовъ состоитъ или изъ лёссоподобной глины или изъ той же глины съ пескомъ, и только по окраинамъ котловины Асса попадаются участки, напоминающіе собой солончакъ. Что же касается до типическаго лёсса, то его, какъ кажется, здѣсь рѣшительно нигдѣ нѣтъ; по крайней мѣрѣ за таковой мы отказываемся принять даже тѣ толщи красновато-желтой глины, которыя составляютъ почву всей Булурюкской долины.

Хотя точныхъ гипсометрическихъ данныхъ мы и не имѣемъ, все же, какъ кажется, есть основаніе думать, что большинство современныхъ оазисовъ Турфана расположено ниже уровня окрестныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ и почва ихъ, являющаяся какъ бы вкрапленной въ обширную площадь каменистыхъ степей (аллювіальный конгломератъ), можетъ быть при-

---

[1]) Каждая мо приноситъ валоваго дохода около 10 лановъ; взимается же съ каждыхъ 20 лозъ, т. е съ той же мо виноградника, отъ 0,65 до 0,7 лана, и это въ томъ только случаѣ, если виноградъ не предназначается къ вывозу изъ Турфана; въ противномъ же случаѣ сумма обложенія сокращается до 0,3. Я однако не знаю, чѣмъ руководствуется контроль.

*

нята едва-ли за что-нибудь иное, кромѣ какъ за озерныя отложенія. Пласты поваренной соли, залегающіе мѣстами на глубинѣ одного и двухъ футовъ отъ поверхности почвы, но всегда островками, не превышающими даже одной квадр. версты, подтверждаютъ повидимому вполнѣ это предположеніе [1]).

Не будучи типическимъ лёссомъ по происхожденію, почва турфанскихъ оазисовъ обладаетъ однако, какъ кажется, всѣми достоинствами лучшаго желтозема; тѣмъ не менѣе мелкоземъ этотъ, залегая на конгломератахъ и песчаникахъ пластами незначительной мощности, все же не можетъ претендовать на такую же точно феноменальную неистощимость, какъ лёссовыя толщи бассейна р. Вей-хо, напримѣръ, или лёссы многихъ мѣстностей въ Ферганѣ. И это хорошо поняли мѣстные жители, практикующіе здѣсь одинъ изъ интереснѣйшихъ способовъ удобренія своихъ полей, вывозя на пахоту землю цѣлинъ иногда въ громадныхъ количествахъ [2]). Количество это опредѣляется на глазъ, для каждаго земельнаго участка совершенно различно, а потому я и не считаю необходимымъ утомлять вниманіе читателей какими бы то ни было цыфрами и сопоставленіями. Иное дѣло—наземъ.

Въ Россіи солома цѣнится мало; въ Турфанѣ совершенно наоборотъ. Вотъ почему турфанецъ и не станетъ никогда употреблять ее на подстилку скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго онъ держитъ не много, да и тотъ только на ночь запирается въ хлѣвъ; днемъ же чуть не круглый годъ бродитъ по пашнямъ и выгонамъ. Все это, разумѣется, служитъ не малой помѣхой для образованія крупныхъ запасовъ назема; однако турфанецъ и тутъ пріискалъ себѣ выходъ.

---

[1]) Соль эта залегаетъ здѣсь гнѣздами. Каждое гнѣздо въ разрѣзѣ представляетъ нижеслѣдующую картину: полость между двухъ слоевъ глины, высотой вершка въ четыре, шириной, максимумъ, въ два аршина; сводъ этой полости унизанъ кругами кристалловъ поваренной соли, загрязненными и къ тому же окрашенными въ красноватый цвѣтъ посторонними примѣсями; крупныхъ кристалловъ здѣсь нѣтъ, и весь сводъ представляется точно какой-то каменной щеткой; одинаковымъ образомъ и дно полости представляетъ изъ себя какую-то шероховатую корку. Гнѣзда эти часто соприкасаются между собою, а потому, пожалуй, я и былъ правъ, говоря о „пластахъ" турфанской каменной соли. Послѣдняя считается годной только для скота, люди же употребляютъ ее въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ на вкусъ она непріятна (горька).

[2]) Подобный способъ удобренія практикуется кое-гдѣ въ Русскомъ Туркестанѣ (см. Миддендорфъ „Очерки Ферганы"), а также, какъ кажется, и повсемѣстно въ Китаѣ.

Прежде чѣмъ загонять скотъ свой во внутренній дворъ или въ иное какое-нибудь предназначенное ему помѣщеніе, онъ подкидываетъ туда смѣсь изъ рубленной соломы и разрыхленной земли; послѣдняя, благодаря значительному въ ней содержанію глинозема, превращается вскорѣ подъ ногами животныхъ въ липкую грязь, которая, по увѣренію мѣстныхъ жителей, и обладаетъ всѣми свойствами лучшаго тука. Земля, вбирающая въ себя всѣ животныя выдѣленія, а потому болѣе богатая аміачными солями, чѣмъ соломенная подстилка, мѣняется часто, такъ что къ началу февраля каждый домохозяинъ располагаетъ уже такимъ количествомъ удобренія, которое онъ можетъ считать достаточнымъ для своихъ нуждъ [1]), хотя и свозитъ его никакъ не менѣе 50 возовъ на одну десятину [2]); надо имѣть однако въ виду, что почва готовится здѣсь не подъ одинъ, а послѣдовательно подъ два урожая, такъ какъ сперва засѣваютъ пшеницу, а затѣмъ джугару.

Но почва Турфана даже помимо прямаго человѣческаго содѣйствія постоянно обогащается солями въ пропорціяхъ, совершенно достаточныхъ для того, чтобы въ значительной мѣрѣ пополнить убыль послѣднихъ. Достигается это путемъ ирригаціи.

Большинство оросительныхъ каналовъ, по вычисленію проф. Шмидта для водъ бассейна Аму-Дарьи, успѣваютъ въ годъ отложить на десятину болѣе 4 пудовъ фосфорно-кислой извести и до 20 пудовъ кали; а это, какъ справедливо замѣчаетъ академикъ Миддендорфъ, уже настоящій возвратъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что воды Аму-Дарьи собираются среди снѣговыхъ полей Памира, а турфанскія изъ нѣдръ земли, то, безъ сомнѣнія, должны будемъ признать преимущество за послѣдними [3]).

Для того, чтобы совершенно покончить съ вопросомъ объ удобреніи полей, я долженъ еще замѣтить, что турфанцамъ прекрасно также знакомы свойства какъ зольнаго удобренія, такъ и гуано, для полученія котораго въ турфанскихъ селеніяхъ содержатся даже въ множествѣ голуби (Columba aegyptiaca); первое свозятъ исключительно только на плантаціи табака, второе на дынныя бахчи.

---

[1]) Лучшими туками считаются земли, взятыя изъ-подъ овецъ.

[2]) Стоимость 50 возовъ въ Турфанѣ колеблется между 1,5 и 2 серами.

[3]) Зимой, при средней температурѣ сутокъ, равной 9° мороза, карысная вода при устьѣ канала все еще имѣла 11° тепла.

Такъ какъ птичій пометъ на всемъ пространствѣ Азіатскаго континента, какъ кажется, рѣшительно нигдѣ не утилизируется для хозяйственныхъ нуждъ, то нельзя ли предположить, что турфанцы сами-собой додумались до этого интенсивнаго удобрителя?

Въ Турфанѣ воздѣлываются нижеслѣдующіе хлѣба:

Озимая пшеница (кузлюкъ-будай). Высѣвается въ концѣ сентября или даже въ началѣ октября; при первыхъ же морозахъ на поля спускается вода, которая и покрываетъ ледяной коркой всю землю; одновременно, разумѣется, промерзаетъ и эта послѣдняя, чѣмъ закрѣпляются коренья пшеницы, зелени коей вслѣдъ затѣмъ вытравляются домашнимъ скотомъ. Вызрѣваетъ въ концѣ іюня, а иногда и позже.

Яровая пшеница (чигилэ будай) — безостная, тогда какъ кузлюкъ-будай съ остью. Высѣвается въ февралѣ, собирается въ маѣ; послѣ своза пшеницы съ поля, послѣднее немедленно же перепахивается подъ джугару. Яровая пшеница высѣвается въ значительныхъ количествахъ, озимая очень рѣдко да и то въ виду тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ ея посѣвъ для бѣдныхъ водою хозяйствъ [1]).

Джугара (акъ-кунакъ—Sorghum cernuum). Высѣвается въ началѣ іюня, поспѣваетъ въ сентябрѣ. Наивысшій урожай самъ 30 (Ханъ-ду, рѣже Пичанъ). Идетъ на кормъ скоту и въ умолотѣ—на изготовленіе хлѣба; въ послѣднемъ случаѣ муку джугары мѣшаютъ на половину съ пшеничной. Стебли джугары служатъ прекраснѣйшимъ кормомъ для скота и продаются здѣсь по рублю—возъ.

Ячмень (кылтырлыкъ-арпа — съ остью, ялангачъ-арпа—безостный). Высѣвается въ ничтожныхъ количествахъ, потому что требуетъ много воды; за то въ Ханъ-ду и Лемчжинѣ даетъ урожай самъ 60, а въ остальныхъ оазисахъ не менѣе 40, поспѣваетъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, высѣвается же одновременно съ яровой пшеницей.

Перечисленнымъ, собственно говоря, и ограничивается разнообразіе здѣшнихъ хлѣбовъ, такъ какъ, если здѣсь и высѣвается просо (джинджинъ—Panicum italicum erythrospermum)

---

[1]) Озимая пшеница требуетъ одного только полива ранней весной, который и производится вскорѣ послѣ наступленія первыхъ теплыхъ дней. Замѣчу также, что здѣсь удобряютъ поля подъ озимь не до посѣва зерна, а послѣ, ранней весной, раскидывая наземъ по ледяной поверхности этихъ послѣднихъ.

и рисъ, то въ такихъ ничтожныхъ количествахъ [1]), которыя не заслуживаютъ никакого вниманія.

Но кромѣ хлѣбовъ въ Турфанѣ воздѣлываютъ:

Хлопчатникъ. Хлопковыя плантаціи довольно обширны въ восточныхъ волостяхъ этой области. Почву подъ него не унавоживаютъ, воды пускаютъ не много. Засѣваютъ $1^1/_2$ пуда сѣмянъ на десятину, получаютъ же съ нея чистой ваты около 300 фунтовъ [2]), что̀ по мѣстнымъ цѣнамъ составитъ около 25 рублей метал. съ десятины; но, разумѣется, доходъ этимъ не ограничивается, такъ какъ въ распоряженіи земледѣльца остаются еще сѣмена, идущія на кормъ баранамъ и стоющія на мѣстѣ не менѣе 20 коп. за пудъ.

О достоинствахъ и характерѣ волоконъ турфанскаго хлопчатника, принадлежащаго, какъ и всѣ среднеазіатскіе сорта, къ виду Gossypium herbaceum, я не стану распространяться, такъ какъ это совершенно не входитъ въ планъ моего очерка Турфана, да къ тому же не можетъ имѣть и особой цѣны въ виду того, что мнѣ, какъ неспеціалисту, пришлось бы безъ всякой критики цитировать то, что уже писалось по этому поводу спеціалистами. Скажу только, что мѣстные жители считаютъ турфанскій хлопчатникъ лучшимъ послѣ кашгарскаго, но каковы положительныя достоинства этого послѣдняго, мнѣ неизвѣстно.

Табакъ. Благодаря весьма значительному доходу, который приноситъ земледѣльцу посѣвъ табака, плантаціи послѣдняго составляютъ здѣсь удѣлъ даже самыхъ малыхъ хозяйствъ; къ сожалѣнію, значительный процентъ выгодъ табаководства переходитъ всецѣло въ карманъ Лукчинскаго вана, пользующагося правомъ исключительной монополіи въ торговлѣ этимъ продуктомъ.

Табакъ требуетъ только незначительнаго удобренія, причемъ зольнымъ пользуются далеко не повсюду, и это потому, что здѣсь вообще распространено убѣжденіе, что между крѣ-

---

[1]) Напримѣръ, рисъ высѣвается только въ Лемчжинѣ, да и то въ количествѣ не болѣе 5 десятинъ (100 мо).

[2]) А. И. Вилькинсъ („Основы культуры американскаго хлопчатника въ Туркестанскомъ краѣ". 1889. Ташкентъ, стр. 103) пишетъ, что урожай туркестанскаго хлопчатника опредѣляется въ 12—14 пудовъ; мнѣ неизвѣстно однако, входитъ ли въ этотъ разсчетъ и вѣсъ сѣмянъ, или авторъ имѣлъ въ виду только вѣсъ уже очищеннаго отъ сѣмянъ хлопка?

постью табака и количествомъ послѣдняго существуетъ прямая зависимость, весьма, кстати сказать, невыгодная для мѣстныхъ табаководовъ, такъ какъ лучшими сортами признаются здѣсь наиболѣе слабые табаки [1]).

Кунжутъ (Sesamum indicum) высѣвается съ цѣлью полученія масличнаго сѣмени. Хорошо очищенное масло довольно пріятнаго вкуса, но въ томъ видѣ, въ какомъ его продаютъ въ городахъ Средней Азіи, оно издаетъ рѣзкій, непріятный запахъ, который при нагрѣваніи (стало быть, и при изготовленіи на немъ пищи) усиливается чрезмѣрно. При хорошемъ поливѣ стрючковое растеніе это даетъ баснословный урожай, доходящій до самъ 200, при недостаткѣ же въ водѣ—едва самъ 7—8. Это-то обстоятельство и служитъ здѣсь главной причиной, почему его здѣсь такъ мало сѣютъ. Никакого спеціальнаго удобренія растеніе это не требуетъ, благодаря чему и есть возможность высѣвать его послѣ яровой пшеницы, т. е. въ началѣ іюня.

Одинъ шинъ сѣмянъ продается въ Лукчинѣ по 4 фына; десять же шиновъ даютъ 13 джиновъ масла, стоимостью въ 6 ценовъ 5 фыновъ; принимая даже въ соображеніе, что выжимка масла съ сказаннаго количества сѣмянъ обходится въ $1^1/_2$ цена, мы все же получимъ довольно высокую разницу въ одинъ ценъ на каждую крю сѣмянъ, не считая весьма цѣнныхъ жмыховъ, которая, очевидно, составляетъ тотъ барышъ, который берутъ себѣ мѣстные скупщики и торговцы [2]).

Турфанъ знаменитъ своими фруктами и плодами. И груши, и яблоки его такъ хороши, какъ нигдѣ въ Туркестанѣ; но экономическое значеніе для края имѣютъ все же не они, а дыни и виноградъ, которые въ сухомъ видѣ наполняютъ рынки Джунгаріи, Китая и даже восточнаго Туркестана, гдѣ такъ много своихъ дынь и винограда!

Въ Турфанѣ мнѣ разсказывали слѣдующую легенду о дыняхъ:

---

[1]) Лучшими табаками считаются дгинскіе; они продаются по цену за джинъ, остальные же по 6 ерыковъ за джинъ.

[2]) Въ Турфанѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ: хлопчатника, табака и кунжута, высѣваются еще кое-гдѣ люцерна и конопля (кендырь); послѣдняя попалась мнѣ только въ Пичанѣ; волокна ея идутъ на изготовленіе очень плохихъ веревокъ, чѣмъ занимаются преимущественно дунгане, сѣмя же — на приготовленіе масла; что же касается приготовленія здѣсь изъ конопли одуряющаго вещества „анаши“, то объ этомъ я не могъ собрать никакихъ данныхъ.

Дыни упали на землю изъ рая. Одну изъ нихъ успѣлъ схватить обѣими руками пророкъ Магометъ, и всѣ десять пальцевъ его тотчасъ же отпечатались на наружной кожицѣ дыни. Отъ этой-то дыни и пошли лучшіе въ мірѣ сорта.

Эта дыня—„ойма", зеленая дыня съ зеленою мякотью, сортъ, неизвѣстный ни въ Кашгарѣ, ни въ Ферганѣ, и совершенно исключительной по нѣжности, аромату и сахаристости. Однако, дыни этого сорта годны только для мѣстнаго употребленія: перевозки онѣ не выносятъ, засушенныя же теряютъ всю свою цѣну. Вотъ почему для сушенія идутъ здѣсь только зимніе сорта дынь съ оранжевой мякотью (мизганъ) и тканью, хотя болѣе грубой, но зато и болѣе прочной.

Изъ всѣхъ турфанскихъ сортовъ винограда экономическое значеніе имѣетъ только одинъ, извѣстный въ Самаркандѣ подъ именемъ „Ханскаго": онъ мелкій, вовсе безъ косточекъ и слаще другихъ.

Сушатъ его въ особо для этого приспособленныхъ зданіяхъ-сушильняхъ. Идея послѣднихъ хороша, а результатъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Турфанцы, воспользовавшись особенностями своего воздуха—почти феноменальною сухостью и часто весьма высокой температурой—и заставляютъ его пробѣгать быстрой горячей струей надъ разложеннымъ въ ряды виноградомъ. Достигается же это помощью узкихъ, но небольшихъ отверстій, которыми съ верху до низу минированы всѣ четыре стѣны сушильни, сравнительно съ остальными постройками всегда довольно высокаго, двухъ и даже трехъ-этажнаго зданія. Въ такихъ сушильняхъ сушка винограда производится весьма постепенно и къ тому же въ тѣни, а не на солнцѣ — обстоятельство немаловажное, если желаютъ сохранить изюму его чудный зеленый цвѣтъ, сочность внутри и сухость наружной оболочки, а каждой ягодѣ его — естественную многогранную форму. Лукчинскій высшій сортъ изюма отличается необыкновенной чистотой и настолько сухъ на ощупь, что не оставляетъ на рукахъ слѣдовъ какой бы то ни было сахаристости. Но это только въ Лукчинѣ, на мѣстахъ своего приготовленія, а дальше, поступая въ руки торгашей, сдабривающихъ его низкими сортами того же изюма, водой [1]) и всяческимъ соромъ, очень быстро утрачиваетъ всѣ свои превосходныя качества,

---

[1]) Въ этомъ случаѣ они поступаютъ совершенно такъ же, какъ китайцы со своимъ сахаромъ: держатъ надъ паромъ.

ставящія его внѣ конкурренціи съ какими бы то ни было сортами „коринки", какъ въ предѣлахъ всей Азіи, такъ и въ Европѣ.

Изюмъ, по общему убѣжденію, составляетъ главнѣйшую статью вывоза изъ Турфана, но подобное утвержденіе пока не болѣе, какъ голословное заявленіе, такъ какъ фактическихъ къ тому данныхъ вовсе не существуетъ. Китайцы и у себя на родинѣ враги всякой статистики, какая же имъ нужда заниматься ею здѣсь, въ Турфанѣ, въ покоренной ими странѣ и населенной, къ тому же, народомъ, къ которому они ничего вообще, кромѣ презрѣнія [1]), не чувствуютъ?

Изъ дикорастущихъ растеній турфанецъ утилизируетъ для своихъ нуждъ, главнѣйшимъ образомъ, только „шапъ" и „джантакъ": первое служитъ ему для полученія мыла, со втораго собираетъ онъ сахаристое вещество—отличный, по его мнѣнію, суррогатъ китайскаго сахара.

„Шапъ" (Salsola spissa MB) въ изобиліи растетъ на югъ отъ Лукчина. Съ него собираютъ только цвѣты, которые и укладываются горкой надъ двумя, крестообразно пересѣкающимися, жолобками, вырубленными въ глинистой почвѣ. Когда цвѣты такъ уложены, ихъ зажигаютъ. Подъ золой въ жолобкахъ скопляется послѣ этого быстро твердѣющая на воздухѣ смолистая масса—„шахаръ", которую очищаютъ отъ грязи кипяченіемъ въ водѣ: она расплывается и осаждаетъ постороннюю примѣсь. Очищенный этимъ путемъ „шахаръ" сливаютъ въ котелъ, прибавляютъ туда нѣкоторое количество топленаго козьяго сала и щепотку гашеной извести, затѣмъ еще разъ кипятятъ всю эту смѣсь и держатъ послѣднюю на большомъ огнѣ

---

[1]) „Природная гордость китайцевъ производитъ даже и въ подломъ народѣ презрѣніе ко всѣмъ прочимъ націямъ"... „Ко всѣмъ вообще иностраннымъ народамъ, которыхъ они противъ себя почитаютъ невѣждами, имѣютъ великое презрѣніе и говорятъ о себѣ, что они только одни имѣютъ два глаза, а сосѣди ихъ совсѣмъ слѣпы". Орловъ („Историко-географическое описаніе Китайской Имперіи", 1820. Москва, стр. 189).

„Китаецъ въ пріемахъ обращенія всегда старается удержать первенство передъ иностранцемъ"... „Но китайскіе чиновники нерѣдко выказываютъ свое преимущество передъ иностранцемъ въ самомъ оскорбительномъ презрѣніи къ послѣднимъ, а простолюдинъ иногда тоже обнаруживаетъ, но въ дерзкихъ и наглыхъ поступкахъ. Эта дурная черта происходитъ отъ самомечтательности". Іакинфъ, „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе", стр. 388.

до тѣхъ поръ, пока вода не испарится вполнѣ; тогда остающуюся на днѣ сосуда бѣлую массу переливаютъ въ отдѣльныя формочки, въ которыхъ она уже и затвердѣваетъ вполнѣ. Эта масса и есть мыло, которое каждый хозяинъ готовитъ себѣ по мѣрѣ нужды.

„Джантакъ“ (Alhagi sp.?, верблюжья колючка) растетъ повсемѣстно, но только въ котловинѣ Асса онъ обладаетъ способностью выдѣлять въ значительныхъ количествахъ особую, бѣлую, сахаристую камедь „таранджебель“ [1]), собираемую крупинка по крупинкѣ и сбиваемую затѣмъ въ весьма непривлекательные, по своей внѣшности, комья, продающіеся здѣсь по баснословно-высокой цѣнѣ—2 цена за джинъ!

Джантакъ, кромѣ того, идетъ турфанцу и на топливо, впрочемъ, въ качествѣ таковаго употребляется здѣсь рѣшительно все, что только попадается подъ руку и имѣетъ хотя какую-нибудь способность горѣть [2]); между прочимъ, напримѣръ, даже „чаткалъ“ — старыя корневища камышей, росшихъ когда-то подъ Ауатомъ. Выкорчевываніе послѣднихъ ведется здѣсь въ громадныхъ размѣрахъ и, вѣроятно, ему обязанъ своимъ происхожденіемъ тотъ песокъ, барханы коего надвинулись въ послѣднее время на земли восточнаго предмѣстья Турфана.

Насколько турфанецъ хорошій земледѣлецъ и садоводъ, настолько же плохой онъ ремесленникъ и торговецъ.

Скотоводство въ Турфанѣ не развито по отсутствію выгоновъ; ремесла и торговля находятся въ рукахъ пришлыхъ дунганъ, китайцевъ, андиджанцевъ и выходцевъ изъ Кашгара, Яркента и другихъ городовъ Восточнаго Туркестана. Но нѣкоторыя отрасли производства онъ и до сихъ поръ не выпустилъ еще изъ своихъ рукъ и въ нихъ достигъ даже возможнаго совершенства; такъ, напримѣръ, хлопчато-бумажныя его ткани (бöзъ) пользуются заслуженной славой и по добротности своей уступятъ развѣ только лучшимъ кашгарскимъ сортамъ; въ особенности же хороши здѣсь сорта, извѣстные подъ именемъ „тöртбачъ“ и ткущіеся изъ нитокъ, крученыхъ изъ предварительно обваренной ваты: они носятся долго, очень мягки и

---

[1]) Уже въ V вѣкѣ, при описаніи Гаочана, китайцы упоминаютъ объ этомъ таранджебелѣ. „Есть трава, называемая янъ-цы. На сей травѣ родится медъ (?) весьма пріятнаго вкуса“. Іакинфъ, „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, Ш, стр. 150.

[2]) Даже такія солянки, какъ Halostachys caspia Pall, Salsola kali L., Salsola carinata C. A. Mey, Horaninovia ulicina Fisch, Mey и др.

тонки. Затѣмъ очень, очень хороша турфанская армячина и всевозможныя издѣлія изъ хлопка и шерсти. Но, безъ сомнѣнія, самымъ любопытнымъ турфанскимъ издѣліемъ слѣдуетъ считать корзины, плетеныя изъ тонкихъ ивовыхъ прутьевъ; окрашенныя ниже борта фуксиномъ, онѣ казались намъ совершеннымъ двойникомъ лучшихъ эстляндскихъ корзинъ. Я именно говорю —любопытнымъ, потому что нигдѣ въ Средней Азіи, за исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ провинцій Внутренняго Китая, ивовыхъ корзинъ не плетутъ, да и тамъ общій характеръ этого типа работъ совершенно иной. Если разсмотрѣть столярный инструментъ, находящійся въ распоряженіи какого-нибудь турфанца [1], то нельзя отказать послѣднэму и въ извѣстной долѣ искусства въ издѣліи хотя бы такого рода предметовъ, какъ, напримѣръ, музыкальный инструментъ. Однако, все же, несмотря на все это, Турфанъ сдѣлалъ значительный шагъ назадъ противъ того, чѣмъ была эта страна въ XIII, XIV и даже еще въ XVI вѣкѣ, когда вся торговля Монголіи находилась въ рукахъ ея предпріимчивыхъ жителей [2]).

Валихановъ, описывая впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своей замѣчательной поѣздки въ Кашгарію въ 1859 году, говоритъ, между прочимъ: „Страна эта, въ которой, несмотря на господство ислама, развилась свобода женщинъ, вѣротерпимость, безразличіе народностей и муниципальныя начала, обнищала теперь и одичала подъ гнетомъ китайской цензуры и военныхъ мандариновъ“ [3]).

Но этотъ приговоръ китайскому управленію дѣйствительно несчастнымъ краемъ показался проф. В. В. Григорьеву настолько суровымъ и къ тому же несправедливымъ, что онъ рѣшился характеризовать его „пустой, хотя и громкой фразой молодаго писателя начала шестидесятыхъ годовъ“ [4]), и пустой потому, добавляетъ онъ [5]), что подъ китайскимъ управленіемъ не только отнюдь не могли пострадать всѣ эти: свобода женщинъ, вѣротерпимость, безразличіе народностей и муниципаль-

[1]) Онъ очень грубъ и далеко не разнообразенъ; пила, напримѣръ, не что иное, какъ желѣзная грубо зазубренная полоска безъ необходимаго развода зубьевъ и т. д.

[2]) Іакинфъ. „Записки о Монголіи“, 1828, ч. II, стр. 173.

[3]) „Очерки Джунгаріи“. Записки Импер. Русск. Геогр. Общ., кн. I, стр. 186.

[4]) „Китайскій или Восточный Туркестанъ“, 1878, стр. 433.

[5]) Ib., стр. 434.

ныя начала, которыми такъ восхищается (sic!) Валиxановъ, но и совершенно наоборотъ, именно они-то и должны были сохраниться тамъ во всей своей цѣлости и неприкосновенности, „такъ какъ китайцы сами отличаются величайшей вѣротерпимостью, женщинъ не запираютъ и не занавѣшиваютъ [1]), ко всѣмъ иностранцамъ относятся одинаково, и того устройства администраціи и суда, которое застали въ странѣ, ни въ чемъ не измѣнили". Но, разсуждая такъ, правъ ли съ своей стороны профессоръ?

„Величайшая вѣротерпимость китайцевъ!.."

Въ чемъ же, однако, выразилась она? И не потому ли китайцы относятся индифферентно къ исламу, что чувствуютъ себя безсильными его вытѣснить? По крайней мѣрѣ, какъ же иначе объяснить эти подневольныя поѣздки лицъ туземной администраціи въ китайскія капища тамъ, гдѣ подобное насиліе не могло встрѣтить дѣйствительнаго отпора?

„Свобода женщинъ..."

„У туркестанцевъ при женитьбѣ и замужествѣ требуется согласіе съ обѣихъ сторонъ", пишутъ китайцы [2]), у китайцевъ же, какъ извѣстно, женщинъ не спрашиваютъ... Но, разумѣется, безправное положеніе китаянки не могло имѣть существеннаго вліянія на измѣненіе положенія женщины въ Туркестанѣ; если что и имѣло такое вліяніе, такъ это исламъ, и не столько даже исламъ, сколько ходжи, такъ долго управлявшіе Джиттышаромъ.

Но зато китайцы, безъ сомнѣнія, много способствовали усиленію разврата въ этой странѣ. И мнѣ кажется, что я даже буду очень близокъ къ истинѣ, если всецѣло взвалю на плечи

---

[1]) Будто? А вотъ, между прочимъ, что пишетъ Орловъ: „Они женъ своихъ держатъ въ домахъ подобно, какъ въ заперти, не позволяя имъ со двора сходить и ѣздить, а буде по необходимости какой хотя и случилось бы имъ куда ѣхать со двора, что, однакоже, бываетъ въ годъ не болѣе двухъ или трехъ разъ, да и то по ихъ обыкновенію или для свиданія въ постановленное для того время съ родителями, или какого-либо поклоненія, то знатные отпускаютъ ихъ въ нарочно сдѣланныхъ для того, на подобіе маленькой одномѣстной кареты, съ маленькими же по бокамъ для свѣта, да и то за флеромъ, стеклышками, носилкахъ или, лучше сказать, портшезахъ; а прочія въ подобныхъ тому телѣжкахъ, такъ, чтобы онѣ никого и ихъ никто не видалъ", (I. с., стр. 189—190).

[2]) Іакинфъ „Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана" стр. 203.

послѣднихъ отвѣтственность за распутство, которое наблюдается теперь во всѣхъ городахъ восточнаго Туркестана.

Всѣ прежніе путешественники единогласно повѣствуютъ о болѣе чѣмъ странной свободѣ женщины въ этой странѣ, но никто изъ нихъ не говоритъ о „продажности" этой послѣдней. А нынѣ это уже фактъ, достаточно общеизвѣстный.

Легкодоступная женщина мало-по-малу переработалась въ проститутку!

„Китайцы отъ природы весьма къ женскому полу любострастны и по тому любострастью своему, кромѣ настоящей одной законной жены, имѣютъ они не только по нѣскольку наложницъ, но сверхъ того еще и содомское сообщеніе съ младыми и благолѣпными юношами" [1]).

„Китайцы преданы сладострастію, можно сказать, необузданному, а законы на общую наклонность къ какому-либо пороку вообще смотрятъ сквозь пальцы" [2]).

Вотъ какъ характеризуютъ китайцевъ Орловъ и Іакинфъ! И эти-то люди явились побѣдителями въ страну, гдѣ ни одна женщина не рѣшилась бы никогда добровольно стать наложницей ненавистнаго ей язычника (капыръ).

„Не выходите въ замужество за многобожниковъ, доколѣ не увѣруютъ они: вѣрующій рабъ лучше многобожника, хотя бы этотъ и нравился вамъ..."

Коранъ. Глава 2, ст. 220.

И вотъ первой заботой китайскихъ администраторовъ являлось всегда устройство домовъ терпимости для солдатъ и прочаго пришлаго сюда рабочаго люда [3]).

Устройство подобныхъ домовъ, я понимаю это, вызывалось полнѣйшей необходимостью, не было, однако, ни малѣйшей нужды покровительствовать разврату въ той мѣрѣ, какъ ему покровительствуютъ нынѣ въ Си-цзяньской провинціи. Смотря на все это со стороны, кажется даже, будто всѣ заведенія этого рода являются любезнымъ дѣтищемъ китайскихъ чиновниковъ!

Китайскій законъ запрещаетъ устройство домовъ, служа-

---

[1]) Орловъ, l. c. стр. 191.

[2]) Іакинфъ „Китай", etc., стр. 383.

[3]) Переселенцами въ Западный край (Си-юй) является главнымъ образомъ голытьба. Идутъ пѣшкомъ, а при такомъ способѣ передвиженія ихъ, разумѣется, не могутъ сопровождать ни жены, ни дѣти. Впрочемъ, даже высшіе чиновники живутъ здѣсь иногда на холостомъ положеніи.

щихъ притономъ разврату, даже въ предмѣстьяхъ, тѣмъ болѣе внутри городскихъ стѣнъ [1]), и однако, въ резиденціи губернатора - Урумчи—существуетъ цѣлый кварталъ „думу", отведенный подъ подобнаго сорта дома! Мужья проститутокъ (джалэпъ сарт., бузукъ турф.) [2]) въ послѣднее время были освобождены отъ всякихъ повинностей и податей, сами же онѣ пользуются такимъ вниманіемъ со стороны китайскихъ властей, точно послѣднія и въ самомъ дѣлѣ вмѣнили себѣ въ обязанность сдѣлать этого рода промыселъ почтеннымъ въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Надо думать, что не о поддержкѣ же китайцами такого рода свободы женщины хотѣлъ говорить почтенный профессоръ?!

„Ко всѣмъ иностранцамъ относятся одинаково..."

Но какъ? совершенно одинаково ихъ презирая... Да наконецъ, подданные китайскаго императора какіе же „иностранцы" для китайскихъ чиновниковъ? Въ томъ-то и разгадка той ненависти, которую питаютъ къ китайцамъ безразлично всѣ инородцы, игрою судьбы поставленные въ необходимость сносить иго послѣднихъ, что для нихъ они дѣйствительно только иностранцы и притомъ иностранцы, которыхъ есть полная возможность эксплоатировать безъ конца, безстыдно и безпощадно!

Въ Небесной имперіи не существовало, не существуетъ и, вѣроятно, никогда не будетъ существовать либеральнаго управленія, ибо деспотизмъ уже въ характерѣ самого народа; деспотизмъ самый непреклонный и въ семьѣ, и въ управленіи, и рѣшительно во всемъ строѣ ихъ государственной жизни! Развѣ существуютъ люди въ Китаѣ въ томъ, разумѣется, смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ въ Европѣ? Развѣ не должны они одѣваться, жить, даже кланяться, ѣсть, пить, спать и думать такъ, какъ это уже разъ на-всегда имъ было опредѣлено? Гдѣ, въ какой иной странѣ или государствѣ, обезличеніе народа могло зайти такъ далеко? Китай!?.. Да, это вотъ что такое: это громадная страна манекеновъ, гдѣ передъ вами будутъ падать ницъ, когда это будетъ почему-либо приказано свыше, или по-

---

[1]) Іакинфъ „Китай", etc., стр. 383.

[2]) Дома терпимости возникаютъ здѣсь такимъ образомъ: какой-нибудь негодяй, чаще всего на китайскія деньги, обзаводится тремя женами и гостепріимно затѣмъ открываетъ двери своего заведенія каждому, кто того пожелаетъ.

носить васъ, если въ движеніе приведутъ другую веревочку: говорю все это по опыту, потому что сами мы все это на себѣ испытали, рѣзко, разительно!

Единственно, чего центральное управленіе не въ силахъ заставить сдѣлать народъ, это — броситься на штыки... Но и само оно никогда не бросится на штыки, потому что оно есть кость отъ кости и плоть отъ плоти народной. Не даромъ же одинъ китайскій мудрецъ сказалъ, а за нимъ весь его народъ повторяетъ: „изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ воиновъ!“

Китайцы всегда проводятъ рѣзкую грань между собой и побѣжденнымъ народомъ, а это не только мѣшаетъ всегда обоюдному ихъ сліянію, но и усиливаетъ въ значительной степени антагонизмъ между ними. Гдѣ же тутъ думать о безразличномъ отношеніи китайскихъ властей ко всѣмъ членамъ этой громадной, но и слабо сплоченной семьи, составляющей такъ называемое „великое непорочное государство“—Дай-цинь-гурунь?

„Китайцы ни въ чемъ не измѣнили того устройства администраціи и суда, которое застали въ странѣ“...

Но пусть же на это отвѣчаютъ сами китайцы.

„До вступленія въ подданство Китайской державы [1]), пишутъ они, въ первый день новаго года, по окончаніи молитвы, ахуны судили о добродѣтеляхъ и порокахъ хакимъ-бека; если находили его добродѣтельнымъ, то оставляли, а если открывали какія противузаконныя дѣла, то ахуны съ народомъ отмѣняли его и предавали смерти“ [2]).

То ли видимъ мы въ настоящее время? Въ какомъ же изъ городовъ Восточнаго Туркестана можно найти еще и теперь ставленниковъ народа, отдающихъ послѣднему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ? И не являются ли злой насмѣшкой надъ сѣдой стариной всѣ эти современныя намъ туземныя власти—жалкая креатура китайскихъ администраторовъ?

Для того, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, достаточно привести относящіяся къ нимъ слова одного китайскаго писателя прошлаго вѣка: „они знаютъ соблюдать только свои личныя выгоды, но не знаютъ бѣдности своихъ подчиненныхъ: обижаютъ низшихъ, угнетаютъ слабыхъ“ [3]), и, добавимъ мы отъ

---

[1]) Послѣ паденія Джунгарскаго царства (1756).
[2]) Іакинфъ „Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана“, стр. 199.
[3]) Іакинфъ ib., стр. 235.

себя, преклоняются передъ высшими, съ затаенною завистью посматривая въ то же время на тѣхъ, кого почему-нибудь почитаютъ богатыми.

Это—одновременно и краткая и общая характеристика всѣхъ вообще представителей высшей туземной администраціи въ краѣ, и мы рѣшительно не знаемъ причинъ, по которымъ слѣдовало бы намъ исключить турфанскія власти изъ этого общаго правила.

Во главѣ послѣднихъ находится въ настоящее время ванъ, т. е. князь, Магометъ-Султанъ, человѣкъ еще молодой, но уже въ высшей степени негодяй. Происхожденіе его темное. Говорятъ, что онъ незаконный сынъ Апридынъ-вана, со смертью котораго, собственно говоря, и должна была прекратиться династія князей, правившихъ Турфаномъ непрерывно въ теченіе 160 лѣтъ. Вотъ почему родные Апридынъ-вана и уговорили вдову послѣдняго усыновить Султанъ-Магомета. Главными его воспитателями были китайцы. Въ чемъ выразилось вліяніе ихъ на характеръ молодаго князя, сказать, безъ сомнѣнія, трудно, но въ настоящее время это не болѣе, какъ развратный до мозга костей тунеядецъ. Управленіе своимъ удѣломъ онъ всецѣло поручилъ нѣкоторымъ изъ окружающихъ его лицъ, самъ же отдался самому необузданному разврату. Оргіи свои онъ справляетъ поочередно въ домахъ своихъ соправителей, гдѣ къ его услугамъ является все: вино, опіумъ, женщины, карты... Отуманенный винными парами, онъ иногда приказываетъ хватать съ улицы молодыхъ дѣвушекъ, чуть не дѣтей, и, опозоривъ, отпускаетъ назадъ. Всѣ жалобы на него китайскимъ властямъ, какъ и слѣдовало ожидать, оставались обыкновенно подъ спудомъ—не даромъ же въ Китаѣ существуетъ пословица: „безъ денегъ не ходи въ судъ!“ [1]). Но весь этотъ разгулъ, безъ сомнѣнія, поглощаетъ громадныя суммы; не мало расходится ихъ и по широкимъ карманамъ его прихвостней и китайскихъ чиновниковъ, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого разсчета прекращать его безобразія. Что же, въ такомъ случаѣ, удивительнаго въ томъ, что его громаднаго содержанія [2]) ему не хватаетъ,

---

[1]) Іакинфъ „Китай“, etc, стр. 386.

[2]) Ванъ получаетъ въ годъ:

жалованья . . . . . 1.200 лановъ

податныхъ . . . . . 2.800 „ (съ 350 семействъ по 8 лановъ; семьи эти живутъ разбросанно

и что онъ очень часто вынужденъ прибѣгать къ услугамъ ростовщиковъ? Говорятъ, что долги его настолько значительны, что встрѣчаются иногда затрудненія выплачивать по нимъ даже текущій процентъ. И нельзя этому не повѣрить, если принять во вниманіе то вліяніе, какое ростовщики пріобрѣли съ нѣкоторыхъ поръ на дѣла по управленію княжествомъ. Въ качествѣ иллюстраціи сообщу нижеслѣдующій фактъ:

Въ 1889 году ванъ долженъ былъ выѣхать въ Пекинъ. Такія поѣздки сопряжены всегда съ значительными расходами, какъ путевыми, такъ и на взятки дворцовымъ чиновникамъ. Между тѣмъ казна вана, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась совершенно пустой. Все, что на этотъ разъ рѣшились удѣлить сообща ростовщики Лукчина и Турфана, не хватало и на половину пути. И вотъ, скрѣпя уже сердце, рѣшено было прибѣгнуть къ новымъ налогамъ на населеніе. Но налоги эти взимались до такой степени безсмысленно и безпощадно, что вызвали не одно кровавое столкновеніе между населеніемъ и приближенными вана. Выведенные изъ терпѣніе кара-ходжинцы и астынцы рѣшились наконецъ послать коллективную жалобу въ Пекинъ; но на бѣду ихъ не нашлось человѣка, который взялся бы написать ее съ соблюденіемъ всѣхъ нужныхъ формальностей. Тогда кара-ходжинцы приняли такое рѣшеніе. Въ десяткахъ экземпляровъ изготовили они громадное объявленіе, въ которомъ выписаны были всѣ преступленія вана, и однажды ночью расклеили его по городамъ и селеніямъ цѣлой области. Эффектъ этихъ объявленій былъ чрезвычайный. Приближенные вана бросились ихъ было срывать, но населеніе воспротивилось; тогда Султанъ-Магометъ лично отправился въ Гуань-ань чень [1]), но и тамъ на первыхъ порахъ его встрѣтили злыми насмѣшками, и только уже на четвертый день да и то за громадную сумму

по оазисамъ: Янъ-булакъ, Лукчинъ, Ханъ-ду и др.).

дохода съ земель . . 500 „

итого . . . . . 4.500 лановъ, или 9.000 руб. металлич.

Кромѣ того на содержаніе старшей жены — 1.200 лан. и ей же „на румяна“ 50 лановъ въ годъ.

[1]) Названіе китайскаго Турфана, расположеннаго въ верстѣ на востокъ отъ туземнаго города. Здѣсь находятся присутственныя мѣста, кумирня, казармы, разсчитанныя на 500—750 человѣкъ, но въ дѣйствительности не имѣющія и 250 солдатъ, китайскій базаръ и тому подобныя постройки.

ему удалось наконецъ купить себѣ право сорвать эти позорящіе его имя листки.

Тѣмъ временемъ и главные зачинщики всего этого переполоха были розысканы—ихъ выдалъ какой-то китаецъ, къ которому четверо кара-ходжинцевъ обращались было съ предложеніемъ написать прошеніе Богдохану. Султанъ-Магометъ, горя жаждой мести, рѣшился было тотчасъ же расправиться съ ними, но дунганскіе ростовщики наложили свое veto на это рѣшеніе. Они потребовали или освобожденія заключенныхъ или немедленной уплаты по просроченнымъ векселямъ. Разумѣется, дунгане дѣйствовали не изъ чувства человѣколюбія, но изъ прямаго разсчета. Они видѣли возбужденіе народа, чувствовали надвигавшійся ураганъ, и такъ какъ имъ лично онъ ничего хорошаго не сулилъ, то и сдѣлали все, чтобы не дать ему разразиться. Каковы бы однако ни были побудительныя причины ростовщиковъ, все же, благодаря энергичному ихъ вмѣшательству, дѣло кара-ходжинцевъ приняло вскорѣ весьма благопріятный для нихъ оборотъ: двое были тотчасъ же освобождены безъ всякихъ условій, двое другихъ ждали подобнаго же освобожденія.

Всѣ высшія административныя должности въ княжествѣ распредѣлены или между таджіями, т. е. болѣе или менѣе близкими родственниками лукчинскаго князя, или между людьми „бѣлой кости“ (акъ-суёкъ). Но и тѣ и другіе во всякомъ случаѣ подобраны съ такимъ мастерствомъ, что трудно опасаться, чтобы который-нибудь изъ нихъ запѣлъ въ диссонансъ съ остальными.

Все турфанское приставство[1]) раздѣлено на шесть участковъ, ввѣренныхъ управленію шестерыхъ таджи: трое изъ нихъ живутъ въ Лукчинѣ, одинъ — Асудулла-бекъ, пользующійся наилучшей репутаціей, въ Турфанѣ и двое остальныхъ въ Токоупѣ. Жалованья они не получаютъ, за то и не платятъ никакихъ податей и повинностей, что́ немаловажно, такъ какъ всѣ они одновременно и крупные собственники.

Численность населенія въ этихъ шести участкахъ опредѣляли мнѣ такъ:

въ трехъ восточныхъ участкахъ — 6.810 семействъ по слѣдующему разсчету:

---

[1]) Такъ переводитъ Матусовскій („Географическое обозрѣніе Китайской имперіи“, 1888 г., стр. 19) китайское „тинъ“.

*

въ Лукчинѣ, его предмѣстьяхъ и Янъ-булакѣ	1.750	семействъ.
„ Пичанѣ, Шуга (Ланго), Ирикишты (Ергунъ)	1.000	„
„ Ханъ-ду	700	„
„ Лемчжинѣ	350	„
„ Су-баши	50	„
„ Сынгимѣ	450	„
„ Туокѣ	450	„
„ Кара-хочжа, Кара-ходжа-карысь	750	„
„ Астынѣ, Ауатъ	550	„
„ Мултукѣ	225	„
„ Янхэ	450	„
„ Чиктымъ	35	„
„ мелкихъ поселкахъ (Коко яръ, Утынъ-аузы и др.) около	50	„
	6.810	

въ турфанскомъ участкѣ (между Юванъ-тура и Юванъ-терекъ) 3.000 семействъ по слѣдующему разсчету:

въ селеніяхъ (Бауръ, Турфанъ-карысь, Кошъ-карысь, Чиль-булакъ, Чаткалъ и др.). до	2.000	семействъ.
„ Турфанѣ [1])	1.000	„
	3.000	

въ двухъ западныхъ участкахъ — 2.100, изъ коихъ въ Токсунѣ 750.

Всего же въ всемъ приставствѣ 11.910, семействъ, изъ коихъ главную массу составляютъ туземцы (11.300 дворовъ); дунганъ насчитываютъ здѣсь около 550 семействъ, китайцевъ около 25 (Лемчжинъ, Ханъ-ду и др.) и выходцевъ изъ Хами и другихъ городовъ не болѣе 30—35 сем. Всѣ эти три послѣднія категоріи поселенцевъ не подчинены таджи и управляются своими выборными старшинами, обязанными отчетомъ передъ амбанемъ (тинъ-тунъ-чжи) Турфана.

Каждый участокъ распадается на волости (дорга), волости на старшинства (аксакалъ). Распредѣленіемъ карысной воды завѣдуютъ миршабы; въ небольшихъ же общинахъ часто случается, что обѣ послѣднія обязанности: аксакала и миршаба возлагаются на одно и то же лицо. Дѣлается это въ видахъ облег-

---

[1]) Турфанъ не подчиненъ таджи Асудулла-беку. Онъ управляется китайскимъ чиновникомъ, въ помощь коему назначается миршабъ изъ туземцевъ.

ченія населенія, обязаннаго своему аксакалу отвести земельный участокъ, половина урожая котораго и служитъ вознагражденіемъ за трудъ сказанному лицу; миршабъ тоже даромъ не служитъ и получаетъ свою долю зерна съ подобнаго же участка земли; ясное дѣло, что гдѣ воды мало, тамъ такая щедрая дача земель была бы дѣломъ далеко не посильнымъ для мѣстнаго населенія.

Высшая духовная власть сосредоточена въ рукахъ алямъ-ахуна, назначаемаго Турфанскимъ амбанемъ. Во время нашего посѣщенія Турфана должность эта оставалась вакантной, такъ какъ Богры-алямъ-ахунъ, занимавшій ее еще мѣсяца три тому назадъ, былъ смѣщенъ за свое постоянное вмѣшательство въ пользу туземнаго населенія. Особенно ненавистенъ онъ вану и соправителямъ, которыхъ не переставалъ и послѣ постигшей его отставки публично уличать во всевозможныхъ проступкахъ и беззаконіяхъ.

Взамѣнъ содержанія алямъ-ахуну положенъ доходъ съ 300 мо общественной земли. Кромѣ того онъ получаетъ отъ 5 ценовъ до лана за каждое приложеніе „мюра", т. е. печати, къ такимъ актамъ, какъ запродажная запись, духовное завѣщаніе и т. д.; а также болѣе или менѣе крупное вознагражденіе за прочтеніе свадебныхъ молитвъ и сундетъ; за похороны же денегъ обыкновенно не платятъ, но передаютъ всю одежду покойнаго, такъ какъ алямъ-ахунъ приглашается на похороны только именитыхъ людей, то доходъ этотъ по всей справедливости считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ [1]).

Помощниками алямъ-ахуна являются муфти-ахунъ, раисъ-ахунъ и казіи. Ни доходовъ съ общественныхъ земель, ни казеннаго содержанія они не получаютъ, а довольствуются вознагражденіемъ за духовныя требы и рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ.

„Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью!"

Такъ думаютъ и турфанцы и въ ожиданіи лучшихъ минутъ коротаютъ свободные отъ работы часы въ пляскахъ и играхъ и съ веселою пѣсней:

Ай чекканда—айне курдымъ
Кунь чекканда-паренэ!..

---

[1]) Алямъ-ахунъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главный преподаватель въ медрессе, которое одно (Лукчинъ) на все приставство.

Ай-де стенъ, иль-де таптымъ,
Быръ ашендакъ яренэ!

Луна взошла, ее увидалъ,
Солнце взошло—лучи увидалъ!..
Тебя же, моя раскрасавица,
Мѣсяцъ думалъ искать, а только въ годъ нашелъ!

расходятся по домамъ...

Г. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО.



Перерожденіе слова [1].

(Окончаніе).

III.

Едва-ли можетъ возникнуть сомнѣніе о томъ, какою именно созидающею и углубляющею или разлагающею и обезпложивающею духовную жизнь современнаго человѣчества силою является слово въ характеристичной для конца нашего вѣка литературѣ его, литературѣ „изнеможенія духа", интеллигентныхъ массъ, летучей журналистики и всевластнаго общественнаго мнѣнія? И жизненныя задачи этой литературы, и преобладающее въ ней содержаніе и формы ея, и тѣ силы, которыя сообщаютъ ей направленіе и силу вліянія на умы, согласно лишаютъ ее возможности имѣть сколько-либо глубокое духовно-образовательное значеніе.

Ничто не характеризуетъ эту новѣйшую литературу такъ ярко и глубоко, какъ основное стремленіе—не возбуждать въ людяхъ субъективную, свободную дѣятельность пониманія, личную работу выясненія и углубленія идей, міровоззрѣній,—но сообщать умамъ возможно большую массу точно-описанныхъ фактовъ и разнообразныхъ отрывочныхъ знаній для принятія всего этого къ свѣдѣнію и практическому руководству. Обогащеніе ума фактами человѣческой и міровой жизни, описанными съ фотографической, безличной полнотой и точностью, какъ они представляются случайному наблюденію во всей своей хаотической безсвязности, неодухотворенные цѣльнымъ пониманіемъ ихъ въ той или иной системѣ, и столь же далекими отъ идейнаго, систематическаго единства, столь же безличны-

[1]) См. „Русскій Вѣстн.", кн. 11-я 1892 г.

*

ми, отрывочными, положительными знаніями,—вотъ то дѣло, на которое направлены всѣ ея стремленія. Дѣло это, не требующее отъ читателей никакой духовной самодѣятельности, никакой самостоятельной и личной заботы мысли, ничего кромѣ пассивнаго узнаванія и запоминанія безъ наложенія на пріобрѣтенное умственное содержаніе какого-либо отпечатка личнаго пониманія, идеи, міровоззрѣнія,—и отъ дѣлающихъ его писателей не требуетъ личной, творческой работы мысли. И отъ нихъ не требуется глубокой идеи и единства міровоззрѣнія,—ничего кромѣ умѣнія отмѣчать, описывать и запоминать факты и формулы. Личные оттѣнки въ пониманіи, въ объединяющей идеѣ, въ цѣльномъ міровоззрѣніи, отводящемъ отдѣльнымъ фактамъ то или другое мѣсто, дающемъ имъ тотъ или другой смыслъ и значеніе въ систематическомъ цѣломъ, не только не требуются для подобнаго дѣла, но и не должны въ немъ имѣть мѣста. Объединенные въ цѣльное міровоззрѣніе, приведенные въ порядокъ системы, одушевленные тою или другой идеею, — и факты и формулы знанія утрачиваютъ уже свой безличный и чисто-*положительный* характеръ. Они утрачиваютъ уже и свою годность для тѣхъ справочныхъ пособій мысли, въ какія стремятся обратиться произведенія литературы. Справки о фактахъ и общеполезныхъ знаніяхъ только теряютъ въ своей точности, общей годности и дѣловитости, практическомъ значеніи отъ примѣси къ сообщающему о нихъ слову отпечатка личнаго творчества, слѣдовъ личнаго пониманія и отношенія къ нимъ съ точки зрѣнія той или другой идеи, того или инаго міровоззрѣнія. Ихъ не должно быть въ справочной, безличной и безъидейной литературѣ, вѣрной своему дѣловому призванію. А это именно призваніе и усвояетъ себѣ все болѣе и болѣе та современная литература, о которой мы говоримъ, становясь по мѣрѣ этого усвоенія все безличнѣе, безъидейнѣе, протокольнѣе, все болѣе лишенною опредѣленнаго міровоззрѣнія и личнаго творчества. Все болѣе становясь въ точномъ смыслѣ слова справочною и протокольною, она естественно и все поверхностнѣе вліяетъ на духовную жизнь современныхъ людей, все менѣе затрогиваетъ и оживляетъ ея глубины, и все мельче и поверхностнѣе дѣлаетъ ея умственные интересы и запросы. Какъ въ энциклопедическомъ справочномъ словарѣ—въ ней становится все легче многое полезное узнать, но все меньше остается нужды что-либо глубоко понимать и возможности чѣмъ-либо вдохновиться.

Стремленіе, сколько можно приблизиться, по своему содержанію, къ типу точнаго, безличнаго отчета, протокола, справочной книги, есть несомнѣнно одно изъ самыхъ общихъ и рѣшительно господствующихъ во всѣхъ родахъ произведеній новѣйшей передовой литературы. Не только областью летучей журналистики и большой и малой газеты безраздѣльно овладѣло оно, но все опредѣленнѣе сказывается и въ изящной, и въ научной серьезной литературѣ времени. Конечно, въ ежедневной періодической печати стремленіе это вполнѣ естественно и законно, удовлетворяетъ очень существеннымъ практическимъ нуждамъ общества. Все полезное назначеніе этой печати именно въ томъ и состоитъ, чтобы быть возможно полнымъ отчетомъ о текущей жизни, дающимъ читателю возможность оріентироваться въ разнообразіи ея событій и теченій. Чѣмъ болѣе даетъ она читателю фактовъ, происшествій, справочныхъ свѣдѣній и разнообразныхъ полезныхъ знаній, и чѣмъ менѣе беретъ на себя творческую работу въ мірѣ идей, выработку системъ знанія и міровоззрѣній, тѣмъ лучше выполняетъ она свое очень полезное, но не особенно возвышенное, не творческое, не общественно-учительское или духовно-образовательное назначеніе. Задачи репортера и хроникера, съ точки зрѣнія этого ея назначенія, представляются самыми существенными задачами производящихъ ежедневные печатные листы работниковъ. Самый трудъ послѣднихъ, не допускающій и не требующій никакого личнаго творчества, естественно ничего не теряетъ отъ того, что онъ коллективный и полу-механическій, ремесленный, въ противоположность всегда личному труду мыслителя, ученаго, руководителя общественной мысли или поэта, дѣйствительно достойныхъ этого названія. Личный взглядъ, идея, законченное міровоззрѣніе здѣсь могли бы быть умѣстны лишь со стороны публициста „передовика". Но и послѣдній, если не хочетъ потерять главную массу своихъ читателей, требующихъ отъ него лишь помощи, чтобы оріентироваться въ сумятицѣ вопросовъ текущей жизни, долженъ тщательно избѣгать слишкомъ далекихъ отъ ея минутныхъ заботъ принципіальныхъ вопросовъ, слишкомъ глубокихъ и идейныхъ разсужденій. Онъ поневолѣ вынужденъ выполнять свою роль руководителя, группируя и оцѣнивая факты и мысли текущаго дня не съ точки зрѣнія высшихъ началъ и философскихъ міровоззрѣній, которыя требуется еще излагать, доказывать и уяснять, чтобы сдѣлать пріемлемыми для неимѣющей

ни подготовки, ни времени, ни охоты раздумывать массы. Ему доступна лишь точка зрѣнія наличныхъ, всѣмъ извѣстныхъ и ясныхъ готовыхъ тенденцій и программъ, занявшихъ уже свое мѣсто въ общественномъ мнѣніи и о которыхъ достаточно только напомнить читателю. Если же онъ захочетъ стать выше указки общественнаго мнѣнія, подняться и поднять своего читателя надъ ходячими наличными тенденціями и программами въ міръ идей, началъ и философскихъ міровоззрѣній,—то его будутъ читать отдѣльные мыслители, лица высшаго духовнаго развитія, да—если онъ обладаетъ очень ужь могучимъ талантомъ—живущій своею болѣе глубокой, незлободневной жизнью народъ, но не та масса интеллигенціи, которая озабочена только вопросами текущей жизни и общественнымъ мнѣніемъ. Ей, въ вихрѣ этихъ вопросовъ, не до вѣчныхъ идей и философскихъ міровоззрѣній, но и нужны и доступны лишь текущіе факты и готовыя рѣшенія отъ имени общественнаго мнѣнія, и то и другое безличные, и то и другое безъидейные. Судьбы тѣхъ лучшихъ, геніальнѣйшихъ публицистовъ, которые мыслили сами слишкомъ глубоко, слишкомъ искренно и слишкомъ лично для того, чтобы подчинить свою мысль запросамъ интеллигентной толпы и сдѣлаться послушнымъ орудіемъ общественнаго мнѣнія, доказываютъ вѣрность сказаннаго у насъ, какъ и вездѣ. Развѣ интеллигенціею, присяжными и заправскими читателями газетъ читались, на ея умы дѣйствовали и на ея сочувствіе опирались три наши величайшіе публициста послѣднихъ десятилѣтій: М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ и Ѳ. М. Достоевскій? Конечно, нѣтъ. Дѣло, которое они дѣлали, было не дѣло интеллигенціи и газеты именно потому, что это было дѣло не тенденціозно-справочное, но идейное, учительское, просвѣтительное.

Призваніе летучей журналистики, повторяемъ, не таково, и не ей притязать на такое высокое и творческое призваніе. Ей должно поневолѣ довольствоваться своею несравненно болѣе скромною, не духовно-образовательною и просвѣтительною, но утилитарною, справочно-оріентирующею задачею, въ своихъ предѣлахъ и нужною и полезною для общества, хотя и *нелитературною* въ настоящемъ значеніи этого слова. Настоящимъ общественнымъ зломъ, настоящимъ источникомъ непоправимаго, глубочайшаго вреда для духовной культуры народовъ становится эта летучая литература, когда она, безъ идей, безъ міровоззрѣнія, безъ личнаго творческаго духа, забываетъ

свое скромное, но естественное и полезное назначеніе и притязаетъ на значеніе учительское, просвѣтительное, духовно-образовательное, берется *замѣнить* для общества и науку, и философское міровоззрѣніе, и литературу! [1]). Величайшимъ зломъ и опасностью для культуры человѣчества было бы, если бы оно дѣйствительно увѣровало, что газетные руководители его суть „небожители", сообщающіе ему „высочайшія откровенія духа" и дарующіе духовное просвѣщеніе, что ихъ справочныя свѣдѣнія „по всѣмъ отраслямъ знанія" суть сама наука и замѣняютъ ее, а ихъ тенденціи, программы и приговоры общественнаго мнѣнія суть идеи, міровоззрѣнія и начала! Что подобная возможность не есть только плодъ необузданной досужей фантазіи пессимиста, извѣрившагося въ будущность современнаго человѣчества, въ этомъ, къ сожалѣнію, не трудно убѣдиться. Наряду съ голосами, все чаще и рѣшительнѣе высказывающими очень серьезно-мотивированныя сомнѣнія насчетъ нравственныхъ достоинствъ, просвѣтительныхъ силъ и духовно-образовательнаго назначенія и даже—сомнѣнія насчетъ общественной безвредности современной летучей журналистики, все болѣе оттѣсняющей на задній планъ литературу книжную, раздаются и ликующіе голоса, ожидающіе отъ журналистики ни болѣе, ни менѣе, какъ духовнаго возрожденія, обновленія человѣчества, созданія цѣлой новой культуры. Таковъ, напр., у насъ недавно сообщенный въ назиданіе потомству „Книжками Недѣли" голосъ г. Меньшикова. Этотъ писатель прямо объявляетъ міру, что журналистъ есть „небожитель", что задача журналистики—создать недостающее нашему времени объединяющее человѣ-

---

[1]) Въ этомъ настоящая общественная опасность, а не въ томъ искусственномъ разжиганіи дурныхъ страстей, томъ возбужденіи однихъ классовъ противъ другихъ, смущеніи общества ложными слухами, раздуваніи ничтожныхъ случаевъ до размѣровъ событій, безцеремонномъ оглашеніи интимнѣйшихъ тайнъ частной жизни и торговлѣ честью и добрымъ именемъ членовъ общества, которыми загрязнено газетное дѣло болѣе или менѣе за послѣднее время. Противъ всѣхъ этихъ репортерскихъ злоупотребленій гласностью и общественной довѣрчивостью могутъ быть придуманы болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры, вродѣ, напр., совершеннаго изгнанія изъ употребленія анонимовъ и псевдонимовъ, такой организаціи репортерскаго цеха, при которой надъ его ремесломъ былъ бы возможенъ дѣйствительный общественный контроль, устраняющій отъ него лицъ, завѣдомо и профессіонально лгущихъ, занимающихся диффамаціей или рекламой и т. п. Но всѣ подобныя мѣры не коснутся самаго источника того вреда, о которомъ мы говоримъ.

чество духовное міровоззрѣніе, духовное средоточіе человѣчества, разрушенное лихорадочнымъ прогрессомъ нашего времени, всюду внесшимъ хаосъ, неустойчивость и разложеніе, разрушившимъ старую культуру, вѣрованія, формы быта и т. п. и т. п. Впрочемъ, г. Меньшикову не трудно ожидать отъ журналистики выполненія всѣхъ высочайшихъ просвѣтительныхъ задачъ философіи, науки и литературы, такъ какъ задачи послѣднихъ понимаются имъ крайне своеобразно и изумительно невысоко. Для образчика мы приведемъ здѣсь чрезвычайно характерное для современнаго „интеллигента" и его скудныхъ духовныхъ запросовъ мнѣніе г. Меньшикова о томъ „научномъ образованіи", которое получаютъ люди *путемъ чтенія „хорошихъ газетъ"*. Вотъ что̀ рѣшается высказать объ этомъ предметѣ г. Меньшиковъ ipsissimis verbis: „Газета истинный университетъ новѣйшаго времени, безконечная энциклопедія, безконечный курсъ школы по всѣмъ отраслямъ знанія, дающій въ растворенномъ, такъ сказать, состояніи массу легко усвояемыхъ свѣдѣній. Эти свѣдѣнія, многократно повторяясь, наконецъ заучиваются. Ежедневное чтеніе хорошей англійской газеты, напр., „Herald", гдѣ текстъ пересыпанъ безчисленными пояснительными рисунками, не только упрочиваетъ школьныя знанія, но поднимаетъ ихъ и держитъ на уровнѣ современности. Внимательный, интеллигентный отъ природы рабочій черезъ нѣсколько лѣтъ чтенія такой газеты дѣлается совершенно образованнымъ человѣкомъ: болѣе образованнымъ, нежели иные профессора-педанты, очень ученые въ своемъ предметѣ, но круглые невѣжды во всѣхъ остальныхъ. Такой рабочій болѣе универсально-образованъ, чѣмъ заурядный университетскій слушатель, долбящій „право" или „ассирійскій языкъ". Газета является, такимъ образомъ, агентомъ самой науки, органомъ высшихъ откровеній человѣческаго духа, передающимъ эти откровенія въ глубь народной массы" (IV, 152 „Книжки Недѣли" 1892 г.).

Трудно высказать съ болѣе трогательно-наивной откровенностью понятіе типичнаго интеллигента, никакихъ наукъ не „долбившаго" въ ретроградныхъ университетахъ подъ руководствомъ ретроградныхъ „профессоровъ-педантовъ" о наукѣ, какъ сборникѣ заученныхъ безсвязныхъ свѣдѣній, о газетѣ, какъ органѣ „высшихъ откровеній духа" и т. п. Съ такими понятіями о наукѣ, о духѣ и его высшихъ откровеніяхъ, не удивительно, что тотъ же интеллигентный мыслитель дого-

варивается и до признанія за журналистикою даже призванія водворить на землѣ, съ помощью глубокомысленныхъ репортеровъ и благодѣтельной гласности, ихъ трудами всеозаряющей, „царство правды, царствіе Божіе на землѣ"!! (ibid. с. 156).

Важно, конечно, здѣсь не то, что таковы личныя мнѣнія и вожделѣнія г. Меньшикова или другаго писателя, высказывающаго, какъ понимаетъ литературное дѣло масса родственной его духу интеллигенціи. Важно то, что масса интеллигенціи, такъ понимающая задачу и средства литературы, что послѣдняя и просвѣщаетъ человѣчество, и создаетъ для него и единство міровоззрѣнія и культуру путемъ простаго сообщенія людямъ фактовъ, новостей дня и безсвязныхъ справочныхъ свѣдѣній или путемъ „проведенія" разныхъ общественныхъ тенденцій и программъ, — есть одна изъ вліятельнѣйшихъ силъ и въ обществѣ, и въ литературѣ, а слѣдовательно и въ духовной жизни нашей современности. Важно то, что понятіе о просвѣтительномъ, духовнообразовательномъ значеніи этихъ фактовъ, скандаловъ, происшествій, справочныхъ свѣдѣній, тенденцій и программъ, какъ замѣщающихъ собою успѣшно и идею и науку и міровоззрѣніе, проникаетъ изъ міра естественно ограниченной по своему призванію этими сомнительными образовательными средствами летучей журналистики въ міръ собственно-литературный, въ серьезныя произведенія слова, художественныя, философскія и научныя. И въ этомъ мірѣ, призванномъ осуществлять дѣйствительно-образовательную задачу слова въ нашей духовной, а не только соціальной, экономической, политической и т. п. жизни, все яснѣе сказывается руководящее вліяніе тѣхъ же, упраздняющихъ и личный духъ и творчество и глубокую идею и единство міровоззрѣнія понятій и задачъ справочно-протокольной, утилитарной газетной литературы.

Нужно ли подтверждать этотъ прискорбный и знаменательный фактъ нашей духовной жизни доказательствами?

— Забота исключительно о сообщеніи, въ возможной полнотѣ и объективности, фактовъ человѣческой жизни и міра, о возможно болѣе точномъ внѣшнемъ наблюденіи и подробнѣйшемъ описаніи ихъ внѣшнихъ условій и признаковъ, о накопленіи отрывочныхъ, положительныхъ, чисто-фактическихъ знаній „единообразій сосуществованія и послѣдованія явленій", все рѣшительнѣе опредѣляетъ *содержаніе* и характеризующей наше время изящной и его ученой и философской литературы. Все

рѣшительнѣе отодвигается за этимъ чисто-фактическимъ, внѣшнимъ и только отвнѣ сообщаемымъ мысли и пассивно ею усвояемымъ содержаніемъ, на задній планъ задача идейнаго пониманія, дѣятельнаго проникновенія мысли въ сокрытый за этою внѣшностью фактовъ внутренній, философскій и поэтическій смыслъ ихъ. Вліяніе школы, записывающей старательно „человѣческіе документы“ и „протоколы жизни“, не требующіе отъ ихъ докладчиковъ никакого личнаго творчества и не ищущіе дать ихъ читателямъ никакого дѣйствительно-идейнаго воззрѣнія на міръ и человѣка, въ современномъ романѣ громадно. Несмотря на раздающіеся разрозненные голоса, протестующіе противъ ея принципіальнаго воздержанія отъ идейности и ея безплодности, она даетъ мѣрило для современнаго романа по преимуществу. Въ душевный внутренній міръ человѣка этотъ романъ даетъ заглянуть лишь какъ-бы нечаянно, противъ воли авторовъ, мимоходомъ и вскользь. Да не этимъ міромъ и занятъ онъ. Вмѣсто внутренней жизни отдѣльной личности, изображенія опредѣленнаго, рѣзко очерченнаго и сильнаго личнаго характера, въ немъ занимаютъ все большее мѣсто и значеніе изображенія безличной общественной среды и судебъ безличныхъ массъ, толпы. Вмѣсто изображенія борьбы страстей и личныхъ стремленій духа—ихъ вдохновляетъ борьба общественныхъ тенденцій и направленій. Являются и соціальный романъ, и соціальная, тенденціозная sit venia verbo,—дѣловитая поэзія, очень далекіе по своимъ предметамъ и задачамъ,—но и по своему духовно-образовательному, идейному и эстетическому значенію и интересу,—отъ прежняго романа и прежней поэзіи. Ни общественная среда, ни безличныя массы, ни тенденціи не составляли главнаго интереса послѣднихъ. И въ народной поэзіи всѣхъ странъ и въ художественныхъ произведеніяхъ позднѣйшаго личнаго творчества дѣйствовали, волновались, побѣждали и страдали, вызывали къ себѣ сочувствіе или презрѣніе *личности*, герои, характеры. Въ нихъ возбуждали мысль и чувство читателя глубочайшіе мотивы духовной жизни, но не общественныя или политическія тенденціи, выражались міровоззрѣнія и типы, а не случайные наличные факты сегодняшней дѣйствительности, не случаи и анекдоты. Какъ оставляютъ эти мотивы художественнаго творчества область изящной литературы, заполоненную „человѣческими документами“, „соціальнымъ романомъ“, „гражданскою поэзіей“ и тенденціями, вытѣснившими отовсюду идеи,—такъ становятся они чужды и

характеризующей современность вліяющей на нее философіи и наукѣ. И здѣсь—то же накопленіе безсвязныхъ, неосмысленныхъ и необъединенныхъ идеею фактовъ положительныхъ знаній, то же принципіальное отсутствіе печати личнаго творческаго генія и глубины, то же механическое распаденіе достоянія духа на омертвѣвшія и обезсмысленныя въ своей разобщенности, безъидейности спеціальности. И здѣсь даже, наконецъ, руководящее значеніе практической, утилитарной и случайной внѣшней самому предмету тенденціи, вытѣсняющей идею! Конечно, каждый, знающій и понимающій значеніе слова „міровоззрѣніе“, понимаетъ и что міровоззрѣніе, претендующее не на истинность и глубину въ міропониманіи, а лишь на полезность, пригодность для личныхъ или партійныхъ практическихъ цѣлей, не есть міровоззрѣніе, но что-то другое. Опредѣленіе достоинства „міровоззрѣнія“ такими эпитетами, какъ либеральное, консервативное, соціально-либеральное, прогрессистское и т. п. представится ему, поэтому, верхомъ нелѣпости мысли и слова. Но ничего нѣтъ обычнѣе сочетанія этихъ словъ въ новѣйшее время! Даже такой философъ, какъ Дюрингъ, обладавшій не только огромнымъ знаніемъ, сильнымъ и глубокимъ философскимъ умомъ, но даже и крупнымъ оригинальнымъ талантомъ, *сознательно* посвятилъ свои силы ума на построеніе особаго міровоззрѣнія, спеціально имѣвшаго въ виду обоснованіе и оправданіе соціализма. Хорошъ міръ, великолѣпна вселенная, грандіозны ихъ судьбы—ad usum германскаго соціализма!! Чего же ожидать отъ менѣе крупныхъ и глубокихъ, менѣе сильныхъ и свободныхъ духомъ отъ деспотическаго вліянія общественныхъ нуждъ и тенденцій, болѣе дюжинныхъ философовъ?! Но болѣе глубокаго идейнаго содержанія, не болѣе цѣннаго и духовно-образовательнаго міровоззрѣнія, чѣмъ ихъ „либеральныя или консервативныя“, но конечно не философскія „системы міра“, можно искать и въ той части современной „положительной“ науки, которая развивается подъ вліяніемъ идей позитивизма. Эта наука сознательно и въ принципѣ отказывается отъ всякаго міровоззрѣнія, отказывается сознательно отъ исканія идей, ограничивая свою задачу накопленіемъ и классификаціей „единообразій сосуществованія и послѣдованія явленій, фактовъ“. Она сознательно, съ чувствомъ даже гордаго превосходства надъ „дилеттантизмомъ“ стремящейся все обнять философской мысли, замыкается въ узкихъ предѣлахъ безконечно-дробящихся отрывочныхъ спеціально-

стей. Живаго и цѣльнаго міропониманія, духа и идейно-возбуждающей духовную жизнь человѣчества, духовнообразовательной силы нѣтъ у этого подавляющаго своею громадностью, но внутренно-безсвязнаго, мертваго, механическаго и безличнаго аггрегата положительныхъ, фактическихъ знаній, разсчитанныхъ только на принятіе къ свѣдѣнію и запоминаніе, но не на пониманіе ихъ. Въ подобномъ знаніи—только *матерьялъ*, для возможной мысли, но не самая еще мысль. И никакое обиліе этого сыраго матерьяла не составляетъ еще само по себѣ дѣйствительнаго духовнаго богатства, какъ не образуетъ духъ само по себѣ одно хаотическое обиліе необработанныхъ, не приведенныхъ въ порядокъ впечатлѣній, воспріятій.

Съ очень яснымъ и несомнѣнно-характернымъ для духа нашего времени измѣненіемъ преобладающаго *содержанія* въ его произведеніяхъ слова, естественно происходитъ и не менѣе замѣтное и существенное измѣненіе и въ *формахъ* современнаго литературнаго слова. Содержаніе чисто-фактическое, цѣнное лишь по мѣрѣ фотографической точности и полноты подробностей въ сообщающемъ о немъ мысли описаніи, требуетъ для этого описанія и такихъ особенностей словесной формы, въ которыхъ находили бы себѣ прежде всего мѣсто именно точность и полнота подробностей, перечисленіе всѣхъ доступныхъ наблюденію и передачѣ признаковъ описываемаго предмета. Описывающая предметъ свой возможно точнѣе и полнѣе всѣми его признаками и разсчитанная только на сообщеніе этого описанія, но не на синтетическое пониманіе его въ цѣломъ, въ его внутренно-объединяющемъ смыслѣ, идеѣ, рѣчь—необходимо становится и по формѣ своей болѣе аналитичною, безформенною и менѣе связанною какимъ-либо неизмѣнно опредѣленнымъ средоточіемъ, дающимъ ей органическое строеніе. Описаніе внѣшними признаками — работа аналитическая, и тѣмъ болѣе аналитическая, чѣмъ болѣе имѣется въ виду именно фотографическая точность и полнота подробностей въ описаніи. Синтезъ, приведеніе ихъ къ единству цѣлаго, расположеніе ихъ соотвѣтственно степени ихъ существенности, значенія для характеристики этого цѣлаго, вокругъ одного внутренняго средоточія—есть уже дѣло не описанія, но пониманія. И онъ одинъ даетъ произведенію форму. Чѣмъ болѣе преобладаетъ задача описательная, тѣмъ и форма рѣчи аналитичнѣе, менѣе повинуется органическому, сосредоточивающему ея элементы строенію, менѣе можетъ быть сжата, цѣльна и стройна. Чѣмъ болѣе

преобладаетъ, наоборотъ, задача пониманія, тѣмъ и рѣчь должна быть внутренно-организованнѣе, стройнѣе располагающею части вокругъ ихъ необходимаго средоточія, сжатѣе и умѣреннѣе въ подробностяхъ, останавливаясь только на томъ, что существенно для цѣлаго, и откидывая все для его характеристики неважное, ненужное. Чисто описательная, безъидейная, щеголяющая только подавляющею массою мелкихъ подробностей, безъ разбора ихъ существенности или случайности, неважности для цѣлаго, сообщающая только фактъ, но не пониманіе его, литература естественно и въ своихъ формахъ становится все менѣе синтетичною, стройною и сжатою. Она дѣлается все болѣе расплывающеюся, нестройною и многосложною безсодержательно, водянисто-пухлою. И дѣйствительно синтетичность, стройность, сжатость при чрезвычайномъ богатствѣ содержанія и трезвая умѣренность въ подробностяхъ, допускаемыхъ лишь насколько онѣ органически необходимы для ясности и законченности цѣлаго, все рѣже встрѣчаются въ рѣчи современной протокольной, только описывающей факты литературы. Не только современная проза, но и поэзія отличаются многословіемъ, отсутствіемъ опредѣленнаго строенія и исключительно аналитическимъ характеромъ. При этомъ никакіе огромные размѣры произведенія, никакое увеличеніе числа страницъ или стиховъ его не спасаютъ его отъ горькой судьбы — представлять изъ себя лишь расплывающійся *отрывокъ* безъ начала, середины и конца. Такихъ многотомныхъ и отчаянно-безсодержательныхъ романовъ, такихъ увѣсистыхъ диссертацій, на тысячахъ страницъ кропотливо нагромождающихъ безконечные матеріалы по какому-нибудь спеціальнѣйшему изъ вопросовъ, безъ всякой ихъ обработки, какими богато наше время, не знала прежняя, не чисто-описательная литература. Не только въ ученой литературѣ нашего времени укоренилось и узаконилось самое безсодержательное многословіе и отсутствіе стройности въ развитіи расплывающагося въ подробностяхъ содержанія, но и въ художественныхъ произведеніяхъ и даже въ поэзіи. Такое мастерское умѣнье на немногихъ страницахъ раскрывать цѣлые міры идей, образцы котораго представляютъ намъ лучшія произведенія мыслителей—художниковъ слова, какъ Декартъ, Лейбницъ или Лессингъ, нашему времени стало совершенно недоступно и даже непонятно. Даже въ поэзіи нашей такая синтетичность, содержательная сжатость и законченность формы, какъ въ произведеніяхъ А. Майкова, А. Фета

или К. Р., представляютъ явленія совершенно исключительныя и стоящія въ сторонѣ отъ общаго литературнаго теченія.

Для слова, вся задача котораго—только подробнѣе и точнѣе описать свои предметы, но не глубже понять ихъ, синтетичность и стройность формы и вовсе не нужны. Для него не существуетъ и стараго правила: le secret d'ennuyer est celui de tout dire, но наоборотъ—вся его гордость состоитъ въ томъ, чтобы высказать читателю описаніемъ предмета именно *все* о послѣднемъ, чтобы не оставить мысли и воображенію самаго читателя ничего дополнять отъ себя и углублять въ пониманіи предложеннаго описанія. Произведенія этого чисто-описательнаго, положительнаго и щеголяющаго полнотою анализа и подробностями литературнаго направленія стремятся, по существу своей задачи, не возбудить дополняющую и развивающую ихъ отъ себя свободную дѣятельность мысли и воображенія читателей, но наоборотъ. Ихъ стремленіе упразднить эту свободно-дополняющую и развивающую дѣятельность, сдѣлать невозможнымъ, чтобы читатель въ нихъ понялъ или почувствовалъ по поводу ихъ что-либо, авторами этихъ списаній не предусмотрѣнное; они не допускаютъ *субъективнаго*, свободнаго пониманія.

Но поэтому-то они и даютъ minimum пониманія идеи вообще, minimum возбужденія къ дѣятельности мысли и чувства людей. Поэтому же они, не давая этой дѣятельности никакой пищи, но подавляя ее своими пріемами, стремленіемъ „все высказать", насильственно навязать свое готовое содержаніе чужой душѣ, не только безформенны и безъидейны, но и *скучны*, сухи и мертвы. Поэтому же, наконецъ, и значеніе ихъ и цѣнность весьма недолговѣчны. Для всего человѣчества и во всѣ вѣка могутъ имѣть цѣнность и неумирающій смыслъ только тѣ произведенія слова, которыя даютъ огромную, широчайшую возможность каждому уму развивать въ себѣ по поводу ихъ отвѣчающее собственной природѣ этого ума, слѣдовательно, *очень разнообразное* содержаніе. Таковы величайшія произведенія религіозной мысли, философіи и поэзіи, возбуждающія души къ такому самодѣятельному и разнообразному развитію ихъ содержанія именно благодаря чрезвычайной синтетичности, чуждой мелочей анализа, простотѣ и стройности своей, выражающей единство ихъ идеи, формы. Безъ синтетической формы произведеніе и не *возбуждаетъ* въ читателѣ собственной дѣятельности мысли, потребности дополнять, уяснять себѣ и углублять пред-

лагаемое содержаніе. Но произведеніе, не допускающее никакой субъективности, никакого развитія и разнообразія въ пониманіи его содержанія другою мыслью,—какъ произведенія, имѣющія въ виду одну аналитическую задачу описанія, могутъ быть принимаемы умами только пассивно однимъ неизмѣннымъ образомъ, цѣликомъ, въ готовой, неподвижной законченности. Ихъ дѣйствіе поэтому и не переходитъ за границы своего времени, своего ограниченнаго круга наблюденій и интересовъ, узкой непосредственно-окружающей ихъ авторовъ среды. Чѣмъ дальше отъ этой среды, этого случайнаго круга знаній, наблюденій и мнѣній, этого времени ихъ созданія, тѣмъ они становятся непонятнѣе, непріемлемѣе, безсмысленнѣе для послѣдующихъ поколѣній. Тѣмъ неизбѣжнѣе постигаетъ ихъ полное и *заслуженное* забвеніе! Произведеніе слова, въ которомъ нечего понимать, дополнять своею мыслію и воображеніемъ, нѣтъ идеи и формы, а есть только факты и аналитическія описанія, обречено на смерть уже въ самый моментъ своего рожденія. И серьезная, фундаментальная литература, приближаясь своимъ содержаніемъ и формою—вѣрнѣе безформенностью—къ образцамъ, вытекающимъ изъ свойствъ не духовно-образовательно чисто-утилитарной, справочной задачи летучей журналистики, естественно раздѣляетъ и участь послѣдней въ отношеніи безплодія для дѣла духовной культуры человѣчества и эфемерности, мимолетности значенія своихъ мелкихъ, хотя и массивныхъ созданій.

Какъ своимъ содержаніемъ, только описательнымъ или напоминающимъ мысли готовую, вполнѣ уже опредѣленную тенденцію, а потому и только принимаемымъ мыслію къ свѣдѣнію, такъ и неопредѣленностью, нестройностью и отрывочностью своихъ расплывающихся и безжизненныхъ формъ, подобная литература не возбуждаетъ въ читателѣ живой и напряженной работы мысли. Она не вноситъ оживленія и развитія въ личный духовный міръ и не углубляетъ его. Не требуетъ она и отъ своихъ авторовъ и не отражаетъ въ своихъ созданіяхъ никакого слѣда личнаго творчества опредѣленнаго характера мысли и чувства, рѣзко-очерченнаго духовнаго образа. Произведенія этой литературы не даютъ читателю заглянуть въ душу ихъ авторовъ. И по дѣйствію своему и по источникамъ, и по содержанію и по формѣ, она представляется чѣмъ-то вполнѣ безличнымъ, безхарактернымъ, чуждымъ личной внутренней жизни духа. Естественно, что и служить она можетъ не цѣлямъ этой,

всегда личной жизни, то-есть не духовно-образовательнымъ задачамъ, но цѣлямъ и силамъ жизни безличнымъ и недуховнымъ, задачамъ жизни только внѣшнимъ и утилитарнымъ.

И современное развитіе этой безличной и по источнику своему и по эффектамъ справочно-описательной литературы дѣйствительно совпадаетъ съ развитіемъ въ современномъ обществѣ новой силы, безличной, утилитарной, не духовно-образовательной и недуховной,—силы не только умаляющей въ современности значеніе творческой личности, глубокой и свободной внутренней жизни человѣка, опредѣленнаго и оригинальнаго характера, но и все рѣшительнѣе и нетерпимѣе вытѣсняющей этихъ дѣятелей съ поприща жизни, все болѣе обезличивающей послѣднюю. Эта новая сила, безличная и обезличивающая все болѣе и современную жизнь и литературу, все тѣснѣе съуживающая кругъ интересовъ и силъ внутренней, личной жизни человѣка, все властнѣе и нетерпимѣе заглушающая всякое оригинальное и свободное проявленіе ея и внутренній ростъ, есть сила *общественнаго мнѣнія*. Оно все болѣе захватываетъ въ свое вѣдѣніе всѣ задачи и силы духовной личности, подчиняетъ себѣ всѣ ея интересы и дѣла, и политику и философію, и бытъ и литературу. На все налагаетъ она свою печать безличія, механичности и утилитарности, печать безплодія и отрицанія духа. Характеризующія современность явленія такъ называемаго „изнеможенія духа“,—безплодіе мысли, неустойчивость воли, безсиліе характеровъ, неудовлетворенность и неопредѣленность стремленій, и надъ всѣмъ этимъ глухая томящая всеобщая тоска, пессимизмъ во всѣхъ слояхъ общества, профессіяхъ и возрастахъ,—не случайно растутъ и ширятся параллельно росту и расширенію на всѣ стороны жизни власти общественнаго мнѣнія. Оба явленія,—упадокъ, измельчаніе и безсиліе духовной личности и безграничное увеличеніе власти и притязаній общественнаго мнѣнія,—стоятъ другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей внутренней связи, взаимно другъ друга вызываютъ, питаютъ и упрочиваютъ. Оба явленія равно обусловливаютъ своимъ развитіемъ упадокъ, обезличеніе, безъидейность и творческое безплодіе современной литературы и равно въ этомъ упадкѣ отражаются, создавая себѣ въ этой литературѣ, по мѣрѣ ея упадка, все болѣе послушное новое орудіе своего дальнѣйшаго и полнѣйшаго развитія. А вѣнецъ этого развитія, конечный результатъ прогрессивнаго „изнеможенія духа“ и господства „общественнаго мнѣнія“—представляется и концомъ соб-

ственно духовной культуры человѣчества, съ какими бы политическими, соціальными и экономическими благами ни былъ онъ связанъ! Этотъ ростъ отнимаетъ у внутренней, личной жизни духа именно все то, что̀ ей „единое на потребу“.

IV.

Культура духа состоитъ прежде всего въ *устроеніи* умственной жизни, во внутреннемъ объединеніи всѣхъ понятій человѣка, вѣрованій, стремленій и сужденій, выражающихъ его отношеніе къ міру, жизни и себѣ самому, въ одно совершенно и ясно опредѣленное, хотя бы и не широкое, но законченное и цѣльное міровоззрѣніе. Но именно этого-то устроенія внутренняго объединенія умственнаго міра и не ищетъ и не можетъ создать характеризующая конецъ вѣка литература, по самому существу своихъ задачъ и средствъ. И расплывающаяся, лишенная строенія неопредѣленность и незаконченность формъ, и отрывочная случайность, безсвязность содержанія тѣхъ справочныхъ свѣдѣній, образовъ, фактовъ и формулъ, которыя составляютъ ея тщательно накопляемое духовное богатство, дѣлаютъ изъ нея—повторяемъ—только матерьялъ для возможной мысли, самъ по себѣ еще неустроенный и не возбуждающій свободной работы мысли въ опредѣленномъ направленіи.

Никакого единства, внутренняго сосредоточенія не вноситъ этотъ матерьялъ, самъ по себѣ, въ умственную жизнь отдѣльнаго человѣка, не даетъ ему самъ по себѣ *образованія*, какъ бы ни былъ онъ обиленъ и разнообразенъ; какъ не образуетъ ума и самое усердное и постоянное чтеніе энциклопедическаго словаря. Никакого единства не создаетъ обиліе и полнота этого неустроеннаго матерьяла мысли и между различными умами членовъ общества, какъ бы оживленно и постоянно ни обмѣнивались они между собою этимъ матерьяломъ посредствомъ печатнаго слова. Общность фактическихъ, справочныхъ свѣдѣній, дѣловыхъ формулъ, средствъ и пріемовъ осуществленія случайно совпадающихъ личныхъ стремленій и задачъ не объединяетъ еще людей духовно, но лишь облегчаетъ каждому пользованіе для себя выгодами общежитія. Не положительныя знанія и отрывочныя формулы духовно объединяютъ людей, но единство міровоззрѣнія,—то-есть именно то, чего и не хочетъ и не можетъ принести съ собою „дѣловая“, утилитарная

образованность конца вѣка. Поэтому та огромная и все болѣе пріобрѣтающая вліянія на жизнь современнаго общества часть его, которой умственная жизнь всецѣло опредѣляется кругомъ задачъ и средствъ этой лишенной внутренняго единства утилитарной образованности, и сама духовно ничѣмъ не объединена, не связана общностью міровоззрѣнія при всей общности и экциклопедичности своихъ обиходныхъ знаній. Эта-то часть общества, связанная только общностью обращающихся въ ея средѣ общедоступныхъ положительныхъ знаній и формулъ, общею энциклопедіей справочнаго знанія, но не объединенная духовно, единствомъ идеи, единствомъ направленія и интересовъ *духовной* жизни, и есть то, что по преимуществу называется интеллигенціею. Принадлежность къ ней опредѣляется единственно извѣстнымъ запасомъ обиходнаго, нужнаго при извѣстныхъ задачахъ общежитія—политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ и т. п.—знанія; въ отношеніи же міровоззрѣнія—специфически характеризующее ее и единственно допускаемое въ ея средѣ „передовое" міровоззрѣніе состоитъ лишь въ признаніи цѣльнаго міровоззрѣнія, вообще, не существеннымъ, безразличнымъ и—у образованнѣйшихъ изъ этой среды, могущихъ сослаться и на общедоступнѣйшее изъ „философскихъ" ученій, позитивное и феноменистское—даже неосуществимымъ, не научнымъ. Индифферентизмъ въ дѣлѣ міровоззрѣнія—ея философія, сборникъ, энциклопедія отрывочныхъ знаній—ея наука, и дневникъ происшествій-ея излюбленная литература. Не она, конечно, чуждая сама въ принципѣ всякой объединяющей, устрояющей духовный міръ идеи, можетъ внести эту идею въ современное общество, котораго представительницею, „духовной аристократіей" себя провозглашаетъ, а въ странахъ со „свободными" учрежденіями и дѣйствительно является. Не въ служеніи ея утилитарной задачѣ—взаимнаго обмѣна между „интеллигентами" положительныхъ и „дѣловыхъ" справочныхъ знаній и формулъ—осуществляетъ слово и свое духовно-устрояющее, творческое и образовательное призваніе. Не она, конечно, и блюдетъ назначеніе слова въ этомъ его призваніи, произвольно распоряжаясь имъ, упрощая его и измѣняя его органическое, вѣками сложившееся строеніе, какъ того требуютъ ея, очень *простыя* и безличныя, космополитическія нужды только—утилитарнаго взаимнаго сообщенія своихъ знаній и формулъ. Попытки подобныхъ упрощеній, не только въ стилѣ, но даже въ ороографіи (ука-

жемъ здѣсь только на опыты съ русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и, въ особенности, англійскимъ языками въ послѣднія десятилѣтія) и сочиненія новаго, искусственнаго, общечеловѣческаго языка (волапюкъ) слишкомъ еще свѣжей памяти для того, чтобы на нихъ останавливаться. И исходятъ всѣ эти и подобныя имъ дезорганизующія слово попытки, конечно, не изъ среды ученыхъ филологовъ или народа, а именно изъ среды интеллигентной космополитической толпы, для которой слово, какъ и мысль, какъ и знаніе, дорого лишь какъ одно изъ удобствъ и средствъ общественной жизни. Если слово гдѣ любовно и сознательно охраняется отъ посягательствъ на него произвола во имя разныхъ полезностей,—если гдѣ живо еще сознаніе его не справочнаго, но творческаго, устрояющаго духовную жизнь человѣка и человѣчества назначенія, то только тамъ, гдѣ еще сохранилась эта духовная жизнь съ ея высшими, не только утилитарными и „дѣловыми" общественными интересами. Только тамъ сохранились еще и цѣльная личность, характеры и сознаніе необходимости внутренно-единаго и цѣльнаго міровоззрѣнія и самое такое міровоззрѣніе. Сохранились же они еще болѣе или менѣе лишь въ тѣхъ слояхъ общества, которыхъ еще не поглотила въ свои ряды и не обезличила духовно „интеллигенція", т. е., съ одной стороны—въ народѣ, не промѣнявшемъ еще своей простой мудрости и вѣры на ворохъ справочныхъ знаній и дѣловыхъ формулъ, а съ другой—въ кругѣ людей съ высшими духовными запросами и развитіемъ, не отказавшихся еще, ради все поглощающихъ дѣловыхъ интересовъ жизни, отъ духовныхъ сокровищъ религіи, философіи, поэзіи и т. п. Отношеніе къ слову, къ философскому міровоззрѣнію и къ поэзіи не менѣе характеризуетъ лишенную духовно-устрояющаго, объединяющаго сосредоточенія мысли интеллигенцію, какъ и ея литература конца нашего вѣка.

Если не вноситъ въ современную жизнь необходимаго для дѣйствительной культуры духовно-устрояющаго, объединяющаго начала, цѣльнаго и дурно или хорошо осмысленнаго міровоззрѣнія, представительница современной образованности—интеллигенція, со всею своей пухлой энциклопедіей положительнаго знанія и „протоколовъ жизни",—то еще менѣе способно выполнить эту задачу *общественное мнѣніе*. Подобно летучей журналистикѣ нашего времени, и оно имѣетъ свое необходимое, вполнѣ законное и почтенное назначеніе, raison

d'être въ современной жизни. Но еще болѣе, чѣмъ въ ежедневной справочной литературѣ газетъ, это назначеніе общественнаго мнѣнія законно и оправдано лишь поскольку ограничено кругомъ исключительно утилитарныхъ, внѣшнихъ задачъ и дѣлъ жизни, не претендуя на задачи духовно-образовательныя. Въ громадныхъ государствахъ современности, съ ихъ колоссальными и страшно-сложными задачами соціальными, промышленными, административными и т. п., при лихорадочно-быстромъ темпѣ современной жизни, выдвигающемъ на ея поприще все новыя силы въ самыхъ неожиданныхъ комбинаціяхъ,—справки съ „общественнымъ мнѣніемъ" для всякаго общественнаго и государственнаго дѣятеля столь же необходимы, какъ и для коммерсанта—справки съ биржевыми цѣнами. Но жизненно-необходимое для этихъ утилитарныхъ справокъ о наличныхъ, въ данную минуту, нуждахъ и находящихся въ ихъ распоряженіи силахъ и средствахъ общества или государства,—общественное мнѣніе совершенно лишено возможности, и по своему предмету, и по способамъ своего образованія и дѣйствія на умы, притязать на какое-либо вліяніе духовно-образовательное. Ни выработать и уяснить какихъ-либо идей, истинъ, міровоззрѣній, ни возбудить дѣятельность умовъ къ самостоятельной выработкѣ идей, истинъ или міровоззрѣній оно не можетъ и не должно, не призвано. Въ качествѣ силы духовно-образовательной, стремящейся вытѣснить, по-своему образовать и замѣнить собою въ умственной жизни людей и науку, и философію, и совѣсть, и поэзію—общественное мнѣніе въ культурѣ человѣка и человѣчества явилось бы силой болѣе безпощадно-разрушительной, губительной для всякой жизни и свободы духа, чѣмъ любая изъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, чѣмъ потопъ или нашествіе варварскихъ народовъ.

Это такъ потому, во-первыхъ, что непосредственный предметъ, о которомъ высказывается общественное мнѣніе, никогда не составляетъ идея, начало, міровоззрѣніе; это всегда—тотъ или другой спеціальный вопросъ текущей жизни, то или другое значительное, съ точки зрѣнія интересовъ послѣдней, лицо или событіе, та или другая, касающаяся общаго благосостоянія и мира, возникающая потребность, которая требуетъ немедленнаго удовлетворенія и т. п. Ко всѣмъ возможнымъ предметамъ своимъ, во-вторыхъ, общественное мнѣніе относится, о всѣхъ ихъ высказывается не

съ точки зрѣнія безусловныхъ и неизмѣнныхъ требованій духа, истины, красоты и правды, но лишь съ точки зрѣнія мимолетныхъ нуждъ настоящей минуты, съ точки зрѣнія вѣчно-измѣняющейся, условной и только — утилитарной. Чисто-идейный и безкорыстный духовный интересъ лежитъ совершенно внѣ круга задачъ общественнаго мнѣнія и мотивовъ, опредѣляющихъ его приговоры. О какихъ бы предметахъ, событіяхъ и лицахъ оно ни высказывалось, оно поэтому никогда и не основывается на всестороннемъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи и обсужденіи ихъ, доискивающемся до ихъ собственнаго смысла и внутреннихъ мотивовъ. Оно просто, такъ сказать, примѣряетъ наличный фактъ, какъ онъ дошелъ до его свѣдѣнія, къ готовой тенденціи, привычкѣ мысли, интересу—и приговоръ готовъ! Къ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ массъ, какъ и къ самимъ обсуждаемымъ фактамъ оно относится только *за справкою*, вовсе не заботясь объ ихъ осмысленіи, одухотвореніи. Какъ не ищетъ оно само обсужденія, идеи, ничего кромѣ справки,— такъ и не имѣетъ въ виду въ чемъ-либо убѣждать умы, вызывать въ нихъ и развивать, углублять идеи. Оно заботится не объ убѣжденіи, но лишь о томъ, чтобы приговоръ его, основанный на сопоставленіи наличнаго факта съ наличнымъ интересомъ или привычкою мысли, былъ принятъ отдѣльными лицами къ свѣдѣнію и руководству.

Ничто, поэтому, не можетъ быть поверхностнѣе общественнаго мнѣнія, болѣе внѣшнимъ и случайнымъ образомъ относящагося къ своимъ предметамъ и менѣе духовно-образовательнымъ и по происхожденію и по способу дѣйствія на умы. Ничто и не совмѣстимо менѣе его задачъ и дѣйствія съ оригинальностью, свободой и напряженной глубиной личной мысли. Среда, въ которой господство его надъ умами и волями безраздѣльно, въ которой оно безапелляціонно опредѣляетъ отношеніе мысли и чувства къ событіямъ и лицамъ по своимъ чисто внѣшнимъ критеріямъ, есть не кругъ самостоятельно или глубоко мыслящихъ людей, но безличная толпа. Только ея невысокимъ запросамъ мысли удовлетворяетъ оно, только ея поверхностную умственную жизнь опредѣляетъ и только черезъ осредство рѣшительно вліяетъ на окружающую жизнь. Высоко развитой, оригинальной и живущей глубокою внутренней жизнью, непоколебимо-стойкой въ убѣжденіяхъ и неподкупной въ сужденіяхъ личности оно не только не имѣетъ въ виду и не знаетъ, но и не признаетъ, а въ столкновеніяхъ съ нею безпо-

щадно и рѣшительно подавляетъ ее и устраняетъ. Остракизмъ —неизбѣжная участь, постигающая такую личность въ обществѣ, гдѣ общественное мнѣніе перестало быть только справочною инстанціей для органовъ государственной и общественной жизни, но овладѣло этими органами, подчинило ихъ себѣ, стало верховною властью, „sa majesté l'opinion publique“ [1]). Такая участь необходимо постигаетъ высоко-развитую духовно личность и всѣ ея дѣла и задачи въ странахъ, гдѣ безраздѣльно воцарилось господство демократической, и всегда поверхностно и только утилитарно мыслящей толпы,—будь эта толпа древне-классической или современной республики. По совѣту ли Платона или по совѣту Ж. Ж. Руссо и его продолжателей—въ подобной странѣ всевластная толпа всегда „попроситъ“ слишкомъ глубоко-волнующаго души гражданъ поэта или слишкомъ выспренно настраивающаго ихъ мышленіе мыслителя-философа или замолчать и не безпокоить „по-пусту“ добрыхъ людей, или удалиться. Нѣтъ въ этомъ отношеніи деспотизма безпощаднѣе, нетерпимѣе налагающаго свою властную руку на всѣ стороны жизни отдѣльнаго человѣка во всѣхъ ея даже мельчайшихъ подробностяхъ, изъ которыхъ ни одна не ускользаетъ отъ его ревниваго надзора, не пользуется привилегіей неприкосновенности, какъ деспотизмъ толпы и общественнаго мнѣнія. Они и не разсуждаютъ и не убѣждаютъ, какъ лично-духовныя, но только хотятъ и дѣйствуютъ, какъ стихіи. Сильная и оригинальная личность, высокое духовное развитіе, глубина и творческая опредѣленность внутренняго, духовнаго человѣка, а слѣдовательно и высокая духовная культура,—всегда естественные и опаснѣйшіе враги верховнаго владычества толпы и общественнаго мнѣнія, вѣчная угроза ихъ всеобезличивающему и опошляющему всевластію. Оплотъ противъ этихъ общественныхъ силъ, отрицающихъ свободу и творческую, созидающую духовную культуру мощь внутренней духовной жизни, *отрицающихъ личное начало*,—охрану этого незамѣнимаго для культурной человѣчности личнаго начала отъ конечнаго искорененія его изъ современной жизни,—мо-

---

[1]) Не устойчивость характера и міровоззрѣнія, но оппортунизмъ, широчайшая примѣнимость, приспособляемость ко всякимъ міровоззрѣніямъ и господствующимъ интересамъ, растяжимость совѣсти и идейный индифферентизмъ—условія успѣха и вліянія тамъ, гдѣ духовная личность и народъ оттѣснены на задній планъ интеллигентной толпою и общественнымъ мнѣніемъ.

жетъ дать только вполнѣ самостоятельная сила, органичивающая власть толпы и общественнаго мнѣнія, вводящая ихъ вліяніе въ скромные предѣлы ихъ естественнаго назначенія. Въ охранѣ свободы и жизни духовной, творческой личности, этой драгоцѣннѣйшей зиждущей силы всякой культуры, противъ всеопошляющаго и слѣпаго гнета общественнаго мнѣнія—одна изъ благороднѣйшихъ задачъ въ призваніи государства, осуществимая еще тамъ, гдѣ государство является независимою общественною силою. Но такой независимой силы все меньше становится, и власть общественнаго мнѣнія и толпы все ростетъ и ширится въ современныхъ обществахъ въ той мѣрѣ, какъ они все далѣе „прогрессируетъ" по пути демократизаціи и „свободныхъ" учрежденій, угнетающихъ всякую свободу. Опасность для культурныхъ, духовныхъ, свободныхъ и творческихъ силъ жизни все возрастаетъ...

Никогда еще опасность эта, угрожающая самому духовному бытію человѣчества, сколько-либо цѣнному и глубокому, не достигала такихъ размѣровъ и не сознавалась яснѣе независимыми умами, какъ въ наши дни всеобщей демократизаціи, дни повсемѣстныхъ побѣдъ безличныхъ и всеобезличивающихъ силъ интеллигентной толпы и общественнаго мнѣнія надъ личною творческою силою духа, космополитическаго и утилитарнаго общества надъ историческимъ государствомъ и самобытной оригинальностью личныхъ и народныхъ характеровъ. Никогда еще антагонизмъ обезличивающихъ и духовно-безплодныхъ съ одной стороны и личныхъ и духовно-образовательныхъ съ другой стороны силъ жизни въ борьбѣ за властное направленіе дальнѣйшихъ судебъ человѣчества по руслу безплодной утилитарной эксплоатаціи міра и человѣка или развитія духовной культуры не выражался въ такихъ яркихъ и недвумысленныхъ формахъ. Никогда и не обнаруживалась непосильность этой борьбы противъ обезличивающихъ бездушныхъ и безплодныхъ силъ интеллигентной толпы, облеченнаго властію общественнаго мнѣнія и созданнаго ими направленія литературы, для предоставленной своимъ уединеннымъ усиліямъ творческой духовной личности,—въ такихъ всеобщихъ и знаменательныхъ явленіяхъ, какъ современное „изнеможеніе духа", возрастающее безплодіе и творческое безсиліе его, повальная тоска, неудовлетворенность, пессимизмъ и т. п.

И этотъ антагонизмъ и прискорбно — для дѣла духовной культуры человѣчества обнаруживающія его разультаты явле-

нія политической, нравственной, умственной и литературной жизни новѣйшей современности,—явленія, свидѣтельствующія о все возрастающемъ обезличеніи и механизаціи жизни, „убываніи“ изъ нея „души“, — вызваны причинами очень общими и глубокими. Обезличеніе, сглаженіе всѣхъ особенностей личнаго характера, уравненіе всѣхъ различій личнаго значенія, особенностей быта, вкусовъ, понятій, призваній и пріемовъ дѣятельности,—вотъ самая основная и общая тенденція *всего* прогресса нашего вѣка,—прогресса космополитическаго и утилитарно-соціальнаго по преимуществу. Всѣ величайшія открытія и изобрѣтенія, громаднѣйшія умственныя и экономическія пріобрѣтенія, опредѣляющія весь строй жизни политическія и общественныя учрежденія, которыми характеризуется нашъ вѣкъ, служатъ этой основной тенденціи его къ обезличенію, механизаціи жизни. И машины и громадные капиталы, и паръ и электричество, и пути сообщенія и всемірная летучая журналистика, и свободныя, конституціонныя учрежденія и уничтоженіе всякихъ сословныхъ, бытовыхъ, вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ разграниченій — все это исподволь разрушаетъ, лишаетъ значенія всякую индивидуальность жизненныхъ положеній, традицій, прочныхъ вкусовъ и привычекъ. Все это ослабляетъ и опредѣляющую направленіе жизни силу вліянія почвы, личнаго характера и призванія, личной инціативы и самобытной мысли, личнаго творчества и энергіи, особенностей и личнаго и народнаго духа. И общественная и умственная жизнь личности все менѣе опредѣляются въ своемъ содержаніи и направленіи изъ ея собственной внутренно-сосредоточенной, самобытной индивидуальности, все болѣе становятся несвободнымъ, случайнымъ пассивнымъ продуктомъ взаимодѣйствія разныхъ, безличныхъ, общихъ теченій и силъ окружающей, внѣшней среды. Личность перестаетъ быть средоточіемъ и свободнымъ источникомъ своей собственной жизни, дѣйствительною силою, ее устрояющей.

Это приниженіе, измельчаніе и обезсиленіе личности, утрата ею значенія творящей жизнь изъ себя силы, находитъ себѣ и теоретическое оправданіе и освященіе въ наиболѣе характерныхъ и распространенныхъ философскихъ ученіяхъ современности о сознающей себя личности и ея мѣстѣ въ природѣ и исторіи. Начиная съ религіи, изъ которой новѣйшія попытки религіознаго „обновленія“ на почвѣ личной и общественной нравственности или положительной науки стремятся исключить понятіе личнаго Бога, Творца и Промыслителя, замѣняя его по-

нятіями „разумѣнія жизни" и ея закона (у насъ гр. Л. Толстой), духа единаго человѣчества (П. Карусъ), закона міровой эволюціи, міровой души и т. п. (какъ у новѣйшихъ французскихъ и американскихъ позитивистовъ),—творческая личность повсюду объявляется *иллюзіею*, повсюду получаютъ господство матерьялистическіе или пантеистическіе взгляды. Сознаніе личности и ея воля и въ метафизикѣ и въ психологіи и въ этикѣ признаются ничего изъ себя не вносящими въ жизнь новаго, своего, что̀ не было бы предуставлено уже отъ вѣка въ тѣхъ стихійныхъ, безличныхъ силахъ и массахъ, взаимодѣйствіе которыхъ по неизмѣннымъ законамъ выразилось въ преходящей и несущественной формѣ этого или другаго индивида съ его страстями, мыслями и дѣйствіями.—Они представляются лишь узнающими со стороны, пассивно, испытывающими то, что помимо ихъ участія, съ роковой необходимостью, уже совершилось. Дѣйствительное бытіе и значеніе принадлежитъ въ этомъ взглядѣ на міръ, не ясно или смутно сознающимъ себя, дѣятельнымъ изъ себя субъектамъ, (какъ напр., представляется въ міровоззрѣніи Лейбница), но безсознательнымъ и безличнымъ атомамъ, молекуламъ, ихъ движеніямъ и т. п.—и въ мірѣ, развившемся изъ взаимодѣйствія этихъ безличныхъ силъ съ неизбѣжною необходимостью, ни малѣйшая даже подробность не измѣнилась бы нисколько, еслибы и вовсе не было въ немъ этого сторонняго, бездѣятельнаго и случайнаго зрителя ихъ игры, личнаго сознанія. И въ метафизикѣ, и въ психологіи, и въ этикѣ, принятыхъ въ средѣ, представляющей современную образованность, самозначащая, творческая и свободная личность признана за иллюзію, за нѣчто несуществующее и несущественное. Съ этой точки зрѣнія всякая забота о духовной культурѣ, о высокомъ развитіи и углубленіи сознательной жизни личности въ ея философіи, поэзіи, литературѣ, представляется, конечно, только непослѣдовательностью, слѣдствіемъ неполнаго пониманія. Все это должно быть признано ненужнымъ и отвлекающимъ отъ истиннаго назначенія жизни вздоромъ, какъ и сдѣлали это нѣкоторые искренніе и послѣдовательные умы, въ ряду которыхъ гр. Л. Толстой только одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ и цѣльныхъ въ отрицаніи личности и культуры.

Вотъ въ какихъ условіяхъ, подъ возрастающимъ давленіемъ какихъ новыхъ историческихъ силъ совершилось и продолжаетъ совершаться очерченное на предшествующихъ страницахъ перерожденіе слова, его задачъ и способовъ дѣйствія

на умы, въ произведеніяхъ современной образованности. Вотъ противъ какихъ новыхъ враговъ, овладѣвающихъ все болѣе средствами политическаго, соціальнаго и литературнаго вліянія на современность, приходится самобытной, живущей глубокою внутренней жизнью духовной личности отстаивать свое бытіе, свои высочайшія неутилитарныя задачи этой жизни въ философіи, поэзіи и религіи, свое слово, какъ драгоцѣннѣйшую творческую, образующую и устрояющую силу неутилитарной духовной культуры. Отъ исхода этой борьбы зависитъ рѣшеніе вопроса: быть или не быть оригинальной и свободной творческой личности, личной и народной самобытности, духовной культурѣ, міровоззрѣнію и поэзіи, духовно-образовательной литературѣ въ будущей жизни человѣчества? Сохранятся ли эти глубочайшія зиждущія силы жизни для грядущихъ поколѣній, или имъ суждено быть безслѣдно сметенными съ лица земли, отовсюду вытѣсненными и повсюду замѣщенными безличной, недуховной, обезличивающей и обезпложивающей, разрушающей духовную культуру властью интеллигентной толпы, общественнаго мнѣнія и служащей ихъ мелко-утилитарнымъ духовнымъ запросамъ литературы?

Предѣлы вторженію этой духовно-дезорганизующей власти въ область внутренней духовной жизни лицъ и народовъ могутъ быть положены отчасти отвнѣ, черезъ ограниченіе ея политическаго вліянія, существованіемъ независимаго отъ нея, не служебнаго ей государства. Тамъ, гдѣ она овладѣла и послѣднимъ, подчинила себѣ всѣ его функціи, никакого ограниченія ея вліянію отвнѣ уже не представляется, разрушенъ главный *внѣшній* оплотъ личной и народной самобытности, личной свободы и духовной культуры. *Изнутри* предѣлъ посягательствамъ космополитической интеллигентной толпы, общественнаго мнѣнія и созданной ими некультурной литературы на чуждыя и недоступныя имъ, гибнущія въ ихъ истолкованіи духовно-образовательныя задачи, можетъ явиться только какъ результатъ послѣдовательно развивающагося сознанія ими своего собственнаго чисто-утилитарнаго и безличнаго, космополитическаго призванія. Такой предѣлъ—въ вѣрности ихъ этому само по себѣ естественному и законному, полезному своему назначенію. Чѣмъ исключительнѣе и послѣдовательнѣе сосредоточитъ эта толпа и ея литература свои силы на осуществленіи своего утилитарно-космополитическаго назначенія, тѣмъ яснѣе и рѣзче размежуется область ихъ вліянія отъ области духовно-образо-

вательнаго, созидающаго духовную жизнь и культуру слова. Надежду на такое размежеваніе въ будущемъ можно отчасти возлагать, не рискуя впасть въ преувеличеніе или увлеченіе парадоксами, даже на одно изъ повидимому наивнѣйшихъ и грубѣйшихъ, въ духовно-образовательномъ смыслѣ, изобрѣтеній нашей утилитарной, справочной и дѣловой, космополитической и бездушной образованности. Мы говоримъ не шутя о „волапюкѣ“. Этотъ искусственный, механически построенный, безхарактерный общечеловѣческій языкъ слишкомъ хорошо отвѣчаетъ тому справочному назначенію, которое получило слово отъ умственныхъ нуждъ и задачъ современной интеллигенціи, общественнаго мнѣнія и ихъ литературы, чтобы не имѣть будущаго. Можно безъ преувеличеній надѣяться на то, что уже въ недалекомъ будущемъ всякій заправскій „интеллигентъ“ будетъ говорить и читать преимущественно на волапюкѣ и на немъ же будетъ издаваться вся его самая передовая, излюбленная литература. Когда его ежедневныя газеты, его справочная, энциклопедическая и положительная наука, его протокольный и соціальный романъ, его гражданская и тенденціозная, дѣловая поэзія заговорятъ на волапюкѣ—можно будетъ съ облегченнымъ сердцемъ и спокойнымъ духомъ думать о будущности живыхъ языковъ и развивающихся въ нихъ духовныхъ сокровищъ философіи и поэзіи народовъ и живущихъ интересами духовной жизни лицъ. Этой жизни рѣчь волапюка никогда не захватитъ въ свой кругъ, не опошлитъ и не разрушитъ...

Одинъ изъ великихъ историческихъ людей (если не ошибаемся, Карлъ V-й) говорилъ, что человѣкъ, знающій два языка и которому, такимъ образомъ, раскрыты строй и богатство двухъ міровоззрѣній, имѣетъ для него цѣну двухъ людей. Любопытно было бы рѣшить, въ какой именно дроби единицы выразилъ бы этотъ несомнѣнно умный покойникъ свою оцѣнку, съ этой точки зрѣнія, будущаго интеллигентнаго „гражданина вселенной“, мыслящаго, говорящаго и читающаго на упрощенномъ общечеловѣческомъ волапюкѣ!?

П. АСТАФЬЕВЪ.



* * *

Лазурное небо, въ водѣ отражаясь,
Не такъ лучезарно, какъ въ выси безбрежной.
Лазурь потемнѣла и тонъ ея нѣжный
Здѣсь тономъ другимъ замѣнился, сгущаясь.

Въ очахъ твоихъ вижу души отраженье,
Но въ сердцѣ моемъ не трепещетъ отрада.
Ей тѣсно; ей мало глубокаго взгляда,
Чтобъ выразить каждый изгибъ и движенье.

И очи твои я порой ненавидѣлъ,
Когда въ нихъ глядѣлъ, опьяненный мечтами.
О если бы душу я, душу увидѣлъ,
Какъ вижу лазурное небо надъ нами!

К. М.

Нуты земледѣльчества въ Закавказьи.

I.

Хлѣбопашество.

Современное экономическое состояніе Закавказья свидѣтельствуетъ, что результаты почти вѣковаго нашего обладанія краемъ не соотвѣтствуютъ, въ отношеніи развитія его производительныхъ силъ, матеріальнымъ жертвамъ и затратамъ, положеннымъ нами въ основаніе его гражданственности.

Закавказье — страна исключительно земледѣльческая. Въ ней земледѣліе составляетъ не только главный, но, строго говоря, единственный устой народнаго благосостоянія. Богатство страны и экономическая обезпеченность населенія находятся тамъ въ прямой и непосредственной зависимости отъ процвѣтанія земледѣльческой промышленности и отъ успѣха сельскохозяйственныхъ культуръ. Особенность земледѣльческой промышленности въ Закавказьи заключается въ томъ, что почти все сельское хозяйство страны находится въ немъ въ рукахъ крестьянъ и что въ большей части края земледѣліе основывается на ирригаціонномъ хозяйствѣ. Хозяйство ведется крестьянами натуральнымъ способомъ, свойственнымъ вообще народамъ, стоящимъ на низкомъ уровнѣ экономическаго и гражданскаго развитія. Крестьяне эксплоатируютъ земли экстенсивно, культивируя по преимуществу посѣвы, необходимые для ихъ существованія, и затѣмъ дѣлятся урожаемъ изъ-пола съ собственниками воздѣлываемыхъ ими земель. Во всей низменности восточнаго Закавказья земледѣліе возможно только при ирригаціонномъ хозяйствѣ. Поэтому, упорядоченіе тамъ существующихъ ирригаціонныхъ системъ и обводненіе невоздѣланныхъ безводныхъ степей составляютъ основу экономической будущности страны. По изслѣдованіямъ инженеровъ Белли и Габба оказывается, что при правильномъ распредѣленіи всѣхъ проточныхъ водъ басейновъ

Куры и рѣкъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, представляется возможнымъ оросить до 2-хъ мил. десятинъ земли; въ этомъ раіонѣ нынѣ существуетъ до 800 т. десятинъ поливной земли. Слѣдовательно, пространство безводныхъ земель, доступныхъ для орошенія въ восточномъ Закавказьи, при полномъ осуществленіи предположеній Белли и Габба, составляетъ площадь въ 1.200.000 десят. и если стоимость капитальныхъ работъ на устройство каналовъ и искусственныхъ сооруженій оцѣнить отъ 50 до 80 руб. на одну десятину подлежащихъ орошенію земель, то стоимость всего предпріятія по обводненію восточнаго Закавказья потребуетъ капитала отъ 60 до 100 мил. р.

Хлѣбопашество повсемѣстно въ Закавказьи составляетъ наиболѣе важную отрасль сельскаго хозяйства, несмотря на то, что въ значительной части страны естественныя условія благопріятствуютъ развитію другихъ болѣе интенсивныхъ культуръ. Это объясняется тѣмъ, что внутреннія потребности крестьянскихъ хозяйствъ, при сравнительно слабомъ развитіи обмѣна, обусловливаютъ стремленіе къ преобладающему производству хлѣба, какъ важнѣйшаго пищеваго продукта. Стремленіе это, правда, нѣсколько ослабѣваетъ при условіяхъ, способствующихъ развитію садоводства, винодѣлія и проч., но тѣмъ не менѣе и здѣсь хлѣбопашество является если не преобладающею, то во всякомъ случаѣ весьма существенною отраслью хозяйства. Только въ наиболѣе возвышенной нагорной полосѣ, гдѣ климатическія условія мѣшаютъ созрѣванію хлѣбовъ, и въ степной, безводной, лишенной оросительныхъ средствъ, безъ которыхъ немыслима никакая культура, хлѣбопашество уступаетъ мѣсто скотоводству. Тѣмъ не менѣе, въ среднемъ выводѣ пашни занимаютъ около половины всей площади хозяйствъ, значительная часть которой совершенно неудобна для культуры; въ отношеніи же культурной площади пашни составляютъ около 85 проц. Изъ хлѣбныхъ растеній засѣваются въ Закавказьи: пшеница, ячмень, кукуруза и чалтыкъ (рисъ). Пшеница занимаетъ въ Закавказьи повсюду, за исключеніемъ Кутаисской губерніи, первое мѣсто въ полеводствѣ; она составляетъ отъ 53 до 85 проц. всѣхъ посѣвовъ. Ячмень воздѣлывается хотя и не въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ пшеница, но имѣетъ болѣе широкое распространеніе; онъ встрѣчается на высотѣ 7—8½ тысячъ футовъ, гдѣ пшеница не можетъ созрѣвать. Въ нагорныхъ раіонахъ ячмень господствуетъ въ полеводствѣ, занимая отъ ½ до ⅓ площади всѣхъ посѣвовъ. Кукуруза имѣетъ

преобладающее значеніе въ Кутаисской губерніи. Чалтыкъ (рисъ) составляетъ принадлежность той части восточнаго Закавказья, гдѣ имѣется въ изобиліи вода въ теченіе всего вегетаціоннаго періода; въ иныхъ мѣстностяхъ онъ господствуетъ надъ всѣми прочими полевыми растеніями. Крайній его предѣлъ Борчалинскій уѣздъ Тифлисской губерніи. Со всей культурной площади, занятой земледѣліемъ, собирается въ Закавказьи хлѣбовъ около 100 милл. пудовъ, причемъ на долю пшеницы приходится до 65 проц. [1]).

Событія послѣдняго времени: окончаніе постройки Закавказской желѣзной дороги, распространеніе внутренней сѣти шоссейныхъ дорогъ, соединившихъ наиболѣе отдаленныя мѣстности края съ промышленными центрами, устройство портовъ на Черномъ морѣ, изданіе закона (3 декабря 1890 года) о правѣ пользованія водами для орошенія полей, наряду съ постепеннымъ развитіемъ въ краѣ гражданственности, положили начало новому направленію мѣстнаго хозяйства. Установился обмѣнъ между Закавказьемъ и внѣшнимъ міровымъ рынкомъ. Еще въ 1884 году изъ восточнаго Закавказья, всего болѣе удаленнаго отъ Черноморскихъ портовъ, вовсе не вывозилось хлѣба, но съ 1885 года этотъ вывозъ начинаетъ быстро усиливаться и въ короткій промежутокъ времени достигаетъ цифры 6 милл. пудовъ. Кутаисская губернія находится въ этомъ отношеніи еще болѣе въ благопріятныхъ условіяхъ. Близость Чернаго моря и болѣе раннее проведеніе желѣзной дороги, соединившей съ Черноморскими портами ея важнѣйшіе земледѣльческіе пункты, при условіяхъ, способствующихъ развитію культуры кукурузы, открыли этому хлѣбу широкій и прочный сбытъ, выражающійся въ болѣе или менѣе неизмѣнной цифрѣ 6 милл. пудовъ. Эти данныя указываютъ на дѣйствительныя причины общаго подъема хозяйственной культуры въ Закавказьи. Выраженіемъ этого подъема являются, между прочимъ, увеличеніе продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, улучшеніе въ хозяйствахъ инвентаря (причемъ усовершенствованные плуги и другія сельско-хозяйственныя машины и орудія проникли повсюду, и съ каждымъ годомъ населеніе предъявляетъ на нихъ все болѣе и болѣе возрастающій запросъ), распространеніе нѣкоторыхъ интенсивныхъ полевыхъ культуръ (табакъ, картофель, хлопокъ и друг.), большой интересъ къ цѣлесообраз-

---

[1]) Вермишевъ. „Земледѣліе Закавказскаго края“, 1888 г.

нымъ хозяйственнымъ нововведеніямъ, развитіе тѣхъ отраслей обработывающей промышленности, какъ, напримѣръ, выдѣлка макаронъ, полировка риса и проч., которыя немыслимы безъ внутренняго обмѣна,—а также и многое другое, что̀ не поддается цифровому опредѣленію, но что̀ тѣмъ не менѣе сказывается въ жизни. Землевладѣльческое сословіе, до того не видѣвшее достаточнаго побужденія къ личному занятію сельскимъ хозяйствомъ, теперь стремится въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе развитыхъ изъ своихъ представителей, къ занятію имъ: обзаводится инвентаремъ и расширяетъ существующія запашки. Однимъ словомъ, броженіе силъ, вызванное въ странѣ событіями ея исторической жизни: ея междоусобицами, войнами и всякаго рода неурядицами, явственно начинаетъ осѣдать и, какъ въ химической ретортѣ, кристализироваться въ опредѣленныя формы, подъ вліяніемъ власти труда, капитала и науки. Но для того, чтобы ускорить этотъ процессъ осѣданія, необходимо освободить страну изъ путъ ея сословно-имущественныхъ порядковъ, безводья, дикихъ обычаевъ, фанатическаго предубѣжденія народныхъ массъ и проч.; необходимо, затѣмъ, упорядочить существующія въ странѣ ирригаціонныя системы, обводнить безводныя степи, распространить въ населеніи утилитарныя знанія по сельскому хозяйству, словомъ — на встрѣчу силамъ, центробѣжнаго свойства, необходимо вызвать внутреннія народныя, центростремительныя силы, выражающія жизненность природныхъ свойствъ страны.

Сословно-имущественный строй въ Закавказьи имѣетъ своеобразный складъ. Въ христіанскихъ провинціяхъ (въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской) господствовалъ феодальный строй поземельныхъ отношеній. Вся земля Грузіи и Имеретіи раздѣлялась не на обособленныя имѣнія въ точно опредѣленныхъ границахъ, а на урочища въ неопредѣленно очертанныхъ топографическихъ рубежахъ. Каждое урочище было мѣстопребываніемъ группы тавадовъ (князей), принадлежавшихъ одному роду и владѣвшихъ урочищемъ не единолично и раздѣльно, а совокупно, по родовому началу. Въ подвластной зависимости тавадовъ состоятъ азнауры (дворяне), обязанные своимъ господамъ военною службою и личными послугами. Институтъ азнауровъ имѣлъ большое сходство съ персидскимъ нукерствомъ. Нукеры обязаны были исполнять при бекахъ всѣ ихъ домашнія послуги, охранять вооруженною силою ихъ дома отъ хищниковъ,

участвовать въ набѣгахъ, походахъ и перекочевкахъ своего господина, и вообще приводить въ исполненіе всѣ его распоряженія какъ по дѣламъ его частной жизни, такъ и по дѣламъ управленія селеніями. Въ тѣхъ же приблизительно отношеніяхъ, состояли и азнауры къ тавадамъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что служба ихъ имѣла сословно-наслѣдственный характеръ и оплачивалась установленными обычаемъ повинностями съ крестьянъ, состоявшими въ ихъ зависимости. На ряду съ имѣніями тавадскими, находились имѣнія царскія и церковныя, впослѣдствіи обращенныя въ казну. Личный составъ закавказскаго дворянства достигаетъ цифры 75 тысячъ, что по отношенію къ сельскому населенію составляетъ въ Тифлисской губерніи 10 проц., а въ Кутаисской — 17. Такая многочисленность его произошла отъ различныхъ причинъ. Не говоря объ естественномъ его приростѣ, послѣдніе грузинскіе цари, не имѣя ни земель, ни денегъ, ни должностей (которыя или были наслѣдственныя, или же составляли монополію дворянства), награждали услуги людей недворянскаго происхожденія пожалованіемъ имъ дворянскаго достоинства за самыя ничтожныя заслуги и даже стали продавать желающимъ гуджары—дворянскія грамоты. Земельныхъ владѣній у дворянства Тифлисской губерніи 3.330, занимающихъ площадь въ 34 проц. всей территоріи губерніи и пространствомъ до одного милліона десятинъ. Въ Кутаисской губерніи всѣхъ дворянскихъ имѣній насчитывается 9.231, пространствомъ свыше 800 т. десят. и занимающихъ площадь въ 42 проц. поверхности губерніи. Если же изъ цифры 800 т. исключить 350 т., принадлежащихъ потомкамъ владѣтельныхъ князей, то на остальныя 9.222 владѣнія приходится всего 450 т. дес. культурной земли. Мелкопомѣстность поразительна. Исключивъ изъ разсчета 33 крупныхъ имѣнія, отношеніе между имѣніями мелкими и средними выразится въ пропорціи 75 : 25, или, другими словами, одно имѣніе средней величины приходится на три мелкопомѣстныхъ, при этомъ средне-ариѳметическая норма для имѣній средней величины выражается площадью въ 650 десят., а для имѣній мелкопомѣстныхъ отъ 3,5 десят. въ Кутаисской до 8 десят. въ Тифлисской губерніяхъ [1]).

[1]) Принявъ 1000 кцевъ (380 дес.) за норму дѣленія имѣній на среднія и мелкія, получимъ слѣдующія данныя: а) земельныхъ владѣній въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ площадью менѣе 1 т. кцевъ (380 дес.)—11 864, изъ нихъ на долю Тифлисской губерніи приходится 25 проц., а на долю Кутаисской—75 проц.; б) владѣній отъ 380 до 6 т.

Особенность здѣшнихъ имѣній заключается въ ихъ дробной чрезполосности, въ неразграниченности между совладѣльцами и въ отсутствіи самостоятельныхъ хозяйствъ. Крупныя имѣнія состоятъ не изъ цѣльныхъ обрубовъ, а изъ отдѣльныхъ участковъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго иногда на десятки верстъ. Совладѣльцевъ въ крупныхъ имѣніяхъ (730) приходится отъ 2—14 въ каждомъ. Имѣнія изображали собою прежде, такъ сказать, гнѣзда родоваго сожительства, которыя, подъ вліяніемъ экономическихъ условій жизни, правительственныхъ мѣропріятій и естественнаго вымиранія, постепенно дробились на мелкіе участки. Имѣнія теперь не обладаютъ этими условіями жизненности. Не говоря объ отсутствіи въ нихъ самостоятельныхъ хозяйствъ, на нихъ лежитъ громадная задолженность кредитнымъ установленіямъ, они опутаны спорами и тяжбами между совладѣльцами, и въ нихъ преобладаютъ пастбищныя и лѣсныя угодья [1]). Словомъ, землевладѣніе грузинскихъ помѣщиковъ-дворянъ представляетъ собою подобіе пирамиды изъ песка: оно обсыпается къ своему основанію и разносится вѣтромъ.

Съ паденіемъ дворянскаго землевладѣнія, растетъ прогрессивно землевладѣніе крестьянское [2]). Въ этомъ отношеніи пер-

дес. въ обѣихъ губерніяхъ 697, изъ нихъ 62 проц. въ Тифлисской и 38 проц. въ Кутаисской губерніяхъ; в) владѣній простр. свыше 6 т. дес. 33, изъ нихъ 24 въ Тифлисской и 9 въ Кутаисской губерніяхъ. г) Три указанныя категоріи владѣній занимаютъ площади: 11.864 имѣнія—520 т. дес., 697 имѣній среднихъ—570 т. дес. и 33 крупныхъ—824 дес.; д) мелкое землевладѣніе въ особенности преобладаетъ въ Кутаисской губерніи, гдѣ изъ общаго числа всѣхъ имѣній болѣе 75 проц. приходится на долю имѣній, не превышающихъ 50 кцевъ (19 дес.); ж) крупныхъ имѣній въ Тифлисской губерніи 436, въ Кутаисской—261. Болѣе половины крупныхъ имѣній въ Тифлисской губерніи (55 проц.) не свыше тысячи дес., 25 проц.—2 т. дес., 16 проц.—десяти т. дес.; имѣній свыше этой цифры всего 16, и изъ нихъ самое обширное въ 69 т. дес. Если изъ 261 дес. крупныхъ имѣній въ Кутаисской губерніи исключить 9, принадлежащихъ родамъ владѣтельныхъ князей, то на остальныя 252 имѣнія приходится 176 т. дес., или въ среднемъ по 678 дес. на каждое, и з) на одного потомственнаго дворянина приходится, въ среднемъ выводѣ: въ Тифлисской губерніи—54 дес., а въ Кутаисской—16 дес. земли.

[1]) Въ дворянскихъ имѣніяхъ Тифлисской губерніи земли распредѣляются по слѣдующимъ угодьямъ: а) сады, огороды, поливныя земли и цѣнные лѣсные участки составляютъ $10{,}_6$ проц. общаго числа десятинъ; б) пахотныя и сѣнокосныя земли, строевые лѣсные участки $40{,}_9$ проц. и в) пастбища, выгоны и мелкій лѣсъ—$48{,}_5$ проц.

[2]) Крестьяне въ Закавказьи принадлежатъ тремъ главнымъ категоріямъ: а) крестьянъ, освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости,

венствующее мѣсто принадлежитъ крестьянамъ имеретинскихъ уѣздовъ Кутаисской губерніи, гдѣ личное подворное владѣніе пустило глубокіе корни, а близость губерніи къ портамъ Чернаго моря и къ желѣзнымъ дорогамъ развила въ населеніи промышленный духъ. Крестьянское населеніе въ Тифлисской губерніи хотя и отстало въ этомъ отношеніи отъ крестьянъ Кутаисской губерніи, ибо оно было обдѣлено крестьянскою реформою надѣльными землями и вслѣдствіе своей необезпеченности подпало подъ гнетъ армянскаго ростовщичества, тѣмъ не менѣе и тамъ крестьянское землевладѣніе, хотя медленно, но развивается. Крестьяне-собственники въ названныхъ губерніяхъ состоятъ изъ крестьянъ: а) выкупившихъ свои надѣлы отъ помѣщиковъ [1]); б) пріобрѣвшихъ земельные участки по домашнимъ документамъ до крестьянской реформы; в) государственныхъ, живущихъ на собственныхъ земляхъ, и г) пріобрѣв-

---

б) государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ бекскихъ и агаларскихъ имѣніяхъ, и в) государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ. Крестьянъ, освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости, числилось: въ Тифлисской губерніи —14.230 дымовъ, въ Кутаисской—48.261 дыма. По уставнымъ грамотамъ крестьянскій надѣлъ былъ уменьшенъ съ 6 до 4,2 дес. на дымъ различнаго наименованія угодій или, другими словами, крестьянская реформа обезземелила одну треть крѣпостныхъ крестьянъ. На ряду съ временно-обязанными крестьянами проживаютъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Грузіи хизаны въ числѣ 9.677 дымовъ въ Тифлисской и 1.946 дымовъ въ Кутаисской губерніяхъ. Въ бекскихъ и агаларскихъ имѣніяхъ водворено по уставнымъ грамотамъ 44.388 дымовъ государственныхъ крестьянъ; въ мюлькодарскихъ деревняхъ Эриванской губерніи 12.310 дымовъ. Высшія сословія въ мусульманскихъ провинціяхъ составляютъ 3,5 проц. сельскаго населенія. Государственныхъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ 226.099 дымовъ осѣдлыхъ и 10.466 кочевыхъ. По численности государственныхъ крестьянъ, губерніи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Эриванская—26,79 проц., Бакинская—25,41 проц., Елисаветпольская—21 проц., Тифлисская—8,49 проц., Кутаисская—8,31. Въ пользованіи всѣхъ этихъ крестьянъ находится 3.884 тыс. дес. Такимъ образомъ въ общемъ числѣ крестьянскихъ дымовъ, населяющихъ Закавказье, бывшіе крѣпостные крестьяне составляютъ 17 проц., государственные крестьяне, зависимые отъ землевладѣльцевъ—19 проц.; остальные 64 проц. государственные крестьяне, живущіе на казенныхъ земляхъ.

[1]) Къ 1 января 1891 года въ Кутаисской губерніи 26.512 дымовъ выкупили по сепаратнымъ договорамъ 165.342 дес. надѣльныхъ земель, заплативъ помѣщикамъ наличными деньгами изъ собственныхъ средствъ, безъ содѣйствія правительственнаго и частнаго кредита, 5.561.760 руб. Въ Тифлисской губерніи выкуплено крестьянами надѣльной земли всего 12.159 дес. съ долгомъ казнѣ 674.738 руб.

*

шихъ земельные участки по нотаріальнымъ актамъ изъ частнаго владѣнія. Всѣхъ крестьянъ собственниковъ насчитывается въ Тифлисской губерніи 8.363 дым., владѣющихъ 97.921 десят., а въ Кутаисской губерніи—96.912 дым., владѣющихъ свыше 250 т. десят. Средняя величина выкупленнаго крестьянами участка равняется 4,4 десят. на дымъ [1]). Если съ этими цифрами сопоставить, что закавказскому дворянству дарованы были особыя льготы и милости, выразившіяся въ ликвидаціи ихъ долговъ Приказу общественнаго призрѣнія, въ пожалованіи имъ пособія, въ размѣрѣ около 7 мил. руб., въ вознагражденіе за отмѣну личныхъ въ пользу ихъ крѣпостныхъ повинностей крестьянъ, и въ учрежденіи въ ихъ пользу на льготныхъ условіяхъ ипотечныхъ банковъ, а на крестьянствѣ, обратно, лежитъ все бремя податныхъ и земскихъ, денежныхъ и натуральныхъ, повинностей и надѣльные сервитуты въ пользу того же дворянства, то вопросъ объ окончательномъ переходѣ всѣхъ земель дворянскихъ въ собственность крестьянъ представляется вопросомъ не болѣе какъ одного только времени.

Изъ всѣхъ народностей, населяющихъ Закавказье, наиболѣе производительная—армяне. Самое густое армянское населеніе встрѣчается въ Эриванской губерніи (35 проц. общаго ихъ числа до 800 т.), затѣмъ въ Елисаветпольской (31 проц.), и въ Тифлисской (20 проц.). Въ остальныхъ же мѣстностяхъ Кавказа армяне замѣтны въ Бакинской губерніи, въ Карсской и Терской областяхъ, и почти совсѣмъ отсутствуютъ въ губерніи Кутаисской. Главный контингентъ армянъ принадлежитъ сельскому населенію, живущему въ Эриванской и Елисаветпольской губерніяхъ обособленно отъ татаръ, а въ Тифлисской—слитно съ грузинами. Сельское армянское населеніе отличается вообще трудолюбіемъ, спокойными нравами и бережливостію. По внѣшнимъ формамъ общежитія, армяне-сельчане не рознятся отъ гру-

[1]) Особеннаго вниманія заслуживаетъ стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію въ собственность земель по нотаріальнымъ актамъ Въ Тифлисской губерніи такого рода сдѣлки еще рѣдки, но въ Кутаисской губерніи въ періодъ десятилѣтія 1879—89 крестьянами пріобрѣтено изъ частнаго владѣнія 5.663 земельныхъ участковъ, или въ среднемъ по 566 покупокъ въ годъ. Заслуживаетъ также вниманія, что возрастаніе цѣнъ на земли не останавливаетъ энергіи крестьянъ въ покупкахъ, ибо изъ нотаріальныхъ данныхъ видно, что въ десятилѣтіе 1879—88, средняя стоимость десятины опредѣлялась въ 113,5 руб., тогда какъ та же стоимость десятины въ предшествовавшее десятилѣтіе 1869—78 г. не превышала 39, руб. за десятину.

зинъ, но, между ними, грузинъ безпеченъ и расточителенъ, а духъ бережливости, подобно теплотѣ, оживотворяющей организмъ, проникаетъ весь строй армянской жизни; пугливое же ихъ отношеніе къ татарамъ дѣлаетъ армянъ замкнутыми и малоподвижными. Вообще говоря, сельское армянское населеніе живетъ зажиточно и нравственно (въ ихъ средѣ мало возникаетъ уголовныхъ преступленій), но лишено духа предпріимчивости и относится косно недовѣрчиво ко всякаго рода улучшеніямъ въ хозяйствѣ. Городское армянское населеніе по преимуществу торговое. Армянская торговля основана не на предпріимчивости и конкурренціи, какъ вообще торговля міровая, но исключительно на корпоративныхъ стачкахъ, на скупществѣ и ростовщичествѣ. Скупщики-армяне, образуя правильно организованную корпорацію, тѣмъ удобнѣе эксплоатируютъ наивное и безпечное сельское населеніе, что оно не имѣетъ никакого представленія о мѣрахъ и вѣсахъ, акредитованныхъ въ торговлѣ, а обыкновенно руководствуется своими туземными мѣрами и вѣсами, крайне разнообразными почти въ каждомъ отдѣльномъ селеніи. Сосредоточеніе въ рукахъ армянъ денежныхъ средствъ страны дѣлаетъ ихъ хозяевами мѣстной торговли; но ихъ эксплоататорскія наклонности встрѣчаютъ, однако, довольно удачное соперничество въ предпріимчивыхъ имеретинахъ и рѣзкій отпоръ въ грабежахъ и насиліяхъ татаръ, нерѣдко третирующихъ армянъ съ надменностію побѣдителей надъ побѣжденными. Армяне вообще способны къ многостороннему умственному развитію, обнаруживая въ одно и то же время и тяготѣніе въ практической дѣятельсти и склонность къ идеализму, но, къ сожалѣнію, они проявляютъ недостаточную способность къ развитію этическому. Они тщеславны, задорны и трусливы, плохіе иниціаторы; въ ихъ характерахъ рѣдко встрѣтишь жалость или снисходительность, но они настойчивы и трудолюбивы. Ни одна народность въ Закавказьи не обладаетъ болѣе армянъ способностями къ труду, выдержанностію и пригодностію въ различныхъ сферахъ дѣятельности. Вообще первенствующая ихъ роль въ промышленныхъ и торговыхъ оборотахъ страны, серединное положеніе между безпечными грузинами и лѣнивыми татарами кладетъ особый отпечатокъ кабальности въ экономической жизни населенія страны.

Татары принадлежатъ къ двумъ толкамъ: сунитамъ и шіитамъ. Суниты происхожденія турецкаго, населяютъ Дагестанъ и

предгорія лѣво-куринской низменности; шіиты занимаютъ прикуринскую часть Елисаветпольской и Эриванской губерній. Горцы-суниты ведутъ жизнь осѣдлую; они трудолюбивы, занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Экономическое положеніе большинства изъ нихъ далеко не отрадное. Нужда въ землѣ—вопіющая. Проявляя въ своихъ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ нечеловѣческое терпѣніе, непостижимую покорность судьбѣ, горцы—народъ вспыльчивый, гордый и вообще способный: съ ловкостію и подвижностію въ пріемахъ они соединяютъ энергію и впечатлительность, всегда готовую къ воспріятію понятій и къ приложенію ихъ къ дѣлу. Въ иныхъ совершенно условіяхъ живутъ шіиты, происхожденія персидскаго и монгольскаго. Они ведутъ полукочевую жизнь, занимаясь, главнымъ образомъ, скотоводствомъ. Въ трехъ губерніяхъ: Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и частію въ Тифлисской татарамъ принадлежатъ лучшія земли и угодья на низменности и богатыя пастбища въ горахъ. Сравнительно съ армянами, живущими въ тѣхъ губерніяхъ, татары пользуются бо́льшею обезпеченностью и могли бы, при небольшомъ трудѣ и заботливости, достигнуть завиднаго благосостоянія (чего нѣкоторые изъ нихъ и достигаютъ), но въ дѣйствительности они народъ разоренный, живущій изо дня въ день и порабощенный долговыми обязательствами своимъ богачамъ и армянамъ-скупщикамъ. Сто́итъ взглянуть на ихъ землянки и кочевья, чтобы наглядно убѣдиться въ убожествѣ и обездоленности массы татарскаго населенія. Страсть къ кочевой жизни, отсутствіе среди татаръ имущественной и личной безопасности, склонность къ грабежамъ и воровству, внутренніе раздоры изъ-за кровавой мести, наконецъ фаталистическое пренебреженіе къ жизни и къ условіямъ ея благосостоянія—дѣлаютъ ихъ народомъ малоспособнымъ къ воспріятію культуры и гражданственности.

Затѣмъ, среди туземнаго населенія оазисами встрѣчаются нѣмецкія колоніи, селенія русскихъ сектантовъ, штабъ-квартиры со слободами отставныхъ солдатъ. Нѣмецкія колоніи, обыкновенно пригородныя, достигли культурнаго развитія, но, какъ и вездѣ, сохраняютъ свою обособленность, не воздѣйствуя на окружающую среду. Русскіе поселенцы живутъ хозяйственно, а молокане и духоборы—зажиточно, и на свой образецъ. Главная заслуга колонистовъ и русскихъ поселенцевъ въ томъ, что они развили въ странѣ перевозочныя

средства, въ которыхъ всегда, особенно въ военное время, ощущался недостатокъ. Со времени водворенія русскихъ, города перестали нуждаться въ плотникахъ, кладщикахъ, печникахъ, косцахъ, извощикахъ; европейскія постройки стали являться даже въ деревняхъ, устроились большія мельницы, явились вездѣ крупчатка, гречиха, овесъ и огородные овощи. При бòльшей заботливости въ направленіи этой важной силы въ отношеніи предпріимчивости, русскіе поселенцы принесли бы болѣе ощутительную пользу странѣ.

Набросанный очеркъ продуктивныхъ силъ Закавказья рисуетъ его западную часть, какъ средоточіе мелкаго землевладѣнія, образовавшагося изъ распаденія помѣщичьихъ имѣній и прогрессивнаго роста крестьянскаго землевладѣнія. Какъ помѣщики, такъ и крестьяне, по объему владѣемыхъ ими имѣній, постоянно сближаются къ одному знаменателю. Подворное владѣніе наслѣдственными участками пустило тамъ глубокіе корни. Хозяевами страны являются имеретины—народъ предпріимчивый и трудолюбивый. Сосѣдка Имеретіи и ея сестра—Грузія представляетъ гораздо менѣе задатка для экономическаго преуспѣянія въ будущемъ. Восточное Закавказье переживаетъ періодъ постепеннаго осѣданія. Ирригаціонное хозяйство составляетъ основу его земледѣлія; обширныя его пастбища, въ горахъ и на низменности, содѣйствуютъ развитію скотоводства. Осѣданіе коснулось преимущественно армянскаго населенія. Въ середину этого осѣдлаго населенія клиномъ врѣзывается бродячее татарское со своими обширными стадами, безпечное, буйное, склонное къ грабежамъ и воровству. Угрожая постоянно общественному спокойствію, татары служатъ главнымъ тормазомъ укрѣпленію въ странѣ гражданственности. Затѣмъ горскіе народы, опоясывая полукольцомъ низменность Закавказья, ведутъ полудикую жизнь своихъ предковъ. Постоянная борьба съ природою, отчужденность отъ всякихъ культурныхъ вѣяній, дѣтская привязанность къ родной землѣ настроили воображеніе мистическимъ и суевѣрнымъ фанатизмомъ и внушили гордому характеру горцевъ—свободолюбіе.

Вода въ Закавказьи—кровь страны. Если въ западномъ Закавказьи, по всему побережью Чернаго моря, избытокъ влаги въ почвѣ, порождая злокачественныя лихорадки, препятствуетъ заселенію страны и эксплоатаціи ея богатствъ, то въ восточномъ Закавказьи, обратно, предгорія и низменности бассейновъ рѣкъ Куры и Аракса, съ ихъ притоками, невозможны ни для

осѣдлой жизни, ни для культуры, безъ орошенія земель. Обширныя степи, напримѣръ Муганская и Мильская, пространствомъ на сотни тысячъ десятинъ, способныя къ воздѣлыванію высшихъ интенсивныхъ культуръ, въ настоящее время мертвый капиталъ для страны, ибо въ лѣтнее время степи эти выгораютъ, а въ зимнее — служатъ пастбищами для кочевниковъ. Между тѣмъ, на этихъ обширныхъ площадяхъ и понынѣ сохраняются слѣды ирригаціонныхъ сооруженій, свидѣтельствующіе, что въ давно минувшія времена эти степи были оживлены. Словомъ, мѣры къ устройству страны въ гражданскомъ и аграрномъ отношеніяхъ подвластны главному и самому существенному для страны вопросу—вопросу водному.

При персидскомъ правительствѣ административное дѣленіе провинцій было подчинено оросительнымъ потребностямъ. Каждая рѣка, съ выведенными изъ нея каналами, давала возможность культуры и осѣдлой жизни на омываемой ею территоріи. Такая орошаемая территорія составляла административную единицу и называлась *магаломъ*. Права на воду въ каждомъ магалѣ были опредѣлены письменными документами, называвшимися *тумарами*. Какъ и у всѣхъ народовъ, владѣющихъ такими территоріями, гдѣ орошеніе является основой жизни, управленіе водами сложилось по одному типу: повсюду безусловное повиновеніе должностнымъ лицамъ водной администраціи, выбираемымъ населеніемъ изъ своей среды. Распорядителемъ водъ изъ рѣкъ былъ выборный старшина — *мирабъ*; изъ каналовъ — *джувари*; въ чертѣ селенія — почетные изъ хозяевъ, распредѣлявшіе воду, согласно приговорамъ, ежегодно постановляемымъ обществами. Для разрѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ соучастникамъ въ пользованіи водою магала, собирались выборныя лица изъ разныхъ отдѣловъ магала, образуя вмѣстѣ съ мирабомъ магальный совѣтъ. Распорядителями водъ въ Грузіи былъ царь, а въ мусульманскихъ провинціяхъ — ханы и сардари. Подъ руководствомъ опытной власти орошеніе въ Закавказьи находилось въ полномъ порядкѣ. Могущество мусульманскихъ правителей и царей Грузіи зависѣло, главнымъ образомъ, отъ ихъ матеріальнаго благосостоянія, которое непосредственно связывалось съ результатами земледѣльческаго труда подвластнаго имъ населенія. Хлѣбная подать служила почти единственнымъ источникомъ дохода для казны, правителей ханствъ и княжествъ. Поэтому правители, получая хлѣбную подать съ издольной

части урожая, не могли не сосредоточивать своего вниманія на дѣлахъ орошенія и являлись главными руководителями ирригаціоннаго хозяйства. Они привлекали населеніе къ труду по устройству и содержанію каналовъ, изумлявшихъ иногда своею смѣлостью, называли эти каналы своимъ именемъ, устанавливали порядки пользованія водами, охраняли и поддерживали эти порядки, однимъ словомъ властно руководили всѣмъ воднымъ дѣломъ страны [1]).

Съ паденіемъ ханской власти и хозяйство ирригаціонное начало приходить въ упадокъ. Опытное и цѣлесообразное руководительство ирригаціоннымъ дѣломъ при ханскомъ режимѣ, оставаясь безъ надлежащаго замѣстительства, уступило свое мѣсто праву сильнаго. Пустота власти создала анархію. Мѣстное начальство не только устранило себя отъ ирригаціоннаго дѣла, но и территоріальное дѣленіе по магаламъ замѣнило другимъ, не принимавшимъ во вниманіе оросительныя потребности края. Хотя время отъ времени администраціею и предпринимались работы, при посредствѣ натуральной повинности населенія, къ возстановленію заброшенныхъ старыхъ каналовъ, но эти работы никогда не достигали намѣченныхъ цѣлей, вызывая ропотъ и неудовольствіе жителей, понимавшихъ безплодность выполняемаго ими труда по наряду. Каналы проектировались, строились и возобновлялись по преимуществу чиновниками, не имѣвшими надлежащаго понятія о томъ дѣлѣ, которое на нихъ возлагалось. Въ водномъ дѣлѣ водворилось безначаліе, вызвавшее въ населеніи апатію и пренебреженіе къ ирригаціонному хозяйству. Беки, захватывая оросительную воду, открыто ею торговали; выборный мирабъ, не имѣя надъ собою ни закона, ни контроля,

[1]) Особенно въ Эриванской губерніи было обращено вниманіе на ирригаціонное хозяйство. Въ Эриванскомъ ханствѣ было сооружено 148 каналовъ основныхъ и 324 питательныхъ, изъ первыхъ выведенныхъ, въ Нахичеванскомъ—158 большихъ и 28 малыхъ каналовъ. Всѣ эти сооруженія требовали большихъ отъ населенія усилій для ихъ содержанія въ порядкѣ; съ паденіемъ же ханской власти большинство каналовъ было запущено и пришло въ разрушеніе. Такъ, напримѣръ, разрушилась канава, выведенная послѣднимъ сардаремъ эриванскимъ, Хусеинъ-Ханомъ, который себя обезсмертилъ сооруженіями водопроводовъ изъ Аракса. На этой канавѣ жило 800 поселковъ, впослѣдствіи разбѣжавшихся. Въ горахъ, какъ напримѣръ на Араратѣ, были устроены бассейны для сбора ключевой и дождевой воды, которая потомъ разливалась по полямъ; эти бассейны впослѣдствіи разрушились, и многочисленныя деревни, пользовавшіяся ими, исчезли („Кавказъ". 1847 г. № 5. Газенмейстеръ: „Состояніе водъ въ Закавказьи").

утратилъ то значеніе, которымъ когда-то обладалъ, и началъ служить не огражденію, а нарушенію права. Не только многіе каналы были заброшены и пришли въ полное разрушеніе, но и въ существующихъ техническая сторона пришла въ неустройство. Каждое селеніе стремится къ тому, чтобы имѣть свой собственный каналъ, а это вызываетъ потерю воды фильтраціей и испареніемъ; головы каналовъ не снабжены шлюзами; воды, оставшіяся послѣ орошенія, не имѣютъ правильнаго стока, а потому заливаютъ прилегающія къ орошаемымъ полямъ угодья, заражая воздухъ вредными испареніями; въ мѣстахъ пересѣченія каналовъ не вездѣ устроены мосты и проч. Все это привело ирригаціонное хозяйство къ господству анархіи и къ упадку.

На помощь къ устраненію такого печальнаго явленія пришелъ законъ: „о пользованіи водами для орошенія полей въ Закавказьи“ (3 декабря 1890 г.). Законъ этотъ ставитъ себѣ задачею водворить порядокъ въ водномъ дѣлѣ, упрочить спокойное пользованіе населеніемъ оросительными проточными водами и содѣйствовать бережливому и технически правильному расходованію воды для ирригаціонныхъ цѣлей. Въ видахъ извлеченія изъ оросительной воды возможно большей экономической для страны пользы законъ сохраняетъ за правительствомъ право измѣнять системы существующихъ каналовъ и предоставляетъ правительству исключительное право распоряженія свободною водою, для облегченія къ ней доступа нуждающимся и для обводненія степныхъ пастбищныхъ мѣстъ. Онъ создаетъ органы административнаго управленія водными округами и указываетъ правила для опредѣленія существующихъ правъ пользованія оросительною водою. Признавъ за единицу воднаго хозяйства магалъ или округъ, образуемый изъ водъ рѣки, или другихъ водовмѣстилищъ, служащихъ для питанія одной оросительной системы, законъ ввѣряетъ завѣдываніе дѣлами воднаго округа, примѣнительно къ искони существовавшему на этотъ предметъ обычаю, совѣту выборныхъ отъ всѣхъ соучастниковъ въ пользованіи водою этого округа (магала), окружному старшинѣ (мирабу), надсмотрщикамъ канавъ (джуварамъ) и воднымъ старшинамъ въ селеніяхъ и городахъ. Надзоръ за дѣйствіями органовъ и-должностныхъ лицъ магальнаго управленія ввѣряется вновь созданному институту *инженеръ-гидравликовъ*, во главѣ которыхъ поставленъ, въ качествѣ главнаго хозяина водныхъ дѣлъ, инспекторъ водъ.

Разработкою закона 3 декабря 1890 года министерство государственныхъ имуществъ оказало важную услугу странѣ, тѣмъ болѣе, что не легко было юридически обосновать права въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ съ требованіями пользы государственной. Положеніе 3 декабря 1890 г. составляетъ крупное событіе въ ряду мѣръ, предпринятыхъ для устройства края. Правилами его облегчается доступъ къ водѣ для орошенія и указываются способы бережливаго и технически правильнаго расходованія оросительной воды. Устанавливая учрежденія воднаго управленія, Положеніе не вводитъ въ оросительное дѣло ничего новаго: оно лишь регулируетъ тотъ административный строй, который созданъ самою жизнью. Организуя штатъ техниковъ, оно даетъ возможность правительству, а также и частной предпріимчивости, ввести порядокъ въ нынѣ дѣйствующія ирригаціонныя системы и создать новыя для орошенія обширныхъ площадей, недоступныхъ въ настоящее время культурѣ. Но, къ сожалѣнію, жизнь имѣетъ дѣло не съ одними писанными законами, но и съ фактами, существующими въ природѣ вещей и которые иногда ребромъ стоятъ на пути самаго полезнаго мѣропріятія. Поэтому желательно, чтобы новый законъ былъ введенъ въ дѣйствіе не только формально и, такъ сказать, канцелярски правильно, но, главнымъ образомъ, властно и жизненно, т.-е., согласно съ насущными требованіями страны; иначе онъ можетъ только расшатать существующій порядокъ, который, при всемъ его несовершенствѣ, все-таки представляетъ остатокъ результата практики столѣтій. Едва-ли въ Россіи существуетъ другая мѣстность, которая, подобно Кавказу, включала бы въ себѣ столь разнообразныя потребности въ водномъ дѣлѣ. Нигдѣ не усматривается такъ много земель, какъ въ низменностяхъ Закавказья, и нигдѣ населеніе не страдаетъ такъ отъ недостатка культурной земли, какъ именно тамъ. Чтобы выдти изъ тѣсноты малоземелья, населеніе расширяетъ площадь пахатной земли на счетъ лѣсовъ, растущихъ у подошвы горъ, что, въ свою очередь, наноситъ ущербъ тому же водному дѣлу. Горный характеръ страны въ Закавказьи придаетъ его лѣсамъ особое топографическое значеніе. Лѣсныя полосы, покрывающія главный Кавказскій хребетъ и его отроги, состоятъ изъ крутыхъ скатовъ съ сильнымъ паденіемъ ущелій безъ значительныхъ котловинъ и плоскогорій. Сохраненіе лѣсныхъ покрововъ горныхъ склоновъ вызывается необходимостію избѣжать быстраго смытія въ нихъ накопившагося вѣ-

ками почвеннаго слоя, въ большинствѣ случаевъ не глубокаго. Для культурной же полосы, расположенной у подошвы горъ, присутствіе лѣсовъ на обширныхъ крутогорьяхъ имѣетъ значеніе регулятора атмосферныхъ осадковъ, удерживающихъ воды отъ быстраго и разрушительнаго стеканія; кромѣ того, лѣса поддерживаютъ половодье горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, на пользованіи водою которыхъ для орошенія и основывается земледѣліе восточнаго Закавказья. Съ другой стороны, отсутствіе воды въ степяхъ низовья, обращающее эти степи въ зимнія пастбища, и недостатокъ воды вообще въ населенныхъ мѣстахъ прикуринской низменности препятствуютъ татарскому населенію, водворенному въ этихъ мѣстностяхъ, измѣнить свой кочевой образъ жизни. Такимъ образомъ съ вопросомъ обводненія степей тѣсно связаны: осѣдлое устройство кочевниковъ, отводъ надѣловъ государственнымъ крестьянамъ, терпящимъ малоземелье въ раіонахъ своей осѣдлости, и, наконецъ, сохраненіе лѣсныхъ покрововъ въ предгоріяхъ Кавказскаго хребта. Но и этими задачами вопросъ не исчерпывается. Водвореніе въ Закавказьи русскаго элемента, въ качествѣ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній, немыслимо безъ расширенія площади культурной земли и оздоровленія въ немъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ цѣляхъ этого оздоровленія бассейны рѣкъ Ріона и Кубани требуютъ осушительныхъ работъ, могущихъ улучшить климатъ и увеличить площадь воздѣлываемыхъ земель. Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ оздоровленія страны заключается въ культурѣ риса, вліяющей крайне неблагопріятно на санитарныя условія мѣстностей. Культура риса требуетъ не только влажности почвы, но и постояннаго нахожденія слоя воды надъ поверхностію почвы. Въ странахъ, гдѣ орошеніе въ порядкѣ, рисовыя плантаціи допускаются лишь при обиліи воды и съ тѣмъ условіемъ, чтобы слой воды надъ поверхностію почвы постоянно освѣжался притоками новой воды и не могъ приходить въ состояніе гніенія. Въ Закавказьи же рисъ производится почти повсемѣстно безъ освѣженія воды, вслѣдствіе чего плантаціи его являются источниками злѣйшихъ лихорадокъ.

Недостатокъ воды въ Закавказьи и безусловная ея необходимость для цѣлей орошенія прямо указываютъ, что право распоряженія ею можетъ принадлежать только государству. Обширныя предпріятія по обводненію степей и по оздоровленію страны могутъ быть предметомъ только государственнаго хозяйства. За-

трата капитала, необходимаго для осуществленія столь обширныхъ предпріятій, не должна, повидимому, служить препятствіемъ для удовлетворенія насущной потребности населенія. Англія, занявъ Египетъ, первымъ дѣломъ ассигновала милліонъ фунтовъ спеціально на ирригаціонныя сооруженія по обводненію бассейна Нила и во главѣ этого дѣла поставила опытнаго инженера, товарища министра Остъ-Индіи. Счастливая особенность закона 3 декабря 1890 года заключается въ созданіи, впервые въ Россіи, института *инженеръ-гидравликовъ*. Хотя персоналъ гидравликовъ представляется для такого обширнаго края, какъ Закавказье, пока ограниченнымъ, тѣмъ не менѣе онъ важенъ, какъ правительственный починъ воспособленія ирригаціонному хозяйству техническими указаніями и работами. Если для другихъ отраслей государственнаго хозяйства: горнаго, лѣснаго, межеваго, конозаводства и проч. существуютъ спеціальныя управленія, то нѣтъ сомнѣнія, что между названными видами хозяйство ирригаціонное занимаетъ не послѣднее мѣсто, а потому можно надѣяться, что современемъ и оно получитъ спеціальное представительство въ высшихъ учрежденіяхъ государственнаго управленія. Для подготовки же инженеръ-гидравликовъ въ числѣ, соотвѣтственномъ потребностямъ ирригаціи во всѣхъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, было бы желательно учредить спеціальное учебное заведеніе по типу уже существующихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній для образованія инженеровъ различныхъ наименованій: горныхъ, путейскихъ, военныхъ, межевыхъ и проч. Въ этомъ учебномъ заведеніи молодые люди, преимущественно изъ туземцевъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли бы получать, вмѣстѣ съ агрономическими свѣдѣніями, спеціальное техническое образованіе, приноровленное къ задачамъ и потребностямъ ирригаціоннаго дѣла. Такого типа учебное заведеніе оказало бы несомнѣнно немаловажныя услуги сельскому хозяйству, подготовляя молодыхъ людей къ практической на пользу страны дѣятельности по возстановленію упавшаго ирригаціоннаго благоустройства.

Вообще говоря, вопросъ объ установленіи системы техническаго образованія въ Закавказьи—вопросъ вопіющей необходимости. Страна, способная къ воздѣлыванію высшихъ интенсивныхъ культуръ и въ которой ирригаціонное хозяйство преобладаетъ надъ всѣми системами полеводства, но лишенная въ обращеніи своихъ производительныхъ силъ техниче-

скихъ знаній, походитъ на сильнаго, красиваго и способнаго человѣка, но съ парализованными нервами. Въ Закавказьи лицъ, проводящихъ науку въ сельскохозяйственную жизнь страны, немного, да и большинство такихъ лицъ занимаетъ мѣста на государственной службѣ и не завѣдуетъ непосредственно хозяйствами. Въ сельскомъ населеніи Закавказья, за рѣдкимъ исключеніемъ, не существуетъ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, образованной среды, которая примѣрами раціональнаго хозяйства и пріемами усовершенствованной техники могла бы воздѣйствовать на темную массу крестьянства, въ рукахъ котораго, однако, сосредоточено почти все хозяйство страны. Наконецъ, постоянно возрастающій дворянскій пролетаріатъ, если ему не открыть способы къ производительному труду, сдѣлается въ недалекомъ времени непосильнымъ бременемъ и противуобщественнымъ элементомъ для страны. Общеобразовательныя же школы русско-европейскаго типа не могутъ вмѣстить въ себѣ наростающее поколѣніе дворянскаго пролетаріата, да онѣ и малопригодны для большинства туземнаго населенія, такъ какъ циклъ отвлеченностей и фактовъ, который передается школою закавказскимъ инородцамъ на мало понятномъ имъ русскомъ языкѣ, не можетъ большинствомъ ихъ быть усвоенъ, а одно формальное отношеніе къ школьнымъ требованіямъ порождаетъ безпечный способъ мышленія и создаетъ неудачниковъ. Туземцы болѣе всего нуждаются въ осмысленно-техническомъ развитіи, для того чтобы умѣть сознательно производить руками сложныя манипуляціи спеціальныхъ интенсивныхъ культуръ, наблюдать окружающую ихъ природу и отдавать себѣ отчетъ въ этихъ наблюденіяхъ. Профессіональное обученіе на Кавказѣ должно быть по преимуществу сельскохозяйственное съ присовокупленіемъ элементарныхъ по гидравликѣ свѣдѣній, между тѣмъ въ настоящее время въ закавказскихъ профессіональныхъ школахъ дѣти обучаются главнымъ образомъ ремесламъ: слесарному, токарному, кузнечному, шорному и проч. и въ нѣкоторыхъ школахъ огородничеству и шелководству, причемъ, къ слову сказать, обученіе названнымъ спеціальностямъ ввѣряется мало свѣдущимъ лицамъ. Трудно, однако, понять, гдѣ ученики подобныхъ школъ найдутъ приложеніе ремесленному труду, когда всѣ постройки мѣстнаго населенія складываются изъ камня и когда почти всѣ потребности населенія въ ремеслахъ и въ предметахъ домашняго обихода удовлетворяются съ избыткомъ мѣстными ку-

старями. Между тѣмъ отсутствіе школъ для винодѣлія и особенно для виноградарства, плодоводства, табаководства и проч. лишаетъ такіе богато одаренные уголки нашего отечества, какъ напримѣръ Эриванскую губернію, экономическаго преуспѣянія. Основной тезисъ въ организаціи сельскохозяйственной школы низшаго разряда долженъ, по мнѣнію моему, заключаться въ томъ, что школа въ трехлѣтній курсъ должна дать спеціально техническое обученіе мальчику, прошедшему двухклассное училище съ тѣмъ, чтобы образовать изъ своего воспитанника не земледѣльца-*ремесленника*, а земледѣльца-*мастера*, способнаго собственнымъ трудомъ вести на небольшомъ надѣльномъ участкѣ хозяйство на раціональныхъ началахъ. Возрастъ учениковъ имѣетъ серьезное значеніе, потому что, по антропологическимъ условіямъ края, туземцы быстро достигаютъ ранней возмужалости, и было бы желательно, чтобы въ расцвѣтѣ своихъ физическихъ силъ они находились не въ школѣ, а въ практической дѣятельности на пользу страны. Въ низшихъ школахъ обученіе должно быть разсчитано на то, чтобы дать возможность ученикамъ самостоятельно и раціонально вести небольшое хозяйство, при томъ предположеніи, что владѣлецъ самъ принимаетъ *физическое* участіе въ работахъ. Средняя школа должна имѣть цѣлью образовать лицъ, *руководящихъ* хозяйствами и обучающихъ элементарнымъ пріемамъ усовершенствованной техники. Для такой школы потребуется вполнѣ подготовленный персоналъ преподавателей, и она можетъ основаться послѣ того, какъ низшія школы упрочатся въ странѣ и вполнѣ приспособятся къ разнообразнымъ сельскохозяйственнымъ и бытовымъ ея условіямъ. Примѣромъ школы, отвѣчающей этому типу, можетъ служить тифлисская школа садоводства, устроенная кавказскимъ обществомъ сельскаго хозяйства.

Техника земледѣлія несомнѣнно зависитъ главнымъ образомъ отъ орудій, употребляемыхъ для обработки почвы и при другихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ. Но въ Закавказьи сельско-хозяйственныя орудія настолько примитивны, тяжеловѣсны и вообще неудовлетворительны, что они смѣло могутъ быть поставлены за образецъ самой первобытной отсталости. Въ Кутаисской губерніи тяжеловѣсные плуги еще немного отнимаютъ лишней рабочей силы, такъ какъ тамъ земли, не требуя поливки, даютъ хорошій урожай и при самой небрежной обработкѣ; имеретинъ впрягаетъ въ плугъ не болѣе двухъ паръ воловъ и беретъ съ одной и той же земли два посѣва

въ годъ: кукурузой и просомъ. Въ Грузіи же отдѣльные крестьяне не имѣютъ средствъ вспахать свое поле плугомъ, требующимъ до 10 паръ воловъ, да и самаго плуга часто не имѣютъ, или же имѣютъ лишь отдѣльныя его части; поэтому для обработки поля они соединяются между собою вродѣ артели и общими силами пашутъ по очереди поля всѣхъ ея участниковъ. Такое соединеніе людей, орудій и скота совершается на опредѣленное число дней и называется *ало*. Въ 21 день работы каждому участнику артели вспахивается десятина; если же онъ имѣетъ пару воловъ—то полторы десятины. Слѣдовательно, вспашка одной десятины стоитъ каждому участнику 21 день работы личной, или 14 дней совмѣстно съ парою воловъ. Правительство неоднократно принимало мѣры для водворенія среди населенія Закавказья усовершенствованныхъ плуговъ и другихъ орудій; но такъ какъ эти плуги и орудія раздавались землевладѣльцамъ, которые сами хозяйствомъ не занимались, то они и оставались въ бездѣйствіи. Туземца же трудно заставить отрѣшиться отъ устарѣлыхъ взглядовъ и пріемовъ, не вызвавъ въ немъ наглядными примѣрами сознанія пользы и потребности улучшеній. Съ этою цѣлью кавказское общество сельскаго хозяйства приступило, съ 1883 г., къ періодическому ряду публичныхъ, среди массы народа, испытаній плуговъ и другихъ орудій въ различныхъ частяхъ края. Опытъ имѣлъ успѣхъ, и крестьяне нарасхватъ стали закупать плуги Гене, Рансона и друг. Дальнѣйшему же успѣху этого весьма полезнаго для страны дѣла значительно, однако, препятствуетъ дороговизна земледѣльческихъ орудій, вызываемая и таможенной ставкой и желѣзнодорожнымъ тарифомъ.

Рядомъ съ угнетеніемъ техническимъ, вызываемымъ упадкомъ ирригаціоннаго хозяйства и отсутствіемъ раціональныхъ пріемовъ обработки земли, тяжелымъ тормазомъ экономическому развитію края являются крайняя неопредѣленность и запутанность мѣстнаго землевладѣнія. Своеобразность обычныхъ оснований, существующихъ въ различныхъ частяхъ края въ поземельномъ отношеніи, несходство во многихъ отношеніяхъ сословнаго строя кавказскихъ инородцевъ въ такимъ же строемъ въ Россіи, а между тѣмъ примѣненіе къ рѣшенію поземельныхъ дѣлъ началъ русскаго поземельнаго права и сословнаго строя, совмѣстное, на основаніи обычая, владѣніе многихъ лицъ однимъ и тѣмъ же имуществомъ, причемъ части этого имущества, не опредѣленныя фактически въ натурѣ, переходятъ по

наслѣдству и дробятся между разными лицами, и, наконецъ, отсутствіе у землевладѣльцевъ письменныхъ доказательствъ на владѣніе землею, — все это не могло не породить шаткости и запутанности поземельныхъ отношеній. Такое состояніе землевладѣнія въ краѣ вызываетъ застой земледѣльческой промышленности, ибо при неопредѣленности въ натурѣ границъ и пространствъ имѣній и при отсутствіи правъ укрѣпленія на земли, задерживаются и затрудняются примѣненіе раціональнаго хозяйства, развитіе кредита и свободное передвиженіе поземельной собственности путемъ договорныхъ сдѣлокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняется и привлеченіе въ край русскаго землевладѣнія, — отсутствіемъ юридической почвы, на которой водвореніе его могло бы укрѣпиться. Аграрныя мѣропріятія кн. Воронцова, межеваніе и крестьянская реформа, представляя послѣдовательныя, сквозь призму мѣстныхъ условій, отраженія аграрныхъ же порядковъ внутри Россіи, скользили только по поверхности жизни, не находя почвы, гдѣ бы укрѣпиться и пустить побѣги къ развитію производительныхъ силъ страны. Въ настоящее время, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, землевладѣніе въ Закавказьи находится въ хаотическомъ состояніи; и теперь, какъ и тогда, высшія сословія въ краѣ мало занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а земля находится у крестьянъ, и въ настоящее время, какъ и сотню лѣтъ назадъ, отношенія земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ регулируются натуральнымъ хозяйствомъ (изъ полу), свойственнымъ только странамъ, стоящимъ на низкомъ уровнѣ экономическаго развитія. Кн. Воронцовъ старался внести въ сословный строй мѣстнаго землевладѣнія сословные и имущественные порядки, существовавшіе тогда въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; но, въ дѣйствительности, сословій, въ смыслѣ корпоративнаго института, онъ не создалъ; онъ также не организовалъ образованной среды, посредствующей между властію и народомъ, а создалъ на искусственной подкладкѣ привилегіи, которыя внесли въ жизнь страны застой, духъ насильственныхъ захватовъ и хищеній. Намѣренія кн. Воронцова объясняются его желаніемъ укрѣпить въ Закавказьи правительственную власть и упростить способы управленія населеніемъ. Въ то время связь Закавказья съ Россіею была очень не прочна. Закавказье при маломъ развитіи путей сообщенія было обособлено трудно преодолимыми естественными преградами и окружено съ одной стороны горскими народами, съ которыми мы вели ожесточенную войну; съ другой—враждебными

намъ восточными государствами Персіей и Турціей. Населеніе восточнаго Закавказья, въ большинствѣ мусульманское, не имѣло съ нами кровныхъ связей племеннаго и религіознаго единенія и, по своимъ вѣрованіямъ, обычаямъ и привычкамъ, относилось къ намъ если не открыто враждебно, то подозрительно. Частые случаи измѣны, предательства, возстаній наглядно свидѣтельствовали, что искренность туземнаго населенія крайне сомнительна. Единовѣрческая намъ Грузія была разорена. Набѣги лезгинъ съ горъ и разбойничьи шайки на низменности свирѣпствовали стихійно. Средства же управленія у кн. Воронцова были ничтожныя. Военная сила, находившаяся въ его распоряженіи, была вся направлена къ военнымъ дѣйствіямъ съ горцами; неуспѣхъ же экспедиціи въ Дарго поднялъ только престижъ Шамиля. Крутыя и нерѣдко жестокія формы управленія предмѣстниковъ своихъ кн. Воронцовъ замѣнилъ уступчивостію въ отношеніи къ требованіямъ высшихъ сословій. Онъ поддерживалъ съ особенною энергіею крѣпостное право въ христіанскихъ провинціяхъ и предполагалъ предоставить и высшимъ сословіямъ въ мусульманскихъ провинціяхъ: ханамъ, бекамъ, агаларамъ и меликамъ изъ армянъ права россійскаго дворянства и обратить въ крѣпостную зависимость ихъ крестьянъ, живущихъ на земляхъ бекскихъ и агаларскихъ, но въ этомъ встрѣтилъ неодобреніе въ правительствѣ. Представлялось несообразнымъ устанавливать крѣпостное право тамъ, гдѣ его не было и гдѣ оно никогда не могло быть. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ главныхъ основаній предположеній кн. Воронцова получили осуществленіе въ рескриптѣ 1846 года. Этимъ законодательнымъ актомъ пожалованы были лицамъ высшихъ сословій въ Закавказьи всѣ тѣ имѣнія, населенныя и ненаселенныя, коими роды означенныхъ лицъ обладали во время присоединенія края въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнялось бекамъ и агаларамъ въ обязанность надѣлить живущихъ въ ихъ имѣніяхъ крестьянъ землею, по разсчету пяти десятинъ на каждую душу мужскаго пола. Но какъ кн. Воронцовъ не привелъ въ извѣстность: какія именно имѣнія подлежатъ пожалованію, въ какихъ они границахъ и пространствахъ и какимъ именно лицамъ жалуются, то изъ содержанія закона и невозможно было выяснить: *кому именно* жаловалось и *что собственно* жаловалось. Потребовалось поэтому образованіе безчисленныхъ коммисій для приведенія въ извѣстность лицъ жалуемыхъ и имѣній пожалованныхъ. Но и эти коммисіи не могли выполнить своей задачи,

ибо труды такъ называемыхъ бекскихъ коммисій, представляющіе цѣлыя башни протоколовъ о принадлежности лицъ къ высшимъ сословіямъ, не получили до настоящаго времени завершенія. Сословно же поземельная коммисія раздѣлила имѣнія на пять категорій, по степени сомнительности ихъ принадлежности казнѣ или частнымъ лицамъ, и въ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ бекомъ на безспорныя ихъ имѣнія, указывала, что имѣнія жалуются: „*въ неизвѣстномъ пространствѣ*“ или „*что границы ихъ будутъ опредѣлены впослѣдствіи межеваніемъ*“. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего этого явилась необходимость въ межеваніи. Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробное изложеніе хода межеванія въ Закавказьи, скажемъ только, что со времени введенія Положенія о немъ 29-го іюня 1861 года болѣе всего подвинулось межеваніе въ Тифлисской губерніи, гдѣ, къ концу 1889 года, окончательно размежеванныхъ земель считалось 872 т. [1]) десят., затѣмъ безспорно вымежевано около 1 мил. десят. (преимущественно казенной земли) и около 600 т. десят. съ заявленіями на нихъ споровъ; въ Кутаисской губерніи подвергнуто межеванію пространство въ 24% всей площади губерніи; окончательно же размежеванныхъ земель считается не болѣе 18 т. десят.; въ остальныхъ же губерніяхъ Закавказья межеваніе находится въ зачаточномъ состояніи. Такой результатъ межеванія въ тридцатилѣтній періодъ, при щедро обезпеченныхъ личныхъ и техническихъ средствахъ, нельзя, безъ сомнѣнія, назвать успѣшнымъ. Этотъ неуспѣхъ межеванія объясняется прежде всего самою натурою мѣстнаго землевладѣнія: крайнимъ разнообразіемъ въ топографической ситуаціи мѣстностей, отсутствіемъ цѣлостныхъ имѣній, которыя бы подъ общимъ названіемъ и въ опредѣленныхъ границахъ составляли принадлежность одного владѣльца, дробною чрезполосностію владѣній, отсутствіемъ у землевладѣльцевъ какихъ-либо документовъ на право владѣнія недвижимыми имѣніями,

---

[1]) Въ числѣ этихъ земель дворянству принадлежитъ 58,7%, крестьянамъ 2,4%, казнѣ 32,1, удѣламъ 1,4%, прочимъ сословіямъ 5,4%. Окончательно размежеванныя дворянскія земли, въ количествѣ свыше 511 т. дес., составляютъ 46,5% всего дворянскаго землевладѣнія и 14% поверхности губерніи. Земли эти состоятъ изъ 6.115 участковъ и принадлежатъ 2.627 владѣльцамъ. Слабый процентъ размежеванныхъ крестьянскихъ земель объясняется тѣмъ, что въ первые годы межеванія надѣльныя земли временно обязанныхъ крестьянъ не выдѣлялись, а замежевывались въ число земель, принадлежащихъ помѣщикамъ; впослѣдствіи на это упущеніе было обращено вниманіе.

*

вслѣдствіе чего судебному межеванію при разборѣ межевыхъ дѣлъ нѣтъ инаго выбора, какъ опираться въ своихъ рѣшеніяхъ на законы о давности, которые въ свою очередь почти сдѣлались орудіемъ деморализаціи населенія, обративъ лжесвидѣтельство въ обычное, заурядное явленіе. Но главный тормазъ межеванія поземельные споры. По этому послѣднему предмету въ одномъ отчетѣ министру государственныхъ имуществъ, между прочимъ, сказано: „поземельные споры являются въ Закавказьи повсемѣстнымъ зломъ. Изслѣдованіе экономической жизни крестьянъ выяснило вполнѣ это печальное явленіе. Оказались уѣзды, въ которыхъ не усматривается ни одного селенія, часть надѣла котораго не подвергалась бы оспариванію. Встрѣчаются такія селенія, въ надѣлахъ которыхъ нѣтъ ни одной десятины въ покойномъ, безспорномъ пользованіи крестьянъ. Размѣры оспариваемыхъ земель опредѣляются во всемъ объемѣ лишь при судебномъ межеваніи, когда нерѣдко земли, состоявшія до того въ покойномъ и безспорномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ, объявляются спорными“. Одновременно съ размежеваніемъ Закавказья были предприняты работы по крестьянской реформѣ. Скопированіе для Закавказья Положеній 19-го февраля 1861 года не оправдывалось фактическими обстоятельствами дѣла. Главное различіе между крѣпостнымъ правомъ въ великороссійскихъ и таковымъ правомъ въ закавказскихъ губерніяхъ заключалось въ томъ, что крѣпостной крестьянинъ въ Россіи былъ по преимуществу крѣпокъ своему господину *трудомъ*, — а закавказскій крестьянинъ крѣпокъ *лицомъ*. Великороссійскій крестьянинъ несъ тягловыя повинности и за свою работу былъ вознаграждаемъ землею; закавказскій же крестьянинъ отбывалъ своему господину многочисленныя, своеобразныя и причудливыя повинности феодальнаго характера, но внутренній хозяйственный его бытъ слагался въ связи съ мѣстными условіями жизни самостоятельно, безъ всякаго воздѣйствія помѣщичьей власти. Такое различіе въ коренныхъ началахъ сословно-общественнаго строя требовало различныхъ пріемовъ для крестьянской реформы внутри государства и въ Закавказьи, но на самомъ дѣлѣ крестьянская тамъ реформа была исполнена во всемъ согласно образцу реформы великороссійской. Во внутреннихъ губерніяхъ, съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, послѣдовало разграниченіе земельнаго пользованія между помѣщиками и крестьянами въ такихъ условіяхъ, чтобы сохра-

нить самостоятельность и обособленность помѣщичьихъ хозяйствъ и обезпечить, отводомъ нормированнаго по душамъ надѣла, хозяйственный бытъ крестьянъ, какъ плательщиковъ повинностей казнѣ и помѣщикамъ; затѣмъ выкупъ крестьянами своихъ надѣловъ съ содѣйствіемъ правительства былъ признанъ за окончательную форму рѣшенія крестьянскаго вопроса. Такая постановка дѣла не оправдывается достаточно убѣдительными соображеніями для имѣній закавказскихъ. Во-первыхъ, въ Закавказьи, въ разграниченіи землепользованія между землевладѣльцами и крестьянами не предстояло необходимости, ибо помѣщичьихъ хозяйствъ въ большинствѣ имѣній не существовало и понынѣ не существуетъ; во-вторыхъ, нормированіе надѣловъ, возможное тамъ, гдѣ хозяйство ведется сплошными запашками и гдѣ существуетъ коллективное владѣніе въ образѣ общины, непримѣнимо въ Закавказьи, гдѣ осѣдлость еще формируется и гдѣ поэтому размѣры подымныхъ участковъ зависятъ отъ рабочей силы семьи и доходности земель; одна десятина виноградника можетъ дать безбѣдное обезпеченіе трудолюбивому крестьянину и, въ смежности съ этимъ виноградникомъ, сто десятинъ неполивной полевой земли поставятъ крестьянина въ хозяйственное затрудненіе, и, наконецъ, въ третьихъ, сплошной выкупъ крестьянскихъ надѣловъ—мѣра не только безполезная, но и положительно вредная въ политическомъ отношеніи. Въ восточномъ Закавказьи мусульманское населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ, и потому тамъ выкупная операція, по образцу всероссійскому, неминуемо поведетъ къ поголовному обезземеленію и порабощенію мусульманъ въ пользу армянъ. Равнымъ образомъ и грузины-крестьяне, по совершенному отсутствію пониманія значенія кредитныхъ оборотовъ и по слабому обращенію денежныхъ знаковъ въ грузинскихъ селеніяхъ, не въ состояніи будутъ удержать въ своихъ рукахъ выкупленные надѣлы, которые и перейдутъ или къ армянамъ, или къ имеретинамъ. Но еще важнѣе,—выкупная операція въ помѣщичьихъ имѣніяхъ естественно поведетъ къ распространенію этой мѣры на государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ. Очевидно, что въ странѣ, гдѣ необходимо особое напряженіе государственной власти для приведенія края въ хозяйственное устройство, для выполненія обширныхъ мѣропріятій по обводненію степей, по колонизаціи пустырей, по улучшенію общихъ экономическихъ условій, гдѣ почти отсутствуетъ рус-

ское населеніе, отказываться государству добровольно отъ опеки и попечительства надъ 64°/₀ крестьянскаго населенія—было бы явною несообразностію. Въ западномъ Закавказьи, т. е. въ Кутаисской губерніи, гдѣ твердо укрѣпился подворный порядокъ землевладѣнія мелкими наслѣдственными участками, и выкупная операція создалась самородно, по инціативѣ крестьянъ, притомъ безъ всякаго въ томъ содѣйствія правительственнаго или частнаго кредита. Тамъ это явленіе создалось не вслѣдствіе примѣненія крестьянской реформы, а готовилось уже издавна; при составленіи уставныхъ грамотъ, крестьяне предъявили массу домашнихъ документовъ, по которымъ они ходатайствовали объ укрѣпленіи за ними земель, пріобрѣтенныхъ ими отъ своихъ помѣщиковъ, во время крѣпостнаго права, и хотя былъ опредѣленъ извѣстный срокъ для предъявленія подобнаго рода документовъ, тѣмъ не менѣе ихъ оказалось такъ много, что и по настоящее время разборъ правъ по этимъ документамъ, въ порядкѣ совѣстнаго суда, далеко еще не окончился. Независимо того, что исходная точка разрѣшенія крестьянскаго вопроса была избрана для Закавказья неудачно, подробности примѣненія этой реформы отмѣчаются нѣкоторыми своеобразными особенностями. Такъ, между прочимъ, крестьяне въ Закавказьи за пользованіе надѣльною землею обложены не денежнымъ оброкомъ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, а *издольною*, изъ части урожая всѣхъ земныхъ произведеній, повинностію. Мѣра эта, объясняемая обычаями страны, ставитъ крестьянина въ невыгодныя отношенія и къ землевладѣльцу, и къ тому земельному участку, который онъ воздѣлываетъ: землевладѣлецъ, не имѣя никакихъ способовъ слѣдить за своевременнымъ и правильнымъ взиманіемъ поземельнаго налога и желая получить наибольшую выгоду отъ своей собственности, обязываетъ крестьянина засѣвать сколь возможно большую часть участка, не обращая вниманія на его рабочія силы и на производительность земли, отчего плодородіе этой земли истощается и она теряетъ, въ прямую невыгоду для помѣщика, свою цѣнность; крестьянинъ же не только не заинтересованъ въ томъ, чтобы трудолюбіемъ улучшить свой участокъ, но, обратно, чѣмъ болѣе воздѣлываемый имъ участокъ становится отъ его труда лучше и, слѣдовательно, дороже, тѣмъ менѣе онъ дѣлается для него доступнымъ для пріобрѣтенія, а потому его прямой разсчетъ поддерживать производительность земли настолько, чтобы прокормить свое се-

мейство; при наслѣдственной же формѣ владѣнія онъ обезпеченъ отъ потери своего участка. Центръ тяжести поземельнаго устройства страны, а слѣдовательно и крестьянской реформы, коренится не столько въ поземельной собственности, которая, какъ и вездѣ на востокѣ, стремится къ раздробленію и, съ теченіемъ времени, можетъ дойти до самой мелкой дробности, также и не въ уставныхъ грамотахъ, которыя сочинялись, провѣрялись и вводились въ дѣйствіе мировыми отъ правительства посредниками, т. е. чиновниками, исключительно въ пользу архивнаго баласта, сколько *въ сервитутныхъ* правахъ населенія на воду, оросительныя канавы, пастбища, лѣса и проч., каковыя права вытекаютъ изъ древняго обычая, изъ той эпохи, когда поземельная собственность составляла принадлежность общаго земскаго права. Но крестьянская реформа эти самые существенные для жизни населенія вопросы совершеннно игнорировала. Въ восточномъ Закавказьи, гдѣ существуетъ только ирригаціонное хозяйство, *поземельное* устройство крестьянъ тогда только можетъ получить значеніе и смыслъ, когда оно будетъ связано съ устройствомъ *воднымъ*, которое, во всякомъ случаѣ, должно предшествовать окончательному отводу крестьянамъ надѣловъ. Въ горныхъ мѣстностяхъ лѣса составляютъ, по холодному тамъ климату, самую существенную и необходимую потребность жизни населенія. Наконецъ, пастбищами обезпечивается скотоводство — главный источникъ жизни кочеваго или полукочеваго населенія, т. е. около 40% общей части сельскихъ жителей Закавказья.

Чтобы вывести землевладѣніе въ Закавказьи на путь порядка и спокойствія, казалось бы, слѣдовало обратиться къ содѣйствію ипотечной системы. Установленіе ипотечныхъ книгъ, приноровленныхъ къ понятіямъ, обычаямъ и условіямъ страны, не составитъ для населенія нѣчто особенное, потому что въ самой Турціи, гдѣ не существуетъ поземельной собственности, формы и движеніе поземельнаго владѣнія искони регулируются правилами, весьма близко подходящими къ ученію объ ипотекѣ. Тамъ существуетъ книга *Джаба*, въ которую вписываются всѣ земельныя владѣнія и отмѣчаются всѣ перемѣны, происходящія въ наслѣдованіи, арендованіи и всякаго рода переуступкахъ земельныхъ правъ. Книга ведется правительствомъ, и выписки изъ нея, называемыя *баратами*, имѣютъ значеніе юридическихъ документовъ. И въ Закавказьи, въ законѣ 3-го декабря 1890 года о правѣ на воду, сдѣланъ починъ въ примѣненіи къ

укрѣпленію правъ населенія на проточныя воды для орошенія земель правилъ ипотечнаго ученія. Водными актами укрѣпленія права на воду служатъ, по закону 3 декабря 1890 года, выписи изъ книги вѣдомостей признанныхъ по водному округу правъ пользованія водою, каковая книга составляется при наличности главныхъ ипотечныхъ основаній: публичности, спеціальности и старшинства.

Регулированіемъ сервитутовъ, въ смыслѣ разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ существующихъ по этому предмету обычаевъ, сообразованныхъ съ требованіями и условіями экономическаго развитія страны въ будущемъ, можетъ быть достигнута и цѣль обезпеченія матеріальной жизни населенія и сбереженіе основныхъ богатствъ страны: *водохранилищъ* и *лѣсовъ*, для послѣдующихъ поколѣній.

.II

Скотоводство.

Едва-ли существуетъ въ мірѣ страна столь богатая обширными и обильными пастбищами, какъ Кавказъ, и гдѣ бы скотъ могъ круглый годъ выпасаться на подножномъ корму. Пастбища въ Закавказьи раздѣляются на *лѣтнія* въ горахъ (эйлаги) и на зимнія—въ степяхъ (кишлаги). Горныя пастбища или эйлаги расположены на хребтахъ горъ, выше полосы лѣсной растительности и доступны лишь въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; степныя, залегая по Курѣ и Араксу, лѣтомъ послѣ выгоранія весеннихъ травъ, представляютъ голую, безводную пустыню и покрываются затѣмъ травой съ наступленіемъ зимы. Не считая пастбищъ частнаго владѣнія, занимающихъ несомнѣнно громадныя пространства, но которыя еще не приведены статистикою въ извѣстность, въ одномъ только казенномъ завѣдываніи находится до трехъ милліоновъ лѣтнихъ и свыше двухъ милліоновъ десятинъ зимнихъ пастбищъ. Богатая кавказская флора, прекрасный горный воздухъ, хрустально-чистая вода горныхъ ключей и рѣчекъ даютъ эйлагамъ, въ большинствѣ недоступнымъ ни для постоянной жизни человѣка, ни для земледѣльческой культуры, исключительно пастбищный характеръ; значительная же часть низовыхъ пастбищъ

будетъ, несомнѣнно, обращена, современемъ, въ культурное состояніе, черезъ обводненіе степей и черезъ расчистку кустарниковъ. Затѣмъ нѣкоторая доля лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ поступитъ въ безвозмездное распоряженіе крестьянъ по смежности пастбищъ съ ихъ селеніями. Но и за всѣмъ тѣмъ, огромныя пространства пастбищъ могутъ быть обращены въ заповѣдныя—для будущаго алпійскаго хозяйства страны.

Пастбищами страны обезпечивается жизнь и существованіе мусульманскаго населенія Закавказья, т. е. около сорока процентовъ всѣхъ обитателей страны. Для нѣкоторой части мусульманскаго населенія — кочевыхъ обществъ — скотоводство составляетъ исключительную, для остальныхъ, полукочевыхъ, преимущественную форму хозяйства. Въ быту христіанскихъ народовъ Закавказья скотоводство не имѣетъ, въ большинствѣ, промышленнаго, но весьма важное сельско-хозяйственное значеніе.

Скотоводство въ краѣ задерживается въ своемъ развитіи неустройствомъ пастбищъ, въ межевомъ и техническомъ отношеніяхъ. Въ Закавказьи считается до двухъ милліоновъ головъ крупнаго рогатаго скота, около пяти милліоновъ овецъ и 770 тысячъ лошадей [1]). Во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ Кутаисской, крупный и мелкій скотъ имѣетъ главное значеніе передъ всякими другими родами скота; въ Кутаисской же губерніи овцеводство отходитъ на второе мѣсто и замѣняется свиноводствомъ. Лошади, ослы и верблюды имѣютъ второстепенное значеніе, причемъ послѣдніе разводятся только въ Бакинской и въ Эриванской губерніяхъ. Крупный рогатый скотъ наибольшее значеніе имѣетъ въ Кутаисской губерніи, потомъ въ Елисаветпольской и Эриванской, а затѣмъ уже въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ; мелкій же рогатый скотъ, наоборотъ, наименьшее значеніе имѣетъ въ Кутаисской губерніи, затѣмъ въ Елисаветпольской и Эриванской и, наконецъ, въ Бакинской и Тифлисской губерніяхъ.

Закавказское скотоводство сложилось не столько подъ вліяніемъ экономическихъ условій страны, сколько какъ результатъ ея историческихъ событій. Безпрестанныя войны, имѣвшія мѣсто въ Закавказьи, вынужденная выселеніемъ народовъ

---

[1]) Въ дѣйствительности эти цифры должны быть несравненно большія, такъ какъ населеніе обыкновенно скрываетъ свой скотъ отъ учета.

колонизаціонная дѣятельность мелкихъ и крупныхъ правителей—мѣняли естественное теченіе хозяйственной жизни страны, перепутывая условія развитія скотоводства. Первоначальнымъ факторомъ въ распредѣленіи пастбищъ между населеніемъ служило право *завоевательное*, впослѣдствіи, съ прекращеніемъ войны, но не съ прекращеніемъ воинственныхъ нравовъ, это завоевательное право перешло въ право *захватное*, а съ введеніемъ реформъ право захватное преобразилось въ право *давностное*. Несомнѣнно, что при такомъ режимѣ распредѣленіе въ населеніи пастбищъ не соотвѣтствуетъ ни потребностямъ этого населенія, ни нуждамъ скотоводства. Нѣкоторыя селенія не имѣютъ вовсе въ своемъ распоряженіи пастбищъ, тогда какъ другія ими пользуются столь щедро, что переуступаютъ ихъ въ содержаніе постороннихъ лицъ или же принимаютъ на выпасъ чужой скотъ. Часто селенія, имѣющія усадебную осѣдлость вблизи казенныхъ пастбищъ, послѣдними не пользуются, а вынуждены прогонять свои стада въ дальнія мѣста, иногда въ другія губерніи. Нѣкоторыя общества, надѣленныя землею и занимающіяся преимущественно земледѣліемъ, располагаютъ обширными пастбищами, тогда какъ другія, малоземельныя, вовсе не имѣютъ въ своемъ распоряженіи казенныхъ пастбищъ и вынуждены нанимать таковыя у частныхъ владѣльцевъ, потому что главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія является скотоводство.

Подобное распредѣленіе пастбищъ вызываетъ перегонъ скота по всѣмъ направленіямъ обширной территоріи Закавказья, иногда перекрестно. Вмѣстѣ со скотомъ перекочевываютъ и сельскія общества, въ полномъ своемъ составѣ, со всѣми членами каждой крестьянской семьи, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Ежегодно два раза, весной и осенью, совершается передвиженіе кочевниковъ со стадами по всѣмъ направленіямъ Закавказья. Опредѣленныхъ скотопрогонныхъ дорогъ не существуетъ, и пути движенія кочевниковъ постоянно мѣняются. На эйлаги татары подымаются обыкновенно этапами, дѣлая болѣе или менѣе продолжительные привалы вблизи селеній осѣдлыхъ жителей. На этихъ привалахъ скотъ вытравляетъ поля, а ихъ хозяева грабятъ жителей. При спускѣ съ эйлаговъ повторяется та же исторія, съ тою разницею, что кочевники безъ всякаго снисхожденія воруютъ снопы и скирды собраннаго жителями посѣва. Крестьяне осѣдлыхъ селеній поэтому замедляютъ сборъ урожая до спуска съ эйлаговъ кочевниковъ, отчего часто погиба-

ютъ посѣвы, или хлѣбъ остается на зиму не вымолоченнымъ въ скирдахъ на полѣ. Во время кочевья на эйлагахъ, прикуринская низменность оголяется и даетъ широкій просторъ разбойничьимъ шайкамъ для ихъ стихійныхъ подвиговъ. Со спускомъ на низменность, жители предгорныхъ селеній другъ друга поздравляютъ съ окончаніемъ кочевки, какъ со свѣтлымъ праздникомъ, а виновники этого торжества разсыпаются на низменности таборомъ по разнымъ логовищамъ и землянкамъ и держатъ свой скотъ вблизи ручьевъ для водопоевъ и въ лѣсахъ, или около нихъ, чтобы имѣть возможность въ безкормицу спасти скотъ отъ голодовки на счетъ лѣсныхъ сучьевъ и молодыхъ зарослей. Такимъ образомъ, бродячая жизнь мусульманъ, отвлекая ихъ отъ земледѣльческаго труда, задерживаетъ въ краѣ гражданственность и служитъ поводомъ къ потравамъ, разбоямъ и грабежамъ. Не мало страдаетъ при такихъ условіяхъ и скотоводство страны: стада вынуждены дѣлать ежегодно далекіе перегоны, оставаясь иногда продолжительное время безъ корма, въ ожиданіи отысканія хозяевами пастбищныхъ участковъ. Неизбѣжными послѣдствіями является чума и другія повальныя болѣзни, локализировать которыя невозможно. Перекочевками объясняется быстрота распространенія въ Закавказьи болѣзней, лишающихъ по временамъ скотохозяевъ половины наличнаго количества животныхъ [1]).

Не менѣе способа распредѣленія пастбищъ своеобразенъ и способъ взиманія платы за право пастьбы на нихъ. Въ прежнее время доходъ съ пастбищныхъ угодій поступалъ, какъ и при ханскомъ режимѣ, натурой: условнымъ количествомъ выпасаемаго скота и молочныхъ продуктовъ; назывался онъ *сабалахо*, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ *за траву*. Неудобство этого способа извлеченія доходовъ побудило правительство, въ 50-хъ годахъ, къ отдачѣ пастбищъ въ откупное содержаніе частнымъ лицамъ. Монополія, созданная этимъ путемъ, вызвала ропотъ и жалобы населенія на притѣсненія откупщиковъ. Распоряженіемъ Намѣстника въ 1862 году откупная система была отмѣнена, а взамѣнъ ея установлена плата съ головы скота: по 10 копѣекъ съ крупнаго и по одной копѣйкѣ съ мелкаго. Сборъ этотъ также назывался *сабалахо* и былъ подчиненъ

[1]) Въ Борчалинскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, Тифлисской губерніи, изъ 209 тысячъ овецъ пало 89 тысячъ, да сверхъ того, 84 тысячи ягнятъ, что составляетъ потерю въ 300 тысячъ руб., тогда какъ всѣ овцы въ уѣздѣ оцѣниваются въ 600 тыс. руб.

такому порядку: населеніе, передъ выходомъ на кочевку, обязано было брать у мѣстнаго начальства билеты на право пастьбы и вносить сборъ по числу головъ скота. Въ лѣтніе мѣсяцы полицейскіе чиновники производили провѣрку скота на мѣстахъ его пастьбы; за излишекъ противъ билета числа скота взимался штрафъ въ двойномъ размѣрѣ сбора. Очевидно, что подобная система учета скота ничего другаго, кромѣ злоупотребленій, вызвать не могла. Какимъ образомъ чиновникъ могъ провѣрить численность скота на громадныхъ протяженіяхъ пастбищъ и въ трудно доступныхъ мѣстахъ, и кто могъ контролировать его дѣйствія? Понятно, что сабалашный сборъ практикою жизни обратился не въ пользу казны, а въ пользу мѣстной администраціи. Затѣмъ возникла мысль примѣненія къ пастбищнымъ участкамъ устава о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ. Но и эта мѣра вызвала тягостныя послѣдствія для населенія: участки стали переходить изъ пользованія крестьянскихъ обществъ въ содержаніе частныхъ лицъ. Сельскія общества не могли отказаться отъ тѣхъ пастбищъ, которыми пользовались съ незапамятныхъ временъ, а потому вынуждены были подчиняться всякимъ требованіямъ арендаторовъ. Въ настоящее время, съ предоставленіемъ, по Положенію комитета министровъ 29 іюня 1884 года, министру государственныхъ имуществъ принять, по соглашенію съ главноначальствующимъ на Кавказѣ, мѣры къ устройству пастбищъ, устанавливается система отвода пастбищныхъ участковъ въ постоянное пользованіе сельскихъ обществъ, въ нихъ нуждающихся, и за неизмѣнную плату, сообразованную съ пространствомъ и достоинствомъ участковъ и съ платежными средствами населенія. Система эта наиболѣе соотвѣтствуетъ пользѣ казны и потребностямъ населенія. Казна легко могла увеличить доходъ съ пастбищъ и освободиться отъ фиктивнаго и тягостнаго для населенія учета головъ скота; населеніе же получило обезпеченіе своему промыслу. Въ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство составляетъ исключительное занятіе населенія, или гдѣ оно преобладаетъ надъ хлѣбопашествомъ, пастбищныя угодья имѣютъ то же значеніе, какъ и полевые надѣлы осѣдлыхъ крестьянъ. Слѣдовательно, покойное и обезпеченное пользованіе пастбищами упрочиваетъ благосостояніе скотопромышленнаго населенія. Но мѣра эта, къ сожалѣнію, относится исключительно только къ казеннымъ пастбищамъ, между тѣмъ въ Закавказьи существуютъ огромныя пространства пастбищъ, принадлежащихъ

частнымъ лицамъ. Тамъ сохраняются всѣ виды взиманія сабалаха: натурою, учетомъ головъ скота и деньгами, но преобладающею формою является отдача этихъ пастбищъ въ аренду. При отсутствіи же законоположенія, нормирующаго свободу арендныхъ отношеній, положеніе скотоводства, основаннаго на пользованіи пастбищами частныхъ лицъ, становится неустойчивымъ. Скотоводъ-арендаторъ не можетъ отказаться отъ аренды пастбища, если признаетъ условія этой аренды для себя тягостными, потому что въ такомъ промыслѣ нѣтъ выбора между свободными участками, а съ лишеніемъ пастбища, онъ лишается и своего скота, т. е. всего своего капитала. Землевладѣлецъ же, зная такую зависимость арендатора и располагая свободой выбора для аренды пастбища того или другаго скотовода, имѣетъ возможность увеличивать арендную плату до крайняго предѣла При такомъ неравновѣсіи взаимныхъ интересовъ собственника и съемщика пастбищъ, скотоводство на владѣльческихъ земляхъ дѣлается шаткимъ промысломъ.

Устройство казенныхъ пастбищъ по Положенію 29-го іюня 1884 г. сводится къ слѣдующей программѣ: а) привести въ извѣстность, путемъ межеванія, пространства пастбищныхъ участковъ и оцѣнить ихъ доходность; б) разграничить пастбища на заповѣдныя, не подлежащія ни отчужденію въ собственность частныхъ лицъ или обществъ, ни отводу въ надѣлъ крестьянамъ, и выдѣлить изъ зимнихъ пастбищъ тѣ участки, которые должны быть предназначены для орошенія и культуры, и в) распредѣлить пастбищные участки между сельскими обществами сообразно потребностямъ населенія и удобствамъ пользованія сими пастбищами за опредѣленную постоянную арендную плату, сообразованную по возможности съ качествами и пространствомъ отдѣльныхъ участковъ.

Въ исполненіе этой программы, въ настоящее время, производится межевыми чинами министерства государственныхъ имуществъ отводъ пастбищныхъ участковъ тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя или исключительно или преимущественно предъ хлѣбопашествомъ занимаются скотоводствомъ, приноравливаясь при этомъ къ обычаямъ населенія и къ мѣстонахожденію пастбищъ въ отношеніи осѣдлости крестьянъ; агрономы же, завѣдуя въ качествѣ производителей работъ межевыми партіями, разрѣшаютъ споры при отводахъ и собираютъ данныя для оцѣнки пастбищъ. Руководствомъ для этой послѣдней цѣли служатъ: качество почвъ и произростающихъ на нихъ

травъ, степень обезпеченія водою, продолжительность выпаса, близость рынковъ сбыта продуктовъ скотоводства и проч. Такимъ образомъ, одновременно съ устройствомъ пастбищъ, собираются и научныя данныя, имѣющія громадный интересъ для уясненія средствъ и началъ будущаго алпійскаго хозяйства въ Закавказьи [1]). Въ этомъ отношеніи имѣется уже испытанный опытъ въ Швейцаріи и, по мѣрѣ упорядоченія пастбищнаго хозяйства, улучшенія техническихъ условій скотоводства и развитія гражданственности въ жизни мусульманскаго населенія, останется заимствовать изъ Швейцаріи и прививать къ населенію въ связи съ его обычами и мѣстными условіями тѣ обязательныя постановленія аграрнаго кодекса въ Швейцаріи, которыя такъ высоко подняли доходность пастбищъ и продуктовъ скотоводства въ этой странѣ.

Затѣмъ, въ видахъ ускоренія устройства пастбищъ упрощенъ и способъ межеванія казенныхъ земель въ Закавказьи. Основнымъ принципомъ межеваго положенія въ Закавказьи земли межуются отъ имени владѣльца, и законъ не требуетъ межевыхъ дѣйствій въ чертѣ частнаго владѣнія. Но въ отношеніи казенныхъ земель, тотъ же законъ требовалъ вымежевывать надѣлы смежныхъ селеній, оброчныя статьи, лѣса, кочевья и пастбищныя мѣста. Такое внутреннее межеваніе казенныхъ земель замедляло, безъ сомнѣнія, ходъ межеванія вообще и представлялось при этомъ не только излишнимъ, но и положительно вреднымъ: оно устанавливало юридическія границы для временнаго и случайнаго распредѣленія земель между государственными крестьянами, а также для казенныхъ оброчныхъ статей, лѣсовъ, пастбищъ и проч., зависящихъ отъ условій времени и хозяйственныхъ соображеній. Въ этихъ соображеніяхъ и послѣдовало распоряженіе о томъ, „что всѣ смежнолежащія казенныя земли и угодья, въ томъ числѣ и оброчныя статьи, лѣса, кочевья и пастбища, должны быть межуемы въ одну дачу“ (2 іюня 1887 г.). Мѣра эта, вмѣстѣ съ усиленіемъ техническихъ средствъ, быстро двинула въ краѣ межеваніе казенныхъ

---

[1]) Въ настоящее время изданы труды агрономовъ по изслѣдованію казенныхъ пастбищъ въ Закавказьи въ двухъ томахъ: „Матеріалы для устройства казенныхъ пастбищъ и для изученія скотоводства на Кавказѣ“. 1887 и 1889 г. Въ этихъ томахъ находятся весьма обстоятельныя статьи по скотоводству въ Закавказьи Х. А. Вермишева, А. А. Калантара и Н. К. Васильева, изъ которыхъ мы заимствовали нѣкоторые факты.

земель. На изслѣдованіе и приведеніе въ извѣстность паст бищъ, какъ лѣтнихъ, такъ и зимнихъ, казна расходуетъ въ среднемъ выводѣ на каждую десятину (удобную и неудобную) по 20 копѣекъ; а доходъ въ отмежеванныхъ пастбищахъ, безъ увеличенія подесятинной оброчной платы, поднялся на 32,5 проц.

Но корень зла, угнетающаго пастбищное хозяйство, заключается въ бытовыхъ условіяхъ жизни мусульманскаго населенія. Вся обрядовая сторона жизни и всѣ гражданскія отношенія мусульманъ находятся подъ опекою ученій религіозныхъ. Вслѣдствіе этого, въ складѣ жизни мусульманъ господствуетъ индивидуальность, при полномъ отсутствіи общественности. Весь строй этой жизни проникнутъ крайнею несправедливостію. При отсутствіи общественности и при господствѣ, вслѣдствіе этого, родовыхъ началъ, среди мусульманскаго населенія установилась самая безпорядочная система землепользованія; пахатныя и пастбищныя угодья большинства мусульманъ разобраны домохозяевами путемъ крайне неравномѣрныхъ отцовскихъ захватовъ. Въ пользованіи землей и водой господствуетъ исключительно кулачное право: слабому невозможно найти нигдѣ защиты передъ сильнымъ. Къ довершенію общественной несправедливости, раскладка у мусульманъ государственныхъ, земскихъ и общественныхъ податей производится, большею частію, по такъ называемому состоянію хозяевъ (ахвалъ). Она опредѣляется не платежными и рабочими силами домохозяевъ, въ конкретныхъ величинахъ ихъ движимости и владѣнія, а произволомъ ампа (почетныхъ), т. е. въ дѣйствительности самыхъ отъявленныхъ представителей кулачнаго права. Натуральная повинность всею своею тяжестію ложится на массу обездоленной татарвы. Чувствуя себя окруженными неправдою и спасаясь отъ голодной смерти, татары вынуждены разселяться по разнымъ свободнымъ пустырямъ, гдѣ существуетъ какая-либо возможность держать скотъ и кормиться отъ него. Татаринъ заботится лишь о томъ, чтобы для скота былъ водопой и близость лѣса, гдѣ въ непогоду скотъ могъ бы укрыться, въ остальномъ онъ предоставляетъ все случаю, пользуясь даровыми дарами природы. Содержаніе скота почти ничего не стоитъ татарину; никакихъ запасовъ для его прокормленія онъ не дѣлаетъ и о его помѣщеніи не заботится; но этотъ же скотъ его кормитъ и одѣваетъ и позволяетъ ему вести лѣнивую и безпечную жизнь. Но наступаетъ непогода, ложится на землю глубокій снѣгъ, который иногда по нѣскольку недѣль не сходитъ,

и татаринъ мечется во всѣ стороны, чтобы спасти свой скотъ отъ голодовки: онъ загоняетъ его въ лѣсъ, ломаетъ сучья, собираетъ валежникъ, воруетъ сѣно или саманъ, однимъ словомъ, старается, такъ или иначе, извернуться изъ бѣды. Тѣмъ не менѣе, отъ безкормицы скотъ болѣетъ и падаетъ. Нужда застигаетъ татарина врасплохъ, и онъ воруетъ чужой скотъ, идетъ на всякаго рода воровскіе промыслы и преступленія, оправдывая себя гнетомъ общественной несправедливости. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, скотъ, изнуренный безкормицей, тащится на эйлагъ и съ жадностію бросается на жирную траву, что̀ также вызываетъ болѣзни и падежи. Въ это время хозяева этого скота ведутъ на эйлагахъ ожесточенные споры о границахъ пастбищъ, о водопояхъ, о числѣ головъ скота въ соотвѣтствіи съ пространствомъ и достоинствомъ пастбища. Но такъ какъ на эти эйлаги никакой судъ и никакая полиція проникнуть не могутъ, то обыкновенно распри между совладѣльцами эйлаговъ оканчиваются столкновеніями съ кровавыми развязками убійствъ и пораненій. Осенью этотъ скотъ опять спускается на зимовку на низменность, и татары разселяются таборами по разнымъ трущобамъ и логовищамъ. Здѣсь, за отсутствіемъ общественныхъ пастуховъ, каждый домохозяинъ обязанъ беречь и надзирать свой скотъ, а потому, естественно, скотокрадство сдѣлалось не только обычнымъ, но и самымъ зауряднымъ явленіемъ. Потерпѣвшій отъ этого преступленія обыкновенно не ищетъ возмездія съ виновнаго въ уголовномъ порядкѣ, а руководствуется, прежде всего, экономическимъ разсчетомъ и старается войдти съ скотокрадомъ въ полюбовную сдѣлку, чтобы возвратить себѣ краденое на болѣе выгодныхъ или удобныхъ для себя условіяхъ. Предоставленный въ своемъ одиночествѣ личной самооборонѣ, татаринъ-кочевникъ вынуждается, изъ чувства самосохраненія, оказывать не только пристанище, но и почетъ каждому разбойнику или преступнику, скрывающемуся отъ преслѣдованій. Такъ, подъ вліяніемъ деспотизма родоваго начала и простаго экономическаго разсчета содержать скотъ, какъ источникъ существованія, на счетъ безмездныхъ даровъ природы, слагается убогая жизнь татарина-кочевника, у котораго нѣтъ ни семьи, ни общественныхъ интересовъ, ни гражданскаго развитія. Забитый, запуганный, онъ подобострастно гнется передъ властными и сильными, тая въ себѣ подозрительную злобу и ненависть. Онъ видитъ, напримѣръ, что у сосѣда нива дала хорошій урожай, и, зная, что онъ былъ обдѣленъ

въ пользу того же сосѣда оросительной водой, онъ, изъ чувства мести, зажигаетъ его скирду съ хлѣбомъ. Въ другомъ случаѣ, старшина, съ нагайкой и угрозами, пристаетъ къ нему за податью, когда у него нѣтъ денегъ; а, между тѣмъ, онъ знаетъ, что богатые и почетные домохозяева совсѣмъ исключены изъ податной раскладки, и онъ, чтобы внести требуемую отъ него подать, воруетъ быка или буйвола у богатаго односельчанина. Онъ не уважаетъ чужой собственности, ибо самъ живетъ изо дня въ день. Онъ также не дорожитъ чужою жизнію, ибо и свою жизнь въ грошъ не ставитъ. Убійства совершаются такъ же часто, какъ и безхитростно. Уголовныя преступленія сдѣлались явленіемъ настолько заурядными, обыденнымъ, что они не смущаютъ совѣсти, не дѣйствуютъ на воображеніе. Та особенная наивность, съ которою совершаются убійства и другія преступленія въ мусульманскомъ быту, свидѣтельствуетъ о внутреннемъ протестѣ населенія противъ неправды и несправедливости, угнетающихъ его жизнь.

Періодическія перекочеванія и безкормица представляютъ, такимъ образомъ, отрицательныя явленія въ пастбищномъ хозяйствѣ страны, но ослабить интенсивность этихъ явленій крайне затруднительно, ибо они оправдываются естественными условіями страны и экономическими выгодами населенія. Періодичность перекочевокъ—неизбѣжное послѣдствіе существованія въ краѣ обширныхъ горныхъ пастбищъ, доступныхъ для ихъ эксплоатаціи только въ лѣтніе мѣсяцы, и безводныхъ низовыхъ степей, покрываемыхъ травою только въ зимніе мѣсяцы. Рискъ вести скотоводство безъ запасовъ кормовыхъ травъ несомнѣнно вредитъ успѣху этого скотоводства, порождая эпидемическія болѣзни и заставляя за этотъ рискъ иногда дорого расплачиваться и скоту и ихъ хозяевамъ, но выгода держать скотъ круглый годъ на подножномъ корму, не расходуя почти ничего на его содержаніе, настолько очевидна, что трудно населенію самопроизвольно отрѣшиться отъ привычекъ и обычаевъ экстенсивнаго скотоводства. Поэтому необходимы внѣшнія побудительныя причины, которыя заставили бы кочующее населеніе обратиться къ осѣдлой жизни и придали бы скотоводству болѣе промышленный, нежели промысловый, характеръ. Для этого прежде всего необходимо стѣснить скотоводство на низменности, чрезъ обращеніе безводныхъ низовыхъ пастбищъ, путемъ орошенія и колонизаціи, въ полеводство; на этой низменности скотоводство должно играть роль подчи-

ненную хлѣбопашеству, доставляя послѣднему рабочую силу и навозъ. На эйлагахъ же должно организоваться алпійское хозяйство съ характеромъ скотоводства исключительно промышленнаго. Но прежде чѣмъ эти результаты могутъ быть достигнуты въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, необходимо понудительными мѣрами заставить мусульманское населеніе шіитскаго толка принять благоустроенныя формы общежитія. Никакая культура не можетъ проникнуть въ населеніе, вполнѣ обезпеченное земельнымъ довольствіемъ, но ведущее кочующую жизнь по привычкѣ и традиціи; осѣдлое же населеніе, живущее совмѣстно съ этими татарами, постоянно находится въ страхѣ отъ ихъ нашествій и вынуждено вести свое хозяйство не соотвѣтственно природнымъ его свойствамъ, а, такъ сказать, съ условными пріемами оборонительной защиты; отъ этого жители терпятъ убытокъ, а страна задерживается въ своемъ наступательномъ, сельско-хозяйственномъ развитіи. Мусульмане, явясь въ страну побѣдителями, вытѣснили съ богатой прикуринской низменности ея обитателей къ предгоріямъ, а сами, вмѣсто того чтобы обратиться къ земледѣльческому труду, начали заниматься набѣгами и междуусобицами; причемъ скотоводство составляло едва-ли не единственный источникъ ихъ существованія. Потомки этихъ побѣдителей остались вѣрны традиціямъ своихъ отцовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Магометъ проклялъ плугъ, находя, что онъ всюду приноситъ съ собою „рабство и позоръ". Такимъ образомъ за отсутствіемъ въ строѣ мусульманской жизни стимула, который заставлялъ бы это населеніе идти на встрѣчу болѣе улучшеннымъ началамъ своего быта, необходима внѣшняя понудительная сила, которая должна обуздать порочныя наклонности населенія и привить ему сколько-нибудь благоустроенныя формы общежитія. Дикій человѣкъ требуетъ, какъ и ребенокъ, обузданія въ своихъ дѣйствіяхъ, защиты противъ того вреда, который онъ самъ себѣ дѣлаетъ.

Можетъ ли самоуправленіе 19-го февраля 1861 года, основанное на выборныхъ началахъ и съ обширными правами по хозяйственнымъ, административнымъ и судебнымъ дѣламъ, принадлежать населенію, въ которомъ не существуетъ ни малѣйшаго понятія объ общественной власти? Могутъ ли сельскія общества, разбросанныя по разнымъ трущобамъ и логовищамъ не на десятки, а сотни верстъ, служить органами администраціи, когда самая форма ихъ общежитія имѣетъ болѣе звѣриную, неже-

ли людскую, образность? Такое населеніе требуетъ твердой и властной надъ собой опеки, не только въ своихъ личныхъ выгодахъ, или въ интересахъ благоустройства, но и въ интересахъ охраненія трудолюбиваго, мирнаго населенія, въ его имущественной и личной безопасности. Опека эта должна заставить населеніе сгруппировать свои землянки и сакли въ болѣе благоустроенныя селенія, построить общественныя зданія, имѣть для своихъ стадъ наемныхъ пастуховъ, совершать кочевки по опредѣленнымъ дорогамъ, нормировать численность своихъ стадъ съ достоинствомъ пастбищъ, оставлять въ лѣтніе мѣсяцы на низменности болѣе значительное число людей для земледѣльческихъ работъ; словомъ, опека должна прежде всего воспитать населеніе и подготовить его къ воспріятію хотя бы первобытной культуры населенія осѣдлаго.

Что же касается обработки продуктовъ скотоводства, то, отсылая читателя къ спеціальнымъ по этому предмету статьямъ въ „Матеріалахъ для устройства пастбищъ на Кавказѣ“, достаточно констатировать слѣдующія главныя положенія: а) кавказская шерсть частію составляетъ предметъ вывоза, частію поступаетъ въ обработку кустарныхъ промысловъ, стоящихъ вообще низко въ техническомъ отношеніи и мало приносящихъ выгодъ населенію; по отзывамъ же спеціалистовъ, въ закавказскомъ овцеводствѣ существуютъ типы овецъ, дающіе шерсть высокаго качества; б) кавказскіе молочные продукты весьма разнообразны и многочисленны, но, удовлетворяя вкусамъ и потребностямъ мѣстнаго туземнаго населенія, они стоятъ на низкой рыночной цѣнѣ и не имѣютъ торгово-промышленнаго значенія; в) съ 1863 года въ Закавказьи возникло сыродѣліе по образцу швейцарскому; при щедромъ содѣйствіи правительства и при энергіи предпринимателей оно достигло блестящаго успѣха; изготовляемый въ настоящее время сыръ на заводахъ барона Кученбаха, въ колоніи Александергильфъ, въ Карабулагѣ и Катмарли, ни въ какомъ отношеніи не уступаетъ сыру, изготовляемому въ Швейцаріи и въ средней Германіи; г) хотя предпріятіе піонера въ этомъ дѣлѣ барона Кученбаха настолько окрѣпло, что получило возможность дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ улучшенія техники и увеличенія его размѣровъ [1]), хотя двадцатилѣтній опытъ сыродѣлія доказалъ, что производство швейцар-

---

[1]) Въ настоящее время на заводахъ Борчалинскаго уѣзда изготовляется 2.600 пуд. сыра по швейцарскому способу.

*

скаго сыра даже при сравнительно неблагопріятныхъ условіяхъ торговли и его сбыта, въ невыдержанномъ видѣ, можетъ проносить хорошій доходъ, тѣмъ не менѣе опытъ этотъ не нашелъ себѣ подражателей ни между крестьянами, ни въ средѣ помѣщиковъ, имѣющихъ собственныя горныя пастбища и луга; д) обстоятельство это объясняется тѣмъ, что приготовленіе швейцарскаго сыра требуетъ въ одной стороны большаго знанія, труда и энергіи, съ другой—кореннаго измѣненія въ способахъ веденія молочнаго хозяйства у туземныхъ жителей, и е главный же бичъ сыродѣльныхъ заводовъ—кочевой образъ жизни мѣстнаго населенія. По этому поводу агрономъ Васильевъ говоритъ: „владѣльцы заводовъ не въ состояніи ограждать арендуемыя ими земли отъ потравъ, а свое имущество—отъ грабежей окружающихъ ихъ кочевниковъ. Непрерывныя распри, кончающіяся нерѣдко кровопролитіемъ, и невозможность пользоваться своевременною помощію мѣстной администраціи создаютъ неприглядную обстановку на сыроварняхъ. Если случалось сыроварамъ заарестовать лошадь изъ цѣлаго табуна, который выпасался на ихъ лугахъ, то кочевники являлись на сыроварни, выламывали двери въ сараяхъ, наносили побои при сопротивленіи и уводили задержанную лошадь. Потравы, соединенныя даже съ уничтоженіемъ каменныхъ оградъ, если ими обнесены луга и пастбища, кража хлѣба, поджоги сѣна, угонъ скота и, наконецъ, просто разбой—явленіе заурядное въ этихъ мѣстахъ. Поживши нѣкоторое время на пастбищахъ Борчалинскаго уѣзда, невольно придется удивляться терпѣнію и энергіи, въ которыми сыровары ведутъ свое дѣло“.

Однимъ словомъ, насколько будущее закавказскаго скотоводства представляется блестящимъ, настолько его настоящее неприглядно.

М. Кучаевъ.



Первые русскіе придворные комедіанты [1]).

VII.

Сила Николаевичъ Сандуновъ.

1756 † 1820.

Свѣдѣнія о происхожденіи Сандунова и его сценической дѣятельности мы заимствуемъ изъ драматическаго альбома П. Н. Арапова, который передаетъ ихъ со словъ его родственниковъ [2]).

Отецъ Силы Николаевича происходилъ отъ благородной грузинской фамиліи, жилъ въ Москвѣ, имѣлъ помѣстье и достаточное состояніе и нѣсколько сыновей. Сила Николаевичъ, въ ранней молодости, поступилъ на службу въ мануфактуръ-коллегію, а другой его братъ, Николай Николаевичъ, былъ впослѣдствіи оберъ-секретаремъ сената и профессоромъ гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ. Посѣщеніе вольнаго россійскаго театра Медокса, знакомство и общеніе съ даровитыми того времени артистами Шушеринымъ, Померанцевымъ и др. воздѣйствовали на молодаго человѣка,—ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ—и возбудили въ немъ желаніе посвятить себя драматическому искусству. Это происходило въ періодъ времени между 1776—1783 г., но въ какомъ именно году онъ выступилъ на сцену,—съ достовѣрностью опредѣлить трудно. Сценическія его способности развились довольно скоро, потому что въ 1783 г. былъ замѣченъ предсѣдателемъ Комитета для управленія зрѣлищами и музыкою А. В. Олсуфьевымъ

---

¹) См. „Русск. Вѣстн.“ кн. 7-я 1892 г.

²) Стр. XXXVIII.

и приглашенъ имъ на петербургскую придворную сцену [1]), съ обязанностію „играть перваго слугу и другія приличныя ему роли въ комедіяхъ и операхъ“. Престарѣлый актеръ придворной сцены Шумской долженъ былъ раздѣлить съ нимъ свое амплуа.

Появленіе Сандунова на петербургской сценѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда на ея подмостки начала проникать опера-буффа, „развратительница цѣломудрія русскаго театра“, по выраженію лѣтописца его кн. А. А. Шаховскаго [2]), въ которой появились „гнилыя слова“, принуждавшія „безчиннымъ хохотомъ и рукоплесканіями скромность—краснѣть, а невинность—любопытствовать“, противъ которой возставала и сама Императрица. Такъ Храповицкій заноситъ въ свой дневникъ:

„Разговоръ о дѣвкахъ театральныхъ. Отъ того погибла Франція, qu'on tombe dans la crupule et les vices: опера-буффа всѣхъ перековеркала. Смотрите за нравами“ [3]).

Театральная критика того времени строго охраняла общественные нравы. Такъ, отдавая отчетъ о драмѣ „Юлія или слѣдствіе обольщенія“, одинъ изъ критиковъ говоритъ: „одно названіе: „слѣдствіе обольщенія“ мнѣ даже непріятно. Что-за удовольствіе выводить на позорище молодую дѣвушку, которую въ старину запирали въ монастырь, а нынѣ отвозятъ въ деревню, пропустивъ слухъ, что она скончалась. На что сзывать насъ смотрѣть такую, отъ которой должно покраснѣть или отворотиться? Милостивые государи! можетъ быть, это покажется вамъ и строго, не сердитесь: у меня дочь невѣста. Что доброе перейметъ она, посмотрѣвъ на обольщенную, которая кончитъ свой романъ тѣмъ, что батюшка ея, несчастный простакъ, пошумитъ, покричитъ, поплачетъ, да выдастъ послѣ за обманщика. Изъ этого и выходитъ, что такъ или сякъ, честнымъ образомъ, или безчестнымъ, но дочка поставила на своемъ. Не хорошо! Мы привыкли смотрѣть на такихъ, которыя могутъ насъ плѣнять, занять собою и которыхъ можно поставить въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Да и какая умная актриса согласится доброю волею представлять такую женщину, на которую зрители смотрятъ, съ насмѣшливою улыбкою разбирая, сходенъ ли станъ ея съ представляемою ею особою. Можетъ ли она побѣдить врожденный стыдъ, который есть свойство всѣхъ жен-

[1]) Архивъ дирекціи. Отд. II, № 169.

[2]) Лѣтопись русскаго театра. Репер. 1840 г., т. II.

[3]) Дневн. Храповицкаго. Ред. Н. П. Барсукова, стр. 347.

щинъ—онѣ съ нимъ родятся, съ нимъ и умираютъ. Господа нѣмцы наводнили нашъ театръ обольщенными героинями, или, лучше сказать, мамзелями, а наши молодые сочинители ползутъ за ними!“ Воздавая хвалу комедіи „Побѣда невинности“, тотъ же критикъ говоритъ: „Казалось бы лучше, ежели бы Вѣтромысла была не матерью Миланѣ, а теткою или крестной матерью, отъ которой бы зависѣла нѣсколько участь Миланы, а то нечувствительность ея къ дочери выходитъ иногда изъ должныхъ границъ благопристойности, напримѣръ, тогда, когда она съ Добросердой разспрашиваетъ, гдѣ она видѣлась съ Постояномъ:

Вѣтромысла.

Что же вы съ нимъ дѣлали?

Милана (потупя глаза).

Цѣловались, матушка..

Вѣтромысла.

Только?

Милана.

Ахъ! неужели вы думаете, что я васъ обманываю? И что же намъ больше дѣлать?

Вѣтромысла.

Я бы ударилась объ закладъ, что этотъ малой...

Добросерда.

Ахъ! сестрица, неужели думаешь...

Вѣтромысла.

Я ничего не думаю, сударыня, ничего не думаю, только этотъ мужчина никогда бы не былъ моимъ мужемъ.

Можно бы эти слова совсѣмъ выкинуть изъ комедіи“.

Вотъ до какой щепетильности охранялись общественные нравы тогдашней театральной критикой, которая скорбѣла, что „счастливый пріемъ развратныхъ піесъ удерживалъ успѣхи театральнаго искусства, вредилъ нравственности и имѣлъ вліяніе на образованіе сердца молодыхъ людей“. Легкая французская комедія, съ своимъ нескромнымъ остроуміемъ, нашла себѣ русскихъ подражателей въ лицѣ А. И. Клушина и Н. Ѳ. Эмина. Эти доморощенные драматурги „заразили тогда нашу театральную словесность и искусство до совершеннаго безстыдства, и страсть нагличать перешла и къ актерамъ. Сандуновъ и подражатель его Сторожевъ объясняли зрителямъ взглядомъ и усмѣшкой и даже жестами грязную замысловатость

авторовъ, а иногда и свою собственную, и принудили дирекцію употребить строгія мѣры для удержанія ихъ послѣдователей отъ такого безчиннаго промысла рукоплесканій" [1]). Какъ-то странно, что одинъ изъ заразителей театральной словесности, А. И. Клушинъ былъ въ то время цензоромъ и инспекторомъ русскаго театра и за поправку и приведеніе въ порядокъ драматическихъ сочиненій получалъ особую плату [2]), хотя собственныя его пьесы должна была иногда цензировать сама Контора. Такъ она доносила главному директору А. Л. Нарышкину: „Контора находитъ въ сочиненныхъ имъ (Клушинымъ) піесахъ слѣдующія обстоятельства: 1) „Худо быть близорукимъ", наполненную въ мѣстахъ неприличными выраженіями, которыя къ усмотрѣнію Вашего Высокопревосходительства подложены. 2) Вновь сочиненной оперы „Американцы" въ предисловіи выраженіе бранное, противное постановленнымъ узаконеніямъ" [3]).

Критики и лѣтописцы того времени мало оставили намъ свѣдѣній о свойствахъ таланта Сандунова, т. е. такихъ свѣдѣній, которыя оставлены ими о Дмитревскомъ, Шушеринѣ, Яковлевѣ и др. Первоисточникомъ этихъ свѣдѣній для современныхъ намъ историковъ русскаго театра служили Записки С. Н. Глинки, Лѣтопись русскаго театра кн. А. А. Шаховскаго и устные разсказы старожиловъ, записанные Ѳ. А. Кони. На этомъ матеріалѣ утверждались всѣ писавшіе о старомъ театрѣ. Ѳ. А. Кони передаетъ о Сандуновѣ слѣдующее: „Сандуновъ дѣйствительно былъ актеръ необыкновенный по уму гибкому и просвѣщенному, по таланту сценическому и по стойкости характера. Все то, что плѣняетъ насъ въ Бомарше, досталось въ удѣлъ Сандунову: та же пылкость души, тотъ же пламень воображенія, та же язвительная острота и изворотливость ума. На сценѣ онъ былъ, какъ дома—смѣлъ, развязенъ и ловокъ. Сандуновъ былъ en vegue, т.-е. актеръ модный. Ему старались подражать въ обществѣ, такъ пріемы его были благородны и пріятны. Необыкновенный умъ Сандунова пріобрѣлъ ему столько же друзей въ свѣтѣ, и преимущественно между знатью, сколько талантъ завоевалъ сердецъ съ помостовъ сцены. Онъ былъ роста небольшаго, но прекрасно сложенъ; говорилъ прищуривая глаза, но сквозь эти щелки вѣкъ вырывались язвительныя молніи; онъ высматривалъ каждое движеніе, съ кѣмъ говорилъ

[1]) Лѣтопись русскаго театра, кн. Шаховскаго. Реп. 1840, т. II.

[2]) Архивъ Дир. Им. т. Отд. III, стр. 31, № 36.

[3]) Ibid. Отд. II, № 552.

и, казалось, проникалъ его насквозь. Сандуновъ каждой роли давалъ свой колоритъ и превосходно оттѣнялъ характеры. Онъ былъ веселъ, живъ, игривъ, разсыпался мелкимъ бѣсомъ и всегда былъ въ движеніи на сценѣ. Онъ такъ глубоко вникалъ въ характеръ своей роли, что совершенно отдавался своему увлеченію; во время игры весь міръ для него не существовалъ: онъ зналъ только людей, которыхъ авторъ поставилъ для него на сценѣ [1]). Очевидцы Сандунова на сценѣ занесли въ свои „Воспоминанія" о немъ слѣдующее: „Сандунова я видѣлъ въ комедіи-фарсѣ Мольера „Скапеновы обманы", въ которой онъ игралъ роль Скапена. Онъ былъ тогда ужь не молодъ, но въ игрѣ его была живость юноши. Лишь только вышелъ онъ на сцену, оглянулся, потеръ руки и пожалъ плечами, то, не сказавъ еще ни слова, уже характеризовалъ свою роль: нельзя было не догадаться, что этотъ Скапенъ—плутъ. Какая интонація въ голосѣ, какая естественность въ движеніяхъ, что-за плутовскіе взгляды и ухватки! Мольеръ расцѣловалъ бы нашего Скапена, еслибъ даже не понималъ по-русски" [2]). С. П. Жихаревъ, видѣвшій Сандунова въ комедіи „Алхимистъ", отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ чиновника": „Онъ являлся въ семи разныхъ персонажахъ и очень смѣшилъ публику. Это настоящій Протей: удивительно, какъ ловко и скоро перемѣняетъ онъ костюмы и мастерски гримируется. Конечно, при помощи другихъ, перемѣнить кафтанъ и парикъ можно и скоро; но какимъ образомъ изъ молодаго, румянаго парня превратиться въ дряхлаго старика, съ морщинистымъ лицомъ, а еще болѣе изъ мужчины въ женщину—я, право, не знаю" [3]).

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда талантъ Сандунова былъ уже въ полномъ расцвѣтѣ, въ театральномъ училищѣ, въ классѣ пѣнія итальянца Мартини, готовилась къ сценѣ воспитанница Елизавета Семенова [4]), по тогдашнему обыкновенію, называлась она просто—Лиза Уранова. Она участвовала въ операхъ, дававшихся въ эрмитажномъ театрѣ въ присутствіи Императрицы, которая выражала ей свое благоволеніе. Такъ Храповицкій записываетъ въ своемъ дневникѣ: „29 января 1790 г. Играли „Діанино дерево". Лиза и музыка похвалены". Сандуновъ и

---

[1]) Пант. 1840 г., т. 1. Театръ при Медоксѣ.
[2]) Ibid. Театральныя восмоминанія Булгарина, стр. 81—82.
[3]) „Дневникъ чиновника", Жихарева, подъ 1 ноября 1806 г.
[4]) Арх. Дир. Отд. II, стр. 395.

Уранова полюбили другъ друга и предположили скрѣпить эту любовь узами брака, на что̀ и получили разрѣшеніе отъ своего̀ начальства. Императрица, узнавши объ этомъ, замѣтила Храповицкому: „Pourquoi les empechez de se marier?“ пожаловала ей перстень въ триста руб. и при отдачѣ приказано сказать, „что вчерась пѣла о мужѣ, то бы иному, кромѣ жениха, перстня не отдавала“. Но вдругъ, по выраженію самой Урановой, „открылись непредвидѣнныя дѣйствія“. На воспитанницу обратилъ благосклонное вниманіе свѣтлѣйшій князь, государственный канцлеръ Александръ Андреевичъ Безбородко и вступилъ въ соперничество съ ея женихомъ. Соперничество это для Сандунова было крайне опасно, потому что правители театра, Храповицкій и Соймоновъ, стали на сторону опаснаго соперника. Юная художница, осыпанная алмазами вельможи, позабыла своего жениха, который былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія и безъ аттестата. Обиженный артистъ обратился въ дирекцію съ просьбой, въ которой писалъ: „Прослужа при театрѣ семь лѣтъ съ усердіемъ и безпорочно, и знавши, что Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно актерамъ, прослужившимъ двадцатилѣтнее время при театрѣ, давать пенсію, полное жалованье составляющую; пробывшимъ же десятилѣтіе—выдавать половинное, проситъ наградить его за все время службы единовременно годовымъ жалованьемъ или бенефисомъ и дать ему аттестатъ, съ прописаніемъ въ ономъ, что онъ служилъ при театрѣ безпорочно семь лѣтъ“. Въ награжденіи бенефисомъ отказано, аттестатъ же выданъ, но безъ прописанія въ ономъ о безпорочности, а просто: „вслѣдствіе прошенія, отъ него поданнаго, отъ службы онъ уволенъ и, по его желанію, данъ ему сей аттестатъ [1]). Оскорбленный такой несправедливостью, Сандуновъ жестоко отмстилъ своимъ притѣснителямъ. Передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, играя въ свой бенефисъ на городовомъ театрѣ, въ пьесѣ Клушина „Смѣхъ и горе“, слугу Семена (онъ славился исполненіемъ ролей слугъ), онъ обратился къ публикѣ съ рѣчью: „Сегодня,—сказалъ онъ,—въ послѣдній разъ имѣю честь служить моимъ усердіемъ здѣшнему обществу. За долгъ почитаю, мм. гг., изъявить мою чувствительную благодарность за благосклонность, оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ во все время пребыванія моего при театрѣ“.

---

[1]) Арх. Дир. Отд. II, № 340.

Потомъ прочиталъ стихи:

Служа комическимъ и важнымъ господамъ,
Не имъ я былъ слугой, а былъ я вамъ,
Терпѣлъ пощечины отъ нихъ, нападки брани—
Усердья моего къ вамъ были это дани.
Я вздоры разные сносилъ колико могъ!
Заплатитъ, говорилъ, за это мнѣ мой Богъ.
Хотя и видѣлъ онъ, что мнѣ немного тѣсно,
Но миловану быть имъ, право, очень лестно.
Кто жъ этотъ царь мнѣ былъ? Кто знаетъ, что̀ актеръ,
Тотъ вѣдаетъ и то, что царь мнѣ былъ партеръ.
О ты, талантовъ царь, душа дѣяній славныхъ,
Который требуетъ всегда жрецовъ исправныхъ!
Прости, что твой алтарь оставить долженъ я,
Межъ мной и баръ моихъ будь самъ ты судія.
Служилъ я рабски, былъ я гибокъ, какъ слуга;
Но что жъ я выслужилъ? Иль брани иль рога.
А дѣвушки мои, пренѣжныя служанки,
Любили вѣрность такъ, какъ истину цыганки.
Въ угодность авторовъ, забывшій страшный стонъ,
Поподчивалъ меня рогами Купидонъ.
Хоть силой авторовъ то сдѣлано невольно,
Но, право, оттого мнѣ было очень больно,
И я, не вытерпѣвъ обидныхъ столь досадъ,
Рѣшился броситься отсель хотябъ во адъ.
Моя чувствительность меня къ отставкѣ клонитъ
Вотъ все, что вонъ меня отсель съ театра гонитъ.
Теперь иду искать въ комедіяхъ господъ,
Мнѣ бъ кои за труды достойный дали плодъ,
Гдѣ бъ театральные и графы и бароны
Не сыпали моимъ Лизетамъ милліоны
И кой сердцамъ златой не дѣлали бы мостъ,
На то, чтобъ щегольскимъ Кристоновъ сдѣлать ростъ.
Сыщу ли это я, иль поискъ мой напрасенъ,
Но знаю, но со мной всякъ будетъ въ томъ согласенъ,
Что въ драмѣ той слуга не годенъ никуда,
Гдѣ денегъ не даютъ, да гонятъ лишь всегда [1]).

Въ театрѣ произошло волненіе. Объ этомъ происшествіи дошло до свѣдѣнія Императрицы. Храповицкій отмѣтилъ его въ своемъ дневникѣ: „1791 г. января 10 дня. Сандуновъ говорилъ рацею на счетъ дирекціи, играя въ свой бенефисъ на городовомъ театрѣ... 11) Велѣно у Сандунова черезъ полицію взять рацею, имъ говоренную. 12) Гнѣвъ Императрицы на Сандунова. „Voilà ce que fait l'injustice“. Храповицкій при этомъ случаѣ намекнулъ на небезупречное поведеніе Сандунова относительно

[1]) Москвитянинъ. 1842 г., т I.

разныхъ актрисъ и матери Лизы. „Принято сухо и графу Брюсу [1]) велѣно это дѣло оставить „comme non avenue". Сконфуженный, онъ не ѣздилъ во дворецъ 13-го и 14-го числа". Спрашивали и на отвѣтъ, что боленъ, улыбнулись, сказавъ: знаю отъ чего боленъ" [2]). Ровно черезъ мѣсяцъ мстительный Сандуновъ учинилъ въ театрѣ новый скандалъ, печально окончившійся для начальниковъ театральной дирекціи. 11 февраля 1791 г. въ Эрмитажѣ, въ присутствіи Императрицы, шла опера ея сочиненія „Ѳедулъ съ дѣтьми", и Елизавета Семеновна подала ей покаянное письмо, съ изложеніемъ обстоятельствъ, сбившихъ ее съ пути нравственнаго. Письмо, разумѣется, было редактировано Сандуновымъ. Вотъ оно:

Всемилостивѣйшая Великая Государыня!

„Сердце мое и слухъ удостовѣряютъ меня въ вашемъ безпредѣльномъ милосердіи, а совѣсть и раскаяніе принуждаютъ меня изъявить предъ вами всѣ страданія души моей. Прости, Великая Государыня, что я дерзаю, потревожить священный вашъ покой, но я кромѣ Бога и васъ никого не имѣю къ защитѣ и успокоенію моего раскаянія. Вотъ все положеніе моего сердца и дѣлъ. Я увѣрена, что ты, милосердая мать, выслушаешь оное съ такимъ же обыкновеннымъ своимъ милосердіемъ, съ какимъ чистосердечіемъ и признательностію я осмѣлюсь оное начертать. Я, Государыня, имѣла жениха, который своею ко мнѣ привязанностію стоитъ всей моей горячности и любви и была равна съ нимъ состояніемъ и чувствіями. Я рѣшилась раздѣлить съ нимъ судьбу мою, на что̀ онъ и я получили отъ директоровъ и позволеніе и ничѣмъ другимъ я не была занята, кромѣ моей должности и привязанности къ человѣку, въ которомъ я полагала всѣ мои благополучія; но вдругъ открылись хитрыя и, по молодости мною не предвидѣнныя, дѣйствія, которыя невольно отогнали меня отъ моего жениха. Я увидѣла, но поздно, что нужно было только меня разстроить въ душѣ моей и воспользоваться моей неопытностію. Прости, Государыня, что я всего того не могу начертать, что̀ со мной происходило и что-за угрызеніе ощущала въ душѣ моей, заслужа и справедливое отвращеніе жениха моего и любовника и все оное время я не имѣла свободнаго часа отъ моего раскаянія — и ужасъ и стыдъ поперемѣнно царствовали въ душѣ моей. Но теперь, къ

---

[1]) С.-Петербургскій оберъ-комендантъ.

[2]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 354.

совершенному моему счастію, я вижу моего жениха толь великодушно, что онъ, претерпя за меня даже всѣ гоненія, рѣшился отдать вамъ и Богу на судъ всю принужденную погрѣшность. И такъ, милосердая Государыня, какъ обыкновенное твое свойство облегчать судьбу несчастныхъ, то позволь прекратить мое раскаяніе и учини счастливой, совокупя меня вѣчно съ моимъ любезнымъ женихомъ, которому я клянусь загладить совершенно неопытность моей молодости, а васъ, Государыня, иначе я не могу тогда признавать, какъ за воскресительницу моей невинности и моего покоя. Государыня, въ тебѣ одной вся моя надежда или я вѣчно наинесчастнѣйшая. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Елизавета Уранова".

Императрица приняла сердечное участіе въ судьбѣ талантливой воспитанницы и строго взыскала съ ея воспитателей.

„Въ вечеру (11 февраля 1791 г.),—заноситъ въ свой дневникъ Храповицкій,—играли въ Эрмитажѣ „Ѳедула", и Лизка подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ прислана записка къ Трощинскому, чтобъ заготовить указъ для увольненія насъ отъ управленія театрами. 12 февраля, какъ встали, спросили Трощинскаго и подписали у него указы. Разсказывали всѣмъ, даже и Турчанинову [1]), что насъ уволили". 13) Графъ Безбородко пріѣхалъ передъ полуднемъ, но во Дворцѣ не былъ. 14) Въ малой придворной церкви вѣнчали Лизку и Сандунова. 16) Въ первый разъ я позванъ для принятія почты, уже прочитанной. 19) Такимъ же образомъ принялъ почту. 24) Продолженіе прежней холодности".

Наконецъ, „холодность" миновала. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ вступилъ, въ качествѣ главнаго директора надъ зрѣлищами и музыкой, въ управленіе театрами, а 18 марта 1791 г. [2]) Сандуновъ, вмѣстѣ съ молодой женою, вновь былъ принятъ на придворную сцену. Первымъ движеніемъ его души, по вступленіи въ бракъ, было—препроводить въ ломбардъ, въ пользу бѣдныхъ, всѣ полученные женой его подарки отъ ея поклонника, „какъ цѣну безчестія и обиды". Этотъ поступокъ не понравился почему-то князю Николаю Борисовичу и между нимъ и непокорнымъ подчиненнымъ началась вражда, продолжавшаяся три года и умиротворить которую пришлось самой Императрицѣ. Три года супруги

---

[1]) Петръ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Императрицы и у принятія прошеній.

[2]) Архивъ дирекціи, отд. I, стр. 77.

Сандуновы терпѣли притѣсненія и угнетенія отъ своего директора и, наконецъ, доведенные до отчаянія, въ мартѣ 1794 г., совокупно подали Императрицѣ просьбу такого содержанія:

Всеавгустѣйшая Монархиня

Всемилостивѣйшая Государыня.

Благость и правосудіе, окружающія освященной Вашъ Престолъ, подаютъ смѣлость повергнуться къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества гонимымъ и бѣдствующимъ супругамъ, не имѣющимъ на всей земной поверхности кромѣ Васъ, Всеавгустѣйшая матерь, инаго себѣ покровительства. Воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на слезы и бѣдствіе наше окомъ милосердія, съ каковымъ пріемлешь всѣхъ несчастныхъ, прибѣгающихъ подъ кровъ благости твоея. Три года наслаждались мы блаженствомъ, дарованнымъ намъ отъ Вашего Величества, три года злоба сильныхъ удручала меня и жену мою различностію пораженій, не гнушаясь противъ насъ употреблять ни ѣдкаго злословія, ни все очерняющихъ пасквилей и всего того, что могло содѣйствовать къ совершенной нашей пагубѣ; три года воображали мы, обожая тебя, нашу благотворительницу, что злобствующіе имѣть могутъ услажденіе и конецъ въ гоненіи ненавидимыхъ, но событіе не отвѣчало нашему чаянію: по мѣрѣ нашего совершеннаго терпѣнія, возрастали совершенныя угнетенія, и наконецъ увидѣли мы разрушеннымъ покой нашъ до основанія. Директоръ нашъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, угнетая насъ различными притѣсненіями, довелъ до совершеннаго отчаянія, которое, превзойдя всѣ мѣры нашего терпѣнія, принуждаетъ противъ воли нашей безпокоить Ваше Императорское Величество. Льстясь надеждою, что Вы, яко милосердая мать, вопль и просьбу чадъ своихъ милостиво принять соизволите. Такъ, Великая Государыня, я съ женою моею обоготворяя Васъ, признаваемъ за истинную матерь, устроившую наше блаженство, а потому и осмѣливаемся горести, удручающія сердца наши, изъявить Вамъ:

Нынѣшняго генваря 21 дня, жена моя, пріѣхавъ въ каменный театръ, сѣла въ ложу, артистамъ всегда отводимую, но итальянцемъ Казасіемъ [1]) изъ оной была самымъ грубымъ образомъ выводима въ парадисъ и на вопросъ ея—кто ей назначилъ тамо сидѣть? онъ отвѣтствовалъ, что князь ему приказалъ всѣхъ

[1]) Театральный контролеръ. Арх. Дир. № 324.

русскихъ актеровъ и актрисъ сажать тамо. Жена моя, не пошедъ въ парадисъ, поѣхала домой, и на другой день относилась о томъ письмомъ къ его сіятельству, но вмѣсто чаемаго нами на итальянца удовлетворенія (ибо мы никакъ не ожидали, чтобъ онъ не сдѣлалъ его самовольно, такъ какъ князь предоставилъ ему совершенное распоряженіе всего театра), но вмѣсто разобранія сей обиды, письмо ея принято княземъ за письмо ругательное, и не изслѣдовавъ ни онаго, ни существа дѣла, приказалъ насъ обоихъ, не пріемля никакихъ недовольно оправданій, но и не видя насъ, взять въ Контору подъ караулъ. Вдругъ приходитъ театральной команды офицеръ съ вооруженными солдатами, возвѣщаетъ намъ именемъ его сіятельства, что мы беремся подъ стражу. Жена моя и я, не имѣя никакой за собой вины, кромѣ правилъ честности, слѣдуя оной по силѣ нашей возможности, мы были оба тѣмъ поражены совершенно, а особливо бѣдная жена моя, которая за мѣсяцъ передъ симъ происшествіемъ, бывъ беременна, выкинула; ее столько сіе поразило, что едва осталась жива. Я, не хотя вѣрить видѣнному мною, и спрашиваю отъ присланнаго офицера, какъ преступникъ, почти со слезами, чтобъ мнѣ позволено было видѣть князя, узнать причину вины нашей, съ великимъ его упорствомъ, получилъ на то позволеніе. Теперь соизвольте, милосердая матерь, замѣтить, что несчастная моя жена въ совершенно истерической болѣзни, лежащая на постелѣ, окруженная и тащимая солдатами, противу всякой благопристойности, безъ сумнѣнія, по особому на то приказанію. Я чувствительности сердца Вашего Величества предоставляю судить, сколь разительна была сія картина для мужа, обожающаго свою жену, жену, которой все преступленіе въ томъ, что любитъ своего мужа и не хочетъ сдѣлаться, въ угодность честолюбцамъ, развратною женщиной. Я пріѣзжаю къ его сіятельству, прошу позволенія его видѣть, но мнѣ отвѣтствуютъ, что онъ нигдѣ индѣ не хочетъ меня и жену мою слушать, какъ въ Конторѣ. Я пріѣзжаю въ Контору, куда тоже пріѣхалъ его сіятельство—спрашиваетъ меня, гдѣ моя жена? Я ему отвѣтствую, что послѣ поступленнаго съ нею она теперь больна, и затѣмъ сюда не пріѣхала, да она же, по его приказанію, содержится ужь подъ стражею дома, потомъ спрашиваю его сіятельство—за что столь непомѣрная жестокость съ нами происходитъ? Онъ отвѣтствуетъ, что за письмо ея, которое онъ признаетъ для себя ругательнымъ. Я отвѣтствую, что оное тако-

вымъ ни почему почесть нельзя, и просилъ по оному отъ меня выспросить и что я не премину его объяснить и оправдать, и чтобъ позволилъ мнѣ его сіятельство оное при себѣ прочесть. Князь мнѣ возражаетъ, что онъ мнѣ его не дастъ, и никакія мои оправданія не дѣйствительны, когда онъ находитъ его предосудительнымъ. Я вынимаю копію и, читая, испрашиваю на оное обвинительныхъ вопросовъ, получаю, отвѣтствую, объясняю и совершенно оправдываю оное, и даже до того оправдалъ, что самъ его сіятельство, не находя достаточныхъ причинъ ни возражать на письмо, ни обвинить за оное, выпускаетъ меня изъ Конторы и изъ-подъ караулу. Но симъ не кончилось. Отъѣзжая, приказываетъ жену мою, въ какомъ бы положеніи она ни была, не взирая ни на что, притащить въ Контору подъ караулъ. Слабы мои слезы смягчить жестокое сіе приказаніе, не принимаются ни просьбы мои, ни доказательства; онъ отъѣзжаетъ, даже восхищаясь моимъ отчаяніемъ. Пріѣзжаю домой, вижу выполняемыя его приказанія: пренесчастную мою жену опять принимаются тащить, но ужь съ угрозами, съ разными грубостями и насмѣшками. Государыня! судите еще теперь мое состояніе и сколь должно быть растерзано бѣдное мое сердце и къ чему я могъ тутъ прибѣгнуть, какъ развѣ къ одной моей правотѣ и чувствованію оной; но сколь слабый помощникъ правота, когда она подавляется насильствомъ. Къ жалобамъ? Но отъ меня оныя никто не приметъ, потому что я и жена моя едва не во всемъ здѣсь городѣ описаны самыми черными красками, и злословіе вездѣ успѣло, въ угодность злобствующихъ исполиновъ, превратить насъ въ сущихъ извергов. Мы остановились на томъ, что влекутъ насильно съ постели мою жену—вдругъ приходитъ отъ его сіятельства повелѣніе—въ Контору ее не брать, но заарестовать насъ обоихъ дома, не давать намъ ничего кромѣ воды и хлѣба, не допускать къ намъ никого стороннѣ-приходящихъ, а пришедшихъ не выпускать. И такъ всѣ ко мнѣ пришедшіе, такъ же, какъ и я съ женою, безвинно были заарестованы. Мы первую ночь (дай, Боже, чтобъ и послѣднюю) препроводили при четырехъ вооруженныхъ солдатахъ и одномъ сержантѣ, который не преминулъ вездѣ осмотрѣть и разспросить, безъ сомнѣнія, тоже по приказанію, нѣтъ ли гдѣ потаенныхъ выходовъ. Наконецъ проведена нами ночь. Слабо перо мое изъяснить точность моихъ тогдашнихъ чувствованій! Потомъ приходитъ утро и начинается, по полученному отъ него приказанію, приступъ брать опять жену мою въ Кон-

тору и на отвѣтъ мой, что я еще не одѣлся и что двумя наказаніями одна вина не наказывается—мнѣ кричатъ караульные, чтобъ я отперъ двери и къ нимъ вышелъ. Караульный офицеръ сказываетъ, что сейчасъ князь приказалъ опять взять ее въ Контору и если она станетъ отговариваться, то они будутъ брать ее какъ бы ушедшую колодницу. Я прошу, чтобъ хотя часа три или два погодили до тѣхъ поръ, пока ей хоть мало будетъ полегче, ибо она, не спавъ всю ночь, получила отъ огорченія и безпокойства, сверхъ истерики, горячку. Офицеръ ѣдетъ о семъ его сіятельству докладывать, и потомъ возвратясь объявляетъ мнѣ, что будто я хотѣлъ его и команду стрѣлять, о чемъ-де я князю и докладывалъ и онъ-де изволилъ послать вѣдѣніе къ г. оберъ-полицiймейстеру за городовою ротою для взятья тебя и жены (которая по приказанію г. оберъ-полицій-мейстера и была откомандирована и собрана). Я, видя столь вредной для себя, на лжи составленной ковъ, а насильство и несправедливость доведенныя до совершенства, убѣждаю всевозможно любезную и несчастную мою жену, хотя черезъ крайнюю слабость, ѣхать въ Контору и повиноваться угнетающему насъ року. Окутываю ее, сажаю въ карету, пріѣзжаемъ опять въ Контору. Появляется князь, вдругъ, подходя съ свирѣпостью къ женѣ моей, спрашиваетъ: „ты ли писала это письмо?“ Она отвѣтствуетъ: „я, ваше сіятельство“. „Читай“. Она, почитая строки три, была имъ спрошена: „какія ты имѣешь неудовольствія?“ На что она возразила, что ихъ очень много она отъ его сіятельства имѣла, и стала оныя объяснять, но онъ, вырвавъ у нея письмо, говоритъ съ совершенною жестокостью: „прямая ты русская Фетинья, пошла отсюда вонъ, ты свободна“. И такъ она для того столь ругательски влекома была въ Контору, чтобъ услышать, что она—Фетинья. А ты, оборотясь ко мнѣ, говоритъ: „ты оставайся подъ карауломъ, я тебя здѣсь заморю на водѣ и хлѣбѣ“. Я спрашиваю: „чѣмъ я оное заслужилъ?“ Онъ отвѣтствуетъ: „я такъ хочу—и знаю, что дѣлаю. И ты же хотѣлъ стрѣлять караульныхъ“. Я хочу доказать, что это истинная неправда, и удивляюсь съ чего взята столь грубая ложь; но онъ, не внимая никакимъ оправданіямъ, сталъ мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ угрáживать. Жена моя, причина моего страданія и за меня равно мучимая, составляющая все мое блаженство, возрыдала, видя оказанное со мною насильство, и для утѣшенія моего и любя меня, хочетъ со мною остаться, но онъ съ жестокостію приказываетъ ее изъ Конторы вытащить, говоря, что

здѣсь не квартира, чтобъ мужья съ женами могли сидѣть, не памятуя того, что за нѣсколько минутъ предъ симъ самъ насъ тутъ посадить приказывалъ. Наконецъ тронулся онъ слезами жены моей, позволилъ ей остаться со мной и, выходя, почти внѣ себя, сказалъ мнѣ: „ты у меня будешь мягокъ и сговорчивъ на все“. Онъ уходитъ. По маломъ времени, появляются солдаты съ обнаженными шпагами для стереженія меня. Жена моя, видя сіе, пришла въ отчаяніе; я, съ моей стороны, сколько ни мужался, но слеза, неложный вѣстникъ угнетеннаго сердца, открыла слабость души моей, и мы имѣли только то утѣшеніе, что, соединя слезами омоченныя наши руки, простирали ихъ къ испрошенію отъ Бога и тебя, великая наша благотворительница, защиты. Въ вечеру умножившаяся слабость и горячка жены моей принудили меня просить ее со слезами, чтобъ она возвратилась домой, на что съ великимъ затрудненіемъ получилъ ея согласіе, остался одинъ препровождать другую ночь подъ обнаженными шпагами, и во все время ареста моего никого ко мнѣ, какъ къ величайшему злодѣю, пропускать не велѣно, подъ жестокимъ наказаніемъ, и кромѣ самаго малаго куска хлѣба и воды, чтобъ ничего мнѣ не давали, такъ приказано отъ его сіятельства, что̀ и исполнено въ точности. На другія сутки, въ десять часовъ ночи, приказано офицеру меня освободить, не объявя ничего, за что я былъ столь строптиво взятъ и содержанъ и чего мнѣ остерегаться должно, чтобъ не заслужить въ другой разъ подобнаго истязанія. Теперь воззри, великая наша благотворительница, съ снисхожденіемъ на сіи строки: еслибъ письмо жены моей и въ подлинно показалось странно его сіятельству, какъ писанное отъ разгоряченнаго человѣка, еслибъ и всѣ взводимыя имъ на насъ обвиненія были справедливы, то не имѣетъ ли власти и способовъ командиръ наказать подкомандующихъ, не присовокупляя къ тому ни жестокости, ни столь унизительныхъ поступковъ? Къ чему тутъ было помѣщать, что письмо ругательное и предосудительное? Къ чему насильственно два раза тащить съ постели истинно больную женщину? Къ чему, освободя меня въ первый разъ изъ Конторы, потомъ заарестовать дома и жену, и меня? А продержавъ сутки, къ чему опять брать ее въ Контору? Къ чему, взявши ее въ оную съ столь жестокимъ усиліемъ, опять освободить и, оставя меня подъ карауломъ, опять вонъ ее тащить? Потомъ, къ чему взводить на меня офицеру напраслины о стрѣляніи, еслибъ не былъ по-

ощренъ на сіе командиромъ? Къ чему, для взятія мужа съ женою, наряжать цѣлую роту вооруженныхъ городовыхъ солдатъ, когда у театра ихъ есть въ его командѣ болѣе пятидесяти человѣкъ? Къ чему обнаженныя шпаги и неоднократно слышимыя мною отъ него страшныя угрозы, начатыя съ того самаго времени, какъ его сіятельство запрещалъ мнѣ препровождать въ ломбардъ, на пользу бѣдныхъ, какъ цѣну безчестія и обиды, гнусныя для меня алмазныя вещи, карету и разныя платья. Съ того времени онъ мнѣ открыто сказать изволилъ, что если я вещи назадъ изъ ломбарда не возьму, то онъ и другіе, не знаю, кто, открытые мнѣ будутъ враги. И какъ я ни полагался на мою правоту, Бога и на ваше, Государыня, высокое покровительство, но вижу съ того времени дѣйствіе обѣщанныхъ угрозъ, устремленныхъ на меня и мою жену подъ разными предлогами. Къ чему всѣ сіи жестокости, если не къ тому, чтобъ угнести совершенно бѣднаго человѣка? И какая жъ поступь можетъ быть употреблена съ истиннымъ уголовнымъ преступникомъ? Когда съ нами столь мучительные оказаны поступки и не должно ли, взирая на спасительныя твои, Государыня, наказанія, всего соразмѣрять съ преступленіями, а гдѣ первыя употреблены со излишней жестокостію и безъ принятія оправданій, то не доказываетъ ли сіе очевидную несправедливость и наклоненіе къ одному только погубленію? И послѣ всего вышеписаннаго, соизвольте, Государыня, усмотрѣть, можно ли спокойно и въ безопасности быть намъ при такомъ мѣстѣ, гдѣ самъ командиръ угнетаетъ открыто и не щадитъ никакихъ на то способовъ. Вотъ, Великая Государыня, причины, побуждающія обременять Ваше Величество вѣрноподданническою просьбою объ увольненіи отъ театра насъ обоихъ. Мы умалчиваемъ здѣсь о тьмачисленныхъ намъ обоимъ учиненныхъ обидахъ и поношеніяхъ, которыя, сколько для насъ обидны и чувствительны, столько унизительны и гнусны для злодѣевъ, насъ угнетающихъ, и да не потревожатъ они своимъ мерзостнымъ исчисленіемъ сострадательной души вашей. Наконецъ, его сіятельство, совершая открытое свое къ намъ неблаговоленіе, по неоднократной нашей просьбѣ, увольняетъ отъ театра меня одного, а жену мою, подъ предлогомъ, что она воспитанница театральной школы, удерживать въ службѣ, не памятуя того, что Ваше Императорское Величество, облаготворяя Россію, учредили корпусы, монастыри и училища, не прикрѣпляя къ онымъ обучавшихся, но чтобъ, воспитанные подъ

кровомъ вашего милосердія, были полезные сыны и дщери отечества, предоставляя на ихъ волю избраніе должностей и службы. И такъ, всемилостивѣйшая Государыня! сжальтесь надъ горестнымъ нашимъ состояніемъ, благоволите насъ обоихъ уволить отъ россійскаго театра, а за одиннадцати-лѣтнюю мою службу удостоить меня, изъ милосердія своего, хотя самомалѣйшимъ пенсіономъ, дабы я могъ имѣть, съ бѣдною моею женою, хотя дневное пропитаніе. По лѣтамъ моимъ я бы не осмѣливался онаго испрашивать, но предвижу, что мстящіе мнѣ сластолюбцы нигдѣ не оставятъ меня въ покоѣ, если не буду имѣть вѣрнаго куска хлѣба. Всемилостивѣйшая Государыня! Безпредѣльная благость ваша и великодушное чувствованіе, я уповаю, что не оставятъ умереть отъ крайности съ голоду, уволя насъ отъ такого мѣста, гдѣ одни угнетенія слѣдуютъ за другими, и благоволите несчастнымъ подать руку помощи, которая съ толикою щедротою разсѣваетъ милости на пространныя твои владѣнія, а инако мы будемъ жертва сильныхъ и пища злобствующихъ. При семъ дерзаемъ донести, что память благодѣяній вашихъ, милосердая матерь, во всю нашу жизнь пребудетъ намъ драгоцѣнна, и какую бы участь судьба намъ ни предопредѣлила, мы всегда блаженствомъ поставлять будемъ—обожать нашу великую благотворительницу. Всеавгустѣйшая монархиня! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные Сила Сандуновъ, Елизавета Сандунова. Марта дня, 1794 года.

Изъ слѣдующаго за симъ письма Сандуновыхъ къ Императрицѣ видно, что просьба ихъ не была оставлена безъ вниманія.

„Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть черезъ Дмитрія Прокофьевича [1]) объявить всѣ неудовольствія, оказанныя мнѣ и женѣ моей княземъ Николаемъ Борисовичемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Пріемля сіе со всеподданнѣйшею благодарностію, какъ новый знакъ щедроты, два сердца, соединенныя и дышащія тобою, открываютъ смѣло ангелу-охранителю и матери своей всѣ притѣсненія. И какъ ты удостоила даровать намъ жизнь благотворною своею десницею, такъ удостой покровомъ своимъ и будь спаситель нашъ. Благоговѣя къ тебѣ, Государыня, душами, просимъ

[1]) Трощинскаго.

по увольненіи удостоить насущнымъ, хотя малѣйшимъ пропитаніемъ, или мы погибнемъ. Истина водитъ перомъ нашимъ. И вѣщаютъ ли ложь своему божеству и при прагѣ бездны?

1) Со дня брака нашего, по безпримѣрному вашему милосердію утвержденнаго, при чувствованіи любви и совершенной къ вамъ, Всемилостивѣйшей Государынѣ, благодарности, усугубили мы оба старанія наши по должности, и на сей конецъ съ превеликою разительностію играли во всѣхъ тѣхъ піесахъ, которыя были по нашему амплуа; видя же, что у театра новаго нѣтъ ничего, а все старое, для оказанія оному услуги и выгодности, и чтобъ жена моя не могла потеряться отъ единообразности игры четырехъ или пяти оперъ, мы рѣшились на свой коштъ заказать нарочную оперу, которая бы конечно заслужила вниманіе публики, и которая сочиненіемъ своимъ стоила намъ двѣсти рублей, да для сочинителей музыки дѣлаемые три перевода тоже двѣсти рублей, итого оная опера обошлась въ четыреста руб. Но съ 1791 г., съ октября мѣсяца, не взирая на всѣ наши у князя старанія, оставалася она у капельмейстера Мартини два года съ половиною не только непродолжаемою, но и не начатою, а дабы оная совсѣмъ отъ времени не утратилась, мы принужденными нашлись взять оную назадъ и убытокъ чрезъ то сдѣлался намъ невозвратный. Къ яснѣйшему уразумѣнію его къ намъ неблаговоленія можетъ служить доказательствомъ опера „Флейта", гдѣ его сіятельство, графъ Платонъ Александровичъ [1]), именно приказалъ имѣть роль женѣ моей, но она также была обойдена въ ней, какъ и въ другихъ, для того единственно, чтобъ отдалить ее отъ всякой новости.

2) Такъ, жена моя, играя большія и трудныя роли, отъ разщелявшихся экипажей и полтинныхъ на день пары лошадей, послѣ спектакля неоднократно простужалась, то мы много разъ утруждали князя о замѣнѣ онаго хотя наемнымъ, но ничего успѣть тѣмъ не могли, кромѣ открытыхъ и язвительныхъ издѣвокъ. Наконецъ, прошлаго 1792 г. ноября 24 дня, жена моя, ѣдучи изъ театра послѣ представленія „Рѣдкой вещи" [2]), остановлена была дряхлостію лошадей, и простоявъ на улицѣ часъ съ четвертью, принуждена дойти домой пѣшкомъ по мокрой тогдашней погодѣ, а дошедъ почувствовала ужаснѣйшую горячку, которой сколь ни мучительны были для насъ

[1]) Зубовъ.

[2]) Опера „Рѣдкая вещь".

слѣдствія, но все несравненно сноснѣе тѣхъ слуховъ, которые объ насъ были распущены по всему городу и даже самимъ княземъ и съ прибавкою, что мы оба очень развратную жизнь ведемъ, и потому

3) ихъ должно-де непремѣнно развести, и еслибъ кто могъ въ томъ успѣть, я бы не пощадилъ на то десяти тысячъ руб. Это истинное израженіе князя и другія сему подобныя всюду имъ же самимъ разглашаемыя.

4) Не давъ отъ болѣзни совсѣмъ оправиться, князь принуждалъ жену мою, со всевозможнымъ устращиваніемъ, играть подъ тѣмъ предлогомъ, что будто она больна не истинно, но притворно, и играть не то, что̀ бъ она, по слабости, могла, но именно „Венеціанскую ярмарку“ [1]), гдѣ роль жены моей наитруднѣйшая. Наконецъ, игранъ ею сей спектакль, но такъ, что послѣ каждой почти сцены, отъ слабости, она едва стоять могла, и тутъ открылось теченіе изъ горла крови и ломъ въ груди. Но онъ, по окончаніи піесы, взошедъ къ ней въ уборную съ посторонними, видя ея разстроенное здоровье, не только не тронулся тѣмъ ни мало, но чрезъ день еще опять оную жъ играть приказывалъ. Тутъ однѣ просьбы и устыженія стороннихъ убѣдили его отмѣнить жестокое сіе приказаніе, исполненіе котораго ей не только невозвратною потерею здоровья грозило, но и самой жизни стоить могло.

5) По времени, жена моя, получа свободу отъ болѣзни, начала продолжать ученіе пѣнія, и какъ ей для музыки надобенъ былъ учитель (которыхъ у театра хотя и есть довольное число), но я сколько князя о дачѣ онаго ни просилъ, доказывая, что жена моя должна необходимо безъ практики потеряться, но все осталось безполезно, и мы принуждены были нанимать для того постороннихъ учителей, платя отъ трехъ до пяти руб. за визитъ, и такъ на сіе изъ жалованья нашего выходило въ годъ до шестисотъ рублей.

6) По неоднократной моей просьбѣ, послѣ болѣзни, приключившейся женѣ моей, получилъ я наконецъ для нея карету, купя къ тому своихъ лошадей, которыхъ содержаніе и кормъ мнѣ стоятъ въ годъ до шестисотъ руб., что̀ вмѣстѣ съ заплатою музыкальнымъ учителямъ составляетъ тысячу двѣсти руб., за вычетомъ коихъ изъ двухъ тысячъ руб. годоваго нашего жалованья останется намъ на все наше содержаніе восемьсотъ

---

[1]) Опера съ хорами и балетами, муз. Антоніо Сальери.

рублей. Еслибы князь благоволилъ уважить хотя мало мои о семъ представленія, то конечно бы мы не дошли до того состоянія, въ которомъ мы безъ постороннихъ пособіевъ едва могли пропитаніе имѣть.

7) А какъ я получа отъ Вашего Императорскаго Величества съ женою въ награжденіе три ста руб. и по два куска гранитуру и атласу, употребилъ все сіе на заведеніе моего малаго хозяйства и за вышеописанными расходами, видя себя въ совершенной нуждѣ и долгахъ, рѣшился просить князя о вспомоществованіи намъ бенефисомъ и цѣлый годъ едва былъ достаточенъ къ выполненію нашей просьбы. Наконецъ полученъ послѣ многихъ другихъ бенефисъ. Но онъ былъ новымъ поводомъ къ обидамъ, ибо ни одного не упущено случая, гдѣ бы мнѣ и женѣ не было отъ него симъ вспоможеніемъ упрекаемо до поношенія.

8) Порываемы будучи должностію и признательностію къ тебѣ, нашей благотворительницѣ, просили мы князя неоднократно о доставленіи чести показаться женѣ моей передъ Вашимъ Величествомъ въ тѣхъ новыхъ операхъ, въ которыхъ она отъ публики удостоилась вниманія; но въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, кромѣ оперы „Федула" и двухъ разъ „Школы злословія", по всей усиленной просьбѣ ходатайства отъ князя получить не могли, а мы осмѣливаемся думать, что всемилостивѣйшая наша Императрица, милосердо извиня недостатки, воззрѣла бъ на единое усердіе и удостоила бы своего вниманія, что бы и составило намъ удовольствіе наисовершеннѣйшее и поревнованіе къ трудамъ.

9) Князь высочайшимъ именемъ Вашего Величества приказывалъ чрезъ меня занять женѣ моей въ Эрмитажѣ роль актрисы Софроновой и давъ на сіе письменный мнѣ ордеръ, послѣ, по претензіи о семъ оной Софроновой, отъ онаго формально отозвался, сказавъ, что я о семъ его просилъ для своей жены, а приказанія на то отъ Вашего Величества никакого не было, и тѣмъ разстроены стали со многими въ товариществѣ.

10) Не было ни однихъ по театру раскиданныхъ вздорныхъ и безумственныхъ стиховъ, коихъ бы сочиненіе князь не выдавалъ на счетъ моего сочиненія и, призывая неоднократно, уграживалъ мнѣ Степаномъ Ивановичемъ [1]).

11) Жена моя, получа охоту къ дѣйствованію въ драмахъ

---

[1]) Шешковскій, начальникъ тайной экспедиціи.

и трагедіяхъ, избрала трагедію „Сорену“ и, выуча оную, хотѣла играть, а тѣмъ болѣе, что актрисы къ занятію сихъ ролей у театра не имѣется; трагедія хотя и печатная и все излишнее изъ нея со тщаніемъ вычернено и выброшено, но оную играть княземъ не позволено. Симъ бы и должно было все окончиться, и намъ, за усердіе наше къ театру, если не награжденіемъ, то по крайности обычнымъ спокойствіемъ пользоваться надлежало, но князь, по принятымъ противу насъ поступкамъ и силѣ, воспользоваться не преминулъ и обратилъ оное въ чувствительнѣйшее мнѣ пораженіе, утверждая открытно, что выборъ сей трагедіи непремѣнно мой единственно, хотя мы всѣмъ театромъ оную выбрали и всѣ вообще чернили оную.

12) Пунктъ очень малой, но притомъ и замѣтной: при всякомъ разѣ, увидя мою жену, князь говорилъ, чтобъ она меня, какъ злобнаго и дурнаго поведенія человѣка, не слушалась и остерегалась.

13) Такъ какъ я упражняюсь во обученіи къ партикулярнымъ театрамъ актеровъ и актрисъ и получаю симъ пособіе въ моемъ пропитаніи, то князь и сего предмета безъ обозрѣнія не упустилъ и предлагалъ всѣ сіи старанія на то, чтобъ вывесть меня изъ довѣренности всѣхъ тѣхъ, кои или уже отдали мнѣ своихъ учениковъ, или отдать намѣревалися, употребляя на сіе убѣдительное доказательство, что если ихъ ученики станутъ у меня обучаться, то онъ, яко директоръ театра, лишитъ сихъ людей входа въ оный.

14) Въ бытность здѣсь въ С.-Петербургѣ его свѣтлости покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго и при представленіи комедіи „Братомъ проданной сестры“, я имѣлъ счастіе заслужить его благоволеніе до того, что угодно ему было бросить мнѣ на театръ нѣсколько сотъ червонныхъ. Князь, будучи тутъ же въ ложѣ, и изъ сего лестнаго для меня благоволенія и чести составилъ чувствительнѣйшую обиду и поношеніе, сказавъ его свѣтлости: первое, что сіе здѣсь не въ употребленіи, а второе, что я не достоинъ сего знака отличія, ибо я, при весьма дурномъ поведеніи, пьяница и гордецъ. И такъ, мало для него казалось лишить меня знака милости его свѣтлости, нужно было и обнести до совершенства.

15) Теперь приступаю къ описанію того, что совершенно откроетъ все неблаговоленіе, какое князь противъ меня имѣетъ, и что всѣ мѣры употребляетъ къ истинной моей пагубѣ. Во время объясненія въ Конторѣ письма жены моей, я оправды-

вая упомянутой въ ономъ наемъ ложъ, что хотябъ за деньги жена моя имѣла мѣсто и не была бы тащима въ парадисъ, князь съ величайшимъ презорствомъ возразилъ: ужь и ты можешь за деньги просить ложу? Я отвѣтствовалъ, что, любя жену мою, могу для нея нанимать, и почему можно лишить насъ права имѣть за деньги мѣста? Когда портной, слесарь, сапожникъ и самой послѣдній мѣщанинъ вправѣ имѣть оное, то я, будучи такой же, какъ и они, гражданинъ, могу ласкаться за деньги тамъ имѣть себѣ мѣсто, гдѣ всѣ имѣютъ за оныя. Сіе слово „гражданинъ" принято за слово казистой дерзости и всюду разславлено, что я произнесъ оное съ правилами бунта и ими упоенъ до совершенства. Судите, Всемилостивѣйшая Государыня, сколь притѣснительны должны быть дѣйствія, когда съ усиліемъ обращаютъ въ злоумышленіе слово самое невинное, слово по всюду употребительное, слово, изложенное въ самомъ богоподобномъ начертаніи вашего Наказа, гдѣ именно сказано: „слова никогда не вмѣняются въ преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному".

Здѣсь я все заключу тѣмъ, что чувствительное только сердце и великая душа могутъ зрѣть, сколь убивственны сіи ухищренія для того, кто обожаетъ свою монархиню, для того, кто всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ блаженствомъ обязанъ ея милосердію. Уповая на оное, льщусь, что соизволите удостоить покровительствомъ своимъ чету, хотящую жить единственно для обоготворенія тебя, великой благодѣтельницы.

Неблаговоленіе къ намъ князя открылося съ самой нашей женитьбы и вступленія подъ его команду, а усугубились съ самаго того времени, какъ я отказался по его предлогамъ изъ ломбарда обратно взять вещи, о чемъ я въ письмѣ Вашему Величеству имѣлъ честь донести. Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные и васъ обожающіе Сила Сандуновъ. Елизавета Сандунова. Апрѣля 1794 г."

Императрица уважила просьбу Сандуновыхъ. Письмомъ отъ 1 мая 1794 г., Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій увѣдомилъ князя Юсупова, что „Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила актеровъ Силу Сандунова и жену его Елизавету Сандунову, по желанію ихъ, отъ придворнаго театра уволить" [1]).

[1]) Арх. Дир. Импер. театр. Отд. II, № 385.

Князь Николай Борисовичъ, отдѣлавшись отъ ненавистнаго ему грузина, немедленно предписалъ Конторѣ: „Россійскаго актера Силу Сандунова и съ женою, по желаніямъ ихъ, отъ службы театральной дирекціи, съ удовольствіемъ по сіе число жалованьемъ и приличнымъ аттестатомъ, уволить, причемъ объявить гардеробмейстеру Отто, какія у нихъ находятся казенныя платья, отобрать, равномѣрно и карету, кому слѣдуетъ, отобрать же“ [1]).

Получивши отставку, Сандуновы переселились въ Москву и продолжали тамъ сценическую дѣятельность на вольномъ театрѣ Медокса. За періодъ времени, отъ 1794 по 1810 гг., въ который Сандуновъ окончательно сошелъ со сцены, мы мало имѣемъ свѣдѣній о немъ, какъ о драматическомъ художникѣ, хотя онъ былъ любимцемъ московской публики и душой театра Медокса. Остроумный, веселый, обаятельный въ обществѣ, онъ былъ небезупречный человѣкъ въ семейной жизни: считая жену свою неотъемлемою своею собственностію, собственностію своею считалъ и ея трудовое достояніе и не считалъ безнравственнымъ поступкомъ имъ воспользоваться. „У Сандуновыхъ между собою начинаетъ быть неладно, записываетъ Жихаревъ въ своемъ дневникѣ [2]):—подъ предлогомъ обоюдной невѣрности, но что настоящая причина ссоры заключается въ томъ, что мужъ, выстроивъ на общій капиталъ бани [3]), записалъ ихъ на свое имя. По сему случаю жена прибѣгла къ покровительству Юрія Владиміровича Долгорукова и просила его посредства. Любопытно знать, чѣмъ все это кончится, а вѣдь они женились по страстной любви“.

Кончилось это весьма печально: супруги навсегда покинули другъ друга, а въ началѣ 1810 г. Сандуновъ покинулъ и сцену. Въ бенефисъ его должна была идти пастушеская оперетта „Клорида и Милонъ“, но, по болѣзни одного актера, ее замѣнили драмой Ильина „Семейство Старичковыхъ“. Лишь показался бенефиціантъ на сценѣ, раздосадованная публика встрѣтила его шиканьемъ и свистками. Обиженный Сандуновъ, по своему обыкновенію, обратился къ партеру съ рѣчью, въ которой оправдывалъ себя въ перемѣнѣ спектакля, напомнилъ о

---

[1]) Архивъ дирекціи Имп. театровъ, отд. II, № 385.
[2]) Дневникъ чиновника, 12 ноября 1806 г.
[3]) Бани эти существуютъ до-нынѣ и называются Сандуновскими.

своемъ тридцатилѣтнемъ служеніи искусству и объявилъ, что онъ появляется на сценѣ въ послѣдній разъ.

Онъ скончался въ Москвѣ въ 1820 г. марта 27 дня, и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ. На надгробномъ его памятникѣ находится слѣдующая эпитафія:

„Я былъ актеръ, жрецъ Таліи смѣшливой,
И кто меня въ семъ жречествѣ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ.
Но я не зналъ надменности кичливой!
Въ смыслъ надписи, прохожій, проникай,
Тщеславься жизнію, но знай,
Что міра этого актеры и актрисы,
Какъ я, уйдутъ всѣ за кулисы.
Кто ролю выдержать умѣетъ до конца,
Тотъ воздаяніе получитъ отъ Творца".

„Прошло какихъ-нибудь четверть вѣка,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ [1])—и что же? Кто помнитъ, кто знаетъ теперь Сандунова? Извѣстны однѣ Сандуновскія бани. Бани, выстроенныя актеромъ, оказались памятникомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ то искусство, которымъ онъ волновалъ сердца, благодаря которому, можетъ быть, многимъ изъ зрителей открылась тайна пониманія изящнаго, возможность тѣхъ высокихъ, прекрасныхъ наслажденій, выше которыхъ нѣтъ наслажденія".

И. ГОРБУНОВЪ.



[1]) Сиротининъ. „Историч. Вѣстникъ". Сент. 1889.

СОВРЕМЕННАЯ ЖРИЦА ИЗИДЫ [1].

Мое знакомство съ Е. П. Блаватской и „теософическимъ обществомъ“.

(Эпизодъ „fin de siècle“).

XXVI.

Хотя «теософическое общество» основано и въ весьма недавнее, сравнительно, время, въ 1875 году; однако *дѣйствительное* происхожденіе его до сихъ поръ терялось во мракѣ таинственности и неизвѣстности. Какъ его основатели, т. е. Блаватская и Олкоттъ, такъ и первые ихъ послѣдователи, сдѣлали все возможное для того, чтобы напустить какъ можно больше туману, въ густыхъ волнахъ котораго легко задохнуться, но никакъ нельзя отыскать настоящей «колыбели» интереснаго младенца, бывшаго плодомъ духовнаго союза русской «скиталицы» и американскаго «полковника».

Вѣрно только одно — что интересный младенецъ получилъ свое бытіе въ Америкѣ, въ Нью-Іоркѣ, и это именно обстоятельство дало возможность виновникамъ его многознаменательной жизни окутать пеленами тайны его рожденіе. На американской почвѣ нетрудно выдумать и привести въ исполненіе что угодно, ничего не стоитъ, какъ устно, такъ и печатно, распустить самые баснословные слухи и найти достаточное количество людей, готовыхъ имъ вѣрить безо всякихъ разсужденій.

По легендамъ, пущеннымъ въ обращеніе теософами «перваго призыва», Е. П. Блаватская отъ юности своей находилась подъ

---

[1]) См. „Русскій Вѣстн.“ кн. 11-я 1892 г.

особымъ покровительствомъ «тибетскихъ братьевъ», которые, взявъ ее на попеченіе, руководили всѣми шагами ея жизни, подготовляя въ ней исполнительницу великой миссіи, имѣющей *міровое* значеніе.

Когда приспѣло время открыть высшія истины человѣчеству, погрязшему въ заблужденіяхъ всякаго рода, Блаватская была вызвана въ Индію, получила тамъ, вмѣстѣ съ принятіемъ ею буддизма, высокія посвященія, а затѣмъ была послана въ Америку. Здѣсь она должна была соединиться съ другимъ избранникомъ, хоть и значительно менѣе достойнымъ, Олкоттомъ, и создать вмѣстѣ съ нимъ «теософическое общество». Олкоттъ становился, такъ сказать, тѣломъ этого учрежденія, а Блаватская — его душою. «Обществу» была гарантирована постоянная помощь тибетскихъ адептовъ, и двое изъ нихъ, Кутъ-Хуми и Моріа, брались вдохновлять Блаватскую и входить въ общеніе съ теософами, заслуживающими такую высокую честь.

Такова, въ общихъ чертахъ, сущность легенды. Что же касается *дѣйствительной* исторіи, я имѣю возможность въ значительной степени освѣтить ее, благодаря собственноручнымъ письмамъ Елены Петровны Блаватской, относящимся именно къ самому интересному времени — отъ конца 1874 года и до 1877 года [1]). Мои читатели уже знаютъ, что́ такое письма Блаватской и ка́къ слѣдуетъ къ нимъ относиться. Но въ настоящемъ случаѣ ея писанія, какъ будетъ видно, получаютъ первостепенное документальное значеніе, и всякій легко и сразу, безъ какихъ бы то ни было комментаріевъ, увидитъ, что́ въ нихъ не можетъ быть *правдой* и что́ не можетъ быть *ложью*.

1873 годъ былъ годомъ рѣшительнаго перелома въ жизни Елены Петровны Блаватской. Ей исполнилось уже 42 года. Вмѣстѣ съ исчезнувшей молодостью исчезло и все, чѣмъ доселѣ жила она. Еслибы она была женщиной обыденной — ей

---

[1]) Съ этими письмами я познакомился, когда уже мой разсказъ давно печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и получилъ я ихъ въ *апрѣлѣ* настоящаго 1892 года. Они мнѣ переданы какъ *полнѣйшее* подтвержденіе моего разсказа и моихъ выводовъ, и какъ весьма важное дополненіе къ моимъ документамъ.

пришлось бы погибнуть, превратиться въ ничто, или влачить самое жалкое существованіе. Но въ ней заключалась сила энергіи и таланта, которая именно теперь, когда ушла молодость со всѣми ея бурями, должна была широко и свободно развиться.

Волна жизни выбросила Елену Петровну на американскій берегъ, и она очутилась одна, безъ друзей и покровителей, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, безъ прежнихъ способовъ, которыми она могла бы заинтересовать собою. Она не потерялась, оглядѣлась, прислушалась — и рѣшила попробовать свои силы въ качествѣ спиритической писательницы. Она окружила себя таинственностью, стуками, завела знакомство въ редакціяхъ двухъ-трехъ газетъ, разсказывала интересныя вещи о своихъ разнообразныхъ путешествіяхъ.

Мало-по-малу становилась она извѣстной американскимъ спиритамъ какъ горячая послѣдовательница ихъ ученія и къ тому же обладающая сильными медіумическими способностями. Наконецъ, изъ Нью-Іорка, она отправилась въ Вермонтъ, на ферму братьевъ Эдди, въ то время надѣлавшихъ много шуму медіумовъ. Познакомилась она тамъ съ полковникомъ Олкоттомъ, пріѣхавшимъ въ качествѣ корреспондента для разслѣдованія чудесъ, совершавшихся братьевъ Эдди.

Она очевидно нашла, что энергичный и въ то же время необыкновенно покладистый полковникъ будетъ ей хорошимъ, полезнымъ товарищемъ — и быстро съ нимъ подружилась. Онъ сразу же оказалъ ей огромную услугу: въ своихъ корреспонденціяхъ наговорилъ о ней съ три короба разныхъ чудесъ и этимъ помогъ ея писательству. У нея мелькнула мысль, что хорошо было бы писать не только по-англійски въ американскихъ газетахъ, но и попытаться работать въ томъ же направленіи и для далекой родины, переводя свои статьи и другія *интересныя* вещи.

Весь вопросъ заключается въ томъ — какимъ образомъ доставлять все это въ Россію и черезъ кого хлопотать о напечатаніи. Она познакомилась съ Andrew Jackson Davis'омъ, писателемъ-спиритомъ, и онъ указалъ ей на человѣка, который, по его мнѣнію, могъ ей быть полезнымъ въ Россіи. Человѣкъ этотъ былъ

А. Н. Аксаковъ, издатель лейпцигскаго журнала «Psychische Studien», издавна интересующійся всякими психическими вопросами и, между прочимъ, феноменами спиритизма.

28 октября 1874 года Елена Петровна писала А. Н. Аксакову: «Извините меня, если совершенно незнакомая вамъ личность адресуется такъ безцеремонно къ вамъ... Вотъ въ чемъ дѣло: я живу въ Америкѣ около полутора года уже и не имѣю намѣренья уѣзжать. Вся жизнь моя сосредоточилась здѣсь, т. е. жизнь внутренняя конечно, такъ какъ я слишкомъ устарѣла, чтобы интересоваться много внѣшней жизнью... То, что происходитъ теперь въ Америкѣ, въ Англіи и во Франціи, должно бы стараться объяснить у насъ. Спиритизмъ здѣсь не шуточное дѣло. Изъ 11 милліоновъ спиритовъ въ Соединенныхъ Штатахъ по послѣднему отчету, ихъ прибавилось до 18 милліоновъ, почти 50 проц. на 100, съ той самой минуты, какъ появились брошюры, защищающія спиритизмъ съ именами подобными Альфреду Уолласу, Круксу, Варлею и проч. Вся пресса заговорила разомъ. Попытки къ насмѣшкѣ, осужденію и хулѣ дѣлаются рѣже и рѣже. Въ прошломъ году еще рѣдко можно было найти въ такъ называемомъ «respectable Newspaper» статейку о какомъ-либо спиритскомъ фактѣ, теперь же, еле проходитъ одинъ день, чтобы журналы не были переполнены сотнями фактовъ, доказательствъ и т. д. Журналы посылаютъ во всѣ стороны «reporter'овъ» и артистовъ къ медіумамъ. Я только на прошлой недѣлѣ вернулась отъ Эдди братьевъ, извѣстныхъ медіумовъ въ Рутландѣ Вермонтѣ, гдѣ провела 2 недѣли. Домъ и сосѣднія квартиры были наполнены корреспондентами. У «Eddys» духи усопшихъ разгуливаютъ чуть не днемъ. Нѣсколько разъ уже являлись они безъ помощи медіума, а по вечерамъ отъ 15 до 20 духовъ являются какъ во плоти передъ глазами зрителей во время сеансовъ. Я говорила, какъ при жизни, съ *отцомъ*, *дядей*, съ другими родными «по-русски» въ продолженіи 5 минутъ на платформѣ [1]). Семь особъ

[1]) Возвышенная эстрада передъ занавѣской, изъ-за которой появлялись фигуры, расхаживали и бесѣдовали съ зрителями.

изъ числа давно умершихъ знакомыхъ, различныхъ націй, являлись, говорили со мной, каждый на своемъ языкѣ и уходили. Нельзя ли мнѣ будетъ прислать или, скорѣе, постоянно присылать къ вамъ отсюда переводы статей о спиритическихъ фактахъ не неизвѣстныхъ личностей,—но такихъ людей, какъ Робертъ Дэль Оуэнъ, полковникъ Олкоттъ и лучшихъ здѣшнихъ писателей. Я со многими ими знакома и они даютъ мнѣ, съ удовольствіемъ, право переводить ихъ произведенія. Олкоттъ корреспондентъ, посланный нарочно однимъ изъ лучшихъ иллюстрированныхъ журналовъ Нью-Іорка, «The Grafic» — въ Вермонтъ къ Эдди братьямъ. Онъ провелъ тамъ уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, и его иллюстрированныя статьи производятъ фуроръ. Я также работаю для «Grafic» и могу высылать регулярно статьи, переведенныя и переписанныя начисто, съ копіями иллюстрацій, рисованныхъ перомъ и тушью. Вы вѣроятно также слышали о посмертномъ сочиненіи Диккенса. Вторая часть неоконченнаго имъ при жизни романа его «Эдвина Друда». Я перевела эту вторую часть, и она лежитъ готовая у меня... Духъ ли Диккенса написалъ ее или самъ медіумъ James, но эта вторая часть признана всей американской и европейской прессой (съ малыми исключеніями) за совершенное *fac simile* слога Диккенса и его неподражаемаго юмора... Извиняюсь еще разъ за безцеремонность письма. Надѣюсь, что быть можетъ найдете свободную минуту отвѣтить мнѣ слова два. Очень бы я хотѣла видѣть напечатанное въ Россіи окончаніе вышеупомянутаго романа Диккенса. Я долго надъ нимъ работала и переводила съ манускрипта Джемса, какъ онъ писалъ подъ диктовку духа Диккенса...»

Письмо это не дошло еще по назначенію, какъ Е. П. Блаватская послала вслѣдъ за нимъ другое, отъ 14 ноября. Оно весьма краснорѣчиво и полно значенія для ея характеристики.

«Нѣтъ недѣли еще, какъ я писала вамъ и вотъ — горько каюсь въ томъ уже! Сегодня утромъ, по обыкновенію моему, когда я въ городѣ, я сидѣла у единственнаго друга моего, многоуважаемаго всѣми здѣсь Andrew Jackson Davis'a, онъ получилъ ваше письмо, писанное по-французски и, незная хорошо языка, просилъ меня

прочесть и перевесть. Въ письмѣ этомъ вы пишете: «J'ai entendu parler de M-me Blavatsky par un de ses parents, qui la dit un medium assez fort. Malheureusement ses communications se ressentent de *son moral, qui n'a pas été des plus sévères*» [1]). Кто бы вамъ ни говорилъ обо мнѣ, они говорили *правду*, въ сущности, если не въ подробностяхъ; только видитъ одинъ Богъ, что выстрадала я за мое прошлое. Видно ужь такова судьба моя, что нѣтъ мнѣ на землѣ прощенья. Это *прошлое*, какъ печать проклятья на Каинѣ преслѣдовало меня всю жизнь и преслѣдуетъ даже сюда, въ Америку, куда я уѣхала, подальше отъ *него* и отъ людей, которые меня знали въ молодости. Вы сдѣлались невинной причиной тому, что теперь я буду принуждена бѣжать куда-нибудь еще подальше — куда? не знаю. Я не обвиняю васъ, видитъ Богъ, что писавши эти строки, я не имѣю ничего въ душѣ противъ васъ, кромѣ глубокаго, давно знакомаго мнѣ горя, за неисправимое прошлое. Andrew Jackson, который *чувствуетъ* и читаетъ людей яснѣе всякой книги (а въ этомъ никто не сомнѣвается кто его знаетъ), сказалъ мнѣ на это только слѣдующія многознаменательныя слова: «я васъ знаю, такой какъ *вы есть* теперь, и *чувствую* васъ, до вашего же прошлаго я не хочу и не могу касаться, я напишу г-ну Аксакову, что онъ *не знаетъ* васъ лично, *я* же — знаю». Эти слова, сказанныя А. Ж. Дэвисомъ, достаточны будутъ для васъ, и мнѣ нѣтъ болѣе надобности стараться васъ увѣрять, что M-me Blavatsky, 20 лѣтъ назадъ, или теперь, когда ей за 40 уже — *двѣ особы*. Я «спиритка», и «спиритуалистка» въ полномъ значенiи этихъ двухъ названiй... Я была «матерьялисткой» почти до 30 лѣтъ, и вѣрила и не вѣрила въ спиритизмъ. Не вѣря въ Бога, я не могла вѣрить въ будущую жизнь. Нравственность и добродѣтель я принимала за общественное одѣянiе, ради приличiя — un masque social que l'on n'appliquait sur la figure que pour ne pas choquer l'estetique de son voisin, comme on

---

[1]) „Я слышалъ о г-жѣ Блаватской отъ одного изъ ея родственниковъ, который считаетъ ее сильнымъ медiумомъ. Къ несчастiю ея сообщенiя отзываются ея нравственностью, бывшей не изъ самыхъ строгихъ“.

mettrait du taffetas anglais sur une laide blessure [1]). Я ненавидѣла «общество» и такъ называемый свѣтъ, какъ ненавидѣла *лицемѣрie* въ какомъ бы оно видѣ ни проявлялось—ergo: шла противъ общества и установленныхъ приличій на проломъ. Результатъ: три строчки въ вашемъ письмѣ, которыя пробудили во мнѣ все прошлое и растравили всѣ старыя раны. Болѣе 10 лѣтъ уже *я спиритка и теперь вся жизнь моя принадлежитъ этому ученію.* Я борюсь за него и стараюсь посвящать оному всѣ минуты жизни моей. Будь я богата, я бы употребила всѣ мои деньги до послѣдняго гроша pour la propagande de cette divine vérité [2]). Мои средства очень плохи и я принуждена жить трудами своими, переводами и писать въ журналахъ.

Вотъ почему, я обратилась къ вамъ, съ предложеніемъ переводить на русскій языкъ все, что выходитъ здѣсь о спиритуализмѣ. Я перевела Эдвина Друда и онъ давно готовъ, также я перевожу теперь письма (Colonel H. S. Olcott), которыя производятъ въ эту минуту такую революцію въ умахъ матерьялистовъ.

Онъ *инвестигировалъ*, 8 недѣль, матерьялизаціи духовъ у Eddy Brothers въ Вермонтѣ и я была у нихъ и жила 2 недѣли на фермѣ у нихъ, гдѣ съ нимъ и познакомилась. Его письма и сочиненія достойные соперники книгъ Роберта Дэль Оуена (Owen), Эпса Сарджента и другихъ защитниковъ. Но теперь, когда я узнала ваше справедливое, хотя суровое мнѣніе обо мнѣ, я вижу, что нѣту для меня спасенья кромѣ смерти. До гроба придется мнѣ тянуть «ce boulet de galerien social» [3]). Видно ни раскаяніе, ни добровольное изгнанье изъ родины, гдѣ есть у меня и братья и сестры и любимые родные, которыхъ я никогда уже не увижу на землѣ—ничто не усмиритъ гнѣва этого разъяреннаго дикаго звѣря, котораго зовутъ публичнымъ мнѣньемъ!

Одна есть у меня къ вамъ просьба: не лишайте меня добраго

---

[1]) „за общепринятую маску, которую надѣвали только для того, чтобы не оскорблять эстетическаго чувства своего сосѣда, какъ прикрыли бы англійской тафтою безобразную рану".

[2]) „для пропаганды этой божественной истины".

[3]) „влачить цѣпь общественнаго каторжника".

мнѣнія Andrew J. Davis'a. Не раскрывайте передъ нимъ того, что если онъ узнаетъ и убѣдится, заставитъ меня бѣжать на край свѣта. У меня осталось лишь одно убѣжище для себя въ мірѣ — это уваженіе спиритуалистовъ Америки, тѣхъ, которые ничего не презираютъ столько — какъ «free love» [1]).

Неужели вамъ принесетъ удовольствіе на вѣки убить нравственно женщину, которая ужь и такъ убита обстоятельствами? Извините за длинное письмо и примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности готовой къ услугамъ

Елены Блаватской.

23. „Irvin Place, New Iork".

Конечно, ея корреспондентъ, получивъ это письмо, поспѣшилъ увѣрить, что ему «не принесетъ никакого удовольствія навѣки убить нравственно женщину».

Е. П. Блаватская снова писала изъ Гартфорда, 13 декабря 1874 года:

«Не знаю какъ благодарить васъ за вашу неизмѣримую доброту. Имѣя право презирать меня, какъ всякій благородный человѣкъ, за мою прошлую, грустную репутацію, вы такъ снисходительны и великодушны, что пишете мнѣ... Если есть у меня надежда на будущее, то это только за гробомъ, когда свѣтлые духи помогутъ мнѣ освободиться отъ моей грѣшной и нечистой оболочки. Извините меня и простите, если я, въ минуту отчаянія, написала вамъ мое глупое второе письмо. Я васъ не поняла и думала, что вы, какъ и другіе, судите только по наружности. Прочитавъ ваше письмо, я увидѣла, какъ ошиблась въ васъ, и что вы готовы подать руку помощи даже и такой, какъ я грѣшная... Письмо ваше я получила какимъ-то чудомъ, котораго право не понимаю (*слѣдуетъ пространное описаніе, какимъ образомъ письмо, посланное въ Нью-Іоркъ, очутилось въ Филадельфіи самымъ, якобы, сверхъестественнымъ образомъ*). Я нахожусь на два дня по дѣламъ въ Гартфордѣ. Я пріѣхала посовѣтоваться съ полковникомъ Олкоттомъ на счетъ нѣсколькихъ перемѣнъ въ его письмахъ и добавленіяхъ. Онъ из-

[1]) „свободную любовь".

*

даетъ теперь книгу на тэму своихъ писемъ въ «Grafic», книга такъ дополнена, что составляетъ 2 части, 600 страницъ. 1-ая часть будетъ составлена изъ оригинальныхъ писемъ, а 2-ая — публичное мнѣніе о спиритуализмѣ, антагонизмъ между наукой, религіей и феноменами спиритуализма. Послѣдній въ томъ видѣ, какъ онъ проявляется уже 40 лѣтъ въ общинѣ Шекеревъ и т. д. Книга эта слишкомъ обширна, чтобы ее переводить... лучше будетъ, если я пришлю переводъ писемъ такъ, какъ они были напечатаны въ «Daily Grafic». Всѣ рисунки и иллюстраціи духовъ я наклеиваю на листы переводовъ. Портретъ одного Гассанъ-Аги какъ онъ являлся мнѣ *матерьялизованный* въ Читтенденѣ, въ виду 40 человѣкъ, и говорилъ со мной половину по-русски, а половину по-грузински. Портретъ дяди моего Густава Алексѣевича Гана, который также являлся два раза. Вообще я играю большую роль въ письмахъ Олкотта, такъ какъ всѣ 7 духовъ, явившіеся ко мнѣ на фермѣ въ Вермонтѣ, послужили величайшимъ торжествомъ à la cause du Spiritualisme. Пока говорили духи только по-англійски и по-французски on avait raison de douter peut-être, car il était *possible* de soupçonner un jeu de prestige quelconque. Mais une fois, que 7 esprits *materialisés*, en chair et en os, tous differement habillés—selon leur pays et parlant 6 differentes langues, le Russe, le Turc, le Georgien, le Tartare, le Hongrois et l'Italien, parurent chaque soir et que tout le monde les entendit parler comme des personnes vivantes, les choses changerent d'aspect. Le pays est tout revolutionné. Je reçois des lettres de tous les pays, et de tous les editeurs. Un docteur nommé Beard, qui n'a passé qu'un jour à Chittenden, s'est permis d'insulter tous les *spirites*, en les appelant dans les journaux des «weak minded fouls and idiot» et je lui ai repondu à deux reprises differentes dans les journaux. Il parait que sans le savoir, j'ai frappé juste. Les spirites les plus emminents comme Robert Dale Owen, D-r Child et autres m'ont adressé des lettres et les editeurs du plus grand «Publishing C°» d'Amerique, içi à Hartford m'ont écrit pour me proposer de composer un volume de lettres sur differentes phases du Spiritisme et des manifestations

physiques des esprits que j'ai vues aux Indes, en Afrique et ailleurs. Ils veulent m'acheter cet ouvrage. J'aurais ma fortune faite si je ne portais pas malheureusement mon nom maudit de Blavatsky. Je n'ose risquer de signer de ce nom un livre quelconque. Cela pourrait provoquer des souvenirs trop dangereux pour moi. Je prefère perdre 12 mille dollars que l'on m'offre, car les editeurs me proposent 12 cent par *copie* et ils garantissent de vendre 100 mille copies. Voici les fruits amers de ma jeunesse que j'ai vouée à Satan, ses pompes et ses œuvres! Enfin! Je vous enverrai, Monsieur, à la fin de cette semaine, un paquet de faits et articles découpés des journaux les plus «respectables» du pays. Je vous enverrai aussi mes deux lettres imprimées, car cela vous donnera d'avance l'idée de l'immense interet que doit produire un livre comme celui de Col. Olcott. Imaginez vous, Monsieur, des esprits materialisés de bonnes russes parlant leur langue, des garçons Georgiens, des hommes Khourdes, de Garibaldiens Hongrois et Italiens, et enfin *mon oncle*[1]) русскій Предсѣдатель Гражданской Палаты въ Гроднѣ съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, paraissant a 6.000 lieux de chez nous, en Amerique, dans une ferme isolée, perdue au milieu des montagnes du Vermont, avec des *mediums* fermiers grossiers, parlant mal même leur langue maternelle — et cela *à moi*, qu'ils ne connaissaient ni d'Adam ni d'Eve, devant une réunion de 40 personnes, composée de «reporters sceptiques», de medecins, de «clergyman», d'hommes distingués comme Olcott et de bien d'autres! Et pour couronner *le tout* dans une séance a part «the dark circle» un esprit, m'apportant la medaille de mon père pour la guerre de 1828 en Turquie et me disant ces mots devant tout le monde: I bring you, Helen Blavatsky, the badge of honor, received by your father for the war of 1828. We took this medal through *the influence* of

---

[1]) Е. П. Б. забыла, что полтора мѣсяца передъ тѣмъ она писала о томъ, что видѣла тамъ даже „своего *отца, дядю и другихъ родныхъ* и говорила съ ними какъ при жизни“. Теперь объ *отцѣ и другихъ родныхъ* упоминанія *навсегда* прекратились—остался одинъ *дядя*. Портретъ „этого дяди“ былъ срисованъ на фермѣ Эдди *съ натуры* и помѣщенъ въ „Grafic“; но оказалось, что почтенный покойникъ, за время своего пребыванія „на томъ свѣтѣ“, измѣнился до неузнаваемости—съ чѣмъ впослѣдствіи должна была согласиться и сама Е. П. Б.

your uncle, who appeared you this night — from your *fathers grave* at *Stavropol* and bring it you as a remembrance of us in whom you believe and have facth [1]).

Я знаю эту медаль, я видала ее у отца *и знаю* что она была похоронена вмѣстѣ съ другими его крестами—*съ нимъ*. Она сри-

[1]) „имѣли, можетъ быть, основаніе сомнѣваться, потому что было *возможно* заподозрить какое-нибудь фокусничество. Но разъ что семь *матеріализованныхъ* духовъ, во плоти, всѣ различно одѣтые, въ своемъ національномъ костюмѣ, и говорящіе на шести различныхъ языкахъ: русскомъ, турецкомъ, грузинскомъ, татарскомъ, мадьярскомъ и итальянскомъ, — появлялись каждый вечеръ и всѣ ихъ слышали говорящими подобно живымъ людямъ—дѣло приняло совсѣмъ иной видъ. Происходитъ настоящая революція. Я получаю письма изо всѣхъ странъ и отъ всѣхъ издателей (!!!). Одинъ докторъ по фамиліи Beard, проведшій всего день въ Читтенденѣ, позволилъ себѣ оскорбить всѣхъ *спиритовъ*, назвавъ ихъ въ журналахъ „слабоумными и идіотами", и я ему дважды отвѣчала. Самые почтенные спириты какъ Robert Dale Owen, D-r Child и другіе обратились ко мнѣ съ благодарственными письмами и издатели самаго большого въ Америкѣ издательскаго общества, здѣсь въ Гартфордѣ, написали мнѣ предлагая *сочинить* (!) томъ писемъ о различныхъ фазахъ спиритизма и о *физическихъ* проявленіяхъ духовъ, видѣнныхъ мною въ Индіи, въ Африкѣ и въ другихъ странахъ. Я бы нажила (этой книгой) себѣ состояніе, еслибы я, къ несчастію, не носила моего проклятаго имени Блаватской. Я не смѣю рискнуть подписать этимъ именемъ какую бы то ни было книгу. Это могло бы вызвать слишкомъ опасныя для меня воспоминанія. Я предпочитаю потерять двѣнадцать тысячъ долларовъ, которыя мнѣ даютъ, — ибо издатели предлагаютъ 12 центовъ съ экземпляра и гарантируютъ продажу ста тысячъ экземпляровъ. Вотъ горькіе плоды моей молодости, посвященной мною Сатанѣ и всѣмъ дѣламъ его! Ну, да что̀ тутъ! Я пришлю вамъ, милостивый государь, въ концѣ недѣли пакетъ съ разными вырѣзками изъ газетъ, самыхъ уважаемыхъ здѣсь. Я пришлю вамъ также два напечатанныхъ моихъ письма, ибо это заранѣе дастъ вамъ понятіе о громадномъ интересѣ, который должна возбудить книга, подобная книгѣ Олкотта. Представьте себѣ матерьялизованныхъ духовъ русскихъ служанокъ, говорящихъ на родномъ языкѣ, молодыхъ грузинъ, курдовъ, венгерскихъ и итальянскихъ гарибальдійцевъ и, наконецъ, *моего дядю*, русскаго Предсѣдателя Гражданской Палаты въ Гроднѣ съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, появляющихся за 6.000 льё отъ насъ, въ уединенной фермѣ, затерянной среди горъ Вермонта,—при посредствѣ *медіумовъ*—грубыхъ фермеровъ, говорящихъ плохо даже на своемъ родномъ языкѣ,—и все это *ради меня*, которую они совсѣмъ не знаютъ, при собраніи въ 40 человѣкъ, состоящемъ изъ скептиковъ репортеровъ, докторовъ, духовныхъ лицъ, порядочныхъ людей подобныхъ Олкотту и другихъ! Къ довершенію же *всего* въ отдѣльномъ „темномъ" сеансѣ одинъ духъ приноситъ мнѣ медаль моего отца за турецкую войну 1828 года и говоритъ мнѣ, при всѣхъ, слѣдующія слова: „Я приношу вамъ, Елена Блаватская, знакъ отличія, полученный вашимъ отцомъ за войну 1828 года. Эта медаль получена нами,—посредствомъ *вліянія* вашего дяди который явился вамъ этой ночью,— *изъ могилы вашего отца въ Ставрополѣ* и я приношу ее вамъ какъ знакъ памяти отъ насъ, въ которыхъ и которымъ вы вѣрите".

сована въ «Grafic» и она у меня! Понимайте это какъ хотите! отецъ умеръ въ прошломъ году въ *Ставрополѣ*. Какъ могли знать это духи? Какъ могли знать медіумы, что отецъ былъ военный и присутствовалъ въ сраженіяхъ съ турками? Тайна, величайшая тайна! [1]) Въ Россіи, конечно, не повѣрятъ. Скажутъ, что Блаватская или съ ума сошла, а можетъ и хуже. Хорошо, что при 40 свидѣтеляхъ. Вы не можете повѣрить, какое впечатлѣніе это произвело на всѣхъ. Напишу отсылая письма, боюсь надоѣсть. Еще разъ, благодаря васъ, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, готовая къ услугамъ

Е. Блаватская.

P. S. Полковникъ Олкоттъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и посылаетъ свою фотографическую карточку. Онъ сдѣлался величайшимъ спиритуалистомъ изъ яраго скептика послѣ 13-ти недѣльнаго пребыванія у Эдди (братьевъ) въ Читтенденѣ... Если позволите, то пришлю вамъ свой портретъ литографированный и въ иллюстраціи «Daily Grafic» съ отчетомъ о моихъ путешествіяхъ въ Африкѣ и Суданѣ. Не знаю ужь почему они мнѣ сдѣлали такую честь помѣстить меня на ряду съ Идой Пфейферъ и Ливингстономъ...»

Таковъ «прологъ» интересной, многоактной драмы, называющейся «теософическимъ обществомъ». Герои встрѣтились на фермѣ братьевъ Эдди,—у «платформы», на которой появлялись странные духи «en chaire et en os» грузинъ, нянекъ, русскихъ чиновниковъ,—встрѣтились и поняли другъ друга. Они сразу увидѣли, что у нихъ общая «звѣзда», что они одного поля ягоды и что, поэтому, должны соединиться крѣпкими, неразрывными узами дружбы. Олкоттъ употребилъ всѣ мѣры для того, чтобы «муссировать» Блаватскую, онъ наболталъ о ней всякихъ чудесъ въ своихъ корреспонденціяхъ—и достигъ цѣли: ея статьи стали цѣниться, о ней заговорили, заинтересовались ею, ея пор-

---

[1]) Уголокъ этой „величайшей тайны", какъ увидятъ читатели, открылся очень скоро, когда по поводу *медали*, имѣвшей совершенно фантастическій видъ, поднялся крупный скандалъ, а Блаватская, несмотря на всю свою находчивость и смѣлость, сбилась въ показаніяхъ и запуталась.

третъ долженъ былъ появиться (хотя, впрочемъ, не появился) на страницахъ «Grafic». Она не осталась въ долгу—напечатала двѣ статьи съ восторженными отзывами о книгѣ Олкотта, которая еще не вышла въ свѣтъ, но уже печаталась.

Извѣстность въ спиритическихъ кружкахъ и значительный литературный заработокъ поставили на ноги Елену Петровну. Богатыя ея способности и смѣлая фантазія развивались быстро—теперь, благодаря рекламамъ Олкотта, она становилась ученой женщиной, необыкновеннымъ медіумомъ, талантливой путешественницей по Африкѣ и Судану... Подъ ногами чувствовалась твердая почва. Одно тревожило: а вдругъ пойдутъ открытія изъ иного періода ея жизни, да пойдутъ еще изъ Россіи, отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія!—тогда все пропало.

При первомъ же звукѣ, намекнувшемъ ей на возможность такой опасности, она заволновалась и тотчасъ же рѣшила самый лучшій образъ дѣйствій. Еще не зная, что скоро ей понадобится роль «чистой дѣвственницы», она превратилась въ кающуюся Магдалину. Она обезоруживала своего русскаго корреспондента (казавшагося ей *опаснымъ*) искренностью и чистосердечіемъ раскаянія. «Была въ полномъ мракѣ; но увидѣла свѣтъ—и всю себя отдала этому свѣту,—объявляла она, просто и задушевно,—спиритизмъ есть великая истина—и я до гроба буду служить ей...»

Не худо однако было бы, чтобъ еще кто-нибудь подтвердилъ ея слова русскому корреспонденту, для его окончательнаго успокоенія. И вотъ она ухватывается за того же Олкотта, нисколько не подозрѣвая, какъ это наивно и шито бѣлыми нитками. Она сначала посылаетъ фотографическое изображеніе своего друга съ его подписью, а затѣмъ самъ Олкоттъ пишетъ въ Петербургъ длинное посланіе о чудесахъ спиритизма, интересъ къ которымъ охватываетъ всю Америку. Но дѣло не въ спиритизмѣ, а въ слѣдующихъ строкахъ:

«Je m'estime très heureux d'avoir fait la connaissance de M-me de Blavatsky, de laquelle il n'est pas trop dire qu'elle possede plus de savoir occulte en fait de relations mysterieuses entre les deux

mondes (de Matière et d'Esprit) que toute autre personne—dans ce pays du moins. La sévérité de sa vie et l'enthousiasme qui l'anime toujours pour tout ce qui touche au Spiritisme offrent aux spiritualistes americains un fort bel exemple de conduite et de foi sincère[1])...»

Этотъ «аттестатъ» написанъ даже на почтовой бумагѣ Елены Петровны, да и редактированъ, какъ и все длинное письмо, очевидно ею, ибо *я знаю*, съ какими ужасными выраженіями и ошибками писалъ Олкоттъ по-французски въ 1884 году. Нельзя же предположить, что десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ зналъ французскій языкъ несравненно лучше.

XXVII.

Въ это время среди американскихъ спиритовъ произошелъ неожиданный и крупный скандалъ. Были медіумы Holmes. У нихъ на сеансахъ матеріализовался духъ молодой дѣвушки Кэти Кингъ. Почтенный старикъ Робертъ Дэль Оуэнъ, очень извѣстный въ спиритической литературѣ, занимавшійся уже около двадцати лѣтъ пропагандой спиритизма, особенно заинтересовался этой матеріализованной дѣвушкой. Нѣсколько мѣсяцевъ наблюдалъ онъ ее на ежевечернихъ сеансахъ у Holmes, бесѣдовалъ съ нею, она его называла «отцомъ», а онъ ее «дочерью». Въ доказательство своей отеческой нѣжности, онъ дарилъ Кэти Кингъ браслеты, кольца и т. д., предполагая при этомъ, что она, послѣ сеансовъ, уноситъ его подарки въ міръ духовъ—и тамъ они дематерьялизуются, поступаютъ, такъ сказать, въ общую экономію природы. Зачѣмъ онъ, въ такомъ случаѣ, дарилъ ей цѣнныя вещи—на это, конечно, очень трудно отвѣтить, не будучи въ его

[1]) „Я почитаю себя весьма счастливымъ познакомясь съ г-жей Блаватской, о которой можно сказать, что она обладаетъ бо̀льшими познаніями относительно таинственныхъ сношеній между двумя мірами (матеріи и духа), чѣмъ кто-либо, въ этой странѣ по крайней мѣрѣ. Строгость ея жизни и постоянный ея энтузіазмъ ко всему, касающемуся спиритизма, являютъ американскимъ спиритуалистамъ прекрасный примѣръ поведенія и искренней вѣры“.

положеніи. Впрочемъ *подобная дочка* можетъ заставить дѣлать еще и не такія глупости.

Вдругъ является къ почтенному Оуэну нѣкто Лэсли, тоже спиритъ, плачетъ и объявляетъ:

— А вѣдь дѣло-то не ладно!

— Чтó такое?

— Да то, что мы обмануты самымъ низкимъ образомъ: Кэти Кингъ не духъ, а живая женщина.

— Этого не можетъ быть! — въ негодованіи восклицаетъ Оуэнъ, — я такъ полюбилъ ее, она такая славная, она не можетъ обмануть меня — все это гнусная клевета на мою милую дочку!

Но тутъ Лэсли вынимаетъ всѣ подарки, нисколько не дематерьялизованные, и называетъ ту смѣлую особу, которая такъ удачно изображала изъ себя *духа!*

Оуэнъ въ полномъ отчаяніи и заболѣваетъ съ горя. Оправившись и нѣсколько пріийдя въ себя, онъ желаетъ удостовѣриться въ обманѣ — и мнимая Кэти Кингъ, при немъ и при другихъ свидѣтеляхъ, наряжается *духомъ* и продѣлываетъ все, чтó надо, съ полной отчетливостью. Старикъ убѣждается въ обманѣ и, какъ честный человѣкъ, не боясь никакихъ насмѣшекъ, объявляетъ обо всемъ печатно, въ газетахъ.

Поднимается буря, образовываются два лагеря, печатная борьба ожесточается. Е. П. Блаватская, съ присущей ей энергіей, бьется за то, что нѣтъ никакого обмана, что Кэти Кингъ — *духъ* и что тутъ «конспирація».

Она разсказываетъ всю эту исторію своему корреспонденту и пишетъ далѣе:

«Вся эта гнусная исторія не болѣе и не менѣе какъ заговоръ (теперь почти доказанный) протестантскаго іезуитскаго общества «The Youngmen's Christian Association» — громадное общество, разсѣянное по всѣмъ городамъ Америки. Онъ (Р. Д. Оуэнъ) нравственно убилъ себя этимъ въ общественномъ мнѣніи, его всѣ журналы подымаютъ на смѣхъ. Напримѣръ, такая штука: «Соучастница Лэсли (извѣстнаго подлеца и вора, укравшаго на милліоны (!!) въ желѣзныхъ дорогахъ) наряжается въ костюмъ

духа Katie, и въ приготовленной для того комнатѣ и «кабинетѣ», при Роб. Оуэнѣ и другихъ показываетъ, какъ она *представляла* духа. Въ этотъ самый вечеръ и часъ, настоящая Katie King является передъ 20 человѣками свидѣтелей на сеансѣ у оклеветанныхъ медіумовъ *Holmes*. Всѣ журналы наполнены pro и contra. Ничего, будемъ утѣшаться пословицей, за вульгарность коей прошу извиненій заранѣе: Богъ не допуститъ, такъ и свинья не съѣстъ. Я не знаю ни одного болѣе ловкаго мошенничества, какъ эта исторія. Бѣдный Robert Dale Owen, если у него откроются глаза, то боюсь я, что бѣдный старикъ не выдержитъ удара. Въ настоящую минуту я горжусь тѣмъ, что быстро дѣлаю прозелитовъ... Для спиритизма я готова работать день и ночь, лишь бы былъ у меня кусокъ хлѣба, да и то только потому, что голодной трудно работать»...

Она работала дѣйствительно много — печатала статью за статьей и въ то же время переводила безконечныя корреспонденціи Олкотта о чудесахъ у братьевъ Эдди. Она писала отъ 11 февраля 1875 г.:

«...Я выбросила изъ писемъ Олкотта все касающееся до меня *лично*, оставивъ только о духахъ и моихъ сношеніяхъ съ ними. Его дружба ужь слишкомъ далеко увлекла его въ неограниченныхъ похвалахъ и никакъ не могу я вбить ему въ голову, что величая меня «Countess» онъ только даетъ поводъ русскимъ, знающимъ меня смѣяться надо мною... Я написала статью (она перепечатана въ «Banner of Light») противъ D-r Child'a такъ какъ чувствовала себя *обязанной* нравственно, какъ спиритуалистка и «crusader of the mighty Spiritual Army» сказать правду, заступиться за невинныхъ и вывести на чистую воду *виноватыхъ* и преступныхъ. Вѣдь эта исторія о Katie King и скандалъ дали такой отпоръ и толчекъ назадъ «матерьялизаціи», что подняли цѣлую бурю въ странѣ. Выходитъ, что не одни медіумы Holmes виноваты. Главный преступникъ [1]) D-r Child, который изъ *спекуляціи* нанялъ нѣкую *M-rs White*, чтобы она дала снять съ себя портретъ, какъ духа Katie King, которая почему-то не

[1]) Теперь ужь не Лэсли и не іезуиты какіе-то протестантскіе!

желала poser pour son portrait à elle. Генералъ Липпитъ, Олкоттъ, адвокатъ Робертсъ и я мы пошли работать и производить слѣдствіе. Олкоттъ доказалъ «the real mediumship» Holmes, и мы открыли сознаніемъ самого фотографа и медіумовъ, что D-r Child изволилъ подкупить и ихъ, и эту *M-rs White* надуть публику продажей этихъ фотографій. Вотъ почему я написала эту статью, зная, т. е. полагая скорѣе, что мы иначе не доберемся до правды какъ если публично обвинить D-r Child. Я надѣялась, что если у него осталась хоть капля совѣсти, то онъ подастъ на меня прошеніе въ судъ и даже арестуетъ меня *for libel*. Я желала этого потому что заранѣе жертвовала собой спиритуализму и готова въ защиту *своей вѣры* и *истины* хоть сейчасъ положить голову на плаху; а на судѣ, передъ Grand Jury, я бы доказала, кто правъ и кто́ виноватъ въ этомъ безпримѣрномъ мошенничествѣ спиритуализма, въ этой плутнѣ, гдѣ никто не пойметъ, что правда, а что ложь, и которая повергаетъ весь спиритическій міръ Америки и Европы въ уныніе и смущеніе, а скептикамъ даетъ право смѣяться надъ нами. Бѣдный Робертъ Дэль Оуэнъ *умираетъ*. Ему 73 года и вся жизнь его слилась съ духомъ Katie King. Этотъ ударъ оказался слишкомъ тяжелымъ для старика, и хотя онъ послѣ этого «soi disant exposé» еще два раза видѣлъ у Holmes самую Katie King, которую онъ видѣлъ болѣе 80 вечеровъ сряду и которая доказала намъ на *investigation seances*, что она истинный духъ, а не подставная смертная, и утѣшала Оуэна, но онъ заболѣлъ и кажется не встанетъ. Вѣдь вся его репутація какъ писателя пропала; теперь сомнѣваются во всемъ, что онъ когда-либо писалъ. И все это черезъ D-r Child'а, мошенника и спекулятора. По статьѣ моей вы увидите, что я его не щажу. Я все ожидала, что онъ пришлетъ арестовать меня... къ удивленію мо̀ему D-r Child и не отвѣчалъ даже въ журналахъ, а просто съ того дня спрятался у себя въ домѣ и боится больше всего на свѣтѣ, чтобы его кто не потащилъ въ судъ... Онъ былъ президентомъ въ Spiritual Hall здѣсь и тотчасъ же самъ подалъ въ отставку, такъ какъ мы приготовились попросить его удалиться. Я получаю письма благодарственныя со всѣхъ сторонъ, отъ спиритовъ и *не*

спиритуалистовъ, между прочимъ отъ проф. Дрэппера и проф. Корсона. Коль услышите, что многогрѣшная Блаватская погибла, *не* во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, какой-нибудь удивительной смертью и что она на вѣки дематерьялизовалась, *for ever*, то такъ и знайте, что за спиритуализмъ. На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки...»

Тутъ мы подходимъ къ весьма *знаменательному* факту. Е. П. Блаватская пишетъ далѣе, въ томъ же письмѣ:

«...*John King* (Джонъ Кингъ) послалъ Олкотта въ Гаванну на нѣсколько дней... Я совсѣмъ перестала получать письма и отъ тетокъ и отъ сестеръ (?); забыли онѣ всѣ видно меня, да для нихъ и лучше. Не украшенье я имъ, по правдѣ сказать. Въ Россію ужь назадъ *никогда* не вернусь. Отецъ умеръ, никому я не нужна и совсѣмъ лишняя на свѣтѣ. Здѣсь я по крайней мѣрѣ человѣкъ, а тамъ — *Блаватская*. Знаю что меня здѣсь всѣ уважаютъ, да и спиритуализму я нужна. Теперь духи мнѣ и братья и сестры и мать и отецъ. Мой John King одинъ способенъ мнѣ все замѣнить; онъ стоитъ горой за меня. А еще его двойникомъ медіума называютъ, его и Katie King Крукса! Какой же онъ двойникъ, когда медіума Williams'а здѣсь и нѣтъ вовсе, а John King самъ своей персоной, съ собственной черной бородой и китайской бѣлой шапкой своей соуснымъ перевороченнымъ блюдомъ разгуливаетъ здѣсь въ Америкѣ отъ одного медіума къ другому и мнѣ самой дѣлаетъ честь безпрестанными посѣщеніями, а ужь на меня-то онъ и вовсе не похожъ. Нѣтъ, John King личность, отдѣльная, живущая духовская личность. «Діакка» ли онъ или чистый духъ, а все же духъ, и не прототипъ медіума. Но здѣсь не мѣсто, впрочемъ, разсуждать — и такъ я вамъ должно быть надоѣла...»

Напротивъ, глубоко жаль, что она не продолжила своихъ разсужденій о Джонѣ Кингѣ. Впрочемъ, и сказаннаго ею совершенно достаточно для того, чтобы всякій читатель моего разсказа сразу призналъ въ этомъ Джонѣ Кингѣ первое появленіе на сцену нашего стараго знакомца, знаменитаго тибетскаго «махатмы» Моріа. Онъ только еще не облекся въ свой бѣлый тюрбанъ, а

носитъ *китайскую* шапку «соуснымъ перевернутымъ блюдомъ», онъ *покуда* матерьялизованный духъ, являющійся при посредствѣ *всякихъ медіумовъ*, и называется Джономъ Кингомъ. Его пустила въ обращеніе не Елена Петровна, а медіумъ Виллльямсъ; но онъ уже «безпрестанно» посѣщаетъ нашу героиню и «стоитъ за нее горой». Онъ уже посылаетъ Олкотта въ Гаванну... Скоро онъ *переодѣнется* и превратится въ махатму Моріа или М., въ знаменитаго «хозяина».

Покуда дѣла идутъ хорошо и «кусокъ хлѣба» кажется обезпеченнымъ. Олкоттъ рекламируетъ Елену Петровну, какъ только можетъ. Она пишетъ объ этомъ и о своихъ успѣхахъ 24 марта 1875 г. изъ Филадельфіи:

«...Книга Олкотта производитъ страшный фуроръ... Въ книгѣ этой онъ много перемѣнилъ изъ своихъ писемъ, добавилъ и поубавилъ... и все-таки напуталъ въ моей біографіи Госпо́дь знаетъ чего: и князей, и бояръ и небывалыхъ генералъ-губернаторовъ — все, что ему не наговорили въ консульствѣ [1]). Такая досада, право, только смѣяться люди станутъ надо мною, подумаютъ, что стала въ Америкѣ пыль въ глаза людямъ пускать, съ дуру; а я такъ одного и ищу и добиваюсь только—чтобы люди забыли прежнюю Блаватскую, да оставили бы въ покоѣ и *новую*. Только кажется трудно. Я столько пишу во всѣхъ журналахъ, что имени не скроешь. Что ни день, то появляется новая исторія въ журналахъ. Блаватская была въ Африкѣ и летала съ Ливингстономъ на воздушномъ шарѣ. Блаватская обѣдала съ королемъ Сандвичевыхъ острововъ. Блаватская превратила въ спиритуалиста папу Римскаго, предсказала смерть Наполеону, вылечила отъ бородавокъ посредствомъ ду́ховъ — лицо Испанской королевы и т. д. Господи, чего не сочиняютъ [2]). Вотъ ужь два мѣсяца какъ я не

---

[1]) Итакъ, значитъ, Олкоттъ, — этотъ „достовѣрнѣйшій и первѣйшій свидѣтель теософическихъ и иныхъ чудесъ Е. П. Блаватской“, — передъ тѣмъ, какъ писать ея біографію, получаетъ свѣдѣнія о ея жизни *не отъ нея*, съ которою онъ находится въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и постоянно видится, а идетъ въ наше консульство, тамъ ему даютъ самыя фантастическія свѣдѣнія—и онъ ихъ печатаетъ. А она ничего тутъ не можетъ подѣлать!

[2]) А она, бѣдная, совсѣмъ не причемъ въ этомъ сочинительствѣ и рѣшается жаловаться на него только одному человѣку, живущему въ Россіи, но... *получающему американскіе журналы!!*

выхожу изъ комнаты съ своей *перебитой ногой*, а по газетамъ уже совершила въ это время кажется пять разъ кругосвѣтное плаванье. Даже и у Мормоновъ не оставляютъ въ покоѣ. Написали, будто-бы я провела нѣсколько дней въ *Salt Lake City* и заставила Бригама Юнга отречься отъ полигаміи. Одно добро, что я ихъ такъ напугала своими *thundering articles*, какъ они называютъ мои статьи, что всѣ журналы начинаютъ относиться съ большимъ *решпектомъ* обо мнѣ. Трусятъ видно. Въ Лондонѣ такъ расхваливаютъ, спасибо, за то, что одна стою за спиритуализмъ въ Америкѣ»...

Дѣла идутъ хорошо, а между тѣмъ гроза уже надвигается. Первый ударъ грома производитъ Кольби, издатель журнала «Banner of Light». «У меня идетъ съ нимъ сильная война въ настоящую минуту, за то, что онъ не хочетъ печатать моей второй статьи противъ Dr. Child'а о Кэти Кингъ»,—пишетъ Блаватская,— «Вотъ и спиритуалистъ! Какой бы ни былъ религіозный фанатикъ американецъ, а все же въ немъ всегда проглядываетъ янки чистокровный. Ну вотъ и война».

За этимъ первымъ ударомъ раздаются другіе. Скандалъ съ Кэти Кингъ и прямодушныя печатныя заявленія старика Оуэна — производятъ весьма серьезныя послѣдствія: *публика* начинаетъ охладѣвать къ спиритизму. Въ такихъ обстоятельствахъ Блаватская, только-что было вошедшая въ моду, *какъ спиритка*, чувствуетъ, что ей легко и выйти изъ моды (вѣдь въ Америкѣ и то и другое совершается особенно быстро). Слѣдовательно, необходимо такъ или иначе поддержать интересъ къ свой особѣ. Необходимо придумать что-нибудь *новое*, свѣжее, неожиданное. И вотъ она, доселѣ (какъ это видно изъ ея писемъ) самая *правовѣрная* спиритка, мало-по-малу начинаетъ, конечно съ помощью того же Олкотта, *ересь* въ спиритизмѣ и «создаетъ» свое *оккультное* прошлое. Прежде всего Олкоттъ включаетъ въ свою книгу описаніе скандала съ Кэти Кингъ и при этомъ, снова и уже *по-новому*, муссируетъ Блаватскую. Она пишетъ своему корреспонденту 12 апрѣля 1885 года:

«Въ подробномъ описаніи исторіи Katie King Олкоттъ дѣ-

лаетъ изъ меня что-то таинственно ужасное, чуть ли не внушаетъ публикѣ подозрѣніе, что я или продала душу чорту, или же прямая наслѣдница графа Germain и Cagliostro. Не вѣрьте— я просто изучила въ Египтѣ и Африкѣ, въ Индіи и вообще на Востокѣ многое то, чего другіе не знаютъ. Я водила дружбу съ дервишами и правда, принадлежу къ одному мистическому обществу, но изъ этого не слѣдуетъ чтобы я уже сдѣлалась Апполоніемъ Тіанскимъ въ юбкѣ. Меня къ тому же очень любитъ *John King* духъ, и я его люблю болѣе всего на свѣтѣ. Онъ мой единственный другъ и если я кому обязана радикальной перемѣной въ мысляхъ жизни моей, стремленіяхъ и т. д., то это ему одному. Онъ меня передѣлалъ, и ему я буду обязана, когда отправлюсь «на чердакъ», тѣмъ что не просижу цѣлыя столѣтія быть можетъ въ темнотѣ и мракѣ. John и я знакомы со временъ давнихъ, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ сталъ матерьялизоваться въ Лондонѣ и прогуливаться съ лампой въ рукѣ у медіумовъ. Но вѣдь это васъ не интересуетъ я думаю».

Вотъ первые слѣды мало-по-малу начинавшагося переодѣванья Джона Кинга въ махатму Моріа. «Хозяинъ» еще не выдуманъ, такъ какъ только года черезъ два, въ Индіи, выяснится, въ кого именно долженъ преобразиться «домашній духъ». Но духъ этотъ все жестановится уже «старымъ знакомцемъ». Что же касается новоизобрѣтенной ереси въ спиритизмѣ—Е. П. Блаватская старается вывернуться изъ противорѣчія со своими словами въ прежнихъ письмахъ, объяснить свою ересь простымъ переходомъ отъ практики къ теоріи —и пишетъ:

«Съ тѣхъ поръ какъ я въ Америкѣ, я посвятила себя всю спиритуализму. Не феноменальной, матеріальной сторонѣ онаго, а спиритуализму духовному, пропагандѣ святыхъ истинъ онаго. Всѣ старанія мои клонятся къ одному: очистить новую религію отъ всѣхъ сорныхъ травъ ея, которыя такъ быстро разростаются, что грозятъ задушить совершенно мертвой буквой своей духъ истины. Въ этомъ желаніи и работѣ, я была до сей поры *одна*. Теперь только начинаю я собирать адептовъ, и собрала полдюжины ихъ, и смѣло говорю, лучшихъ, и самыхъ свѣтлыхъ

умовъ въ Америкѣ. Ниже, перечту вамъ ихъ. Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что пока люди, хоть самый Круксъ изъ Круксовъ, будутъ защищать одни лишь факты т. е. феноменальную сторону спиритическихъ проявленій, до тѣхъ поръ будутъ являться яростные оппоненты, начиная съ Тиндаля и кончая мизернымъ докторомъ Beard'омъ, и что публика, которую подчуютъ до сихъ поръ одними лишь разсказами и фактами о матерьялизованномъ бюстѣ чьей-нибудь прабабушки и ногахъ въ ботфортахъ не вполнѣ матерьялизованнаго Вашингтона, да явленіемъ умершей кухарки вашего булочника,—конечно всегда предпочтетъ брать сторону науки «for respectability sake», нежели якшаться съ нами, которыхъ считаютъ за полоумныхъ и идіотовъ. Я поняла, что людей не убѣдить одними сомнительными фактами и что даже каждый *истинный* фактъ всегда представляетъ какую-нибудь слабую его сторону, за которую легко бываетъ уцѣпиться противникамъ. Вотъ почему я положила себѣ за правило *никогда* ни въ какомъ случаѣ не дозволять постороннимъ лицамъ пользоваться моими медіумистическими способностями. Кромѣ Олкотта и двухъ, трехъ самыхъ близкихъ друзей, никто не видалъ *что* у меня происходитъ и когда мой Джонъ слишкомъ расходится или другіе *діакка*, то я тотчасъ же останавливаю *все*. Я рѣшилась посвятить себя дѣлу спиритизма съ точки зрѣнія An. Jack. Davis'a и Allan Kardec'a (хотя реинкарнаціи не вѣрю въ томъ смыслѣ какъ вѣрятъ ей французскіе спириты) и хотя я постоянно защищаю *дѣйствительные* феномены какъ у Эдди, никто не нападаетъ свирѣпѣе меня на плутни медіумовъ, легковѣріе нѣкоторыхъ спиритовъ и поэтому-то я и возъимѣла мысль начать серьезное дѣло».

Это «серьезное дѣло» заключалось въ ея нападкахъ на доктора Child'a, въ статьяхъ, направленныхъ противъ «конспираціи» какихъ-то «протестантскихъ іезуитовъ». Но журналъ «Banner of Light» отказался печатать ея статьи, а потому:

«Я не теряя времени пошла работать въ другомъ направленіи. Я подготовила самыхъ вліятельныхъ спиритовъ и привлекла

ихъ на свою сторону и теперь, убѣдясь въ томъ, что черезъ «Banner» правды не добьешься, мы сложились всѣ и возвышаемъ маленькій журналъ «Spiritual Scientist» до высоты нашего спеціальнаго, собственнаго органа. Въ немъ я напечатала свою послѣднюю статью въ отвѣтъ на слабую идіотическую защиту Dr. Child'авъ «Banner».Посылаю вамъ этотъ номеръ журнала и два другихъ, въ которыхъ перепечатана статья обо мнѣ изъ Лондонскаго «Spiritualist». Журналъ этотъ «Spiritual Scientist» погибалъ, хотя направленіе его было всегда честнѣе и искреннѣе «Banner», который всегда односторонен и даетъ только одни факты, не объясняя причинъ этихъ явленій. Я достала для него съ сотню подписчиковъ въ эти три недѣли, подбила другихъ пожертвовать понемногу, дала сама (ей Богу послѣдніе) 50 долларовъ, чтобы только устыдить *богатыхъ* спиритовъ, и заставить ихъ раскошелиться, уговорила Олкотта, Epes Sargent'а, Prof. Corson'а, Lippitt'а, M-rs Andrews писательницу, Owen'а (который спрятался и не можетъ рѣшиться вѣрить преступленію друга своего Child'а) и другихъ писать единственно для «Scientist». Я печатаю циркуляры на свой счетъ».

Дѣйствительно, вѣдь она писала, что ей надо имѣть «кусокъ хлѣба» и мысль объ этомъ «Scientist»'ѣ могла быть счастливой мыслью. Разъ явилась необходимость въ *ереси* — долженъ былъ создаться и органъ для ея распространенія. Е. П. Блаватская писала:

«Я готова жизнію пожертвовать для распространенія святой истины. Олкоттъ мнѣ помогаетъ сколько можетъ и перомъ и денежными жертвами *for the cause*. Онъ столько же страстно преданъ спиритизму какъ и я. Но онъ очень небогатъ и живетъ одними литературными трудами своими, и долженъ содержать жену и кучу дѣтей своихъ [1])».

Но «Scientist» не пошелъ въ ходъ — спиритизмъ, даже и

---

[1]) Думаю, что многихъ теософовъ крайне изумило бы извѣстіе о женѣ и „кучѣ дѣтей" Олкотта, ибо эта многочисленная семья, нуждающаяся въ содержаніи, очень скоро куда-то *безслѣдно* исчезла.

подъ соусомъ новой ереси, не возбудилъ заснувшаго вниманія «публики». Вопросъ о кускѣ хлѣба ставился ребромъ. Уныніемъ дышетъ письмо Елены Петровны отъ 24 мая 1875 года:

«...Получили ли вы №№ «Spiritual Scientist» въ которыхъ напечатанъ мой послѣдній *article* «Who fabricates?» Я вамъ послала нѣсколько №№ faute de mieux, такъ какъ въ soi disant *respectable* Newspapers ровно ничего не пишутъ о спиритуализмѣ и послѣ скандала Кэти Кингъ и «Banner of Light», и «Religio-Philosophical Journal», и «Spiritual Scientist» проваливаются и кричатъ караулъ съ голоду. Бѣда пришла намъ. Dr. Child явился въ видѣ спиритическаго Антихриста и, Іуда семисоборный, погубилъ спиритуализмъ. Даже всѣ самые передовые спиритуалисты начинаютъ трусить *public opinion* и ихъ *high respectability* заставляетъ многихъ продолжать вѣрить въ духовъ только по секрету, втайнѣ. Осталось вѣрныхъ, готовыхъ умереть за истину воиновъ, только что моя маленькая армія. Какъ безсмѣнные часовые остаемся мы на постахъ своихъ, бьемся, хлопочемъ, пишемъ, отдаемъ свои послѣднія деньги, но кажется такъ и окаменѣемъ на мѣстахъ своихъ какъ какія-нибудь спиритическія муміи, безъ пользы... Чтобы поддержать какъ-нибудь проваливающійся «Spiritual Scientist», единственный добросовѣстный, честный, безстрашный (да и то нашими усиліями) журналъ, я отдала свои послѣдніе 200 долларовъ. Я самая бѣдная кромѣ профессора Brittan'a, а отдала больше всѣхъ. La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a! Спросите Олкотта пожалѣю ли я хоть жизнь свою для поддержанія спиритуализма, т. е. Божьей истины, единственнаго утѣшенія человѣчества и послѣдней надежды. Этотъ годъ я заработала статьями и другими работами до 6.000 долларовъ и *все*, все пошло на спиритуализмъ. А теперь, при настоящемъ настроеніи *невѣрія*, сомнѣнія и слѣпоты послѣ дѣла Кэти Кингъ — кажется кончено.

Бывало я написавъ статью сенсаціонную перепечатываю ее въ видѣ памфлета и продаю по нѣсколько тысячъ по 10 cento за тетрадку (за экземпляръ), а теперь что перепечатаешь? И ругаться не съ кѣмъ. Прежде являлись оппоненты сотнями и пи-

сали *contra*. Я тотчасъ же нападала на нихъ и разбивала въ пухъ и прахъ. Можете судить по статьѣ: «Отвѣтъ доктору Beard'y». Ужь и портреты мои печатались и «Grafic» долженъ былъ напечатать портретъ моей воинственной персоны. Явилась Кэти Кингъ—и все ухнуло разомъ! Взгляните на бѣднаго A. J. Davis'a — еле-еле перебивается, книгъ совсѣмъ не продаетъ. «Banner» съ 25 тыс. подписчиковъ съѣхалъ на 12. Олкоттъ сидитъ на грудахъ своихъ «People from the other World» какъ Маріусъ на развалинахъ Карѳагенскихъ и думаетъ думу горькую. Непродалось и тысячи экземпляровъ въ пять мѣсяцевъ. Epes Sargent, любимѣйшій и ученѣйшій изъ американскихъ авторовъ, единственный спиритъ, котораго всѣ уважаютъ и который доселѣ служилъ авторитетомъ—печь растапливаетъ своимъ «Proof Palpable of Immortality»—послѣднимъ сочиненіемъ. Robert Dale Owen спрятался и исчезъ съ лица земли и проч. и проч. Необходимъ намъ *ударъ землетрясенія*, чтобы пробудить отъ этой апатіи американскую публику. Да къ тому же и финансовое положеніе здѣсь страшно упало. Банкрутъ является за банкрутомъ, паника ужасная, у кого есть деньги — прячутъ, у кого нѣтъ — тѣ умираютъ съ голоду. Впрочемъ Олкоттъ не унываетъ. Съ чистокровнымъ тактомъ янки онъ придумалъ «Miracle Club»—посмотримъ что̀ будетъ съ этого. За себя я ручаюсь: пока душа держится въ тѣлѣ буду стоять и воевать за правду...»

Письмо это замѣчательно по своей искренности и фактичности. Блаватская можетъ тутъ путать относительно не то 50, не то 200 «послѣднихъ» своихъ долларовъ, которые она отдала «Scientist'y», но общая картина положенія, нарисованная ею, непремѣнно должна быть вѣрна, ибо иначе не было бы никакого разсчета рисовать ее. Писала она съ горя, въ виду «голода», писала, потому что стало ей жутко за завтрашній день и явилась потребность поплакаться, пожаловаться далекому соотечественнику. Она не разсуждала—все это само вылилось: «вотъ, молъ, горе-то, завтра ѣсть будетъ нечего. Надо придумать что-нибудь совсѣмъ необыкновенное... «Miracle Club» Олкотта врядъ ли поможетъ... я буду бороться до послѣдняго!» Только она

должна была бы сказать: не за *правду*, а за *существованіе* — это было бы вѣрнѣе.

Прошло почти два мѣсяца, а положеніе не улучшилось. Она писала изъ Бостона 18 іюля 1875 года:

«Я готова продать душу свою за спиритуализмъ, да никто не покупаетъ и я живу со дня на день заработывая по 10 и 15 долларовъ когда нужда приходитъ».

Вотъ ужь и осень наступила; дѣло съ «Miracle Club»'омъ очевидно не выгорѣло, ибо отъ 10 сентября письмо все въ томъ же минорномъ тонѣ. Е. П. Блаватская ѣздитъ и въ Бостонъ, и въ Чикаго — но нигдѣ ничего не находитъ. Даже Джонъ Кингъ, будущій «хозяинъ», не веселитъ ея сердца. Она на него жалуется: «Джонъ блистаетъ остроумнымъ молчаніемъ. Онъ на меня золъ и вотъ уже три недѣли слишкомъ является лишь затѣмъ, чтобы говорить глупости или же непріятности. Tout n'est pas parfait à ce que je vois dans le Summer Land... На насъ такіе нападки, что не знаемъ что̀ съ этого будетъ. Спиритуалисты злятся, потому что мы не раздѣляемъ многихъ изъ мнѣній ихъ (*значитъ ересь все же крѣпнетъ*) и не считаемъ Евангеліемъ все что врутъ ихъ медіумы. Медіумы въ ярости п. ч. мы (т. е. Олкоттъ и я) ихъ слишкомъ строго осматриваемъ и недовѣряемъ ихъ честности. Анти-спиритуалисты насмѣхаются какъ обыкновенно, а Church Members наполняютъ клерикальные журналы руганіемъ серьезно увѣряя публику, что мы продали душу чорту... На всякое чиханіе не наздравствуешься вѣдь. Во всякомъ случаѣ «Banner of Light» и «Rel.-Philos. Journal» полны намековъ и злобы на насъ...»

Скучно и жутко Еленѣ Петровнѣ, даже, кажется, у нея дѣлается припадокъ тоски по родинѣ, такъ какъ она изъ Итаки, 20 сентября 1875 года пишетъ: «Эхъ! когда бы меня никто не зналъ въ Питерѣ. Показали бы вашимъ профессорамъ — мы съ Джономъ какъ у насъ въ «Summer Land»'ѣ горшки лѣпятъ! [1]).

---

[1]) Въ то время въ Петербургѣ дѣйствовала извѣстная коммисія изъ профессоровъ, разслѣдовавшая спиритическія явленія.

Джонъ обѣщаетъ быть въ Петербургѣ, да можетъ лжеть и надуетъ — на него полагаться трудно». Какъ видно онъ еще не успѣлъ набраться своей тибетской мудрости и непогрѣшимости!

Однако это письмо отъ 20 сентября 1875 года важно не Джономъ, а тѣмъ, что въ немъ заключается первое извѣстіе о рожденіи интереснаго младенца — «теософическаго общества».

XXVIII.

Неудача, постигшая спиритическій журналъ и «клубъ чудесъ», о программѣ и дѣятельности котораго, къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ свѣдѣній, — не заставила Олкотта опустить руки. Бодрый, идущій на проломъ и въ то же время очень практичный янки, — онъ придумалъ, наконецъ, настоящій фортель. Ему или Блаватской пришла первая счастливая мысль — неизвѣстно; но изъ ея писемъ ясно одно: она хоть и подготовлялась сама и другихъ подготовляла къ своей новой роли, однако все же падала духомъ и ныла. Ну, а онъ бросилъ свои непродававшіеся экземпляры о «людяхъ съ того свѣта» и дѣйствовалъ рекламируя свою русскую «графиню», твердо и съ полнымъ основаніемъ вѣря ея ловкости и талантливости. Все дѣлалось очень живо, именно по-американски. Блаватская писала:

«... Олкоттъ теперь устраиваетъ *Theosophical Society* въ Нью-Іоркѣ, которое будетъ составлено изъ ученыхъ оккультистовъ, каббалистовъ, philosophes Hermetiques XIX вѣка, и вообще страстныхъ антикваріевъ и египтологовъ. Мы хотимъ дѣлать сравнительные опыты между спиритуализмомъ и магіей древнихъ буквально по инструкціямъ старыхъ каббалъ — и жидовскихъ и египетскихъ. Я уже много лѣтъ [1]) изучаю la philosophie Hermetique въ теоріи

[1]) Эти „много лѣтъ“ должны были очень удивить ея корреспондента и всѣхъ ея знакомыхъ, ибо до самаго послѣдняго времени, т. е. до спиритическихъ неудачъ и безкормицы, не находилось ровно никакихъ слѣдовъ подобныхъ занятій — были только однѣ „великія истины“ спиритизма.

и на практикѣ и прихожу ежедневно къ тому заключенію, что спиритуализмъ въ его физическихъ проявленіяхъ ничто иное какъ *Пиѳонъ* древнихъ ou la lumière astrale ou siderale de Paracelsus, т. е. тотъ неуловимый *ether*, который Рейхенбахъ называетъ *одомъ*. Пиѳониссы древнихъ сами себя магнетизировали — прочтите Плутарха и его описанія *оракулярныхъ токовъ*, прочтите Корнелія Агриппу, Парацельса, *Magia Adamica* Евгенія Филалета и другихъ [1]). Вы всегда лучше увидите и можете сообщаться съ ду́хами черезъ этотъ способъ — самомагнетизированія.

Я пишу теперь большую книгу, названную мною по совѣту *Джона* «Skeleton key to mysterious gates» («Ключъ къ таинственнымъ вратамъ») [2]). Задаю же я вашимъ европейскимъ и американскимъ ученымъ, папистамъ, іезуитамъ и этой расѣ полуученыхъ les châtrés de la science, которые все разрушаютъ, ничего не создавая и неспособны создать»...

Эта книга, появившаяся, вопреки совѣту *Джона*, не подъ придуманнымъ имъ заглавіемъ, — и была пресловутая «Isis Unveiled» («Разоблаченная Изида»), которую въ Америкѣ постарались рекламировать какъ нѣчто необычайное, чудодѣйственное. Теософы распространяли и распространяютъ до сего времени

---

[1]) Для того чтобы написать все это—ей за-глаза достаточно было прочесть одну изъ книгъ Элифаса Леви (аббата Констана), весьма занимательнаго и талантливаго популяризатора оккультизма. Она и дальше дѣлаетъ прямо выписки изъ этого автора; но, конечно, не указываетъ на источникъ, а говоритъ *отъ себя*.

[2]) „Skeleton key“ — собственно ключъ, которымъ можно отворить *всякую* дверь.

разсказы о томъ, что книга эта написана Е. П. Блаватской съ помощью ея «хозяина», что она, т. е. Елена Петровна, сама не вѣдала, что творила, а писала подъ его диктовку или прямо списывала съ появлявшихся передъ нею ватиканскихъ «уникъ», никому невѣдомыхъ, и потомъ, по минованіи надобности, снова возвращавшихся, тѣмъ же астральнымъ путемъ, на полки тайныхъ книгохранилищъ Ватикана.

Олкоттъ доходилъ до того, что серьезно и таинственно вѣщалъ о томъ, какъ для иныхъ главъ «Разоблаченной Изиды» требовались не только «ватиканскія уники», но и «уники», *сгорѣвшія* при пожарѣ Александрійской библіотеки. И вотъ, когда это было нужно, матеріальныя частицы этихъ драгоцѣнныхъ экземпляровъ, разсѣянныя въ міровомъ пространствѣ, снова собирались, матеріализовались, подобно *нянямъ* и *дядямъ* у Эдди, — и Елена Петровна спокойно, своимъ быстрымъ, четкимъ почеркомъ, списывала заключавшіяся въ нихъ великія истины.

Эти легенды, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ изъ писемъ, посылавшихся Блаватской ея русскому корреспонденту именно въ то время, когда писалась Изида, — выясняется нѣчто иное и менѣе таинственное. Никакого «хозяина» еще нѣтъ и въ поминѣ, а есть *Джонъ Кингъ*, матеріализованный духъ, единственный другъ, котораго Елена Петровна любитъ больше всего на свѣтѣ, но котораго не особенно-то уважаетъ, ибо «онъ часто надуваетъ, болтаетъ глупости и на него нельзя полагаться». Она собираетъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ, занимающихся, въ качествѣ диллетантовъ, оккультизмомъ съ одной стороны, и археологіей — съ другой. У этихъ господъ не

мало книгъ по занимающимъ ихъ предметамъ, книгъ вовсе не рѣдкостныхъ, не «уникъ», но по большей части *совсѣмъ неизвѣстныхъ* публикѣ, которая до послѣдняго времени держала оккультистовъ и каббалистовъ въ большомъ пренебреженіи. Блаватская жадно накидывается на эти книги и, съ помощью своего кружка, рѣшается сама писать книгу.

Ея «Изида», хоть и не продающаяся въ Россіи по книжнымъ магазинамъ, все же не составляетъ тайны, достать ее, т. е. выписать—очень легко, и всякій желающій можетъ убѣдиться въ томъ, что это такое. Это *американская* книга, бьющая на эффектъ и пригодная какъ изданіе спекуляціи. Это компиляція разныхъ мистическихъ и каббалистическихъ сочиненій, пересыпанная коегдѣ остроумными замѣчаніями, полемическими выходками, а иногда изрядной даже бранью. Системы никакой и, въ концѣ концовъ, полнѣйшая безпорядочность, настоящая каша. Человѣку, незнакомому или мало еще знакомому съ предметомъ, конечно легко и даже неизбѣжно покажется, что авторъ, во всякомъ случаѣ, обладаетъ большими познаніями, большою ученостью. Но разочарованіе наступаетъ весьма скоро по мѣрѣ ознакомленія съ литературой предмета, съ дѣйствительно учеными оккультистами и каббалистами.

Тѣмъ не менѣе «Изида» остается самымъ удивительнымъ и чудеснымъ изъ «феноменовъ» Блаватской—ибо ея способность схватывать, компилировать и писать съ головокружительной быстротою — поразительна. Она изображаетъ изъ себя какую-то самопишущую машину. Изъ однихъ ея писемъ, находящихся у меня, можно составить довольно объемистый томъ, а вѣдь она

со многими была въ перепискѣ. Вотъ, напримѣръ, кончила она главу «Изиды», поставила точку, — и тотчасъ же принимается за письмо въ Петербургъ, повторяя въ немъ, съ разными варіантами, то, о чемъ писала.

Безъ связи и послѣдовательности, съ очевидными ошибками, перескакивая отъ одного предмета къ другому—громадное письмо, чуть не въ листъ печатный. То же самое желающіе найдутъ и въ «Изидѣ». Нѣтъ, *Джонъ* хоть и съ поразительной быстротою диктовалъ; но очень часто путалъ, ибо онъ еще не превратился въ «хозяина» и не набрался тибетской мудрости [1]).

[1]) Удивляться количеству познаній и разнообразію предметовъ, заключающихся въ „Изидѣ", я могъ и неизбѣжно долженъ былъ, какъ и многіе другіе, лѣтомъ 1884 года, когда я мало былъ еще знакомъ съ литературой, послужившей матеріаломъ для Блаватской. Затѣмъ же я познакомился съ сочиненіями разныхъ каббалистовъ и оккультистовъ—и ясно увидѣлъ, какъ можетъ увидѣть всякій, что „ученыя" сочиненія Елены Петровны — компиляція, сдѣланная безъ всякой системы, главнымъ образомъ по французскимъ источникамъ.

Кажется — просто и ясно. Между тѣмъ вотъ что выходитъ. Г-жа Желиховская, не найдя гостепріимства своимъ фантастическимъ сообщеніямъ о Блаватской въ русскихъ журналахъ и газетахъ, напечатала недавно въ „Nouvelle Revue" переводъ или перефразировку своихъ статей изъ „Русскаго Обозрѣнія". Теперь она обо мнѣ уже не молчитъ, какъ въ „Русскомъ Обозрѣніи", а выставляетъ меня чуть что не первѣйшимъ свидѣтелемъ чудесъ Е. П. и ея горячимъ поклонникомъ. Не отвѣчая *ни однимъ словомъ* на мои доказательства *фантастичности* публикуемыхъ ею свѣдѣній, ибо ей нечего отвѣтить, она упираетъ на то, что я, лѣтомъ 1884 г., удивлялся „Изидѣ", и затѣмъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ моихъ писемъ.

Все, что я когда-либо писалъ Блаватской и о Блаватской, *можетъ только подтвердить* всѣ обстоятельства, о которыхъ я разсказалъ моимъ читателямъ,— но для того, чтобы это были *мои* письма, *совершенно необходима подлинность моихъ словъ* безъ произвольныхъ урѣзокъ, безъ *вольнаго* перевода съ русскаго на французскій—и съ *вѣрными* указаніями на годъ и число, *когда именно* я писалъ. Г-жа Жел. не хочетъ знать ничего этого. Она не исполняетъ этихъ *обязательныхъ* для каждаго требованій и увѣряетъ, что я писалъ ей въ ноябрѣ

Да и потомъ, черезъ десять лѣтъ, «хозяинъ» положительно отказывался диктовать и доставать «уники». Въ Вюрцбургѣ, въ сентябрѣ 1885 года, когда Е. П. Блаватская начинала писать свое «Тайное ученіе», — служащее дополненіемъ къ «Изидѣ» и еще болѣе прославляемое теософами, — она просто рвала и метала, стараясь достать вышедшее изъ продажи многотомное сочиненіе Мирвилля (J.-E. de Mirville): «Des esprits et de leurs manifestations diverses».

Наконецъ ей добыли эти книги, только не астральнымъ путемъ, а г-жа X. привезла ихъ ей изъ Россіи. Е. П. такъ и впилась въ нихъ и ни зачто не хотѣла мнѣ ихъ показать. Это меня заинтриговало. Въ Парижѣ, передъ моимъ возвращеніемъ въ Россію, я у букинистовъ добылъ всего Мирвилля и впослѣдствіи убѣдился, что этотъ авторъ сослужилъ Блаватской дѣйствительно большія службы.

Но изъ всего сказаннаго еще вовсе не слѣдуетъ, что у Блаватской, особенно въ ея послѣдующихъ писаніяхъ, не попадались весьма глубокія, интересныя мысли. Литература оккультизма всѣхъ временъ и народовъ, среди разнаго хлама и необычайныхъ нелѣпостей, заключаетъ въ себѣ, безспорно, не мало человѣческой мудрости. Превосходная память Елены Петровны удерживала все — и если ей вспоминалась высказанная кѣмъ-либо истина, она умѣла передать ее иной разъ очень ясно и просто, развить съ настоящей, врожденной ей талантливостью.

Все зависѣло отъ предмета и отъ минуты. Я привелъ, въ

1885 года то, что *въ дѣйствительности* могъ писать только въ 1884 году. А это, какъ легко пойметъ всякій, составляетъ *громадную* разницу, ибо если я писалъ въ 1884 г., то мое письмо только подтверждаетъ и дополняетъ мой разсказъ, а еслибы писалъ въ 1885 г. — это противорѣчило бы моимъ словамъ и ходу разсказа. Наконецъ она увѣряетъ, что, по возвращеніи изъ Вюрцбурга осенью 1885 г., я писалъ Блаватской письмо за письмомъ. Между тѣмъ, я написалъ ей всего *одно* письмо, *подлинникъ* котораго объясняется разсказанными мною обстоятельствами, и затѣмъ *прекратилъ переписку* („Русскій Вѣстникъ" октябрь 1892 г. стр. 251—253), на что *сама* Блаватская горько жаловалась въ своихъ письмахъ ко мнѣ, которыя *цѣлы* и выдержки изъ которыхъ находятся въ моей статьѣ (*см. тамъ же*). А г-жа Жел. позволяетъ себѣ утверждать, что я писалъ въ то время письмо за письмомъ (lettre sur lettre). Что́, еслибы пришлось потребовать представленія этихъ писемъ?! Вотъ такъ пріемы!

главѣ XVII моего разсказа, образчикъ мыслей и афоризмовъ, иногда высказывавшихся Блаватской. Подобныя мысли, если даже съ ними и не соглашаться, невольно должны были заинтересовывать не только «всякаго и всякую», но и очень серьезныхъ людей. Къ сожалѣнію, она рѣдко вела такія бесѣды, ибо обстоятельства и ея характеръ заставляли ее, въ личныхъ сношеніяхъ, почти всегда волноваться, кричать, изворачиваться и «бороться» всѣми мѣрами.

Затѣмъ, долго и внимательно наблюдая ее — я пришелъ къ заключенію, что въ умственной области вся ея крупная талантливость была, чтò и естественно, *пассивнаго*, а не *активнаго* свойства. Она рѣшительно оказывалась неспособной въ этой области къ самостоятельному творчеству, даже въ самыя свои вдохновенныя минуты, а лишь быстро воспринимала и развивала чужія мысли.

Наконецъ, надо обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство: можно сколько угодно говорить о женской равноправности, дѣлать женщину судьей, министромъ, депутатомъ, а все-же *до сихъ поръ* она, по старой нашей привычкѣ, находится въ положеніи *привилегированномъ*, и мужчины къ ней предъявляютъ гораздо меньшія требованія, чѣмъ къ лицамъ своего пола. «Помилуйте — вѣдь это удивительно! вѣдь она *женщина!* о, это необыкновенная женщина по уму и познаніямъ!» При такомъ невольномъ, *безсознательномъ* отношеніи уже невозможна вполнѣ безпристрастная критика. Даже конкурренты-мужчины любезно расшаркиваются передъ *дамой*, безо всякой профессіональной зависти и т. д.

Только этимъ и можно объяснить нѣсколько восторженныхъ отзывовъ о «теософическихъ» сочиненіяхъ Е. П. Блаватской, появившихся въ западно-европейской прессѣ, идущихъ *со стороны*, не отъ членовъ ея «Общества». Безсознательное рыцарское отношеніе къ «дамѣ-философу» такъ крѣпко, что авторы этихъ отзывовъ даже не думаютъ о томъ, какъ они компрометтируютъ свою ученость въ глазахъ послѣдующихъ знатоковъ предмета, которые будутъ разбирать сочиненія Блаватской, не обра-

щая вниманія на то, кто ихъ писалъ — мужчина или *дама*, вдохновляемая проблематическими «махатмами». Въ *лучшемъ* случаѣ прославители «учености» Елены Петровны докажутъ свое плохое знакомство съ литературой «оккультизма», съ сочиненіями авторовъ, которыхъ компилировала «современная жрица Изиды», не указывая на свои источники.

Болѣе оригинальны и блестящи сочиненія Е. П. Блаватской иного рода, гдѣ въ полной силѣ развертывается ея талантливость и ея богатѣйшая фантазія. Я говорю про «Пещеры и дебри Индостана» и «Голубыя горы», подписанныя псевдонимомъ «Радда-Бай». Эти вещи написаны по-русски, до сихъ поръ не переведены, и Е. П. при своей жизни очень заботилась о томъ, чтобы англичане не провѣдали объ ихъ содержаніи, такъ какъ писала для русскихъ читателей и не стѣснялась въ насмѣшкахъ и порицаніяхъ англо-индійскаго правительства и его представителей.

Какъ «Пещеры», такъ и «Голубыя горы» имѣютъ право занять подобающее имъ мѣсто въ русской литературѣ, и жаль, что ихъ отдѣльное изданіе, напечатанное покойнымъ Катковымъ, залежалось и даже мало кому извѣстно. Только, конечно, читая интересныя повѣствованія «Радда-Бай», слѣдуетъ относиться къ нимъ, главнымъ образомъ, какъ къ роману, какъ къ фантазіи — и ни подъ какимъ видомъ не принимать на вѣру фактовъ и свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ. Иначе—самыя горькія разочарованія ожидаютъ довѣрчиваго читателя...

Однако вернемся къ новорожденному «теософическому обществу». Е. П. Блаватская, какъ мы видѣли, написала, что оно учреждено «для сравнительныхъ опытовъ между спиритуализмомъ и магіей древнихъ, буквально по инструкціямъ старыхъ каббалъ — жидовскихъ и египетскихъ». Теперь, черезъ два мѣсяца, говоря о какомъ-то юномъ медіумѣ необычайной силы, она пишетъ:

«... Какъ только ему (медіуму) будетъ лучше—его духи поколотили — онъ ѣдетъ къ намъ и мы будемъ испытывать его *to teste* на нашихъ митингахъ «теософическаго общества». Наше общество *пробный* камень. *Для того и учредили*».

Это ужь совсѣмъ другое! Легко понять, что цѣль «Общества» еще не выяснилась и что выяснятъ ее только дальнѣйшія обстоятельства, — то-есть *требованія публики.* На чтѝ предъявится спросъ—то и будетъ предлагаться.

Одна теперь бѣда — какъ ни вывертывайся, а дѣйствительнаго происшедшаго полнаго разрыва съ «спиритизмомъ» или «спиритуализмомъ» все же не спрячешь. Всѣ оправданія и объясненія—неудовлетворительны. Правовѣрные американскіе спириты сразу увидѣли, что Блаватская и Олкоттъ «измѣнили дѣлу», начали что-то хоть еще и не выяснившееся; но, во всякомъ случаѣ, новое и даже враждебное. Поэтому на нихъ, особенно же на Блаватскую, поднялись нападки въ спиритическихъ журналахъ. 6 декабря 1875 года Е. П. писала:

«... Теперь же всѣ спириты взбудоражились даже въ Англіи за это Theosophical-Society, отъ того что знаютъ, что я его затѣяла; а еслибы мы не затѣяли, то никогда въ жизни не стали бы интересоваться спиритизмомъ или изучать его. А вотъ у насъ уже два профессора ученыхъ членами, изъ Бостона. Нѣсколько Reverend-батекъ поповъ, разношерстныхъ... и много знаменитостей. Тотъ же спиритуализмъ, да подъ другимъ именемъ. Теперь посмотрите, если мы не начнемъ *investigations* самые ученые. Нашъ вице Treasurer—Newton—милліонеръ и Президентъ нью-іоркскихъ спиритуалистовъ. Да не хотятъ понять своего же блага спириты. Я имъ толковала сколько могла, не тутъ-то было. Ересь значитъ... Еще за что злится на насъ публика—отъ того что законы Общества такъ строги, что невозможно попасть въ члены, если малѣйшимъ образомъ человѣкъ замѣшанъ былъ въ грязномъ дѣлѣ. Ни *free lovers*, ни *атеистовъ*, ни *позитивистовъ* не принимаютъ въ общество»...

Вотъ ужь по-истинѣ можно сказать, que le diable, quand il devient vieux—se fait ermite! Къ тому же, съ другой стороны, сколько разъ, и словесно и *письменно*, она увѣряла, что многое множество негодяевъ, развратниковъ, мошенниковъ и чуть что не убійцъ дѣлались членами «теософическаго общества» и превращались въ святыхъ, подъ вліяніемъ его основательницы. Бѣда ея

заключалась въ томъ, что она, хоть и обладая замѣчательной памятью, всегда забывала то, что̀ писала хоть бы наканунѣ; поэтому нельзя найти двухъ ея писемъ, гдѣ не встрѣчались бы на каждомъ шагу самыя курьезныя противорѣчія...

Если спириты преслѣдовали насмѣшками *новое общество*, основанное «отщепенцами» — это было въ порядкѣ вещей и этого слѣдовало ожидать. Но тутъ приключилось другое горе, отодвинувшее на задній планъ всѣ подобныя огорченія и послужившее матерьяломъ для нѣсколькихъ огромныхъ писемъ Е. П. Блаватской къ ея русскому корреспонденту. Очень извѣстный и у насъ Россіи, нынѣ покойный, медіумъ Юмъ, — сначала въ письмахъ къ нѣкоторымъ лицамъ, а затѣмъ и печатно, — объявилъ Блаватскую, по поводу корреспонденцій и книги Олкотта, медіумомъ-обманщицей и коснулся ея «личности», о которой онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ. Все это надѣлалъ, главнымъ образомъ, появившійся въ «Grafic» и въ книгѣ Олкотта рисунокъ медали и пряжки, принесенныхъ Еленѣ Петровнѣ духами изъ могилы ея отца, г. Гана. Юмъ доказывалъ, вполнѣ основательно, что въ Россіи никогда не кладутъ въ гробъ знаковъ отличія и что медаль и пряжка, къ тому же, имѣютъ видъ *вполнѣ фантастическій*.

Е. П. Блаватская пришла въ такое же точно состояніе, въ какомъ она была десять лѣтъ спустя въ Вюрцбургѣ, когда посылала мнѣ свою «исповѣдь». Она стала увѣрять своего корреспондента, что тутъ опять «конспирація», что Юмъ началъ свои «клеветы» вслѣдствіе гнусной зависти къ ея медіумическимъ способностямъ. Противорѣча себѣ на каждомъ словѣ и путаясь въ показаніяхъ, она пробовала оправдываться относительно медали, а также «пряжки въ видѣ сердца», и писала:

«... Я не была на похоронахъ у отца. Но у меня въ эту минуту на шеѣ виситъ медаль и пряжка, принесенная мнѣ, и на кострѣ, на смертномъ одрѣ, на пыткѣ могу сказать только одно — эта *пряжка* отца моего. Медаль не помню. На пряжкѣ я сама сломала конецъ въ Ругодевѣ и видѣла ее сто разъ у отца. Если это не его пряжка, то стало быть духи дѣйствительно *черти*

и могутъ матерьялизировать что угодно и сводить людей съ ума. Но я знаю, что если даже главные кресты отца и не похоронены съ нимъ, то такъ какъ эту *медаль за 25 лѣтъ и турецкую* (?!) онъ всегда носилъ даже въ отставкѣ, въ полумундирѣ, то ее вѣроятно не сняли. Послѣ смерти его, вышли исторіи за деньги, которыя онъ оставилъ мнѣ по завѣщанію, и которыхъ я и половины не получила и сестра младшая не пишетъ мнѣ вовсе. Но я напишу Маркову, который присутствовалъ на похоронахъ и брату въ Ставрополь, потому что желаю знать правду... Всѣ слышали спичъ духа, 40 человѣкъ кромѣ меня. Что же, стало быть я сговорилась съ медіумами что ли? Ну пусть думаютъ... Въ чемъ я мѣшаю Юму на свѣтѣ? Я не медіумъ, не была и не буду профессіональнымъ. Я посвятила всю жизнь мою изученію древней каббалы (*теперь ужъ не спиритизму, какъ она писала недавно*!) и оккультизма, the Occult Sciences. Не могу я въ самомъ дѣлѣ, потому что въ молодости чортъ путалъ, распороть теперь себѣ брюхо какъ японскій самоубійца, чтобы удовлетворить медіумовъ... Положеніе мое очень безотрадное—просто безвыходное. Остается уѣхать въ Австралію и перемѣнить на вѣки имя...»

И такъ далѣе, и такъ далѣе—на *семи* огромныхъ письмахъ(около 40 мелко исписанныхъ страницъ большого формата). Она кается и кощунствуетъ, разсказываетъ такія исторіи, о которыхъ всякій бы молчалъ, припутываетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, увѣряетъ, что никому не хочетъ зла и всѣхъ прощаетъ—и вдругъ, срывая съ себя личину доброты и кротости, показываетъ дьявольскіе когти. Она объявляетъ, что если Юмъ не замолчитъ, то она всѣми мѣрами распространитъ и обнародуетъ о немъ самыя ужасныя и отвратительныя вещи (она и поясняетъ при этомъ—что̀ именно)—ибо «должна же она защищаться».

Она хочетъ запугать не только Юма, но и лицъ, которыя могутъ на него подѣйствовать; ея корреспондентъ знакомъ съ этими лицами, а потому она проситъ его убѣдить ихъ остановить Юма, заставить его молчать—не то и имъ будетъ плохо. Словомъ, *это совершенно то же самое*, что̀ было въ 1886 году, по поводу разоблаченій, сдѣланныхъ мною, и что уже извѣстно читателямъ

изъ ея «исповѣди»; только тутъ еще нѣтъ на сценѣ никакихъ махатмъ, никакихъ «теософическихъ» чудесъ. Остальное —почти тождественно, но еще грандіознѣй. Есть и комизмъ въ ея письмахъ—такъ Олкотта, среди самыхъ горячихъ фразъ съ выраженіями отчаянья, она совсѣмъ неожиданно величаетъ не только «осломъ», но и «ослинымъ дѣдушкой».

Къ концу лѣта 1876 года весь этотъ чадъ, наконецъ, осѣдаетъ и воздухъ нѣсколько очищается. Въ іюльскомъ письмѣ заключается слѣдующій курьезъ: «Посылаю вамъ вырѣзки о похоронахъ (языческихъ и даже древне-языческихъ) нашего члена барона де-Пальма. Онъ оставилъ все свое состояніе нашему обществу. Прочитайте что журналы пишутъ. До похоронъ хохочутъ надъ нами и тѣшутся, а какъ увидали похороны, то и присмирѣли. Не надъ чѣмъ смѣяться— съ носами остались...»

Наслѣдство этого *языческаго* барона, какъ оказывается по свѣдѣніямъ, заключающимся въ письмѣ отъ 5 октября 1876 года, состоитъ изъ вещей, «достаточнаго количества серебряныхъ богатыхъ рудниковъ», и «17.000 акровъ земли». Блаватская, впрочемъ, спѣшитъ оговориться, что хоть рудники и богаты, но нѣтъ денегъ на ихъ разработку, а земля никуда не годится.

Тѣмъ не менѣе тутъ же находится слѣдующее извѣстіе: «Насъ восемь человѣкъ собирающихся ѣхать въ Тибетъ, Сіамъ и Камбодію; но половина археологи и желаютъ ѣхать прежде въ Юкатанъ и Центральную Америку вообще, сравнивать руины египетскія съ американскими». Значитъ, все же есть на что̀ предпринять такое сложное, громадное путешествіе. Наслѣдство языческаго барона рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу «теософическаго общества».

XXIX.

Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ Юмомъ, Блаватская очевидно нашла, что уже все равно, что уже нечего скрывать полнѣйшей «перемѣны фронта», произведенной ею и «полковникомъ». Ересь

перешла очень быстро въ полное презрѣніе и враждебность къ спиритизму. Цѣль основанія «теософическаго общества» снова измѣнилась—ни о какихъ сравнительныхъ изученіяхъ спиритическихъ явленій съ помощью «инструкцій жидовскихъ каббалъ», ни о какихъ «пробахъ» медіумовъ не было и помину.

Елена Петровна совсѣмъ забыла, что «вся ея жизнь *уже многіе годы* была посвящена исключительно спиритизму и что она до послѣдняго издыханія будетъ проповѣдовать *ученіе* Аллана Кардека». Теперь она писала своему корреспонденту, что «вся ея жизнь *уже многіе годы* была посвящена изученію каббалистики» и т. д. Теперь цѣлью основанія «теософическаго общества» оказывались археологическія изысканія и доказательства единства древнѣйшей цивилизаціи и религіозныхъ вѣрованій во всѣхъ странахъ.

Почувствовавъ подъ собою твердую почву, самымъ крѣпкимъ и надежнымъ пластомъ которой было, конечно, наслѣдство *языческаго* барона, а также и на основаніи опыта своей жизни — Блаватская рѣшила, что чѣмъ больше апломбу, нахальства и презрѣнія къ людямъ, —тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Она сразу объявила себя ученой, знатокомъ всевозможныхъ древностей и проникнувшей въ самую глубину оккультизма.

Она посылаетъ своему корреспонденту цѣлую импровизированную лекцію, блещущую фейерверкомъ ея внезапно разгорѣвшейся учености. Она то и дѣло переходитъ отъ своего неправильнаго русскаго языка на французскій и англійскій, смотря по источникамъ, съ которыхъ дѣлаетъ свой быстрый переводъ. Вотъ образчикъ этой лекціи:

«... Когда я въ прошломъ году написала статью о тождествѣ древнихъ египетскихъ и ассирійскихъ символовъ и религіи съ культусами Ацтековъ и *Quichés* описанныхъ Brasseur de Bourbourg'омъ и Герререй испанскимъ историкомъ на меня напали всѣ археологи и обвинили въ фантазерствѣ. А я сама видѣла въ Паланкѣ и Уксманѣ своды съ треугольными арками *sans clef de voute* (извините забыла какъ по-русски) — этотъ родъ архитектуры можно найти *только* въ старѣйшихъ древнихъ храмахъ Египта,

да въ Nagkon-Wat'ѣ и Ангкорѣ, въ Сіамѣ и Камбодіи; развалины послѣдней страны интригуютъ всѣ ученыя компаніи, которыя выдавили себѣ всѣ мозги всевозможными гипотезами кромѣ настоящей; а именно, что dans les ages Archaiques, сколько тысячъ лѣтъ неизвѣстно, но конечно еще до Моисеевскаго періода, Арійцы какъ и Семитическія племена (словомъ еще до разъединенія этихъ націй) принадлежали къ одной и той же религіи, къ той которая нынѣ существуетъ только между Адептами des Sciences Occultes. А теперь выходитъ по-моему. Lord Dufferin, Gouverneur General de Canada, открылъ въ Британской Колумбіи индійское племя, до сей поры почти неизвѣстное, которое живетъ въ деревнѣ, vieille de plusieurs siecles, и которая выстроена вся изъ остатковъ самыхъ величественныхъ храмовъ, колонъ, портиковъ и т. д. И что же? Скульптура совершенно та же какъ и въ Египеткихъ храмахъ, сфинксы, крылатые бычки какъ въ Ассиріи; змѣи, и наконецъ богъ Thoth или Тотъ (Гермесъ) съ головою ястреба! Я давно указывала на то странное обстоятельство, что потомки *Quichés* въ Мексикѣ называютъ себя змѣями. «We are snakes, sons of the wise-serpents»[1]) говорятъ они. Такъ же называли себя и другія племена, Хананеяне и Мидіяне, т. е. тѣ изъ нихъ, которые были посвящены въ таинство храмовъ, les initiés de la toute Theurgie, какъ отецъ жены Моисея напримѣръ, Рюэль, онъ же Jethro, Мидіанинъ, который обучалъ его магіи. Змѣиными норами назывались тѣ подземные ходы которые служили мѣстомъ для Мистерій храма и были извѣстны лишь посвященнымъ адептамъ; cryptes des couleuvres какъ называетъ ихъ Шамполіонъ Фежакъ. Гіероглифы, пирамиды *les Cénocephales*, священныя обезьяны, крокодилы, обряды, поклоненіе солнцу какъ видимому символу невидимаго Божества всю эту Египетскую и Халдейскую старину вы найдете въ Центральной и Сѣверной Америкѣ, и много того же въ Эзотерическихъ обрядахъ Буддистовъ-мистиковъ. Когда Врангель указывалъ ученымъ на ту возможность — скорѣе вѣроятность — что Индійцы и Мексиканцы найденные въ

---

[1]) „Мы змѣеныши, дѣти мудрыхъ змѣй“.

Америкѣ Кортесомъ, потомки выходцевъ Европы, и Азіи, Сибирскихъ Татарскихъ племенъ которые перешли съ одного континента на другой черезъ Беринговъ проливъ, надъ нимъ смѣялись тоже; а теперь выходитъ что онъ *частью* правъ. Всѣ народныя легенды на то указываютъ. Но у Индійцевъ Британской Колумбіи, владѣтелей Египетскихъ сфинксовъ и другихъ символовъ, преданіе другое еще. Они прямо говорятъ, что ихъ предки прилетѣли изъ-за океана на *птицахъ съ крыльями* (судахъ съ парусами какъ я понимаю) и что у каждой изъ этихъ птицъ на груди было лицо жены «Великаго Духа» которую они называютъ Диду. Ну какъ же не узнать въ этой Диду Дидону, имя которой было смотря по національностямъ и Астартея, и Венера, и Дидона, и Елисса, и Анаита и Артемида и Al-иза, богиня нынѣ Магометанской Мекки? Дидона была не *живая* царица какъ вамъ извѣстно, а просто миѳъ, идолъ богини Астарте, непремѣнная принадлежность каждаго финикійскаго корабля; они обыкновенно прикрѣпляли ея голову sur la proue du vaisseau. А Финикійцы тѣ же предки жидовъ Палестинскихъ, по мнѣнію Геродота и болѣе современныхъ историковъ. Финикійцы наконецъ тѣ же Хананеяне которые бѣжали передъ войскомъ Іисуса Навина и проѣхали черезъ колонны Геркулесовскія на которыхъ по показанію историковъ вырѣзана была надпись: «nous sommes les fils de ceux qui fuirent devant le brigand Jesus, fils de Navé»[1]). Это показываетъ историкъ Прокопій и св. Августинъ (De belle Vandalo). Значитъ тѣ что бѣжали и проѣхали въ Америку Хивимы, или les Heveens, descendants de Heth, fils de Chanoon. Впрочемъ все вышесказанное *моя собственная* спекуляція, а Археологи другого мнѣнія. Все это я вамъ пишу не зная интересуетъ ли васъ. Но вы желаете знать чѣмъ мы занимаемся на нашихъ засѣданіяхъ. Вотъ археологическими изслѣдованіями, которыя объясняютъ тождественность символовъ всѣхъ древнихъ народовъ; отъ символовъ не далеко до «medecine men» всѣхъ Индійскихъ племенъ; medecine men т. е., тѣ же адепты магіи — quoique degenerés —

[1]) „Мы дѣти тѣхъ, которые бѣжали отъ разбойника Іисуса сына Навина“.

древняго Египта и современной Индіи съ ея Ламами и Факирами которыхъ описываетъ Jaccoliot и «Art Magic». Мы добираемся до корней всего. Такой-то символъ напримѣръ значитъ то-то, и принадлежитъ такому-то Божеству, Юпитеру напримѣръ; Юпитеръ въ каждомъ своемъ видоизмѣненіи какъ *Низходящій* въ видѣ *дождя*, непремѣнно означаетъ какую-либо силу въ природѣ. Извѣстную ли современнымъ ученымъ либо *неизвѣстную еще* (послѣднее случается гораздо чаще). Каждая такая сила, «a cosmic force or power если разъ была возведена въ символъ древними, значитъ свойство ее или особенность была извѣстна имъ. Символъ dans le sens exoterique était livré à la masse ignorente et se trouve traité dans notre siecle (si savant mon Dieu!) de *superstition*; mais les initiés les prêtres de l'odyte et de sanctuaire connaissaient bien sa valeur reelle; ils savaient ce que cette force naturelle et physique contenait de mystérieux et d'occulte dans ses diverses combinaisons, ce que les savants de nos jours ignorent et regettent par consequence»...[1]).

Далѣе Е. П. Блаватская увѣряетъ, что она проникла въ секретъ Симона Волхва и что вовсе не трудно подниматься съ земли и летать. «Ей Богу, вы въ эту минуту думаете и соображаете не свихнула ли я совсѣмъ съ ума? Однако это такъ. Я объяснила этотъ законъ—*чисто физическій*—нашимъ членамъ, и доказала имъ кромѣ того фактами что это такъ. Съ электрической баттареей и сильнымъ токомъ мы убѣдились сперва извѣстнымъ процессомъ какого рода магнетизмъ былъ *на коврѣ* комнаты, наэлектризовали кошку—и она была поднята на нѣсколько вершковъ. Наэлектризовали сильнѣе несмотря на мои предостереженія и конечно бѣдная кошка мгновенно сдохла ..»

Хоть я и не производилъ никогда подобныхъ *опытовъ*, но осмѣливаюсь думать, что тутъ совсѣмъ даже не представлялось необхо-

---

[1]) „въ смыслѣ экзотерическомъ былъ предоставленъ невѣжественной толпѣ и признается въ нашъ вѣкъ (столь ученый, о Боже!) *суевѣріемъ*; но посвященные, жрецы „одита" и святилища, хорошо были знакомы съ его истиннымъ значеніемъ; они знали, какъ много таинственнаго и оккультнаго заключала въ своихъ различныхъ соединеніяхъ эта естественная и физическая сила,—чего ученые нашихъ дней не знаютъ, а слѣдовательно и отвергаютъ..."

димости «убѣждаться сперва *извѣстнымъ процессомъ*, какого рода магнетизмъ былъ *на коврѣ* комнаты» и надо только удивляться, какъ эта несчастная кошка поднялась всего на нѣсколько вершковъ, а не прыгнула до потолка, прежде чѣмъ «сдохнуть». Я не знаю, можетъ быть Елена Петровна когда-нибудь и поднималась на воздухъ, подобно Симону Волхву, но свидѣтельствую, что черезъ десять лѣтъ, въ «вюрцбургскія времена», она во всякомъ случаѣ потеряла эту способность и забыла свой секретъ. Она, бѣдная, часто не могла и руки поднять, страдая отчаяннымъ ревматизмомъ.

Послѣ этого письма прошло не мало времени, около девяти мѣсяцевъ, а интересная поѣздка все еще не состоялась. Очевидно Блаватской и «полковнику» хорошо жилось и въ Нью-Іоркѣ, да и дѣло было: прежде, чѣмъ сняться съ якоря и надолго, если не навсегда покинуть Америку, необходимо было, конечно, реализировать наслѣдство «языческаго барона», обратить въ деньги его серебряные рудники и земли. Теософы, мало-по-малу, заинтересовываются буддизмомъ и помышляютъ о «души спасеніи». 15 іюня 1877 года Блаватская пишетъ изъ Нью-Іорка:

«... Наши Ѳеозофы (*локальные*) вообще должны не только въ ротъ капли не брать, да даже поститься постоянно. Я ихъ пріучаю ничего не ѣсть: коль не помрутъ, такъ пріучатся; а не выдержатъ, такъ имъ же лучше. Въ Нирвану отправятся прямо, а мы ихъ сожжемъ съ торжествомъ и языческой церемоніей. Вотъ Judge (Джёджъ), такъ просто Аргатомъ святымъ сдѣлался. Видѣнія зритъ, и летаетъ: и какъ увѣряетъ каждую ночь вылѣзаетъ изъ тѣла и прогуливается въ безпредѣльномъ пространствѣ. Мы звонимъ (въ) колокольчикъ въ 47 улицѣ (у меня въ комнатѣ), а онъ въ Бруклинѣ слышитъ за 8 миль, и сейчасъ же въ путь пускается и черезъ два часа является на зовъ...»

Вѣдь сама она смѣется надо всѣмъ этимъ, не можетъ удержаться отъ насмѣшки въ письмѣ къ соотечественнику: «смотрите, молъ, какіе дурни, и какъ я ихъ вожу за носъ!»

О выходѣ въ свѣтъ своей «Изиды» Е. П. Блаватская извѣщаетъ 2 октября 1877 года: «Ну, книга моя вышла въ свѣтъ

наконецъ. Родилась сердечная въ прошлую субботу сентября 29, а за недѣлю до того еще мой издатель уже послалъ всѣмъ редакторамъ журналовъ передовые экземпляры, прилагая при семъ рецензію «N. I. Herald». Я какъ прочитала чуть въ обморокъ не упала. Приготовилась ко всеобщему руганью, а вдругъ вона, похвала-то какая, да еще отъ одного изъ консервативнѣйшихъ и католическихъ журналовъ. Замѣтьте, послѣдній параграфъ—гдѣ говорится, что Isis Unveiled—is one of the remarkable productions of the century» [1]). Можетъ и будутъ еще ругать, а все же въ два дня раскупили все первое изданіе (1000 экземпляровъ) даже и подписчики принуждены ждать еще недѣлю, пока второе изданіе выйдетъ... А книга вышла важная, два тома огромные, красные съ золотымъ корешкомъ, на которомъ сидитъ верхóмъ Изида разоблаченная. А index'омъ я просто горжусь. Его составилъ для меня профессоръ Вильдеръ нашъ вице-призедентъ и извѣстный археологъ въ Америкѣ... У насъ теперь множество корреспондентовъ-членовъ «Fellows» въ Индіи, и мы думаемъ на будущій годъ отправиться въ Цейлонъ и поселиться тамъ, какъ «Head Quarters» нашего Общества. Я получила чинъ «Arch Auditor» отъ главнаго массонскаго Общества въ Индіи. Это самая древняя изъ массонскихъ ложъ и говорятъ существовала еще до Р. Х...»

Однако не все же лавры. Въ письмѣ отъ 6 ноября 1877 г. Е. П. Блаватская жалуется, что многіе журналы, которые судятъ, якобы, только по обложкѣ и по «table of contents» (оглавленію), обвиняютъ ее «въ распространеніи *трансцендентальныхъ безсмыслицъ*, а нѣкоторые такъ прямо, по-американски, называютъ дурой...» Одному изъ редакторовъ, пишетъ она,—«Олкоттъ чуть въ рожу не далъ, да это что же поможетъ!»

Смущаетъ ее сильно и другое обстоятельство: вышла въ свѣтъ

---

[1]) „Разоблаченная Изида—одно изъ замѣчательныхъ произведеній столѣтія". Этотъ удивительный отзывъ „Herald"'а можетъ быть объясненъ развѣ только тѣмъ, что въ Америкѣ продается *все*, а отзывы прессы прежде всего. На это есть даже, говорятъ, *такса*. Иначе какимъ же бы образомъ католическая газета расхваливала книгу, гдѣ заключаются самыя отчаянныя выходки и брань противъ католической религіи?

книга Юма, гдѣ онъ не поцеремонился съ Еленой Петровной и разсказалъ много краснорѣчивыхъ вещей о ея плутняхъ всякаго рода. Она пишетъ: «Отъ того я и уѣзжаю *на въки въ Индію* [1]), и желаю заѣхать туда, гдѣ и имени моего никто не знаетъ, отъ стыда и горя. Юмъ погубилъ меня своею злобою на вѣки въ Европѣ. Должно быть хорошія штуки онъ писалъ — когда его жена вынуждена была написать M-r Martheze въ Лондонъ, чтобы онъ ради Бога не обращалъ вниманія на письма ея мужа, такъ какъ онъ (Юмъ) *сумасшедшій*! [2]). Книги Юма ни Олкоттъ, ни я, не только не читали, но даже въ глаза не видали. Олкоттъ еще до ея выхода далъ себѣ слово никогда не открывать ее даже, и сдержалъ его. Ему нѣсколько разъ предлагали отвѣчать на нее и одинъ изъ издателей лондонскаго «Atheneum» написалъ ему предлагая отвѣтить на всѣ пункты въ его рецензіи. Но Олкоттъ отказался» [3]).

Послѣ этого болѣе чѣмъ на полтора года прекращаются письма Е. П. Блаватской. Но вотъ совершилось переселеніе теософовъ въ Индію. Очевидно практичному Олкотту удалось обратить въ деньги серебряные рудники и земли барона де-Пальма. Елена Петровна очутилась въ Бомбеѣ, гдѣ и основала пока «Главную квартиру теософическаго общества». Этого мало — она рѣшилась издавать журналъ «Теософистъ» и, посылая печатное, широковѣщательное о немъ объявленіе, пишетъ изъ Бомбея, 16 іюля 1879 года:

«Неужели забыли насъ? Позвольте же напомнить о сиротахъ нынѣ благополучно пребывающихъ въ Бомбеѣ среди чудодѣйныхъ *саньязи*, факировъ, іоги и кобра-капеллъ. На счетъ психологіи

---

[1]) Вотъ ужь теперь она уѣзжаетъ *на вѣки* въ Индію не для „теософическаго общества", а отъ разсказовъ Юма!!

[2]) Конечно жена Юма ничего подобнаго не писала, и Блаватская это тутъ же выдумала. Такимъ образомъ оказывается, что обычай объявлять своихъ обличителей *сумасшедшими* (*см. главу* XXIV *моего разсказа*) издавна уже практиковался Еленой Петровной.

[3]) Конечно, если нѣтъ никакой возможности оправдаться въ прямо и опредѣленно поставленныхъ обвиненіяхъ — самое лучшее зажимать уши и *молчать*, — даже и въ томъ случаѣ, если предлагаютъ страницы журнала для отвѣта. Только неподражаемая Елена Петровна могла такъ наивно разсказывать объ этомъ!

нашъ журналъ заткнетъ за поясъ всѣ спиритическіе журналы. Неужели ужь и словечка болѣе не получу отъ васъ? Полковникъ Олкоттъ свидѣтельствуетъ глубочайшее почтеніе.—Будьте такъ добры, позвольте узнать, можно ли намъ посылать этотъ журналъ въ Россію безъ конверта, просто подъ оберткой! Какъ видите, о политикѣ въ немъ не найдется *ни слова*; только о философіи, психологіи, и—метафизикѣ. Господи! что это за страна чудесъ когда бы вы знали. Неужели, ни одинъ изъ вашихъ Петербургскихъ журналовъ не нуждается въ статьяхъ изъ Индіи? Я бы имъ такія настрочила, что они остались бы довольны.— Будьте великодушны дайте знать. Вѣдь я читала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что они нуждаются въ свѣдѣніяхъ объ индійскихъ религіяхъ. А я вѣдь—какъ увидите по программѣ окружена представителями всевозможныхъ религій. У насъ теперь *74 тысячи* (!?) членовъ теософическаго общества и Арія Самаджи. Только что вернулась изъ Раджпутаны и North Western Provinces,—ѣздила на слонахъ, проникала въ сокровенныя пагоды, и—да нѣтъ и словъ, чтобы достаточно выразить *чувствія!*»

Въ письмѣ отъ 18 октября 1879 года чувствуется такое же бодрое, самоувѣренное настроеніе: «... Мы вотъ четыре мѣсяца муссона (*monsoon*, сирѣчь) подъ дождемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ паромъ. Дождь льетъ сверху, а паръ идетъ снизу, и поэтому сырость и мокрота невообразимыя! Особенно же одолѣли скорпіоны и стоножки; да и кобръ изрядное количество у насъ въ саду. Только знай, что читай «мантры», заклинанія; и безъ *магіи* здѣсь и невозможно жить. Одни астрологи, алхимики да магусы нашего общества и спасаютъ насъ отъ погибели. А все же живемъ и даже толстѣемъ. Не прислать ли вамъ «мантру» отъ лихоманки и всякихъ другихъ болѣзней да напастей? Да, вѣдь вы православный—не приметься къ вамъ!.. У насъ въ журналѣ пишутъ всѣ знаменитые санскритологи и *пандиты* Индіи, какъ вы увидите...»

Далѣе Е. П. Блаватская извѣщаетъ о томъ, что она послала Каткову «огромную статью (первыя 5 главъ) записокъ объ Индіи». Эта «Огромная статья» и оказалась началомъ ея «Изъ пе-

щеръ и дебрей Индостана». Рукопись была исправлена (въ смыслѣ неправильностей языка и ошибокъ), приведена въ порядокъ, а затѣмъ скоро появилась на страницахъ «Русскаго Вѣстника».

Дальнѣйшее не представляетъ особеннаго интереса, да и переписка скоро совсѣмъ прекращается. Но дѣйствительная исторія возникновенія «теософическаго общества» возстановлена на основаніи *такихъ документовъ*, передъ которыми должны «положить печать молчанія на уста свои» всѣ провозвѣстники и защитники *теософической легенды*. Дѣйствительную *правду*—невольно, наивно,—повѣдала намъ здѣсь *сама* Елена Петровна Блаватская. Отъ нея *самой*, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ свидѣтельствамъ, мы узнали, что она «съ 1863 года отдала всю свою жизнь спиритизму», что въ Америкѣ она была самой ревностной его защитницей; но что, когда явился вопросъ о «кускѣ хлѣба»—она измѣнила тому *ученію*, которое объявляла единою истиной, — и стала придумывать нѣчто новое, чѣмъ можно было бы заинтересовать «публику». Мы прослѣдили всѣ первые фазисы «теософическаго общества».

Далѣе, уже изъ *печатныхъ* источниковъ, все видно очень ясно. Когда, въ 1884 году, Блаватская, Олкоттъ и Могини поѣхали или *посланы были* въ Европу—они явились съ хитростью, объявили свое общество *чисто ученымъ*, занимающимся лишь разработкой «восточныхъ знаній» и не только не касающимся, но и глубоко уважающимъ вѣрованія своихъ членовъ, къ какимъ бы религіямъ они ни принадлежали. Они печатно, въ своемъ *уставѣ*, объявили это.

Но, и помимо обманныхъ феноменовъ, производившихся Блаватской, «теософическое общество» возмутительно *обмануло* тѣхъ людей, которые записались его членами, довѣрившись *уставу*. Мало-по-малу выяснилось, что это вовсе не всемірное ученое братство, принадлежать къ которому, съ чистой совѣстью, могутъ послѣдователи различныхъ религій,—а прямо группа людей, начавшая провозглашать, въ своемъ органѣ «Теософистѣ» и

другихъ своихъ изданіяхъ, смѣшанную *религіозную доктрину*. Наконецъ и эта доктрина, въ послѣдніе годы жизни Блаватской, уступила мѣсто прямой и открытой пропагандѣ самаго правовѣрнаго экзотерическаго буддизма съ провозглашеніемъ: «Our Lord Boudda» (нашъ Господь Будда) и съ постоянными нападками на христіанство.

Все это совершилось постепенно, мало-по-малу, въ волнахъ густого тумана, среди фейерверка ложныхъ чудесъ Блаватской, различныхъ скандальныхъ исторій и таинственнаго шопота одурманенныхъ, истеричныхъ дамъ и кавалеровъ.

Въ 1875 году американскій спиритъ Олкоттъ «сидѣлъ на грудахъ нераспродающихся экземпляровъ своего сочиненія о чудесахъ братьевъ Эдди», а всесвѣтной обманщицѣ Блаватской, по ея словамъ, «не съ кѣмъ было ругаться и необходимъ былъ кусокъ хлѣба»—и вотъ теперь, въ 1892 году, какъ прямое слѣдствіе этой причины, мы видимъ цѣлое религіозное движеніе, видимъ благополучное, развивающееся насажденіе буддизма въ Западной Европѣ.

Откуда же, однако, явилась возможность такого успѣха дѣла, основаннаго на фантазіи, на лжи и обманѣ? Олкоттъ могъ быть во сто разъ энергичнѣе, Блаватская могла быть во сто разъ талантливѣе и симпатичнѣе въ своихъ сношеніяхъ съ друзьями,—но сколько бы ни сѣяли они—не видать бы имъ богатой жатвы, еслибы зерна не падали на плодотворную, подготовленную къ воспринятію ихъ почву. Значитъ, все дѣло *въ почвѣ*, и только *ея анализъ* можетъ объяснить загадку и отвѣтить на всѣ вопросы.

Недавно вышла въ свѣтъ новая книга извѣстнаго Макса Нордау, носящая названіе: «Entartung» (вырожденіе). Въ этой книгѣ талантливый авторъ разсматриваетъ многія ненормальности современнаго общества, расшатаннаго, нервнаго, психопатическаго, истеричнаго. Между прочимъ онъ говоритъ, что не существуетъ такого убѣжденія, добытаго здоровой умственной работой, которое съ такою бы силой овладѣвало всѣмъ существомъ человѣка,—какъ дѣлаетъ это *манія*. Страдающаго *маніей* или бредомъ—ничѣмъ не убѣдишь. Онъ идетъ на проломъ, забывая даже о чув-

ствѣ самосохраненія. Такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя весьма крупную силу, которой невольно подчиняются люди, слабые умомъ и потерявшіе равновѣсіе. Эта мысль Нордау подтверждается наблюдавшимися издавна различными коллективными маніями, особенно поразительными среди нервно разстроенныхъ лицъ, главнымъ образомъ женщинъ—въ женскихъ монастыряхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

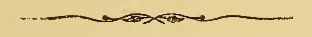
Далѣе авторъ приводитъ замѣчательный примѣръ, взятый имъ изъ «Дневника» Гонкура, разсказывающаго, что въ Парижѣ, въ 1870 году, толпа, состоявшая изъ 10 тысячъ человѣкъ, «*видѣла своими глазами и читала*» телеграмму о побѣдѣ французовъ надъ нѣмцами. Эта телеграмма, на которую указывали пальцами, была, по убѣжденію всѣхъ, наклеена на одной изъ колоннъ зала въ зданіи Парижской Биржи. *Въ дѣйствительности же никакой телеграммы не было*—она всѣмъ только казалась. Такихъ примѣровъ внушенія толпѣ ложныхъ представленій—не мало.

Истеричные люди весьма способны подчиняться убѣжденію въ необыкновенныхъ достоинствахъ какого-нибудь сочиненія и даже видѣть въ немъ такія красоты, какихъ не подозрѣвалъ ни авторъ, ни заботившіеся о его прославленіи. Если у новой секты есть какой-нибудь успѣхъ, то она пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ и помимо истеричныхъ, способныхъ къ воспринятію внушенія. Молодежь, ищущая пути, спѣшитъ за толпою, полагая, что тутъ-то и есть истинный путь. Люди малоумные, пуще всего боящіеся, какъ бы не прослыть отсталыми, присоединяются къ толпѣ и шумно прославляютъ новоявленную знаменитость. Молодящаяся старость, желающая скрыть свой возрастъ, тоже плетется въ новый храмъ и подпѣваетъ дребезжащимъ голоскомъ гимнъ правовѣрныхъ, надѣясь, что среди молодежи и она сойдетъ за молодежь. Вся эта толпа, соединившаяся благодаря своей болѣзненности, своему тщеславію и корыстолюбію, шумитъ и гремитъ несравненно сильнѣе, нежели гораздо бо́льшее количество людей здоровыхъ, спокойно и безъ эгоистическихъ цѣлей наслаждающихся твореніями здоровыхъ талантовъ..

Этотъ взглядъ Макса Нордау оказывается весьма примѣни-

мымъ къ рѣшенію вопроса о причинѣ крупнаго успѣха «теософическаго общества». *Такой* успѣхъ *такого* дѣла могъ созрѣть только на почвѣ, пропитанной болѣзнетворными испареніями, въ средѣ именно «вырождающейся» и, въ то же время, безсознательно томящейся глубокимъ, мучительнымъ невѣріемъ. Когда въ человѣческомъ обществѣ исчезаетъ вѣра,—на ея мѣсто непремѣнно являются суевѣрія всякаго рода. Томленіе невѣрія, расшатавшее вырождающійся организмъ, фатально влечетъ къ фанатизму суевѣрія, къ фанатизму самому жестокому, безумному и мрачному—ибо онъ знаменуетъ собою существованіе въ обществѣ серьезной, быстро укореняющейся заразы.

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.



Письма объ искусствѣ.

Школа нравовъ и свободное искусство.

Въ театръ ходятъ всѣ, и очень мало людей, которые его не любятъ. Театромъ интересуются едва-ли не болѣе, чѣмъ какою-либо другою стороною общественной жизни. Въ газетѣ рѣдко кто читаетъ политическія передовыя статьи; многіе только пробѣгаютъ телеграммы Сѣвернаго Агентства и „нашихъ собственныхъ корреспондентовъ“, но почти никто не пропускаетъ театральнаго отдѣла, и всякіе: „Театръ и музыка“, „Театральное эхо“, „Театральный курьеръ“ и т. п. прочитываются съ начала до конца. Несомнѣнно, что изъ всѣхъ искусствъ, театральное—самое распространенное, наиболѣе любимое и общедоступное. Даже романъ, этотъ царь и кумиръ конца нашего столѣтія, поглотившій собою всѣ другія формы изящной словесности, притянувшій къ себѣ всѣ лучшія силы современной намъ эпохи, и тотъ уступаетъ первенство театру, ибо, какъ ни великъ кругъ его потребителей, какъ ни разнообразна толпа современныхъ читателей, кліентура театра, его „публика“ еще многочисленнѣе и несравненно сложнѣе и шире по составу. Каждый вечеръ театръ собираетъ нѣсколько сотенъ зрителей, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ $^1/_5$ часть чужда интересамъ изящной литературы и, посѣщая современный театръ, совершенно игнорируетъ современный романъ.

Искусство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, потому именно получаетъ важное значеніе въ ряду общественныхъ интересовъ, что сила его воздѣйствія на эстетическое и нравственное развитіе общества неоспорима. Понятно, насколько важно значеніе и насколько велика сила такой распространенной и доступной формы искусства, какъ театръ. Художествен-

но-и нравственно-воспитательное его значеніе громадно, и едва-ли кто станетъ это оспаривать. Я не хочу этимъ сказать о *положительномъ* и *непосредственномъ* воздѣйствіи театра на нравы, и далекъ отъ мысли проповѣдовать театръ нравственно-тенденціонный. Кто не знаетъ, что морализующая сила театра—не въ восхваленіи путемъ сцены подвиговъ купца Иголкина, не въ прославленіи Минина и Пожарскаго и не въ поученіяхъ посредствомъ изображеній гнуснаго порока на пространствѣ „30-ти лѣтъ или жизни игрока", а въ томъ косвенномъ воздѣйствіи на духовное развитіе общества, которое получается отъ театра въ силу его *художественности* и составляетъ истинную нравственную суть театра также, какъ и всѣхъ другихъ видовъ искусства.

Но если театръ, не удовлетворяющій строгимъ требованіямъ художественности, безсиленъ въ отношеніи морализующаго воздѣйствія на зрителей, какими бы поучительными задачами онъ ни задавался, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ такъ же безразличенъ въ противоположномъ отношеніи, т. е., чтобы онъ не наносилъ нравственнаго ущерба обществу въ силу своей *нехудожественности*, а тѣмъ болѣе невѣжественности, пошлости и грязи.

Если ожидать *исправленія нравовъ* театромъ было бы непростительною наивностью, то съ другой стороны закрывать глаза на участіе театра въ *порчѣ нравовъ* было бы преступнымъ легкомысліемъ. Это отрицательное вліяніе театра, эта порча тоже, конечно, не непосредственная, какъ не непосредственно вообще вліяніе театра, но едва-ли возможно ожидать отъ такого театра содѣйствія къ развитію въ обществѣ здоровыхъ идеаловъ и поднятія нравственнаго и художественнаго уровня. Пожарскіе и Иголкины дѣла, конечно, не улучшатъ, но ухудшится оно несомнѣнно тамъ, гдѣ съ такой могучей каѳедры, какъ сцена, идетъ непрерывная проповѣдь пошлости, безпросвѣтнаго пессимизма и заплеванія лучшихъ душевныхъ движеній въ угоду низменнѣйшимъ сторонамъ человѣческой природы.

Много было говорено и писано о томъ, что нашъ современный театръ совершенно забылъ служеніе задачамъ художественнымъ, исключилъ поэзію, эту главную одухотворяющую его силу, изъ своихъ средствъ, покинулъ изысканія въ неисчерпаемой области человѣческаго духа и обратился всецѣло или въ безцѣльныя изображенія заурядной дѣйствительности, или въ „зрѣлища", направленныя къ одной цѣли—забавлять зри-

теля какими бы то ни было средствами. Я говорю—изображенія безцѣльныя,—такъ какъ въ нихъ не замѣчается идейности художественной комедіи, показывающей зрителю его отрицательныя стороны; въ пьесахъ современнаго театра шаблонная идея служитъ только прикрышкой ихъ полной безъидейности, и вся суть внутренняго содержанія сосредоточена въ потугахъ фотографически точнаго воспроизведенія ничего не доказывающей и ничего не объясняющей обыденности, доступной узкимъ и близорукимъ наблюденіямъ авторовъ - ремесленниковъ. Чаще же всего наши современные драматурги преслѣдуютъ одну цѣль—легкій успѣхъ, знаютъ одинъ только путь—забавлять толпу и одно лишь средство—льстить ея вкусамъ, ловко и исподтишка щекоча ея животную подкладку. Все это далеко не ново и повторять здѣсь было бы и лишнимъ, и не идущимъ прямо къ дѣлу.

Такъ или иначе, если не положительное, то отрицательное вліяніе театра на общество такъ велико и серьезно, что, казалось бы, въ ряду всѣхъ другихъ искусствъ театръ долженъ быть предметомъ особыхъ заботъ и особенно серьезнаго вниманія. Между тѣмъ на дѣлѣ, по какому-то совершенно непонятному недоразумѣнію, на театръ установился и до сихъ поръ держится крайне легкомысленный взглядъ: на него все еще смотрятъ, главнымъ образомъ, какъ на развлеченіе, на забаву, серьезнаго же его значенія, скажу прямо, *государственнаго*, повидимому, никто знать не хочетъ.

Другіе виды искусства: изящная литература, музыка, живопись, ваяніе, зодчество окружены извѣстными попеченіями, направленными къ поддержанію и развитію ихъ, какъ морализующей, воспитательной силѣ, въ обществѣ и государствѣ. Для поддержки, направленія, поощренія, развитія всѣхъ этихъ искусствъ имѣются спеціальныя государственныя учрежденія, правительственные и общественные организмы, вѣдающіе ихъ интересы, и нельзя не признать законности такихъ попеченій и не быть благодарнымъ за доставляемыя ими блага на славу и пользу этихъ возвышеннѣйшихъ интересовъ родной страны.

Рядомъ съ этимъ чѣмъ-то непонятнымъ должно показаться, что такая могучая сила, какъ театръ, оставлена совсѣмъ въ сторонѣ; заботы о театрѣ самыя поверхностныя, мѣры къ его преуспѣянію разрозненныя, принимаемыя вскользь, между прочимъ, и онъ занимаетъ чуть-ли не послѣднее мѣсто въ ряду

другихъ задачъ и заботъ тѣхъ учрежденій, къ вѣдомству которыхъ театръ причисленъ.

Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что не мѣшаетъ взглянуть попристальнѣе на то положеніе, которое онъ занимаетъ въ дѣйствительности.

Число театровъ въ Россіи весьма значительно, и театры, большіе и малые, постоянные и случайные, раскинуты по всему широкому пространству нашего отечества. Есть такія дебри и углы русской провинціи, гдѣ изящныя искусства извѣстны чуть-ли не по наслышкѣ только, но театръ въ нихъ существуетъ, а стало быть существуетъ извѣстная доля оказываемаго имъ вліянія на зрителей, на мѣстное общество, на извѣстное, большее и меньшее, число русскихъ людей, „сыновъ своего отечества".

Чѣмъ же регулируется существованіе и дѣятельность русскихъ театровъ? Какія государственныя заботы вызываетъ это, столь распространенное, орудіе нравственнаго вліянія на воспріимчивую толпу обывателей наивной провинціи?

Частные театры въ Россіи относятся къ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Одинъ изъ центральныхъ органовъ этого министерства—главное управленіе по дѣламъ печати—разсматриваетъ пьесы и вообще все предназначаемое для публичныхъ представленій и дозволяетъ или запрещаетъ, смотря по тому, удовлетворяетъ ли разсматриваемое цензурнымъ требованіямъ. Цензурныя требованія касаются, конечно, не художественной стороны этого матерьяла театральныхъ представленій, а того, насколько *содержаніе* пьесы соотвѣтствуетъ общимъ правиламъ Устава о цензурѣ и печати (ст. 4 и 93—113 изд. 1890 г., т. XIV) и кромѣ того—безвредно по впечатлѣнію на зрителей въ политическомъ и нравственно-полицейскомъ отношеніи.

Нечего и говорить, что театральное представленіе можетъ быть совершенно невиннымъ съ этихъ сторонъ по содержанію и тѣмъ не менѣе оказывать отрицательное вліяніе вслѣдствіе *противухудожественности* какъ самой пьесы, такъ и исполненія ея на сценѣ, и что въ этомъ отношеніи театральныя представленія находятся за предѣлами цензурнаго надзора.

Дѣятельностью драматической цензуры главнаго управленія по дѣламъ печати и ограничивается участіе центральныхъ учрежденій министерства въ положеніи театральнаго дѣла. Всѣ дальнѣйшія о немъ заботы лежатъ на обязанности мѣстныхъ

административныхъ и полицейскихъ властей. Эти мѣстныя власти разрѣшаютъ открытіе театровъ и вообще публичныя представленія, слѣдя при этомъ за выполненіемъ цензурныхъ требованій, составляющихъ единственное указаніе, преподанное центральною властью въ руководство мѣстнымъ ея органамъ.

Предоставленіе театра тому или другому предпринимателю, опредѣленіе условій веденія дѣла, характера представленій и прочаго—что̀ именно и придаетъ театру то или другое значеніе и опредѣляетъ силу и сферу его вліянія въ данной мѣстности—не принадлежитъ къ числу задачъ мѣстныхъ административныхъ властей. Эти условія опредѣляются иногда городскими общественными учрежденіями въ тѣхъ случаяхъ, когда театръ принадлежитъ городу и имъ отдается предпринимателю; въ остальныхъ случаяхъ арендаторъ частнаго театра подчиненъ надзору полицейской власти только по отношенію соблюденія правилъ цензурныхъ и общихъ условій порядка и благочинія въ мѣстахъ публичныхъ собраній. Полицейская власть, удостовѣрившись, что пьесы, назначаемыя къ представленію, цензурою дозволены, подписываетъ афишу и разрѣшаетъ представленіе, во время котораго, какъ выше было сказано, блюдетъ за порядкомъ и благочиніемъ. Этимъ и исчерпывается отношеніе правительственной власти къ веденію театральнаго дѣла въ Россіи.

Возбуждался, правда, вопросъ о болѣе близкомъ участіи мѣстнаго начальства въ разрѣшеніи театровъ тому или другому лицу въ видахъ огражденія участи артистовъ, столь часто становящихся жертвами антрепренерской несостоятельности или недобросовѣстности; но вопросъ этотъ, возникавшій по ходатайству потерпѣвшихъ, не привелъ ни къ какимъ ощутительнымъ послѣдствіямъ. Мѣстному начальству хотя и была указана желательность руководствоваться при разрѣшеніи открытія театровъ извѣстною благонадежностью, личною и имущественною, предпринимателей, обезпечивая исправность ихъ обязательствъ къ труппѣ какими-либо залогами, но мѣра эта была предоставлена усмотрѣнію мѣстнаго начальства, обязательной силы не имѣла и болѣе точнаго и подробнаго развитія на практикѣ не получила. Таково въ общихъ чертахъ юридическое положеніе русскаго театральнаго дѣла по нашему законодательству.

Въ житейской дѣятельности положеніе его приблизительно такое: въ кабинетѣ или въ „присутствіи“ мѣстнаго полиціймейстера или исправника появляется бритый субъектъ съ „печатью проклятья на челѣ“ и рекомендуется артистомъ Волинымъ-Раздольскимъ, *снявшимъ* на предстоящій сезонъ театръ купца Круподерова для представленій организованнаго имъ „товарищества“, состоящаго, конечно, изъ „лучшихъ артистическихъ силъ“. На вопросъ, чѣмъ же онъ думаетъ угощать „нашу публику“?—г. уполномоченный товарищества дѣлаетъ строго-умное лицо и спѣшитъ увѣрить „полковника“ что для него задачи *святаго искусства* всегда стояли выше какихъ-нибудь корыстныхъ разсчетовъ, и что серьезнымъ репертуаромъ и „честнымъ отношеніемъ“ къ „дѣлу“ онъ постарается способствовать „развитію истиннаго вкуса“ въ мѣстной публикѣ и поднятію значенія театра—увы, повсемѣстно столь упавшаго. Проговоривъ эту *честную* тираду, г. Волинъ-Раздольскій замѣчаетъ, что она не произвела ожидаемаго дѣйствія, и что лицо „полковника“ отнюдь не просіяло бо̀льшимъ благоволеніемъ на „серьезные“ планы насадителя „истинныхъ вкусовъ“. Напротивъ, замѣчается какъ-будто какое-то разочарованіе, и не безъ грусти и нѣкоторой холодности звучитъ отвѣтъ: „желаю вамъ успѣха, но предсказать его не могу; многіе уже до васъ пробовали заводить серьезный театръ, но *наша публика* не любитъ этихъ, тамъ, разныхъ трагедій: вотъ на *веселенькое* что-нибудь еще ходятъ“. Г. Волинъ-Раздольскій очень чутокъ: онъ улавливаетъ налету ласковую интонацію полковничьяго голоса на словѣ „веселенькое“ и сейчасъ же примѣняется къ обстоятельствамъ; строго-умное выраженіе лица уступаетъ мѣсто почтительно-лукавому; потупивъ взоры, но мило улыбаясь, онъ спѣшитъ заявить, что горькій опытъ и его убѣдилъ въ томъ же, и онъ *по неволѣ* долженъ былъ составить товарищество *такъ*, чтобы оно могло удовлетворять требованіямъ и *легкаго* репертуара; что „собственно говоря“ большинство его артистовъ особенно извѣстны, какъ прекрасные исполнители „опереточнаго жанра“, и что онъ надѣется не ударить лицомъ въ грязь и на этомъ поприщѣ. Такая предупредительность не остается безъ награды, и *невольный* жрецъ „опереточнаго жанра“ убѣждается, что извѣстная доля благоволенія сейчасъ же отразилась на полковничьемъ лицѣ. Убѣжденіе это переходитъ въ твердую увѣренность,

когда „полковникъ“ полу-равнодушно, полу-игриво задаетъ вопросъ: „Ну, а хорошенькія актрисы у васъ есть?“ Г. Волинъ-Раздольскій окончательно свѣтлѣетъ, но не поднимаетъ скромно-потупленныхъ взоровъ и, только усиливая лукавое выраженіе улыбки, отвѣчаетъ: „да вѣдь по нашему дѣлу безъ этого товара нельзя; у насъ въ товариществѣ есть такія двѣ артистки, что одна даже *премирована* за красоту [1]), а другая на югѣ такой успѣхъ имѣла, что послѣ спектаклей публика на себѣ везла ея фаэтонъ отъ театра до дому“.—„Ну, желаю вамъ успѣха и у насъ. Посмотримъ, посмотримъ! пріѣдемъ, батенька, аплодировать, коли дѣйствительно такъ хорошо!“—говоритъ, оканчивая аудіенцію, „полковникъ“, уже съ извѣстной фамильярностью, и отпускаетъ восхищеннаго служителя музъ.

Черезъ нѣсколько дней театръ открываетъ двери, и сезонъ начинается по обыкновенію „Ревизоромъ“, исполненнымъ изъ рукъ вонъ плохо и балаганно. Со втораго же спектакля начинается *настоящая игра*: „Ревизоръ“ смѣняется „Маскоттой“, Сквозникъ-Дмухановскій является Лораномъ XVIII, Хлестаковъ—Пипо и т. д. Выступившія въ цѣломъ рядѣ Беттинъ, Периколъ, Еленъ и проч. обѣ „дивы“ производятъ фуроръ. У одной (премированной) великолѣпныя плечи, и она съ каждой новой ролью открывается сверху все ниже и ниже. У другой—прелестныя ноги, и она открываетъ снизу все выше и выше. Публика въ восторгѣ. „Полковникъ“ не выходитъ изъ кулисъ. Общество раздѣлилось на два враждебные лагеря: одни—за плечи, другіе—за ноги. Соперничество партій охватываетъ даже дамъ и дѣтей. Въ любительскомъ благотворительномъ литературно-музыкальномъ вечерѣ жена „управляющаго“ въ дуэтѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій старательно выводятъ: „какъ я люблю гусятъ! го, го, го“! и „какъ я люблю ягнятъ, мя, мя“! Гимназисты зеленѣютъ; двое изъ нихъ, не выдержавшіе экзамена, застрѣливаются съ фотографіями Беттины-Краснолички на груди. Юнкеръ изъ ревности прострѣливаетъ одно изъ премированныхъ плечъ. „Управляющій“, особыя порученія, и прочія обоего пола особы, вмѣстѣ съ Периколами, Парисами и Маленькими Герцогами пируютъ за городомъ на пикникѣ, а въ это время г. Волинъ-Раздольскій удираетъ съ кассой изъ города. Труппа распадается: дивы уѣз-

[1]) Гдѣ и когда—неизвѣстно, но нынче ужасно много развилось „премированныхъ“ красавицъ на афишахъ.

жаютъ въ 1-мъ классѣ, герцоги, Лораны и Менелаи идутъ по шпаламъ пѣшкомъ и пишутъ слезныя прошенія обществу для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, которое раздаетъ имъ по десяти рублей.

Но что жъ тутъ дѣлать? Чѣмъ можно оградить общество отъ *такого* театра, если само общество только въ *такомъ* театрѣ и ощущаетъ потребность?

Совершенно вѣрно, что художественные запросы общества представляютъ собою истинную регламентирующую силу по отношенію къ характеру и свойствамъ театра. Но нельзя упускать изъ виду и обратнаго явленія — образованія *театромъ* тѣхъ или другихъ запросовъ въ общественной средѣ, вліянія театра на степень художественной зрѣлости, требовательности, вкуса зрителей. Эти два фактора: сцена и зрительная зала находятся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи другъ на друга, вліяя еще на образованіе и развитіе третьяго — сценическихъ артистовъ. Изъ совокупности дѣйствій всѣхъ трехъ факторовъ: репертуара, артистовъ и зрителей и получается тотъ или другой уровень театральнаго искусства.

Ставить нравственные интересы театра въ исключительную зависимость отъ ходячихъ запросовъ и требованій зрительной залы пока совершенно невозможно. Человѣкъ слабъ, какъ говорится, и всегда склоненъ къ той сторонѣ, которая „потрафляетъ“ его наиболѣе заманчивымъ, но и наименѣе возвышеннымъ наклонностямъ. *Воспитаніе* вкуса является поэтому непремѣнно задачею тамъ, гдѣ художественные запросы такъ шатки и развитіе столь еще не велико, какъ въ нашемъ юномъ обществѣ. Если мы теперь переживаемъ то же пресыщеніе и испорченность вкуса, какія замѣтны въ западно-европейскомъ обществѣ, то это вовсе не говоритъ въ пользу нашей зрѣлости, а скорѣй въ пользу впечатлительности, съ которою мы усвоиваемъ чужіе недостатки, какъ дурно направленныя дѣти усвоиваютъ себѣ пороки старшихъ, не переживъ еще тѣхъ путей, которыми старшіе пришли къ такому печальному концу. Мы слишкомъ мало еще *очаровывались* на художественномъ поприщѣ, чтобъ имѣть право быть *разочарованными*, и странно, что, не развивъ нашихъ вкусовъ, мы сразу впали въ ихъ порчу. Такая ранняя испорченность, подобно порочности дѣтей-скороспѣлокъ, не можетъ не вызывать заботъ объ исправленіи, заботъ воспитательныхъ, направленныхъ къ поднятію художественныхъ запросовъ и развитію вкусовъ.

Но гдѣ искать намъ этихъ заботъ? Куда обратить взоры за нужными намъ для этою *образцами*? Конечно, въ столичные центры, къ театрамъ столичнымъ, образцовымъ. Ихъ положенію слѣдуетъ шагъ за шагомъ наша театральная провинція; они даютъ направленіе и тонъ всѣмъ русскимъ театрамъ; они представляютъ собою истинный камертонъ театральнаго искусства въ Россіи.

Именно такое значеніе и положено въ основу учрежденія императорскихъ театровъ въ столицахъ. Нравственное вліяніе, воспитательная роль театра всегда признавалась высшею властью, и съ высоты трона звучали знаменитыя слова Великой Екатерины: „*Театръ — школа народная, она должна быть подъ моимъ надзоромъ, я старшій учитель въ этой школѣ, и за нравы народа мой первый отвѣтъ Богу*“.

Такой взглядъ на теорію образцовыхъ театровъ подтверждается всею исторіею ихъ, и, перелистывая лѣтопись Театральной дирекціи, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ доказательства заботливости верховной власти о поднятіи императорскихъ театровъ на соотвѣтствующую имъ высоту. Эти забота выражались въ постоянныхъ щедрыхъ отпускахъ денежныхъ средствъ, дабы дать возможность театру преслѣдовать высшія цѣли, поставить его въ положеніе независимое отъ случайныхъ обстоятельствъ, которымъ поневолѣ подчиняются частные театры, преслѣдующіе цѣли коммерческія, цѣли выгоды. Можно смѣло сказать, что вся исторія отношеній высшаго правительства къ театральной дирекціи резюмируется въ постоянномъ исчисленіи дефицитовъ съ одной стороны и погашеній ихъ щедрыми выдачами—съ другой.

Зная близко прошлую исторію нашихъ образцовыхъ театровъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что никогда еще они не находились въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ въ настоящее время. Реформы начала восьмидесятыхъ годовъ положили конецъ угнетавшей театры близорукой экономіи предшествовавшей эпохи и ввели дѣятельность столичныхъ театровъ въ новую эру. Взглядъ на задачи императорскихъ театровъ, какъ на „разсадникъ изящнаго вкуса“, которому приличествуетъ „*важное художественно-образовательное значеніе*“ [1]), выразился въ

[1]) См. „Правила для управленія русско-драматическими труппами Императорскихъ театровъ“, утвержденныя г. министромъ Императорскаго двора графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, § 2.

цѣломъ рядѣ мѣръ, направленныхъ къ приданію имъ именно такого значенія. Безграничная щедрость въ денежныхъ ассигнованіяхъ, самыя широкія полномочія и полный просторъ дѣйствій—создали театральной дирекціи положеніе, наиболѣе благопріятное для преслѣдованія указанныхъ ей задачъ.

Установивъ такія принципіальныя основанія, снабдивъ широко средствами и не упустивъ мельчайшихъ подробностей въ указаніяхъ способа веденія дѣла, преподанныхъ вышецитированными „Правилами",—заботливость высшей власти предоставила ближайшее вѣдѣніе театра компетентному учрежденію, отъ котораго главнымъ образомъ и зависитъ то или другое положеніе его.

Обезпеченное и независимое отъ приходныхъ средствъ положеніе театральной дирекціи развязываетъ ей руки и даетъ полную возможность съ увѣренностью идти къ цѣли — поднятія художественныхъ запросовъ публики, образованія вкуса и художественно-воспитательнаго вліянія, настойчиво *выдерживая* принятое направленіе. Ей не страшно паденіе сборовъ, которымъ могъ бы выразиться разладъ между низменными вкусами зрителей и преслѣдуемыми театромъ высшими идеалами; онъ стоитъ выше необходимости *подлаживаться* надъ вкусы толпы, а напротивъ можетъ и долженъ *навязывать* ей свои, *руководя* и *поправляя* художественный ростъ зрителей, вліяніе на которыхъ и составляетъ ея непремѣнную задачу.

Общій характеръ дѣятельности образцовыхъ сценъ театральной дирекціи опредѣляется какъ нельзя лучше „Правилами для управленія русско-драматическими труппами Императорскихъ театровъ", въ § 2-мъ коихъ прямо выражено, что „при выборѣ пьесъ для репертуара слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду, что цѣль Императорскихъ театровъ состоитъ въ доставленіи эстетическаго удовольствія зрителямъ чрезъ возможно совершенное исполненіе драматическихъ произведеній, обладающихъ *несомнѣнными художественными достоинствами*. Ради полнѣйшаго достиженія такой цѣли Императорскій театръ долженъ явиться хранилищемъ *образцовыхъ* драматическихъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и знаменитѣйшихъ изъ иностранныхъ писателей, ибо *только при соблюденіи* обоихъ сказанныхъ условій Императорскій театръ можетъ стать разсадникомъ изящнаго вкуса и получитъ приличествующее ему важное художественное образовательное значеніе".

§ 3-й „Правилъ" указываетъ, что

„главная забота дирекціи должна быть направлена на составленіе разнообразнаго и богатаго репертуара, *при непремѣнномъ условіи художественности* входящихъ въ него пьесъ",

а § 7-й п. а) добавляетъ, что

„въ репертуаръ не должны быть вносимы пьесы, отличающіяся одними внѣшними эффектами, пьесы, успѣхъ коихъ основывается единственно на богатой и блестящей обстановкѣ".

Все указанное вмѣстѣ даетъ ясное понятіе о взглядахъ высшей власти на задачи образцовыхъ театровъ, о благопріятномъ ихъ положеніи и о характерѣ обязательной для нихъ дѣятельности, непосредственно вліяющей на публику столичную и отражающейся на положеніи русскаго театральнаго дѣла вообще.

Однакоже на практикѣ надежды, вызываемыя этими прекрасными принципами, не вполнѣ оправдываются.

Начать съ того, что театральная дирекція явно обособляетъ свою миссію исключительно интересами столичныхъ Императорскихъ театровъ, совершенно игнорируя свое вліятельное значеніе для частныхъ театровъ столичныхъ и особенно провинціальныхъ, находящихся, правда, въ *чужомъ* для нея вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но тѣмъ не менѣе близкихъ ей по нравственнымъ и воспитательнымъ задачамъ.

Ни въ чемъ нельзя подмѣтить того покровительственнаго отношенія высшаго художественнаго учрежденія къ низшимъ, какое проявляется, напримѣръ, дѣятельностію Императорской Академіи Художествъ, Академіи Наукъ или Русскаго Музыкальнаго Общества, по отношенію къ провинціальнымъ начинаніямъ въ области художествъ, музыки или изящной словесности. Съ ихъ стороны это отношеніе проявляется въ видѣ снабженія провинціи образцами, въ видѣ поощреній и премій, а со стороны дирекціи могло бы выразиться въ устройствѣ театральныхъ своихъ турнэ, для показанія образцовой постановки и образцоваго исполненія образцовыхъ пьесъ, или въ поощреніи гастролей своихъ артистовъ въ провинціальныхъ центрахъ; такія путешествія и гастроли для провинціи были бы истиннымъ откровеніемъ и принесли бы несомнѣнную пользу.

Вмѣсто этого отношеніе дирекціи къ частнымъ театрамъ или презрительно-индифферентное, или отзывающееся отношеніями конкуррирующихъ „предпріятій".

Не будучи нисколько заинтересована въ сборахъ, дирекція тѣмъ не менѣе мѣритъ сборами успѣхъ пьесы (а можетъ и

успѣшность своихъ распоряженій) и сообразно этому успѣху опредѣляетъ степень участія данной пьесы въ репертуарѣ. Пьесы глупыя, но пришедшіяся *по вкусу* театральной толпѣ, дѣлаютъ сборы и *потому* не сходятъ съ репертуара. Выходитъ, что не дирекція проводитъ свои художественные вкусы въ назиданіе толпѣ, а толпа съ своими низменными вкусами руководитъ дирекціей.

Въ этомъ угожденіи зрительной залѣ коренится и причина погони за новыми пьесами. *Художественность* произведеній нашихъ современныхъ поставщиковъ образцоваго театра достаточно извѣстна, и тѣмъ не менѣе они не сходятъ со сцены. Весь русскій театральный міръ обращаетъ взоры на сцены столичныхъ театровъ, ищетъ на нихъ *образцовъ* и видитъ одни только „Шалости“, „Вольныя волюшки“ и „Поощренія скуки“. Нечего сказать—хороши образцы!

Казалось бы, что, за отсутствіемъ хорошихъ современныхъ пьесъ, потребныя для репертуара образцовыя произведенія не трудно найти въ классической литературѣ или же въ произведеніяхъ богатыхъ дарованіями прошлыхъ временъ. Но мы видимъ, что классическія пьесы почти совсѣмъ не ставятся, а возобновленія истинно-художественныхъ произведеній драматической литературы нашей и иностранной занимаютъ въ репертуарѣ менѣе, чѣмъ скромное мѣсто, и старыя пьесы ставятся кое-какъ. Никогда Островскому не дождаться на нашихъ образцовыхъ сценахъ сотой части тѣхъ заботъ, которыя выпадаютъ на долю пьесъ г. Крылова, и г. Невѣжинъ пользуется несравненно бо̀льшими попеченіями, чѣмъ г. Мольеръ.

Если доискиваться причины, почему настоящій образцовый репертуаръ въ такомъ загонѣ на образцовыхъ сценахъ, то нельзя дать другаго объясненія, кромѣ того, что этотъ репертуаръ *не дѣлаетъ сборовъ*, публика *не хочетъ* хорошихъ пьесъ. Странно, что наши образцовые театры выказываютъ такое послушаніе именно тому, бороться съ чѣмъ они призваны.

Другою причиною выставляется то, что наши актеры *не умѣютъ играть* пьесъ, выходящихъ изъ уровня современнаго репертуара. По пункту б) § 7-го указанныхъ выше „Правилъ“, „при внесеніи пьесъ въ репертуаръ должно согласоваться съ наличными силами труппы; это правило слѣдуетъ *особенно имѣть въ виду при постановкѣ образцовыхъ пьесъ*, которыя только тогда могутъ производить надлежащее впечатлѣніе и способствовать

развитію эстетическаго вкуса публики, когда *ихъ исполненіе представляетъ художественное цѣлое*".

Но кто же виноватъ, что наши образцовыя труппы, въ которыхъ не мало дѣйствительныхъ дарованій, не умѣютъ или, лучше сказать, *разучились* справляться съ задачами художественнаго репертуара? Какъ бы талантливъ актеръ ни былъ, но если ему ничего не приходится играть, кромѣ бездарныхъ и пошлыхъ пьесъ, то онъ не только не удержится на высотѣ своего дарованія, но непремѣнно, мало-по-малу, спустится до уровня поручаемыхъ ему задачъ.

Нельзя также ожидать „надлежащаго впечатлѣнія" и содѣйствія „развитію эстетическаго чувства публики" оттуда, гдѣ исполненіе пьесъ не „представляетъ художественное цѣлое", а являетъ собою назидательный примѣръ *отсутствія* этого „художественнаго цѣлаго". Мѣшая опытныхъ актеровъ съ совершенно неумѣлыми учениками, талантливыхъ артистовъ съ какими-то любителями, невозможно требовать ансамбля, стройности исполненія или какого-либо стиля игры; а распущенность труппы, отсутствіе твердой сценической дисциплины и постоянно обнаруживающіяся неряшливости въ разучиваніи, постановкѣ и срепетовкѣ пьесъ—отнимаютъ всякую надежду на возможность улучшенія дѣла въ близкомъ будущемъ.

Указанныя замѣчанія можно бы подтвердить цѣлымъ рядомъ фактовъ, совершающихся на глазахъ у всѣхъ, но достаточно привести репертуаръ нашихъ *образцовыхъ* театровъ, чтобы судить, насколько они выполняютъ свое назначеніе. За недѣлю съ 11-го по 18-е сентября, напримѣръ, изъ восьми русскихъ драматическихъ спектаклей на двухъ театрахъ даны были слѣдующія *образцовыя* вещи: 11-го — „Уголокъ Москвы", 15-го — „Ольга Ранцева", 16-го—„Вольная волюшка" и „Въ неравной борьбѣ", 17-го—„Общество поощренія скуки", 18-го—„Денежные тузы", итого *шесть* перловъ совершеннаго творчества, а въ недѣлю съ 27-го сентября по 4-е октября: „Шалость", „Вольная волюшка", „Шалость", „Общество поощренія скуки", „Шалость", „Татьяна Рѣпина". Повидимому, гг. Крыловъ и Шпажинскій болѣе другихъ несутъ труды по насажденію эстетическаго вкуса и нравственно-художественному воспитанію зрителей.

Виноваты ли, однакоже, въ такомъ положеніи образцовыхъ театровъ одни только ближайшіе распорядители, или же это положеніе является логическимъ послѣдствіемъ самой постановки нашихъ художественныхъ учрежденій?

Намъ кажется, что главную причину надо искать въ томъ положеніи, какое нравственно-художественное воспитаніе общества вообще и театральное дѣло въ частности занимаетъ въ ряду важнѣйшихъ *государственныхъ интересовъ*.

Нравственные интересы этого рода настолько серьезны въ настоящемъ и важны для будущаго нашей отчизны, что не можетъ быть лишнихъ о нихъ заботъ и достаточно внимательнаго къ нимъ отношенія. Исключительныя свойства этой стороны народнаго воспитанія заслуживаютъ и спеціальныхъ о нихъ попеченій, и спеціальнаго, вѣдающаго эти интересы государственнаго учрежденія, вся компетентность и энергія котораго была бы направлена на порученныя ему задачи.

Если экономическіе, матеріальные интересы Россіи вызываютъ сознаніе и оживленные толки о необходимости учрежденія министерства земледѣлія, то духовные интересы нравственно-художественнаго воспитанія убѣдительно говорятъ въ пользу образованія спеціальнаго учрежденія, которое вѣдало бы задачи, распредѣленныя нынѣ между министерствами Императорскаго двора и внутреннихъ дѣлъ, въ обширныхъ кругахъ вѣдомства коихъ эти задачи не могутъ занимать требующагося для нихъ мѣста.

Такимъ государственнымъ организмомъ явилось бы „министерство" или „главное управленіе изящныхъ искусствъ", въ которое могли бы войти распредѣленныя теперь между названными министерствами части вѣдѣнія, какъ-то: дирекція Императорскихъ театровъ, всѣ частные театры, драматическая цензура, Академія художествъ, музыкальныя и художественныя общества, всевозможныя художественныя, музыкальныя и театральныя собранія, кружки, клубы, поощрительныя и благотворительныя художественныя учрежденія и школы искусствъ и художественныхъ знаній. Вѣдь цѣль всѣхъ этихъ учрежденій одна — способствовать духовному развитію общества; не плодотворнѣе ли будутъ направленныя къ ней усилія, если они явятся объединенными однимъ общимъ руководящимъ направленіемъ, сосредоточенныя въ вѣдѣніи единаго учрежденія, самостоятельнаго и спеціально для нихъ созданнаго?

Занимаемое нынѣ Императорскими театрами исключительное положеніе, какъ по отношенію къ Высочайшему двору, такъ и по отношенію къ источнику ихъ расходныхъ средствъ, нисколько не измѣнилось бы, а только вѣдѣніе художественныхъ

задачъ этихъ театровъ перешло бы въ компетенцію новаго специальнаго учрежденія.

Съ другой стороны, общіе интересы искусства въ государствѣ оказались бы въ несомнѣнномъ выигрышѣ, обрѣтя въ новомъ министерствѣ прямое себѣ предстательство, а „нужды и пользы“ артистической Россіи увидѣли бы въ немъ прямой и кратчайшій путь къ высшей власти, къ ея неисчерпаемымъ о нихъ заботамъ, поощренію и покровительству.

Главная же польза учрежденія спеціальнаго министерства изящныхъ искусствъ заключалась бы въ возможности установить болѣе существенный надзоръ за тѣмъ, *какъ* ведется у насъ театральное дѣло, и съ успѣхомъ провести необходимѣйшую мѣру,—извѣстную его регламентацію. Регламентація театральнаго дѣла въ Россіи была бы, конечно, не положительная, но тоже отрицательная, направленная если не къ тому прямо, чтобы театры удовлетворяли такимъ-то художественнымъ условіямъ, то ограждающая отъ безпрепятственной возможности вести дѣло *завѣдомо* и *несомнѣнно скверно.*

Надо же положить конецъ безшабашной судьбѣ русскихъ провинціальныхъ театровъ, при которой ихъ возникновеніе и исчезновеніе является чисто анекдотическимъ. Рождаясь вездѣ, безъ разбору, по самодурной прихоти или по хищническому умыслу, эти притоны кишатъ бездарными невѣждами, которые, прикрываясь названіемъ артистовъ, развращаютъ и сцену, и публику, и сами, въ свою очередь, становятся жертвами мошеннической эксплоатаціи наиболѣе ловкихъ изъ голодающихъ нахаловъ, пользующихся театромъ, какъ кабацкою вывѣской, подъ которой грубая пошлость, наглость и развратъ безпрепятственно тѣшатъ одичавшую толпу зрителей.

При существующихъ порядкахъ, для того, чтобы открыть въ провинціальномъ городѣ театръ, ничего не требуется, кромѣ извѣстной рѣшимости. Заручившись театральнымъ помѣщеніемъ, „предприниматель“ можетъ быть увѣренъ, что на его призывъ всегда отзовутся цѣлыя сотни голодающаго сброда, взирающаго на сцену, какъ на единственный пріютъ для лѣни и неспособности ни къ какому разумному труду. Понятно, что съ такимъ „персоналомъ“ дѣло не можетъ давать болѣе какихъ-нибудь несчастныхъ грошей, но и эти гроши представляются лакомой добычей для голоднаго и *ничѣмъ не рискующаго* антрепренера. Онъ крадетъ эти гроши у нищихъ „артистовъ“ и безнаказанно сажаетъ ихъ на мели. Взять съ него нечего, и потому

онъ можетъ свободно повторять свою продѣлку въ разныхъ мѣстностяхъ и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ, ибо никогда не окажется недостатка въ голодныхъ актерахъ, бросающихся на первую же приманку.

При отсутствіи всякой серьезной имущественной и личной отвѣтственности предпринимателей, сколько-нибудь порядочное веденіе театральнаго дѣла остается ничѣмъ не гарантированнымъ съ этой стороны. Что же касается до артистическихъ товариществъ, на которыя возлагались надежды, какъ на спасительный оплотъ противъ антрепренерской недобросовѣстности, то дѣйствительность весьма скоро разочаровала и въ этихъ надеждахъ. При некультурности, невѣжественности и безпринципности пестрой толпы нынѣшняго актерства, артельное начало плохо уживается съ разнузданностью притязаній и неспособностью къ самоуправленію, которыми отличаются члены подобныхъ ассоціацій. Дѣло неминуемо кончается тѣмъ, что или товарищество распадается вслѣдствіе раздора и близорукаго эгоизма членовъ, даже при хорошихъ дѣлахъ, или же подпадаетъ подъ безконтрольную власть распорядителя, уполномоченнаго и т. п. разновидности волка-антрепренера, который обманываетъ и обкрадываетъ „товарищей“ ничѣмъ не хуже прежняго откровеннаго предпринимателя.

Именно антрепренерамъ только и пришлись по вкусу артистическія товарищества, въ которыхъ они увидѣли новую и весьма удобную форму полной личной безотвѣтственности. Разочарованные въ товариществахъ актеры теперь ужь открыто предпочитаютъ имѣть дѣло съ однимъ плутомъ-антрепренеромъ, чѣмъ съ нѣсколькими въ артели, и жаждутъ ангажементовъ „у антрепренеровъ“; но сіи послѣдніе предпочитаютъ заключать контракты слѣдующей, вновь изобрѣтенной, формы: „Я, такой-то, принимаю такого-то въ *организуемое мною товарищество*, съ жалованьемъ въ столько-то рублей въ мѣсяцъ, уплачиваемыхъ по разсчету, сколько придется, по истеченіи каждыхъ 15-ти дней; изъ валоваго сбора 60% я удерживаю на расходъ по театру и представленіямъ, а 40% идутъ въ раздѣлъ между артистами, соразмѣрно съ получаемымъ ими окладомъ жалованья“. Въ результатѣ такой остроумной комбинаціи оказывается, что г. распорядитель получаетъ *полностію* свою львиную порцію изъ 60% сбора, артисты же, подѣливъ остальные 40%, получаютъ по 20 коп. за рубль, ежели не меньше.

Упорядоченіе театральнаго дѣла должно обнять обѣ формы

его веденія: и антрепризою, и артистической ассоціаціей; оно должно коснуться и личнаго состава актерскаго сословія. Эти задачи могутъ быть успѣшно разрѣшены только спеціальнымъ учрежденіемъ, какимъ явилось бы министерство изящныхъ искусствъ.

Театръ въ провинціи, наравнѣ съ прочими явленіями современной жизни, долженъ подчиниться общимъ экономическимъ законамъ [1]), долженъ быть приведенъ въ соотвѣтствіе съ потребленіемъ и съ опредѣленными видами спроса и предложенія.

Первою ступенью къ достиженію этихъ цѣлей должны служить мѣры, направленныя къ тому, чтобы на русскихъ драматическихъ сценахъ подвизались дѣйствительные актеры-артисты, а не всѣ, кому только пожелается; другими словами — уменьшить предложеніе, убавить количество, но поднять качество провинціальныхъ актеровъ.

Достигнуть этого можно только уменьшеніемъ искусственнаго, случайнаго спроса, поощряющаго стремленіе на сцену людей, не обладающихъ никакими къ тому данными. А такъ какъ спросъ поддерживается открытіемъ театровъ въ такомъ количествѣ и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя не соотвѣтствуютъ ни нравственной, ни матеріальной потребности, то вопросъ сводится къ уменьшенію числа театровъ и къ урегулированію условій ихъ возникновенія.

Уменьшеніе числа театровъ поведетъ, конечно, къ тому, что значительная часть теперешняго актерскаго персонала останется безъ работы и, быть можетъ, очутится въ крайнемъ положеніи. Но что же дѣлать? Лучше пожертвовать частью, чѣмъ губить всѣхъ и навсегда. Не нашедшіе себѣ актерскаго заработка поневолѣ обратятся къ другимъ жизненнымъ рессурсамъ, къ другимъ видамъ труда, гдѣ они могутъ принести гораздо болѣе пользы и себѣ, и другимъ, чѣмъ на сценѣ, права на которую у нихъ весьма и весьма спорныя. Впослѣдствіи положеніе войдетъ въ правильныя нормы, и многія сотни людей будутъ спасены отъ горькой участи случайныхъ актеровъ, попавшихъ на сцену по легкомыслію или недоразумѣнію.

Въ настоящее время не рѣдки случаи, что настоящіе актеры

---

[1]) Мысль эта развита подробнѣе въ статьѣ моей „Экономическая почва театральныхъ вопросовъ въ провинціи", напечатанной въ № 1 журнала „Художникъ", 1892 года.

Авт.

сидятъ безъ дѣла, тогда какъ невѣжественные и бездарные дилеттанты находятъ себѣ ангажементы. Чтобы въ будущемъ избѣжать, по возможности, подобныхъ явленій, надо поставить вопросъ открытія театровъ въ такія условія, при которыхъ неизбѣженъ строгій выборъ приглашаемаго персонала, и невозможенъ, *какъ невыгодный* для предпріятія, ангажементъ *кого попало* вмѣсто хорошихъ актеровъ. Иначе говоря, нужно поставить матеріальныя выгоды предпріятія въ бо̀льшую зависимость отъ художественныхъ его условій. Если театральное предпріятіе будетъ требовать для своего возникновенія значительныхъ матеріальныхъ средствъ и веденіе его будетъ соединено *съ дѣйствительнымъ матеріальнымъ рискомъ*, то выгоды самаго дѣла потребуютъ строгаго выбора персонала, приглашенія только такихъ актеровъ, которые представляютъ собою настоящія артистическія цѣнности и могутъ обезпечить успѣхъ.

Единственнымъ путемъ къ такому результату можетъ служить значительный имущественный цензъ, требующійся отъ иниціаторовъ или хозяевъ театральнаго предпріятія, и строгая личная ихъ отвѣтственность за способъ его веденія. Это можетъ быть достигнуто требованіемъ опредѣленнаго залога, дѣйствительно гарантирующаго существованіе предпріятія (не на одинъ какой-нибудь первый мѣсяцъ сезона), и отвѣтственностью предпринимателей, оказавшихся неисправными.

Доказательство имущественной состоятельности предпринимателя и представленіе залога должно быть обязательнымъ, установленнымъ законодательнымъ порядкомъ, условіемъ, а не случайною полумѣрою, предоставленною усмотрѣнію мѣстныхъ властей, которыя нынѣ могутъ требовать или не требовать залога, и въ томъ или другомъ размѣрѣ.

Размѣръ залога долженъ быть исчисленъ соотвѣтственно размѣрамъ предпріятія, т. е. жанру театра и его расходному бюджету. А такъ какъ данная мѣстность, по своимъ экономическимъ условіямъ, можетъ выносить театральное дѣло въ извѣстныхъ предѣлахъ его дохода и расхода, то размѣры залоговъ должны быть опредѣлены для каждой данной мѣстности и для каждаго даннаго рода театральныхъ предпріятій. Одинъ городъ можетъ вынести два театра, и оперный, и драматическій, другой—одновременно двухъ театровъ не выноситъ. Одинъ городъ можетъ содержать театръ съ труппою на 10 тысячъ въ мѣсяцъ, другой—не болѣе, какъ труппу въ 3 тысячи; все зависитъ отъ расходной способности населенія, отъ числа его

отъ обнаруживаемой потребности въ театрѣ (полагая, конечно, что художественный уровень театра будетъ удовлетворителенъ). Такая таксація, вѣроятно, лишитъ театровъ нѣкоторые города, въ которыхъ теперь нѣчто подобное прозябаетъ отъ поры до времени и, во всякомъ случаѣ, уменьшитъ общее количество провинціальныхъ сценъ, но дѣло театра отъ этого только выиграетъ.

Такая таксація мѣстностей — дѣло сложное и трудное, но необходимое. Составленная на основаніи точныхъ систематическихъ свѣдѣній и близкаго знанія мѣстныхъ условій, таксація эта должна опредѣлять на извѣстные сроки размѣръ залоговъ, требующихся для открытія театровъ въ данной мѣстности. Эти размѣры, утвержденные министерствомъ, должны быть обязательными впредь до измѣненія ихъ сообразно измѣнившимся мѣстнымъ условіямъ.

Неисправные предприниматели должны подлежать строгой коммерческой отвѣтственности и во всякомъ случаѣ быть лишены возможности повторить ту же исторію, ставъ во главѣ другого предпріятія, хотя бы подъ видомъ „распорядителей".

Мнѣ могутъ возразить, что, обставляя открытіе и веденіе театровъ столь стѣснительными условіями, я или отдаю театральное дѣло въ руки немногихъ, могущихъ удовлетворить имъ, или совсѣмъ уничтожаю возможность возникновенія театровъ въ провинціальныхъ русскихъ городахъ. Кто же не знаетъ, что у насъ очень немногіе настоящіе капиталисты идутъ на театральныя дѣла, составляющія удѣлъ людей, *ищущихъ* капитала, но не имѣющихъ его. Да и къ тому же владѣть деньгами — не значитъ умѣть вести театральное дѣло, которое можетъ идти несравненно лучше въ рукахъ умѣлаго, предпріимчиваго, но не богатаго человѣка.

На это я могу высказать только пожеланія, чтобы эти умѣлые и опытные люди распоряжались художественною или хозяйственною стороною театральнаго дѣла, находящагося въ рукахъ капиталиста, которому прямой разсчетъ привлекать такихъ людей въ свое предпріятіе. Что же касается до опасеній, что театръ совсѣмъ не будетъ находить потребныхъ капиталистовъ, то я не вижу большой бѣды, если мѣсто единоличнаго театральнаго предпринимателя будетъ занято акціонерною, паевою компаніею, или другимъ видомъ денежной ассоціаціи, лишь бы потребность театра въ данномъ городѣ существовала, и возможность его веденія была признана, — осуществленіе на-

вѣрно состоится въ той или другой формѣ. Если никакой формы осуществленія театръ не можетъ найти въ такомъ-то городѣ, то значитъ и настоящей потребности въ немъ пока нѣтъ, и хлопотать до поры до времени пока не изъ чего. Право же, для нравственныхъ и художественныхъ интересовъ населенія лучше не имѣть никакого театра, чѣмъ имѣть тѣ жалкія подобія его, которыя только уродуютъ и развращаютъ вкусы. Нечего и говорить, что выработка нормальнаго устава и утвержденія компанейскихъ антрепризъ относилась бы тоже къ задачамъ министерства.

Исключеніемъ изъ правила о залогахъ должны пользоваться правильно организованныя артистическія товарищества—эти наиболѣе желательныя формы веденія театральнаго дѣла. Но для того, чтобы такія товарищества имѣли право на довѣріе, надо, чтобы они регулировались извѣстнымъ нормальнымъ уставомъ, выработаннымъ министерствомъ, и опирались на гарантіи и контроль со стороны актерской корпораціи, сплоченной въ правильный и признанный организмъ.

Съ упорядоченіемъ провинціальныхъ сценъ, личный составъ провинціальнаго актерства избавится отъ безполезныхъ и унижающихъ его элементовъ, очистится отъ плевелъ, заглушающихъ теперь ихъ художественный ростъ, и, профильтровавшись сквозь экономическое горнило очищенія, получитъ такой характеръ, при которомъ можно будетъ безъ риску придать актерскому сословію извѣстное корпоративное устройство и права.

Такая артистическая организація должна неминуемо возникнуть въ интересахъ актерской профессіи и какъ нельзя болѣе желательна и умѣстна рядомъ съ учрежденіемъ министерства изящныхъ искусствъ.

Сплоченные въ правильное и утвержденное правительствомъ „Общество“ сценическіе дѣятели пріобрѣли бы: а) возможность обсуждать на съѣздахъ свои нужды и нужды театральнаго дѣла, б) выборный организмъ, служащій съ одной стороны ходатаемъ предъ министерствомъ о потребностяхъ дѣла и сословія, а съ другой—представляющій звено, проводящее взгляды и виды министерства въ актерскую сферу; в) возможность обезпеченія своей участи пенсіями; г) возможность временной въ случаѣ нужды *взаимопомощи* ссудами, пособіями и другаго рода услугами со стороны „Общества“ и д) возможность организовать изъ своей среды товарищества и эксплоатировать театры

на правильныхъ основаніяхъ, выработавъ для сего условія и опредѣливъ взаимныя отношенія между провинціальными сценами подобно германскому „Bühne-Verein'у“.

Участіе или ручательство такого общества въ дѣлѣ организаціи товарищества представляли бы министерству всѣ желательныя гарантіи, и вообще общество оказало бы не малую ему помощь и содѣйствіе, какъ въ расцѣнкѣ мѣстностей, таксаціи театровъ, такъ и въ доставленіи свѣдѣній и матеріала, потребнаго для видовъ правительства.

Такое общество, осуществленіе котораго уже намѣчено проектомъ новаго устава „Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ“ подъ наименованіемъ „Русское Театральное Общество“—представитъ собою ядро упорядоченной актерской профессіи, къ которому мало по малу несомнѣнно примкнутъ всѣ русскіе актеры.

Перечитывая написанное, я безъ труда могу себѣ представить то недовольствіе, которое эти страницы возбудятъ во многихъ сентименталахъ „свободнаго искусства“. Мнѣ ясно слышатся ихъ вопли и обвиненія меня въ посягательствѣ на эту свободу. Но что же дѣлать? Каюсь и сознаюсь откровенно: я убѣжденъ, что падающее все ниже и ниже русское театральное искусство можетъ быть спасено только разумной регламентаціей театральнаго дѣла въ Россіи. Я прихожу къ этому выводу не à priori, а путемъ изученія современнаго состоянія этого вопроса и той сферы, въ которой театральное дѣло у насъ держится, но не закрываю глазъ и на уроки прошлаго. Опытъ предоставленія театра на произволъ судьбы и частныхъ начинаній привелъ въ столицахъ къ созданію пошлѣйшаго репертура театра Корша въ Москвѣ и къ лубочнымъ театральнымъ попыткамъ г. Казанцева, г-жи Линской-Неметти и компаніи въ Петербургѣ, да еще къ открытію опереточныхъ и кафешантанныхъ вертеповъ въ обѣихъ столицахъ; насколько „свободное искусство“ отъ того выиграло—доказательство на лицо. Въ провинціи же театръ былъ свободенъ всегда, но кромѣ „свободныхъ нравовъ“ никакихъ плодовъ пока не далъ.

Наконецъ, намѣченныя мною выше мѣры направлены не къ стѣсненію *свободы* искусства, а къ огражденію его отъ безпрепятственнаго нынѣ и неизбѣжнаго *извращенія*. Огражденіе это должно быть сильно и твердо, и только правительственная власть можетъ взять на себя эту задачу. Это такое же стѣсне-

ніе, какъ стѣсненіе игорныхъ домовъ и тому подобныхъ прелестей людской предпріимчивости; однакоже никто не оспариваетъ права такой правительственной регламентаціи въ видахъ ея нравственной пользы для общества. Или нравственный вредъ безобразнаго театра меньше вреда отъ игорныхъ домовъ?

Даже такія либеральныя западноевропейскія государства, какъ Франція, не стѣсняются ставить театрамъ извѣстныя условія свои, опредѣляющія характеръ театра, подробности его репертура и вообще способъ веденія дѣла. Такимъ „cahiers des charges" регламентируются тамъ всѣ театры, получающіе правительственную или національную субсидію. Не мѣшало бы и у насъ хоть въ университетскихъ провинціальныхъ центрахъ: Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Омскѣ, завести театры строго опредѣленнаго характера и поддержанные правительственной субсидіей; въ остальныхъ же крупныхъ провинціальныхъ городахъ театры должны быть субсидированы мѣстными общественными учрежденіями, которыя и могутъ поставить имъ въ обязательство извѣстныя регулирующія дѣятельность этихъ театровъ условія. Расходы всѣхъ такихъ субсидій представляютъ собою одну изъ плодотворнѣйшихъ статей расхода на народное образованіе [1]), и будущія поколѣнія подъемомъ нравственнаго и художественнаго развитія своего вернутъ ихъ государству съ избыткомъ.

Что касается до всѣхъ остальныхъ мѣстностей Россіи, то въ нихъ предполагаемая регламентація театральнаго дѣла оправдается болѣе прочнымъ существованіемъ театровъ, большею обезпеченностью сценическо-художественной профессіи, подъемомъ уровня артистическаго сословія и успѣхами художественнаго развитія массъ. Неужели всего этого мало?

Въ болѣе простодушномъ населеніи нашей провинціи пока еще теплится искра влеченія къ художественнымъ впечатлѣніямъ; благодаря ей, *хорошее* еще тянетъ къ себѣ зрителя; но постоянно испытываемыя имъ разочарованія дискредитируютъ театръ въ его глазахъ все болѣе и болѣе. Неужели же мы будемъ ждать, скрестивши руки, чтобы эта искра совсѣмъ погасла?

Д. К—ВЪ.

---

[1]) Припомнимъ слова Шиллера: „Театръ это каналъ, которымъ льется непосредственно въ народныя массы то, что вырабатываютъ наука и знаніе". *Авт.*

*

Памяти А. А. Фета.

Не стало одного изъ самыхъ высокихъ и чистыхъ лириковъ, одного изъ истинныхъ волшебниковъ слова—21 ноября скончался Фетъ.

Человѣкъ окончилъ свои счеты съ жизнью; перешелъ въ вѣчность семидесяти-двухъ лѣтній старецъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ—когда-то студентъ Московскаго университета, потомъ офицеръ русской арміи, впослѣдствіи помѣщикъ Орловской губерніи, сельскій хозяинъ. Умеръ знакомый своихъ знакомыхъ, другъ своихъ друзей, врагъ своихъ враговъ. Знакомые и друзья справятъ поминки по усопшемъ, разскажутъ о дѣлахъ, обстоятельствахъ и подробностяхъ его жизни. Миръ его праху и упокой, Господи, его душу! Но это не то!

Не стало Фета—и любители поэзіи, благодарные ему за многія минуты вѣчно живого, неизмѣннаго наслажденія, скорбно смущены при вѣсти о такой воистину незамѣнимой утратѣ...

Фетъ занимаетъ рѣзко опредѣленное, самостоятельное мѣсто въ тѣсной и славной семьѣ нашихъ лучшихъ поэтовъ послѣпушкинскаго періода. Уже въ первомъ сборникѣ его стихотвореній, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1839 году, подъ заглавіемъ „Лирическій Пантеонъ", сказалась особенность таланта тогда еще очень юнаго автора - оригинальный и чистый лиризмъ, составляющій всю суть и значеніе его поэзіи. Этотъ поразительный, высоко-вдохновенный лиризмъ создалъ длинный рядъ стихотвореній, полныхъ неизъяснимой прелести. Въ его свойствахъ заключается также и объясненіе недостатковъ иныхъ изъ произведеній поэта. Въ немъ, наконецъ, единственная причина того, что поэзія Фета доступна далеко не всѣмъ и что до сихъ поръ есть много людей, ее не понимающихъ и не цѣнящихъ какъ слѣдуетъ.

Фетъ началъ свою поэтическую дѣятельность въ годы расцвѣта русской поэзіи, и лучшіе писатели-художники, такіе, какъ, напримѣръ, Гоголь, привѣтствовали и оцѣнили его молодое, оригинальное дарованіе. Въ тѣ времена и художественные вкусы читателей, развиваемые талантливой критикой, находились на достаточной высотѣ, пушкинскія традиціи были еще живы, читающее общество любило истинную поэзію и способно было серьезно цѣнить ее.

Но вотъ наступили шестидесятые годы и, подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ вѣяній, русская литература стала проявлять немало болѣзненныхъ признаковъ. Чистое искусство, художественная правда замѣнились тенденціозностью, да еще и тенденціозностью въ одностороннемъ, узкомъ направленіи. Чувство мѣры исчезало и, наконецъ, сталъ исчезать даже здравый разсудокъ, ибо чѣмъ, кромѣ безумія, или крайняго скудоумія, можно объяснить тогдашнее оплевываніе Пушкина и объявленіе его „неразвитымъ“ и „безполезнымъ“. Уничтоживъ Пушкина, стали уничтожать и поэзію вообще, какъ нѣчто ненужное и недостойное „развитого“ человѣка. Стихи признавались имѣющими значеніе только въ томъ случаѣ, если они были тенденціозны, „обличительны“ и проникнуты „гражданской скорбью“. Первымъ поэтомъ гражданской скорби явился Некрасовъ, развратившій и погубившій свой прирожденный талантъ въ угоду грубымъ требованіямъ толпы, а затѣмъ породившій немало крайне бездарныхъ подражателей.

Болѣе двухъ десятилѣтій русская поэзія искоренялась, и поэтами объявлялись какіе-то жалкіе, полуграмотные виршеплёты, какіе-то Суриковы, которые невозбранно и никого не удивляя печатали въ „передовыхъ“ журналахъ подобные стихи:

Ой, дубинушка, ты ухни,
Дружно мы за трудъ взялись!
Ты плечо мое не пухни,
Грудь моя не надорвись...

Находить эти куплеты глупыми—считалось признакомъ отсталости, ибо въ нихъ заключалась какая-то „идея“. Теперь просто не вѣрится, что было такое безсмысленное, нелѣпое время, но вѣдь мы его пережили, и даже недавно.

Представители истинной поэзіи, свято хранившіе пушкинскія традиціи, подвергались осмѣянію и положительной журнальной травлѣ. При такомъ безвременьи нѣкоторые изъ нихъ, болѣе робкіе, даже совсѣмъ замолкли. Какъ чистому лирику,

исключительно лирику, Фету доставалось чуть ли не сильнѣе всѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ самъ справедливо говоритъ, обращаясь къ своей музѣ:

Заботливо храня твою свободу
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверняль.

Вѣроятно не мало горькихъ минутъ пришлось пережить поэту, но онъ никогда не измѣнялъ своему призванію и до послѣднихъ дней остался вѣренъ своей музѣ. Еще недавно, уже позднимъ вечеромъ жизни, онъ говорилъ ей:

Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

Да, именно такова прекрасная муза Фета, такой музѣ нельзя было измѣнить, да и сама она оставалась вѣрной своему поэту. Она провела его невредимымъ чрезъ всѣ препятствія и до старости сохранила въ немъ святой огонь истиннаго вдохновенія. Времена измѣняются, и теперь русское общество, мало-по-малу, начинаетъ выздоравливать отъ своей горячки, перестаетъ бредить. Теперь ужь нельзя, считаясь въ здравомъ умѣ, объявлять Пушкина „неразвитымъ“ и „безполезнымъ“, нельзя глумиться надъ Фетомъ. Но все же полное пониманіе нынѣ почившаго высокаго лирика доступно далеко не всѣмъ: для этого необходимо имѣть тонко развитое художественное чувство и вкусъ, и въ этомъ отношеніи стихи Фета могутъ служить самымъ настоящимъ пробнымъ камнемъ.

Людямъ, дѣйствительно умѣющимъ чувствовать лирическую поэзію, никто изъ нашихъ поэтовъ не доставитъ такого высокаго наслажденія, какъ Фетъ, ибо никто изъ нихъ, при всей силѣ таланта, не можетъ, въ иныя мгновенія, такъ таинственно и чудно подниматься на высоту высотъ, гдѣ царитъ гармонія творческихъ звуковъ.

Конечно, далеко не всегда, слагая свои пѣсни, поэтъ былъ способенъ подниматься на эту лучезарную высоту вдохновенія. Таинственный процессъ поэтическаго творчества иногда у него не полонъ, земные диссонансы иногда врываются въ надземную гармонію—и это отражается на достоинствѣ, на „цѣльности“ пѣсенъ.

Но, повторяю, у Фета, и въ прежніе годы, и въ самое послѣднее время, есть рядъ стихотвореній такого чудотворнаго

вдохновенія, какого трудно найти у другихъ поэтовъ. Слова превращаются у него въ музыку, и въ краткомъ сочетаніи словъ, иногда очень смѣломъ и даже, если разбирать грамматически, странномъ—онъ умѣлъ воплотить самую разнообразную картину, самое сложное чувство, тончайшее ощущеніе. Въ лучшія минуты своего творчества онъ не только понималъ языкъ души, но получалъ власть передавать его всѣмъ. И душа его, въ подобныя минуты, до конца, до послѣднихъ пѣсенъ, спѣтыхъ имъ у гробовой доски, являлась такою же молодой и чуткой, какою она была во дни его юности. Дряхлѣющій, утомленный годами старецъ сбрасывалъ съ себя ветхія, запыленныя и закопченныя жизнью одежды—и внезапно, подъ священнымъ наитіемъ, преображался въ юношу, отъ котораго природа и молодая любовь не имѣли никакой завѣтной тайны.

Поэзія Фета, раньше или позже, непремѣнно дождется достойнаго и серьезнаго истолкователя, и его имя не будетъ забыто, какъ теперь, напримѣръ, ужъ начинаетъ забываться имя Некрасова, очень мало говорящее новымъ поколѣніямъ. На Некрасова, такого, какимъ онъ самъ себя сдѣлалъ—въ угоду временнымъ, преходящимъ требованіямъ общества,—была *мода*, и мода эта прошла. Истинный же поэтъ, такой, какъ нынѣ потерянный нами, исполнившій свое призваніе и оставшійся свободнымъ и ничему недоступнымъ въ своемъ творчествѣ—былъ всегда живъ и будетъ живъ во вѣки.

Но для нашего незабвеннаго поэта необходима, настоятельно необходима одна посмертная услуга. Изъ всего, имъ оставленнаго, опытныя руки должны тщательно извлечь дѣйствительныя сокровища его творчества, въ которыхъ выразилась вся его прелесть и вся его сила. Только *такое* изданіе пѣсенъ Фета докажетъ, что въ области *чистой*, вѣчно-юной *лирики* онъ былъ именно „волшебникомъ слова“, не страшащимся никакого соперничества.

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

23 ноября 1892 г.

КРИТИКА.

«Москвитянинъ» въ 1841—1843 гг.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестая. Спб. 1892.

Почтенный трудъ Н. П. Барсукова съ выходомъ каждой новой книги все болѣе и болѣе выигрываетъ въ своемъ значеніи исторіи русскаго просвѣщенія въ образахъ и твореніяхъ главныхъ дѣятелей нашихъ на поприщѣ науки и литературы. Настоящая книга очерчиваетъ умственное движеніе русскаго общества въ 1841—1843 годахъ. Въ это время ясно обозначилось неудержимое стремленіе просвѣщенныхъ умовъ къ изученію отечественной старины, къ открытію и сохраненію этой старины въ памятникахъ письменности, зодчества и живописи, къ познанію сокрытаго въ нихъ духа русской народности. Повременное изданіе „Москвитянинъ" явилось выразителемъ и руководителемъ этого новаго направленія. Въ первой же книжкѣ журнала Шевыревъ указывалъ на три „коренныя чувства", составляющія, по его глубокому убѣжденію, „сѣмя и залогъ нашему будущему развитію".

„Мы сохранили,—говоритъ онъ,—наше древнее чувство религіозное. Крестъ Христовъ положилъ свое знаменіе на всемъ первоначальномъ нашемъ образованіи, на всей Русской жизни. Этимъ крестомъ благословила насъ еще древняя мать наша Русь и съ нимъ отпустила насъ въ опасную дорогу Запада.

„Второе чувство, которымъ крѣпка Россія и обезпечено ея будущее благоденствіе, есть чувство ея государственнаго единства, вынесенное нами также изъ всей нашей Исторіи. Конечно, нѣтъ страны въ Европѣ, которая могла бы гордиться такою

гармоніею своего политическаго бытія, какъ наше Отечество... Вотъ сокровище, вынесенное нами изъ нашей древней жизни, на которое съ особенною завистью смотритъ Западъ.

„Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ русскому уму и русскому сердцу. Это чувство есть мѣра прочнаго успѣха нашихъ писателей въ Исторіи Литературы, есть пробный камень ихъ оригинальности. Это чувство устремляетъ теперь насъ къ изученію нашей древней Руси. Само правительство дѣятельно призываетъ насъ къ тому.

„Тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее. Мужъ Царскаго Совѣта, которому ввѣрены поколѣнія образующіяся [1]), давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслію, и они положены въ основу воспитанія народа“.

Въ другой книжкѣ того же журнала И. И. Давыдовъ прямо заявлялъ, что германская философія невозможна у насъ, „по противорѣчію ея нашей народной жизни религіозной, гражданской и умственной, тѣмъ болѣе, что она перестаетъ быть оракуломъ даже и для своихъ соотечественниковъ“. Онъ говорилъ: „Философія, какъ поэзія и всякое творчество, должна развиться изъ жизни народа... Святая вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, дивная исторія славы нашей—вотъ изъ чего должна развиться наша философія“. Только послѣ многихъ трудовъ во имя народнаго просвѣщенія наступитъ время для нашей философіи и „нашъ будущій Шеллингъ или Гегель возсоздастъ свою философію, болѣе прочную и надежную, нежели философія германская, при благодати мудрости высшей, высказанной Тѣмъ, *словеса* Коего *не мимо идутъ*, когда *небо и земля мимо идетъ*“.

Такія рѣчи претили западникамъ и не совпадали съ образомъ мыслей такъ называемыхъ словенофиловъ, которые всякое понятіе пропускали сквозь призму гегелевой философіи и въ ней искали *оправданія* русской народности и православію. Ю. Ѳ. Самаринъ послѣ трехлѣтнихъ занятій церковною исторіей пришелъ къ удивительному убѣжденію, что православіе „восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука;

---

[1]) М-стръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ.

что вопросъ о церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля".

Православно-русское направленіе „Москвитянина" стояло одинокимъ въ журнальной литературѣ обѣихъ столицъ и наименѣе находило сочувствія въ средѣ людей, на поддержку коихъ издатель журнала болѣе всего имѣлъ право разсчитывать. О тогдашнемъ патріотизмѣ просвѣщенныхъ москвичей въ книгѣ Барсукова приведены характерные отзывы современниковъ. Такъ орьенталистъ Григорьевъ писалъ о кружкѣ Грановскаго: „У него собираются лучшіе московскіе геніи — люди съ чувствомъ, съ умомъ, но которые мнѣ не нравятся почему-то. Много говорятъ, много пьютъ, мало дѣлаютъ. А есть здѣсь молодежь многообѣщающая; только эгоизмъ развитъ во всѣхъ въ ужасной мѣрѣ. Отечество—пустой звукъ для ихъ ума, не проникающій въ грудь". Нѣсколько раньше Гоголь выговаривалъ Константину Аксакову: „Я не прощу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ. Да, до нынѣшняго (т. е. въ 1842 году) моего пріѣзда въ Москву я только любилъ ее, но вы умѣли сдѣлать смѣшнымъ самый святой предметъ. Толкуя безпрестанно одно и то же, пристегивая сбоку-припеку при всякомъ случаѣ Москву, вы не чувствовали, какъ охлаждали самое святое чувство, вмѣсто того, чтобы оживить его. Мнѣ было горько, когда лилось черезъ край ваше излишество и когда смѣялись этому излишеству. Но вы горды. Вы двадцать разъ готовы увѣрять, что вы безпристрастны, что вы ничѣмъ не увлекаетесь, что все то чистая правда, что̀ вы говорите. Вы твердо увѣрены, что уже стали на высшую точку разума. Стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой".

Въ Петербургѣ нарождался новый типъ торговой журналистики, литературы угодливой вкусамъ толпы и утверждавшей свою силу и власть оружіемъ „наглости". „Ничто", пишетъ Шевыревъ, такъ не дѣйствуетъ на массу невѣждъ, какъ неуваженіе и дерзость передъ всякимъ признаннымъ прежде величіемъ"; поэтому *литераторы-промышленники* усердно занимались низверженіемъ авторитетовъ въ отдѣлахъ критики и библіографіи своихъ журналовъ. Они удовлетворяли любопытству, а не любознательности читателей. „У извѣстныхъ журналовъ есть свои абонированные домашніе стиходѣи, которыхъ всегда найдете вы на одномъ и томъ же мѣстѣ. Ихъ можно бы сравнить съ тѣми лицами, которыхъ случается вамъ

встрѣчать постоянно въ театрѣ, на извѣстномъ нумерѣ креселъ, даже говорить съ ними, не зная кто они, и всегда объ одномъ и томъ же". Въ этихъ журналахъ „къ началу года берегутся обыкновенно повѣсти съ извѣстными именами; на прочее время довольствуются они или переводами, или повѣстями мастерства цеховаго, доставляемыми на подрядъ отъ бездарныхъ фабрикантовъ"; если случайно попадетъ въ ихъ компанію свѣжій талантъ, его перо вставляется „въ писальную машину... оно пишетъ какъ всѣ... пишетъ заурядъ обо всемъ и Богъ знаетъ что̀, личность стирается и исчезаетъ въ одной общей массѣ фабрично-литературнаго производства". За такое обличеніе Бѣлинскій бросилъ въ Шевырева извѣстнымъ пасквилемъ „Педантъ". Почтенный профессоръ огорчился. Утѣшая его, Н. В. Гоголь писалъ изъ Рима: „Въ душевномъ твоемъ состояніи слышна какая-то грусть—грусть человѣка, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что̀: является она тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ къ этому кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ будто обнимающимъ всю область литературы; но какъ только выберешься хоть на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновеніе въ себя, увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда будешь съ ними, мало ли чего не вообразится? Покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія, а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту; все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься—ужь на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шелингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижимо у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится, а наконецъ можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей?... Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары... Итакъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумномъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе".

Благонамѣренность издателей „Москвитянина“ была внѣ всякаго сомнѣнія; при поднесеніи Государю первой книжки журнала Уваровъ выразилъ: „желательно, чтобы это новое періодическое изданіе, продолжая идти стезею благороднаго направленія, могло нѣкоторымъ образомъ служить и образцомъ для русской журналистики, къ сожалѣнію, столь мало соотвѣтствующей доселѣ собственной цѣли и общественной пользѣ“. Тѣмъ не менѣе, люди, хорошо знакомые съ взглядами и ближайшимъ окруженіемъ тогда властвовавшихъ сановниковъ, опасались за существованіе журнала. Князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Продолжайте и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы... Ваша благонамѣренность и добросовѣстность не спасутъ васъ. Все можно перетолковать“. А графъ А. П. Толстой сказалъ однажды Погодину: „Журналъ вашъ запретятъ, потому что въ немъ слишкомъ ясенъ Русскій духъ и много Православія. Есть какая-то невидимая, тайно дѣйствующая сила, которая мѣшаетъ всякому добру въ Россіи“. Толстой полагалъ, что, „вѣрно она имѣетъ начало въ чужихъ краяхъ, трепещущихъ Россіи и дѣйствующихъ чрезъ золото“, но, по нашему мнѣнію, едва-ли слѣдовало ходить такъ далеко, когда опала генерала Ермолова въ значительной степени объяснялась его руссофильствомъ, возбуждавшимъ въ графѣ Бенкендорфѣ враждебное чувство къ этому даровитому русскому человѣку, и когда на стражѣ политическихъ интересовъ Россіи стоялъ графъ Нессельроде.

Ахиллесовою пятою „Москвитянина“ была его проповѣдь освобожденія славянъ отъ иноземнаго ига. Но къ „словенолюбію“ Погодина подозрительно относились не русскіе нѣмцы, а коренные русскіе люди, наши просвѣщенные западники. Біографъ Погодина приводитъ слѣдующее замѣчаніе А. В. Никитенко изъ его дневника подъ 24 окт. 1841 года: „Вчера обѣдалъ у Д. М. Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы. Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ, который также вернулся. Разговоръ шелъ о Словенахъ Австріи. Я не ошибся: я всегда думалъ, что Словенскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи Словенскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ, Ганка, Погодинъ и проч., но что народы Словенскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ Австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только

Венгерскіе Словене и Русины, которые очень угнетены магнатами". Никитенко держалъ свои сомнѣнія про себя; но попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ, пошелъ дальше. Онъ представилъ по начальству (Уварову) слѣдующія свои соображенія: „Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и *въ особенности Москвитянинъ*, приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи Словенъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе, и предвѣщать скорое отпаденіе ихъ отъ иноплеменнаго ига. А какъ при дѣйствіи въ Государствѣ цензуры на Правительство падаетъ отвѣтственность и за частное политическое направленіе журналистики, я почитаю обязанностію, для дальнѣйшаго руководства своего, спросить ваше высокопревосходительство, согласно ли будетъ съ настоящими видами Правительства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ Словенскихъ народовъ; представлять имъ Россію какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія въ будущности своей и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь меня не занимаетъ угрожающая Австріи и Турціи опасность, а просто вопросъ приличія въ своевременности, при существующихъ пріязненныхъ отношеніяхъ Россіи съ сосѣдними Державами". На этотъ разъ Уварову удалось разсѣять нежданно налетѣвшую на „Москвитянинъ" грозовую тучу. Указавъ, что *пропаганда* выходитъ далеко за предѣлы обыкновенныхъ литературныхъ или цензурныхъ „погрѣшностей" и даже изъ круга его вѣдомства, какъ министра народнаго просвѣщенія и начальника цензуры, требуя „особыхъ наблюденій", онъ предложилъ попечителю войти въ конфиденціальное по этому предмету сношеніе съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Д. В. Голицынымъ, благосклонно относившимся къ Погодину и его журналу. Но два года спустя Уваровъ вынужденъ былъ заготовить слѣдующій циркуляръ: „По нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ, я нахожу полезнымъ обратить вниманіе цензуры на печатаемыя въ Русскихъ изданіяхъ статьи, относящіяся къ южнымъ Словенамъ и нынѣшнему ихъ положенію. Хотя статьи эти сами по себѣ не представляютъ ничего прямо непозволительнаго и вообще благонадежны, однако настоящія политическія отношенія побуждаютъ положить нѣкоторое огра-

ниченіе изъявленіямъ въ Русскихъ изданіяхъ сочувствія и участія въ дѣлахъ Словенскихъ племенъ, къ иноземнымъ державамъ принадлежащихъ". Циркуляру этому не было дано хода. Въ письмѣ къ Погодину Комовскій объяснялъ: „Такого содержанія предложеніе хотѣлъ С. С. Уваровъ дать Московской цензурѣ, но удержался единственно, чтобъ не вооружить ее слишкомъ и исключительно на *Москвитянинъ*; кромѣ этого журнала, вѣдь нѣтъ другихъ изданій, говорящихъ у васъ про Словенъ. Его высокопревосходительство предпочелъ приказать мнѣ частнымъ образомъ предварить по этому предмету васъ, какъ издателя и просить отъ его имени: не печатать пока до времени ради современныхъ политическихъ обстоятельствъ *ничего на счетъ Словенскихъ соплеменниковъ нашихъ*, по крайней мѣрѣ безъ предварительнаго представленія на его усмотрѣніе и рѣшеніе". Излишняя подозрительность австрійскаго правительства, всегда приводившая въ тревогу и смущеніе нашего вице-канцлера, была тѣмъ внѣшнимъ гнетомъ, подъ давленіемъ котораго дѣйствовалъ Уваровъ въ данномъ случаѣ. Г-мъ Барсуковымъ найденъ въ бумагахъ Погодина листокъ, писанный неизвѣстною рукою. Въ немъ сообщается просьба Шафарика: „Передайте г. Погодину, что Австрійское Правительство обратило особенное вниманіе на сношенія мои съ нимъ. Оно понимаетъ г. Погодина руководителемъ Русско-Словенской партіи, старающейся печатными и рукописными сочиненіями возбуждать Словенскія племена Австріи. Когда въ прошломъ году посѣтили меня: прежде сынъ г. Погодина вмѣстѣ съ молодымъ Мамонтовымъ, потомъ и самъ г. Погодинъ, то послѣдствіемъ этихъ посѣщеній было учрежденіе надо мною строгаго надзора. Все, что я пишу другимъ и что другіе мнѣ пишутъ—прочитывается. Не знаю, что̀ ожидаетъ меня въ будущемъ; во всякомъ случаѣ я убѣдительнѣйше прошу г. Погодина, чтобы во всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ статьяхъ, касающихъ Словенъ, не упоминать моего имени и вообще не связывать его съ политикою, которою я не могу и не долженъ заниматься: я желаю остаться при своихъ чисто-ученыхъ трудахъ".

Графъ Строгановъ не упускалъ случая досаждать Погодину и въ его чисто-ученыхъ трудахъ. Счастливый случай доставилъ Погодину рукописную книгу, заключавшую въ себѣ сочиненіе извѣстнаго Посошкова „о скудости и богатствѣ". За свои труды по изданію въ свѣтъ этого сочиненія онъ удостоился Высочайшаго благоволенія. Находясь въ то время въ Петербургѣ,

графъ Строгановъ, вмѣсто привѣтствія, послалъ Погодину „предложеніе" слѣдующаго содержанія:

„Въ 13 № *Сѣверной Пчелы* нынѣшняго 1843 года нечаянно прочелъ я извѣстіе о Высочайшемъ благоволеніи, объявленномъ вашему высокоблагородію, за поднесеніе Государю Императору экземпляра изданной вами книги: *Сочиненія Ивана Посошкова*. Какъ мнѣ извѣстно, изданіе этой книги, которое состоитъ только въ перепечатаніи, произведено на счетъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ [1]), то я считаю себя въ необходимости сдѣлать вамъ, милостивый государь, *замѣчаніе*, что и поднесеніе ея, еслибъ оно признано было нужнымъ, должно быть сдѣлано отъ самого Общества, ибо оно только вправѣ располагать такимъ образомъ своимъ изданіемъ.

„Сообщая вамъ это *замѣчаніе*, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, въ случаѣ не сдѣлано отъ Общества какихъ-либо неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій, по которымъ изданіе сочиненій Посошкова предоставлено въ вашу собственность, доложить содержаніе настоящаго предложенія моего въ первомъ имѣющемъ быть засѣданіи Общества, съ тѣмъ, чтобы оно, руководствуясь общепринятыми формами, не иначе представляло къ поднесенію издаваемыя имъ сочиненія Государю Императору, какъ чрезъ посредство своего президента" (т. е. самого гр. Строганова).

Выраженная въ такой бюрократически-придирчивой формѣ, jalousie du Président крайне оскорбила Погодина, и онъ съ достоинствомъ отвѣтилъ *президенту:*

„На письмо вашего сіятельства изъ Петербурга симъ отвѣчать честь имѣю: 1) Сочиненіе Посошкова составляетъ мою собственность и издано мною, а не Московскимъ Обществомъ Исторіи, только на иждивеніе Общества, и это напечатано на заглавномъ листѣ, — въ мою пользу, за что въ предисловіи и принесена благодарность Обществу. 2) Оно не состоитъ *только въ перепечатаніи*, какъ вы изволите, къ оскорбленію моему, писать, а напечатано мною съ рукописи мною найденной. 3) Представлено оно г. Министру, а не Президенту Общества, потому что въ рукописи было представляемо ему же, для испрошенія Высочайшаго соизволенія на напечатаніе. Полу-

---

[1]) Трудно допустить, чтобы Строганову, какъ президенту Общества, неизвѣстно было въ то же время, что въ засѣданіи 21 февраля 1842 г. постановлено: „издать Посошкова на иждивеніе Общества, *въ пользу издателя* (Погодина), въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ".

чивъ разрѣшеніе отъ г. Министра, а не отъ Общества, я не могъ, не имѣлъ права и не смѣлъ представлять напечатанное сочиненіе ни Обществу, ни Президенту на судъ, по вашимъ словамъ, — *признаютъ ли еще они нужнымъ поднесеніе или нѣтъ Государю Императору.* Страдая кровотеченіемъ изъ горла впродолженіе двухъ мѣсяцевъ предъ лицомъ всего Университета и читая лекціи вопреки приказаніямъ почти всѣхъ членовъ медицинскаго факультета, я, по единогласному ихъ приговору, долженъ избѣгать всякаго волненія, если не хочу подвергнуть жизнь свою опасности. Вы можете судить сами, ваше сіятельство, должны ли произвести волненіе и огорченіе такія незаслуженныя *замѣчанія* въ профессорѣ, который служитъ усердно и безпорочно слишкомъ двадцать лѣтъ и который разстроилъ свое здоровье, для службы, учеными трудами, коихъ ни одинъ личный врагъ его отвергнуть не смѣетъ? Въ самую сладостную минуту, какую только можетъ имѣть русскій гражданинъ и вѣрноподданный, въ минуту *Высочайшаго благоволенія*, вы присылаете мнѣ съ поспѣшностію изъ Петербурга *строгій выговоръ*, прибавляя даже литературное оскорбительное и несправедливое замѣчаніе, по поводу поднесенія той книги, которая доставила мнѣ неоцѣненное счастіе! Вы изволите называть *только перепечатаніемъ* мое открытіе, которое я считаю счастливѣйшимъ въ моей жизни литературной...“

Обида за цѣлый рядъ несправедливостей и тайнаго и явнаго недоброжелательства накипѣла на сердцѣ Погодина, его чаша долготерпѣнія перелилась теперь черезъ край, и онъ слѣдующимъ образомъ заканчиваетъ свое письмо къ графу Строганову:

„Такія послѣдовательныя дѣйствія въ продолженіи трехъ лѣтъ не только лишаютъ меня надежды на всякое снисхожденіе и пощаду со стороны вашего сіятельства, еслибы случилось мнѣ, по свойственной человѣку слабости, дѣйствительно преступиться, какъ журналисту и профессору, но и производятъ во мнѣ и семействѣ моемъ опасеніе за всю мою службу и самую жизнь... Объ опасныхъ слѣдствіяхъ волненія для меня въ моей болѣзни можетъ засвидѣтельствовать вамъ мой врачъ, профессоръ Иноземцевъ. По всѣмъ симъ причинамъ я нахожусь вынужденнымъ оставить Университетъ и предупредить о томъ ваше сіятельство. Просьбу оффиціальную объ увольненіи я не подаю теперь потому только, что считаю себя обязаннымъ из-

вѣстить заблаговременно о своемъ намѣреніи г. Министра, котораго просвѣщенному покровительству, вниманію и ободренію я одолженъ столько, что готовъ принести какія угодно жертвы и читать лекціи хотя съ одра болѣзни, въ случаѣ его желанія. Въ ожиданіи же рѣшенія, я умоляю ваше сіятельство внять гласу человѣколюбія и освободить меня, до моего облегченія, отъ выговоровъ за такія дѣйствія, въ коихъ сами вы, какъ нынѣ, не изволите быть увѣренными".

Въ то время Погодинъ былъ уже ординарнымъ академикомъ, а его другъ и ближайшій сотрудникъ по журналу, Шевыревъ, — адъюнктомъ академіи наукъ по отдѣленію словесности [1]). Такимъ образомъ, Погодинъ могъ уже не дорожить званіемъ университетскаго профессора и чувствовать себя болѣе свободнымъ для своихъ любимыхъ занятій. Онъ не измѣнялъ древней русской исторіи, и въ первомъ же нумерѣ „Москвитянина" 1842 г. напечаталъ главу изъ своихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ (варяжскомъ) періодѣ, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе Русскаго Государства". Здѣсь кстати замѣтить, что его біографъ, г. Барсуковъ, лично знакомый съ Погодинымъ съ 1867 года, составилъ указатель къ его „Древней Русской Исторіи до Монголовъ", причемъ самъ Погодинъ печатно заявилъ: „Указатель составленъ по моей просьбѣ ретивымъ работникомъ Русской Исторіи Н. П. Барсуковымъ" и проч., а на экземплярѣ, подаренномъ Барсукову, собственноручно надписалъ: „Любезнѣйшему Н. П. Барсукову, въ знакъ искренней благодарности за оказанное дружеское содѣйствіе, отъ автора".

Разсматриваемая книга, какъ и ей предшествующія, изобилуетъ матеріалами для характеристики писателей, людей общества и администраторовъ, съ которыми такъ или иначе соприкасался Погодинъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. По не-

[1]) Въ книгѣ г. Барсукова приведенъ списокъ академиковъ по этому отдѣленію, избраніе коихъ „на первый разъ", по упраздненіи екатерининской Россійской Академіи, было предоставлено Государемъ Уварову. Возведены въ званія *ординарныхъ* академиковъ: Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій, Иннокентій, епископъ вологодскій и велико-устюжскій, К. И. Арсеньевъ, П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, кн. П. А. Вяземскій, И. И. Давыдовъ, В. А. Жуковскій, М. Т. Каченовскій, И. А. Крыловъ, А. И. Михайловскій-Данилевскій, В. И. Панаевъ, П. А. Плетневъ, М. П. Погодинъ, кн. П. А. Ширинскій-Шахматовъ, Д. И. Языковъ; въ званія *адъюнктовъ*: Я. И. Бередниковъ, М. И. Розбергъ, П. М. Строевъ, С. П. Шевыревъ.

обходимости мы ограничились лишь журнальною дѣятельностію Погодина въ сотрудничествѣ Шевырева и для нѣкоторой полноты своего очерка позволимъ себѣ, руководствуясь почтеннымъ трудомъ г. Барсукова, сдѣлать нѣсколько выводовъ, касающихся изданія „Москвитянина" въ его первые годы.

Несомнѣнно, что „Москвитянинъ" много содѣйствовалъ успѣхамъ русскаго національнаго самосознанія, но сомнительны его заслуги въ области нашей изящной словесности и критики. Его беллетристика („Соперничество шести невольницъ", „Левъ") была крайне слаба, ученая критика Шевырева слишно тяжеловѣсна, педантична. Однажды, не выдержалъ даже и кн. П. А. Вяземскій, благоволившій къ Шевыреву. „Все, что̀ вы говорите",—писалъ ему князь,—„дѣльно, умно и хорошо; но вы всегда говорите съ каѳедры. На каѳедру можно иногда взбираться, но когда разбираемая книга того стоитъ. Напримѣръ, въ критикѣ о Курдюковой vous l'avez pris trop au sérieux. Сами же вы сказали, что это фарса и прекрасно опредѣлили, что̀ фарса и что̀ комедія. Но фарсою и трактуйте её. Мятлевъ мастеръ врать стихами и прозою, и ему хотѣлось поврать о томъ о семъ, обо всемъ и о прочемъ, и онъ выбралъ Курдюкову сосудомъ вранья своего, какъ Байронъ Чайльдъ Гарольда сосудомъ поэзіи своей. Разумѣется, Курдюковой характеръ не выдержанъ, но чортъ ли въ ней и чортъ ли въ ея характерѣ? Тутъ одинъ Мятлевъ на сценѣ, который почти всегда забавно и часто очень остроумно дурачится. А о планѣ, о цѣли онъ и не помышляетъ". Самъ Погодинъ находилъ, что въ его журналѣ „смѣсь и проза приводятъ въ отчаяніе; напечатанные въ третьей книжкѣ для привлеченія публики анекдоты отталкивали своею пошлостію и только подвели журналъ подъ ферулу III-го Отдѣленія: въ „Москвитянинѣ" не умѣли писать легко и забавно и въ то же время изящно. Его *ученое* направленіе не многимъ приходилось по плечу. Въ провинціи спрашивали: „развѣ для *учителей* журналъ издается?" Да и самое это ученое направленіе было слишкомъ сухо, архивно, особенно съ той поры, какъ Погодинъ вздумалъ чрезъ посредство своего журнала знакомить публику съ русской палеографіей. Ни Погодину, ни Шевыреву не было знакомо искусство простой умной бесѣды съ читателемъ и выбора темъ, для всѣхъ занимательныхъ. Ни тотъ, ни другой, скажемъ откровенно, не были рождены для журнальной дѣятельности.

А. М—СКІЙ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русской.

I.

Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892 г.

Покойный И. И. Срезневскій признавалъ два разряда литераторовъ: писателей и писарей. Писателями онъ называлъ тѣхъ, кто пишетъ изъ внутренней потребности писать, у кого есть, чт̀о сказать, и вслѣдствіе того является и умѣніе сказать. Писаря повторяютъ то, что сказано другими, и по большей части повторяютъ шаблонно, а часто даже и совсѣмъ пренебрегаютъ внѣшнею формою. Бываютъ, конечно, и такіе случаи, когда богатство мыслей новыхъ и оригинальныхъ „просится наружу", какъ выражается кн. Вяземскій, прежде чѣмъ нашлась соотвѣтствующая имъ внѣшняя форма. Такъ бываетъ иногда, но въ обыкновенныхъ случаяхъ недостатокъ формы свидѣтельствуетъ о неясности самой мысли автора. Н. Н. Страховъ принадлежитъ къ числу писателей: его изящное, мѣрное изложеніе для внимательнаго читателя одна изъ причинъ, почему къ его статьямъ можно обращаться не разъ, почему перечитыванье ихъ всегда доставляетъ новое удовольствіе. Но замѣчательное, рѣдкое изящество формы составляетъ не единственное достоинство произведеній Н. Н. Страхова; ихъ внутреннее содержаніе также важно: авторъ умѣетъ взглянуть на каждый предметъ, обратившій на себя его вниманіе, съ новой, оригинальной стороны; если даже взглядъ его иногда и не совсѣмъ новый, то онъ умѣетъ и въ старомъ найдти что-нибудь особенное, никѣмъ незамѣченное. Вотъ почему онъ пишетъ только тогда, когда

ему есть что-нибудь сказать, и если читатель и не согласится съ его мыслію, всегда онъ съ удовольствіемъ вникаетъ въ нее, принужденъ бываетъ вновь обсудить свое мнѣніе, а иногда, можетъ быть, и измѣнить его.

Новое собраніе статей нашего автора нисколько не измѣняетъ нашего взгляда на его дѣятельность. Этотъ сборникъ заслуживаетъ чтенія не менѣе своихъ предшественниковъ, и многія страницы его не разъ будутъ перечтены любителями изящнаго и поучительнаго чтенія.

Книга открывается статьею: „Воспоминанія о поѣздкѣ на Аѳонъ". Авторъ искалъ такого уголка земли, который былъ бы ядромъ современной цивилизаціи, и поѣхалъ на Аѳонъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ болѣе всего поражаютъ читателя изображенія аѳонскихъ монаховъ, радостныхъ, улыбающихся и въ то же время несущихъ всѣ тяготы монастырской жизни, бремя, кажущееся невыносимымъ для нашего слабаго вѣка. Быть можетъ, многіе откажутся вѣрить истинѣ такого изображенія, ибо по общему представленію настоящій монахъ, конечно, не тотъ, мѣсто которому скорѣе не въ православномъ монастырѣ, а въ аббатствѣ, долженъ быть мраченъ, строгъ и нетерпимъ. Между тѣмъ истинные монахи бываютъ болѣе того любвеобильнаго типа, который отмѣтилъ авторъ, чѣмъ — того строгаго, который рисуется въ воображеніи нашихъ современниковъ. Таковы были, по разсказамъ, многіе изъ оптинскихъ старцевъ, таковъ былъ въ особенности—какъ говорятъ видѣвшіе его въ годы его иночества—от. Климентъ (К. Зедергольмъ); такіе встрѣчаются и между живыми подвижниками христіанскими; именъ не упоминаемъ по понятнымъ причинамъ.

Двѣ слѣдующія статьи сборника посвящены поѣздкѣ въ Италію. Много писано объ Италіи, многіе и сами были въ Италіи, а между тѣмъ нельзя читать бѣглыхъ замѣтокъ нашего автора безъ особеннаго удовольствія. Былъ онъ въ Италіи въ то время, когда еще „итальянцы не приходили въ Римъ", какъ выражается римское простонародье, когда „вѣчный городъ" сохранялъ еще свое стародавнее величіе и не проявлялось стремленія обратить его, если не въ Парижъ, то по крайней мѣрѣ, въ Берлинъ, когда еще не ломали Корсо, не портили виллу Людовизи, не распродавали дѣдовскихъ галлерей. Изъ множества блестящихъ замѣчаній, которыя авторъ, по своему обыкновенію, сумѣлъ совмѣстить въ небольшомъ числѣ страницъ, меня въ особенности поразило одно: сравненіе ста-

раго искусства, которое назначалось для опредѣленной цѣли: произведенія пластическія—для храмовъ и дворцовъ, симфонія—для исполненія въ храмѣ, съ новымъ, пластическія произведенія котораго исполняются для галлерей, музыкальныя—пишутся для концертнаго зала.

„Крымскія впечатлѣнія“ автора представляютъ живую и вѣрную картину южной природы въ сравненіи съ сѣверной.

Замѣтка о картинѣ Куинджи: „Ночь на Днѣпрѣ“ представляетъ основательный протестъ противъ излишней реальности, соединенной съ стремленіемъ къ эффекту.

Статьи, посвященныя графу Л. Н. Толстому: „Толки объ Л. Н. Т.“ и „Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго“ очень оригинальная защита великаго поэта. На гр. Толстаго нападаютъ съ двухъ сторонъ: со стороны его догматическихъ мнѣній и со стороны несогласія его ученія съ условіями гражданскаго общества. Нашъ авторъ указываетъ на то, что графъ Толстой занялся вопросами, въ которые наше общество обыкновенно не вдумывается, и на то, что онъ стремится жизнь свою согласить съ идеаломъ. Благотворительная дѣятельность гр. Толстаго служитъ общеизвѣстнымъ примѣромъ послѣдняго положенія. Слѣдовательно, и здѣсь авторъ сумѣлъ выбрать оригинальную точку зрѣнія.

„Справедливость, Милосердіе и Святость“ представляютъ сжатую, ясную и вѣрную картину трехъ ступеней духовной жизни.

Замѣтки на романы М. В. Авдѣева показываютъ всю мелочность содержанія не только этихъ романовъ, но mutatis mutandis и всякихъ тенденціозныхъ романовъ.

„Поминки по Аполлонѣ Григорьевѣ“, какъ и прежнія статьи автора о томъ же предметѣ, заставляютъ жалѣть, что онъ не занялся до сихъ поръ обстоятельной біографіей этого критика, который и психологически заслуживаетъ подробнаго изученія. Нельзя при этомъ случаѣ не припомнить, что многія важныя сочиненія Григорьева („Литературныя скитальчества“ и др.) до сихъ поръ пропадаютъ въ журналахъ.

„Послѣдній изъ идеалистовъ“ повѣсть, представляющая нѣкоторую поправку къ „Гамлету Щигровскаго уѣзда“. Въ „Гамлетѣ“ все приписано кружкамъ. Впослѣдствіи говорили: „среда заѣла“. Авторъ ищетъ психологическаго настроенія героя, соотвѣтствующаго тургеневскому.

Книжка заключается стихотвореніями, между которыми встрѣчаются очень граціозныя. Выпишемъ одно:

Покой и свѣтъ вокругъ меня;
Всѣ узы міра я оставилъ,
На чистый пламень бытія
Я взоръ души своей направилъ.

Но часто тусклъ усталый взглядъ,
Но язвы давняго растлѣнья
На сердцѣ старомъ вновь горятъ
И меркнетъ радостное зрѣнье.

Богъ милосердъ! Онъ мнѣ пошлетъ
Свое святое испытанье,
Онъ зло мое во мнѣ сожжетъ
Огнемъ предсмертнаго страданья.

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

II.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ LXXVIII. Спб. 1892 г.

Настоящій томъ „Сборника" заключаетъ въ себѣ продолженіе издаваемыхъ подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина бумагъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Въ теченіе полувѣка графъ Закревскій занималъ самыя разнообразныя выдающіяся должности; былъ онъ дежурнымъ генераломъ при главномъ штабѣ, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ. Всѣ эти должности были для него не синекурой, всюду онъ являлся человѣкомъ чрезвычайно дѣятельнымъ, мы нигдѣ не можемъ въ немъ подмѣтить небрежнаго отношенія къ служебному долгу, а напротивъ, передъ нами вездѣ выступаетъ человѣкъ, крайне отзывчивый на общественныя нужды, пекущійся о благѣ ввѣренныхъ ему людей и никогда не упускающій изъ виду высшихъ государственныхъ интересовъ.

Въ вышедшемъ теперь томѣ напечатаны документы, относящіеся ко времени отъ 1810-хъ до 30-хъ годовъ, когда Закревскій занималъ должность дежурнаго генерала при главномъ штабѣ, а затѣмъ недолго былъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Переписка за время исполненія должности дежурнаго генерала была очень оживленная съ П. Д. Киселевымъ, который былъ въ это время начальникомъ штаба южной арміи. Отношенія Закревскаго къ

Киселеву, какъ видно изъ этой переписки, были самыя дружескія; письма касаются не однихъ служебныхъ отношеній, въ нихъ встрѣчаются замѣчанія о дѣлахъ частныхъ, семейныхъ. Закревскій въ своихъ письмамъ зачастую старается смягчить рѣзкіе отзывы своего черезчуръ пылкаго друга, внушаетъ ему умѣренность въ его распоряженіяхъ по южной арміи, указываетъ на необходимость болѣе снисходительнаго и справедливаго отношенія къ своимъ сослуживцамъ. Мѣстами въ перепискѣ Закревскаго съ Киселевымъ встрѣчаются отзывы объ общихъ государственнымъ дѣлахъ и о выдающихся современныхъ имъ дѣятеляхъ, которые большею частью обозначаются условными прозвищами, какъ напр. Аракчеевъ называется Змѣемъ, князь Волконскій—Петра-ханомъ, князь Меншиковъ—Кривлякой и т. д. Отзывы объ этихъ лицахъ и о фактахъ общаго значенія, большею частью, очень кратки, такъ что главное значеніе переписки дѣловое и отчасти біографическое.

Изъ другихъ документовъ, напечатанныхъ въ настоящемъ томѣ „Сборника", отчасти даже современный интересъ представляютъ всеподданнѣйшій адресъ финляндскаго сената отъ 4 мая 1825 года и замѣчанія на этотъ адресъ графа Закревскаго. Генералъ-губернаторъ объявилъ сенату Высочайшія повелѣнія о дарованіи права получать мѣста въ Финляндіи лицамъ греческаго исповѣданія, о новомъ раздѣленіи губерній, увеличеніи числа епископствъ, предоставленіи губернаторамъ права отрѣшать коронныхъ чиновниковъ, о введеніи новыхъ формъ кондуитныхъ и формулярныхъ списковъ и объ установленіи по всѣмъ большимъ дорогамъ Финляндіи столбовъ, означающихъ русскія версты. Въ виду того, что эти Высочайшія повелѣнія объявлены были не черезъ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, сенатъ финляндскій, какъ сказано въ адресѣ, „былъ пораженъ тягостнымъ чувствомъ безпокойства и нашелся въ затруднительномъ положеніи". Члены сената увидѣли въ дѣйствіяхъ генералъ-губернатора нарушеніе финляндской конституціи, а потому „не могли избѣгнуть, чтобы всепокорнѣйше не обратить милостиваго вниманія Его Императорскаго Величества на забвеніе въ семъ случаѣ генералъ-губернаторомъ установленнаго порядка, который доселѣ не испыталъ никакого измѣненія чрезъ оффиціальное объявленіе Высочайшей воли; не могли избѣгнуть сего, не измѣнивъ священнѣйшимъ обязанностямъ своимъ въ отношеніи къ Его Императорскому Величеству, къ обожаемому отечеству и тому, что сограждане и потомство имѣ-

ютъ справедливое право требовать отъ нихъ, наконецъ, не оскорбивъ своей совѣсти". Но помимо формальной стороны, сенатъ оказался смущеннымъ и самымъ содержаніемъ объявленныхъ генералъ-губернаторомъ указовъ. Въ адресѣ излагается это такимъ образомъ: „обстоятельство, о которомъ идетъ дѣло, слишкомъ важно для настоящаго времени и имѣетъ неопредѣленное вліяніе на будущность. Сенатъ не можетъ умолчать, что въ отношеніи самой сущности дѣла, оныя пять бумагъ генералъ-губернатора, особенно въ томъ, что относятся къ допущенію полученія мѣстъ въ Финляндіи особъ, не исповѣдующихъ вѣры сей страны; къ отрѣшенію, безъ предварительнаго суда и разсмотрѣнія, коронныхъ фохтовъ отъ ихъ должностей по инымъ причинамъ, нежели недостатокъ казенныхъ денегъ въ ихъ кассахъ,—къ произведенію новаго измѣренія большихъ дорогъ сего края и проч.,—оныя бумаги содержатъ условія, кои измѣнили бы отчасти основные законы и гражданскія постановленія Финляндіи, которые до сего времени съ точностью были соблюдаемы и сохраненіе коихъ въ полнотѣ составляетъ настоящее благополучіе финскихъ вѣрноподданныхъ Его Императорскаго Величества, ихъ надежду въ будущемъ, — единственный предметъ ихъ желаній и основаніе благоденствія, коимъ они наслаждались въ послѣднія пятнадцать лѣтъ подъ правленіемъ великодушнаго и могущественнаго Государя, коему судьба ихъ покорила". Въ заключеніе адреса сенатъ заявляетъ, что „изъ уваженія къ лицу генералъ-губернатора дѣло сіе производилось sub secreto", но что сообщенныя имъ повелѣнія рѣшено не приводить въ исполненіе.

Этотъ адресъ финляндскаго сената подробно, по всѣмъ пунктамъ, разобранъ въ обширной всеподданнѣйшей запискѣ А. А. Закревскаго. Мы не будемъ указывать всѣхъ отдѣльныхъ замѣчаній этой записки, такъ какъ они имѣютъ слишкомъ частный, мѣстный характеръ, а приведемъ ея заключеніе, въ которомъ гр. Закревскій резюмировалъ стремленія финляндцевъ:

„По долгу вѣрноподданнаго", говоритъ гр. Закревскій, „обязываюсь всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что предпріятіе членовъ финляндскаго сената устремляется единственно къ тому, чтобъ президентъ онаго и главноуправляющій гражданскою исполнительною частью въ Финляндіи, одинъ теперь во всѣхъ мѣстахъ тамошняго правленія чуждый шведамъ, не имѣлъ доступа къ

трону съ дѣлами ввѣреннаго ему края; чтобъ о всемъ, до онаго относящемся, Монархъ получалъ свѣдѣнія токмо чрезъ статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ и въ видахъ, заранѣе имъ предначертанныхъ, и чтобъ генералъ-губернаторъ состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ составленной изъ ихъ же соотчичей коммисіи финляндскихъ дѣлъ, тогда какъ онъ по инструкціи своей занимаетъ въ Финляндіи первый по Монархѣ постъ и сохраняетъ по силѣ ея права свои даже во время пребыванія своего въ россійской столицѣ; словомъ, члены сената желаютъ по прежней своей долговременной привычкѣ, дабы генералъ-губернаторъ отнюдь не выступалъ изъ черты ихъ направленія и при титлахъ своихъ, при довѣренности къ нему Государя, былъ бы безгласенъ, ничтоженъ". Разбирая затѣмъ обвиненія сенатомъ генералъ-губернатора въ нарушеніи конституціи, Закревскій доказываетъ ихъ несостоятельность и особенно настаиваетъ на томъ, что сенату предоставлено управленіе финскимъ народомъ только *подъ надзоромъ* генералъ-губернатора. Въ этомъ указаніи заключается самый лучшій отпоръ притязаніямъ сената.

Такимъ образомъ автономистскія стремленія финляндскаго высшаго класса обнаруживались уже давно, но уже тогда они встрѣчали надлежащее опроверженіе, и съ этой стороны адресъ сената съ возраженіемъ графа Закревскаго представляется намъ очень поучительнымъ, имѣющимъ отношеніе къ нашей современности.

Нѣкоторое отношеніе къ современнымъ намъ дѣламъ имѣютъ свѣдѣнія о холерѣ 1830 года, которыя можно извлечь изъ напечатанныхъ въ настоящемъ томѣ бумагъ. Между прочимъ мы узнаемъ, что уже въ то время проявлялось убѣжденіе въ безполезности и даже вредѣ карантиновъ, хотя мы не находимъ въ имѣющихся въ „Сборникѣ" документахъ никакихъ свѣдѣній о санитарныхъ мѣропріятіяхъ. Довольно интересными представляются данныя объ ослабленіи холерной эпидеміи въ Петербургѣ и Москвѣ, а также и повсемѣстной паникѣ и рядѣ народныхъ волненій, вызванныхъ между прочимъ толками, будто врачи хоронятъ живыхъ людей. Для успокоенія населенія и для усмиренія волненій, графъ Закревскій, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ самъ выѣхать въ Саратовъ, Тулу и др. мѣста.

Какъ всегда бываетъ, въ годины народныхъ бѣдствій и всеобщаго переполоха, не обошлось безъ курьезовъ, и въ за-

ключеніе нашей замѣтки, считаемъ не лишнимъ привести одинъ такой курьезъ: прочитавъ циркуляръ графа Закревскаго о мѣрахъ противъ холеры, въ которомъ между прочимъ говорилось: „всякій новый способъ и мѣры предохраненія отъ заразы клонящіяся, приму я съ должною признательностью отъ каждаго благомыслящаго",—нѣкто Александръ Николаевичъ Поповъ, корочанскій помѣщикъ, исполнявшій обязанности почетнаго смотрителя училищъ и состоявшій членомъ Библейскаго общества, представилъ слѣдующій рецептъ:

„Для знатнѣйшихъ и знаменитыхъ дамъ предлагаю: розовыми листами полить изъ самовара горячею водою, дать остыть, перчаткою камлотовою потереть голову для очищенія волосъ отъ всякой нечисти; довольно, чтобъ намочить нѣсколько волосъ. Мыло благовонное; куриться должны янтаремъ и другими ароматами. Пить бабарбасъ, лимонный и барбарисовый; сыропы очень полезны. Безейный тортъ съ ванелью, марсипанъ можно кушать".

„Для мужеска пола особъ: вечеркомъ принесенною холодною водою мойте лицо и руки до локтей; мойте главу и ноги до лодыжекъ; полосканіе рта, ноздрей; омытіе ушей и за ушами единожды въ день облегчающагося такимъ образомъ".

Этотъ рецептъ почетнаго смотрителя училищъ былъ доложенъ императору Николаю Павловичу, и весьма любопытною представляется ироническая собственноручная резолюція государя: „Прекрасно; стоило бы напечатать въ честь сотрудникамъ Министерства Просвѣщенія".

III.

Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстрированное историко-критическое изслѣдованіе. Пер. съ англійскаго подъ ред. Ѳ. Булгакова, изд. Г. Р. Пантелеева. Спб. 1893 г. стр. 608.

Въ настоящемъ году празднуется четырехъ-сотая годовщина событія міровой важности, ставшаго рубежемъ между средневѣковой и новой исторіей Европы и всего свѣта—мы говоримъ объ открытіи за океаномъ новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ земель, Христофоромъ Колумбомъ. 3 августа 1493 г. снялась съ якоря

небольшаго испанскаго порта Палоса флотилія Колумба, чтобы совершить первое великое морское плаваніе европейскихъ судовъ, пересѣкшихъ океанъ и открывшихъ испанской монархіи и всей Европѣ Новый Свѣтъ. Это событіе міровой важности имѣло огромное значеніе не только для народовъ романской и германской расы Западной Европы, или для Запада, но и для греко-славянскаго Востока. Вслѣдъ за Колумбомъ въ Новый Свѣтъ за океанъ хлынули волны европейской колонизаціи, которыя въ XV в. готовились затопить нашъ Востокъ—вспомнимъ завоеванія венеціанцевъ на берегахъ и островахъ Архипелага, колоніи генуэзцевъ въ Крыму, не говоря уже о завоеваніи Константинополя крестоносцами и латинской имперіи на берегахъ Босфора. Ордена Тевтонскій и Меченосцевъ напирали на сѣверо-западѣ, и ихъ Drang nach Osten былъ остановленъ только въ XVI в., когда, послѣ открытія Колумбомъ новыхъ путей для западно-европейской колонизаціи, приливъ рыцарей съ Запада въ названные ордена пріостановился.

Почтенный трудъ англійскаго ученаго Уинсора, указанный нами въ заголовкѣ статьи, даетъ подробное и критически разработанное, на основаніи подлинныхъ документовъ, изложеніе обстоятельствъ и спорныхъ вопросовъ, относящихся какъ къ самому факту открытія Новаго Свѣта, такъ и превратной судьбѣ геніальнаго генуэзскаго мореплавателя, отличавшагося великимъ умомъ, но и большими недостатками, жаднаго на золото и славу, жестокаго и неспособнаго правителя.

Уинсоръ подробно разбираетъ различные отзывы и мнѣнія о характерѣ Колумба, начиная съ его ярыхъ панегиристовъ (Геррера, Прескоттъ Ирвингъ, Розелли), и таковыхъ же его порицателей и приходитъ къ заключенію, что онъ былъ сынъ своего вѣка, въ нравственномъ отношеніи отнюдь не стоявшій выше времени. Онъ ввелъ рабство въ Новомъ Свѣтѣ и положилъ начало жестокому испанскому управленію туземцами—цѣлая раса, населявшая Антильскіе острова, была окончательно истреблена ко времени его смерти. Такая картина омрачаетъ ложе смерти въ Вальядолидѣ великаго открывателя новыхъ земель. Свою характеристику Колумба нашъ авторъ заключаетъ такъ: „Открытіе его оказалось промахомъ [1]), его про-

[1]) Какъ извѣстно, открывъ островъ Санъ-Сальвадоръ, Колумбъ полагалъ, что находится у материка Азіи.

махъ оказался Новымъ Свѣтомъ, Новый Свѣтъ есть его памятникъ! Открыватель могъ сдѣлаться благодѣтелемъ этого Новаго Свѣта, онъ сталъ его грабителемъ. Онъ могъ дать юнымъ днямъ этого Новаго Свѣта столько добра, сколько міръ обыкновенно соединяетъ съ идеей Творца, онъ сдѣлалъ его наслѣдіемъ разрушенія и преступленія. Онъ могъ быть безкорыстнымъ двигателемъ географической науки, но оказался свирѣпымъ искателемъ золота и вице-королевскаго достоинства. Онъ могъ благостью своего духа обратить языческія души ко Христу, а снискалъ своимъ управленіемъ и политикой проклятія" (стр. 463).

Англійскій авторъ книги впрочемъ не можетъ дать вполнѣ вѣрной характеристики Колумба, являющагося типичнымъ представителемъ западной колонизаціи — его высокомѣрное и жестокое отношеніе къ людямъ другой расы не есть исключительно его личное свойство, а общій родовой признакъ колонизаціи Запада. Западно-европейская колонизація и культура всегда истребительно вліяла на племена другихъ расъ — туземцамъ, приходившимъ съ ними въ сношенія, всегда становилось туго и тѣсно; чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на Индію подъ англійскимъ владычествомъ. Лордъ Гастингсъ нѣсколько вѣковъ послѣ Колумба отнюдь не превосходилъ его гуманностью, хотя въ его оправданіе нельзя даже привести тѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ, на которыя ссылаются почитатели Колумба.

Авторъ разбираемой нами книги не ограничился подробнѣйшимъ собраніемъ и описаніемъ всѣхъ документовъ, но иллюстрировалъ свой трудъ снимками съ важнѣйшихъ документовъ, картъ того времени, портретовъ дѣйствующихъ лицъ и т. п.

Первыя главы Джустина Уинсора посвящены обстоятельному обзору источниковъ, ихъ собирателей, біографовъ и портретовъ того времени, а равно вопросу о происхожденіи Колумба, которое, какъ извѣстно, вызвало не мало споровъ.

Русскій переводъ книги сдѣланъ довольно тщательно, а иллюстраціи воспроизведены отчетливо и вполнѣ удовлетворительно.

IV.

Искусство выразительнаго чтенія. Опытъ систематическаго изложенія теоретическихъ основъ и пріемовъ преподаванія. Д. Коровякова, Спб., 1892 г.

Искусство выразительнаго чтенія имѣетъ широкое примѣненіе въ общественной жизни. Не только артистъ долженъ владѣть имъ, но и адвокатъ, и чиновникъ-секретарь, и педагогъ, и ученый. Въ нашей молодежи замѣчается сильное рвеніе воспринять хотя бы теоретически основные законы выразительнаго чтенія: именно этимъ мы и объясняемъ успѣхъ лекцій г. Коровякова, читанныхъ имъ въ Соляномъ городкѣ. Теперь, выпускомъ своей книги, г. Коровяковъ оказываетъ существенное подспорье желающимъ заняться выработкой искусства чтенія. Литература наша по этой части весьма бѣдна: имѣется переводъ извѣстной брошюры Легувэ „Чтеніе какъ искусство", книга г. Острогорскаго „Выразительное чтеніе", да г. Бродовскаго „Искусство устнаго изложенія", наконецъ, въ книгѣ г. Боборыкина „Театральное искусство" четыре главы посвящены тому же предмету.

Г. Коровяковъ опытный преподаватель, долго завѣдывавшій театральной школой—одинъ изъ лучшихъ учителей драматическаго искусства. Настоящая книга — результатъ долголѣтнихъ практическихъ занятій съ учениками и прекрасное пособіе для лицъ, преподающихъ чтеніе въ классахъ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія одобрилъ трудъ г. Коровякова для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ.

Иностранной.

Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold v. Gerlachs. 2 (Schluss) Band. Berl. 1892.

Начало этого труда, вышедшее два года тому назадъ, успѣло уже обратить на себя вниманіе публики и въ свое время было предметомъ рецензіи нашего журнала. Только-что появившееся окончаніе обнимаетъ событія 1853—1861 года и содержитъ въ себѣ весьма много интересныхъ сообщеній. Строгій легити-

мистъ и врагъ движенія 1848 года, Герлахъ относился къ имперіи 2-го декабря съ сильнѣйшимъ недовѣріемъ, а къ виновнику ея питалъ отвращеніе, граничившее со страхомъ. Не одному ему впрочемъ казалось несомнѣннымъ, что Наполеонъ III, для укрѣпленія своей власти, употребитъ всевозможныя усилія, чтобы окончательно разбить традиціи священнаго союза, разссоритъ между собой три главныя континентальныя державы и, поразивъ каждую изъ нихъ по очереди, увеличитъ предѣлы Франціи на счетъ окрестныхъ государствъ.

Понятно поэтому, что во время восточной войны Герлахъ употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать слабаго Фридриха-Вильгельма IV отъ того скользкаго и опаснаго пути, на который влекла его Австрія, и который долженъ былъ привести къ войнѣ съ Россіей. Извѣстна роль при этомъ Вѣнскаго кабинета. Когда прусскій король въ самомъ началѣ раздора указывалъ Францу-Іосифу I на грозившую въ будущемъ опасность, австрійскій императоръ отвѣчалъ, что можно положиться на ихъ могущественнаго и мудраго друга (Императора Николая Павловича). Вслѣдъ за тѣмъ однако, австрійское правительство отнеслось къ занятію дунайскихъ княжествъ съ порицаніемъ. Это не могло не показаться въ С.-Петербургѣ страннымъ, тѣмъ не менѣе Императоръ Николай, вынужденный начать войну противъ желанія, послѣ того какъ онъ потерялъ надежду заставить Турцію исполнить свое желаніе безъ принужденія, продолжалъ относиться къ Австріи съ довѣріемъ. Онъ послалъ въ Вѣну графа Орлова съ цѣлью сообщить планъ предстоящихъ русскихъ военныхъ операцій: имѣлось въ виду обойти подлѣ Виддина турецкія крѣпости и расположенную вблизи ихъ армію Омера-Паши, а затѣмъ двинуться на Ниссу и Софію къ Константинополю. При этомъ предполагалось организовать возстаніе христіанъ и послѣ войны устроить въ сѣверной части Балканскаго полуострова рядъ небольшихъ христіанскихъ государствъ, подчиненныхъ правительственному вліянію Россіи. Когда этотъ планъ былъ раскрытъ Орловымъ, австрійскіе дипломаты и самъ императоръ сильно переполошились. Имъ показалась будущая организація христіанскихъ государствъ на Востокѣ въ высшей степени опасной для Австріи, ибо не только должна была уничтожить въ будущемъ вліяніе Австріи на Востокѣ, но и вліять на австрійскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. Не разъ потомъ Францъ-Іосифъ выражался, что Орловъ открылъ ему

глаза относительно стремленій Россіи. Австрія выступила поэтому съ настоятельнымъ требованіемъ сохраненія неприкосновенности владѣній султана, стала вооружаться и вскорѣ явно примкнула къ политикѣ англо-французской коалиціи; къ этому старалась она побудить и Пруссію.

Положеніе прусскаго короля стало чрезвычайно тяжелымъ. Съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Августѣйшей его супругой (любимой сестрой Фридриха-Вильгельма IV) связывали короля по-прежнему узы самой тѣсной дружбы. Сверхъ того король, не терявшій надежды развязаться съ конституціей, смотрѣлъ на Россію, какъ на оплотъ легитимизма, и помнилъ завѣщаніе своего отца не враждовать съ Россіей. Но русскія симпатіи между окружающими короля были весьма немногочисленны. Вліятельныя лица въ Пруссіи, державшіяся либеральнаго образа мыслей и не могшія простить Императору Николаю I его противодѣйствія единству Германіи подъ прусской супремаціей и дѣятельности въ шлезвигъ - гольштейнскомъ и гессенскомъ вопросахъ, были противъ Россіи. Даже наслѣдникъ престола (позднѣйшій Императоръ Вильгельмъ I) совѣтовалъ заключить союзъ съ Англіей и Франціей, убѣждая короля, что таковой въ интересахъ самой Россіи, ибо она не посмѣетъ въ виду его отважиться на войну и тѣмъ избѣгнетъ неизбѣжнаго пораженія. Министры короля (Отто фонъ-Мантейфель съ товарищами), хотя и не довѣряли Австріи, но старались удержать короля отъ политики, поддерживающей Россію, такъ какъ они видѣли въ стремленіяхъ русскаго Государя опасность для Пруссіи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, военный министръ Бонинъ, были явными врагами Россіи, а прусскій посланникъ въ Лондонѣ, либеральный піетистъ Бунзенъ, дозволилъ себѣ даже безъ согласія своего государя войти съ англійскимъ министерствомъ въ секретные переговоры, обѣщая ему союзъ Пруссіи, съ тѣмъ чтобы Англія уничтожила грозившую Германіи морскую силу Россіи на Балтійскомъ морѣ и перетасовала карту Европы. При этомъ Бунзенъ полагалъ нужнымъ возстановить Польшу, перевести туда саксонскаго короля, а владѣнія послѣдняго отдать брату супруга королевы Викторіи, пресловутому нѣмецкому патріоту, герцогу Эрнсту II С. Кобургъ-Готскому. Кромѣ того Бунзенъ предлагалъ отдать Австріи Дунайскія княжества и нашу Бессарабію.

Когда подобныя интриги прусскаго посла въ Лондонѣ огласились, Бунзенъ и военный министръ Бонинъ были уволены,

и герцогу С. Кобургъ-Готскому стали оказывать при прусскомъ дворѣ явную холодность. Тѣмъ не менѣе Пруссія въ своемъ нейтралитетѣ продолжала болѣе склоняться на сторону Австріи, заключила съ ней оборонительный союзъ и этимъ заставила насъ очистить княжества. Такой же политики продолжала она держаться и въ послѣдующее время. Тщетно Императоръ Николай I въ дружественныхъ письмахъ къ королю, увѣдомляя, что наступившія событія въ Крыму могутъ насъ заставить перевести туда армію изъ Бессарабіи, выражалъ надежду, что Пруссія не допуститъ Австрію нанести ему coup de pied de l'âne. Австрія увѣдомила въ Берлинѣ, что заняла княжества и не думаетъ удерживать турокъ и ихъ союзниковъ отъ нападеній на Бессарабію. Этимъ она парализовала наши силы. Съ каждымъ днемъ потомъ она болѣе и болѣе служила дѣлу нашихъ враговъ, несмотря на уступчивость нашего правительства и, какъ извѣстно, была главнымъ орудіемъ въ осуществленіи столь тяжелаго для насъ условія территоріальной уступки въ Бессарабіи и лишенія права держать въ Черномъ морѣ военный флотъ. Пруссія, удерживая Австрію отъ прямыхъ аггресивныхъ объявленій, поддерживала однако и расширяла оборонительный союзъ съ ней, и намъ въ концѣ пришлось принять условія Парижскаго мира, сколь таковыя ни были для насъ тягостны и оскорбительны.

Что касается до автора мемуаровъ, то онъ вмѣстѣ съ графомъ Дона былъ однимъ изъ наиболѣе преданныхъ Россіи лицъ при тогдашнемъ Берлинскомъ дворѣ. Онъ порицалъ Императора Николая I за неосторожно поднятую имъ на себя бурю, но стоялъ за безусловный нейтралитетъ. На Дунаѣ онъ видѣлъ не германскіе, а лишь австрійскіе интересы, и не былъ склоненъ ихъ защищать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оплакивалъ въ душѣ окончательное паденіе Св. Союза и съ ужасомъ представлялъ себѣ, что Россія въ будущемъ совершенно измѣнитъ свою политику. Ей, по соображенію автора, не предстояло ничего, какъ, по окончаніи войны, вмѣсто столь роковаго для нея союза съ Австріею и Пруссіею, сблизиться съ Франціей, и тогда должны были наступить вновь времена Эрфурта. Событія вскорѣ показали, что Герлахъ до извѣстной степени былъ правъ, и вѣроятно Европѣ пришлось бы видѣть многія изъ его предсказаній, еслибы наступившія дружественныя отношенія между Россіей и Франціей не были испорчены легкомысленнымъ отношеніемъ Наполеона III къ польскому вопросу.

Весьма интересны и новы многія сообщенія автора, касающіяся внутренней государственной жизни въ Пруссіи, въ послѣдніе годы Фридриха-Вильгельма IV, и болѣзни короля. Здѣсь изслѣдователь можетъ найти для себя матеріалъ первостепенной важности. Вѣрный слуга своего несчастнаго повелителя заботился о немъ столь же усердно въ минуты горя, какъ и въ прежнее счастливое время. Онъ не пережилъ короля и скончался 10 января 1861 г. Причиною смерти было рожистое воспаленіе на лицѣ, застуженное на похоронахъ монарха. Съ Герлахомъ сошелъ въ могилу одинъ изъ типичнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей старой прусской военной бюрократіи, не отдѣлявшихъ любви къ родинѣ отъ любви къ государю и являвшихся образцомъ исполненія служебнаго долга.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Оживленіе въ вѣдомствѣ финансовъ.—Циркуляръ управляющаго дворянскимъ банкомъ.—Результаты дѣятельности крестьянскаго банка и пересмотръ его устава.—Мѣры къ облегченію сельскимъ обществамъ уплаты недоимокъ.—Новый принципъ обложенія въ государственномъ квартирномъ налогѣ.

Вопросы объ упорядоченіи государственнаго кредита и финансовые составляли въ истекшемъ мѣсяцѣ главныя темы газетныхъ статей и сужденій въ обществѣ. Въ самомъ вѣдомствѣ финансовъ проявилось замѣтное оживленіе. Начальствующія лица оставили дурную привычку распоряжаться келейно и заговорили во всеуслышаніе, приглашая своихъ подчиненныхъ отрѣшиться отъ мертвящей всякое дѣло рутины канцелярскаго формализма и призывая ихъ къ живой дѣятельности на пользу общую.

Первымъ мы услышали голосъ управляющаго государственнымъ дворянскимъ банкомъ. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ напоминаетъ подвѣдомымъ ему управляющимъ отдѣленіями банка о ихъ обязанности „неослабно заботиться о предупрежденіи, хотя бы и незначительныхъ, частныхъ уклоненій отъ того направленія, которое могло бы наилучшимъ образомъ обезпечить успѣшное достиженіе банкомъ указанной ему высокой цѣли" и что „основное назначеніе" этого государственнаго установленія—облегчать долгосрочный для дворянъ кредитъ, „во вниманіе къ хозяйственнымъ затрудненіямъ, испытываемымъ значительною частью помѣстнаго дворянства". „Дворянскій банкъ, по самому свойству возложенной на него задачи, долженъ съ особымъ тщаніемъ поддерживать непосредственную связь съ дѣйствительною жизнью и съ величайшею отзывчивостію относиться къ разнообразнымъ ея нуждамъ и

потребностямъ". Установленныя въ огражденіе прочности государственнаго поземельнаго кредита формальности не даютъ ни малѣйшаго повода мѣстнымъ органамъ банка „замыкаться въ рамки безучастнаго къ нуждамъ заемщиковъ канцелярскаго формализма, способнаго омертвить всякое, даже самое живое, дѣло". Приведя примѣры такого безучастнаго формализма, не вынуждаемаго безусловною необходимостью стѣсненія заемщиковъ въ ихъ хозяйственныхъ по имѣнію распоряженіяхъ и различныхъ проволочекъ, угрожающихъ существеннымъ ущербомъ интересамъ владѣльцевъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ предлагаетъ управляющимъ отдѣленіями банка: направлять дѣятельность отдѣленій къ удовлетворенію всѣхъ законныхъ и справедливыхъ ходатайствъ и заявленій заемщиковъ, стремясь къ возможной, безъ ущерба для дѣла, быстротѣ въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, вызываемыхъ какъ первоначальнымъ предъявленіемъ имѣній къ залогу, такъ и послѣдующими ходатайствами заемщиковъ, до заложенныхъ имуществъ относящимися, принимая при этомъ „въ особенное уваженіе", что нахожденіе имѣнія въ залогѣ у банка не должно являться источникомъ излишнихъ затрудненій для владѣльцевъ въ области ихъ хозяйственной дѣятельности; относиться съ полнымъ вниманіемъ къ заявленіямъ заемщиковъ объ исключительныхъ обстоятельствахъ, поставляющихъ ихъ въ необходимость просить о какихъ-либо, въ ихъ пользу, отступленіяхъ отъ обычно практикуемаго направленія дѣлъ, ускоряя въ подобныхъ случаяхъ, по возможности, производство по дѣлу и предваряя, въ подлежащихъ представленіяхъ, центральное управленіе о таковыхъ нуждахъ заемщиковъ.

Все это ново для насъ, и отрадно это новое въ направленіи дѣятельности учрежденія, по волѣ Государя созданнаго въ помощь сословію, подорванному въ своемъ матеріальномъ благосостояніи, но твердо хранящему историческіе завѣты и единственно способному у насъ къ государственному строительству, а потому и заслуживающему особой о немъ заботливости органовъ верховной власти. Еще недавно дворянскій банкъ представлялся такимъ учрежденіемъ для помѣстій, которому всего болѣе приличествуетъ вывѣска: lasciate ogni speranza voi ch'entrate; два-три года тому назадъ рукоплескали проекту драконовскихъ правилъ о взысканіяхъ съ неисправныхъ заемщиковъ,—правилъ, дѣйствительно не оставлявшихъ заемщику никакой надежды на пощаду въ случаѣ несчастія, прямо въ

законѣ не предусмотрѣннаго, не хотѣли и слышать объ обязанности банка „поддерживать (да еще „*съ особымъ тщаніемъ*") непосредственную связь съ дѣйствительною жизнью", объ обязанности „*съ величайшею отзывчивостію* относиться къ разнообразнымъ ея нуждамъ и потребностямъ". Могло ли быть иначе, когда самая мысль объ экономическомъ возрожденіи помѣстнаго дворянства признавалась праздною мечтою, а дворянство—лишнею спицею въ административномъ колесѣ?

Оставимъ будущимъ историкамъ нашей бюрократіи отвѣтить на вопросъ: какъ могло случиться въ самодержавномъ государствѣ, что высшіе распорядители государственнымъ кредитомъ вели свою самостоятельную политику, уклоняясь отъ данныхъ имъ и всенародно объявленныхъ предначертаній, вслѣдствіе чего подчиненныя имъ учрежденія кредита замыкались, какъ выразился графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, въ рамки безучастнаго ко всему канцелярскаго формализма? Отрадно уже и то, что подобныя явленія начинаютъ отходить въ область прошедшаго, уступая мѣсто болѣе корректнымъ поступкамъ и трезвымъ взглядамъ руководящихъ властей на свои обязанности. Можно надѣяться, что приспособленіе къ жизни, при участливомъ отношеніи къ заемщикамъ, сдѣлаетъ дѣятельность дворянскаго банка болѣе плодотворною, и она будетъ способствовать не ликвидаціи, а укрѣпленію помѣстнаго владѣнія, такъ какъ государственное кредитное установленіе свободно отъ необходимости извлекать барыши, подобно акціонернымъ предпріятіямъ долгосрочнаго кредита, и тѣмъ самымъ поставлено въ условія, благопріятныя для сбереженія платежныхъ силъ своихъ кліентовъ [1]). Само собою разумѣется, что однимъ долгосрочнымъ поземельнымъ кредитомъ, какъ бы онъ ни былъ льготенъ и съ какою бы заботливостію ни относились къ заемщикамъ его распорядители, нельзя возстановить разстроенныя хозяйства или обезпечить разорившагося владѣльца отъ потери имѣнія, особенно когда задолженность предшествуетъ хозяйственнымъ невзгодамъ: прочность владѣнія и успѣхи сельско-хозяйственной дѣятельности обусловливаются весьма сложными явленіями внѣ области воздѣйствія долгосрочнаго поземельнаго кредита. Дворянскій банкъ въ состояніи только *способствовать*

---

[1]) Практическимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что съ открытіемъ дѣйствій дворянскаго банка (въ 1886 г.) уменьшилось предложеніе на продажу дворянскихъ земель, которыя, главнымъ образомъ, скупались крестьянами при содѣйствіи крестьянскаго банка.

укрѣпленію помѣстнаго владѣнія, въ этомъ его призваніе, и онъ долженъ стремиться къ возможно удовлетворительному разрѣшенію этой относительно скромной задачи своей всѣми зависящими отъ него средствами.

* * *

Наша экономическая политика всегда страдала крупнымъ недостаткомъ—односторонностію въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ. Отъ чего это происходитъ—отъ слабой ли способности къ синтетическому мышленію, отъ незнакомства съ дѣйствительною жизнью, отъ свойственной ли нашему національному характеру впечатлительности, порождающей всякія увлеченія, или просто отъ разрозненности нашихъ вѣдомствъ и отсутствія средоточія въ завѣдываніи дѣлами народнаго хозяйства—быть можетъ отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ взятыхъ съ присоединеніемъ къ нимъ еще многихъ другихъ, не исключая и причинъ личнаго свойства, только всѣ мы знаемъ и видимъ постоянно, что на запросы, предъявляемые экономическою жизнью страны, отвѣчаютъ не съ тою полнотою, какая желательна или требуется самимъ свойствомъ и современнымъ положеніемъ дѣла. Нужно, напримѣръ, поднять промышленность—создаютъ покровительственный таможенный тарифъ; требуется укрѣпить дворянское землевладѣніе—учреждаютъ дворянскій поземельный банкъ; крестьянамъ тѣсно на ихъ надѣлахъ—устраиваютъ государственный покупочный кредитъ. Несомнѣнно, что и покровительственный тарифъ, и банки, дворянскій и крестьянскій,—учрежденія полезныя; но они имѣютъ свой ограниченный, довольно тѣсный кругъ воздѣйствія на экономическую жизнь и не въ силахъ распространить его на всѣ сложныя условія успѣховъ промышленности и на такія же условія прочности сословнаго землевладѣнія. Когда же затѣмъ оказывается, что новое учрежденіе не оправдываетъ или только отчасти оправдываетъ возлагаемыя на него надежды, то не обращаютъ вниманія на непосильность для него первоначально поставленной ему задачи и, вмѣсто того, чтобы съузить эту задачу, придаютъ ему новыя функціи, которыя, какъ не свойственныя самой природѣ учрежденія, разумѣется, не могутъ быть выполнены имъ сколько-нибудь удовлетворительно. Это самое случилось съ крестьянскимъ банкомъ.

Названный банкъ учреждался въ смутное время, когда думали противодѣйствовать пропагандѣ „чернаго передѣла“ сво-

его рода государственнымъ соціализмомъ. Въ этихъ видахъ крестьянскій банкъ долженъ былъ довершать начатое Положеніями 19-го февраля устройство экономическаго быта крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить нагляднымъ доказательствомъ твердаго намѣренія правительства содѣйствовать расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія не принудительнымъ отчужденіемъ земель частныхъ владѣльцевъ, а облегчая крестьянамъ покупку продажныхъ имѣній. Такимъ доказательствомъ (едва-ли, однако, необходимымъ) банкъ, пожалуй, и служитъ; но съ основною своею задачею—довершать дѣло, начатое Положеніями 19-го февраля,—онъ не въ состояніи справиться при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, потому что устройство экономическаго быта сословія выходитъ далеко за предѣлы компетенціи кредитнаго установленія. Всякій банкъ есть ничто иное, какъ торговый посредникъ между капиталомъ и производствомъ или трудомъ; онъ можетъ имѣть дѣло только съ лицами, которыя къ нему обращаются и въ такое именно время, когда имъ нужны его услуги; наконецъ, онъ не обладаетъ цѣнностями, которыя пріобрѣтаются при его помощи, и лишенъ всякой возможности регулировать поступленіе этихъ цѣнностей на рынокъ или распредѣлять ихъ между нуждающимися. Словомъ сказать, дѣятельность банковъ, въ томъ числѣ и банка крестьянскаго, находится во власти разнаго рода случайностей. Могутъ быть предусмотрѣны и предрѣшены только формы этой дѣятельности, а не ея сущность или практическіе результаты. Совсѣмъ иныя требованія представляетъ дѣло поземельнаго устройства крестьянъ. Здѣсь не мѣсто господству слѣпаго случая, здѣсь все должно быть предусмотрѣно и рѣшено заранѣ, здѣсь не должно быть ни случайнаго предложенія, ни случайнаго спроса, ни случайнаго удовлетворенія этому спросу, но все должно происходить по строго обдуманному и точно соображенному съ дѣйствительными потребностями населенія плану, надлежитъ имѣть дѣло со всею совокупностію земледѣльческаго населенія, а не съ отдѣльными (случайно подвернувшимися подъ руку) лицами или группами. Учрежденіе, которому поручается устройство экономическаго быта сословія, должно быть властнымъ распорядителемъ, а не пассивнымъ посредникомъ, должно имѣть въ своемъ распоряженіи не только кредитъ, но самыя цѣнности, т. е. земли, и при томъ въ количествѣ достаточномъ для всей массы нуждающихся. Понятно, что при такомъ несоотвѣтствіи силъ и самой природы крестьянскаго банка, какъ

установленія кредитнаго, возложенной на него задачѣ — дѣятельность банка дала плачевные результаты, а когда вмѣсто того, чтобы съузить его задачу, расширили компетенцію банка привлеченіемъ его къ переселенческому дѣлу, то вышло еще хуже.

Обратимся къ фактамъ.

Со времени учрежденія крестьянскаго банка (въ 1883 году) по 1-е января 1890 года куплено при его содѣйствіи 1.407.265 десят. земли за 62.535.719 р. для 202.517 домохозяевъ. Изъ числа послѣднихъ 44.593 оказались, однако, несостоятельными плательщиками, и земли ихъ, въ количествѣ 280.846 дес., поступили въ продажу съ торговъ. За эти земли было заплачено 16.217.686 р., въ томъ числѣ ссудами изъ банка 14.405.935 р. и доплатами прежнимъ владѣльцамъ изъ собственныхъ средствъ заемщиковъ 1.811.751 р. Такимъ образомъ болѣе 1/4 заемщиковъ банка уже были бы пущены по-міру, если бы торги по всѣмъ назначеннымъ въ продажу имѣніямъ оказались успѣшными; но въ дѣйствительности продано съ торговъ только 10 имѣній, по 389-ти имѣніямъ еще не были (и, вѣроятно, не будутъ) произведены окончательные (вторые) торги, а изъ имѣній, оставшихся за банкомъ по безуспѣшности торговъ, проданы по вольной цѣнѣ, разумѣется, съ убыткомъ, 64 [1]) и 171 находится въ хозяйственномъ завѣдываніи банка.

Операціи банка производятся въ 43 губерніяхъ, изъ коихъ только въ 15-ти нѣтъ недоимочныхъ ссудъ, и большинство такихъ губерній (12) — *промысловаго характера*.

Наиболѣе недоимочныя губерніи — *всѣ, безъ исключенія, земледѣльческія, цѣликомъ или отчасти черноземныя*.

На 100 ссудъ, выданныхъ сельскимъ обществамъ, приходится недоимочныхъ 14, товариществамъ — 10, отдѣльнымъ домохозяевамъ — 3, т. е. *недоимочность всего болѣе развита среди заемщиковъ-общественниковъ*, далѣе идутъ товарищества и наконецъ, въ относительно маломъ числѣ, отдѣльные домохозяева.

Изъ процентныхъ отношеній доплаты къ общей покупной суммѣ оказывается, вопреки неоднократно раздававшимся въ печати жалобамъ на требованіе доплатъ, что недоимочность вовсе не обусловливается размѣромъ доплаты, напротивъ, она какъ будто обратно пропорціональна послѣдней: *чѣмъ меньше доплата, тѣмъ недоимочность значительнѣе.* По имѣющимся въ

---

1) Цѣликомъ проданы только 47 имѣній, а части остальныхъ 17-ти состоятъ еще за банкомъ.

распоряженіи совѣта банка даннымъ, явленіе это можетъ быть объяснено: во 1-хъ, тѣмъ, что сдѣлки съ наибольшей доплатой совершались осмотрительнѣе; во 2-хъ, разъ покупщики внесли значительную доплату изъ своихъ средствъ, то они и болѣе заботливо относятся къ своимъ обязательствамъ по отношенію къ банку, желая сохранить для себя дорого доставшуюся имъ землю; въ 3-хъ, можно предполагать, что покупщики, внесшіе значительныя доплаты, принадлежатъ къ наиболѣе зажиточнымъ крестьянамъ, и наконецъ, въ 4-хъ, разъ крестьяне не имѣли возможности внести значительную сумму въ доплату, ссуда выдавалась въ размѣрѣ близкомъ къ покупной цѣнѣ, какъ бы подгонялась къ послѣдней.

Недоимочность переселенцевъ недостаточно освѣщена собранными администраціей банка данными; но все же видно, что она значительна (7.760 недоимщиковъ-домохозяевъ) и что дурная организація переселенческаго дѣла, равно какъ и связанныя съ переселеніемъ лишенія значительно обусловливаютъ неисправность переселенцевъ въ платежахъ банку. По Уфимской губерніи положительно выяснено, что крестьяне, переселяющіеся на земли, купленныя съ содѣйствіемъ банка, приходятъ далеко не нищими, тѣмъ не менѣе они очень тяготятся платежами въ первые годы, именно въ первые четыре года послѣ покупки земли, и въ этотъ промежутокъ времени уплачиваютъ, въ среднемъ, не болѣе $^3/_5$ причитающихся съ нихъ платежей.

Относительно вліянія на недоимочность причинъ внѣшнихъ выяснилось слѣдующее:

Степень урожайности оказала вліяніе въ южной и юго-восточной степной полосѣ, именно въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Уфимской, Оренбургской и въ Донской области, *отчасти* въ Малороссіи, въ остальныхъ же 6-ти наиболѣе недоимочныхъ губерніяхъ вліяніе урожая на недоимки не сказалось. Такъ было, конечно, до бѣдственнаго 1891 года.

Размѣръ цѣнъ на хлѣбъ безспорно вліялъ на недоимочность повсюду.

Упадокъ цѣнъ на землю имѣлъ вліяніе только въ центральной земледѣльческой полосѣ, на югѣ же Россіи и въ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ возросли цѣны на землю, ростетъ также и недоимочность.

Наконецъ, по отзывамъ почти всѣхъ управляющихъ отдѣленіями банка, накопленіе недоимокъ объясняется отсутствіемъ мѣръ принудительнаго взысканія (чрезъ полицію), бѣдностью

крестьянъ, ихъ хозяйственною слабосильностію (недостаточностію инвентаря и проч.) и раздорами въ средѣ товариществъ, гдѣ богатый не уживается съ бѣднымъ и предпочитаетъ потерять вовсе право собственности на пріобрѣтенную землю, чѣмъ постоянно нести бремя отвѣтственности за своихъ неисправныхъ товарищей.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, которые мы заимствовали изъ оффиціальнаго источника [1]), нельзя не придти къ заключенію, что дѣятельность банка дала наименѣе удовлетворительные результаты въ тѣхъ именно случаяхъ, когда она наиболѣе приближалась къ его основной задачѣ. Слѣдуя своему назначенію, онъ, конечно, долженъ былъ оперировать преимущественно въ губерніяхъ земледѣльческихъ, гдѣ за отсутствіемъ или малымъ развитіемъ промысловъ существуетъ усиленный спросъ на землю со стороны крестьянъ. Банкъ долженъ былъ помогать малоземельнымъ сельскимъ обществамъ, т. е. самымъ бѣднымъ изъ нихъ и, продолжая движеніе по этой наклонной плоскости, открыть кредитъ переселенцамъ. Но въ обоихъ случаяхъ онъ выходилъ изъ рамокъ простаго посредничества между капиталомъ и трудомъ и вступалъ на путь благотворительности, для кредитнаго установленія равносильной банкротству. Обязанный самъ срочными платежами процентовъ и погашенія по своимъ закладнымъ листамъ, банкъ лишенъ возможности освобождать своихъ заемщиковъ отъ всякихъ платежей на цѣлые годы, что̀ настоятельно требуется условіями устройства его кліентовъ на новыхъ мѣстахъ, особенно въ виду хозяйственной слабосильности огромнаго ихъ большинства; отсюда непримиримое противорѣчіе между фактами и намѣреніями, между обязательствами банка и его назначеніемъ. Практика дѣла убѣдительно доказываетъ, что на почвѣ свободнаго договора съ своими заемщиками банкъ устоять не можетъ, если по-прежнему будетъ безразлично относиться къ степени ихъ имущественной состоятельности или допускать группировку въ одно товарищество зажиточныхъ крестьянъ съ голытьбой. Ему остается, какъ это и предлагали управляющіе отдѣленіями, или установить принудительное взысканіе недоимокъ путемъ административнымъ, по примѣру взысканія прямыхъ налоговъ, т. е. въ сущности возложить на богатыхъ уплату сроч-

---

[1]) Матеріаловъ къ вопросу о пересмотрѣ Положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ,—три тома, изданные въ 1891 г.

ныхъ взносовъ за неимущихъ, или отказывать въ кредитѣ наиболѣе нуждающимся въ землѣ крестьянскимъ массамъ и ограничиться выдачею ссудъ отдѣльнымъ домохозяевамъ на правильныхъ коммерческихъ основаніяхъ. Насколько намъ извѣстно, требованіе взыскивать недоимки чрезъ полицію, не прибѣгая къ продажѣ залоговъ, съ движимаго имущества заемщиковъ—рѣшительно отвергнуто, какъ противное договорному началу и несогласное съ условіями займовъ въ установленіяхъ долгосрочнаго кредита; затѣмъ подлежащему вѣдомству предложено пересмотрѣть Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, освободивъ его отъ несвойственныхъ кредитному установленію заботъ объ устройствѣ экономическаго быта цѣлаго сословія, что̀ съ бо̀льшимъ успѣхомъ и безъ всякихъ потерь для казны можетъ быть достигнуто правильною организаціей крестьянскихъ переселеній и водвореніемъ крестьянскихъ хозяйствъ на государственныхъ земляхъ. Такимъ образомъ, можно считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ о преобразованіи крестьянскаго банка въ смыслѣ ограниченія его операцій выдачею ссудъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, располагающимъ достаточными средствами для веденія самостоятельнаго хозяйства. Есть, поэтому, основаніе думать, что крестьянскій банкъ въ непродолжительномъ времени станетъ у насъ могущественнымъ орудіемъ развитія хуторскаго хозяйства. Въ новой роли онъ несомнѣнно окажетъ важную услугу нашей земледѣльческой промышленности и гораздо болѣе прежняго будетъ содѣйствовать подъему народнаго благосостоянія. Нынѣшнее центральное управленіе банкомъ, конечно, приложитъ все свое стараніе къ тому, чтобы государственный покупочный кредитъ, къ этой благой цѣли направляемый, сдѣлать доступнымъ возможно большему числу домохозяевъ, и отнесется съ полнымъ вниманіемъ и заботливостію къ интересамъ мелкаго землевладѣнія, получающаго возможность перейти изъ нынѣшняго хаотическаго состоянія въ культурныя формы *семейныхъ участковъ*.

* * *

Установленіе новаго принудительнаго взысканія недоимокъ съ крестьянъ—по срочнымъ платежамъ крестьянскому банку—было бы не только несправедливою по отношенію къ зажиточнымъ домохозяевамъ, но и безполезною мѣрою въ виду крайняго ослабленія платежныхъ силъ нашего земледѣльческаго

сословія. Самыя льготы по разсрочкѣ недоимокъ, предоставленныя закономъ 3 апрѣля 1889 года, въ настоящее время признаются уже недостаточными, и въ прошломъ году, въ губерніяхъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, льготъ по платежу окладныхъ сборовъ сельскимъ обществамъ не давалось вовсе, „на томъ, вѣроятно, основаніи", сказано въ одномъ оффиціальномъ документѣ, „что взысканіе сихъ сборовъ оказалось фактически невозможнымъ". Общая сумма недоимокъ выкупныхъ платежей въ 18-ти губерніяхъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ неурожая, достигла къ 1-му января текущаго года огромной цифры 58.591.721 р., или около 112 проц. годоваго оклада (52.156.476 р.). Одновременно съ накопленіемъ такой недоимки возросла и задолженность по продовольственнымъ и сѣменнымъ ссудамъ (къ 1-му октября 1892 года долгъ населенія 18-ти губерній по этимъ ссудамъ достигъ безъ малаго 130 милл.), не говоря уже о гораздо менѣе значительной недоимкѣ государственнаго поземельнаго сбора [1]), такъ что общая задолженность казнѣ сельскаго сословія названныхъ губерній превышаетъ теперь 190 милл. рублей. Въ виду этого едва-ли можно разсчитывать на погашеніе недоимокъ въ предѣлахъ льготы, допущенной закономъ 3 апрѣля, т. е. съ отсрочкою на 5 и разсрочкою на 10 лѣтъ, а потому нѣкоторыя земства ходатайствовали объ отсрочкѣ взысканія выкупныхъ платежей оклада второй половины 1891 и первой половины 1892 г. года до окончанія срока выкупа надѣловъ, съ тѣмъ, чтобы платежи эти были продолжены еще на одинъ годъ, безъ увеличенія размѣра. Такому способу пріостановки взысканій недавно былъ поданъ примѣръ дворянскимъ поземельнымъ банкомъ, и онъ не представляетъ особыхъ неудобствъ для кредитнаго установленія, когда срочные платежи производятся впередъ; но его огульное примѣненіе должно быть оправдано дѣйствительною необходимостью, тѣмъ болѣе, что самые размѣры недоимокъ по мѣстностямъ представляютъ въ процентномъ отношеніи къ годовымъ окладамъ рѣзкія уклоненія отъ выше означенной средней величины. Въ Вятской губерніи недоимка выкупныхъ платежей не превышаетъ 15 проц. годоваго оклада, въ Таврической—17 проц., тогда какъ въ Пензенской губерніи она достигаетъ 142 проц. оклада, въ Орловской—150, Симбирской—165, Уфимской—280, Оренбургской—320 и Самарской—336 процентовъ годоваго оклада.

[1]) 3.373.342 р., что̀ составляетъ нѣсколько болѣе $^3/_4$ годоваго оклада.

Изъ 186 уѣздовъ, входящихъ въ составъ упомянутыхъ 18-ти губерній, въ 14-ти уѣздахъ недоимки выкупныхъ платежей на 1 января 1892 г. вовсе не числилось, въ 93 уѣздахъ недоимка не превышала годоваго оклада, въ 52 уѣздахъ она составляла отъ одного до двухъ окладовъ, въ 15 уѣздахъ—отъ двухъ до трехъ окладовъ и въ 12 уѣздахъ превышала тройной окладъ, доходя до 4,5 окладовъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ и 4,7 — въ Оренбургскомъ. Въ каждой изъ этихъ группъ недоимочность отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, въ свою очередь, не одинакова, и во всѣхъ группахъ встрѣчаются общества, не обремененныя значительными недоимками и даже вовсе отъ нихъ свободныя, на ряду съ такими, за которыми состоитъ въ долгу 5 — 6 и болѣе годовыхъ окладовъ. Даже въ губерніяхъ, считающихся въ общемъ исправными, есть селенія, за коими числится въ недоимкѣ по два и по три годовыхъ оклада. Очевидно, что если допустить огульную отсрочку недоимокъ выкупныхъ платежей по губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, до окончанія срока выкуповъ, т. е. на нѣсколько десятковъ лѣтъ [1]), то этою льготою воспользуются и дѣйствительно въ ней нуждающіеся, и тѣ, для кого она была бы только роскошью; затѣмъ льгота эта не коснется недоимщиковъ другихъ губерній, если не сдѣлать ее общею для всѣхъ мѣстностей. Несомнѣнна настоятельность широкихъ льготъ въ этомъ отношеніи, но онѣ должны отличаться подвижностью и быть сообразованы съ особыми условіями недоимочности каждаго сельскаго общества. Могутъ быть случаи, когда сельское общество, несостоятельное къ уплатѣ недоимокъ въ теченіе 10 лѣтъ, въ состояніи будетъ выполнить эту обязанность въ теченіе 15 — 20 лѣтъ. Предоставлять въ такихъ случаяхъ льготу въ размѣрѣ, превышающемъ дѣйствительную надобность, было бы крайне нежелательно, ибо подобныя распоряженія ослабляютъ въ народѣ сознаніе необходимости строго выполнять податныя обязанности. Поэтому признано полезнымъ не стѣснять предустановленными предѣлами свободу дѣйствій мѣстныхъ учрежденій, но предоставить ихъ усмотрѣнію отсрочку и разсрочку недоимокъ на болѣе продолжительное время, чѣмъ допускается закономъ 3 апрѣля, и въ теченіе дѣйствія льготнаго срока устанавливать, по измѣнившимся обстоятельствамъ,

---

[1]) Для весьма многихъ сельскихъ обществъ на 39 и 40 лѣтъ.

новыя условія погашенія недоимокъ, съ тѣмъ, однако, чтобы измѣненіе льготныхъ условій на болѣе строгія могло происходить не иначе, какъ по особому каждый разъ представленію губернскаго присутствія, съ постановленіемъ котораго согласны губернаторъ и управляющій казенною палатою; въ огражденіе же плательщиковъ отъ требованій, совершенно для нихъ неожиданныхъ, принята пятилѣтняя неизмѣняемость льготъ. Особенно важно, что мѣропріятія эти получили значеніе повсемѣстныхъ и постоянныхъ.

Надо отдать справедливость обновленному личному составу департамента окладныхъ сборовъ: его работы отличаются многосторонностію изслѣдованія возникающихъ вопросовъ и предусмотрительностію, столь важною для устраненія вредныхъ для дѣла недосмотровъ. Такъ, отъ вниманія составителей разсмотрѣннаго законопроекта не ускользнула, имѣющая большое практическое значеніе, частность, именно: вопросъ о досрочномъ выкупѣ своихъ надѣловъ отдѣльными домохозяевами недоимочныхъ обществъ. До сихъ поръ разсчеты по недоимкамъ между сельскимъ обществомъ и отдѣльными его членами признавались дѣломъ, не касающимся казны, и частные выкупы допускались безпрепятственно и по тѣмъ обществамъ, за которыми числилась недоимка. Вниманіе учрежденій, завѣдующихъ выкупами, было обращено исключительно на соотвѣтствіе единовременнаго взноса той долѣ общественнаго капитальнаго долга, которая причитается на выкупаемую часть надѣла, благодаря чему всѣ недоимки выкупныхъ платежей переносились на землю, остающуюся невыкупленною. Такой порядокъ, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ способствовалъ накопленію крупныхъ недоимокъ за сельскими обществами и представляется наиболѣе вѣроятною причиною того своеобразнаго явленія, что когда ослабѣваетъ поступленіе текущихъ выкупныхъ платежей, то особые взносы на погашеніе выкупнаго долга поступаютъ въ увеличенномъ размѣрѣ, и наоборотъ. Такъ, въ 1890 году съ сельскихъ сословій въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи поступило около 97 милл. руб. окладныхъ сборовъ, а особыхъ взносовъ по отдѣльнымъ выкупамъ—969.000 руб.; въ 1891 году окладныхъ сборовъ поступило лишь 75 милл. р., особыхъ же взносовъ—1.247.000 рублей. Въ теченіе первыхъ 8-ми мѣсяцевъ 1890, 1891 и 1892 годовъ поступленіе окладныхъ сборовъ и особыхъ взносовъ по выкупу надѣловъ выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Поступило

	Окладн. сбор.	Особ. взнос.
въ 1890 г. . .	35.906.000	600.000
„ 1891 „ . .	33.116.000	705.000
„ 1892 „ . .	24.772.000	990.000

Здѣсь возможно, повидимому, одно только объясненіе: опасаясь, что за накопленіемъ крупныхъ недоимокъ за обществами послѣдуютъ строгія мѣры взысканія, съ примѣненіемъ начала круговой поруки, наиболѣе состоятельные крестьяне стремятся къ освобожденію своихъ надѣловъ отъ выкупнаго долга, такъ какъ съ симъ вмѣстѣ они освобождаются по закону и отъ всякой отвѣтственности въ исправномъ взносѣ обществомъ выкупныхъ платежей; подъ видомъ выкупа земельнаго надѣла выкупается, въ сущности, лишь лежащій на немъ платежъ. Существованіе такого рода выкуповъ подтверждается еще и тѣмъ, что владѣльцы выкупленныхъ надѣловъ весьма часто вовсе не заботятся о выдѣлѣ ихъ къ одному мѣсту, но пользуются ими черезполосно съ однообщественниками, допуская такимъ образомъ включеніе своихъ надѣловъ въ составъ земель, подлежащихъ передѣлу. Если же это такъ, то можно опасаться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ исправные крестьяне-домохозяева выкупятъ свои надѣлы, и недоимки выкупныхъ платежей останутся лишь на бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія.

Однородное явленіе, какъ мы видѣли, встрѣчается и въ средѣ товариществъ, пріобрѣтающихъ земли при содѣйствіи крестьянскаго банка. И здѣсь, и тамъ достатокъ не уживается съ нищетою и стремится сбросить съ себя бремя отвѣтственности по круговой порукѣ, превращающейся въ постоянный гнетъ для сколько-нибудь благоустроенныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Министерство финансовъ справедливо полагаетъ, что взысканіе недоимокъ съ бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія—даже при самыхъ широкихъ льготахъ—окажется весьма мало вѣроятнымъ, а потому, въ огражденіе интересовъ казны, находитъ совершенно необходимымъ: при досрочномъ выкупѣ крестьянами своихъ надѣловъ, требовать погашенія той части числящейся на обществѣ недоимки, которая соотвѣтствуетъ отношенію между общею суммою лежащаго на общественномъ надѣлѣ выкупнаго долга и тою долею сего долга, какая при-

читается на выкупаемый участокъ. Мѣра эта отпадетъ сама собою, когда предположенная уже пріостановка дѣйствія ст. 165 полож. о вык. и ст. 15 полож. о госуд. крест. получитъ силу закона.

* * *

Вызванное бѣдствіемъ прошлаго года истощеніе свободной наличности государственнаго казначейства и предвидѣнный недоборъ окладныхъ сборовъ, равно какъ и недоборы по косвеннымъ сборамъ, указывали на необходимость изысканія новыхъ источниковъ государственнаго дохода. Временное управленіе финансами, послѣдовавшее за болѣзнью д. тайн. сов. Вышнеградскаго, останавливалось на мысли о введеніи у насъ подоходнаго налога. Наскоро составленный проектъ не встрѣтилъ, однако, поддержки со стороны бо̀льшей части министерствъ и главныхъ управленій. Въ своихъ отзывахъ они выразили сомнѣніе въ достаточной подготовкѣ къ подоходному сбору какъ общества, такъ и податной администраціи, и основательно находили, что безъ этого условія новый налогъ не доставитъ казнѣ существенныхъ выгодъ и лишь поведетъ ко всякаго рода недоразумѣніямъ и взаимнымъ неудовольствіямъ между администраціей и плательщиками. Дѣйствительно, наши мѣстные финансовые органы не располагаютъ никакими свѣдѣніями объ источникахъ доходовъ, донынѣ остающихся необложенными, свѣдѣнія же ихъ о доходахъ, привлеченныхъ къ обложенію,—крайне недостаточны. Мѣстныя общественныя учрежденія до сихъ поръ сдѣлали весьма мало для выясненія доходности земель и городской недвижимости, а податные инспектора собираютъ свѣдѣнія о цѣнности и доходности недвижимой собственности лишь урывками, безъ строго опредѣленной системы, почему и тѣ данныя, которыя ими собраны, не могутъ быть признаны вполнѣ достовѣрными. Оставляютъ желать весьма многаго и свѣдѣнія администраціи о торгово-промышленныхъ прибыляхъ. При такомъ зародышевомъ состояніи нашей финансовой статистики, подоходный сборъ вызвалъ бы со стороны плательщиковъ нескончаемыя попытки къ сокрытію своихъ доходовъ, а со стороны администраціи—произволъ или вторженіе въ частную жизнь „для открытія того, что̀ не лежитъ открытымъ“, какъ мы выразились въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, обсуждая возбужденный въ печати вопросъ о всеобщемъ подоходномъ налогѣ. Тѣмъ не менѣе мысль, поло-

женная въ основу этого налога, заслуживаетъ полнаго вниманія. Она состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ обложенію не какія-либо отдѣльныя отрасли, а всю совокупность доходовъ каждаго плательщика. Если найдется такой внѣшній признакъ, по которому можно было бы составить достаточно вѣрное представленіе объ этой совокупности, то онъ и можетъ послужить основаніемъ для общаго подоходнаго налога.

Опытомъ дознано, что расходъ на жилье, болѣе чѣмъ какой-либо другой расходъ, зависитъ отъ общей совокупности средствъ лица, живущаго въ наемномъ помѣщеніи. Далѣе, изслѣдованіями, произведенными въ западно-европейскихъ городахъ, удостовѣрено, что для лицъ мало состоятельныхъ квартирный расходъ составляетъ весьма значительную долю ихъ годоваго бюджета; по мѣрѣ возрастанія послѣдняго, доля его, падающая на наемъ квартиры, постепенно уменьшается; но для каждой имущественной категоріи лицъ отношеніе между общею совокупностію доходовъ и квартирнымъ расходомъ отличается извѣстнымъ постоянствомъ. Стало быть, устанавливая налогъ въ извѣстномъ процентѣ къ платѣ за квартиру и, вмѣстѣ съ измѣненіемъ этой платы, измѣняя и процентъ обложенія, возможно достигнуть того, что налогъ будетъ во всѣхъ случаяхъ находиться приблизительно въ одномъ и томъ же отношеніи къ доходу облагаемаго лица. Очевидно, что, при такомъ способѣ обложенія, плата за наемъ [1]) жилыхъ помѣщеній, являясь непосредственнымъ объектомъ обложенія, будетъ въ то же время и показателемъ общей состоятельности нанимателя, и что именно вѣроятная величина этой состоятельности будетъ служить руководящимъ началомъ при опредѣленіи размѣровъ сбора. Слѣдовательно, квартирный налогъ будетъ не налогомъ на потребленіе, но налогомъ подоходнымъ, въ основаніе котораго положенъ лишь извѣстный внѣшній признакъ дохода.

При первоначальномъ установленіи квартирнаго налога [2])

---

[1]) А не *стоимость* жилыхъ помѣщеній, какъ ошибочно выражено въ законопроектѣ.

[2]) Contribution mobilière. Такое названіе дано потому, что первоначально предполагалось обложить всю совокупность *движимаго* имущества каждаго отдѣльнаго лица, но, въ виду чрезвычайныхъ трудностей подобнаго обложенія, остановились на квартирномъ налогѣ. Законъ 18 февраля 1791 г.

во Франціи, учредительное собраніе считало, что

кварт. плата въ	12.000	фр.	соотвѣтствуетъ доходу въ	$12^1/_2$	разъ большему
»	3.000—5.000	»	»	8	»
»	2.000—2.500	»	»	6	»
»	500—1.000	»	»	4	»
»	100—500	»	»	3	»
»	ниже 100	»	»	2	»

Соотношенія эти различны по времени и мѣсту и зависятъ отъ многихъ условій экономической и общественной жизни; городъ на городъ не приходится въ одной и той же странѣ. Поэтому, для установленія размѣровъ сбора, необходимо было выяснить и у насъ существующее соотношеніе между квартирною платою и доходами нанимателей. Произвести эту работу поручено было податнымъ инспекторамъ, въ предположеніи, что они могутъ сообщить довольно значительное число случаевъ, когда указанное соотношеніе извѣстно имъ съ достовѣрностью, и что, сопоставляя свѣдѣнія, полученныя по различнымъ городамъ одной и той же населенности, одного и того же административнаго значенія,—вообще однороднымъ по условіямъ жизни, возможно будетъ придти къ довольно опредѣленнымъ выводамъ. Ожиданія эти не вполнѣ осуществились: располагая слишкомъ краткимъ временемъ для исполненія возложенной на нихъ задачи, податные инспектора сообщали свѣдѣнія, иногда слишкомъ отрывочныя, иногда не достаточно ими провѣренныя; тѣмъ не менѣе, на основаніи произведенныхъ ими изслѣдованій, возможно было сдѣлать нѣкоторые выводы о соотношеніи между наемною цѣною квартиръ и доходами квартирохозяевъ.

Во 1-хъ, подтвердилось, что процентное отношеніе квартирной платы къ доходамъ нанимателей понижается, по мѣрѣ возрастанія этой платы, сначала довольно медленно и съ колебаніями, а затѣмъ весьма быстро.

Во 2-хъ, оказалось, что расходъ по найму квартиръ поглощаетъ въ русскихъ городахъ гораздо меньшую долю доходовъ обывателей, чѣмъ въ городахъ заграничныхъ. Даже наименѣе состоятельныя лица, занимающія квартиры цѣною до 100 р., тратятъ на удовлетвореніе потребности въ жильѣ сравнительно весьма небольшую долю своего бюджета: не свыше $^1/_5$ въ въ городахъ I и II группы [1]) и не свыше $^1/_8$—$^1/_{10}$ въ остальныхъ.

[1]) т. е. въ столицахъ и городахъ съ населеніемъ свыше 100.000.

городскихъ поселеніяхъ. Исключенія рѣдки; такъ, напр., изъ 927 случаевъ, въ которыхъ записано отношеніе между расходомъ по найму квартиры и общею совокупностію доходовъ нанимателя въ столицахъ и въ Варшавѣ, только въ 15-ти это отношеніе превысило 33%.

Первый выводъ служитъ твердою фактическою почвою и логическимъ основаніемъ для *прогрессивности*, какъ непремѣннаго условія *равномѣрности* обложенія. При отсутствіи прогрессіи, между обложеніемъ квартирохозяевъ и доходами ихъ не было бы никакого соотвѣтствія: лица, занимающія дешевыя помѣщенія, уплачивали бы казнѣ гораздо большую долю ихъ доходовъ, чѣмъ тѣ, которыя занимаютъ помѣщенія дорогія. Для надлежащей уравнительности обложенія необходимо примѣнить къ первымъ пониженный процентъ обложенія сравнительно со вторыми.

Второй выводъ указываетъ на возможность установить довольно высокій процентъ обложенія. Но умѣренность въ обложеніи здѣсь необходима, ибо квартирная плата служитъ лишь внѣшнимъ признакомъ достатка плательщиковъ, допускающимъ болѣе или менѣе значительныя ошибки, а какъ въ то же время квартирный налогъ имѣетъ характеръ личнаго, то можетъ случиться, что, въ общемъ не высокій (если обращать вниманіе только на среднія величины), онъ окажется непосильнымъ для отдѣльныхъ, привлекаемыхъ къ нему, лицъ. Кромѣ того слишкомъ высокое обложеніе могло бы явиться стѣсненіемъ столь важной потребности, какова потребность въ удобномъ жильѣ, со всѣми неблагопріятными гигіеническими и санитарными послѣдствіями этого стѣсненія, и даже извратить самую природу квартирнаго налога, ибо, въ такомъ случаѣ, налогъ былъ бы фактически переложенъ съ нанимателей на домовладѣльцевъ. По тѣмъ же соображеніямъ самыя дешевыя квартиры должны быть вовсе освобождены отъ обложенія.

Само собою разумѣется, что для такихъ понятій, какъ „дешевый“ и „дорогой“ не можетъ быть абсолютныхъ нормъ и что тарифъ квартирнаго налога въ значительной мѣрѣ отличается условностью. При выработкѣ тарифа, города и нѣкоторыя не-городскія поселенія отнесены къ 5-ти классамъ и для каждаго класса установленъ особый минимумъ наемной платы, ниже которой съ жилаго помѣщенія налогъ не взимается. Этотъ минимумъ для 1-го класса 240 р., для 2-го—180 р., для 3-го—120 р., для 4-го—96 р. и для 5-го—48 р. Во всѣхъ классахъ

къ квартирамъ наименьшей цѣны примѣненъ и низшій процентъ обложенія, именно 2%. Начиная съ этого предѣла, обложеніе повышается во всѣхъ классахъ, пока не достигнетъ высшаго предѣла, именно 10%. Такимъ образомъ, наименьшій и наибольшій процентъ обложенія одинъ и тотъ же во всѣхъ классахъ; но примѣняются эти проценты (а равно и всѣ промежуточные) къ квартирамъ различной цѣны, въ виду неодинаковой ихъ дороговизны въ отдѣльныхъ городскихъ поселеніяхъ. Въ среднемъ по Европейской Россіи и губерніямъ Царства Польскаго (налогъ не распространяется дальше) процентъ обложенія не превышаетъ 3 со 100, подлежащихъ обложенію квартиръ исчислено 730.641 и квартирной платы 176.165.718 р. Предположенный доходъ казны—5.000.000 рублей.

При всей условности тарифа, нельзя, однако, не признать преимуществъ процентнаго обложенія передъ раскладочнымъ. Форма раскладочная—первобытная, грубая форма взиманія податей. Если она и даетъ возможность свести издержки взиманія до весьма незначительныхъ размѣровъ, возлагая главную работу въ податномъ дѣлѣ на органы мѣстнаго общественнаго управленія, то это еще не даетъ ей права на существованіе въ благоустроенномъ государствѣ, потому что она водворяетъ произволъ и стремится къ установленію налоговъ внѣ всякой зависимости отъ состоянія платежныхъ силъ населенія. И эту форму, пригодную только для наложенія и взысканія контрибуцій, думали примѣнить ко всеобщему подоходному налогу! Нынѣшнее финансовое управленіе справедливо полагаетъ, что уравнительность обложенія и законность дѣйствій податныхъ органовъ въ гораздо большей степени обезпечиваются при процентномъ способѣ опредѣленія причитающихся съ плательщиковъ окладовъ; равнымъ образомъ, при этомъ способѣ, справедливыя притязанія плательщиковъ скорѣе и легче находятъ себѣ удовлетвореніе потому уже, что измѣненіе исчисленнаго съ отдѣльнаго плательщика оклада не вызываетъ необходимости измѣнять, вмѣстѣ съ тѣмъ, оклады всѣхъ прочихъ плательщиковъ той же административной единицы,—что неизбѣжно при раскладочной формѣ обложенія. Немаловажное преимущество процентной формы заключается еще и въ томъ, что она допускаетъ естественный ростъ суммы налога въ зависимости отъ умноженія облагаемыхъ цѣнностей или доходовъ; тогда какъ при раскладочной формѣ увеличеніе налога невозможно иначе, какъ искусственнымъ способомъ—чрезъ установленіе бо́льшаго

контингента налога. Наконецъ, поставляя общую сумму налога въ ближайшую зависимость отъ дѣйствительнаго количества облагаемыхъ цѣнностей и доходовъ, процентная форма даетъ возможность легче услѣдить и за ослабленіемъ платежныхъ средствъ населенія.

Квартирный налогъ обѣщаетъ на первое время лишь относительно скромное увеличеніе доходовъ казны; но онъ вводитъ крупную величину въ нашу податную систему: здравое начало подоходнаго обложенія и просвѣщенный взглядъ на порядокъ назначенія и взиманія окладныхъ сборовъ. Основывая свою дѣятельность на такихъ началахъ и взглядахъ, новая финансовая администрація вноситъ живую струю въ наше податное дѣло, которое давно уже ждетъ своего обновленія и, только освободившись изъ тисковъ одряхлѣвшей канцелярской рутины, въ состояніи будетъ облегчить народу тяжелое бремя государственнаго тягла.



ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

С.-Петербургъ, 19 ноября (1 декабря) 1892 г

I.

Проектъ военнаго закона объ усиленіи кадроваго и численнаго состава нѣмецкой арміи внесенъ на обсужденіе и рѣшеніе имперскаго сейма. Тронная рѣчь императора Вильгельма II указала на источники, изъ коихъ предполагается покрыть вызываемые имъ расходы, а именно новые налоги на пиво и спиртъ, а также на биржевыя сдѣлки. Собраніе гробовымъ молчаніемъ отвѣчало на призывъ молодаго государя „оградить наслѣдіе предковъ“ и „отстоять драгоцѣннѣйшее достояніе отечества“. Не больше успѣха имѣла и длившаяся около трехъ часовъ рѣчь канцлера графа Каприви въ защиту законопроекта.

Не станемъ здѣсь касаться вопроса, будетъ онъ или не будетъ принятъ рейхстагомъ и въ какомъ видѣ: въ полномъ ли объемѣ, или съ сокращеніями и измѣненіями? Такой вопросъ представляется намъ труднымъ потому, что разрѣшеніе его въ настоящую минуту можетъ быть только гадательнымъ, тѣмъ болѣе, что тотъ или другой исходъ зависитъ не отъ существа дѣла, а отъ группировки политическихъ партій въ рейхстагѣ и большей или меньшей склонности ихъ вступить въ соглашеніе съ правительствомъ или противодѣйствовать ему. Насъ гораздо болѣе занимаютъ въ рѣчи имперскаго канцлера тѣ мѣста, что̀ посвящены изложенію его взгляда на отношенія Германіи къ ея восточной сосѣдкѣ Россіи. На нихъ мы и намѣрены остановить вниманіе нашихъ читателей.

Весьма опредѣленно высказался графъ Каприви о друже-

ственной связи, искони существовавшей между Россіей и Пруссіей, присовокупивъ, что и нынѣ ихъ не раздѣляетъ „ни малѣйшій поводъ къ спору". „Нѣтъ ничего",—заявилъ онъ,— „чего бы мы должны были потребовать отъ Россіи или она отъ насъ". Въ этомъ обстоятельствѣ онъ полагаетъ залогъ крѣпкаго мира съ Россіей, но еще болѣе надежное ручательство усматриваетъ „въ великодушномъ и миролюбивомъ настроеніи Императора всероссійскаго, почитаемомъ имъ за одинъ изъ крѣпчайшихъ устоевъ мира Европы".

Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ эти слова канцлера, который продолжалъ: „Я счастливъ, что могу сказать это. Мнѣ извѣстно изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ, что русскій Императоръ цѣнитъ по достоинству мирную и честную политику, которую я веду по повелѣнію его величества".

Казалось бы чего же еще лучше? Въ Берлинѣ твердо вѣрятъ въ непреклонное миролюбіе русскаго Царя, а въ Петербургѣ съ такимъ же довѣріемъ относятся къ мирной политикѣ германскаго правительства. Но вотъ бѣда. Въ Россіи — какъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ нѣмецкій канцлеръ — да и не просто въ Россіи, а „въ широко распространенныхъ кругахъ русскаго народа",—господствуетъ неудовольствіе противъ Германіи, внутреннія причины коего трудно-де не замѣтить. Какія же это причины? Отнеся ихъ начало къ эпохѣ Крымской войны, графъ Каприви указываетъ на ненависть, яко бы питаемую русскими къ нѣмцамъ, живущимъ въ Россіи, и которая еще болѣе усилилась вслѣдствіе военныхъ успѣховъ Германіи и къ сожалѣнію также успѣховъ дипломатическихъ, достигнутыхъ его предшественникомъ „въ интересѣ Россіи". „Ненависть эта",—заключаетъ онъ,—„несомнѣнно возрастетъ еще въ будущемъ". Отсюда опасность войны съ Россіей, вѣроятной, не взирая на мирныя намѣренія русскаго правительства, которое при всемъ своемъ миролюбіи можетъ-де быть вынужденнымъ объявить и вести войну.

Пѣсня эта не новая. Въ продолженіе многихъ лѣтъ слышали мы ее изъ устъ князя Бисмарка, каждый разъ когда бывшему канцлеру приходилось высказываться объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи. Въ ней два главные напѣва: мнимая ненависть русскихъ къ нѣмцамъ, истекающая будто бы изъ зависти, и противопоставленіе миролюбію русскаго Царя воинственныхъ вожделѣній русскаго народа.

Что же это такое? Заблужденіе или клевета?

Мы не стали бы опровергать клеветы, злонамѣренной и сознательной, но долгомъ считаемъ попытаться разъяснить заблужденіе, причина котораго можетъ крыться въ маломъ и совершенно недостаточномъ знакомствѣ нынѣшняго нѣмецкаго канцлера съ Россіей и ея государственнымъ и общественнымъ бытомъ.

Смѣемъ увѣрить почтеннаго графа Каприви, что чувства ненависти русское общество, русскій народъ не питаетъ ни къ нѣмцамъ, ни къ какой иной національности, какъ внутри обширнаго царства русскаго, такъ и внѣ его предѣловъ. Незлобивые по природѣ, русскіе люди скорѣе расположены относиться любовно и не въ мѣру снисходительно къ тѣмъ чужеземнымъ государствамъ и народамъ, политическому росту и преуспѣянію которыхъ Россія великодушно содѣйствовала,—а въ этомъ смыслѣ прусское государство, нѣмецкій народъ болѣе всѣхъ прочихъ обязаны дружбѣ и помощи Россіи. Неудовольствіе же хотя и существуетъ, но вызвано оно въ насъ отнюдь не завистью къ дипломатическимъ успѣхамъ князя Бисмарка, а двоедушіемъ и коварствомъ его политики по отношенію къ нашему отечеству.

Да вѣдомо будетъ также германскому канцлеру, что нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго оттѣнка разномыслія между державнымъ рѣшеніемъ Вѣнценоснаго Вождя русской земли и стремленіями, упованіями, вѣрованіями совокупности его вѣрныхъ сыновъ подданныхъ. Чего хочетъ Царь, того всѣми силами народной души жаждетъ и Россія. Она жаждетъ мира, соблюденію коего принесла уже не мало жертвъ, мира прочнаго и достойнаго. Не она, конечно, выступитъ его нарушительницею, но горе тому или тѣмъ, кто вынудитъ ее извлечь побѣдоносный мечъ изъ ноженъ.

Если графъ Каприви дѣйствительно намѣренъ, какъ самъ онъ выражался, не порывать нити, столько лѣтъ связывавшей Пруссію и Германію съ Россіей, то цѣли этой онъ не достигнетъ усиленіемъ боевыхъ средствъ нѣмецкой арміи. Приблизиться къ ней онъ можетъ однимъ только путемъ: прямодушіемъ въ обращеніи съ русскимъ дворомъ. Пусть откажется онъ разъ навсегда отъ политическихъ пріемовъ своего предшественника; пусть подобно ему не старается вліять на русскіе правительственные круги, разъяснять имъ, въ чемъ заключается благо и польза Россіи. Пусть также оставитъ всякую мысль о вовлеченіи Россіи въ общія предпріятія или объ

удержаніи ея отъ сближенія съ тѣми изъ другихъ великихъ державъ, соглашеніе съ коими она считаетъ для себя болѣе надежнымъ и полезнымъ. Но паче всего пусть тщательно воздержится отъ попытки сѣять смуту и раздоръ между русскими людьми, возбуждая подозрѣнія власти противъ общественныхъ силъ, а послѣднимъ внушая недовѣріе къ власти.

При соблюденіи этихъ условій между Россіей и Германіей легко могутъ возстановиться и упрочиться отношенія искренней дружбы и добраго сосѣдства, равно желательныя и выгодныя для обѣихъ странъ. Но сомнѣваемся, чтобы утвержденію ихъ могли содѣйствовать чрезмѣрныя вооруженія, предпринимаемыя въ Германіи, естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ коихъ является необходимость для Россіи развивать собственныя боевыя силы и тѣснѣе скрѣпить узы дружбы и союза, соединяющія ее съ Франціей.

II.

Франція переживаетъ тяжелые дни. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, ознаменованныхъ возстановленіемъ внѣшняго ея достоинства, умиреніемъ и процвѣтаніемъ внутреннимъ, небосклонъ третьей республики снова заволокли мрачныя, зловѣщія тучи. Оглушительнымъ ударомъ раздался взрывъ динамитной бомбы въ улицѣ Bons Enfants, свидѣтельствующій о существованіи тайныхъ подземныхъ силъ, непримиримыхъ въ ненависти къ существующему общественному строю. Еще болѣе чувствительный ударъ строю государственному нанесъ разросшійся до небывалыхъ размѣровъ Панамскій процессъ, уличившій въ продажности значительное число депутатовъ и сенаторовъ.

Событія эти ввергли въ состояніе неописаннаго возбужденія политическіе круги Франціи, печать, все французское общество. Прямымъ ихъ послѣдствіемъ явилось обостреніе взаимныхъ отношеній между партіями, возвращеніе ихъ къ худшимъ пріемамъ междоусобной борьбы: раздражительности, подозрѣнію, голословному обвиненію другъ друга въ совершеніи самыхъ возмутительныхъ поступковъ, самыхъ тяжкихъ преступленій, причемъ всѣ онѣ повидимому забываютъ, что если справедлива хотя бы малѣйшая доля нареканій, столь щедро расточаемыхъ политическимъ противникамъ, то въ крайне непривлекательномъ видѣ пред-

ставится совокупность всѣхъ партій, весь такъ называемый парламентскій міръ, законодатель и представитель французскаго народа.

На это печальное зрѣлище съ нескрываемымъ злорадствомъ взираютъ враги и ненавистники Франціи въ Германіи, Италіи, Англіи. Въ печати этихъ странъ снова раздаются голоса, вопящіе о глубокомъ нравственномъ паденіи и полномъ разложеніи политическомъ французской націи, пророчащіе ей неминуемую и близкую погибель. Мы, русскіе люди, также не можемъ закрыть глаза на прискорбныя происшествія, совершающіяся по ту сторону Вогезовъ, но на насъ они производятъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Созерцая ихъ, мы испытываемъ чувство, возбуждаемое въ душѣ человѣка несчастіемъ, случившимся въ близкой ему, дружественной семьѣ. Мы не станемъ отрицать очевидности, называть черное бѣлымъ, и признаки серіозной болѣзни провозглашать явленіями нормальными. Но мы не вдадимся и въ противоположную крайность и, искренно соболѣзнуя горю французскихъ патріотовъ, съ полнымъ убѣжденіемъ повторимъ прекрасныя слова новаго члена французскаго министерства г. Рибо: „Личныя паденія являются лишь случайнымъ эпизодомъ въ исторіи великаго, честнаго и трудолюбиваго народа“.

Такимъ именно считаемъ мы народъ французскій, давшій столько доказательствъ искренняго и горячаго сочувствія нашему отечеству. Фарисеямъ и лицемѣрамъ, ищущимъ взвалить на него отвѣтственность за грѣхи нѣсколькихъ политическихъ дѣльцовъ, мы поставимъ вопросъ: когда и въ какой странѣ, среди какого народа, не обнаруживалось время отъ времени злоупотребленій, тождественныхъ и по содержанію, и по формѣ съ тѣми, что̀ разоблачены дознаніемъ по Панамскому дѣлу? Гдѣ люди, тамъ и неизбѣжныя изъявленія ихъ страстей, слабостей, пороковъ; но, къ счастью для человѣчества, тамъ же видимъ мы и другую сторону человѣческой природы: благородные порывы, честь, доблесть, самоотверженіе. Необыкновенно кстати напомнила объ этомъ Франціи, да и всей Европѣ, горсть храбрецовъ, преодолѣвшихъ необычайныя трудности похода въ тропической странѣ, поборовшихъ отчаянное сопротивленіе ожесточенныхъ дикарей и побѣдоносно водрузившихъ трехцвѣтное знамя на твердыняхъ Дагомеи. Генералу Додсу и его храбрымъ сподвижникамъ шлемъ мы искренній привѣтъ и поздравленіе съ подвигомъ, напоминающимъ лучшія страницы столь обильной ими

военной исторіи Франціи, сроднымъ съ тѣми, что̀ наши чудо-богатыри совершали въ Средней Азіи и на Кавказѣ.

Этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы друзья и доброжелатели Франціи не отчаявались въ ея будущей судьбѣ. Въ такомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ сравнительно быстрый и крайне благопріятный исходъ послѣдняго министерскаго кризиса. Преобразованіе прежняго кабинета въ новый, подъ предсѣдательствомъ министра иностранныхъ дѣлъ,—надежный залогъ устойчивости той политики, что̀ сблизила Францію съ Россіей. Пожелаемъ же ему успѣха и въ выпавшей ему на долю трудной патріотической задачѣ: проливъ свѣтъ истины на вопіющія злоупотребленія, изобличивъ и покаравъ виновныхъ, обратить опасный кризисъ, грозившій гибелью законному порядку во Франціи, въ „высшій урокъ нравственности“, спасительный для Франціи и поучительный для всей современной Европы.

Пожеланія эти мы не стѣсняясь высказываемъ даже послѣ того, какъ нашлись французы, которые, въ пылу партійнаго задора, дерзнули примѣшать къ своимъ домашнимъ дрязгамъ и пререканіямъ честное имя того изъ русскихъ публицистовъ, который наиболѣе потрудился надъ устраненіемъ препятствій, такъ долго не допускавшихъ Францію до политическаго сближенія съ Россіей. Память М. Н. Каткова не пострадаетъ отъ навѣта, лишеннаго всякаго правдоподобія и смысла, но неужели тѣ, кто избрали ее мишенью болѣзненной своей подозрительности, не понимаютъ, что легкомысленный ихъ поступокъ бросаетъ неблаговидную тѣнь на всѣхъ друзей Франціи въ Европѣ, гласно исповѣдующихъ свое къ ней сочувствіе и обороняющихъ ее отъ нападокъ и оскорбленій ея многочисленныхъ завистниковъ и враговъ? Мало того: онъ лишаетъ все, что̀ пишется иностранцами въ защиту Франціи, всякаго вѣса и значенія, намекая на то, что источникъ ихъ писаній не искреннее убѣжденіе, а матеріальная выгода, торговля совѣстью, подкупъ.

Утѣшаемся сознаніемъ, что вся здраво и честно мыслящая Франція строго осуждаетъ непростительную выходку, что французское общество и печать умѣютъ цѣнить оказанныя родинѣ безкорыстныя услуги. Но если бы это было и не такъ, то все же мы продолжали бы не смущаясь проповѣдовать необходимость тѣснаго союза между двумя великими державами, расположенными на противоположныхъ окраинахъ европейскаго материка, продолжали бы потому, что прежде всего въ помя-

нутомъ союзѣ усматриваемъ существенную пользу для Россіи, крѣпкій оплотъ противъ всякаго покушенія на ея права и достоинства со стороны естественныхъ соперниковъ: Германіи, опирающейся на Австрію, Венгрію и Италію на сушѣ, Англіи— на морѣ. И до тѣхъ поръ, пока французское правительство будетъ идти рука-объ-руку съ нашимъ во всѣхъ вопросахъ международной политики, французскій народъ—питать и выражать искреннее расположеніе, уваженіе и дружбу къ народу русскому, — мы не устанемъ всею силою нашихъ убѣжденій стоять за Францію, въ твердомъ упованіи, что и она, въ минуту опасности или невзгоды, постоитъ за Россію.

С. ТАТИЩЕВЪ.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО.

НОЯБРЬ.

ДЕКАБРЬ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПОЖАРНЫЙ"

ВѢСТНИКЪ ПОЖАРНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры съ 1 марта 1892 г. два раза въ мѣсяцъ, книжками до трехъ печатныхъ листовъ, въ иллюстрированной обложкѣ и представляетъ собою первое въ Россіи изданіе, посвященное пожарному дѣлу, задавшееся цѣлью знакомить публику съ современнымъ состояніемъ и техникою пожарнаго дѣла, новѣйшими усовершенствованіями и улучшеніями въ немъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ и Америкѣ. Благодаря своей обширной программѣ «*Пожарный*» поставилъ себѣ задачею удовлетворять запросамъ и требованіямъ, предъявляемымъ какъ со стороны городскихъ самоуправленій и земствъ, такъ и городскихъ, частныхъ и вольныхъ пожарныхъ командъ—въ особенности послѣднихъ, возникновеніе которыхъ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества нельзя не отмѣтить, какъ отрадный и достойный подражанія фактъ.

Для болѣе успѣшнаго осуществленія поставленной журналомъ задачи, Редакція «*Пожарнаго*» позволяетъ себѣ обратиться съ просьбой къ лицамъ и учрежденіямъ, близко стоящимъ къ пожарному дѣлу, къ городскимъ управленіямъ, земскимъ губернскимъ и уѣзднымъ управамъ, страховымъ обществамъ и ихъ провинціальнымъ агентамъ, пожарнымъ обществамъ и командамъ не отказать доставленіемъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи и организаціи пожарнаго дѣла въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также селахъ и деревняхъ, и о тѣхъ усовершенствованіяхъ, какія вводятся и введены въ томъ или другомъ городѣ въ отношеніи огнегасительныхъ и предохранительныхъ отъ пожаровъ средствъ. Редакція проситъ формой изложенія—будетъ ли то статья или корреспонденція—не стѣсняться. Пусть каждый скажетъ свое слово. Литературную разработку матеріаловъ Редакція принимаетъ на себя.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оффиціальныя постановленія и распоряженія; 2) Свѣдѣнія о состояніи пожарнаго дѣла въ Россіи и за границей; 3) Важнѣйшія открытія и усовершенствованія въ пожарномъ дѣлѣ; 4) Хроника; 5) Корреспонденціи; 6) Фельетонъ; 7) По Россіи; 8) Біографіи дѣятелей по пожарному дѣлу; 9) Библіографія; 10) Статистика; 11) Вопросы и отвѣты; 12) Объявленія.

Всего выйдетъ за 10 мѣсяцевъ съ 1 марта 1892 г. по 1 января 1893 г. **двадцать** книжекъ.

При открытіи V международной конференціи Обществъ Краснаго Креста въ Римѣ, 21 апрѣля 1892 года, предсѣдателемъ собранія было заявлено о пожертвованіи ихъ Величествами Королемъ и Королевою Италіи 10 т. лиръ на устройство конкурса для разрѣшенія задачи объ усовершенствованіи способовъ быстрой переноски раненыхъ съ поля битвы на перевязочные пункты, а затѣмъ во временные военные госпитали.

Пожертвованіе это было принято собраніемъ съ чувствомъ единодушія, глубокой признательности, и тогда же назначена коммисія для выработки основныхъ правилъ программы конкурса. Окончательная разработка программы была затѣмъ поручена итальянскому центральному комитету и на него же возложено назначеніе международнаго жюри для разсмотрѣнія представленныхъ на конкурсъ работъ и назначеніи премій.

Выработанная центральнымъ комитетомъ программа ниже приводится.

Условія конкурса на соисканіе преміи Ихъ Величествъ Короля и Королевы Италіи.

А. Предметы конкурса.

1) Конкурсу подлежатъ исключительно предметы, которые могутъ служить для облегченія и ускоренія подпятія раненыхъ съ поля сраженія и, въ то же время, способствовать быстрому, безопасному и легкому перенесенію раненыхъ съ поля битвы до перваго перевязочнаго пункта или же до того мѣста, откуда дальнѣйшій транспортъ раненыхъ можетъ быть произведенъ вошедшими уже въ употребленіе обыкновенными способами эвакуаціи.

2) Предметомъ конкурса могутъ быть всѣ тѣ приборы, аппараты, приспособленія и проч., которые прямымъ или косвеннымъ способомъ будутъ служить основной цѣли конкурса, слѣдовательно должны имѣться въ виду всѣ средства, необходимыя для примѣненія къ разнымъ дорогамъ и мѣстностямъ. Сообразно этому подлежатъ конкурсу:

a) Носилки, усовершенствованныя въ смыслѣ ихъ прочности, легкости и приспособленности для продолжительныхъ и дальныхъ транспортовъ, такъ какъ перевязочные пункты приходится въ наше время помѣщать гораздо дальше отъ мѣста битвы, чѣмъ это дѣлалось раньше, благодаря всеобщему употребленію дальнобойныхъ орудій. Этимъ выигрывалось бы не только во времени, но и въ сбереженіи силъ носильщиковъ, которые при такихъ условіяхъ могутъ дольше работать и тѣмъ увеличить число транспортовъ.

b) Экипажи для перевозки раненыхъ въ полевые лазареты. Они должны быть легки и способны вмѣщать большее число раненыхъ и выполнять большее число переѣздовъ и имѣть устройство для передвиженія по неудобнымъ дорогамъ и разнообразнымъ мѣстностямъ.

c) Способы освѣщенія поля битвы установкою ли на самомъ полѣ битвы маяковъ или какими-либо иными способами, приспособленными главнымъ образомъ къ освѣщенію дороги носильщикамъ и облегченію имъ поисковъ раненыхъ на полѣ битвы. Для послѣдней задачи должны быть предложены простѣйшіе и наиболѣе практичные освѣтительные аппараты для снабженія ими лицъ, отыскивающихъ раненыхъ на полѣ битвы.

B. Премія.

3) Размѣръ преміи—10.000 итальянскихъ лиръ. Эта сумма можетъ быть раздѣлена на двѣ преміи. Кромѣ того, будетъ извѣстное число серебряныхъ медалей съ изображеніемъ Августѣйшихъ жертвователей. Жюри опредѣлитъ размѣръ каждой преміи, смотря по важности достигнутыхъ результатовъ. Однако, раздѣленіе и присужденіе премій могутъ быть измѣнены, если бы предположеніе жюри получило одобреніе Ихъ Величествъ.

4) Жюри предоставлено обсужденіе какъ абсолютныхъ, такъ и относительныхъ достоинствъ представленныхъ и допущенныхъ на конкурсъ предметовъ. Жюри будетъ международнымъ и будетъ составлено изъ 14 членовъ, назначенныхъ Главнымъ Совѣтомъ Центральнаго Комитета Итальянскаго Краснаго Креста, собранныхъ въ Римъ на время конкурсной выставки. Оно будетъ состоять подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя того же Итальянскаго Центральнаго Комитета.

C. Условія для соискателей преміи.

5. Соискатели преміи должны представить модель—типъ предложеннаго предмета съ объяснительной запиской, при которой должны быть приложены рисунки съ обо-

значеніемъ масштаба. Въ запискѣ должна быть объяснена конструкція и способъ употребленія предложеннаго предмета, а также и стоимость его и т. д., чтобы жюри могло оцѣнить предложеніе всесторонне. Объяснительныя записки должны быть составлены на итальянскомъ или французскомъ языкахъ, или же снабжены переводомъ на одномъ изъ этихъ языковъ.

6. Модели должны быть въ настоящую величину. Могутъ быть допущены модели и въ уменьшенномъ видѣ, но подъ условіемъ, чтобы ихъ масштабъ соотвѣтствовалъ не менѣе одной четверти натуральной величины.

E. Открытіе и закрытіе выставки.

18. Выставка будетъ вполнѣ устроена и открыта 15 августа 1893 г., если только не помѣшаютъ тому какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства. Для публики она будетъ открыта съ 16 августа по 16-е сентября включительно.

19. Имена экспонентовъ и членовъ жюри будутъ опубликованы только по окончательномъ открытіи выставки, чтобы не стѣснять свободу дѣйствій. Жюри будетъ засѣдать и окончитъ свои занятія во время самой выставки, чтобы представить полный и подробный о ней отчетъ еще до ея закрытія. Рѣшеніе жюри, публикація именъ премированныхъ лицъ и раздача наградъ будутъ произведены еще до закрытія выставки.

20. Жюри можетъ руководствоваться мнѣніями и сужденіями, высказанными съ технической и спеціальной точки зрѣнія, учеными, которые къ тому времени соберутся на XI международный медицинскій конгрессъ въ Римѣ и которые, по всей вѣроятности, заинтересуются этими вопросами. Само собою разумѣется, что жюри будутъ приняты во вниманіе только отзывы членовъ конгресса, изложенные письменно.

21. Всякія недоразумѣнія, могущія возникнуть между экспонентами и организаціонной коммисіей, подлежатъ безапелляціонному рѣшенію Главнаго Совѣта центральнаго комитета Итальянскаго Общества Краснаго Креста.

ДЕБЮТАНТКА.

Новелла **П. Базанъ**.

Съ испанскаго.

ДЕБЮТАНТКА.

Новелла **Пардо Базанъ** [1]).

Лампа еще горѣла, но тусклымъ, умирающимъ свѣтомъ. Въ резервуарѣ оставалось всего нѣсколько капель. Фитиль поминутно опускался.

Несмотря на это невозможное освѣщеніе, обѣ сестры усердно работали. Въ тишинѣ этого поздняго ночнаго часа ясно слышался металлическій звукъ ножницъ и иголокъ, ударявшихся о наперстокъ и прокалывавшихъ съ необыкновенной быстротой толстую шелковую матерію. Какая досада, что лампа гаснетъ! Работа такъ и спорилась въ искусныхъ рукахъ, а трескъ фитиля предупреждалъ о томъ, что она вотъ-вотъ погаснетъ. Младшая сестра подняла голову, вздохнула и откусила шелковую нитку.

— Долоресъ!

— Что? спросила старшая, не прерывая работы.

— А вѣдь мы сейчасъ останемся въ потьмахъ.

— Вотъ новость сказала...

— Но вѣдь я не могу шить въ темнотѣ. Есть у насъ петролей?

— Ни одной капли.

— Ну, огарокъ свѣчки?

— Ни одного!

— Ну, такъ что жъ намъ теперь дѣлать? Надо спать ложиться. Я и такъ ужь спины не могу разогнуть.

Долоресъ вздохнула, фитиль также какъ бы вздохнулъ, замигалъ и съ нимъ началась агонія. Смерть этого грустнаго

---

[1]) La dame joven (ingénue) Pardo Bazán.

*

свѣта наступила такъ быстро, что портнихи едва успѣли положить работу на диванъ и прикрыть ее коленкоромъ.

Оставшись въ потьмахъ, обѣ дѣвушки въ первую минуту расхохотались. Найдутъ ли онѣ свои кровати? Ощупью, съ руками, протянутыми впередъ, и спотыкаясь на пути, онѣ пошли ложиться въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Смотри, теперь не ошибись, и вмѣсто того, чтобы лечь на постель, не лягъ на диванъ—воскликнула Долоресъ.

— Нѣтъ, хуже всего будетъ, если я ноги положу на подушку.

Послышался звукъ разстегиваемыхъ корсетовъ: шелестъ юбокъ и скрипъ кроватей подъ тяжестью тѣла. Съ одной постели послышался невнятный шопотъ, какъ будто читали молитвы. На другой постели не двигались, что̀ привело въ смущеніе молящуюся.

— Конча!

— А?

— Ты не молишься сегодня? Что съ тобою дѣлается?

— Мнѣ гораздо больше хочется спать, чѣмъ молиться.

— „Богородице" и „Вѣрую" не лишатъ тебя сна.

Конча повиновалась и послѣ молитвы стала вертѣться въ кровати, какъ будто ее что-нибудь безпокоило. Сестра снова спросила ее:

— Что съ тобою?

— Я не могу спать. У меня сонъ прошелъ.

— Но вѣдь ты знаешь, что завтра надо рано вставать.

— Рано вставать! А какъ ты думаешь, который теперь часъ?

— Не знаю... Часа два?

— Четыре, милая моя! Я слышала, сейчасъ только-что пробили часы на соборѣ.

— Что ты, съ ума сошла!

— Нѣтъ, нѣтъ, вѣрно... Четыре!

— Ну, такъ надо скорѣй спать.

Обѣ замолчали; но переутомленье сдѣлало свое дѣло, желанный сонъ не приходилъ. Ихъ охватило такое настроеніе, когда мысли тянутся въ головѣ одна за другою, вспоминается прошлое, рисуются картины будущаго. Въ то время, какъ въ зажмуренныхъ глазахъ пробѣгали желтые, зеленые и красные круги, возбужденное воображеніе полно желаній, надеждъ, пережитаго горя, отжившихъ воспоминаній, встающихъ съ лихорадочной быстротою.

Долоресъ размышляла. Она была на двѣнадцать лѣтъ старше своей сестры. Едва ей исполнилось тринадцать, какъ онѣ остались круглыми сиротами. Она, какъ сейчасъ, видитъ себя еще совсѣмъ маленькою. Помнитъ, какъ по утру сама растапливала печку и передъ уходомъ въ мастерскую, гдѣ она работала, она совала въ ротъ теплую соску своей крошечной сестренкѣ, чтобы та не плакала въ ея отсутствіе. По воскресеньямъ она была счастлива потому, что цѣлый день могла нянчить свою малютку на рукахъ. Наконецъ, дѣвочка стала на ноги. Долоресъ уже была въ то время совсѣмъ дѣвушкой и сдѣлалась самой нѣжной матерью своей сестры.

Но наступила пора своей собственной жизни, она стала посѣщать балы и собранія. Во время карнавала рядилась и веселилась. Затѣмъ... случился эпизодъ, о которомъ Долоресъ не хотѣла вспоминать, но подробности котораго врѣзались кровавыми буквами въ ея памяти и сердцѣ.

Это была любовь, очень скоро миновавшая, увлеченіе, позоръ и обманъ... Въ сущности самая обыкновенно и часто случающаяся исторія. Болѣзнь довела ее до нищеты; слабый и болѣзненный плодъ любви Долоресъ зачахъ и вскорѣ умеръ, заразивъ сильнѣйшимъ кашлемъ четырехлѣтнюю កончу. У Долоресъ не было времени оплакивать своего ребенка, надо было ухаживать за сестрой, заботиться о ея выздоровленіи. А въ карманѣ не оставалось ни сантима, пришлось заложить послѣдніе башмаки и мантилью. Она не забыла, какъ разъ вечеромъ, съ головы до ногъ дрожа отъ холода, она вышла въ церковь святаго Ефрема помолиться святой Virgen del Amparo. Въ исповѣдателѣ находился патеръ. Она подошла, исповѣдывалась ему во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Ей сразу стало легче на душѣ. На другой день ее навѣстили два брата изъ монастыря San Vicente de Paul; въ концѣ недѣли ей уже принесли хорошаго хлѣба, шоколада и мяса; затѣмъ отправили Кончу въ домъ къ одной молочницѣ, жившей въ двухъ лье отъ Маринеды, тамъ она могла хорошо питаться и дышать свѣжимъ воздухомъ. Черезъ мѣсяцъ дѣвочка совсѣмъ поправилась отъ своего опаснаго кашля. Долоресъ обожала ее; она только и думала, что объ этомъ маленькомъ созданіи. Она рѣшила порвать все съ прошлымъ и всю посвятить себя Кончѣ. Она возненавидѣла мущинъ. Въ началѣ она исповѣдывалась каждый день, затѣмъ каждое воскресенье. Она уже не нуждалась въ помощи братства и отказалась отъ нея. Ей оставалась нрав-

ственная поддержка монастыря и рекомендаціи, въ силу которыхъ она никогда не сидѣла безъ работы. Она любила больше работать въ домахъ, чѣмъ въ мастерскихъ, потому что тамъ кормили Кончу на кухнѣ и даже просили приводить съ собой этого хорошенькаго ребенка.

Когда Конча выросла и уже научилась работать, необходимо было снова вернуться въ мастерскія, такъ какъ трудно было надѣяться, чтобы въ домѣ могли понадобиться двѣ портнихи сразу, а Долоресъ скорѣй готова была отдать руку на отсѣченіе, чѣмъ разстаться съ своей красавицей-сестрой. Довольно того, что она сама несчастна, а на Кончу не долженъ дуть даже ни малѣйшій вѣтерокъ; она готова была защищать ее до послѣдней капли крови. А защищать дѣвушку было не легко въ Маринедѣ, гдѣ прикащики, чиновники и синьорито на каждомъ шагу преслѣдовали хорошенькихъ дѣвушекъ. Долоресъ особенно боялась синьорито; почему они не занимаются особами своего общества? Столько есть синьоритъ безъ жениховъ, а мущины и не думаютъ объ этомъ и занимаются какими-то глупостями. При воспоминаніи о томъ, что случилось съ ней самой, она дрожала отъ негодованія. Сколько хорошихъ, честныхъ работницъ гибнутъ при первомъ увлеченіи и остаются несчастными на всю жизнь! А вѣдь многія изъ нихъ должны содержать цѣлую семью... Просто жалко смотрѣть. Роскоши Долоресъ боялась больше всего на свѣтѣ. Всѣ эти балы, дорогіе туалеты, увеселенія карнаваловъ выводили ее изъ себя. Ну, гдѣ дѣвушкѣ, зарабатывающей песету и пять реаловъ въ день, шить себѣ дорогія платья? Ясно, что остается днемъ заниматься одной работой, а ночью другой... Несчастныя созданія...

Но всѣ эти соображенія Долоресъ не примѣняла къ своей сестрѣ; интереснѣе всего было то, что, думая такъ, она старалась, чтобы Конча была одѣта какъ можно лучше. Это было въ старшей сестрѣ какъ бы тщеславіемъ любящей матери, желающей видѣть нарядной свою хорошенькую дочку. По этому поводу Долоресъ получила выговоръ отъ своего проповѣдника, стараго іезуита, который говорилъ ей:

— Если ты сама развиваешь такіе вкусы въ своей сестрѣ, то какъ же ты хочешь, чтобы она не причинила тебѣ въ будущемъ огорченія? Не внѣдряй въ нее такихъ опасныхъ привычекъ. Вспомни твою собственную жизнь.

Опасныхъ привычекъ! Долоресъ пріучила свою сестру уже

давно ко всему изящному, давно, со времени своего *несчастія*, и теперь ее ужасала мысль одѣть въ грубое платье красивую фигуру Кончи. Она готова была рѣже исповѣдываться, лишь бы не отказаться отъ своего невиннаго материнскаго тщеславія.

За Кончей легко было смотрѣть, она никуда не хотѣла выходить одна и даже баламъ, этимъ страшнымъ баламъ, она предпочитала театръ, ея единственную страсть. Она два раза была въ водевилѣ, на третьей скамейкѣ балкона, и молодая дѣвушка была внѣ себя отъ восторга. Вернувшись домой, она помнила наизусть всѣ стихи и монологи. Это увлеченіе не изъ опасныхъ, но оно-то и было камнемъ, о который споткнулась Конча.

Уже много лѣтъ Долоресъ работала въ одномъ домѣ, барыня была двоюродной сестрою старшины клуба прикащиковъ, наиболѣе посѣщаемаго клуба въ Маринедѣ. Подъ предводительствомъ стараго бывшаго актера было основано общество декламаціи, члены котораго играли въ клубѣ маленькія пьески. Мужской персоналъ былъ не дуренъ, но изъ женщинъ положительно ни одна не умѣла порядочно играть. Когда узнали о драматическихъ стремленіяхъ Кончи, то въ домѣ старшины клуба составился маленькій заговоръ; уговорили Долоресъ позволить Essays Кончѣ принять участіе въ нѣкоторыхъ пьескахъ.

Отсюда возникло новое недовольство исповѣдника, который упрекалъ Долоресъ за слабость. Она, низко склонивъ голову, сознавала всю свою вину. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ этими представленіями, въ жизни обѣихъ сестеръ воцарился какой-то безпорядокъ; онѣ просиживали цѣлыя ночи за работой, отдѣлывая разныя платья для сцены. Конча только и думала о томъ, какъ бы получше выучить свою роль; на репетиціи ее всегда провожала Долоресъ, но ей не легко было стоять за кулисами среди всей этой массы незнакомыхъ людей, окружавшихъ ея сестру. Разъ вечеромъ, вернувшись домой, Конча вынула изъ кармана сложенный листъ почтовой бумаги и, развернувъ его передъ сестрой, спокойно сказала ей.

— Посмотри-ка!

Долоресъ, вся блѣдная, взяла письмо дрожащими пальцами. Это было объясненіе въ любви, изложенное въ напыщенныхъ фразахъ, взятыхъ, вѣроятно, изъ любовнаго письмовника, такъ какъ тутъ были и „вулканы, горящіе въ сердцѣ“, и „любовное пламя“, и многое другое въ этомъ родѣ. Долоресъ обратила особенное вниманіе на конецъ письма, гдѣ говори-

лось, что авторъ его готовъ жениться и полонъ самыхъ чистыхъ намѣреній. Она съ облегченіемъ вздохнула. По крайней мѣрѣ это писалъ не синьорито, а такой же ремесленникъ, какъ и онѣ, и это могло кончиться бракомъ. А выдать Кончу замужъ за хорошаго человѣка—это, по словамъ патера, долгъ Долоресъ. Она подумала, что ей слѣдуетъ все-таки немножко разсердиться, и воскликнула:

— Когда же это тебѣ преподнесли это письмо?

— Сегодня .. Когда я шла въ гардеробную, тамъ, за декораціей онъ и передалъ мнѣ его.

— Какой храбрецъ! А ты что ты ему сказала?

— Я... что же мнѣ было ему сказать? онъ просилъ моего отвѣта, и я сказала, что поговорю сначала съ тобой.

— Хорошо, хорошо; въ этихъ вещахъ прямота прежде всего, прошептала Долоресъ, вполнѣ удовлетворенная.

Долоресъ была внѣ себя отъ восторга. Она разсказала обо всемъ патеру, узнала всѣ подробности о молодомъ человѣкѣ—это оказался искусный столяръ-краснодеревецъ, не женившійся до сихъ поръ потому, что хотѣлъ завести собственную мастерскую мебели. Онъ не былъ ни игрокъ, ни пьяница, не имѣлъ никакихъ любовныхъ исторій. Жилъ онъ со своей старушкой матерью. Вѣрно святая Virgen del Amparo услышала молитвы Долоресъ. Многія стараются выйти за синьорито, чиновниковъ, но къ чему все это, для того только, чтобы быть обманутой, какъ она была.

— Каждый сверчокъ, знай свой шестокъ, спокойно говорилъ ей патеръ. Только... При всѣхъ хорошихъ качествахъ жениха, надо за нимъ присматривать. Ты должна не терять ихъ изъ виду до той минуты, пока церковь не благословитъ ихъ союзъ. Ну, это для Долоресъ не трудно. Никогда еще она не слѣдила такъ за сестрой. Молодые люди встрѣчались при выходѣ изъ мастерской, по окончаніи работы. Онъ провожалъ сестеръ до ихъ дома. Они видались также въ клубѣ, въ дни представленій и репетицій, но только не надолго, потому что Долоресъ не желала, чтобы ихъ всѣ видѣли. Люди такъ злы и завистливы! Дома, лежа теперь въ своей кровати, Долоресъ думала о днѣ свадьбы, о днѣ полнаго спокойствія, такъ какъ тогда сестры будутъ брать работу на домъ. Когда-то наступитъ этотъ счастливый день!

Въ то время, какъ старшая сестра мечтала о чужой свадьбѣ, мысли самой невѣсты были далеко отъ этого предмета. Мо-

лодость живетъ настоящимъ или самымъ близкимъ будущимъ. Выйти замужъ,—ба! Конечно, она выйдетъ замужъ, но зачѣмъ торопиться? Важно то, что предстоитъ ей завтра или, вѣрнѣе сказать, сегодня—такъ какъ уже разсвѣтаетъ. Какъ жаль, что именно теперь, въ самую спѣшную пору работы, когда приближается пора карнаваловъ, баловъ и вечеровъ, когда надо шить такую массу маскарадныхъ костюмовъ, именно теперь, въ клубѣ купеческомъ назначено большое представленіе. Будутъ давать „Consuelo“, прекрасную вещь, по мнѣнію дона-Мануеля Гормасъ, распорядителя театра; она играетъ въ этой пьесѣ главную роль, которая, какъ говорилъ ей синьоръ Гормасъ, достойна настоящей артистки... Артистка! какъ хорошо звучитъ для Кончи это слово! Быть артисткой значитъ принадлежать къ аристократическому обществу, гораздо болѣе высшему, чѣмъ простая портниха. Она помнитъ, какъ въ дни бенефисовъ артистокъ, изъ галлерей летѣли цвѣтные листки со стихами; на этихъ листкахъ было написано „знаменитой артисткѣ Фуляно“ или извѣстному артисту Менгана, затѣмъ сыпались цвѣты и подарки. Артистка! Конча нѣсколько разъ въ постели повторяла это слово.

Какъ она исполнитъ свою роль? Вдругъ, она сконфузится? Вдругъ, она забудетъ стихи? Съ ней никогда этого не случалось; это правда, что при выходѣ на сцену у ней страшно билось сердце, но она тотчасъ же находила весь свой апломбъ. Конечно, теперь дѣло совсѣмъ иное; пьеса была въ трехъ актахъ, а она раньше играла только самыя незначительныя роли. Бенефиціантъ былъ сынъ чиновника, всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго въ Марпнедѣ; онъ разослалъ повсюду массу билетовъ, такъ что театръ будетъ полонъ. Все-таки съ ея стороны это большой рискъ. А костюмы! въ „Consuelo“ она должна была три раза переодѣваться, и все въ элегантныя платья, а въ послѣднемъ актѣ даже должна выходить декольтированная. Сколько труда стоило достать эти костюмы! Если бы жена старшины клуба не была такъ добра и любезна, то Конча не знала бы, что и дѣлать. Къ счастью, у этой синьоры нашлось все, начиная съ бѣлыхъ ботинокъ и кончая искусственными цвѣтами и браслетами. Конечно, все это было довольно потерто, пришлось почистить, помыть, освѣжить... И теперь далеко не все еще было готово; оставался только одинъ день, а она не могла не идти въ мастерскую и должна была присутствовать на главной репетиціи. Нѣтъ возможности, чтобы времени хватило для всего

этого. Если бы эта противная лампа не потухла, платье было бы уже готово. Какъ онѣ должны будутъ торопиться завтра! Кажется, уже совсѣмъ разсвѣло? Тутъ Конча почувствовала, что ей холодно, и закуталась въ одѣяло. Ея глаза незамѣтно закрылись, и она съ наслажденіемъ заснула.

Едва только сладкій сонъ овладѣлъ ею, какъ ее безжалостно разбудили. Яркій свѣтъ пробивался въ окно, и Долоресъ, уже въ капотѣ, кроила что-то и звала сестру помогать ей. Конча полуоткрыла заспанные глаза и опять закрыла ихъ. Надо было снова будить ее; она неохотно приподнялась и стала надѣвать туфли.

Она была необыкновенно хороша въ эту минуту. Сорочка слегка спустилась съ бѣлыхъ плечъ, бѣлокурые волосы разметались завитками по всему лицу, сквозь полуоткрытыя крупныя губы блестѣлъ рядъ жемчужныхъ зубовъ. Большіе заспанные глаза были очаровательны.

Для того, чтобы окончательно проснуться, Конча должна была умыться холодной водой. Долоресъ между тѣмъ подмела комнату, затопила печку, развела очагъ и вскипятила молоко для шоколада. Конча одѣлась и съ большимъ усердіемъ принялась за работу. Около окна на старомъ диванѣ была разложена ихъ вчерашняя работа. Конча подошла къ неизмѣнному другу модистки, швейной машинѣ, подлила въ нее масла, вычистила и начала шить. Долоресъ подошла къ ней и сказала:

— Ты кончай лифъ, а я буду шить юбку.

Скоро было готово чудное, бальное платье. Оно было изъ голубовато-зеленоватаго газа и, благодаря искусной фантазіи Кончи, казалось совсѣмъ новымъ. Швейная машина поминутно то стучала, то останавливалась. Долоресъ пришивала послѣдніе крючки. Оставалась только мелкая отдѣлка. Къ стѣнкѣ были приколоты длинныя бѣлыя перчатки, съ которыхъ Конча всѣми силами старалась вывести бѣлымъ хлѣбомъ темныя пятна. Вдругъ Конча ударила себя по лбу.

— Что съ тобой?

— А чулки? мы и забыли про чулки!

— Такъ что жъ, надѣнь бѣлые.

— Что ты! Да они совсѣмъ мокрые!

— Я ихъ сейчасъ высушу.

— Нѣтъ, ихъ надо лучше вымыть и потомъ высушить, къ вечеру они будутъ готовы.

Въ то время какъ Долоресъ возилась съ чулками, Конча, зашивая палецъ на перчаткѣ, спросила себя вслухъ.

— Дѣлаютъ ли все это другія актрисы въ день представленій?

— Нѣтъ, милая, прошептала Долоресъ. У нихъ заранѣе все готово.

— Какія онѣ счастливыя! Какъ бы я была рада, еслибъ могла повторить свою роль!

— Такъ не торопись, теперь еще только половина девятаго. Ахъ, когда это кончатся всѣ эти театры! У меня голова кружится отъ всѣхъ этихъ платьевъ.

Имъ оставалось еще много дѣла; но время шло, и надо было идти въ мастерскую. Онѣ рѣшили, что въ то время, какъ Конча пойдетъ на репетицію, Долоресъ вернется домой, окончитъ работу и принесетъ костюмы въ клубъ, гдѣ Конча будетъ ее дожидаться. Это было въ первый разъ, что она рѣшилась пустить Кончу одну.

— Что дѣлать, милая, воскликнула Конча. Я надѣюсь, что по дорогѣ изъ мастерской въ клубъ никакая собака меня не укуситъ.

— Я боюсь не четвероногихъ собакъ, а двуногихъ, прошептала Долоресъ. Такъ будь осторожна. Слышишь? Если Романъ придетъ тебя проводить—то скажи, ему чтобы онъ шелъ домой или ждалъ тебя въ клубѣ.

— Хорошо, хорошо.

Очень думала она о Романѣ! Весь день сидя въ мастерской повторяла она свою роль. Донъ-Мануель Гормасъ сказалъ ей, что надо сосредоточиться, *вложить душу* въ нѣкоторыя сцены. Вложить душу... Что это, громко кричать что-ли? Нѣтъ, тогда надъ ней будутъ смѣяться. Или быть можетъ она должна съ особенной граціей произносить каждое слово? Нѣтъ, и это не такъ. Она припоминала голосъ и манеру актрисы, игравшей въ прошломъ году „Consuelo“ въ Большомъ театрѣ. Какъ жаль, что она не можетъ припомнить слово въ слово ея тонъ. Если бы она знала тогда, что ей придется играть эту роль! Въ то время какъ она дѣлала складки на лифѣ или примѣряла патронъ на манкенѣ, она повторяла про себя монологи, совсѣмъ не подходящіе къ этой рабочей комнатѣ.

Выйдя изъ мастерской, обѣ сестры разошлись въ разныя стороны. Конча шла торопливо и разсѣянно, когда вдругъ кто-то подошелъ къ ней.

— Maria Sanctissima... какъ ты меня испугалъ!

Женихъ ласково улыбнулся и оглянулся по сторонамъ. Замѣтивъ, что Конча шла одна, на его лицѣ выразилось изумленіе. Онъ выказалъ свое удивленіе, спросивъ:

— А Долоресъ? что это за чудо?

— Она не могла сегодня идти со мной... У нея дома есть работа. Она придетъ послѣ.

Романъ не огорчился, услышавъ это, и пошелъ рядомъ съ Кончей по Главной улицѣ, гдѣ магазины начинали уже закрывать свои окна и двери. Конча вдругъ обернулась къ нему:

— Слушай уйди, уйди... Я и забыла, тебѣ нельзя сегодня провожать меня.

— Почему это, милая?

— Потому что я иду одна. Долоресъ запретила мнѣ это.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ онъ, уже разсерженный, и наткнулся на фонарщика, тушившаго газъ.—Это мнѣ нравится. Этого еще не доставало! Не говори глупостей, я тебя провожу. Съ какой стати ты будешь разсказывать объ этомъ твоей сестрѣ?

Конча смотрѣла на него съ удивленіемъ, замѣтивъ, что онъ въ сюртукѣ. Это былъ подержаный черный сюртукъ, плохо сидѣвшій и весь въ складкахъ; видно было, что онъ долго лежалъ, спрятанный въ сундукѣ; тѣмъ не менѣе черное сукно и бѣлая сорочка очень шли къ нѣсколько грубоватой и мужественной фигурѣ Романа. Онъ былъ очень интересенъ собой съ темной бородкой и мужественными руками. Конча улыбнулась.

— Почему это ты сегодня такой элегантный?

— Развѣ ты не знаешь, что я пою въ Орфеонѣ? Вчера мы весь вечеръ разучивали новую баркароллу.

Она нагнула голову, припомнивъ это; вдругъ она вспомнила о томъ, что̀ скажетъ Долоресъ.

— Ступай, ступай... Я не хочу получать изъ-за тебя выговоры.

— Ты хочешь, чтобы я ушелъ? Что жъ, бѣги, только это будетъ очень смѣшно, сказалъ онъ презрительно.—Мы уже полгода женихъ и невѣста и до сихъ поръ не могли и четверти часа поговорить съ глазу на глазъ.

Увидя, что онъ разсердился, Кончѣ стало жаль его, и она позвала его.

— Ну хорошо, но только объ этомъ не надо разсказывать, не правда ли?

Они опять пошли вмѣстѣ, онъ вполнѣ довольный, а она съ нѣкоторой гордостью въ глубинѣ души, такъ какъ ее провожалъ женихъ въ сюртукѣ, и его можно было принять за синьорито. Они молчали, удивленные этимъ новымъ положеніемъ, и вышли на Главную улицу, которая теперь была пуста. Было холодно. Голыя деревья и потухающіе фонари обрисовывались на зимнемъ пейзажѣ; какой-то прохожій толкнулъ Кончу, она позвала своего спутника:

— Романъ? что съ тобой?

Онъ дѣйствительно казался задумчивымъ. Нѣсколько рѣзкимъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Ничего.

— Ничего, а идешь повѣся носъ, какъ сова. Что же тебѣ нравится быть такимъ?

— Я не имѣю никакой причины быть такимъ довольнымъ сегодня, какъ ты.

— А я, чѣмъ же это я должна быть такъ довольна сегодня?

— Тѣмъ, что будешь блистать на подмосткахъ.

Молодая дѣвушка расхохоталась.

— Не смѣйся... угрюмо сказалъ онъ.—Сдѣлай одолженіе, не смѣйся, потому что я вовсе не шучу.

— Но почему же мнѣ не смѣяться! Ты сердишься оттого, что я буду играть. Да вѣдь самъ же ты идешь пѣть въ Орфеонъ. Полно,—прибавила она, увидя разстроенное лицо Романа,—не будь такимъ скучнымъ; ты знаешь, что я приняла участіе въ этомъ спектаклѣ для того, чтобы доставить удовольствіе старшинѣ клуба и синьору Гормасъ. Мнѣ самой это не легко, я не спала почти цѣлыхъ три ночи, и еслибы...

— Да, да, ты говоришь одно, а думаешь другое! Еслибы тебѣ это не нравилось, ты бы не выходила на показъ людямъ; да, не выходила бы.

— Ты хочешь меня сегодня непремѣнно разстроить? Въ такомъ случаѣ я бы могла идти одна.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ болѣе мягко,—избави меня Богъ отговаривать тебя, дѣлай какъ хочешь; но только я долженъ предупредить тебя.

— Посмотримъ, что такое.

— Когда мы женимся...

— Ну вотъ!

— Когда мы женимся, повторилъ онъ съ бо̀льшей твердостью,—я ни за что на свѣтѣ не соглашусь, чтобы ты играла на сценѣ. Ты поняла меня?

— Хорошо... Пока еще это случится...

— Что такое?

— Да наше супружество...

— Это все равно, когда бы ни случилось. Я хочу пріучить тебя заранѣе къ этой мысли. Мнѣ не нравится, да и никакому человѣку, горячо любящему женщину, не могутъ нравиться всѣ эти разговоры, идущіе о ней въ креслахъ, ложахъ и балконахъ. Вѣдь всѣ эти синьорито ровно ничего не понимаютъ, а туда же толкуютъ.

— Что же они говорятъ? спросила заинтересованная Конча.

— Тысячу глупостей... Что то-то у тебя хорошо, а то не хорошо... Да нечего объ этомъ говорить! Я способенъ буду сдѣлать какую-нибудь глупость...

Конча сильно покраснѣла и склонила голову, но потомъ она разсердилась.

— А какое тебѣ дѣло до того, что говорятъ? Оставь ихъ въ покоѣ!

— Еслибы говорили о другой, мнѣ не было бы до этого дѣла, но о тебѣ... которую я также люблю, какъ мою мать!

Онъ такъ искренне и горячо произнесъ эту фразу, что Конча почувствовала себя смущенной, и нѣжно и любовно взглянула на него. Они шли по городскому саду; кругомъ была полнѣйшая темнота и тишина, только вѣтеръ покачивалъ вѣтви деревъ. Конча оперлась на руку своего жениха. Ея рука ударилась о что-то твердое подъ его сюртукомъ.

— Что у тебя тамъ? спросила она.

— Ничего.

— Какъ ничего, когда тамъ лежитъ что-то вродѣ куска жесткаго хлѣба!

— Ахъ, милая, это тебя не касается!

— Нѣтъ, я хочу непремѣнно знать.

Онъ съ неудовольствіемъ вынулъ изъ кармана круглый предметъ; металлическіе лавровые листья съ бѣлыми цвѣтами были соединены между собой золотымъ ободкомъ. Несмотря на темноту, Конча увидѣла, что это была корона.

— Что это? спросила она, въ веселомъ смущеніи.

— Ты видишь...

— Корона... А для кого?

— Для кого же она можетъ быть?

— Для меня? Какой сумасшедшій! Зачѣмъ же ты ссорился, прежде чѣмъ мнѣ ее преподнести?

— Это совсѣмъ другое дѣло... Меня возмущало, что въ прошлый бенефисъ поднесли огромную корону этой глупой Розаліи, а тебѣ, такъ какъ ты имѣла маленькую роль, какой-то жалкій букетъ цвѣтовъ. И я подумалъ: „нѣтъ, если она будетъ другой разъ играть, то она не останется безъ короны, моя дорогая Конча". Я не хочу, чтобы ты не получила то, что ты заслуживаешь... Вотъ и все.

— Благодарю тебя... Очень благодарю тебя, сказала она ласково, сильнѣе опираясь на поддерживавшую ее руку.

Онъ нѣжно посмотрѣлъ на нее и затѣмъ обернулся кругомъ. Въ саду не было ни души.

— Конча?

— А?

— Ты меня любишь?

— Да, милый, да!

— Ты не разсердишься, если я попрошу тебя объ одной вещи?

— О какой?

— Поцѣлуй меня...

Конча отдернула отъ него свою руку и отскочила. Ей показалось, что въ шумѣ деревьевъ и журчаньи фонтана слышится голосъ Долоресъ... И, закрывъ лицо руками, она проговорила дрожавшимъ голосомъ:

— Это нѣтъ... Успокойся... Это нѣтъ...

— Нѣтъ,—значитъ, ты не любишь... Не кричи такъ, а то подумаютъ, что я тебя убиваю.

Онъ снова предложилъ ей руку, на которую она застѣнчиво оперлась; но, видя его огорченное лицо и опущенную голову, она оперлась сильнѣе. Ее охватило необыкновенное любопытство къ этому поцѣлую, въ которомъ она ему отказала. Имъ оставалось уже нѣсколько шаговъ до выхода изъ сада; впереди виденъ былъ освѣщенный подъѣздъ клуба. Она слегка склонила голову на плечо Романа, и онъ, быстрымъ движеніемъ высвободивъ свою руку, обнялъ ее за талію и поцѣловалъ въ щеку горячимъ поцѣлуемъ. Конча почувствовала, какъ огонь разлился по ея жиламъ и въ то же время сладкая истома охватила все ея существо.

Твердымъ шагомъ вышли они изъ сада. Онъ сіялъ сча-

стіемъ, а она была смущена и дрожала. Еслибы Долоресъ подозрѣвала это! Руки у нея похолодѣли, она не могла говорить отъ волненія. Она не знала почему, но теперь ея женихъ казался ей какъ-то привлекательнѣе, и въ то же время она его немножко боялась. Она взглядывала на него исподлобья, какъ-будто раньше не успѣла его разсмотрѣть. Когда они были уже совсѣмъ близко отъ клуба, Романъ наклонился къ ней, а она инстинктивно отклонилась.

— Слушай, Конча, завтра я, быть можетъ, скажу тебѣ важную новость...

— Какую?

— Нѣтъ, теперь не могу... Потому я и не хотѣлъ раньше начинать. Я скажу завтра... Да, слушай, чтобы не забыть: говорятъ ты нынче должна выходить въ открытомъ платьѣ.

— Да, милый... Въ послѣднемъ актѣ.

— Такъ не смѣй этого дѣлать... У тебя долженъ быть высокій воротъ... Я не хочу, чтобы другіе любовались тобою.

— Господи! воскликнула она.

Въ десяти шагахъ отъ подъѣзда она выдернула у Романа руку и быстро, быстро пошла впередъ, прошептавъ ему:

— До свиданія!

Она вошла въ зданіе клуба. Въ залѣ было еще темно, и сторожъ подметалъ окурки папиросъ и обрывки ролей. На аванъсценѣ горѣла лампа и нѣсколько маленькихъ свѣчей, приготовленныхъ для того, чтобы зажигать остальныя лампы. Конча шла по полутемному корридору, когда синьоръ Гормасъ вышелъ ей на встрѣчу и, ласково пожавъ обѣ ея руки, проговорилъ:

— Здравствуйте, Кончита, здравствуйте. Добро пожаловать, дитя мое. Что̀ такое? что̀ случилось? Мы забыли нашу роль? Не безпокойтесь, это ничего.

— Мнѣ кажется, что я хорошо знаю мою роль, сказала Конча, снимая свою мантилью.—Здравствуйте, прибавила она, обращаясь къ двумъ женщинамъ, сидѣвшимъ на диванѣ и повторявшимъ вполголоса свои роли.

— Добрый вечеръ! отвѣтили онѣ не особенно ласково.

Гормасъ слегка сдвинулъ брови и, повернувшись къ актрисамъ, сказалъ:

— Отдохните немножко, пока придутъ кабальеро. Они всегда приходятъ послѣдними.

И отозвавъ Кончу въ темный уголъ, онъ прошепталъ ей, какъ бы по секрету:

— Сегодня надо отличиться, Кончита! Надо очень отличиться. Развѣ вы ничего не слышали?

— Я слышала, что будетъ много народу.

— Народу,—ба! Это тѣмъ лучше. Нѣтъ, дѣло въ томъ, что знаменитый Хуанито Эстрелла, который сегодня не участвуетъ въ спектаклѣ на королевской сценѣ, написалъ мнѣ, что онъ будетъ у насъ. Да, вы будете играть передъ знаменитымъ актеромъ, передъ нашей гордостью!

Конча нѣсколько испугалась, услышавъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовалась. Она видѣла Эстреллу, знала, что онъ знаменитый актеръ и директоръ большаго театра. Она слышала многочисленныя похвалы ему и сама была отъ него въ восторгѣ. Какъ неподражаемо умѣлъ онъ плакать! Какъ дивно игралъ умирающихъ и мертвыхъ! Какая у него чудная мимика! И вдругъ она будетъ играть передъ нимъ!

Эту послѣднюю фразу она произнесла вслухъ. Гормасъ засмѣялся, закашлялся по обыкновенію и сказалъ:

— Полноте, полноте, дитя мое! Эстрелла образованъ и уменъ, слѣдовательно, и снисходителенъ; онъ самъ начиналъ также съ маленькихъ сценъ и еще былъ студентомъ, когда поступилъ въ театръ, нечего бояться. А вотъ ужь и съѣзжаются; посмотримъ, какъ сойдетъ репетиція.

И онъ вывелъ Кончу на средину сцены, гдѣ уже собралось нѣсколько актеровъ, разговаривающихъ съ актрисами: Розаліей Коньялесъ и Юліей Марке. Увидя Кончу, мущины ей низко поклонились. Всѣ обступили Гормаса, который махалъ руками вправо и влѣво, желая возстановить порядокъ.

— Донъ-Маноло, развѣ можно такъ стоять? Начинаемъ, синьоры, начинаемъ! На репетиціяхъ нѣтъ надобности кричать во весь голосъ. Піано, піаниссимо!

Суфлеръ началъ читать роли безъ остановки и выраженія; актеры повторяли ихъ, развалясь на стульяхъ и заложивъ руки въ карманы. Актрисы говорили, не двигаясь съ дивана. Гормасъ осторожно взялъ ихъ за руки.

— Милыя, да двигайтесь же немножко.

— Такъ же, какъ потомъ, когда будемъ играть при поднятомъ занавѣсѣ?

— Нѣтъ не такъ, не такъ! Немного; если дѣйствіе идетъ стоя, то вставайте. А вы, кабальеро, не возвышайте такъ го-

лоса, вѣдь теперь васъ не слушаетъ публика. Вы увидите, что потомъ вамъ придется почти кричать, потому что вы сами не разслышите собственнаго голоса. Вы теперь должны беречь ваши силы... Кабальеро Лопесъ, кому вы это разсказываете. двери или этой синьоритѣ?

Всѣ засмѣялись. Гормасъ во время репетиціи всегда былъ нервенъ, пыхтѣлъ, кашлялъ отъ усталости и поминутно прикладывалъ платокъ къ влажному лбу. Онъ хотѣлъ разгорячить эти неподвижныя статуи, зажечь въ нихъ артистическій огонекъ. Цѣлыхъ полчаса онъ проповѣдывалъ, бѣгалъ по сценѣ изъ угла въ уголъ. Декламировалъ каждую роль, желая одному придать трагическое выраженіе, другому выраженіе негодованія, ироніи или презрѣнія. Его душила астма, ноздри широко раздувались и, полумертвый отъ усталости, онъ опустился на диванъ, говоря.

— Продолжайте... продолжайте...

Гормасу было уже за шестьдесятъ лѣтъ; онъ принадлежалъ къ фалангѣ старыхъ актеровъ, которые любятъ искусство больше всего на свѣтѣ и готовы умирать съ голоду и холоду, лишь бы быть полезными театру. Театръ въ клубѣ былъ дѣтищемъ Гормаса. Здѣсь всѣ его любили за его ласковый характеръ и скромную жизнь. Онъ всегда былъ со всѣми ровенъ.

Въ вечеръ представленія „Consuelo“ съ Гормасомъ случилось что-то странное. Онъ, всегда такой внимательный ко всѣмъ, теперь ни на кого не обращалъ вниманія и только заботился о томъ, чтобы Конча какъ можно лучше знала роль. Другія актрисы сразу замѣтили это. Юлія Марке, игравшая роль Антоніи, была высокая и неподвижная каталонка, дочь купца; Розалія Коньялесъ—плоская и неповоротливая дѣвушка—говорила свою роль выпуча глаза и поминутно закрываясь вѣеромъ; онѣ были въ восторгѣ отъ своихъ трагическихъ и комическихъ ролей и поминутно приставали къ Гормасу съ разными вопросами и разъясненіями. Замѣтивъ, что онъ мало обращаетъ на нихъ вниманія, онѣ стали перешептываться, поглядывая на Кончу.

— Какъ глупа и какъ напыщенна! Она забрала себѣ главную роль и важничаетъ! Сегодня она выйдетъ разряженная, а завтра повѣнчается съ какимъ-то жалкимъ столяромъ и будетъ на щепкахъ разогрѣвать ему супъ.

И обѣ актрисы сдѣлали презрительные жесты, какъ бы же-

лая доказать, что онѣ никогда не выйдутъ замужъ за такого ничтожнаго человѣка.

— Еще Богъ знаетъ, выйдетъ ли она за него, прошипѣла одна изъ актрисъ.

— Нѣтъ, ты посмотри на синьора Гормаса! Онъ только и знаетъ, что учитъ ее, какъ-будто она должна удивить собою весь міръ.

И дѣйствительно Гормасъ не отходилъ отъ Кончи.

— Кончита, подымите эту руку. Милая, повторите эту фразу. Нѣтъ не такъ, немножко больше энергіи. Эту сцену надо провести живѣе... Вы должны встать, повернуться и опять сѣсть, высказавъ нѣкоторое сомнѣніе. Посмотримъ, какъ вы напишете это письмо? Хорошо, хорошо. Такъ вы должны сдѣлать и потомъ. Смотрите не забудьте.

Конча также была удивлена этимъ исключительнымъ вниманіемъ къ ней, и мало-по-малу ей началъ сообщаться энтузіазмъ Гормаса. Этому способствовали также ея женскій инстинктъ и видъ двухъ соперницъ, развалившихся на диванѣ и готовыхъ каждую минуту выцарапать ей глаза. Какой-то внутренній огонекъ затеплился въ ея душѣ, и, къ удивленію самой Кончи, ея голосъ звучалъ нѣжными и страстными нотами. Гормасъ, наблюдая эту благопріятную перемѣну, подливалъ масло въ огонь.

— Вы видите, что въ этомъ актѣ вы оскорблены. Оскорбленіе должно выражаться и въ движеніяхъ и въ лицѣ. Вашъ мужъ васъ обманулъ, вы не можете оставаться все такой же свѣжей.

Иногда, когда Кончѣ удавалось особенно хорошо произнести какую-нибудь фразу, она начинала смѣяться.

— Ахъ, Боже мой, донъ Маноло, я, кажется, ужь пересаливаю. Не правда ли?

— Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ! Здѣсь именно вы должны сказать такъ, какъ говорите, а въ первомъ актѣ вы должны казаться холодной и кокетливой. Очень хорошо, очень хорошо сказано! Теперь перейдемъ къ сценѣ со служанкой. Розалія, дитя мое, сдѣлайте мнѣ одолженіе...

— А? съ неудовольствіемъ проговорила Розалія.

— Теперь ваша сцена съ письмомъ.

— А-а! Вы требуете... Такъ какъ вы нами вовсе не занимались, то я и думала...

Гормасъ пожалъ плечами. Надо было торопиться, такъ какъ приближался часъ спектакля и уже нѣкоторые изъ музыкан-

товъ просовывали на сцену свои носы, желая послушать, что тамъ дѣлается. Послѣдній актъ пришлось нѣсколько сократить, но Конча знала наизусть роль, и онъ не боялся за нее. Въ концѣ онъ таинственно пожалъ ей руку и сказалъ:

— Такъ до свиданія, посмотримъ, какъ вы будете блистать.

Конча направилась въ гардеробную, гдѣ ее ждала уже ея сестра съ костюмами, и гдѣ Розалія и Юлія заняли все пространство передъ зеркаломъ, пудрясь и румянясь. Despite Кончѣ совсѣмъ не оставалось мѣста. Тогда Долоресъ сказала вслухъ:

— Милая, подойди же къ зеркалу, вѣдь ты еще не причесана.

Актрисы надменно отошли, какъ оскорбленныя королевы, и стали обуваться все съ тѣмъ же презрительнымъ видомъ. Кончѣ недолго было одѣться; ея молодость и красота не требовали прикрасъ. Ея глаза блестѣли, щеки были покрыты легкимъ румянцемъ. Вкалывая себѣ въ голову изящныя шпильки, она вспомнила поцѣлуй Романа и покраснѣла до корня волосъ. Какъ недолго онъ продолжался, этотъ поцѣлуй. Знала ли объ немъ Долоресъ? Но какъ она могла знать? Тутъ она вспомнила, что ей надо сосредоточиться и какъ можно болѣе думать о своей роли, иначе донъ Маноло будетъ недоволенъ ею.

Когда она выступила на сцену, сердце у нея билось по обыкновенію. Она не могла разсмотрѣть, кто сидѣлъ въ ложахъ и креслахъ, но знала, что тутъ собралось все избранное общество Маринеды. Она видѣла передъ собою рядъ женскихъ головъ, убранныхъ цвѣтами, а изъ креселъ на нее устремились бинокли, и въ шопотѣ голосовъ она услышала свое имя. У нея слегка закружилась голова и сдавило горло, когда она произнесла первыя фразы своей роли, но потомъ она вспомнила совѣтъ Гормаса и устремила на публику спокойный взглядъ. Ея глаза встрѣтились съ глазами Романа, который изъ первыхъ рядовъ креселъ ловилъ взглядъ своей невѣсты. Гормасъ, время отъ времени, просовывалъ между декораціей свою вспотѣвшую голову и дѣлалъ Кончѣ одобрительные жесты. Онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на одну изъ ложъ бенуара, которая до сихъ поръ была пуста.

Публика, конечно, не сразу оцѣнила Childs Кончу, хотя мущины и не сводили съ нея своихъ биноклей. По временамъ раздавался даже сдержанный смѣхъ и зѣвота. Въ самомъ дѣлѣ, приходилось смотрѣть то, что они могли видѣть вездѣ каждый день. И что-за обширная программа, Богъ мой! Три акта „Consuelo“, Орфеонъ, чтеніе стиховъ и водевиль! Это кончится не

ранѣе часа ночи. Конечно, они собрались сюда только, чтобы сдѣлать удовольствіе старшинѣ клуба. Что-за персонажи! Что-за манера одѣваться! Со сцены не слышно почти ни одного слова, и этотъ актъ тянется безъ конца. Только одна Consuelo говоритъ ясно, такъ что ее можно разслышать, но что-за неумѣлыя движенья!

Въ креслахъ также высказывали свое мнѣніе и похвалы красотѣ и симпатичному голосу Кончи, такъ что Романъ безпокойно двигался на своемъ мѣстѣ и обертывался по сторонамъ, точно его въ носъ кусала муха. Бѣдный женихъ вздохнулъ свободно только тогда, когда послѣ перваго акта упалъ занавѣсъ.

Конча шла по корридору, вмѣстѣ съ своей сестрой, въ гардеробную, чтобы переодѣться, когда женихъ подошелъ къ ней. Увидавъ его взволнованное лицо, она спросила его съ безпокойствомъ:

— Что случилось?

— Ничего, прошепталъ онъ, съ неудовольствіемъ замѣтя присутствіе здѣсь Долоресъ.

— Ты идешь одѣваться? спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, до свиданія, я тороплюсь, иначе другія займутъ мое мѣсто.

Гормасъ, увидя ее, сталъ торопить:

— Скорѣе, дитя мое, скорѣе.

Старый актеръ закурилъ папироску и въ нервномъ волненіи торопливыми шагами заходилъ по сценѣ. Онъ поминутно посматривалъ изъ-за занавѣса на пустую ложу. Наконецъ онъ сдѣлалъ радостный жестъ: дверь ложи отворилась, и въ ней показались два человѣка: одинъ среднихъ лѣтъ, черноволосый, съ подвижнымъ лицомъ, былъ главный комикъ Большаго театра; другой—старый, съ надменнымъ профилемъ, умнымъ и оживленнымъ лицомъ, на которомъ была видна иронія и сильная энергія, то былъ знаменитый актеръ Эстрелла. Какъ только Гормасъ увидалъ его, онъ какъ бомба влетѣлъ въ ложу.

— А, Манолито!

— Хуанито! Какъ я тебѣ благодаренъ, что ты пріѣхалъ. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы ты сегодня былъ здѣсь!

— Ну, вотъ ты меня видишь передъ собою. Я буду аплодировать твоей труппѣ, чтобы придать ей оживленіе.

Эстрелла улыбнулся; Гормасъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ну что? произнесъ Эстрелла. Есть у васъ что-нибудь хорошенькое посмотрѣть? Такъ эта дѣвушка очень хороша собой? Впрочемъ, я теперь устарѣлъ и въ красотѣ ничего не понимаю...

— Теперь я тебѣ ничего не буду говорить... Я вернусь въ антрактѣ.

И Гормасъ торопливо исчезъ.

Когда занавѣсъ былъ поднятъ, Эстрелла вынулъ изъ боковаго кармана сюртука бинокль, прочистилъ старательно стекла и сталъ смотрѣть на сцену. Появившаяся на ней женщина, Розалія Коньялесъ, вовсе не показалась ему красивой, даже наоборотъ; сдвинувъ брови, онъ спустилъ бинокль и сталъ смотрѣть впередъ, со скучающимъ видомъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, не подавая никакихъ признаковъ жизни. Въ это время вышла Конча.

Увидя ее, Эстрелла сказалъ равнодушно.

— Она не дурна, даже очень не дурна.

Но едва она произнесла нѣсколько первыхъ фразъ, какъ онъ торопливо протеръ свой бинокль и подвинулся на стулѣ, чтобы получше ее разсмотрѣть. Отъ вниманія онъ перешелъ къ живому интересу, высунулся за балюстраду ложи. Изъ другихъ ложъ стали съ удивленіемъ смотрѣть на него; изъ креселъ обернулись двѣ-три головы и затѣмъ, какъ бы движимая электрическимъ токомъ, чуть не вся зала стала смотрѣть въ его сторону. Не могло быть сомнѣнія, что его вниманіе было привлечено этой молодой дѣвушкой, игравшей главную роль. Но почему? развѣ она такъ хороша? Эстрелла когда-то считался большимъ поклонникомъ женскаго пола, онъ и теперь еще не такъ старъ. Трудно было представить себѣ, что ему нравится игра этой дѣвушки. Вѣдь такой знаменитый актеръ не можетъ не видѣть ея неловкихъ движеній. Конечно, она играетъ лучше другихъ, у нея слышно каждое слово. И говоритъ она не дурно, очень не дурно. Но почему онъ ею такъ восхищается? Всѣ сомнѣнія публики разсѣялись въ прахъ, когда Consuelo произнесла знаменитую фразу, смутившую Фернандо: „*Не будь неблагодаренъ*“... Эстрелла пробормоталъ сквозь зубы *браво* и громко зааплодировалъ. Съ минуту въ залѣ царило молчаніе, но вдругъ, со всѣхъ сторонъ раздались сначала тихія, затѣмъ шумныя рукоплесканія и звуки одобренія. Занавѣсъ упалъ.

— Вы видѣли? разговаривали зрители.

— О, эта дѣвушка много обѣщаетъ!

— Ужь если Эстрелла восхищается! А онъ видѣлъ на своемъ вѣку не мало знаменитыхъ актрисъ.

— Я говорилъ это въ первомъ же актѣ. Я не знаю, какъ вы раньше не обратили на нее вниманія.

— Полноте, полноте! Вы сторонникъ Юліи Марке и этой другой... какъ ее?

— Кто такая эта актриса? Говорятъ, модистка?

— Да, мои кузины ее знаютъ. Это модистка, но хорошаго поведенія.

— Это вѣрно!

Романъ, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, бросился за кулисы. Весь театръ говоритъ о его невѣстѣ! Эта неожиданная овація заставила его призадуматься. Что Конча можетъ недурно играть, онъ въ этомъ не сомнѣвался, но чтобы она имѣла такой блестящій успѣхъ, онъ этого никакъ не ожидалъ. Онъ подошелъ къ ней въ ту минуту, какъ она принимала поздравленія отъ сіяющаго радостью Гормаса. Увидя Романа, онъ воспользовался случаемъ, чтобы пойти въ ложу Эстреллы, и нашелъ его курящимъ сигару.

— Ну, что ты мнѣ скажешь, Хуанито? спросилъ онъ.

— Милый мой, гдѣ ты ее досталъ?

— Въ мастерской портнихи. О, я тебѣ скажу это не шлифованный брильянтъ.

— Да, пожалуй!

— Именно. Сегодня она только въ первый разъ работаетъ въ трехъактной пьесѣ. Прежде она играла одни водевили.

— И скажи мнѣ, ты давно ее учишь?

— Съ полгода, не больше, но... Я долженъ тебѣ сказать, что я почти ничему ее не научилъ. На сегодняшней репетиціи я далъ ей нѣсколько совѣтовъ, такъ какъ зналъ, что ты пріѣдешь.

— Но почему же это?

— Я тебѣ скажу. Видишь ли... и Гормасъ понизилъ голосъ и сталъ играть золотой цѣпочкой Эстреллы. Видишь ли, мое положеніе здѣсь нѣсколько трудное, понимаешь? Здѣсь всѣ желаютъ быть артистками и попасть въ газеты. Если я буду на эту обращать особенное вниманіе, то другія совсѣмъ заѣдятъ меня. Просто наказаніе! Ничего не подѣлаешь. У другихъ есть друзья въ обществѣ, есть связи. Ужь и сегодня онѣ вздулись на меня за то, что я прошелъ съ Кончей ея роль. Для того, чтобы дать ей эту главную роль, я долженъ былъ пуститься на хитрости и сказать, что Consuelo роль вовсе незначительная,

а что главныя роли здѣсь трагическая и комическая — матери и служанки. Какъ видишь, я долженъ поступать очень осторожно.

— Ты правъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ не зналъ, что и дѣлать. Ахъ, милый мой, въ переживаемыя нами времена, когда ты встрѣчаешь хоть сколько-нибудь подходящій персоналъ, надо имъ пользоваться, потому что, сказать по правдѣ, и это-то рѣдко случается... Что-за упадокъ! Нынче нѣтъ ничего, ничего и трижды ничего. Гдѣ вы нынче встрѣтите актера съ душой, какъ напримѣръ Ромео въ „Сюлливанѣ“? А что нынче за актрисы? Какія-то мяукающія кошки, которыя воображаютъ о себѣ Богъ знаетъ что! Вотъ въ наше время были Барбара и Теодора Ламадридъ и въ особенности Консепчіонъ Родригесъ, трагическая актриса... Ты помнишь Консепчіонъ Родригесъ?

— Еще бы не помнить! воскликнулъ Гормасъ, оживляясь. Я какъ сейчасъ ее вижу и слышу съ ея проникающимъ въ душу голосомъ. Скажи мнѣ, а ты не находишь сходства въ этой дѣвушкѣ съ манерою говорить Консепчіонъ?

— Я только-что хотѣлъ тебѣ сказать объ этомъ... Голосъ этой дѣвушки — это сокровище, которое можно великолѣпно обработать. Къ тому же у нея недурная фигура.

— О, да! воскликнулъ Гормасъ.

— Она красива, хотя въ сущности красота не особенно нужна актрисѣ. Очень часто и некрасивые люди имѣютъ большой успѣхъ. Вѣдь никто, напримѣръ, не скажетъ, что я красивъ?

Гормасъ и комикъ засмѣялись.

— За то какъ вы талантливы, сказали они въ одинъ голосъ.

— Я никогда не былъ лучше, чѣмъ вы видите меня теперь, но сколько разъ заставлялъ залу и плакать и смѣяться. Но эта дѣвушка кажется еще совсѣмъ ребенкомъ?

— Ей лѣтъ восемнадцать, девятнадцать, отвѣтилъ Гормасъ.

— Въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ сдѣлаться великой актрисой, она должна выступить въ роли ingénue. Такъ-то... Больдуенъ всю жизнь играла ingénue и была до крайности симпатична. А эта будетъ очаровательна, для нея будутъ писать роли. Ея молодость, ея красота, ея свѣжесть, все это соединенное съ талантомъ, сдѣлаетъ ее первой актрисой Испаніи.

Гормасъ улыбнулся и замѣтилъ, что онъ никогда не видѣлъ такого энтузіазма въ Эстреллѣ. Онъ побѣжалъ сообщить Кончѣ мнѣніе знаменитаго артиста и нашелъ ее совсѣмъ разстроенной. Въ началѣ антракта она поссорилась съ Романомъ. Теперь, въ

самый критическій часъ, онъ требовалъ, чтобы она вышла въ третьемъ актѣ съ закрытымъ воротомъ. Она не могла это сдѣлать, а онъ съ самымъ мрачнымъ видомъ заявилъ ей, что если она выйдетъ декольтированной, то между ними все кончено.

Когда Конча вошла въ гардеробную, глаза ея были полны слезъ. Долоресъ спросила ее о причинѣ огорченія, и она шопотомъ, машинально измявъ въ рукахъ букетъ камелій, разсказала ей все. Она была внѣ себя отъ огорченія и гнѣва. Это было первый разъ, что она поссорилась съ Романомъ. Долоресъ старалась ее успокоить.

— Милая, ты можешь надѣть платье Розаліи, которое она надѣвала въ первомъ актѣ. Я попрошу, чтобы она тебѣ его одолжила. Мущинамъ не нравятся эти открытыя платья—и они вполнѣ правы—это отвратительная мода.

— Ахъ, оставь, пожалуйста! воскликнула съ сердцемъ Конча.—Это совсѣмъ дуракъ какой-то! Онъ ничего не понимаетъ и туда же суется... Но онъ ошибается, вотъ я ему покажу!

И она нетерпѣливымъ движеніемъ еще ниже спустила тюль ворота, какъ-бы желая увеличить преступленіе. Она вышла на сцену съ пылающими щеками и разгорѣвшимися глазами, что̀ необыкновенно подходило къ ея роли въ третьемъ актѣ. Публика встрѣтила ее аплодисментами, а Эстрелла вооружился биноклемъ. Романъ, увидя эту чудную нимфу въ голубомъ тарлатанѣ, съ обнаженными красивыми плечами и руками, весь задрожалъ, вскочилъ съ кресла и вышелъ въ корридоръ. Онъ былъ такъ раздраженъ, что не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ высокій кабальеро и остановилъ его.

— Э, другъ мой! Куда это вы?

— Сейчасъ приду! пробормоталъ онъ.

— Не забудьте... Послѣ слѣдующаго антракта поется баркаролла.

Романъ выбѣжалъ, какъ сумасшедшій, изъ зданія клуба. Корона давила его подъ полой сюртука. Онъ выхватилъ ее и отбросилъ далеко отъ себя. Что же, вернуться въ театръ? Выслушивать опять сужденія о красотѣ Кончи? Нѣтъ, никогда! И съ отчаяніемъ насвистывая баркароллу, онъ скрылся въ темнотѣ.

Между тѣмъ Конча испытывала странное ощущеніе. Публика, равнодушная въ первомъ актѣ, взволнованная во второмъ, положительно неистовствовала въ третьемъ. Это отно-

шеніе къ ней публики придавало ей удивительное оживленіе. Съ каждымъ новымъ аплодисментомъ она играла все лучше и лучше, совсѣмъ забыла ссору съ своимъ женихомъ и какъ бы слилась во-едино съ этой толпой.

А тамъ, за кулисами, стояли двѣ соперницы Кончи и перешептывались между собой. Онѣ все замѣтили, и восторгъ Эстреллы, и бѣгство Романа, и его ссору съ невѣстой въ антрактѣ. На минуту онѣ примолкли, замѣтивъ, что къ кулисамъ подошла Долоресъ. Но въ это время раздался новый взрывъ аплодисментовъ, и актрисы снова стали перешептываться. Долоресъ сдѣлала разсѣянный видъ, но слышала все.

Когда Конча вышла со сцены, она съ радостнымъ чувствомъ бросилась въ объятія Долоресъ.

— Ты видѣла, какъ мнѣ аплодировали? Ты слышала?

— Ступай, ступай скорѣе переодѣваться, прошептала старшая сестра, накидывая на ея плечи шаль.

Когда онѣ вошли въ гардеробную, она, помогая Кончѣ разстегивать лифъ, спросила ее тихо:

— А Романъ? Правда, что его нѣтъ въ театрѣ?

— Ахъ, Господи! Почему же я знаю? Да, мнѣ показалось, что онъ вышелъ...

— Вышелъ? Куда? Почему это?

— Почему же я знаю?

— Конча, Конча! Напрасно ты это дѣлаешь! Мущины очень нетерпѣливы и скоро устаютъ отъ этихъ сценъ. Ты сегодня привлекла всеобщее вниманіе. О тебѣ ужь Богъ знаетъ что̀ говорятъ... Чего же ты хочешь?

— Ахъ, оставь меня. Ай, ты меня уколола булавкой! Ты сегодня за-одно съ Романомъ...

Она произнесла эту фразу чуть не плача, какъ нервные люди, которые отъ сильнаго возбужденія моментально чувствуютъ упадокъ духа. И почти громко, не обращая никакого вниманія на присутствіе Розаліи, она сказала, что все это ей крайне непріятно, что она не сдѣлала ровно ничего дурнаго, и что, если любовь Романа не можетъ выражаться иначе, то пусть онъ ее оставитъ. Это глупо со стороны Долоресъ огорчаться этимъ. Вѣроятно уже Романъ поетъ теперь свою баркароллу. А если нѣтъ, то и Богъ съ нимъ. И, говоря это, она переодѣлась и подошла къ кулисамъ посмотрѣть на сцену.

Хоръ уже былъ разставленъ полукругомъ, впереди котораго находился распорядитель; всѣ были въ черныхъ сюрту-

кахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, но видимо не знали, куда дѣвать своихъ рукъ. Когда залу вполнѣ освѣтили, Конча замѣтила, что жениха ея тамъ не было. Вотъ капризникъ! Куда же это онъ дѣлся? Наконецъ, раздалась увертюра баркароллы, а Романа все не было. Достанется же ему завтра! Не поднесъ даже ей корону!

Между тѣмъ раздались звуки баркароллы; Конча слушала машинально; ея нервы были сильно разстроены, ей стало грустно, подъ эту мелодію поэтичной пѣсни она почувствовала какое-то смутное желаніе любви. И зачѣмъ именно сегодня все это случилось? Именно сегодня, когда ея женихъ долженъ былъ быть такъ доволенъ! Ей вспомнился поцѣлуй въ саду, и сдѣлалось еще грустнѣе... Ее вывели изъ задумчивости нѣсколько лицъ, подошедшихъ ее поздравить съ успѣхомъ, и сотрудникъ какого-то періодическаго изданія, говорившій ей одобрительно:

— Мы уже знаемъ, уже знаемъ, что имѣемъ въ васъ знаменитую артистку, могущую поднять испанскій театръ.

Эстрелла ушелъ изъ своей ложи, поговоривъ нѣсколько минутъ съ Гормасомъ. Кресла уже начинали пустѣть. Долоресъ и Конча́, собравъ свои костюмы, также ушли. Онѣ шли молча, потому что имъ было о чемъ думать, и думы ихъ были совершенно различны. Когда онѣ легли, то въ кроватяхъ тоже не разговаривали.

Онѣ были крайне удивлены, когда на другой день, часовъ въ восемь утра, въ ихъ дверь кто-то скромно постучался, и онѣ увидали передъ собой Гормаса. Бѣдняжка поднялся на четвертый этажъ, мучимый своей астмой. Ему вѣжливо предложили мѣсто на диванѣ, но онъ скромно удовольствовался потертымъ стуломъ. Кряхтя и по-минутно покашливая, онъ объяснилъ цѣль своего прихода. Онѣ уже, навѣрное, догадались? Послѣ успѣха, который вчера имѣла Кончита, нельзя было сомнѣваться, что ея призваніе сцена. Онъ, конечно, самъ никогда не осмѣлился бы предложить ей это, но теперь, когда самъ знаменитый Эстрелла далъ ему порученіе... Да-съ, самъ Эстрелла! Онъ предлагаетъ Essential Кончѣ учиться въ теченіе года, получать небольшое жалованье, а затѣмъ уже за большой гонораръ выступить въ качествѣ ingénue...

Конча слушала съ полуоткрытыми губами и блестѣвшими глазами. Но не успѣлъ Гормасъ еще окончить своей рѣчи,

какъ Долоресъ вскочила съ дивана, какъ ужаленная, и съ негодованіемъ воскликнула:

— Меня очень удивляетъ, синьоръ Гормасъ, что вы пришли къ намъ съ такими предложеніями; всякій, кто насъ знаетъ, считаетъ мою сестру за честную дѣвушку. Мы совсѣмъ не ожидали ничего подобнаго. Моя сестра никогда не будетъ *фигляркой;* нѣтъ, синьоръ!

Страшный кашель помѣшалъ Гормасу тотчасъ же отвѣтить ей. Когда онъ немного успокоился, онъ возразилъ ей прерывающимся голосомъ:

— Вы, вѣроятно, не поняли, Долоресъ, что я вамъ говорилъ. Я пришелъ сюда съ самыми серьезными намѣреніями... Не только эта синьорита, которая живетъ своей работой, но очень образованныя особы, да-съ, очень образованныя, считаютъ за честь быть принятыми на сцену. Поняли? Знаете ли вы, что такое значитъ артистка? Нѣтъ профессіи болѣе благородной, болѣе высокой, чѣмъ профессія артистки! Вы говорите, что ваша сестра никогда не будетъ *фигляркой!* Что-за слова слышу я при концѣ моей жизни!...

Долоресъ поняла, что сказала неловко, и хотѣла оправдаться.

— Ради Бога, синьоръ де-Гормасъ, не подумайте, что я хотѣла оскорбить васъ... Я только хотѣла сказать, что дѣвушки, идущія по этой дорогѣ, часто подвергаются...

— Чему, чему подвергаются? вскричалъ онъ, какъ разъяренный левъ.

— Такъ... пролепетала Долоресъ, вспомнивъ, что она пала и не бывъ актрисой. — Но дѣло въ томъ, что моя сестра... Что у ней скоро назначена свадьба съ однимъ молодымъ человѣкомъ...

— Дѣло въ томъ,—заявилъ Гормасъ,—что ни вы, ни я, мы ничего не можемъ тутъ рѣшить... Ваша сестрица молчитъ... А она-то и должна говорить. Не правда ли? Пусть будетъ, какъ она хочетъ, такъ какъ дѣло касается ея будущности.

— Я надѣюсь, что она поступитъ такъ, какъ ей посовѣтуетъ ея сестра, отвѣтила Долоресъ.

— А что ты сама скажешь, Кончита?

Конча опустила глаза и прошептала глухимъ голосомъ:

— Я... какъ же вы хотите... такъ скоро. Объ этихъ вещахъ надо подумать... Не знаю, право; вы меня застали совсѣмъ врасплохъ.

— Ну вотъ это дѣло!—сказалъ Гормасъ, вставая. Я и не

требую немедленнаго отвѣта. Подумай объ этомъ, дитя мое, подумай весь сегодняшній день. Сегодня вечеромъ, когда вы вернетесь изъ мастерской, я зайду за отвѣтомъ, потому что Эстрелла, у котораго скоро кончается контрактъ, уѣзжаетъ въ Сарагоссу и ему нужно какъ можно скорѣе знать рѣшеніе Кончи. Такъ до свиданія!

И вновь закашлявшись, онъ сталъ спускаться съ лѣстницы.

Когда сестры остались однѣ, Долоресъ краснорѣчиво сложила руки на груди, подняла голову и, не говоря ни слова, уставилась на কончу. Конча прекрасно поняла ея мимику, но также не произносила ни слова, что̀ еще больше разсердило Долоресъ, потому что она видѣла въ этомъ нежеланіе сестры совѣтоваться съ ней. Долоресъ чувствовала себя страшно взбѣшенной. Она привыкла, чтобы Конча во всемъ повиновалась ей, и вдругъ, изволите ли видѣть, она желаетъ сама распоряжаться своею судьбой. Для Долоресъ Конча скорѣй была дочерью, чѣмъ сестрой, дочерью, которой она посвятила и свою молодость и свой трудъ и свою жизнь. И теперь дѣвочка хочетъ сама распоряжаться своею жизнью, идти на вѣрную погибель, рыскать по свѣту, въ поискахъ за какими-то приключеніями въ актерской труппѣ! Отъ этого можно было придти въ отчаяніе! Наконецъ, она произнесла сердитымъ голосомъ:

— Что же ты молчишь, какъ дура? Что у тебя языка что ли нѣтъ?

Конча, какъ будто ничего не слыша, взяла со стула свою мантилью и стала передъ зеркаломъ одѣваться, чтобы идти въ мастерскую. Долоресъ снова стала передъ ней.

— Не отвѣчаешь? Что же ты думаешь, я шучу?

— Чего ты отъ меня хочешь? воскликнула съ утомленіемъ Конча, переставъ одѣваться.

— Чтобы ты мнѣ сказала, что̀ ты отвѣтишь этому... фигляру,—проговорила съ презрѣніемъ старшая сестра.

— Ахъ, да почему я знаю, что̀ я отвѣчу... У насъ, слава Богу, впереди цѣлый день, для того чтобы думать объ этомъ,—прибавила она спокойно.

— Да развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе? Неужели тебѣ приходитъ въ голову поступить въ театръ?

— Ахъ, оставь меня!—прошептала Конча дрожащими губами. У насъ еще цѣлый день впереди; оставь меня въ покоѣ до вечера.

Долоресъ вся измѣнилась въ лицѣ. Въ ней сказалась дере-

венская, невоспитанная дѣвушка, когда она, поднявъ кулаки на Кончу, грубо закричала ей:

— Смотри, я тебя исколочу когда-нибудь!

Конча вся поблѣднѣла, не говоря ни слова, слегка отклонила ея руки и стала застегивать мантилью. Когда она была готова, она хотѣла выйти, и Долоресъ, видя это, тоже взяла свою мантилью и пошла за ней.

Онѣ шли молча и, придя въ мастерскую, перекидывались тамъ только нѣсколькими словами. Этотъ рукавъ узокъ, плохо сметанъ, въ этомъ плечѣ жметъ, надо его перекроить... Что больше всего возмущало Долоресъ, такъ это то, что модистки ни на минуту не переставали перешептываться о вчерашнемъ успѣхѣ Кончи и о зависти двухъ другихъ актрисъ. Дѣвушки считали какъ-бы за честь для себя имѣть въ числѣ мастерицъ такую извѣстную актрису.

Конча едва отвѣчала на ихъ вопросы, и только легкая улыбка играла на ея губахъ, когда она шила на машинкѣ и кроила. Внутренно она, не переставая, разговаривала сама съ собой. Несмотря на ея вчерашній успѣхъ, ей никогда не приходила въ голову мысль сдѣлаться *взаправду* актрисой. Она думала, что между любительницей и настоящей актрисой цѣлая пропасть. Предложеніе Гормаса смутило и обрадовало ее. Почему же нѣтъ? Она могла бы сдѣлаться актрисой, каждый вечеръ играть на сценѣ, слышать аплодисменты, путешествовать по разнымъ, невиданнымъ ею, городамъ... Какая прекрасная, благородная карьера... Почему Долоресъ не хочетъ этого? Она боится ее оставить? Да вѣдь онѣ могли бы никогда не разставаться. Можетъ быть, она боится за ея поведеніе. Но развѣ въ Маринедѣ, въ этой самой мастерской, гдѣ онѣ работали, дѣвушки не гибнутъ на каждомъ шагу.

Она думала все это, а ножницы такъ и ходили въ ея проворныхъ рукахъ. Ихъ металлическій звукъ отвлекъ ея мысли въ другую сторону.—Конечно, эта незнакомая дорога нѣсколько пугала ее. Онѣ съ сестрой бѣдны, но, слава Богу, до сихъ поръ не имѣли недостатка въ кускѣ хлѣба; а она слышала, что актрисы порой чуть не умираютъ съ голоду, что онѣ выходятъ на сцену въ нарядныхъ платьяхъ, а сходятъ съ нея чуть не въ одной рубашкѣ. Да что далеко ходить, въ Маринедѣ разсказываютъ, что самъ Эстрелла, когда онъ былъ антрепренеромъ большой труппы, не могъ выплатить жалованья всѣмъ артистамъ. И это навлекло на него массу непріятностей. Она вспом-

нила, какъ разъ, вечеромъ, она встрѣтила группу актеровъ и актрисъ, выходившихъ изъ театра въ довольно подержанныхъ мантильяхъ и плащахъ, и вспомнила, что они вели довольно свободные разговоры. Быть можетъ, Долоресъ и права...

Мимо оконъ мастерской прошло нѣсколько молодыхъ людей, напѣвавшихъ баркароллу Орфеона. Тогда Конча вспомнила о своемъ женихѣ. Что скажетъ онъ, если она поступитъ на сцену? Но что же онъ можетъ сказать, послѣ его вчерашняго отношенія къ ней? Не выставилъ ли онъ ее въ смѣшномъ видѣ передъ всѣми, уйдя изъ театра и не преподнеся ей корону? На минуту она перестала шить на машинѣ, смущенная воспоминаніемъ о сценѣ въ саду. Хорошо же онъ отблагодарилъ ее! Уже изъ-за одного этого ей хотѣлось поступить противъ его желанія, выбрать себѣ самостоятельную дорогу и показать, что она нисколько въ немъ не нуждается. Какъ онъ взбѣсится! Но развѣ хорошо было съ его стороны ссориться съ нею въ *такой день?*

Въ то время какъ Конча кроила и наметывала, Долоресъ съ неистовствомъ шила; ея пальцы такъ и летали по матеріи. Но около четырехъ часовъ она встала, сложила работу и приготовилась уходить. Конча, видя, что она совсѣмъ измѣнилась въ лицѣ, подошла къ ней и спросила, не больна ли она. Долоресъ отвѣтила ей серьезно.

— Я иду не домой, нѣтъ... со мной ничего не случилось. Господи, какъ ты волнуешься! Оставь меня, пожалуйста. Я иду туда, куда мнѣ надо идти. Я зайду за тобой вечеромъ. Въ случаѣ же, если я не приду, то возвращайся домой и жди меня.

Долоресъ пошла въ церковь. Въ церкви почти никого не было, она была погружена въ полутемноту, и какъ только Долоресъ вошла туда, она почувствовала себя сразу гораздо спокойнѣе. Тишина и легкій запахъ ладона, свойственные храмамъ, всегда дѣйствуютъ успокоительно. Она смочила себѣ лобъ святою водой, и это освѣжило ея мысли. Она направилась къ правому притвору, къ часовнѣ Virgen del Amparo, передъ образомъ которой горѣла уединенная лампада. Въ углу, около исповѣдальни, молились двѣ старушки, одна изъ нихъ исповѣдывалась дрожащимъ голосомъ. Долоресъ стала молиться. Когда старушки ушли, она подошла къ исповѣдальнѣ. Патеръ наклонился къ ней; въ маленькое окошечко виденъ былъ только аскетическій профиль его лица и ухо, готовое все выслушать. Онъ заговорилъ тихо, но ясно.

— Я видѣлъ, какъ ты вошла... ты мнѣ показалась разстроенной, и я постарался поскорѣе отпустить этихъ исповѣдницъ.

Долоресъ быстро разсказала ему всѣ происшествія вчерашняго дня, предложенія Гормаса, состояніе своей сестры, словомъ все. По мѣрѣ того, какъ она говорила, ея сердце смягчалось все болѣе и болѣе, и вскорѣ успокоительныя слезы ручьемъ полились по ея щекамъ.

Голосъ исповѣдника остановилъ ее.

— Нечего огорчаться... Напрасно ты обвиняешь себя. Я не вижу здѣсь никакой неосторожности съ твоей стороны и никакой глупости—съ ея. Я вѣдь предупреждалъ тебя, что эти театры очень опасны, и даже совѣтовалъ тебѣ разомъ прекратить все это. Ты конечно виновата больше, чѣмъ она. Вотъ ты теперь видишь, что зло приходитъ оттуда, откуда мы его всего менѣе ожидаемъ.

— Да, да! синьоръ, я это вижу, но что дѣлать... Мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобы моей сестрѣ предложили сдѣлаться актрисой. Только одному демону можетъ придти такая мысль.

— Но вѣдь слезами ты ничему не поможешь. Успокойся, дитя мое.

— Я вижу, что она пропадетъ на этомъ пути... Она красива и я... это дурно съ моей стороны такъ думать о ней... Да проститъ меня Богъ.

— Скажи, что же ты думала?

— Я никакъ не могу выбить себѣ изъ головы, что она нравится не какъ актриса, а просто какъ красивая, невинная дѣвушка. Ахъ, синьоръ,—этотъ знаменитый актеръ въ театрѣ такъ и пожиралъ ее глазами... Я не хочу, я не хочу, синьоръ, чтобы моя сестра погибла; довольно и того, что погибла я.

— Быть можетъ твои мысли и имѣютъ основанія, прошепталъ исповѣдникъ, но главное то, что эта карьера очень рискованна и на ней легко сбиться съ прямаго пути... Я конечно не хочу сказать, что актриса не можетъ быть честной женщиной... Но кто играетъ съ огнемъ...

— Тотъ можетъ обжечься, синьоръ; да, именно обжечься, это-то меня и пугаетъ,—сказала Долоресъ.

Они помолчали нѣсколько минутъ, во время которыхъ было слышно только нѣсколько учащенное дыханіе модистки. Наконецъ, исповѣдникъ сказалъ:

— Пошли ее ко мнѣ. Я поговорю съ ней.

— Она не хочетъ, синьоръ, не хочетъ... Она говоритъ, что исповѣдываться надо только одинъ разъ въ годъ, а такъ какъ она дѣлаетъ это три или четыре раза въ годъ, то съ нея этого совершенно довольно. Она говоритъ, что не грѣшитъ такъ много, чтобы исповѣдываться каждую минуту. Да, теперешнія дѣвушки совсѣмъ не религіозны! Онѣ привыкли слышать массу глупостей въ самихъ мастерскихъ и читаютъ такую чушь въ газетахъ...

Лицо патера приняло серьезное выраженіе.

— Почему ты не поручишь жениху выбить изъ ея головы эти мысли? Для него она гораздо скорѣе сдѣлаетъ это, чѣмъ для тебя, сказалъ патеръ.

— Къ несчастію, синьоръ, она со вчерашняго дня въ ссорѣ съ нимъ. Онъ ушелъ изъ театра, разсерженный тѣмъ, что она въ третьемъ актѣ вышла декольтированная.

— Ба! Эти ссоры влюбленныхъ, какъ дѣтскія слезы, никогда долго не длятся... Ты вѣдь говорила, кажется, что онъ порядочный малый?

— О, да! Я готова за него въ огонь и въ воду.

— Онъ очень любитъ твою сестру?

— Онъ безъ ума отъ нея.

— И... ты думаешь, что онъ на ней женится?

— Онъ откладываетъ свадьбу только потому, что копитъ деньги, чтобы купить мастерскую, гдѣ работаетъ. Онъ только и мечтаетъ о свадьбѣ!

— А... твоя сестра, она любитъ его?

— Ужь я не знаю, какъ сказать, синьоръ... Эти дѣвушки не понимаютъ своего блага. Мнѣ кажется, что она его любитъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

— Ну, а что они говорятъ когда-нибудь между собою наединѣ?

— О, въ этомъ отношеніи я совершенно спокойна, синьоръ... Я ни разу не оставила ихъ вдвоемъ... Когда онъ провожаетъ насъ изъ мастерской, я иду между ними, какъ вѣрный стражъ. Они не сказали вдвоемъ двухъ-трехъ фразъ.

— Прекрасно, прекрасно!.. Но даже и въ хорошемъ не слѣдуетъ пересаливать... Мнѣ кажется, что ты ужь слишкомъ строга, а? Все имѣетъ свои границы...

— Но, такъ какъ вы сами сказали, чтобы я строго наблюдала за ними...

На лицѣ патера выразилась легкая иронія.

— Ты хорошо дѣлала, что наблюдала, но не надо быть такой строгой. Для того, чтобы люди лучше поняли другъ-друга, между ними должна быть нѣкоторая откровенность... Если бы женихъ былъ поласковѣе съ ней, то ей въ голову не пришло бы поступать на сцену.

Долоресъ съ изумленіемъ смотрѣла на строгій профиль патера. Ни разу онъ не далъ ей неосновательнаго совѣта, и теперь его слова до крайности удивляли ее.

— Да, мнѣ кажется, милая, что ты должна поступать именно такъ... Не слишкомъ вмѣшивайся въ сердечныя дѣла твоей сестры. Пусть женихъ поговоритъ съ ней... поспоритъ... наединѣ... то-есть на свободѣ. Поняла? и ты увидишь, что тебѣ нечего огорчаться.

Долоресъ вышла изъ церкви съ облегченнымъ сердцемъ. Она пошла по направленію къ мастерской, такъ какъ уже темнѣло и фонарщикъ, торопливо пробѣгая по улицѣ, зажигалъ фонари. Шелъ мелкій дождь; она подошла къ двери и въ испугѣ отскочила отъ нея, увидавъ передъ собою человѣка.

— Это я, не бойтесь,—сказалъ ей ласковый голосъ Романа.

— Какъ вы меня испугали, Романъ! Вы ждете Кончу?

— Именно... и васъ также... Потому что мнѣ надо сказать вамъ большую новость, хорошую новость.

— Ну, слава Богу! Такъ значитъ вы оставили вчерашніе капризы? Что-за мущины! Точно сумасшедшіе, прости Господи!

При свѣтѣ фонаря Долоресъ замѣтила, что Романъ смущенно опустилъ голову.

— Что же вы хотите... Я знаю, что вы правы, я поступилъ дурно, даже глупо. У меня такой ужь характеръ, но я сейчасъ же готовъ сознаться въ своей ошибкѣ и самъ казнить себя.

— Ну-ну, это ничего... Только Кончѣ это было очень непріятно. И потомъ люди сейчасъ уже рады поточить язычки на чужой счетъ.

— Ну, теперь слава Богу—воскликнулъ весь сіяющій радостью женихъ, все это кончится, и у насъ не будетъ причинъ къ ссорамъ. У меня въ карманѣ лежитъ письмо, гдѣ говорится, что меня приглашаютъ главнымъ прикащикомъ въ хорошую мастерскую, и если Конча хочетъ, то мы можемъ сыграть свадьбу во время Карнавала или на Пасхѣ... Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Долоресъ съ недовѣріемъ и скрытой радостью смотрѣла на него. Изъ ея головы не выходили слова исповѣдника. Не надо мѣшать сестрѣ, пусть она поговоритъ съ женихомъ съ глазу на глазъ. Романъ пришелъ переговорить о свадьбѣ, и если она сейчасъ же скажетъ ему, что на это осталось очень мало надежды, то онъ, съ его невоздержаннымъ характеромъ, можетъ сдѣлать непріятность Randomчѣ, и она только упорнѣе будетъ стоять на своемъ рѣшеніи. Долоресъ не довѣряла ловкости жениха. Къ тому же ей жаль было разочаровать его именно теперь, когда онъ такъ надѣялся на скорую свадьбу.

— Пусть она сама скажетъ ему, какъ умѣетъ, подумала она.

И фамильярно положивъ руку на плечо столяра, она воскликнула:

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли, потому что мнѣ необходимо сдѣлать нѣкоторыя покупки, и я должна идти сейчасъ же. Вы доведете Randomчу до дому, не правда ли?

Женихъ открылъ ротъ отъ изумленія; онъ не привыкъ къ такимъ поступкамъ своей будущей свояченицы, бывшей до сихъ поръ вѣрнымъ сторожемъ своей сестры; Долоресъ догадалась о этихъ мысляхъ и прибавила шутливо:

— Такъ какъ вы пришли съ хорошими вѣстями, то и передайте ей ихъ лично; я не хочу лишать васъ этого удовольствія. Будьте же любезны, проводите ее и подождите меня дома.

Здѣсь удивленіе Романа уже не имѣло границъ. Долоресъ просила его подождать ее дома *вдвоемъ* съ Randomчей!

Она позволяла ему прійти въ комнату Randomчи, между тѣмъ какъ раньше не пускала дальше перваго этажа! Такъ какъ это позволеніе вполнѣ согласовалось съ его желаніемъ, то онъ радостно отвѣтилъ:

— Будьте покойны!

Долоресъ завернулась въ свою мантилью и пошла. Отойдя нѣсколько шаговъ, она почувствовала страхъ и, обернувшись къ жениху, сказала ему:

— Смотрите же, ведите себя хорошо! Сейчасъ же возвращайтесь домой!

Она засмѣялась и пошла по направленію къ церкви, но по дорогѣ зашла въ магазинъ и, чтобы убить время, она нѣсколько разъ перебирала одинъ и тотъ же мадапаламъ и коленкоръ. Сначала выбрала толстые носовые платки, но затѣмъ, какъ бы передумавъ, взяла потоньше. Она не знала, какъ бы продлить

время. Порою ей казалось, что она только-что оставила Романа, а порою, что она оставила его уже давно. Наконецъ ей завернули ея покупки, и она отправилась домой. Дорога шла мимо церкви; сквозь отворенныя двери она увидѣла образа; вспомнила совѣтъ исповѣдника, замедлила шагъ и зашла въ другой магазинъ. Такимъ образомъ она проходила цѣлый часъ.

Подымаясь по неосвѣщенной лѣстницѣ, она услыхала шумъ вверху, кто-то зажегъ спичку, и она увидѣла передъ собой двухъ мужчинъ. Раздался кашель, доказывавшій присутствіе Гормаса, который, зажигая спичку, освѣщалъ путь Эстреллѣ.

Долоресъ тотчасъ же узнала Гормаса; она не забыла утренняго событія. Онъ съ достоинствомъ поклонился модисткѣ и спросилъ, дома ли ея сестра, какъ будто желая доказать, что честь его визита относится къ одной Кончѣ. Вѣрная своей дипломатіи, Долоресъ отвѣтила, что сестра ея теперь вѣроятно уже дома, такъ какъ работа въ мастерской окончилась. Она пробормотала нѣсколько фразъ о темнотѣ лѣстницы и извинилась, что имъ приходится такъ высоко подниматься.

— Осталось только два этажа! успокоительно прибавила она.

Мужчины съ трудомъ поднимались; Гормасъ кашлялъ, задыхаясь отъ астмы; Эстрелла присѣлъ на перила. У дверей квартиры, когда Гормасъ сталъ ощупью искать звонка, Долоресъ сказала ему:

— Не надо... здѣсь есть ключъ.

И дѣйствительно ключъ, торчавшій въ двери, доказывалъ разсѣянность того, кто вошелъ первый. Оставалось только отворить дверь и войти въ единственную комнату этого рабочаго палаццо.

На машинномъ столикѣ ярко горѣла лампа и освѣщала комнату съ ея двумя чистыми кроватями. Здѣсь было такъ уютно, и на диванѣ, гдѣ обыкновенно были разложены платья, теперь сидѣла парочка, такъ близко другъ къ другу, что казалось, что тутъ говорили шопотомъ и вполнѣ отъ души. Они быстро встали, увидя вошедшихъ, она—вся смущенная и покраснѣвшая, онъ—серьезный и удивленный. Гормасъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые придаютъ особое значеніе интимности влюбленныхъ; онъ поклонился Роману, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и началъ безъ обиняковъ:

— Кончита, сказалъ онъ, вотъ самъ синьоръ Эстрелла пришелъ узнать о результатѣ нашего сегодняшняго разговора.

Конча не знала, какъ ей себя держать, предложила акте-

рамъ сѣсть на диванъ и начала извиняться, что она принимаетъ ихъ такимъ образомъ, какъ будто она могла принять ихъ какъ-нибудь иначе. Гормасъ остановилъ потокъ ея извиненій, сказавъ:

— Не безпокойся, дитя мое... Намъ здѣсь прекрасно. Мы хотимъ только знать отвѣтъ, больше ничего.

— Именно, дитя мое, прибавилъ Эстрелла своимъ любезнымъ тономъ. Дайте намъ отвѣтъ, и мы не будемъ васъ долго задерживать.

Конча кинула на Долоресъ краснорѣчивый взглядъ, просившій защиты, но Долоресъ, вѣрная себѣ, молчала.

— Я не знаю... прошептала дѣвушка. Какъ хочетъ моя сестра.

Романъ стоя присутствовалъ при этой сценѣ, ничего не понимая въ ней.

— Присядьте, молодой человѣкъ, сказалъ ему Гормасъ.

— Очень вамъ благодаренъ, я постою.

Долоресъ, сдѣлавъ невинное лицо, спокойно отвѣтила.

— Нѣтъ, милая, ты сама должна рѣшить это... Я тутъ ничего не смыслю. Тутъ дѣло идетъ о всей твоей жизни... Я умываю руки.

— Ваша сестрица совершенно права, подтвердилъ Гормасъ. Вы сами должны рѣшить, Кончита... Будьте же откровенны.

Конча посмотрѣла въ полъ, потерла себѣ руки, глубоко вздохнула и наконецъ сказала:

— Я... сказать по правдѣ... признаюсь... что мнѣ не нравится... что я не думаю поступать на сцену... Нѣтъ, синьоръ. Я размышляла и рѣшила, что я не пойду на сцену.

Эстрелла и Гормасъ одновременно встали, въ нѣкоторомъ смущеніи. Они оба поняли, что настаивать тутъ было бы безполезно. Они разсыпались въ извиненіяхъ и немедленно стали спускаться съ лѣстницы. Долоресъ свѣтила имъ со свѣчкой въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись. Когда они вышли на улицу, она перекрестила имъ слѣдъ рукой и прошептала сквозь зубы:

— Ступайте себѣ съ Богомъ и никогда больше не возвращайтесь сюда!

Гормасъ и Эстрелла шли молча и вдругъ посмотрѣли одинъ на другаго такимъ взглядовъ, въ которомъ сказывалось, что они прекрасно поняли другъ друга.

— Мы наткнулись на препятствіе въ видѣ жениха, со вздохомъ сказалъ Гормасъ.

— Это самое непріятное препятствіе! подтвердилъ Эстрелла. Какъ жаль эту дѣвушку! Она такъ напоминаетъ голосомъ Консепчіонъ Родригесъ. Театръ много потерялъ съ нею...

— Ба, прошепталъ Гормасъ! Кто знаетъ, быть можетъ, ея женихъ дастъ ей больше счастія, чѣмъ дала бы сцена.

— Гмъ!... Не думаю, проговорилъ Эстрелла, и они скрылись за угломъ улицы.

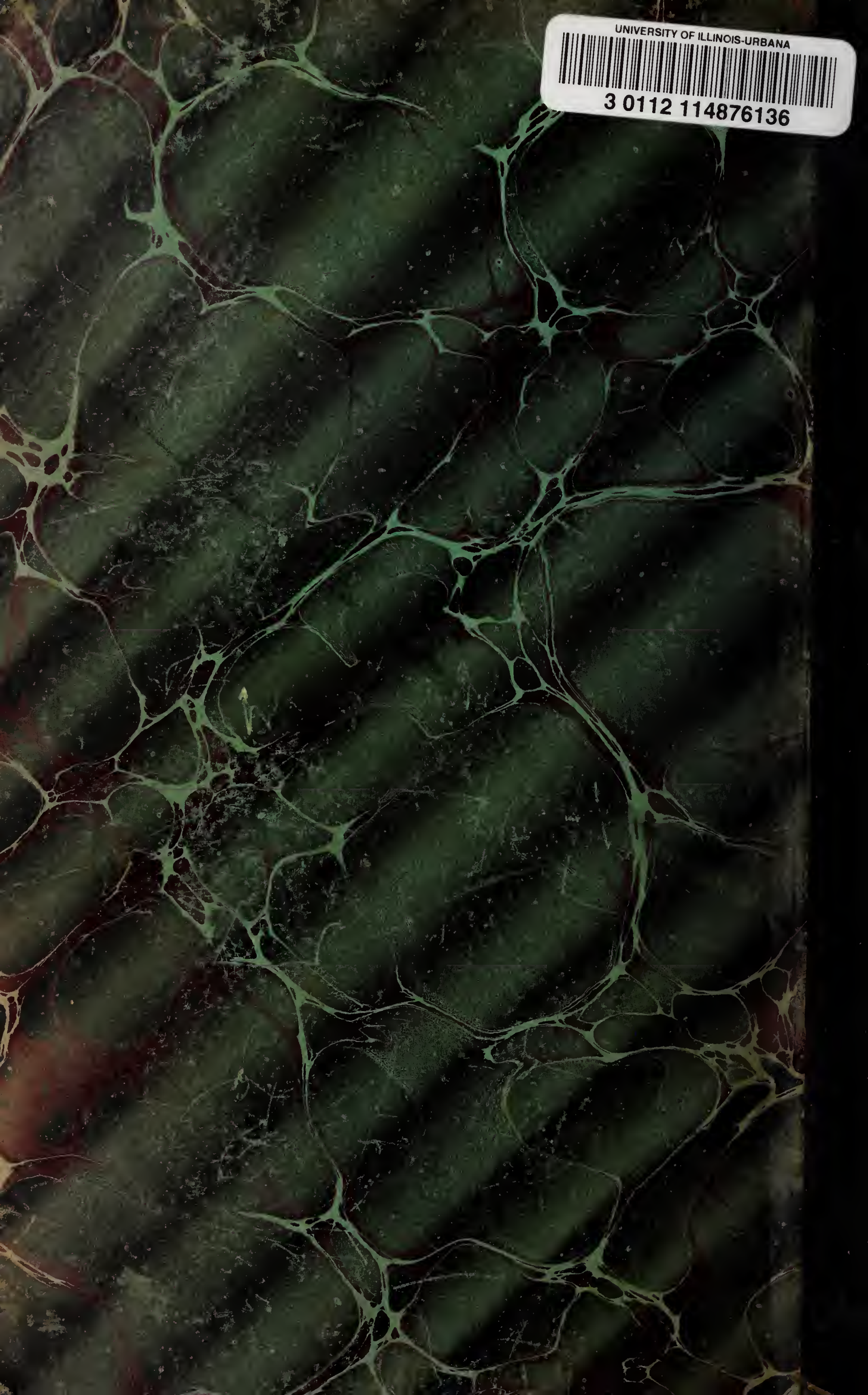
КОНЕЦЪ.

Статьи, присланныя въ редакцію безъ условій, предоставляются въ полное распоряженіе ея относительно сокращеній, срока помѣщенія и оплачиваются по существующимъ въ журналѣ гонорарамъ. Стихотворенія, къ печати неудобныя, не возвращаются.



Редакторъ-издатель **Ф. Бергъ.**

Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“, Больш. Подъяч., № 39.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 114876136